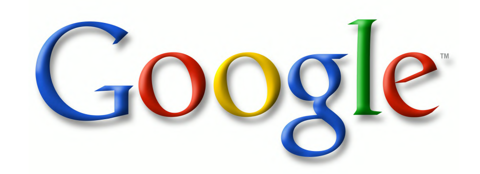
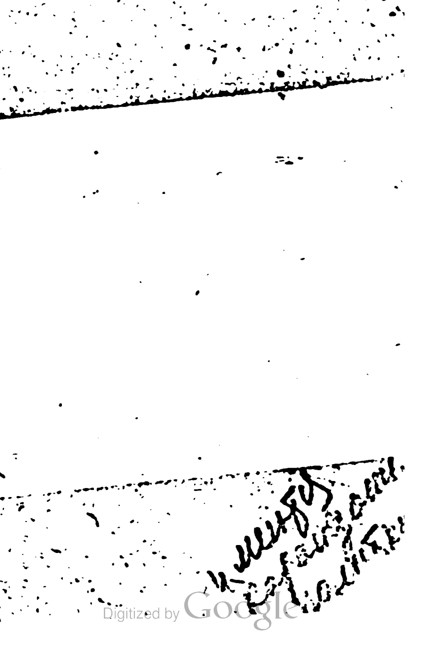


PROPERTY OF
University of
Michigan
Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1962

Zelinskii, Vasilii Apolonovich. Sobranie kriticheskikh materialov dlia izucheniia proizvedenii I. S. Turgeneva. Moscow, 1884.

University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan



СОБРАНІЕ

КРИТИЧЕСКИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ

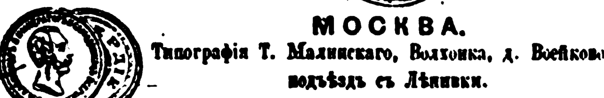
ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

СОСТАВИЛЪ

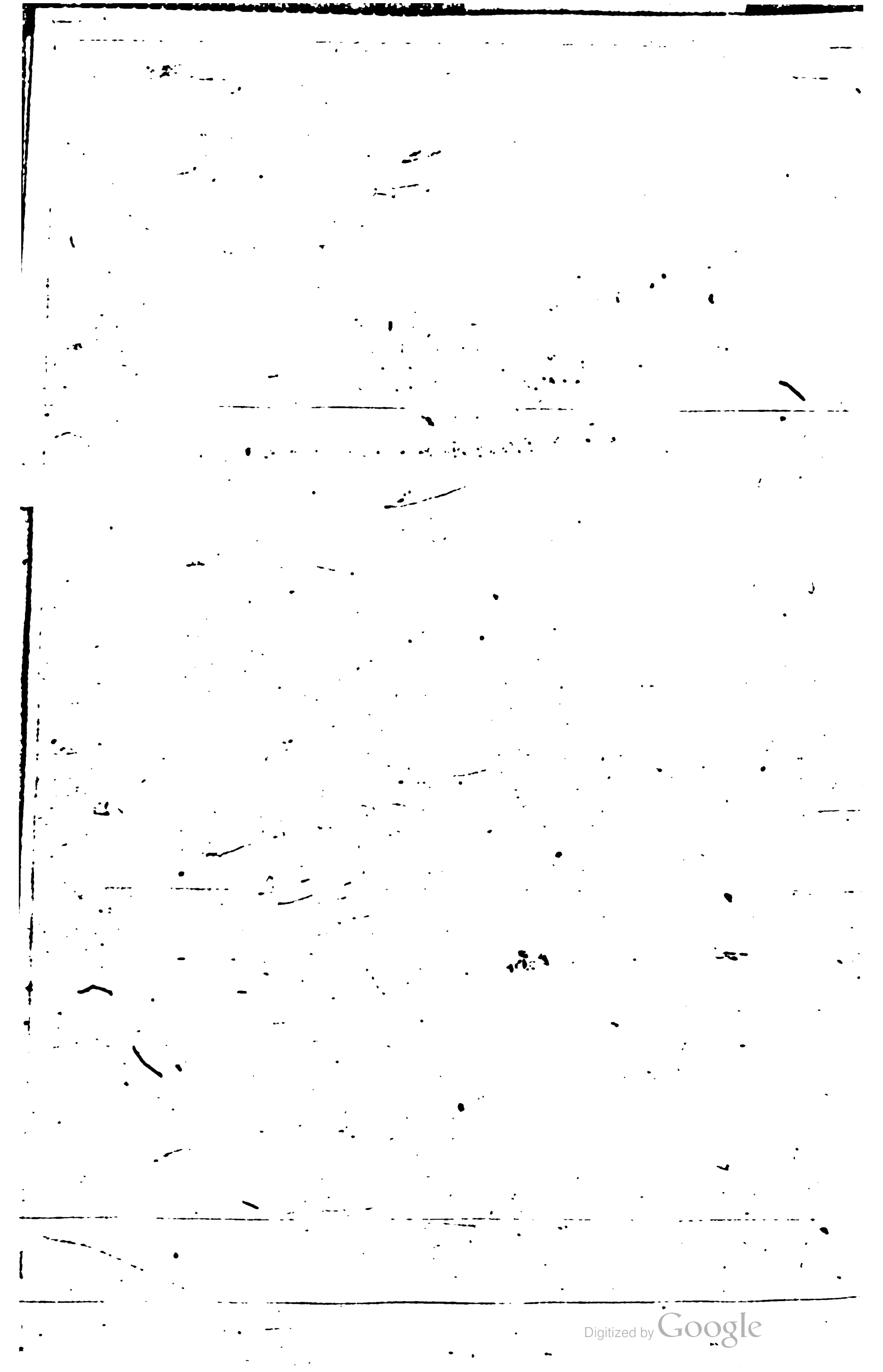
В. ЗЕЛИНСКІЙ.

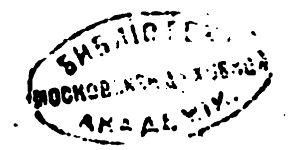


МОСКВА.
Типографія Т. Малинскаго, Волхонка, д. Воейковой, подъѣздъ съ Лѣпивки.
1884.

Пуб. Библ.
имени
В. И.
ЛЕНИНА
СССР

ОГЛАВЛЕНІЕ.





ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нельзя утаить того грустнаго факта, что русское читающее общество, за весьма немногимъ исключеніемъ, очень индифферентно относится къ литературной критикѣ. Нерѣдкость встрѣчать неразрѣзанными листы въ критическихъ отдѣлахъ журналовъ даже въ болѣе или менѣе многолюдныхъ библіотекахъ и кабинетахъ для чтенія, тогда какъ легкія беллетристическія произведенія талантливыхъ авторовъ буквально поглощаются публикою. Находя неумѣстнымъ касаться здѣсь причинъ этого явленія, я не могу однако не выразить глубокаго убѣжденія, что подобное отношеніе русскаго общества къ литературной критикѣ весьма пагубно отзывается на его умственномъ развитіи. Безспорно, главнѣйшій двигатель умственнаго и нравственнаго прогресса въ Россіи—это литература; слѣдовательно, какъ много выиграла бы русская цивилизація, если-бы по крайней мѣрѣ, хоть только художественная литература, такъ широко и быстро распространяющаяся въ нашемъ обществѣ, усвоивалась имъ болѣе осмысленно, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ! Никто не станетъ отрицать того, что подавляющее большинство ищетъ въ чтеніи художественныхъ произведеній лишь дешеваго развлеченія, пріятнаго времяпрепровожденія, въ смыслѣ созерцанія и упоенія любовными исторіями, сценами и интригами, и рѣже эстетическаго наслажденія поэзіею въ литературѣ. Но развѣ истинно-художественныя литературныя произведенія, дѣйствуя на читающую публику въ такомъ именно смыслѣ, могутъ имѣть серьезное вліяніе на ея умственный ростъ и нравственное развитіе? Конечно, нѣтъ. Мало

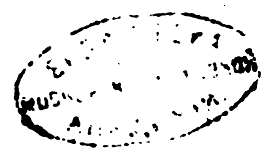
того: художественная литература производитъ даже вредное вліяніе на духовное развитіе тѣхъ читателей, которые не способны видѣть въ ней внутренняго смысла и значенія, выражающаго дѣйствительную сущность жизни, а понимаютъ ее только поверхностно, съ ея внѣшней, не существенной стороны. Такіе читатели, въ наивной простотѣ своей души, очень часто принимаютъ отрицательное въ литературѣ за положительное, недостатки героя или героини за качества, которымъ, по ихъ разумѣнію, слѣдуетъ подражать. Въ особенности это часто случается съ очень молодыми читателями и читательницами, которые, по случайному влеченію къ какому ни попало герою или героинѣ, стараются буквально копировать послѣднихъ, не смотря на то, что такими избранными «идеалами» часто бываютъ не болѣе, какъ литературные типы людей отжившаго, отрицательнаго направленія жизни. Чѣмъ-же помочь горю, какъ заставить это большинство не игнорировать литературной критикой?— Чего-либо существеннаго въ этомъ отношеніи, по моему мнѣнію, пока нельзя сдѣлать. Тутъ играютъ самую важную роль естественные законы развитія. Въ порядкѣ вещей *прежде* чувствовать, а *потомъ* мыслить. Такъ и общество: пока оно покоится въ болѣе доступной ему и сродной его душевнымъ способностямъ области конкретнаго, до тѣхъ поръ немного пользы принесутъ какія-либо искуственныя усилія заставить его подняться въ сферу болѣе или менѣе отвлеченнаго. Соображаясь съ этимъ, я вовсе не имѣлъ въ виду предназначать настоящую книгу, какъ чтеніе самостоятельное, независимое отъ чтенія произведеній разбираемаго автора: она должна служить комментаріемъ, настольною книгою, при чтеніи произведеній нашего талантливѣйшаго писателя-художника И. С. Тургенева. Часто случается, что хотѣлось-бы при самомъ чтеніи или по прочтеніи какого-либо литературнаго произведенія, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его, тотчасъ-же прочитать отзывъ о немъ того или другаго критика; но гдѣ и какъ искать этотъ отзывъ—не всякій знаетъ, да и знакомому съ подобнымъ дѣломъ не всегда возможно справиться: или нѣтъ свободнаго времени, или не хватаетъ книгъ, по которымъ разбросаны критическіе разборы и библіографіи. А тутъ желаемое подъ руками. Это первое назначеніе книги. Вторая цѣль ея предполагалась та, что, не внося въ нее ничего личнаго, субъективнаго, а подобравъ только разнообразныя критическія выдержки,

большею частію за и противъ, я имѣлъ въ виду дать читателямъ плодотворную умственную работу, состоящую въ сравненіи и комбинированіи тѣхъ и другихъ отзывовъ объ одномъ и томъ-же произведеніи по отношенію ихъ къ своему собственному непосредственному мнѣнію о томъ-же произведеніи. Читая какое-либо разсужденіе одного лица, мы естественно становимся на точку зрѣнія его логики въ данномъ случаѣ, и будучи слабы въ критической мысли или совершенно незнакомы съ предметомъ разсужденія, невольно соглашаемся съ взглядами и выводами разсуждающаго лица, даже и въ томъ случаѣ, когда эти выводы бываютъ не совсѣмъ правильны. Другое дѣло, когда объ одномъ и томъ-же предметѣ предстанутъ передъ вами два или больше не совсѣмъ согласныя между собою мнѣнія,—въ этомъ случаѣ даже самый апатичный умъ не соглашается безусловно съ тѣмъ или инымъ мнѣніемъ безъ самостоятельной борьбы, хотя бы и самой ничтожной. Нельзя согласиться съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ, не подумавъ объ немъ, не сравнивъ его съ другимъ противоположнымъ ему мнѣніемъ. Въ подобныхъ случаяхъ трудно остаться ему пассивнымъ: необходимо примкнуть либо къ одному, либо къ другому мнѣнію, или найти часть истины какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, или же, наконецъ, не согласиться ни съ однимъ изъ нихъ; а для этого необходимы основанія, причины. Вотъ почему такую важную роль играютъ въ развитіи мышленія правильные и оживленные диспуты и вообще споры. Кромѣ того, полезность настоящей книги слѣдуетъ полагать еще и въ томъ, что она, заключая въ себѣ собраніе критическихъ выдержекъ о произведеніяхъ писателя, появившагося на литературной аренѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ и съ тѣхъ поръ въ продолженіе почти сорока лѣтъ державшаго почетное знамя лучшаго ея представителя, проливаетъ свѣтъ на цѣлую литературную эпоху, знакомя въ то-же время читателя и съ представителями русской критической мысли.

Предназначая эту книгу, какъ я уже сказалъ, не для независимаго отъ произведеній И. С. Тургенева чтенія, а только какъ критическій разборъ уже прочтенныхъ его произведеній, я избѣгалъ, на сколько возможно было, выписокъ изъ самыхъ разбираемыхъ произведеній и не заботился также объ изложеніи такъ называемаго сюжета разбираемаго произведенія. Самые-же критиче-

скіе отзывы, выдержки и мнѣнія большею частью составляютъ собою итоги и вообще суть тѣхъ критическихъ статей, изъ которыхъ они взяты. Вотъ и все, что я считалъ нужнымъ сказать по поводу настоящей книги. На сколько въ дѣйствительности она будетъ полезна, объ этомъ судить не мнѣ. Отъ большей или меньшей степени полезности ея будетъ зависѣть печатаніе мною цѣлаго ряда подобныхъ сборниковъ критическихъ статей о произведеніяхъ новѣйшихъ русскихъ популярныхъ писателей.

В. Зелинскій.



СТИХОТВОРЕНІЯ И ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

(Бѣлинскій 1843 — 1848 г., Анненковъ 1849 г., Дружининъ 1857 г., Дудышкинъ 1857 г., Григорьевъ 1859 г., Миллеръ 1874 г., Венгеровъ 1875 г.).

«Около Пасхи 1843 года,» говоритъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «въ Петербургѣ произошло событіе, само по себѣ крайне незначительное и давнымъ давно поглощенное общимъ забвеніемъ, а именно: появилась небольшая поэма нѣкоего Т. Л. подъ названіемъ «Параша.» Этотъ Т. Л. былъ я; этой поэмой я вступилъ на литературное поприще.»

[1]) Г. Тургеневъ началъ свою литературную дѣятельность не прозою, а рядомъ мелкихъ стихотвореній и двумя другими стихотвореніями большаго объема, не совсѣмъ вѣрно названными именемъ «поэмы...» И «Параша», и «Андрей,» и рядъ мелкихъ стихотворныхъ вещицъ, подписанныхъ буквами Т. Л., не только не заслуживаютъ забвенія (какъ, кажется, думаетъ самъ ихъ авторъ), но, напротивъ того, показываютъ намъ начатки и силы и слабости Тургенева-прозаика. Всѣ названныя произведенія построены на мысляхъ

[1]) А. Дружининъ (соч. Друж., т. 7-й).

умныхъ и часто блистательныхъ, всѣ они проникнуты любовію къ природѣ и пониманіемъ природы... Вліяніе сильныхъ поэтовъ, предшествовавшихъ и современныхъ, отражается и въ поэмахъ г. Тургенева и въ мелкихъ созданіяхъ его музы: и Байронъ, и Пушкинъ, и Лермонтовъ, и Гёте наложили на нихъ свою печать, такъ легко узнаваемую. Безсознательно увлекаясь то тѣмъ, то другимъ изъ великихъ образцовъ, нашъ поэтъ, однако же избѣгаетъ подражательности, чрезъ свою собственную многосторонность, чрезъ собственное свое сочувствіе ко всему прекрасному въ мірѣ искусства. Еслибъ Тургеневъ побѣдилъ свой духъ анализа, сдался въ прямое подражаніе которому-нибудь изъ главныхъ поэтовъ,—его стихотворенія были-бы гораздо болѣе замѣчены читателемъ, не смотря на весь ущербъ, происходящій отъ подражательности. Но въ начинающемъ поэтѣ имѣлась одна драгоцѣнная сторона, собственно ему принадлежащая. Какъ человѣкъ тонко-развитый, какъ артистъ безпристрастный по натурѣ, онъ былъ способенъ къ увлеченію, никакъ не къ рабству передъ чужимъ творчествомъ.

[1]) Не смотря на то, что вступленіе Тургенева на стихотворное поприще было болѣе чѣмъ одобрительно, почти восторженно встрѣчено Бѣлинскимъ, разбираемый нами авторъ впослѣдствіи отказался отъ *«грѣховъ молодости»* и, перепечатавъ въ полномъ собраніи сочиненій довольно слабыя драматическія произведенія, не сдѣлалъ того-же самаго со своими стихами. «Я чувствую положительную, чуть не физическую антипатію

[1]) С. Венгеровъ («Русск. литература въ ея современныхъ представителяхъ» ч. 1.).

къ моимъ стихотвореніямъ,» пишетъ онъ въ одномъ частномъ письмѣ, «и не только не имѣю ни одного экземпляра моихъ поэмъ—но дорого-бы далъ, чтобы ихъ вообще не существовало на свѣтѣ.»

[1]) Въ то время, когда выступалъ на литературное поприще Тургеневъ, требовалось, какъ говоритъ Дудышкинъ, чтобы идеальный герой владѣлъ «если непожирающими силами, то, по крайней мѣрѣ, блестящими способностями, выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ, пошлыхъ людей, безмолвно работающихъ и трудящихся. Онъ могъ быть безнравственнымъ, подъ однимъ условіемъ: держать въ себѣ замкнутыми великія силы. Тогда ему все прощалось. Если-же не было подозрѣнія, что въ немъ заперты необыкновенныя силы—онъ пошлый человѣкъ: его забросаютъ грязью. Первый могъ ничего не дѣлать; а этотъ что ни дѣлай, какое благо ни приноси—онъ пошлый человѣкъ, въ немъ нѣтъ ничего идеальнаго. По этому только можно судить, сколько еще фантастическаго было въ понятіи объ идеалѣ.

«СТАРЫЙ ПОМѢЩИКЪ» и «БАЛЛАДА.»

Первыя стихотворенія Тургенева или «грѣхи молодости,» какъ онъ самъ называетъ ихъ, появились въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ «Современникѣ,» благодаря добродушному, покровительственно относившемуся къ Тургеневу, Плетневу. Самостоятельно-же Тургеневъ выступаетъ на литературное поприще въ 1841 г. двумя стихотвореніями, напечатанными въ «Отеч. Зап.» подъ инціалами Т. Л. (Тургеневъ-Лутовиновъ). Одно

[1]) «Отеч. Зап.» 1857 г. № 1.

стихотвореніе озаглавлено было «Старый Помѣщикъ,» а другое «Баллада.» «Оба эти стихотворенія, говоритъ г. Венгеровъ, [1]) весьма и весьма слабыя, первое къ тому еще съ весьма странною тенденціею. Въ этихъ стихотвореніяхъ чувствуется и Байронъ, и Лермонтовъ, и романическая школа Гюго. Для такихъ сюжетовъ требуется талантъ первоклассный, поэтому Тургеневъ съ ними и не совладалъ. Онъ бросаетъ вскорѣ «демоническій» жанръ и переходитъ въ онѣгинскій. Тутъ онъ несравненно болѣе у мѣста, и первая попытка въ этомъ родѣ «Параша» является довольно удовлетворительной.

«ПАРАША.»

[2]) Небольшая книжка, на дняхъ появившаяся въ Петербургѣ, подъ скромнымъ названіемъ «разсказа въ стихахъ,» есть одинъ изъ прекрасныхъ сновъ на минуту проснувшейся русской поэзіи. Увѣренные въ глубокомъ снѣ нашей поэзіи, мы взялись за «Парашу» съ явнымъ предубѣжденіемъ, думая найдти въ ней— или сантиментальную повѣсть о томъ, какъ онъ любилъ ее, или какъ она вышла замужъ за него, или какую-нибудь юмористическую болтовню о современныхъ нравахъ, написанную прозаическими стихами. Каково-же было наше удивленіе, когда, вмѣсто этого, прочли мы поэму, не только написанную прекрасными поэтическими стихами, но и проникнутую глубокою идеею, полнотою внутренняго содержанія, отличающуюся юморомъ и ироніею!... Однако-жъ не

---

[1]) «Русск. литер. въ ея соврем. представителяхъ,» ч. 1.
[2]) Бѣлинскій (соч. Бѣл. ч. 7).

смотря на то, увѣренность наша въ тяжеломъ снѣ русской поэзіи была такъ велика, что мы не повѣрили первому впечатлѣнію и прочли снова, —еще лучше! И теперь, когда, отъ многократно повтореннаго чтенія, мы почти знаемъ наизусть прекрасное поэтическое произведеніе, такъ неожиданно, такъ отрадно освѣжившее душу нашу отъ прозы и скуки ежедневнаго быта,—спѣшимъ познакомить публику съ явленіемъ, которое имѣетъ полное право на ея вниманіе... Содержаніе «Параши» въ смыслѣ «сюжета» до того просто и немногосложно, что его можно разсказать въ двухъ словахъ: на уѣздной барышнѣ женится помѣщикъ-сосѣдъ,—вотъ и все. Но это не содержаніе, а только канва содержанія; само же содержаніе поэмы такъ полно и богато, что его нельзя передать во всей его жизни, во всей благоуханной свѣжести его поэзіи, не заставляя самого поэта перерывать нашей прозаической рѣчи своими поэтическими стихами... *) Стихъ обнаруживаетъ необыкновенный поэтическій талантъ; а вѣрная наблюдательность, глубокая мысль, выхваченная изъ тайника русской жизни, изящная и тонкая иронія, подъ которою скрывается столько чувства,—все это показываетъ въ авторѣ, кромѣ дара творчества, сына нашего времени, носящаго въ груди своей всѣ скорби и вопросы его. Объ оригинальности мы не говоримъ: она то же, что талантъ—по крайней мѣрѣ, безъ нея нѣтъ таланта. Многіе найдутъ въ поэмѣ слѣды подражанія Пушки-

*) Желающимъ ознакомиться съ болѣе или менѣе полными выписками, какъ изъ «Параши,» такъ и другихъ стихотвореній Тургенева, можно указать на критико-біографическіе этюды Семена Венгерова: «Русская литература въ ея современныхъ представителяхъ.»

ну и особенно Лермонтову: это не удивительно, ибо живая историческая послѣдовательность литературныхъ явленій всегда смѣшивается толпою съ холодной и бездушной подражательностію. Но люди мыслящіе понимаютъ, что быть подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ великихъ мастеровъ родной литературы, проявляя въ своихъ произведеніяхъ упроченное ими литературѣ и обществу, и рабски подражать—совсѣмъ не одно и то же: первое есть доказательство таланта, жизненно развивающагося, второе — безталантности. Можно поддѣлаться подъ стихъ и подъ манеру писателя, но не подъ духъ и натуру его, ибо можно цѣлый вѣкъ проживать съ чужими словами и чужими манерами, но отъ собственнаго духа и собственной натуры отречься нельзя, каковы бы они ни были— велики или малы... Въ стихахъ г. Т Л. столько жизни и поэзіи, въ созерцаніи его столько истины и вѣрности, что тутъ всякая мысль о подражательности нелѣпа. Вся поэма проникнута такимъ строгимъ единствомъ мысли, тона, колорита, такъ выдержана, что обличаетъ въ авторѣ не только творческій талантъ, но и зрѣлость и силу таланта, умѣющаго владѣть своимъ предметомъ. Вообще нельзя не замѣтить, по случаю этой поэмы, какіе великіе успѣхи въ послѣднее время сдѣлали наша поэзія и наше общество: чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить о поэмахъ, являвшихся до «Цыганъ» Пушкина... Иронія и юморъ, овладѣвшіе современною поэзіею, всего лучше доказываютъ ея огромный успѣхъ: ибо отсутствіе ироніи и юмора всегда обличаетъ дѣтское состояніе литературы.»

На основаніи «Параши» Бѣлинскій опредѣлялъ та-

лантъ Тургенева такимъ образомъ: «Есть два рода поэзіи: одна, какъ талантъ, происходитъ отъ раздражительности нервовъ и живости воображенія; она отличается тѣмъ блескомъ, яркостію красокъ, тою рѣзкою угловатостью формъ, которыя мечутся въ глаза толпѣ и увлекаютъ ея вниманіе. Чѣмъ болѣе по видимому заключаетъ въ себѣ такая поэзія, тѣмъ пустѣе она внутри самой себя, ибо она вся въ воображеніи и ничего общаго съ дѣйствительностію не имѣетъ; мысли ея похожи на громкія слова и звучныя фразы, а картины ея похожи только до тѣхъ поръ, пока смотришь на нихъ: отведите глаза, и въ вашемъ воображеніи не останется никакого образа, никакого созерцанія, никакого представленія. Другая поэзія, какъ талантъ, имѣетъ своимъ источникомъ глубокое чувство дѣйствительности, сердечную симпатію ко всему живому, а потому ея чувства всегда истинны, ея мысли всегда оригинальны, даже и не будучи новыми, ибо онѣ не пойманы извнѣ и налету, а возникли и выросли въ душѣ поэта. Произведенія такой поэзіи не бросаются въ глаза, но требуютъ, чтобъ въ нихъ вглядывались, и только внимательному взору открывается во всей глубинѣ своей ихъ простая, тихая и цѣломудренная красота. Печать оригинальности составляетъ ихъ неразлучную принадлежность; она есть слѣдствіе способности схватывать сущность, а слѣдовательно, и особенность каждаго предмета. И потому описанія ея запечатлѣны достовѣрностію, такъ что, еслибъ вы и никогда не видывали описываемаго предмета, вы тѣмъ не менѣе убѣждены, что онъ точно таковъ и другимъ быть не можетъ. Разбираемая нами поэма можетъ служить образцомъ такихъ произведе-

ній... Дай Богъ, чтобъ наша встрѣча съ талантомъ автора «Параши» не была случайна, но превратилась въ знакомство продолжительное и прочное. Грустно было бы думать, что такой талантъ—не болѣе, какъ вспышка юности, кипѣніе молодой крови, а не признакъ призванія, и не можетъ обмануть возбужденныя имъ ожиданія и надежды, какъ обманула поэта героиня его поэмы.»

Относительно разбора «Параши» Бѣлинскимъ Дудышкинъ говоритъ:[1]) Нельзя видѣть въ этомъ отзывѣ случайность: онъ вполнѣ логиченъ, по крайней мѣрѣ столько-же, сколько и одностороненъ. Онъ идетъ изъ глубины тѣхъ-же самыхъ убѣжденій, которыя составляли и воззрѣніе на жизнь г. Тургенева при началѣ его литературнаго поприща. Мы долго думали, какъ могъ талантливый критикъ такъ сильно ошибаться по отношенію къ стиху и поэтическому творчеству г. Тургенева, и опять объяснили это одною и тою-же теоріею, все заслоняющею. Нельзя было, казалось, всю жизнь не писать стиховъ послѣ такого громкаго одобренія, и г. Тургеневъ написалъ еще двѣ поэмы. Послѣ этого онъ пересталъ писать стихи—и, намъ кажется, очень хорошо сдѣлалъ. Критикъ и поэтъ были подкуплены другъ другомъ, и видѣли то, чего на самомъ дѣлѣ не было. Извѣстно, что герой «Параши» послѣ брака впадаетъ въ ту «пошлость,» которая длилась уже всю его жизнь. Всѣ мечты, всѣ стремленія покинуты; однажды надѣтъ былъ халатъ на плечи и—уже конецъ всему. Человѣку нѣтъ никакого дѣла, никакой дѣятельности на землѣ. Онъ дѣ-

[1]) «Отеч. Зап.» 1857 г. № 1.

лался уже не поэтическимъ человѣкомъ, которыхъ воспѣвали въ поэмахъ, а переходилъ въ область людей, для которыхъ написаны «Мертвыя Души.» Впослѣдствіи, чтобъ избавиться отъ подобной участи, всѣ герои г. Тургенева или бѣгутъ куда-то, или уѣзжаютъ путешествовать по Европѣ. Они дѣлаются «лишними» въ обществѣ. Вотъ исходный пунктъ всей дѣятельности г. Тургенева, вотъ точка отправленія критики Бѣлинскаго. Судья и подсудимый—здѣсь одно и то же лицо.

[1]) На всей «Парашѣ,» наряду со многими превосходными мѣстами, лежитъ отпечатокъ *даровитаго юноши.* Читаешь ее: все гладко, хорошо, да вдругъ прорвется неловкое мѣсто, неумѣлость новичка. Въ стихахъ Тургенева проглядываетъ вообще одна общая характеристичная черта:—невыдержанность. Онъ не можетъ послѣдовательно вести разсказъ въ одномъ и томъ-же духѣ. Наряду съ возвышеннымъ описаніемъ картины природы или изложеніемъ манфредовскихъ идей у него прорывается вульгарное словечко или неумѣстная острота, и настроеніе читателя разрушается: обаяніе многихъ глубоко поэтическихъ мѣстъ пропадаетъ, и вы въ досадѣ на автора, который самъ вредитъ себѣ наисильнѣйшимъ образомъ отсутствіемъ выдержки. Однимъ словомъ, въ стихахъ Тургенева главнымъ образомъ *хорошія намѣренія.*

Дѣлая общій обзоръ русской литературы за 1843 г., Бѣлинскій въ 1844 году отзывается о «Парашѣ» такъ: [2]). «Изъ новыхъ произведеній, появившихся въ прош-

[1]) Венгеровъ («Русск. лит. въ ея соврем. представителяхъ,» ч. 1).
[2]) Соч. Бѣлинск. ч. 8.

ломъ году, можно указать только на небольшую поэму «Параша,» которая, по необыкновенно умному содержанію и прекраснымъ поэтическимъ стихамъ, была бы замѣчательнымъ явленіемъ и не въ такое бѣдное для литературы время, какъ наше.» А черезъ четыре года, т. е. въ 1848 г. онъ-же пишетъ: [1]) «Параша» была замѣчена публикою при ея появленіи по бойкому стиху, веселой ироніи, вѣрнымъ картинамъ русской природы, а главное по удачнымъ физіологическимъ очеркамъ помѣщичьяго быта въ подробностяхъ. Но прочному успѣху поэмы помѣшало то, что авторъ, пиша ее, вовсе не думалъ о физіологическомъ очеркѣ, а хлопоталъ о поэмѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ у него нѣтъ самостоятельнаго таланта къ этому роду поэзіи. Оттого все лучшее въ ней проблеснуло какъ то случайно, невзначай.»

«РАЗГОВОРЪ»

[2]) «Разговоръ» составляетъ несомнѣнно прогрессивное явленіе въ талантѣ его автора. Помимо великолѣпнаго стиха, который во всей поэмѣ поражаетъ васъ почти лермонтовскою силою и не представляетъ шероховатостей «Параши»; въ самой тенденціи, въ основной мысли «Разговора» положена тема, менѣе отъ насъ отдаленная, чѣмъ таковая первой поэмы Тургенева. «Разговоръ» есть произведеніе горячаго приверженца романтической школы, которая не онѣгински разочарована въ жизни, но глубоко ее ненавидитъ, клеймитъ, презираетъ, проклинаетъ. Авторъ не доволенъ

---

[1]) «Современникъ» 1848 г. № 3.

[2]) Венгеровъ («Русск. лит. въ ея совр. представителяхъ», ч. 1).

матерьяльностію современныхъ ему людей и вотъ онъ въ формѣ поэтическаго разговора между отжившимъ и удалившимся въ пустыню старикомъ и молодымъ человѣкомъ выставляетъ свои права на неодобреніе происходящаго предъ его глазами... Сюжетъ «Разговора» не вполнѣ космополитическій и не носитъ никакихъ отличительныхъ признаковъ мѣстности и народности. Даже эпоха не вполнѣ ясно обрисовывается въ поэмѣ, потому что паѳосъ разговаривающихъ направленъ на такія несовершенства человѣческаго рода, которыя составляютъ причину вѣчной борьбы пошлости съ возвышенностію, борьбы, проходящей чрезъ всю историческую жизнь человѣчества и слѣдовательно стоящей внѣ времени и мѣста... Въ началѣ поэмы предъ нами выступаетъ отшельникъ, удалившійся въ сырую и мрачную пещеру, для того, чтобы позабыть треволненія прожитой имъ жизни, разочарованія его въ ней встрѣтившія, матеріальность большинства людей, ихъ несоотвѣтствіе съ идеаломъ истиннаго человѣческаго существованія.... Къ нему является молодой человѣкъ, когда-то находившійся подъ его вліяніемъ, но теперь уже возмужалый. Онъ приходитъ къ старику, чтобы подѣлиться своимъ безнадежнымъ взглядомъ на жизнь, чтобы чистосердечною исповѣдью облегчить свое невеселое настроеніе. И старикъ ему радъ. Онъ въ уединеніи своемъ жилъ надеждою на будущее, онъ думалъ, что новое поколѣніе исправитъ ошибки стараго. Но увы! ничего подобнаго не случилось, и старикъ въ ужасѣ отъ разсказа молодого человѣка. Ему горько и страшно убѣждаться въ неустраняемости того, въ борьбѣ противъ чего онъ истратилъ лучшія силы своей молодости. Раз-

сказъ молодаго человѣка въ сущности очень похожъ на знаменитую «Думу» Лермонтова.... Блестящей апоѳеозой будущаго кончается поэма. Въ заключительныхъ словахъ ея мы слышимъ уже горячій протестъ противъ тѣхъ больныхъ мѣстъ нашего прежняго общественнаго быта, что огорчало лучшихъ людей предшествующей эпохи. Мы видимъ, что авторская мысль была «плѣнена» невеселымъ раздумьемъ, онъ старался разрѣшить грозную дилемму, представляемую окружающею его обстановкою, ему хочется провести въ нее больше осмысленности и цѣлесообразности.

[1]) Имя г. Тургенева, автора «Параши», еще ново въ нашей литературѣ; однако-жъ уже замѣчено не только избранными цѣнителями искусства, но и публикою. Только истинный, неподдѣльный талантъ могъ быть причиною такого быстраго и прочнаго успѣха. И дѣйствительно, г. Тургеневъ—поэтъ въ истинномъ и современномъ значеніи этого слова. Его муза не обѣщаетъ намъ новой эпохи поэтической дѣятельности, новой, великой школы искусства;

Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица *не общимъ* выраженьемъ.

Произведенія г. Тургенева рѣзко отдѣляются отъ произведеній другихъ русскихъ поэтовъ въ настоящее время. Крѣпкій, энергическій и простой стихъ, выработанный въ школѣ Лермонтова, и въ то-жѐ время стихъ роскошный и поэтическій, составляетъ не единственное достоинство произведеній г. Тургенева: въ нихъ всегда есть мысль, ознаменованная печатью дѣйствительности и современности, и, какъ мысль да-

---

[1]) Бѣлинскій (соч. Бѣлинск. ч. 10).

ровитой натуры, всегда оригинальная. Поэтому отъ г. Тургенева многаго можно ожидать въ будущемъ. Повторяемъ: это не изъ тѣхъ самобытныхъ и геніальныхъ талантовъ, которые подобно Пушкину и Лермонтову, дѣлаются властителями думъ своего времени и даютъ эпохѣ новое направленіе, но въ его талантѣ есть свой элементъ, своя часть той самобытности, оригинальности, которая, завися отъ натуры, выводитъ талантъ изъ ряда обыкновенныхъ, и благодаря которой онъ будетъ имѣть свое вліяніе на современную ему литературу. Русская поэзія уже до того выработалась и развилась, что теперь почти невозможно пріобрѣсти на этомъ поприщѣ извѣстность, не имѣя болѣе или менѣе самостоятельнаго таланта,—и, въ тоже время, почти невозможно истинному таланту не сдѣлаться извѣстнымъ въ самое короткое время. Вотъ почему «Параша», — это произведеніе, запечатлѣнное всею свѣжестью, всею яркостью и страстностію и вмѣстѣ съ тѣмъ всею неопредѣленностію перваго опыта, обратила на себя общее вниманіе тотчасъ по своемъ появленіи, и удостоилась не только похвалы одпихъ, но и брани другихъ журналовъ,—брани, въ которой высказалась, подъ плоскими и неудачными остротами, худо скрытая досада... Теперь передъ нами вторая поэма г. Тургенева. Сравнивая «Разговоръ» съ «Парашею», нельзя не видѣть, что въ первомъ поэтъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ. Въ «Парашѣ» мысль похожа болѣе на намекъ, нежели на мысль, потому что поэтъ не могъ вполнѣ совладать съ нею: въ «Разговорѣ» основная мысль съ выпуклою и яркою опредѣленностію представляется уму читателя. И между тѣмъ эта мысль не высказана никакою сентенціею: она

вся въ изложеніи содержанія, вся въ звучномъ, крѣ
комъ, сжатомъ и поэтическомъ стихѣ. Содержан
поэмы просто до того, что рецензенту нечего и п
ресказывать. Это—разговоръ между старымъ отшел
никомъ, который и на краю могилы все еще живет
воспоминаніемъ о своей прошлой жизни, такъ полн
такъ могущественно прожитой,—и молодымъ челов
комъ, который вездѣ и во всемъ ищетъ жизни и н
гдѣ ни въ чемъ не находитъ ее, отравляемый, муч
мый какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ внутре
ней пустоты тайнаго недовольства собою и жизнію.
Пусть читатели сами прослѣдятъ въ цѣлой поэмѣ
основную мысль: мы не считаемъ себя въ правѣ от
нимать у нихъ этого удовольствія выписками. Ск
жемъ только, что всякій, кто живетъ и, слѣдовател
но, чувствуетъ себя постигнутымъ болѣзнію наше
вѣка—апатіею чувства и воли, при пожирающей дѣ
тельности мысли,—всякій съ глубокимъ вниманіем
прочтетъ прекрасный «Разговоръ» г. Тургенева
прочтя его, глубоко, глубоко задумается». Черезъ тр
года Бѣлинскій писалъ о «Разговорѣ»: [1]). «Стихи в
поэмѣ звучные и сильные, много чувства, ума, мысл
но какъ эта мысль чужая, заимствованная, то на пе
вый разъ поэма могла даже понравиться, но прочест
ее вторично уже не захочется».

[2]) Бѣлинскій обратилъ вниманіе на стихотворені
Тургенева «Разговоръ»; онъ призналъ въ немъ зву
ный и сильный стихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мысль
самостоятельную. Дѣйствительно, съ перваго взгляд

[1]) «Современникъ» 1848 г. № 3.

[2]) О. Миллеръ («Публичн. лекціи О. Милл.»).

то странное стихотвореніе поражаетъ какимъ-то запоздалымъ байронизмомъ во вкусѣ Козлова. Но въ старомъ отшельникѣ, удалившемся въ пустыню отъ неудачной любви, и въ приходящемъ къ нему молодомъ человѣкѣ, разочарованномъ и махнувшемъ на все рукою, въ обмѣнѣ мыслей между старикомъ и юношей Тургеневъ тогда уже выставилъ два поколѣнія, взаимно упрекающія одно другое... Въ этомъ сопоставленіи двухъ поколѣній, въ формѣ, конечно, странной, уже устарѣлой, заключается какъ бы программа многихъ послѣдующихъ произведеній какъ самого Тургенева, такъ и другихъ представителей нашей нравоописательной повѣсти; но Бѣлинскій, конечно, не могъ предвидѣть появленія подобныхъ произведеній. Да и вообще, по тѣмъ произведеніямъ Тургенева, которыя появились при немъ, нашъ незабвенный критикъ не могъ составить себѣ полнаго понятія о будущемъ Тургеневѣ; вслѣдствіе этого, насъ не должно удивлять, что Бѣлинскій признавалъ его способнымъ только на физіологическіе очерки. Полноту творческой силы Бѣлинскій видѣлъ собственно въ Гончаровѣ, а это легко объясняется тѣмъ, что Гончаровъ сразу подарилъ насъ такимъ крупнымъ произведеніемъ, какъ «Обыкновенная исторія». Что касается насъ, то, имѣя уже передъ глазами цѣлый рядъ позднѣйшихъ капитальныхъ произведеній Тургенева, мы, конечно, не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Бѣлинскаго.

«АНДРЕЙ».

Въ обозрѣніи русской литературы за 1845 годъ Бѣлинскій между прочимъ говоритъ:[1]) «Прошлый ли-

[1]) Соч. Бѣлинск. ч. 10.

тературный годъ дебютировалъ вдругъ двумя весьма замѣчательными поэмами въ стихахъ. Первая «Разговоръ» г. Тургенева, написана удивительными стихами, какіе теперь являются рѣдко, исполнена мысли: но вообще въ ней слишкомъ замѣтно вліяніе Лермонтова,—и, прочитавъ новую поэму г. Тургенева (поэму «Андрей»), помѣщенную въ этой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», нельзя не замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ родѣ, талантъ г. Тургенева гораздо свободнѣе, естественнѣе, оригинальнѣе, больше, такъ сказать, у себя дома, нежели въ «Разговорѣ».

Спустя два года онъ же пишетъ: [1]) «Въ поэмѣ г. Тургенева «Андрей», много хорошаго, потому что много вѣрныхъ очерковъ русскаго быта; но въ цѣломъ поэма опять не удалась, потому что это повѣсть любви, изображать которую не въ талантѣ автора. Письмо героини къ герою поэмы длинно и растянуто, въ немъ больше чувствительности, нежели паѳоса. Вообще въ этихъ опытахъ г. Тургенева (относится ко всѣмъ поэмамъ) былъ замѣченъ талантъ, но какой-то нерѣшительный и неопредѣленный».

[2]) Говоря о стихотворной повѣсти Тургенева, «Андрей», герой которой представляетъ существовавшій и до Тургенева типъ русскаго человѣка, поучившагося кое-чему, далеко не глупаго, но не знающаго, что предпринять, и отъ нечего дѣлать начинающаго видѣть всю цѣль жизни въ одной любви, Бѣлинскій страннымъ образомъ заявилъ мнѣніе, будто-бы изображать любовь «не въ талантѣ автора». Множество Тургеневскихъ повѣстей, появившихся уже послѣ Бѣ-

[1]) «Современникъ» 1848 г. № 3.

[2]) Миллеръ («Публичныя лекціи Ореста Миллера»).

линскаго, конечно, не подтвердили этого мнѣнія. Съ другой стороны, даровитый нашъ критикъ не отмѣтилъ въ этомъ произведеніи нѣсколько стиховъ, въ которыхъ указываются причины невыясненности распространеннаго у насъ типа «лишняго человѣка».

¹) Г. Венгеровъ, разбирая поэму «Андрей», между прочимъ говоритъ: «Шероховатымъ и многоглаголевымъ рядомъ скучныхъ стиховъ Тургеневъ описалъ наростающее чувство своего героя къ нѣкоей замужней барынѣ, которая въ свою очередь благоволитъ къ Андрею. Поэма очень длинна и все таки дѣйствія никакого не заключаетъ, такъ что авторъ потратилъ свои риѳмы единственно на изображеніе неопредѣленнаго томленія дѣйствующихъ лицъ—сюжетъ по своей неуловимости подсильный Пушкину или Лермонтову, но никакъ не послѣдователю ихъ—не перваго разряда».

«ПОМѢЩИКЪ».

²) Г. Тургеневъ написалъ стихотворный разсказъ—«Помѣщикъ», не поэму, а физіологическій очеркъ помѣщичьяго быта, шутку, если хотите, но эта шутка какъ-то вышла далеко лучше всѣхъ поэмъ автора. Бойкій эпиграмматическій стихъ, веселая иронія, вѣрность картинъ, вмѣстѣ съ этимъ выдержанность цѣлаго произведенія, отъ начала до конца—все показывало, что г. Тургеневъ напалъ на истинный родъ своего таланта, взялся за свое, и что нѣтъ никакихъ причинъ оставлять ему вовсе стихи.

---

¹) «Русск. лит. въ ея совр. представителяхъ», ч. I.
²) «Современн.» 1848 г. № 3.

ОБЩІЕ ОТЗЫВЫ О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ.

[1]) Поэмы г. Тургенева явились въ публику подъ вліяніемъ слѣдующихъ литературныхъ убѣжденій: полнѣйшее упоеніе отъ «Героя Нашего Времени» и «Мертвыхъ Душъ» давало автору «Параши» и «Андрея» и идеалъ и обстановку. Идеалъ—молодой человѣкъ, образованный, ненаходящій себѣ дѣятельности... извѣстный «Лишній человѣкъ»: обстановка—извѣстная жизнь нашихъ городовъ, деревень, по Гоголю.

[2]) Тургеневъ началъ прямо съ крайнихъ крайностей направленія, оставшагося намъ въ наслѣдство послѣ покойнаго Лермонтова. Въ своей «Парашѣ», въ которой одинъ Бѣлинскій своимъ геніальнымъ чутьемъ угадалъ задатки необыкновеннаго, только можетъ быть не свою дорогу избравшаго, дарованія,—онъ сильно проповѣдывалъ, что

...гордость—добродѣтель, господа!

Въ своемъ «Помѣщикѣ», онъ также пылко, также впечатлительно кадилъ горько-сатирическому направленію,—*терзался* на счетъ гнусности *козлиныхъ* (вмѣсто козловыхъ) башмаковъ уѣздныхъ барышенъ, *благословляя*, подъ вліяніемъ Лермонтова, на *страданіе* молодыхъ дѣвченокъ,—въ прелестной и задушевной впрочемъ строфѣ.

[3]) Мелкія стихотворенія Тургенева разбросаны по «Отеч. Зап.», сборнику гр. Соллогуба «Вчера и сегодня» и «Современнику», начиная съ 1843 по 1847 г. Мел-

---

[1]) С. Дудышкинъ («Отеч. Зап.» 1857 г. № 1).

[2]) А. Григорьевъ (Соч. А. Григ.).

[3]) Венгеровъ («Русск. лит. въ совр. ея представителяхъ» ч. I.)

кія вещи Тургенева носитъ тотъ-же характеръ, что «Разговоръ» и первыя прозаическія его произведенія «Андрей Колосовъ», «Три Портрета», «Бреттеръ» и другія... Въ нихъ ясно выступаетъ лермонтовское міросозерцаніе, лермонтовское недовольство пошлостью обыденной жизни. Вездѣ преобладаетъ субъективный колоритъ, но при этомъ авторъ выражаетъ тѣ субъективныя ноты, которыя свойственны всякому человѣку и потому интересны. Иной разъ Тургеневъ оставляетъ «злобу дня» и предается мирному изображенію картинъ природы. Такія вещи удаются ему превосходно».

Въ обозрѣніи литературы за 1844 годъ Бѣлинскій упоминаетъ между прочимъ и о стихотвореніяхъ Тургенева въ слѣдующихъ словахъ: [1]) «Между немногими стихотвореніями, печатавшимися въ нашихъ прошлогоднихъ журналахъ, въ нѣкоторыхъ промелькивали искорки то поэзіи безъ мысли, то мысли безъ поэзіи, то что-то какъ будто похожее и на мысль и на поэзію вмѣстѣ. Мы разумѣемъ здѣсь гг. Майкова. Фета, Т. Т. Огарева, Кремнева, Полонскаго.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

[2]) Изъ всѣхъ комедій Тургенева «Завтракъ у предводителя» принадлежитъ къ числу наиболѣе живыхъ и сценичныхъ. Это простая жанровая картинка, и авторъ не бьетъ на глубину мысли, какъ въ другихъ комедіяхъ своихъ. Вы съ удовольствіемъ читаете нѣсколько каррикатурное изображеніе вдовы Кауровой и

---

[1]) Соч. Бѣлинск. ч. 9.

[2]) Венгеровъ («Русск. лит. въ совр. ея предст.» ч. 1).

такъ какъ дѣло не идетъ о Богъ вѣсть какомъ важномъ явленіи жизни, то вы и прощаете автору водевильность комедіи»...

Относительно другихъ комедій Венгеровъ говоритъ: «Всѣ его комедіи одна другой слабѣе. «Неосторожность» —драматическій очеркъ изъ испанской жизни—до невозможности вялъ и скученъ. Единственный сносный «нумеръ» въ немъ—серенада въ стихахъ, сносный не въ силу своихъ достоинствъ, а больше потому, что на безлюдьи и Ѳома дворянинъ».

[1]) Въ обозрѣніи русской литературы за 1843 годъ Бѣлинскій упоминаетъ о комедіи «Неосторожность» въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Изъ драматическихъ произведеній, напечатанныхъ въ журналахъ вмѣсто новостей, замѣчателенъ, какъ мастерской эскизъ, но не больше, драматическій очеркъ г. Т. Л. (автора «Параши») «Неосторожность».

[2]) «Безденежье»—сцены петербургской жизни—стремятся къ водевилю, но далеко не достигаютъ даже этого скромнаго уровня, потому что въ нихъ нѣтъ никакой веселости и движенія. «Гдѣ тонко, тамъ и рвется»—такъ тонко, что и самъ авторъ оборвался, сдѣлавъ совершенно непонятной «мораль» своей пьесы.

[3]) По словамъ-же г. Анненкова въ комедіи «Гдѣ тонко, тамъ и рвется» открывается новая сторона таланта Тургенева, именно живопись лицъ въ извѣстномъ кругѣ дѣйствователей, гдѣ не можетъ быть ни сильныхъ страстей, ни рѣзкихъ порывовъ, ни запу-

---

[1]) Соч. Бѣлинск. ч. 8.
[2]) Венгеровъ. («Русск. лит. въ совр. ея предст».).
[3]) «Современникъ» 1849 г. № 1.

танныхъ происшествій. Кто знаетъ, какъ великъ этотъ кругъ, тотъ пойметъ заслугу автора, умѣвшаго, отыскать содержаніе и занимательность тамъ, гдѣ вошло въ обыкновеніе предполагать отсутствіе всѣхъ интересовъ. Тонкими чертами обрисовалъ онъ главное лицо комедіи, скептическое до того, что оно не вѣритъ собственному чувству, и запутанное такъ, что изъ ложнаго понятія о независимости оно отказывается отъ счастія, котораго само искало. Всякому случалось встрѣтить подобный характеръ, гораздо труднѣйшій для передачи, чѣмъ многіе великолѣпные герои трагедій или многіе нелѣпые герои комедій. Интрига простая до крайности, въ комедіи г. Тургенева не теряетъ ни на минуту своей живости, а комическія лица, которыми обставлена главная дѣйствующая чета, переданы, такъ сказать, съ артистическою умѣренностію.

Объ этой же комедіи и произведеніи „Провинціалка“ говоритъ А. Григорьевъ [1]:

«Этими двумя произведеніями Тургеневъ отдалъ дань извѣстной модѣ царствовавшей въ литературѣ. Пусть, *гдѣ тонко, тамъ и рвется*, но истинной тонкости анализа, по прелести разговора, по множеству поэтическихъ чертъ—стоитъ надъ всѣмъ этимъ *дамскимъ* и *кавалерскимъ* баловствомъ столь-же высоко, какъ пословицы Мюссе; пусть въ «*Провинціалкѣ*» женское лицо очерчено, хотя и слегка, но съ мастерствомъ истиннаго артиста—почти такъ-же хорошо, какъ жена адвоката «Жаклина» въ извѣстной пословицѣ Мюссе, хоть и съ меньшею энергіею: но все же эти

---

[1]) Соч. А. Григорьева.

произведенія—жертва модѣ и какая-то женская прихоть автора «Записокъ Охотника», «Рудина» и «Дворянскаго гнѣзда»; все же... Но я лучше поворочу скорѣе медаль и скажу: хорошо, что Тургеневъ обмолвился этими жертвами модѣ—хорошо, что этотъ симпатичнѣйшій талантъ нашей эпохи искренно отдавался всѣмъ направленіямъ, искренне и мучительно переживая всѣ вѣянія, искренне и женственно увлекался всѣми литературными модами. Талантъ съ глубокимъ и поэтическимъ хотя постоянно неяснымъ, постоянно *вырабатываемымъ* на глазахъ читателя, содержаніемъ,—съ широкими зачинаніями (концепціями), хотя безъ энергіи въ ихъ выполненіи, — онъ не выше и не ниже своей эпохи. Его сердце билось въ одинъ тактъ съ нею. Прежде всего и больше всего, это — талантъ искренній, искренній даже въ *самообманываніи*.

[1]) Что касается «Мѣсяца въ деревнѣ», къ которому авторъ особенно благоволитъ, то мы право затрудняемся ближе опредѣлить его отличительныя черты. Лишенный драматической жизни, Тургеневъ тѣмъ не менѣе стремится вывести на сцену какую-то весьма хитросплетенную интригу, съ претензіями на психологическій анализъ. Но увы и ахъ! читателю отъ этого все-же не веселѣе и онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ конца неинтересной путаницы. Единственная комедія Тургенева, не лишенная кое-какихъ достоинствъ—это «Нахлѣбникъ»: при хорошихъ актерахъ онъ легко смотрится. «Провинціалка», «Холостякъ»—хотя пользовалось во время оно успѣхомъ, но что-же не пользовалось успѣхомъ, когда въ нихъ

[1]) Венгеровъ. «Русск. лит. въ совр. ея предст.».

играли Мартыновъ и Садовскій?.. При обсужденіи «Разговора на большой дорогѣ» намъ приходится собрать всѣ свои симпатіи къ Тургеневу, чтобы снисходительно отнестись къ странной авторской неразборчивости. Въ pendant «Собакѣ» «Разговоръ на большой дорогѣ» служитъ интереснымъ указаніемъ, до чего можетъ дойти заблужденіе даже первокласнаго таланта относительно своихъ произведеній».

¹) Дружининъ говоритъ, что между всевозможными неправильно относившимися къ таланту Тургенева критиками «были энтузіасты, которые, не сознавая отсутствія драматическаго элемента въ дарованіи Тургенева, видѣли въ немъ надежду русской сцены и новое свѣтило новаго театра. Мудрено-ли, что посреди этихъ разнохарактерныхъ, ошибочныхъ оцѣнокъ и требованій, высказываемыхъ съ такою любовію, съ такимъ благородным сочувствіемъ, самъ предметъ общей симпатіи могъ запутываться въ своихъ воззрѣніяхъ? Нельзя отдыхать на розахъ, не ощущая желанія сдѣлать что-нибудь пріятное тому или тѣмъ, кто подсыпалъ намъ цвѣтовъ въ такомъ обиліи. Изъ взаимной ласковости и симпатіи произошла нѣкоторая уступчивость совершенно безсознательная, но явно ведущая къ общему ущербу. Тургеневъ писалъ драмы весьма неудачныя,—критика ихъ привѣтствовала, какъ прекрасныя творенія.

²) Много силъ долженъ былъ Тургеневъ тратить оттого только, что выбралъ узкую рамку для своихъ сочиненій. Выбралъ-же онъ прежде себѣ *стиль*, какъ

---

¹) (Соч. Дружин. т. 7).

²) С. Дудышкинъ («Отеч. Зап.» 1857 г. № 4.)

орудіе своего таланта, ошибся въ выборѣ—и оставилъ его. Выбралъ драматическую форму—и почти оставилъ ее.

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА.

(Бѣлинскій 1848 г., Анненковъ 1849 г., Дружининъ 1857 г., Григорьевъ 1859 г., Скабичевскій 1868 г., Миллеръ 1871—1874 г., Авдѣевъ 1874 г., Венгеровъ 1875 г., Евстафьевъ 1880 г., Невзоровъ 1883 г.).

[1]) «Записки Охотника» сослужили свою службу не тѣмъ только, что, показавъ мрачныя стороны крѣпостнаго права, убивавшаго живыя силы Россіи, убѣждали и правительство и общество въ неотложной необходимости его уничтоженія. Нѣтъ. Тургеневъ первый разрушилъ существовавшій до него взглядъ, что въ мужицкомъ тѣлѣ нѣтъ ничего похожаго на человѣка. Художникъ—поэтъ первый съ такою правдою разъяснилъ, что у него есть душа, и душа человѣческая, что онъ умѣетъ думать, чувствовать, какъ думаютъ и чувствуютъ грамотные русскіе люди. До Тургенева никто лучше не сказалъ: «Это такой же человѣкъ, какъ и мы!» По всѣмъ почти «Запискамъ» разсѣяно у поэта столько задушевности, что невольно всякій долженъ признать всемогущество поэзіи, умѣющей въ самой будничной обстановкѣ русскаго простолюдина найти возвышенную картину. «Записки Охотника» не потеряли и едва ли когда-нибудь потеряютъ свое значеніе: въ этихъ отрывочныхъ разсказахъ, связанныхъ,

[1]) Н. Невзоровъ («Руководящ. типы и воспит. элементъ въ произведеніяхъ русской лит. послѣ Гоголя»).

впрочемъ, единствомъ основной мысли, читатель узнаетъ всю мощь русскаго народа, его богатыя духовныя силы, его чувство, нелишенное поэзіи.

«Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край»,

который населенъ даровитымъ народомъ, имѣющимъ такіе здоровые корни для будущаго развитія и такіе чудные задатки, какіе видимъ въ герояхъ «Записокъ».

[1]) Неумирающее значеніе «Записокъ Охотника» въ томъ именно и состоитъ, что онѣ даютъ намъ здоровые, народные типы, прямо выхваченные изъ жизни и не созданные въ угоду какой-бы то ни было тенденціи. На ряду съ приниженными крѣпостничествомъ личностями, Тургеневъ показываетъ намъ простолюдиновъ съ неисковерканнымъ направленіемъ мыслей. Поэтому мы можемъ ихъ мнѣнія считать вполнѣ за выраженіе народной мудрости и въ ней почерпнуть указаніе на культурное значеніе русскаго народа, на степень его воспріимчивости и способности къ самобытности.

[2]) У Тургенева въ пространныхъ и художественныхъ картинахъ изображается народная сельская жизнь съ ея природою, трудами и печалями крестьянскаго сословія. Въ его «Запискахъ Охотника» особенно выдаются два достоинства: 1) превосходныя картины русской природы и 2) разнообразные типы помѣщиковъ и крестьянъ. Лица живы, не выдуманы, взяты изъ дѣйствительности, изображены съ большимъ зна-

[1]) Венгеровъ («Русск. лит. въ ея совр. предст.»)
[2]) Евстафьевъ («Новая русская литература»).

ніемъ среды, изъ которой выведены эти люди, и горячею любовію къ человѣку вообще. Оттого и на... тателя эти необъемистые, но богатые содержані... разсказы производятъ глубокое впечатлѣніе. Ч... болѣе знакомишься съ этими лицами, тѣмъ лу... понимаешь и самое общество, изъ котораго они ... ты. «*Записки Охотника*» представляютъ сборникъ ... сказовъ, повидимому, отдѣльныхъ; но въ этихъ ... сказахъ проходитъ одна общая идея: дать почувс... вать читателю различныя стороны жизни и взаим... вліянія помѣщичьяго и крестьянскаго быта при п... нихъ ихъ отношеніяхъ. Лучшіе изъ разсказовъ: ... *и Калинычъ, Касьянъ съ Красивой-Мечи, Однодворецъ ... сянниковъ, Лѣсъ и степь, Бѣжинъ лугъ.*

[1]) «Записки Охотника», исполненныя такимъ ... кимъ пониманіемъ русской природы, потому имѣ... необыкновенную важность во всей дѣятельности Т... генева, что ими опредѣлился широкій путь для ... вѣствователя; что человѣкъ, ихъ напцсавшій, вс... силами души своей прикрѣпился къ мѣсту ихъ д... ствія... Здѣсь всѣ преграды между поэтическимъ ... ромъ Тургенева и міромъ, имъ изображаемымъ, ... могутъ назваться преградою: потокъ поэзіи, пере... сивъ ихъ, низвергается съ значительною сил... Успѣхъ «Записокъ Охотника» навелъ Тургенева ... цѣлый рядъ важныхъ мыслей, и слѣды того мы ... димъ во многихъ произведеніяхъ нашего автора, ... бенно произведеніяхъ послѣдняго времени.

[2]) Большая часть разсказовъ охотника роди... изъ прямыхъ, личныхъ впечатлѣній автора. Онъ

[1]) Дружининъ (собр. соч. Друж. т. 7).
[2]) Анненковъ («Соврем.» 1849 г. № 1).

дaетъ въ картину случай, ему представившійся:
бираетъ передъ вами характеръ, имъ встрѣченный,
аже передаетъ въ формѣ разсказа собственное
воззрѣніе на какой-либо предметъ; но сколько
усства расточено у него при этой передачѣ разно-
ныхъ своихъ пріобрѣтеній! Любопытно наблюдать,
ъ мѣняетъ онъ для каждаго новаго представ-
ія краски и самый способъ изложенія, какъ вѣрно
считаны для нихъ свѣтъ и воздухъ, и въ какихъ
ныхъ оттѣнкахъ и умно разсѣянныхъ подробно-
съ выражаются у него люди и событія...

. Тургеневъ первый, кажется, изъ нашихъ пи-
лей понялъ важное значеніе того, что называется
етристикой, и первый показалъ примѣры какъ за-
ательныхъ результатовъ, какіе она дать можетъ,
ъ и рѣдкихъ качествъ, требуемыхъ ею отъ само-
исателя. Съ этой точки зрѣнія разсказы его прі-
ѣтаютъ для насъ двойное значеніе: во первыхъ,
собственному содержанію, а, во вторыхъ, по эстети-
кому вопросу, который они порождаютъ. Новые
казы Тургенева (Малиновая вода, Уѣздный ле-
ь, Бирюкъ, Лебедянь, Татьяна Борисовна, Смерть)
аняютъ всѣ качества предшествовавшихъ имъ:
ообразіе, вѣрность картинъ и особенно какое-то
кеніе ко всѣмъ своимъ лицамъ. Гуманность эта,
зывающая, между прочимъ, уже окрѣпшую мысль
вторѣ, да сильное чувство красоты природы, какъ
ежде, ихъ настоящій колоритъ, и вполнѣ объ-
ютъ успѣхъ ихъ. Это *этюды* многоцвѣтнаго рус-
о міра, исполненные тонкихъ замѣтокъ и ловко
ѣченныхъ чертъ.

¹) Не одинъ изъ героевъ Тургенева кажется нам безцвѣтнымъ по неопредѣленности своего общественнаго положенія. Въ строгомъ смыслѣ слова, едвали не одни герои «Записокъ Охотника» изъяты отъ такого нареканія, ибо они, такъ сказать, прикрѣплены къ извѣстному уголку Россіи, сжились съ нимъ, представляютъ собой его интересы, его занятія, его свѣтлыя и темныя стороны. Передъ этими помѣщиками и мужичками, которые ходятъ на охоту, спятъ у костровъ, пьютъ водку, копятъ или проматываютъ деньги пашутъ поля, ѣздятъ въ гости и разсказываютъ другъ другу дѣла своей жизни, и Колосовъ, и Лучковъ, и Чулкатуринъ, и герой «Трехъ Встрѣчъ» кажутся иноземными гостями, не имѣющими никакого мѣста въ раздольѣ русской жизни.

²) Оставаясь всегда строго объективнымъ художникомъ, Тургеневъ обладаетъ тою замѣчательною чертою, что при всемъ томъ сообщаетъ глубоко-задушевный характеръ всѣмъ своимъ произведеніямъ. Онъ болѣетъ душою за всякій неудачный шагъ своихъ героевъ, и всѣ его произведенія суть ничто-иное. какъ непосредственный результатъ его душевнаго настроенія. Поэтому мы и въ «Запискахъ Охотника» натыкаемся на слѣды различныхъ вѣяній, обуревавшихъ душу автора.

³) У Тургенева нѣтъ таланта чистаго творчества онъ не можетъ создавать характеровъ, ставить ихъ въ такія отношенія между собой, изъ какихъ об-

---

¹) Дружининъ (соч. Друж. т. 7).

²) Венгеровъ («Русск. лит. въ ея совр. предст.»).

³) Бѣлинскій («Соврем.» 1848 г. № 3).

разуются сами собой романы или повѣсти. Онъ можетъ изображать дѣйствительность видѣнную и изученную имъ, если угодно—творить, но изъ готоваго даннаго дѣйствительностію матеріала. Это не простое списываніе съ дѣйствительности, она не даетъ автору идей, но наводитъ, наталкиваетъ, такъ сказать, на нихъ... Главная характеристическая черта его таланта заключается въ томъ, что ему едвали бы удалось создать вѣрно такой характеръ, подобнаго которому онъ не встрѣчалъ въ дѣйствительности.

На такой взглядъ Бѣлинскаго на талантъ Тургенева по поводу «Записокъ Охотника» г. Миллеръ замѣчаетъ: [1]) «Бѣлинскій находилъ, что Тургеневъ можетъ изображать только то, что онъ видѣлъ своими глазами и что предварительно изучилъ,—чистаго творчества нашъ критикъ не признавалъ въ немъ. Мы въ настоящее время должны видоизмѣнить это мнѣніе въ томъ смыслѣ, что, дѣйствительно, на Тургенева имѣетъ большое вліяніе все, что происходитъ вокругъ него, что онъ въ высшей степени отзывчивъ на всѣ явленія современной жизни. Онъ слѣдитъ за нарожденіемъ новыхъ типовъ, новыхъ направленій, онъ ихъ немедленно схватываетъ и воспроизводитъ, и, дѣйствительно, можетъ воспроизводить только то, что у него на глазахъ».

По поводу первыхъ очерковъ изъ «Записокъ Охотника» Бѣлинскій пишетъ Тургеневу въ частномъ письмѣ: «Вашъ Каратаевъ хорошъ, хотя и далеко ниже Хоря и Калиныча»... Мнѣ кажется, у васъ чисто-творческаго таланта или нѣтъ—или очень мало—и

---

[1]) «Публичныя лекціи О. Миллера».

вашъ талантъ однороденъ съ Далемъ. Это вашъ настоящій родъ. Вотъ хоть бы «Ермолай и Мельничиха»—не Богъ знаетъ что, бездѣлка—а хорошо, потому что умно и дѣльно, съ мыслію. А въ «Бретерѣ», увѣренъ, вы творили. Найти свою дорогу, узнать свое мѣсто—въ этомъ все для человѣка, это для него значитъ сдѣлаться самимъ собой. Если не ошибаюсь, ваше призваніе—наблюдать дѣйствительныя явленія и передавать ихъ, пропуская чрезъ фантазію, но не опираться только на фантазію... Только ради Аллаха, не печатайте ничего такого, что ни то, ни се; не то, чтобъ не хорошо, да и не то, чтобъ очень хорошо. Это страшно вредитъ тоталитету извѣстности (извините за кудрявое выраженіе—лучшаго не придумалось). А «Хорь» обѣщаетъ въ васъ замѣчательнаго писателя—въ будущемъ».

[1]) Бѣлинскій сильно ошибался, говоритъ Венгеровъ, ставя талантъ Тургенева на одну ступень съ дарованіемъ Даля. Это совершенно невѣрно и объясняется только тѣмъ, что геніальный критикъ зналъ лишь очень немногія изъ прозаическихъ произведеній разбираемаго нами автора. Даль—поверхностный разскащикъ, не вникающій глубоко, въ то время какъ Тургеневъ немногими словами сразу исчерпываетъ все поддающееся воспроизведенію. Въ «Запискахъ Охотника» вы въ одномъ томѣ имѣете предъ собою всю крестьянскую жизнь съ ея печалями и немногими радостями. Вы видите, какъ формируются народныя повѣрія, какъ складываются народныя понятія, какъ образуется однимъ словомъ народное міросозерцаніе. Вы видите

[1]) «Русск. лит. въ ея современныхъ представителяхъ».

долготерпѣніе русскаго народа, его пассивное геройство, его угрюмое добродушіе и мягкосердечіе. Всматриваясь внимательнѣе, вамъ не трудно замѣтить его смышленность, здравый умъ и способность образоваться. Всѣ эти качества мелькаютъ передъ вами во время чтенія «Записокъ Охотника», и въ концѣ ихъ вы уже имѣете весьма ясное представленіе о нравственной физіономіи настоящей «черноземной» силы.

[1]) Гоголь, какъ извѣстно, только косвенно указывалъ на язву крѣпостного права; прямого выставленья ея со всѣми ея послѣдствіями мы не видимъ у Гоголя, какъ не видно, или почти не видно того у Пушкина. Но язва эта вполнѣ раскрывается въ знаменитыхъ, сразу доставившихъ извѣстность Тургеневу, «Запискахъ Охотника». И что же? именно эта ихъ сторона и не могла быть выяснена Бѣлинскимъ, который съ полнымъ сочувствіемъ привѣтствовалъ это произведеніе, но долженъ былъ ограничиться указаніемъ на то, съ какой теплотой понимаетъ Тургеневъ «человѣческое» въ народѣ.

[2]) «Бѣлинскій едвали бы могъ отозваться такъ, какъ бы ему, конечно, хотѣлось, говоритъ г. Миллеръ въ другомъ мѣстѣ. «Извѣстно, какія были тогда времена, и какой переполохъ возбудилъ общій смыслъ «Записокъ Охотника», когда онѣ вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Этотъ роковой общій смыслъ, повидимому, совершенно разрозненныхъ и неумышленно-правдивыхъ разсказовъ заключался, какъ всѣмъ

---

[1]) «Публичн. лекціи О. Миллера».

[2]) «Объ общественныхъ типахъ въ повѣстяхъ И. С. Тургенева». («Бесѣда» 1871 г. № 10).

извѣстно, въ обнаруженіи всѣхъ непривлекательныхъ сторонъ положенія нашего простого народа подъ крѣпостною властью помѣщиковъ. вмѣстѣ же съ тѣмъ весьма многихъ, вполнѣ привлекательныхъ сторонъ нрава простого русскаго человѣка, умѣвшаго оставаться *человѣкомъ* и при самомъ нечеловѣческомъ положеніи. Умѣнье указать на все это въ сороковыхъ годахъ составляетъ со стороны И. С. Тургенева тѣмъ болѣе неоцѣнимую заслугу. что до него наша литература текущаго вѣка, въ лицѣ самыхъ крупныхъ своихъ представителей, умѣла какъ то оставаться почти безучастною ко всему этому».

[1]) Укоряя Тургенева за «Дымъ» г. Скабичевскій говоритъ: «подъ вліяніемъ Гоголя и Бѣлинскаго, и г. Тургеневъ въ своихъ «Запискахъ Охотника» послужилъ тѣмъ идеямъ и тѣмъ общественнымъ вопросамъ, которые въ то время подымались въ обществѣ. Очень можетъ быть, что и на тотъ великій общественный вопросъ, который г. Тургеневъ затронулъ въ «Запискахъ Охотника», онъ смотритъ въ настоящее время, какъ на дымъ и паръ и никому ненужную кучу; но надо думать, что не такъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ г. Тургеневъ, когда писалъ свои «Записки Охотника», и тѣмъ болѣе не такъ смотрѣли на него тѣ изъ его читателей, которые во всѣхъ общественныхъ вопросахъ видятъ вопросы жизни и смерти, а не праздную забаву отъ нечего дѣлать».

[2]) Не всѣ разсказы Тургенева одинаковаго достоинства: одни лучше, другіе слабѣе, но между ними нѣтъ

[1]) «Отеч. Зап.» 1868 г. № 1.

[2]) Бѣлинскій («Современникъ» 1848 г. № 3).

ни одного, который бы чѣмъ-нибудь не былъ интересенъ, занимателенъ и поучителенъ. «*Хорь и Калинычъ*» остаются и до сихъ поръ лучшимъ изъ всѣхъ разсказовъ охотника: за нимъ «*Бурмистръ*», а послѣ него «*Однодворецъ Овсяниковъ*» и «*Контора*».

¹) По словамъ А. Григорьева, первая попытка Тургенева въ идеализированіи простой дѣйствительности: «Хорь и Калинычъ» была привѣтствована съ восторгомъ такъ называемыми славянофилами, еще съ большимъ восторгомъ—одна изъ послѣднихъ: «Муму». Но Тургеневъ слишкомъ поэтъ для того, чтобы писать по заданнымъ темамъ, и слишкомъ высокій талантъ для того, чтобы подчиниться теоріямъ. Онъ остался вѣренъ себѣ, вѣренъ собственному внутреннему процессу — и эта искренность сообщаетъ неувядаемую прелесть «Запискамъ Охотника», какъ она же сообщаетъ неувядаемую до селѣ прелесть «сентиментальному путешествію Йорика».

«ХОРЬ И КАЛИНЫЧЪ».

²) Когда утомленный горькимъ и тяжелымъ разоблаченіемъ личности, Тургеневъ, вслѣдъ за современнымъ вѣяніемъ, бросился искать успокоенія въ простомъ, типовомъ непосредственномъ дѣйствительности — онъ неожиданно удивилъ всѣхъ изображеніемъ «Хоря и Калиныча»: но этому изображенію слишкомъ наивно обрадовались идеалисты русской жизни.

³) Хорь—натура чисто практическая. Съ помощію своего крѣпкаго яснаго ума и практическаго смысла

¹) Соч. А. Григорьева.

²) Григорьевъ (Соч. А. Григ.).

³) П. Евстафьевъ («Новая русская литература»).

Хорь даже при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, т. е. при совершенной зависимости отъ произвола барина, все таки съумѣлъ устроить себѣ довольно независимое положеніе. Не даромъ баринъ говоритъ про него: «*Онъ у меня мужикъ умный*». Дѣйствительно, Хорь умный и дальновидный человѣкъ. Онъ понялъ, что чѣмъ дальше отъ барина, тѣмъ лучше— и выпросилъ себѣ позволеніе поселиться въ лѣсу, на болотѣ. За то его и прозвали Хоремъ. Онъ знаетъ, что барину важнѣе всего получить съ него побольше оброку,—и Хорь вноситъ исправно по сто рублей въ годъ. Баринъ говоритъ, что онъ намѣренъ еще «*накинуть*». Баринъ знаетъ, что Хорь, промышляя *маслишкомъ и дегтишкомъ*, разбогатѣлъ. Откупиться Хорь не хочетъ, хотя баринъ и не вѣритъ, что ему нечѣмъ откупиться. По мнѣнію Хоря, жить ему *за бариномъ* выгоднѣе, а «*попадешь совсѣмъ въ вольные люди,—тогда кто безъ бороды живетъ, тотъ и будетъ Хорю набольшій*». Впрочемъ о свободѣ Хорь не любитъ высказывать своихъ мнѣній. «*Крѣпокъ ты на языкъ и человѣкъ себѣ на умѣ*», говоритъ про него авторъ. Вообще Хорь своимъ практическимъ смысломъ умѣетъ обходить многія изъ затрудненій своего положенія. Сыновей своихъ онъ выростилъ богатырями, а грамотѣ не учитъ, хотя и знаетъ ея пользу; но онъ также и то знаетъ, что грамотныхъ возьмутъ на барскій дворъ и—тогда разстроится его крѣпкая, дружная семья. Таковъ этотъ цѣльный, серьезный, практическій характеръ. Есть въ Хорѣ и недостатки, неразлучные съ его необразованностію. Недостатки эти напоминаютъ нашу патріархальную сторону. Напримѣръ, хотя Хорь не любитъ праздности и постоянно чѣмъ-нибудь да занятъ полезнымъ въ

хозяйствѣ; но за чистотой и опрятностью въ избѣ не гонится; по его мнѣнію *«надо избѣ жильемъ пахнуть»*. На женщинъ онъ смотритъ съ искреннимъ, глубокимъ презрѣньемъ, и въ веселый часъ не прочь и посмѣяться надъ ними. Женщины—по мнѣнію Хоря—должны быть постоянно въ безусловной зависимости у мужчинъ. *«Баба—работница; баба мужику слуга»*. Въ другомъ мѣстѣ онъ еще говоритъ: *«Бабы народъ глупый. Что ихъ трогать? Такими пустяками заниматься. Не стоитъ рукъ марать.»* Взглядъ Хоря на барина вообще ясно высказывается въ небольшой сценѣ съ бариномъ-же (самимъ авторомъ). *«А что, у тебя своя вотчина есть?—Есть —«Что же ты, батюшка, живешь въ своей вотчинѣ?» — Живу. — «А больше, чай, ружьемъ пробавляешься?»— Признаться, да.—«И хорошо, батюшка, дѣлаешь. Стрѣляй себѣ на здоровье тетеревовъ, да старосту мѣняй почаще»*. Значитъ, мнѣніе Хоря таково: барину на свѣтѣ живется легко; дѣлать ему нечего, за него другіе дѣлаютъ; пусть себѣ забавляется.

[1]) Въ Хорѣ ничего идеализированнаго нѣтъ. Онъ не возвышенно добръ и не сантиментально добродѣтеленъ, онъ не ахти какъ развитѣе другихъ крестьянъ и даже зараженъ нѣкоторыми крестьянскими предразсудками. Если онъ производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, то именно тѣмъ самымъ, что представляетъ средняго русскаго человѣка, развившагося при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Хорь практиченъ, но не тою скверною практичностью, которая въ общежитіи слишкомъ снисходительно характеризуется

---

[1]) Венгеровъ («Русск. лит. въ ея совр. представителяхъ»).

словами: «себѣ на умѣ». Онъ на столько практиченъ, чтобы не позволять себя эксплоатировать разнымъ гг. Полутыкинымъ. Онъ не желаетъ лишь оставаться въ дуракахъ, примѣнять свою доброту къ ненадлежащему мѣсту. За то къ Калинычу, къ мягкому романтику Калинычу, онъ питаетъ самую нѣжную привязанность и готовъ ему помочь, чѣмъ только можетъ.

[1]) Калиныч съ его добродушнымъ, яснымъ взоромъ, вѣчно веселымъ и кроткимъ нравомъ, совершенное дитя природы, идеалистъ, романтикъ. Онъ людей не знаетъ и никогда не узнаетъ. Его нѣжная душа требуетъ привязанности. Онъ любитъ и уважаетъ Хоря; за бариномъ ухаживаетъ, какъ за ребенкомъ. Чувство его пересиливаетъ всѣ прочія душевныя силы. Онъ обо всемъ говоритъ съ жаромъ; не такъ, какъ Хорь, который говоритъ мало, часто подсмѣивается и больше разумѣетъ про себя. Умъ Калиныча требуетъ пищи; но образованія онъ, разумѣется, не получилъ, и негдѣ его получить. Правда, онъ грамотѣ знаетъ, но на природу смотритъ по своему. Онъ слѣпо вѣритъ разнымъ явленіямъ природы, потому что не у кого спросить объ истинномъ ихъ значеніи. За то, даже практическій Хорь признаетъ за Калинычемъ такія преимущества, какихъ самъ не имѣетъ. Калинычъ, напримѣръ, умѣетъ заговаривать кровь, испугъ, бѣшенство; выгоняетъ червей; у него пчелы не мрутъ, у него рука легкая. Воли своей у Калиныча нѣтъ. Онъ чувствуетъ себя подъ покровительствомъ Хоря, да и трудно ему развить свою волю въ томъ подневольномъ состояніи, въ которомъ онъ

[1]) П. Евстафьевъ («Новая русск. литература»).

родился и въ которомъ суждено ему прожить весь вѣкъ. Самъ баринъ говоритъ о немъ: добрый, усердный, услужливый мужикъ; хозяйство въ исправности *одначе* содержать не можетъ, я его все оттягиваю. Каждый день со мною на охоту ходитъ. Какое ужъ тутъ хозяйство?» Слѣдовательно, при такой зависимости, Калинычъ не зналъ-бы, что и дѣлать съ развитою волею.

[1]) Когда Тургеневъ началъ разсказывать Хорю и Калинычу свои заграничныя похожденія, заинтересовались наши мужики, но заинтересовались каждый по своему: восторженнаго и мечтательнаго Калиныча занимали красоты природы, горы, водопады, великолѣпныя зданія и т. п. прелести и диковинки. Хорь-же, какъ человѣкъ практичный, разспрашивалъ больше о предметахъ государственныхъ и административныхъ. «Что, у нихъ это тамъ есть такъ-же, какъ у насъ, аль иначе?..» Чувствительный Калинычъ выражалъ свое удивленіе охами да ахами. Не таковъ Хорь, какъ человѣкъ практическій. Онъ слушалъ разсказы, молчалъ, хмурилъ брови и лишь изрѣдка замѣчалъ, что «дескать это у насъ не шло бы, а вотъ это хорошо—это порядокъ». «Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости», замѣчаетъ Тургеневъ—что онъ не прочь и поломать себя... Что хорошо, то ему и нравится, что разумно, того ему и подавай, а откуда оно идетъ—ему все равно. Его здравый смыслъ легко подтруниваетъ надъ сухопарымъ умомъ европейца, но и европейцы, по словамъ Хоря, любопытный народецъ, и поучиться у нихъ онъ готовъ».

---

[1]) Невзоровъ. («Руководящіе типы въ произведеніяхъ русской литературы послѣ Гоголя»).

¹) Хорь съ его практическимъ смысломъ и практическою натурою, съ его грубымъ, но крѣпкимъ и яснымъ умомъ, съ его глубокимъ презрѣніемъ къ бабамъ и сильною нелюбовью къ чистотѣ и опрятности—типъ русскаго мужика, умѣвшаго создать себѣ значущее положеніе при обстоятельствахъ весьма неблагопріятныхъ. Но Калинычъ еще болѣе свѣжій и полный типъ русскаго мужика: это поэтическая натура въ простомъ народѣ.

«ОДНОДВОРЕЦЪ ОВСЯНИКОВЪ».

²) Однодворецъ Овсяниковъ совсѣмъ не слылъ за богача и былъ не такъ уменъ, какъ Хорь, а между тѣмъ его уважаетъ вся окрестность, къ нему обращаются за совѣтами. Онъ миритъ разсорившихся сосѣдей и всѣ покоряются его приговору. По понятіямъ Овсяникова «человѣкъ долженъ жить, и ближнему помогать обязанъ есть. Бываетъ, что и себя жалѣть не долженъ». Онъ почитаетъ за грѣхъ продавать хлѣбъ-Божій даръ, и, во время общаго голода и страшной дороговизны, раздаетъ окрестнымъ помѣщикамъ и мужикамъ весь свой запасъ хлѣба. Его спокойствіе, исполненное чувства собственнаго достоинства, его чисто древне-боярская величавость вполнѣ соотвѣтствуетъ древнему складу понятій. Онъ придерживается старинныхъ обычаевъ не изъ суевѣрія, а по привычкѣ: читаетъ духовныя книги, гостей при-

---

¹) Бѣлинскій. («Современникъ» 1848 г. № 3).

²) Невзоровъ («Руководящ. типы въ произв. русской лит. послѣ Гоголя.»)

нимаетъ ласково и радушно. Но это не мѣшаетъ ему брить бороду, носить нѣмецкое платье и признавать, что новые порядки лучше старыхъ. Не смотря на свое неразвитіе, Овсяниковъ, въ разсказѣ про одного изъ народолюбцевъ Василія Николаевича Любозванова, простымъ житейскимъ умомъ своимъ сразу постигаетъ смѣшную сторону этихъ не призванныхъ народолюбцевъ, ихъ напускное желаніе сблизиться съ народомъ. «Собрались мужики поглазѣть на своего молодого барина. Вышелъ къ нимъ Василій Николаевичъ. Смотрятъ мужики—что за диво!—ходитъ баринъ въ плисовыхъ шароварахъ: рубаху красную надѣлъ и кафтанъ тоже кучерской: бороду отпустилъ, на головѣ такая шапонька мудреная, и лицо такое мудреное,—пьянъ, не пьянъ, а не въ своемъ умѣ. «Здорово», говоритъ, «ребята! Богъ вамъ на помощь». Мужики ему въ поясъ,—только молча: заробѣли, знаете. И онъ словно самъ робѣетъ. Сталъ онъ имъ рѣчь держать: «я—де русскій», говоритъ, «и вы русскіе; я русское все люблю... русская, дескать, у меня душа, и кровь тоже русская»... Да вдругъ скомандуетъ: «а ну, дѣтки, спойте ка русскую народственную пѣсню!» У мужиковъ поджилки затряслись; вовсе одурѣли... Мужики къ Василію Николаевичу и подступиться не смѣютъ: боятся. И, вѣдь, вотъ опять что удивленія достойно: и кланяется имъ баринъ, и смотритъ привѣтливо,—а животы у нихъ отъ страху такъ и подводитъ, что за чудеса такія, батюшки, скажите?»... Да «чудеса то» очень простыя. Наши народники, считающіе себя образованными людьми, иногда имѣютъ искреннее желаніе сблизиться съ народомъ, да вотъ бѣда, не умѣютъ! Они, надѣвши мужицкій костюмъ, далеки

отъ народа по своимъ понятіямъ и духу, почему и возбуждаютъ въ немъ только смѣхъ и досаду къ себѣ и своей дѣятельности.

¹) Въ разсказахъ Овсяникова, какъ въ зеркалѣ, видны живые образы помѣщиковъ Екатерининскаго вѣка, съ самыми разнообразными причудами. Онъ разсказываетъ, напримѣръ, о *властныхъ* помѣщикахъ стараго времени, которымъ стоило только захотѣть завладѣть сосѣдней землей,—и они завладѣвали, подсмѣиваясь надъ жалобами и судами. Такъ безсильны въ то время были суды. Любопытны разсказы Овсяникова о тѣхъ причудникахъ, которые забавлялись то чудовищными охотами со множествомъ собакъ и егерей, то борьбой и кулачными боями, то, наконецъ, какъ это ни странно, потѣшались надъ собственными же гостями, заставляя ихъ то плакать, то хохотать, то пѣть унылыя пѣсни, то плясать до упаду. Кромѣ большой наблюдательности, въ характерѣ Овсяникова выставляются еще и другія, въ высшей степени привлекательныя черты. Наружная его величавость и невозмутимое спокойствіе служатъ отраженіемъ душевной ясности и доброты.

«КАСЬЯНЪ СЪ КРАСИВОЙ-МЕЧИ».

²) Подобный Калинычу, т. е. близкій къ природѣ, типъ русскаго крестьянина Тургеневъ выводитъ еще въ лицѣ Касьяна съ Красивой-Мечи. Этотъ маленькій, черненькій старичокъ, съ своимъ то лукавымъ, то довѣрчивымъ, то пытливымъ и проницательнымъ

¹) П. Евстафьевъ («Нов. русск. лит»).
²) Онъ-же («Новая русск. литер.»).

взглядомъ,—тоже человѣкъ безъ практическаго смысла. Но когда заговорятъ о природѣ, рѣчь его льется свободно, съ одушевленіемъ. «Рѣчь его не мужичья рѣчь,—говоритъ авторъ,—такъ не говорятъ простолюдины, и краснобаи такъ не говорятъ. Этотъ языкъ обдуманный—торжественный и странный. Я не слыхалъ ничего подобнаго». Касьянъ грамотенъ, хотя, конечно, не образованъ. При образованіи онъ только болѣе страдалъ бы отъ своего положенія. И теперь онъ немало огорченъ и разстроенъ. Въ числѣ прочихъ крестьянъ, и его внезапно переселили съ родины на новое, чужое мѣсто. «Тамъ, говоритъ Касьянъ, у насъ, на Красивой-то-на-Мечи, взойдешь ты на холмъ... и Господи, Боже мой, а?... И рѣка-то, и луга-то, и лѣсъ!.. А тамъ церковь... а тамъ опять пошли луга. Далече видно, далече!.. вотъ какъ далеко видно... смотришь, смотришь! Ахъ, ты, право!..» Здѣсь-же, въ тѣснотѣ, оторванный отъ родного гнѣзда, Касьянъ со всѣмъ потерялся. Работникъ онъ плохой; семьи нѣтъ; промышлять—ничѣмъ не промышляетъ, какъ онъ самъ выражается. Правда, онъ соловьевъ ловитъ, не для продажи, впрочемъ, а *такъ отдаетъ добрымъ людямъ, на утѣшеніе и веселіе*. Знаетъ свойство нѣкоторыхъ травъ, лѣчитъ кровь, заговариваетъ и хотя у практическихъ сосѣдей-крестьянъ прослылъ человѣкомъ удивительнымъ, глупымъ, «несообразнымъ» даже, однако пользуется у нихъ не малымъ авторитетомъ. Простору ему въ жизни нѣтъ никакого. Перемѣнить положеніе свое нѣтъ возможности. А потому Касьянъ затаилъ въ себѣ душевныя силы и живетъ больше въ мечтательномъ мірѣ, нежели въ дѣйствительности, которая

вовсе его не удовлетворяетъ. Ему хотѣлось бы въ страны, гдѣ, по слухамъ, солнце привѣтливѣе св тить и Богу человѣкъ виднѣй, и поется-то ладнѣ гдѣ раздолье и Божья благодать: гдѣ живетъ вся человѣкъ въ довольствіи и справедливости.

[1]) Какая-то особенная, совершенно своеобразн поэзія разлита по всему щедушному существу Кас яна. Это одна изъ тѣхъ глубоконеобыденныхъ натур которыя при всякой рѣшительно обстановкѣ сох няютъ въ неприкосновенности свои поэтическія н клонности и никогда не позволяютъ прозѣ жиз заѣсть себя. Не смотря на все его необразованіе относительное неразвитіе, мы Касьяна можемъ пр числить къ тѣмъ личностямъ, которыя никогда пошлѣютъ, потому что они сами въ себѣ созда особенный мірокъ, гдѣ и сидятъ, какъ заколдованны Этого внутренняго мірка у нихъ никто отнять можетъ. Вотъ и Касьянъ остается одинаковымъ в свою жизнь. При всемъ своемъ поэтическомъ и, та сказать, «неземномъ» колоритѣ, Касьянъ, благода удивительной способности Тургенева придавать св имъ образамъ печать правдивости, не кажется нам чадомъ сантиментальнаго авторскаго настроенія и отзывается слащавостью произведеній Григоровича.

«Б И Р Ю К Ъ».

[2]) Величавая его осанка—высокій ростъ, могуч плечи, суровое и мужественное лицо, широкія бр и смѣло глядѣвшие небольшіе каріе глаза—все

---

[1]) Венгеровъ («Русск. лит. въ ея соврем. представителяхъ.»)

[2]) Невзоровъ («Руковод. типы въ произв. русск. лит. послѣ Гоголя

чемъ обличало необыкновеннаго человѣка. Свою обязанность лѣсника Бирюкъ отправлялъ настолько добросовѣстно, что всѣ про него говорили: «вязанку хворосту не дастъ утащить.... И ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ, ни деньгами; ни на какую приманку нейдетъ». Суровый съ виду, Бирюкъ имѣлъ нѣжное, доброе сердце. Поймаетъ въ лѣсу мужика, срубившаго дерево, такъ пристращаетъ, что и лошадь пригрозитъ не отдать, а дѣло обыкновенно кончитъ тѣмъ, что сжалится надъ воришкой и отпуститъ его. Бирюкъ любитъ сдѣлать доброе дѣло, любитъ и обязанности свои исполнять добросовѣстно, но не будетъ кричать объ этомъ на всѣхъ перекресткахъ, не будетъ рисоваться этимъ.

[1]) Суровая честность не проистекаетъ у Бирюка ни изъ какихъ теоретическихъ принциповъ: онъ простой мужикъ. Но глубоко прямая натура его дала ему понять лучше всякихъ этическихъ книгъ, какъ слѣдуетъ исполнять взятую на себя обязанность.

— «Должность свою справляю, говоритъ онъ угрюмо:—даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится»...

Бирюкъ—чисто русская натура нерѣдко долгое время кажущаяся самой обыденной и ничего не выражающей, пока не подвернется какой-нибудь случай, и этотъ-же самый незатѣйливый субъектъ выкинетъ вамъ поступокъ, который васъ повергнетъ въ величайшее изумленіе. Отсутствіе внѣшней аффектаціи, такъ сильно насъ поражающее въ Бирюкѣ, не есть одному ему только присущее качество. Нѣтъ! Русская народная натура именно обладаетъ непосред-

[1]) Венгеровъ («Русск. лит. въ ея совр представителяхъ»).

ственностію въ высшей степени. Иной мужикъ вам сегодня пойдетъ на медвѣдя съ рогатиной, а на завт останется тѣмъ-же обыкновеннымъ пахаремъ и г роизмъ его останется въ равной степени затаенным изрѣдка только появляющимся на свѣтъ Божій, чтоб окончательно сбить съ толку психолога, не знающаг что ему дѣлать съ подобными натурами, къ како разряду ихъ отнести.

«П Ѣ В Ц Ы».

[1]) Въ кабакѣ происходитъ сцена, устраивастс турниръ между пѣвцами. Вотъ рядчикъ запѣваетъ в селую, плясовую пѣсню въ родѣ:

Распашу я, молода-молоденька,
Землицы маленько,
Я посѣю молода-молоденька
Цвѣтика аленька.

Онъ начинаетъ такія отдѣлывать завитушки, так защелкалъ и забарабанилъ языкомъ, такъ неисто заигралъ горломъ, что когда онъ пустилъ послѣдні замирающій голосъ, общій слитный крикъ слушат лей отвѣтилъ ему неистовымъ взрывомъ. Но вотъ н сцену выступаетъ Яковъ. Онъ прислонился къ стѣн глаза его едва мерцали сквозь опущенныя рѣсниц Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ... по немногу разг рячаясь и расширяясь, полилась его заунывная пѣсня «Не одна-то въ полѣ дороженька пролегала»... «Пѣл онъ и всѣмъ присутствующимъ сладко становилось

[1]) Н. Невзоровъ («Руководящ. типы въ произв. русской лит. пос Гоголя»).

говоритъ Тургеневъ, «и сладко, и жутко... Русская правдивая, горячая душа звучала и дышала въ пѣвцѣ, и такъ хватала за сердце, хватала прямо за русскія струны. Пѣснь его росла, разливалась. Яковомъ видимо овладѣвало упоеніе... онъ отдавался весь своему счастію. Онъ пѣлъ, и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо-широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ слушателями, уходя въ безконечную даль. Закипала на серцѣ кровь и поднимались къ глазамъ слезы. Глухія, сдержанныя рыданія, продолжаетъ Тургеневъ, поразили меня... я оглянулся—жена цѣловальника плакала, припавъ грудью къ окну»... Яковъ кончилъ. Слушатели стояли всѣ, какъ оцѣпенѣлые. Рядчикъ тихо всталъ и пошелъ къ Якову.—«Ты... твоя... ты выигралъ», произнесъ онъ съ трудомъ и бросился вонъ изъ комнаты. Да. Не удаль и не веселая пѣсня трогаетъ русскаго человѣка, хоть и для нея въ немъ много мѣста. Русскому человѣку нужна задушевность; ему пріятно, когда у него щемитъ сердце, когда ему хочется плакать, или сидѣть гдѣ-нибудь въ уголку да молчать.

«БѢЖИНЪ ЛУГЪ».

[1]) Авторъ разсказываетъ о томъ, какъ послѣ цѣлаго дня охоты онъ почью сбился съ дороги и набрелъ на крестьянскихъ ребятишекъ, которые стерегли табунъ. Въ ожиданьи, пока сварятся «картошки», эти ребятишки коротали ночное время разными росказнями о томъ, кто что видѣлъ, слышалъ — дома,

[1]) П. Евстафьевъ («Новая русск. лит.»).

въ полѣ, въ лѣсу, на рѣкѣ. Въ этихъ безъискуственныхъ разговорахъ дѣтей выражаются ихъ мысли, чувство, суевѣрія и вообще наивный взглядъ на природу и на людей. Подъ предлогомъ изображенія этой занимательной сцены, авторъ даетъ читателю почувствовать и оцѣнить тѣ условія жизни, какими было обставлено крестьянское дѣтство. Видно, что бѣдность и нужда заставляютъ дѣтей съ самыхъ раннихъ лѣтъ уже принимать серьезное участіе въ трудахъ родителей. Такимъ образомъ, крестьянскіе ребятишки совсѣмъ лишены образованія. Съ другой-же стороны, эти самыя обстоятельства жизни ставятъ ихъ въ тѣсныя отношенія съ природою, съ трудомъ и уже съ дѣтства воспитываютъ въ нихъ физическую силу, бодрость духа, находчивость, однимъ словомъ — характеръ. По основной идеѣ, которую авторъ вложилъ въ этотъ разсказъ, «*Бѣжинъ лугъ*» естественно является крайней противоположностью съ извѣстнымъ гончаровскимъ эпизодомъ: «*Сонъ Обломова*.» Въ томъ эпизодѣ, на оборотъ изобличается непомѣрная, неразумная попечительность маменьки относительно Ильюши. Вслѣдствіе того, Ильюша и лишенъ всякой самодѣятельности и остается безхарактернымъ на всю жизнь. Кромѣ художественнаго изображенія привлекательныхъ типовъ крестьянскихъ мальчиковъ: Ѳеди, Павлуши, Ильюши, Кости и Вани, «*Бѣжинъ лугъ*» представляетъ еще мягкія изящныя описанія природы средней полосы Россіи. Въ началѣ разсказа безподобное описаніе іюльскаго дня, а затѣмъ — тихаго, пріятнаго вечера. Художественное воспроизведеніе предмета получаетъ особенную теплоту отъ того, что авторъ тутъ-же даетъ почувствовать и его собственныя

впечатлѣнія и связь описываемаго явленія съ мѣстной сельской жизнью.

¹) «Записки Охотника» во всѣхъ отношеніяхъ первоклассное произведеніе. О величіи проникающей ихъ мысли нечего и говорить, а форма, въ которую она облечена, настолько прекрасна, что мы, кажется не ошибемся, утверждая, что можетъ быть ни одинъ еще русскій писатель не возвысился до такой красоты эпическаго описанія, какъ Тургеневъ въ «Бѣжинѣ лугѣ». По всему этому очерку разлито столько чувства, столько задушевности, что вы невольно должны признать всемогущество истинной поэзіи, изъ весьма обыкновенной вещи, умѣющей создать возвышающую картину съ такою поразительною вѣрностію, что вы, какъ будто чувствуете себя живымъ зрителемъ, вы какъ будто присутствуете на самомъ дѣлѣ при описываемой сценѣ.

«ЕРМОЛАЙ И МЕЛЬНИЧИХА».

²) Наряду съ крестьянскими типами Тургеневъ выставляетъ въ «Зап. Ох.» и типы неугнетеннаго сословія. Такимъ является въ разсказѣ «Ермолай и Мельничиха» Звѣрковъ. «Этотъ субъектъ, говоритъ г. Венгеровъ, разсказываетъ автору исторію нѣкой крестьянской дѣвки Арины съ такими возмутительными подробностями, что право не знаешь, чему болѣе удивляться: его-ли наивности или безобразію порядка вещей, внушающаго подобныя воззрѣнія... Онъ даже

¹) С. Венгеровъ («Русск. лит. въ ея совр. представителяхъ»).
²) Онъ-же («Русск. лит. въ ея соврем. представителяхъ»).

знаетъ кое-что о человѣческомъ достоинствѣ, онъ разсуждаетъ о своевременности или несвоевременности крестьянскаго освобожденія, онъ человѣкъ не злой и вдругъ у него является вполнѣ логичнымъ не выдавать Арину замужъ изъ за того, что барыня останется безъ горничной. Объяснить подобное обстоятельство можно только нашею безхарактерностію, недостаточнымъ обладаніемъ послѣдовательностью.

«БУРМИСТРЪ».

¹) На Звѣркова (изъ разсказа «Ермолай и Мельничиха») нѣкоторые могутъ смотрѣть какъ на человѣка, не особенно интеллигентнаго. Онъ нѣсколько смахиваетъ на помѣщика если не Екатерининскихъ временъ, то, по крайней мѣрѣ, Александровскихъ. Но вотъ не угодно-ли вамъ полюбоваться на человѣка самой новѣйшей (для своего времени понятно) формаціи — Аркадія Павлыча Пѣночкина (изъ разсказа «Бурмистръ»), гвардейскаго офицера въ отставкѣ. Онъ получилъ отличное воспитаніе, устроилъ свой домъ на самый европейскій манеръ, слуги у него одѣты по англійски, однимъ словомъ, что твой ланкастерскій лордъ-помѣщикъ. «Аркадій Петровичъ», говоря его собственными словами, «строгъ, но справедливъ, о благѣ подданныхъ своихъ печется и наказываетъ ихъ для ихъ-же блага». «Съ ними надобно обращаться, какъ съ дѣтьми», говорилъ онъ въ такомъ случаѣ:— невѣжество, mon cher, il faut prendre cela en considération». Выписавъ сцену Аркадія Петровича Пѣноч-

¹) Венгеровъ («Русская лит. въ ея совр. предст.»).

вина съ камердинеромъ по поводу ненагрѣтой рюмки вина, г. Венгеровъ продолжаетъ:

«Вы понимаете, какъ распорядились съ камердинеромъ. И это за ненагрѣтую рюмку вина! Повѣритъ-ли современный Пѣночкину западный человѣкъ возможности подобнаго совмѣщенія европеизма съ такими древне-фараоновскими замашками. Если-бы еще приказаніе «распорядиться» съ Ѳеодоромъ было отдано наединѣ съ управляющимъ, ну, мы тогда бы и знали, что Пѣночкинъ мерзкій и злой человѣкъ. А то нѣтъ! Въ присутствіи чужаго лица, даже не особенно хорошо знакомаго, помѣщикъ щеголяющій своею образованностію и современностью, не стѣсняется выкинуть колѣнце средневѣковаго необузданнаго феодала, весь вѣкъ свой проведшаго въ своемъ замкѣ или на большой дорогѣ. Заговорите съ этимъ же самымъ господиномъ объ энциклопедистахъ и онъ уже, по всей вѣроятности, найдетъ ихъ порядочно поотсталыми отъ общаго прогрессивнаго движенія, скажетъ вамъ, что для *нашего* времени требуется что-нибудь поновѣе, погуманнѣе и полиберальнѣе. Совѣсть его абсолютно чиста. Онъ даже нѣкоторымъ образомъ считалъ себя благодѣтелемъ своихъ крестьянъ и навѣрное, когда рѣчь зайдетъ объ эмансипаціи, найдетъ ее совершенно лишнею при существованіи людей, озабоченныхъ благоденствіемъ принадлежащихъ имъ крѣпостныхъ.

«ЛѢСЪ И СТЕПЬ» и «ПОѢЗДКА ВЪ ПОЛѢСЬЕ».

[1]) Въ разсказѣ *Лѣсъ и Степь* идетъ непрерывный рядъ описаній природы въ разныя времена года и

[1]) П. Евстафьевъ («Новая русск. литер.»).

дня, и такъ же, какъ и въ предыдущемъ разсказѣ нѣтъ нѣтъ, и незамѣтно сквозь описаніе внѣшняго явленія пробьются собственныя ощущенія, впечатлѣнія, воспоминанія автора.

Въ другія минуты, т. е. въ минуты другого душевнаго настроенія, природа производитъ на человѣка и другія впечатлѣнія. Величавость ея, вѣчная ея сила и красота производятъ на поэта впечатлѣніе глубокое, потрясающее. И въ эти минуты человѣкъ не только сознаетъ свою связь съ внѣшнею природою, но и ощущаетъ радость отъ этого сознанія. Дремучіе литовскіе лѣса произвели такое именно впечатлѣніе на душу Тургенева, и онъ выразилъ ихъ въ началѣ разсказа: «Поѣздка въ Полѣсье».

«ГАМЛЕТЪ ЩИГРОВСКАГО УѢЗДА».

[1]) Характеръ героя этого разсказа вовсе не пародія на Гамлета, какъ казалось нѣкоторымъ. Данныя натуры того и другого можетъ быть дѣйствительно одинаковы; дѣло въ томъ, что они оба запутались равно, почти до самоуничтоженія, въ окружающихъ ихъ обстоятельствахъ; только Шекспировскій Гамлетъ вызванъ на трагическую борьбу не по силамъ «событіемъ внѣ всякаго другого», а Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, съ которымъ, напротивъ, случались только обыкновеннѣйшія изъ обыкновенныхъ вещей, такъ и остался только «молодымъ человѣкомъ лѣтъ двадцати, подслѣповатымъ и бѣлокурымъ, съ ногъ до головы одѣтымъ въ черную одежду, но улыбавшимся язви-

[1]) А. Григорьевъ (Соч. А. Григорьева).

тельно». Требованія Гамлета Щигровскаго уѣзда не по силамъ ему самому: голова его привыкла проводить всякую мысль съ нещадною послѣдовательностію, а дѣло, которое вообще требуетъ участія воли, совершенно расходится у него съ мыслію,—стремленіе къ логической послѣдовательности выражается у него, наконецъ, только сожалѣніемъ о томъ, что «нѣтъ блохъ тамъ, гдѣ онѣ по всѣмъ вѣроятностямъ должны быть», и отсутствіе воли породило въ немъ робость передъ всѣмъ, передъ всѣми и передъ каждымъ. Онъ правъ, жалуясь на то, что не имѣетъ оригинальности, т. е. извѣстнаго опредѣленнаго характера. Онъ по натурѣ—уменъ, только уменъ умомъ совершенно безплоднымъ, не спеціальнымъ: онъ многое понимаетъ глубоко, но видитъ только *совершившееся*, не имѣя въ себѣ никакого чутья для *совершающагося*... Бѣдный Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, *вопервыхъ*, всегда былъ большой мечтатель, и *вовторыхъ*—онъ энциклопедистъ, а не спеціалистъ, человѣкъ не прикованный ни къ какому серьезному труду, не любящій серьезно никакого опредѣленнаго дѣла: онъ сгубленъ поверхностнымъ энциклопедизмомъ или, лучше сказать, отрывочными знаніями. Онъ былъ настолько добросовѣстенъ, что не могъ «болтать, болтать, безъ умолку болтать, вчера на Арбатѣ, сегодня на Трубѣ, завтра на Сивцевомъ вражкѣ, все о томъ же»,—но съ другой стороны, онъ былъ не довольно крѣпокъ для мышленія уединеннаго, самобытнаго и замкнутаго, которое, рано или поздно, довело бы его до сочувствія къ дѣйствительности и, слѣдовательно, до пониманія дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной степени. Въ любви онъ любилъ не предметъ страсти,

а только процессъ любви, *любилъ любить*, какъ Стерновъ Йорикъ, и даже какъ самъ Шекспировскій Гамлетъ.

¹) «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда» носитъ характеръ совершенно отличный отъ другихъ очерковъ, составляющихъ «Записки Охотника». Онъ представляетъ собою болѣе или менѣе ясно выраженный взглядъ самого Тургенева на породу русскихъ гегеліанцевъ сороковыхъ годовъ, онъ болѣе можетъ быть разсматриваемъ какъ философская статейка, нежели какъ художественная картина... Устами «Гамлета» высказываются истины, во многомъ раздѣляемыя, полагать надобно, и Тургеневымъ. Въ тонѣ «Гамлета Щигровскаго уѣзда» слишкомъ много живости, чтобы не видѣть за кулисами беллетриста нашего, въ мѣткой и ѣдкой характеристикѣ желавшаго выставить недостатки прежняго чисто-головного и теоретическаго направленія нашей интеллигенціи. Оригинальную въ самомъ дѣлѣ общественную формацію представляютъ собою русскіе гегеліанцы сороковыхъ годовъ! Эти люди были обречены на самую печальную участь: постоянно носить въ себѣ элементы страшнаго раздвоенія. Какъ Янусы новѣйшаго времени, они вамъ представлялись съ одной стороны высокоразвитыми европейцами, а съ другой—показывали такія чисто-русскія наклонности, что оставалось только развести руками и сознаться въ невозможности логическимъ путемъ объяснить происхожденіе подобнаго типа. Что такое въ самомъ дѣлѣ русскій гегеліанецъ? Какіе его органическіе признаки? Чѣмъ онъ отличается отъ

¹) С. Венгеровъ («Русск. лит. въ ея совр. предст.»).

предъидущихъ и послѣдующихъ эпохъ? Въ чемъ его культурное значеніе для русской цивилизаціи? Отвѣчать на эти вопросы не совсѣмъ легко, вопервыхъ, потому, что еще ни одинъ русскій гегеліанецъ не дошелъ до полнаго пониманія самого себя, а вовторыхъ— гегеліанство проявлялось въ такихъ разнообразныхъ формахъ, что очень часто является дѣломъ едва возможнымъ очистить отъ иного всероссійскаго субъекта толстую кору различныхъ вѣяній, чтобы добраться до сущности его натуры.

[1]) Василій Васильевичъ былъ дѣйствительно менѣе полезенъ для общества, чѣмъ всякій Орбасановъ или исправникъ, которые жили скверно, да все-таки жили, и хоть отрицательную пользу, но приносили. Справедливо также онъ упрекаетъ себя въ томъ, что онъ не оригиналенъ. Да, въ немъ дѣйствительно нѣтъ и тѣни оригинальности, во всемъ онъ дѣйствуетъ, какъ по книжкѣ: поступаютъ люди въ университетъ, идетъ и онъ въ университетъ, безъ заранѣе обдуманной цѣли къ чему приготовлять себя; ѣдутъ люди въ Германію учиться философіи,—и онъ ѣдетъ, не зная на что ему философія; влюбляется въ дочь нѣмецкаго профессора, къ которой не чувствуетъ любви; ходитъ смотрѣть картины и статуи въ галлереяхъ, нисколько ими не интересуясь. «А между тѣмъ, какъ легко быть оригинальнымъ, говоритъ онъ; я, напримѣръ, ничего не смыслю въ живописи и ваяніи... сказать бы это въ слухъ... нѣтъ, какъ можно»!... Не правда-ли, что эта черта въ Васильѣ Васильевичѣ—недостатокъ оригинальности, въ высшей степени типична и не напо-

[1]) М. Авдѣевъ («Наше общество въ герояхъ и героиняхъ литературы»).

минаетъ-ли она въ этомъ случаѣ тысячи соотечественниковъ, которые за границей боятся на шагъ отступить отъ гида, въ гостинницѣ спросить яйцо покруче сваренное, дома повязать галстухъ, какъ вздумается — все изъ боязни сдѣлать не такъ какъ другіе, изъ боязни прослыть оригиналомъ. Василій Васильевичъ, при всемъ безсиліи, въ тысячу кратъ умнѣе этихъ не оригинальныхъ людей тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, видитъ свой недостатокъ, тогда какъ другіе считаютъ его за добродѣтель! Впрочемъ, оригинальность—это своеобразность, самостоятельность, вѣра въ себя и въ свой умъ;—и откуда-же у русскаго человѣка, ходящаго весь вѣкъ на помочахъ, явиться ей?

ОБЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ «ЗАПИСОКЪ ОХОТНИКА».

[1]) Въ лицѣ самыхъ передовыхъ своихъ представителей наша литература XIX вѣка какъ бы совершенно порвала связь съ тѣми доблестными преданіями, представителями которыхъ являлись въ XVIII в. съ одной стороны наши комики, съ другой публицисты въ родѣ Новикова, Полѣнова и Радищева. Но XIX вѣку даже мало было порвать эту связь: онъ осмѣлился, въ лицѣ Пушкина, самымъ легкомысленнымъ образомъ осмѣять Радищева. Еще раньше нашъ вѣкъ опозорилъ себя сладкогласнымъ ратованьемъ за отсрочку рѣшенія крѣпостнаго вопроса — въ лицѣ Карамзина, который отвернувшись отъ Новиковскаго мистицизма, не задумавшись отвернулся и отъ самыхъ

[1]) О. Миллеръ («Объ обществ. типахъ въ повѣстяхъ И. С. Тургенева». «Бесѣда» 1871 г. № 10).

человѣчныхъ стремленій этого — хотя бы притомъ и мистика! И не только одни умозрѣнія, но и живые пріемы повѣсти послужили позорному дѣлу такой отсрочки, создавая изъ нашей народной жизни — пріятно убаюкивающую идиллію. И отголоски такой идилліи сохранялись у насъ до временъ ближайшихъ къ Тургеневу, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, обнаруживались и зародыши противоположной крайности—выставленія народа совсѣмъ уже отупѣлымъ, почти низведеннымъ на степень животнаго. Какъ-же послѣ этого не превознесть въ «Запискахъ Охотника» именно то, что, правдиво обнаруживая всю бѣдственность положенія народа, онѣ столько-же правдиво, не убѣляя и не черня, представляютъ намъ въ простомъ народѣ —людей.

Въ нѣкоторыхъ разсказахъ своихъ охотникъ, т. е. нашъ писатель, даже не затрогиваетъ крѣпостнаго вопроса, а просто рисуетъ намъ такіе типы крѣпостныхъ людей, въ которыхъ оказывается гораздо болѣе человѣческаго, чѣмъ во многихъ типахъ помѣщичьихъ. Вотъ передъ нами дѣтскій крестьянскій міръ въ «Бѣжиномъ Лугѣ», со всею налегшею на него съ колыбели непроглядною тьмой суевѣрій, но и со всею бодростью и находчивостью существъ, тоже почти съ колыбели выведенныхъ на открытое поле жизни и предоставленныхъ почти совершенно самимъ себѣ. Есть, однако, и между ними болѣе приголубленные судьбою въ лицѣ болѣе зажиточныхъ родителей, но нѣтъ между ними такихъ, которыхъ бы она приголубила до того, чтобы довесть до состоянія комнатнаго растенія. А вспомните этотъ яркій, поразительный образъ Павлуши, такъ спокойно готовящагося

встрѣтить волка,—и согласитесь, что въ эту минуту далеко до него какому нибудь изнѣжившемуся барчуку, хотя бы и вовсе не суевѣрному! А вотъ передъ вами простой народный кабакъ со всею его неприглядною обстановкой и со всѣми его, болѣе или менѣе сбившимися съ пути, посѣтителями («Пѣвцы»). И что же, на этой совершенно низкой ступени тѣхъ чувственныхъ наслажденій, до какихъ въ состояніи ниспасть человѣкъ, разомъ сказываются во всѣхъ этихъ забулдыгахъ порывы къ высшему — въ этой внезапной жаждѣ упиться пѣснію, въ этомъ, приковывающемъ всѣхъ, состязаніи двухъ пѣвцовъ и обаятельномъ дѣйствіи ихъ, всѣмъ давно извѣстныхъ, но всегда отвѣчающихъ на запросы народа, пѣсенъ. И согласитесь, что въ эту минуту кабакъ представляетъ намъ болѣе признаковъ человѣческой жизни, чѣмъ тотъ барскій покой Ивана Никифоровича, среди котораго онъ лежалъ въ натурѣ, или даже чѣмъ тотъ, поэтически выставленный Гоголемъ, уголокъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», въ которомъ почти исключительно раздавалась нескончаемая бесѣда о томъ, «чего бы такого покушать?» — А вотъ передъ вами одинъ изъ тѣхъ характерныхъ представителей, въ своемъ родѣ поэтическаго начала народной жизни, которые носятъ названіе «юродивыхъ» или «блаженныхъ».—(«Касьянъ съ Красивой Мечи»), Природа, не давъ ему вырости выше дѣтскаго роста, и по внутреннимъ качествамъ оставила его какъ будто бы навсегда ребенкомъ—съ чисто-дѣтской способностью не думать о завтрашнемъ днѣ, съ чисто-дѣтской сердечной привязанностью ко всѣмъ тварямъ. Но вглядитесь, и вы замѣтите въ немъ при этомъ уже вовсе не дѣт-

скую способность къ широко-хватающимъ обобщеніямъ. У него не только сжимается сердце при мысли о тѣхъ бѣдныхъ пташкахъ, которымъ придется стать жертвой забавы охотника, но онъ и разсуждаетъ объ этомъ такимъ образомъ: «кровь—святое дѣло кровь! Кровь солнышка Божія не видитъ, кровь отъ свѣту прячется.... великій грѣхъ показать свѣту кровь—охъ, великій!» И въ этомъ «юродивцѣ», конечно, гораздо живѣе сказывается *человѣкъ*, чѣмъ въ свѣтски натертыхъ, элегантныхъ представителяхъ нашего благороднаго класса въ родѣ Пѣночкина, приказывающаго выпороть своего слугу за ненагрѣтое вино за завтракомъ («Бурмистръ»), или же Мардарія Аполлоныча Стегунова, съ добрѣйшей улыбкою вторящаго ударамъ исправительныхъ розогъ: «чюки-чюки-чюкъ! чюки-чюки-чюкъ!» («Два Помѣщика»). Но и другимъ еще образомъ сказывается въ Касьянѣ та особаго рода разумность, которую такъ любитъ скрывать самъ народъ въ своихъ сказкахъ подъ кажущеюся глупостью любимаго ихъ лица—Иванушки. Повидимому, до совершеннѣйшей безотвѣтности выносливъ Касьянъ, и даже готовъ признать, что опека, конечно, совершенно справедливо разсудила, переселивъ его вмѣстѣ съ другими съ привольной Красивой Мечи на новое, неприводьное мѣсто. А между тѣмъ, такъ и рвется его поэтическая душа изъ этой «тѣсноты, сухменя» на широкій и вольный просторъ—«и туда, и сюда, вплоть до теплыхъ морей съ сладкогласными птицами, съ золотыми яблоками на серебряныхъ вѣткахъ и довольствомъ, и справедливостью для каждаго человѣка». И, что особенно замѣчательно, сейчасъ же при этомъ переносится его ужъ ни мало несебялюбивая мысль

къ другимъ такимъ же, какъ онъ, горемыкамъ... «Много, тужитъ онъ, другихъ хрестьянъ въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, правды ищутъ... да! А то, что дома-то, а? Справедливости въ человѣкѣ нѣтъ, вотъ оно что»... И, конечно, въ это время юродивецъ Касьянъ несравненно разумнѣе тѣхъ нашихъ литературныхъ умниковъ, которые такъ, бывало, любили васъ занимать чисто *личными* и притомъ еще большею частію напускными «страданіями поэта», эгоистически забывающаго за тѣмъ весь міръ, или даже тупоумно увѣряющаго и себя, и васъ, будто, сравнительно съ его участью, и участь какого нибудь бѣдняка несравненно завидна!

«Справедливости въ человѣкѣ нѣтъ»—вотъ чѣмъ оканчиваетъ Касьянъ, и въ этомъ слышится уже затаенный и кроткій, по самой своей обобщенности, жизненный выводъ народа изъ явленій крѣпостного права. Но юродивецъ Касьянъ гораздо живѣе чувствуетъ неправду его, чѣмъ другія, столько же поэтическія личности въ самомъ народѣ, только не отмѣченныя печатью «юродства». (И въ этомъ случаѣ нашъ писатель совершенно вѣрно понялъ значеніе этого психологическаго явленія народной жизни: кому неизвѣстны въ своемъ родѣ смѣлые, далеко хватающіе взгляды нашихъ историческихъ юродивыхъ?) Вполнѣ безотвѣтнымъ, любовно-благоговѣющимъ передъ своимъ господиномъ является въ «Запискахъ Охотника» народный романтикъ Калинычъ. «Ужъ ты его у меня не трогай», говоритъ онъ про помѣщика Полутыкина другу своему, народному реалисту Хорю: и на возраженіе послѣдняго: «а что-жъ онъ тебѣ сапоговъ не сошьетъ?» спокойнѣйшимъ образомъ отвѣ-

чаетъ: «Эка, сапоги! на что мнѣ сапоги? я мужикъ». Но при такой незлобивой готовности примиряться съ существующимъ порядкомъ вещей. тѣмъ болѣе васъ отталкиваетъ нравственный кругозоръ помѣщика Полутыкина: вспомните безчувственно откровенное признаніе его про Калиныча: «Усердный и услужливый мужикъ; хозяйство въ исправности одначе содержать не можетъ: я его все оттягиваю. Каждый день со мною на охоту ходитъ... Какое ужъ тутъ хозяйство. посудите сами». Въ лицѣ Калиныча г. Тургеневъ развернулъ передъ нами ту сторону природы русскаго человѣка, которая сказывалась, между прочимъ, и въ знаменитыхъ, уже совсѣмъ отживающихъ, типахъ нашихъ дядекъ и нянекъ крѣпостной поры. Наши наблюдатели нравовъ изъ «благороднаго» лагеря любятъ объяснять эти типы преобладаніемъ человѣчности въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крѣпостнымъ; но едва ли не вѣрнѣе его объяснять добродушіемъ самого народа. Было бы однако-же странно, еслибъ подобныя *сердечныя* отношенія къ господамъ являлись въ немъ сплошь и къ ряду. И вотъ въ народѣ оказывались и совершенно другія личности—съ рѣшительнымъ перевѣсомъ разсудка, замѣчательно развитого жизнію; личности *себѣ на умѣ*, умѣвшія достигать довольно выгоднаго положенія, не смотря на крѣпостное право, а иногда и благодаря ему. Такимъ-то является Хорь, насквозь видѣвшій своего помѣщика, и потому-то именно не только умѣвшій нажить себѣ и дѣтямъ своимъ сапоги, но даже находившій совершенно излишнимъ (хотя и могъ бы) выкупиться на волю. То же практическое направленіе доведено уже до самыхъ крайнихъ предѣловъ въ лицѣ бурми-

стра помѣщика Пѣночкина. Вспомните его холопскіе панегирики помѣщичьей власти, которые представлялись помѣщику чрезвычайно touchants, а панегиристъ между тѣмъ довелъ имѣніе его до того, что оно только числилось за Пѣночкинымъ, на самомъ же дѣлѣ владѣлъ имъ бурмистръ,—владѣлъ, забравъ къ себѣ въ кабалу всѣхъ крестьянъ, въ чьихъ жалобахъ Пѣночкинъ если и видѣлъ le mauvais côté de la médaille, то слишкомъ оберегалъ свой покой, чтобы вступать въ разбирательство.

Извѣстно, что это было однимъ изъ неособенно рѣдкихъ явленій нашего крѣпостничества, при чемъ неограниченный властелинъ, какъ оно бываетъ и не въ однихъ крѣпостныхъ владѣніяхъ, не замѣтнымъ образомъ обращался въ игрушку своего холопа: совершенно законная кара, но отъ которой, къ несчастію, становилось не лучше, а хуже для всѣхъ, т. е. для той же *мелкой четы, для тѣхъ же униженныхъ и оскорбленныхъ*. Вспомните также и конторщика г-жи Лосняковой («Контора»), къ тому-же стакнувшагося съ ея «вѣдьмой» ключницей. Особый оттѣнокъ въ немъ составляетъ расположеніе къ сердечнымъ дѣламъ, и способность изъ мести настроить г-жу Лоснякову—не давать разрѣшенія на бракъ съ ея дѣвкой ея человѣку, конторщикову сопернику. «Ея господская воля», неотразимо ссылается при этомъ конторщикъ, подобно какому-нибудь администратору, ссылающемуся на законъ. Но барская воля, какъ неумолимый законъ и въ самомъ вопросѣ о бракѣ, неоднократно сказывается въ «Запискахъ Охотника» во всей своей страшной и, какъ всѣмъ намъ хорошо понятно, заурядной силѣ. Едва-ли не съ самой разн-

тельной стороны представлено это въ разсказѣ «Ермолай и Мельничиха», который если бы даже совершенно одинъ уцѣлѣлъ для потомства, то и тогда бы могъ служить вполнѣ удовлетворительною поэтическою характеристикою крѣпостной поры. Можно сказать, что даже одинъ разсказъ г. Звѣркова о «черной неблагодарности» дѣвки Арины достаточно ярко передаетъ всю глубину безнравственности, всю непробужденность чего-либо человѣческаго въ заурядныхъ понятіяхъ многихъ изъ нашего благороднаго класса этой еще недавней поры. Дѣвка должна быть благодарна барынѣ за то, что еще съ дѣтства вырвали ее изъ родной семьи и пожаловали въ горничныя. Неблагодарность ея заключается въ томъ, что она просится замужъ. Г-жа Звѣркова могла бы при этомъ, подражая г-жѣ Простаковой, сказать: «любитъ, бестія, точно благородная!» Но не даромъ-же наши помѣщичьи нравы смягчились со временъ Фонъ-Визина (должно быть подъ вліяніемъ Карамзинской сентиментальности и т. п.). Г. Звѣрковъ считаетъ нужнымъ отвѣтить на просьбу Дарьи цѣлымъ доводомъ: «у барыни другой горничной нѣтъ, а замужнихъ она не держитъ...» (Кому неизвѣстно, что это послѣднее правило и до сихъ поръ еще сохраняетъ у многихъ всю свою силу при наймѣ, конечно, уже не крѣпостной прислуги; но развѣ нужда не является и теперь своего рода крѣпостною зависимостью?). Другимъ признакомъ усовершенствованія понятій служитъ, какъ извѣстно, со стороны г. Звѣркова то, что онъ не позволяетъ Аринѣ валяться у него въ ногахъ, потому что «человѣкъ никогда не долженъ забывать свое достоинство». Во имя того-же, конечно, приходитъ въ

негодованіе и г-жа Звѣркова, когда не выноситъ естественныхъ послѣдствій запрета, истекшаго изъ ея барской воли... Дѣйствительно, важный успѣхъ: при фонъ-Визинѣ гг. Звѣрковы не стыдились бы прямо показываться *звѣрями,* тогда какъ Тургеневу уже пришлось ихъ представить разыгрывающими *людей.* Но нашъ авторъ умѣлъ показать, что причиною барскихъ запретовъ того же рода бывала даже и не забота о своихъ выгодахъ и привычкахъ, а просто капризный припадокъ барскаго самодурства. Глядя на Петра Петровича Каратаева, Марьѣ Ильинишнѣ вдругъ пришло въ голову женить его на зеленой своей компаньенкѣ, и отъ этого-то, главнымъ образомъ, она такъ и разозлилась, когда онъ ей предложилъ выкупъ за полюбившуюся ему дѣвку ея Матрену. Конечно, съ другой стороны въ Марьѣ Ильинишнѣ заговорило при этомъ и чувство человѣческаго—виноватъ, помѣщичьяго достоинства—при возмутительной мысли о женитьбѣ дворянина на крѣпостной!

Вспомнимъ затѣмъ и о другихъ, столько-же заурядныхъ явленіяхъ крѣпостной поры, столь-же вѣрно воспроизведенныхъ г. Тургеневымъ: о графской метрескѣ, забривающей слугѣ лобъ за шоколадъ, пролитый ей на платье, о барскихъ привычкахъ самого графа Петра Ильича, который, по разсказу стараго дворецкаго Тумана, душа былъ добрая: побьетъ, бывало, тебя,—смотришь, ужъ и позабылъ («Малиновая Вода»); о рыбакѣ Сучкѣ, попавшемъ въ это званіе изъ кучеровъ, въ кучера изъ пивоваровъ, въ повара изъ актеровъ—все по барской волѣ (напоминающей въ этомъ отношеніи пріемы и не одинхъ только баръ) («Льговъ») и т. д. Но особенно важно то, что г. Тур-

лахъ, путемъ нравственнаго улучшенія дворянъ, добиться того, чего идиллически ожидалъ сладкорѣчивый Карамзинъ, (не только во время «Записокъ Охотника», но еще и очень недавно имѣвшій у насъ въ этомъ отношеніи единомышленниковъ);—нашъ трезвый, неумолимо правдивый писатель показываетъ вслѣдъ затѣмъ, многаго-ли можно было дождаться также и отъ тѣхъ хлыщей народнаго направленія, полагавшихъ его исключительно въ однѣхъ фразахъ, отъ тѣхъ, какъ онъ прозвалъ ихъ, Пустозвоновыхъ, которые, дѣйствительно, только звонили себѣ о народѣ и вовсе не умѣли, или даже не хотѣли, справить службу ему на самомъ дѣлѣ... Посредствомъ примѣровъ, приводимыхъ тѣмъ-же Овсянниковымъ, нашъ охотникъ въ корнѣ опровергалъ его мнѣніе, будто бы «теперь лучше, а нашимъ деткамъ и еще лучше будетъ». Нѣтъ, какъ бы хотѣлъ своей книгой сказать охотникъ, пока будетъ стоять крѣпостное право, ни намъ, ни нашимъ потомкамъ лучше не будетъ!

Нарисовавъ съ поразительной правдой нѣсколько совершенно обыкновенныхъ картинъ изъ жизни простого русскаго человѣка, нашъ охотникъ срисовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ натуры и нѣсколько чудныхъ картинъ его смерти. «Удивительно умираетъ русскій мужикъ! восклицаетъ онъ. Состоянье его передъ кончиною нельзя назвать ни равнодушіемъ, ни тупостью: онъ умираетъ, словно обрядъ совершаетъ: холодно и просто». И эта совершенно покойная встрѣча смерти вполнѣ понятна послѣ жизни русскаго мужика, какою обрисовалъ ее г. Тургеневъ, жизни, въ которой терять было нечего и которая точно также просто и холодно выполнялась имъ до конца, какъ заданный

скучный, но неизбѣжный урокъ! Но и тутъ, какъ вездѣ у нашего писателя, подъ этою холодностію теплится то тихое любовное чувство, безъ котораго бы рѣшительно невыносимою сдѣлалась жизнь, и которое тутъ сказывается — то въ насущной заботѣ объ оставляемой семьѣ, то въ потребности попрощаться, т. е. по русскому смыслу слова, попросить прощенья у окружающихъ. — Но совершенно также, какъ русскій мужикъ, умираетъ, по поэтическому свидѣтельству г. Тургенева, и всякій русскій человѣкъ, въ отношеньи къ которому, по народному выраженію, судьба явилась злою мачихой. Вспомните смерть недоучившагося студента Авенира Сорокоумова, для котораго безотрадная доля домашняго наставника въ домѣ малоразвитыхъ людей оказалась, какъ и оказывается для многихъ, своего рода закрѣпощеніемъ. Вспомните, наконецъ, и смерть старушки помѣщицы, которая собиралась сама заплатить за свою отходную, заплатить съ давнихъ поръ, можетъ быть, припасеннымъ на этотъ случай рублемъ. Очевидно, что это одна изъ тѣхъ мелкопомѣстныхъ, къ которымъ относится въ «Запискахъ Охотника» и мать больной дѣвушки, влюбляющейся въ «Уѣзднаго Лекаря».

Выводя передъ нами такіе, въ свою очередь возбуждающіе жалость, типы бѣдныхъ помѣщицъ, нашъ писатель доказываетъ этимъ, какъ далекъ онъ былъ отъ того, чтобы выставлять помѣщиковъ исключительно со стороны ихъ отношеній къ крестьянамъ и исключительно въ невыгодномъ свѣтѣ. Напротивъ, даже участіе возбуждаютъ у него не только такія, уже самой своею бѣдностію располагающія въ свою поль-

зу личности, но и живущая въ полномъ довольствѣ, добродушная со здравымъ умомъ, Татьяна Борисовна, или даже безгласная, мать Радилова, да и самъ Радиловъ, котораго Охотнику такъ и хотѣлось бы получше узнать и полюбить, хотя въ немъ иногда и сказывался помѣщикъ (между прочимъ и въ чисто барскихъ его отношеніяхъ къ проживившемуся и проживающему у него Ѳедору Михѣичу). А вспомните Чертопханова-сына, являющагося такимъ-же преемникомъ своего взбалмошно-грознаго отца, какими являлись въ исторіи многіе добродушные государи, смѣнявшіе суровыхъ предшественниковъ. «Несправедливости, притѣсненія онъ вчужѣ не выносилъ; за мужиковъ своихъ стоялъ горою... Какъ, моихъ трогать? Да не будь я Чертопхановъ!..» Вспомните и его заступничество за Недопюскина, и въ своемъ родѣ трогательную, хотя и не безъ юмористическаго оттѣнка, дружбу обоихъ. При такой способности г. Тургенева подмѣчать и выказывать человѣческія черты и въ самыхъ помѣщикахъ, его «Записки Охотника» не могли представляться направленными съ огульной враждой противъ нихъ, и указывающими только на тѣ стороны общественнаго ихъ положенія, которыми неизбѣжнымъ образомъ искажались и самыя сочувственныя между ними натуры. Но и это опять-таки лишь придавало «Запискамъ Охотника» новую, неотразимую силу, наглядно указывая на то, что тутъ дѣло было не въ звѣрской грубости нашихъ помѣщиковъ (которой, пожалуй, могло бы оказываться и больше при всѣхъ соблазнахъ неограниченнаго права), не въ недостаткѣ между помѣщиками тѣхъ добродушныхъ личностей, которыя могутъ являться и независимо

отъ образованія съ его смягчающими вліяніями, а дѣло было въ неестественности самыхъ отношеній, самой этой неразрывной связи между людьми съ неограниченными правами и людьми совершенно безправными. И хотя бы И. С. Тургеневъ не написалъ ничего послѣ «Записокъ Охотника», все бы имя его осталось навсегда незабвеннымъ въ исторіи нашей литературы. Между тѣмъ передъ нами еще цѣлый рядъ его общественныхъ типовъ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ до «РУДИНА.»

(Бѣлинскій 1845—1848 г., Анненковъ 1855 г., Дружининъ 1857 г., Дудышкинъ 1857 г., Григорьевъ 1859 г., Добролюбовъ 1860 г., Авдѣевъ 1874 г., Венгеровъ 1875 г.)

«АНДРЕЙ КОЛОСОВЪ».

[1]) «Андрей Колосовъ» былъ написанъ въ 1844 году, т. е. въ лучшую эпоху критики Гоголевскаго періода, глядѣвшей съ крайнею благосклонностію на всѣ литературныя начинанія г. Тургенева. Искренно, глубоко раздѣляя идеи и тенденціи цѣнителей, такъ ему симпатизировавшихъ, нашъ авторъ строитъ свое первое произведеніе сообразно взглядамъ, въ то время считавшимся и новыми, и справедливыми. Жоржъ-Сандъ, передъ которою такъ многіе преклонялись въ 1844 году, оставила свой видимый слѣдъ на характерахъ и интригѣ всей повѣсти. По замыслу своему, Андрей Колосовъ приводитъ намъ на мысль нѣсколько

[1]) А. Дружининъ (соч. Друж. т. 7).

мимо его содержимаго... Какъ первый опытъ «Андрей Колосовъ», во всякомъ случаѣ, безукоризненъ. Вы нигдѣ въ немъ не чувствуете шероховатостей, юношеской неумѣлости. Все гладко, какъ у присяжнаго писателя. Слогъ блестящій, тургеневскій слогъ, съ характернымъ тонкимъ юморомъ, проявляется и въ этой повѣсти.

[1]) Рисуя мизерную эпоху 50-хъ годовъ общественной дѣятельности въ Россіи, характеризуемую въ литературѣ «лишними людьми», г. Авдѣевъ выставляетъ Андрея Колосова, какъ выдающійся типъ того времени: «былъ, напримѣръ, замѣчательный человѣкъ Андрей Колосовъ, хотя его замѣчательность ограничивалась тѣмъ, что среди обезсиленной и изолгавшейся голпы, онъ былъ искрененъ и прямъ; впрочемъ, выразилась эта прямота не въ борьбѣ съ жизнію и окружающими порядками, а въ томъ, что, разлюбивъ одну дѣвушку, онъ бросилъ ее, не прибѣгая ни къ какимъ уловкамъ: «не люблю, говоритъ, ее больше и баста, что же противъ этого подѣлаешь!»

[2]) «Андрей Колосовъ» г. Т. Л.—разсказъ чрезвычайно замѣчательный по прекрасной мысли: авторъ обнаружилъ въ немъ много ума и таланта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и показалъ, что онъ не хотѣлъ сдѣлать и половины того, что бы могъ сдѣлать: оттого и вышелъ хорошенькій разсказъ тамъ, гдѣ-бы слѣдовало выйти прекрасной повѣсти».

Спустя три года Бѣлинскій объ Андреѣ Колосовѣ отозвался такъ: [3]) «Тургеневъ пробовалъ себя и въ

---

[1]) М. Авдѣевъ («Наше общество въ герояхъ и героиняхъ литературы»).

[2]) Бѣлинскій (Сочинен. Бѣлинскаго, часть 9).

[3]) «Современникъ» 1848 г. № 3.

повѣсти; написалъ *Андрея Колосова*, въ которомъ много прекрасныхъ очерковъ, характеровъ изъ русской жизни, но какъ повѣсть, въ цѣломъ это произведеніе до того странно, не досказанно, неуклюже, что очень немногіе замѣтили, что въ ней было хорошаго. Замѣтно было, что г. Тургеневъ искалъ своей дороги и все еще не находилъ ее, потому что это не всегда и не всѣмъ легко и скоро удается».

«БРЕТТЕРЪ».

[1]) Тургеневъ началъ второе прозаическое произведеніе своей молодости по самой рутинной методѣ нашей беллетристики сороковыхъ годовъ. Онъ сжалъ и обезсилилъ экспозицію, поторопился поставить своего молодого героя подъ невыгодный уголъ зрѣнія, подлилъ достаточное количество житейской пошлости въ изображеніе семейства своей героини: въ одномъ только отклонился онъ отъ системы общепринятой: своего желчнаго и озлобленнаго Авдѣя Лучкова не захотѣлъ онъ облечь въ привлекательную форму... Первыя строки повѣсти свѣжи и ясны, какъ обыкновенно бываетъ начало повѣстей Тургенева,—послѣ этихъ строкъ младшій герой повѣсти, корнетъ Кистеръ, лицо привлекательное, юное и, безъ всякаго сомнѣнія, симпатическое автору, изображено въ видѣ какого-то жалкаго дурачка, между тѣмъ какъ дальнѣйшій ходъ произведенія совершенно противорѣчитъ этому описанію. Поэтъ словно остановился надъ прелестью первыхъ строкъ и сказалъ самъ себѣ: «а не пора-ли подлить въ нихъ жизненной пошлости?»

---

[1]) А. Дружининъ (собр. соч. Друж. т. 7).

[1]) Тургеневъ косвенно содѣйствовалъ развѣнчанію въ глазахъ общества нашихъ доморощенныхъ Байроновъ, выставляя Лучкова сквернымъ человѣкомъ. Въ самомъ дѣлѣ нелюдимость Бреттера, его молчаливость объясняются нежеланіемъ жальчайшей посредственности быть осмѣянной, его отрицаніе любви— просто грубостью натуры, и наконецъ геройство, равнодушіе къ жизни—просто какимъ-то калмыцкимъ чувствомъ, среднимъ между апатіею необразованнаго человѣка и кровожадностью дикаго сына степей... Въ этомъ отношеніи Тургеневъ опять попалъ подъ общественное настроеніе, подъ протестъ противъ всесильныхъ героевъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Онъ видѣлъ ихъ паденіе, наблюдалъ постепенное охлажденіе къ нимъ общества и поспѣшилъ воспроизвести это явленіе въ своемъ «Бреттерѣ».

[2]) Сообразно современнымъ воззрѣніямъ, мрачный Бреттеръ долженъ былъ завладѣть всей симпатіей читателя, подавить всѣ мелкія личности, ему противопоставленныя, въ грустномъ величіи обрисоваться посреди картинъ мірской пошлости, такъ не подходящей къ его могучей, хотя враждебной обществу природѣ. Ничего подобнаго не сдѣлалъ Тургеневъ, благодаря зоркости, которая всегда присуща истиннымъ поэтамъ, не взирая ни на какія колебанія. Въ самую минуту завязки и столкновенія между лицами повѣсти, онъ смѣло подошелъ къ своему мрачному герою, подошелъ затѣмъ, чтобъ сказать ему съ небывалой дотолѣ смѣлостью: «прочь съ пьедестала: ты не демонъ и не энергическій герой великой силы, — ты

---

[1]) Венгеровъ («Русск. лит. въ ея совр. предст.»).

[2]) Дружининъ (Собр. соч. Дружинин. т. 7).

злой человѣкъ и тебя надо судить, какъ злого чело-вѣка». Такъ Бреттеръ Лучковъ есть злой человѣкъ: дурнымъ и озлобленнымъ человѣкомъ признаетъ ег[о] нашъ авторъ,—а нападать на злого или озлобленнаг[о] человѣка было не такъ-то легко въ 1846 году, когд[а] еще Печоринъ, понятый съ угрюмосовременной точк[и] зрѣнія, пользовался большимъ кредитомъ въ литера-турѣ и обществѣ... Въ Бреттерѣ Лучковѣ до тако[й] степени раскрыта изнанка нашихъ доморощенныхъ Печориныхъ, что самъ грустно-изящный герой Лер-монтова отчасти страдаетъ вслѣдствіе такого раскры-тія. Не смотря на всю силу своей натуры, Авдѣй га-докъ передъ другими дѣйствующими лицами повѣсти самыми нехитрыми, самыми будничными лицами. I деревенская барышня Маша, и не совсѣмъ привле-кательный нѣмчикъ Кистеръ милы по сравненію с[ъ] этимъ грубымъ созданіемъ.

«ТРИ ПОРТРЕТА».

[1]) Вмѣстѣ съ исполненнымъ идиллической симпаті[и] изображеніемъ «Хоря и Калиныча»—старый, обая-тельный своими тревожными сторонами, типъ поднял-ся у Тургенева блистательнымъ очеркомъ лица «Ва-силья Лучинова» въ повѣсти «Три портрета». Чт[о] ни говорите о безнравственности Василія Лучинова но несомнѣнно, что въ этомъ образѣ есть поэзія, ест[ь] обаяніе. Эта поэзія, это обаяніе—въ которыхъ не ви-новаты ни Тургеневъ, ни мы, ему сочувствовавшіе—нѣкоторымъ образомъ сильнѣе и значительнѣе обаяні[я]

[1]). Григорьевъ (Соч. А. Григ.).

Лермонтовскаго Печорина, какъ у самого Лермонтова его недоконченный, но вѣчно мучившій его Арбенинъ или Арбеньевъ—поэтичнѣе и обаятельнѣе холоднаго и часто мелочнаго Печорина... Безнравственность «Василія Лучинова» вы, разумѣется, моральнымъ судомъ казнили, но то грозное и зловѣщее, то страстное до безумія и вмѣстѣ владѣющее собою до рефлексіи, что въ немъ являлось, ни художникъ не развѣнчивалъ, ни вы развѣнчивать не могли—и внутри вашей души никакъ не могли согласиться съ критикомъ, назвавшимъ *Василія Лучинова* гнилымъ человѣкомъ. Василій Лучиновъ, пожалуй, не только что гнилъ, онъ—гнусенъ: но сила его, эта страстность почти, что южная, соединенная съ сѣвернымъ владѣніемъ собою, эта пламенность рефлексіи или рефлексія пламенности, есть *типовая* особенность... Василію Лучинову Тургенева я придаю особенную важность потому, что въ этомъ лицѣ старый типъ Донъ-Жуана, Ловласа и т. д. принялъ въ первые наши русскія, оригинальныя формы... Въ «Трехъ Портретахъ» Тургеневъ дошелъ до оригинальнаго, чисто русскаго—но мрачнаго и холоднаго типа... Но тутъ-то вѣроятно и совершился въ немъ переворотъ. Его ужаснула холодная до рефлексіи и вмѣстѣ страстная до необузданности натура его героя, Василія Лучинова, встрѣченный сочувствіемъ однихъ, указаніями другихъ на все то безнравственное и дѣйствительно гнилое, что было въ Лермонтовскомъ типѣ,—изображеніемъ имъ такъ по своему, такъ оригинально,—Тургеневъ остановился передъ типомъ въ недоумѣніи и колебаніи. Въ немъ не было мрачной и злой вѣры въ этотъ типъ Лермонтова—и отъ колебанія произошла

въ немъ та моральная болѣзнь, которая выразилась судорожнымъ смѣхомъ «Гамлета Щигровскаго уѣзда и жалобными, искренними воплями «Лишняго человѣка».

[1]) Что-то чужестранное лежитъ на Лучиновѣ, что-то такое дѣлаетъ его очень интересною привлекающей картинкою, но не снимкомъ съ дѣйствительности. Русская жизнь пуще огня боится мелодраматизма и нужно быть очень недюжиннымъ писателемъ, чтобы заставить читателя забыть это существенное условіе. Столкновеніе Лучинова съ отцемъ, драматическая сцена, когда сынъ, стиснувъ шпагу въ рукахъ, злобными и не покорными глазами измѣрилъ отца, готовъ поднять на него руку—эта сцена вышла бы чрезвычайно эффектной въ романѣ изъ иностраннаго образа жизни. Тургеневъ-же долженъ былъ собрать все свое художественное чутье правды, чтобы не произвесть отрицательнаго впечатлѣнія и тонкій рисунокъ не превратить въ суздальское издѣліе... Видѣть въ Лучиновѣ что либо демоническое, а главное прототипъ Печорина, какъ, это сдѣлали нѣкоторые критики, мы положительно отказываемся. Всего вѣрнѣе будетъ отнести «Три портрета» къ области «искусства для искусства,» поставленнаго внѣ условій времени и мѣста. Только въ такомъ случаѣ, разсматривая «Три портрета», какъ интересный разсказъ, ну, скажемъ, изъ итальянской жизни, мы готовы съ ними вполнѣ примириться.

[2]) «Три портрета», разсказъ г. Тургенева, при ловкомъ и живомъ изложеніи, имѣетъ всю заманчивость

---

[1]) Венгеровъ («Русск. лит. въ ея соврем. предст.»)
[2]) Бѣлинскій (сочин. Бѣлинск. т. 10).

не повѣсти, а скорѣе воспоминаній о *добромъ* старомъ времени. Къ нему шелъ бы эпиграфъ: «Дѣла минувшихъ дней!»...

¹) «Три портрета» начинаются самой охлажденной выходкой противъ «сосѣдства», *составляющаго одну изъ величайшихъ непріятностей сельской жизни*. Только что сообщивъ намъ слѣдующія слова: «слава Богу, у меня нѣтъ сосѣдей», авторъ говоритъ, что у него есть однако одинъ сосѣдъ хорошій, а сказавши, что у него есть однако одинъ сосѣдъ хорошій, спѣшитъ доказать намъ, что этотъ сосѣдъ совсѣмъ не такъ хорошъ, какъ было сказано. Читатель утомленный этими эволюціями и контръ-эволюціями, приготовляется бросить разсказъ, когда, послѣ вышеприведенныхъ рѣчей, не идущихъ къ дѣлу, вдругъ выдаются передъ нимъ полторы странички, исполненныя истинной поэзіи... Кажется, отчего бы автору «Трехъ портретовъ» не начать прямо съ этихъ трехъ страничекъ. Въ поэтическомъ моментѣ жизни человѣческой нѣтъ ничего недостойнаго для творчества, хотя бы причиной этого момента былъ хорошій обѣдъ послѣ охоты. Ничто такъ не изображаетъ поэта, какъ его способъ обращаться съ мелочами, а мелочи слѣдуетъ изучать тому, кто желаетъ узнать всю сущность нашей литературы за сороковые годы.

«Ж И Д Ъ».

²) Повѣсть «Жидъ», набросанная еще въ 1846 году, замѣчательна по крайней простотѣ замысла и изложенія; она, очевидно, написана въ свѣтлыя минуты

¹) Дружининъ (Собран. соч. Друж. т. 7.)
²) Тоже.

для г. Тургенева... Это вещь отлично обработан
но, при всей своей поэтической свѣжести, не имѣюі
важнаго значенія.

¹) «Жидъ», не смотря на свой незначительный с
емъ и отсутствіе опредѣленной тенденціи, читается
большимъ удовольствіемъ. Онъ такъ живо и ин
ресно написанъ, что вы прощаете автору нѣкото
утрировку. Тургеневъ изображалъ своего «Жида»
извѣстному шаблону, по тому образцу, который бі
принятъ съ сороковыхъ годовъ для характерист
богоизбраннаго народа. Неудивительно, если сл
слѣдуя предписаннымъ правиламъ, Тургеневъ дѣла
весьма и весьма крупные промахи, которые искупаю
единственно живостью разсказа.

«ПѢТУШКОВЪ».

²) «Пѣтушковъ»—одна изъ самыхъ неудачныхъ Т
геневскихъ вещей... «Пѣтушковъ» очевидно написа
подъ вліяніемъ Гоголя. Гоголь первый узаконилъ пр
міра «инфузорій» на воспроизведеніе въ литературѣ. І
пытка его имѣла огромный успѣхъ, и анализъ чувст
Акакія Акакіевича поставилъ «Шинель» въ глаза
современниковъ наряду съ первыми произведеніями
ликаго обличителя земли русской. Съ тѣхъ поръ м
кіе, приниженные люди получають права гражданст
становятся любимою темою беллетристики. Тургене
поддался общему направленію и въ «Пѣтушкоі
захотѣлъ изобразить тихую, но тѣмъ не менѣе, вес

¹) Венгеровъ («Русск. литер. въ ея соврем. предст.»).
²) Тоже.

сильную страсть нѣкоего безобиднаго поручика къ понравившейся ему булочницѣ Василисѣ. Разсказъ не безъ извѣстнаго интереса, но повсюду въ немъ проглядываетъ именно то, что авторъ «*желалъ, старался*» что-то такое обрисовать, да, видно, тема ему не особенно по сердцу, и онъ не могъ скрыть искусственность своего вдохновенія. Задушевность Тургеневскаго слога вслѣдствіе этого обстоятельства пропала, что сильно отзывается на общемъ впечатлѣніи.

[1]) «Пѣтушковъ» производитъ на читателя впечатлѣніе неловкое и непріятное. Здѣсь Тургеневъ смѣлѣйшими шагами подходитъ къ океану жизненной пошлости, но едва устремивши взоры въ эту бездну, такъ не подходящую ко всему складу его дарованія, самъ пугается своей смѣлости, и затѣмъ повторяетъ зады, давно уже сказанные и когда-то сказанные гораздо лучше. Мысль Пѣтушкова есть мысль превосходная. Изобразить *злой любви* въ простомъ и вяломъ человѣкѣ, въ первый разъ отозвавшемся на могучій призывъ природы, представить намъ это доброе, но ничтожное существо, подъ совершеннымъ обаяніемъ недостойной страсти, изобразить его горькую долю и окончательное паденіе—тема, достойная самого Гоголя! И Гоголь, какъ будто въ отплату за идею, у него перебитую, насмѣшливо сталъ на дорогѣ г. Тургенева, во всемъ своемъ оружіи, со всею своею неотразимою силою. По всей повѣсти, въ ослабленномъ видѣ, высказывается взглядъ великаго юмориста, его манера, даже особенности его слога, вкравшіяся туда, по всей вѣроятности, независимо отъ произвола ея автора.

---

[1]) Дружининъ («Собр. сочин. Друж., т. 7).

«ДНЕВНИКЪ ЛИШНЯГО ЧЕЛОВѢКА».

[1]) Въ «Дневникѣ лишняго человѣка» мы имѣемъ дѣло съ концемъ патологическаго процесса на тѣлѣ русскаго общества. Послѣ него, въ слѣдующихъ произведеніяхъ Тургенева мы уже будемъ имѣть дѣло съ переломомъ русской жизни, съ наростаніемъ новаго порядка. Помимо глубины основной своей тенденціи, «Дневникъ» чрезвычайно замѣчателенъ по художественной отдѣлкѣ. Не смотря на нѣсколько однообразный тонъ изложенія, онъ производитъ очень сильное впечатлѣніе обиліемъ поэтическихъ красотъ, какъ нельзя болѣе подходящихъ къ грустному настроенію всей повѣсти... Создавая своего «Лишняго человѣка», авторъ, очевидно, задавался цѣлью произвести какъ можно болѣе сильное впечатлѣніе и вотъ почему при рисовкѣ Чулкатурина употребилъ весьма яркія краски. Цѣль его была достигнута: русское общество съ ужасомъ отшатнулось отъ нѣсколько обезображеннаго, но все-же похожаго изображенія своего, и въ увлеченіи своемъ открещивалось отъ какой-бы то ни было общности съ болѣзненною фигурою Чулкатурина. Этотъ ужасъ показывалъ, что въ русскомъ обществѣ уже созрѣла необходимость другого строя, что инертность ему надоѣла и оно ищетъ широкаго поля дѣятельности, на которомъ бы на свободѣ могли развернуться застоявшіяся силы.

[2]) «Дневникъ Лишняго человѣка», не взирая на многія несовершенства исполненія, можетъ назваться

---

[1]) С. Венгеровъ («Русск. лит. въ ея совр. предст.»).

[2]) Дружининъ («Собр. соч. А. Друж. т. 7.»).

явленіемъ отраднымъ и много обѣщающимъ. По идеѣ своей онъ касается тонкихъ и въ высшей степени замѣчательныхъ явленій въ современномъ обществѣ; исполненіе его хотя и имѣющее весьма замѣтный разладъ съ сказанною идеею, стоитъ великой похвалы въ художественномъ отношеніи. Форма дневника, допускающая нѣкоторыя уклоненія отъ объективности въ представленіяхъ, какъ нельзя лучше подходитъ къ дарованію автора, за него взявшагося. Не во многихъ повѣстяхъ Тургенева встрѣчаются проблески поэзіи столько-же сильные, какъ въ «Дневникѣ Лишняго человѣка»... Нельзя не пожалѣть о томъ, что Тургеневъ представилъ намъ Чулкатурина чахоточнымъ, умирающимъ, прощающимся съ жизнію. Вслѣдствіе этой прихоти, имѣющей въ себѣ нѣчто рутинное, сочувствіе цѣнителя, отвращаясь отъ страданій Чулкатурина, какъ человѣка лишняго, тянется къ тому-же герою, какъ къ бѣдному и одинокому паціенту, осужденному на скорую кончину. Для того, чтобъ наблюдать за тонкими сторонами души человѣческой, надо видѣть ее въ нормальномъ положеніи,—не въ періодъ безнадежности или неисцѣлимаго отчаянія...

Чулкатуринъ г. Тургенева есть нѣчто среднее между высшимъ и низшимъ разрядомъ лишнихъ людей: онъ недостаточно даровитъ для того, чтобы имѣть право на широкую дѣятельность въ свѣтѣ, но не столько бездаренъ, чтобы быть ниже какой бы то ни было дѣятельности. Онъ уменъ, но умъ его сходенъ съ умомъ дитяти, озадаченнымъ массою только что пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, поставленномъ въ невозможность сдѣлать изъ нихъ какое-либо примѣненіе. Онъ образованъ на столько, чтобы отдѣлиться отъ массы

невѣждъ и пошляковъ обыденнаго міра, но не на столько, чтобъ получить полное сознаніе своего долга къ обществу и людямъ. Онъ мнителенъ, ребячески самолюбивъ и даже жолченъ; но жолчь Чулкатурина, какъ это всегда бываетъ у подобныхъ людей, обращается на него самого, не на что-либо другое. Чулкатуринъ до такой степени проникнутъ сознаніемъ своей неспособности тягаться съ жизнію, что даже не можетъ ѣдко гово-рить о жизни: онъ ѣдокъ лишь, говоря о себѣ самомъ, на себя самого изливаетъ онъ горькій юморъ, накопившійся въ его душѣ за долгое время испытаній. Сознаніе собственной неспособности, о которой говоримъ мы, въ «Лишнемъ человѣкѣ» есть черта типическая, дающая жизнь и красу всему представленію...

[1]) То, что въ Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда выразилось судорожнымъ смѣхомъ, то-же самое болѣзненными, жалобными воплями сказалось въ «Дневникѣ лишняго человѣка»... То и другое произведеніе—горькое сознаніе моральнаго безсилія, душевной несостоятельности»... Процессъ моральный, обнаруживающійся въ «Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда» и въ «Дневникѣ лишняго человѣка», поразительно сходенъ съ тѣмъ процессомъ, который породилъ у Пушкина его Ивана Петровича Бѣлкина, какъ по исходнымъ точкамъ, такъ и по самымъ послѣдствіямъ...

Въ «Дневникѣ лишняго человѣка» есть мѣсто, котораго—особенно если до него доходишь посредствомъ чтенія всего предшествовавшаго—невозможно читать безъ сильнаго нервнаго потрясенія, если не безъ

---

[1]) А. Григорьевъ (Соч. А. Григ.).

слезъ, мѣсто всегда одинаково дѣйствующее--и оно есть ключъ къ уразумѣнію Тургеневскихъ отношен къ природѣ. Это конецъ дневника. Въ двухъ отн шеніяхъ замѣчательно это мѣсто. Вопервыхъ, зд является особенно ярко преобладающая черта Т геневскаго таланта: глубокое проникновеніе пр дою, проникновеніе до какого-то сліянія съ Тутъ на читателя вѣетъ весной, тутъ пахнетъ рытой землей — и развѣ только ту главу изъ « сти» Толстаго, гдѣ выставляютъ раму окна тателя вдругъ обвѣваетъ свѣжимъ и рѣзкиы сеннимъ воздухомъ, можно сравнить съ эти стомъ.

¹) Нашъ авторъ слишкомъ часто вредитъ важныхъ повѣстей чрезъ свое пристрастіе к нымъ приключеніямъ. Конечно, онъ весьм въ разсказахъ, основанныхъ на любви: кон тема, по своей неистощимости, представля простора его дарованію, но бываютъ обсто при которыхъ повѣствователю не безполез вать себя по сказанной части. Еслибъ «Лишняго Человѣка» составлялъ цѣлую рія Чулкатурина и Лизы Ожогиной ни вредила идеѣ всей вещи; но теперь, пр объемѣ повѣсти, она поглощаетъ собою никъ» и всего героя. Только черезъ эт то мимоходомъ,—признаемъ мы въ б туринѣ человѣка, исполненнаго благо леній, кроткое существо, жаждущее лю и на счастье, и на трудъ, и на примир

¹) А. Дружининъ (Собр. соч Друж. т. 7).

«ТРИ ВСТРѢЧИ.»

[1]) Эта повѣсть, по нашему мнѣнію, можетъ служить любопытнымъ памятникомъ несостоятельности разсказовъ отъ собственнаго лица. Г. Тургеневъ, такъ мастерски пользовавшійся формою личнаго повѣтствованія, долженъ былъ и показать всю слабую сторону ея вполнѣ. Она выступила у него въ «Трехъ встрѣчахъ» съ такой гордостью, самостоятельностію и отчасти съ такимъ кокетствомъ, что поглотила содержаніе. Въ разсказѣ есть нѣсколько блестящихъ страницъ, но фантастическое, эффектное содержаніе его къ тому только, кажется, и направлено, чтобъ освѣтить лицо разсказчика наиболѣе благопріятнымъ образомъ. Такъ нѣкоторые портретисты опускаютъ на окна свои пурпуровыя занавѣсы, чтобы получить отблескъ необычайнаго колорита для физіономій, списывающихся у нихъ. Послѣ повѣсти: «Три встрѣчи» форма личнаго разсказа уже была вполнѣ исчерпана авторомъ и возвратиться къ ней уже врядъ ли онъ могъ.

[2]) Повѣсть «Три встрѣчи» всецѣло принадлежитъ къ области «искусства для искусства». О руководящей идеѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Фигурально выражаясь, это благоуханный цвѣтокъ, ароматъ котораго съ наслажденіемъ впиваешь, но другихъ существенныхъ качествъ не представляющій. Тутъ вся суть въ отдѣлкѣ, въ переложеніи она теряетъ всю свою прелесть.

[3]) По словамъ Дружинина, повѣсть «Три встрѣчи»

[1]) Анненковъ («Соврем.» 1855 г. № 1).

[2]) Венгеровъ («Русск. лит. въ ея совр. предст.»).

[3]) (Собр. соч. Дружин. т. 7).

хотя и исполненная проблесковъ поэзіи, но невыдержанная и даже темная по содержанію.

¹) «Есть какая-то неполнота въ творчествѣ Тургенева, говоритъ А. Григорьевъ,—вслѣдствіе этого какое-то моральное раздраженіе, вмѣсто вѣры и удовлетворенія, остается послѣ нѣкоторыхъ повѣстей его, какъ напримѣръ, «Три встрѣчи», столь поэтически задуманной, столь роскошно, благоуханно обставленной подробностями, и столь мало удовлетворяющей возбуждаемую ею жажду.

«М У М У».

²) Повѣсть «Муму» распадается на двѣ части: на изображеніе барской жизни прежняго времени и на постановку характера глухонѣмаго дворника Герасима. Обѣ задачи исполнены весьма удовлетворительно. Выполненіе второй части показываетъ въ Тургеневѣ замѣчательное чутье правды»...

О Герасимѣ г. Венгеровъ говоритъ: «Природа наградила его силою, цвѣтущимъ здоровьемъ, которыя въ свою очередь породили въ немъ жажду и потребность дѣятельности. Не зная никакихъ другихъ потребностей, онъ вполнѣ доволенъ сознаніемъ исполненной обязанности. Когда онъ сдѣлаетъ свое дѣло—онъ чувствуетъ себя въ самомъ лучшемъ состояніи. Но человѣкъ не созданъ изъ одной положительности. Сердце, даже у глухонѣмаго, отъ времени до времени предъявляетъ свои права и настойчиво требуетъ удовлетворенія. Глухому Гараськѣ понравилась дворовая

¹) Соч. А. Григорьева.

²) Венгеровъ. («Русск. лит. въ ея совр. представит.»).

дѣвка—горничная Татьяна, и онъ на свой неловкій манеръ начинаетъ за ней ухаживать. Но любовь вслѣд ствіе разныхъ причинъ вышла неудачна. Тургеневъ не заставилъ, однакоже, своего глухо-нѣмаго придти въ бѣшенство и обнаружить какія-нибудь звѣрскі наклонности. Лучше понимая глубокую славянску натуру, авторъ рѣшилъ, что взрывъ страстей не осо бенно будетъ подходящъ къ ней... Повѣсть о привя занности Герасима къ найденной имъ собачкѣ так неотразимо, такъ сильно дѣйствуетъ на читателя.. Есть что-то глубоко щемящее за сердце въ любви од ного—безсловеснаго существа къ другому такому-же безсловесному, въ этомъ союзѣ полнаго воли глухог богатыря съ слабымъ, безпомощнымъ созданіемъ.. Рѣшимость собственными руками утопить «Муму указываетъ намъ не на ошибку автора, а на желані его нарисовать намъ крѣпкую натуру, которая долж на пристыдить разныхъ «лишнихъ людей» активностью своего нравственнаго существа.

[1]) До повѣсти «Муму» Тургеневъ велъ разсказы от собственнаго лица. Переходомъ-же къ новому роду про изведеній была повѣсть «Муму», за которой появилис «Два пріятеля» и «Затишье».

«ДВА ПРІЯТЕЛЯ».

[2]) Въ «Двухъ Пріятеляхъ» мы уже не видимъ н байронизма, ни жоржъ-сандизма, ни гоголевскаго эле мента, понятаго съ мизантропической точки зрѣнія Герой повѣсти уже не юноша, чуждый спасительныхъ

[1]) Анненковъ («Современникъ» 1855 г. № 1).

[2]) Дружининъ (Собр. сочин. Друж., т. 7).

оковъ долга, не озлобленный мечтатель, считающій міръ за нѣчто себя недостойное, не убитый судьбою Чулкатуринъ, которому остается завернуться въ свой плащъ и умереть не безъ ироническаго прощанія со свѣтомъ. Герой «Двухъ Пріятелей» есть человѣкъ дѣйствительно лишній, но неоправданный сочинителемъ. Вязовнинъ г. Тургенева оказывается лишнимъ по своей собственной совращенности, по своему собственному неповиновенію священнымъ законамъ общества, обрекающимъ каждаго смертнаго трудиться въ потѣ лица, имѣть какое-либо серьезное дѣло въ жизни.... Вязовнинъ имѣетъ одно преимущество передъ своими старшими товарищами: онъ *страдаетъ* отъ своей общественной неопредѣленности, по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ *вступаетъ съ нею въ борьбу*, выдерживаетъ ее худо и за то переноситъ наказаніе, законность котораго сознаетъ со всею полнотою. Онъ уже представляется намъ не какъ необходимое произведеніе современности, не какъ полезное звѣно въ разумномъ обществѣ, но какъ созданіе нездоровое по своей винѣ и признаваемое нездоровымъ. Вязовнина не выдаетъ намъ г. Тургеневъ за лицо, достойное любви или удивленія—авторъ только даетъ намъ замѣтить, что между нами имѣется много Вязовниныхъ; что даже всякій изъ насъ носитъ въ себѣ нѣкоторыя начала характера, имъ обрисованнаго.

[1]) «Два Пріятеля» интересны для насъ личностью одного изъ «Двухъ Пріятелей» — Вязовнина. Интересенъ онъ для насъ тѣмъ, что представляетъ собою *средній* типъ недовольныхъ людей... Онъ слегка ску-

[1]) Венгеровъ. («Русск. лит. въ ея совр. предст.»).

часть, слегка тоскуетъ, имѣетъ слегка возвышенные идеалы; онъ не пошлякъ и не идеалистъ; добръ, больше по мягкости характера, однимъ словомъ «золотая середина»—но середина недовольная, потому что онъ не удовлетворяется своимъ тихимъ безмятежнымъ «счастьемъ» и при всемъ томъ, что любитъ и даже уважаетъ свою молодую жену—его тянетъ въ большой городъ, за границу, чтобы увидѣть вокругъ себя настоящую жизнь, а не физіологическое прорастаніе.

¹) Вязовнинъ думаетъ, что онъ лишній человѣкъ. между тѣмъ, человѣкъ онъ добрый, простой, смирный. способный полюбить даже вовсе необразованную дѣвушку; въ немъ нѣтъ талантливости Колосова, а поступаетъ онъ точь-въ точь, какъ Колосовъ. Вязовнинъ нѣсколько фатъ, и страдаетъ многими замашками *джентльменовъ*, какъ г. Тургеневъ назвалъ Астахова, нынѣшняго положительнаго человѣка.

²) Борисъ Андреичъ Вязовнинъ въ повѣсти «Два Пріятеля», заѣхавшій въ деревню по домашнимъ обстоятельствамъ, знакомится съ сосѣдомъ, который гораздо ниже его по состоянію, уму, образованности и всѣмъ привычкамъ жизни, но которому онъ однако же подчиняется отчасти добровольно, отчасти не хотя. Сосѣдъ попросту собирается женить Бориса Андреича и везетъ его сперва къ провинціальной львицѣ, потомъ въ почтенное семейство съ двумя образованными барышнями. Ни одна изъ этихъ знакомыхъ не получаетъ одобренія Вязовнина, потому что всѣ ужъ очень ясны своими забавными сторонами, но, къ великому

---

¹) С. Дудышкинъ («Отеч. Зап.», 1857 г. № 1).

²) Анненковъ («Современникъ» 1855 г. № 1).

изумленію сосѣда, Вязовнинъ останавливаетъ вниманіе свое на простой, бѣдной, не очень умной, но хорошенькой дѣвушкѣ. Она-же притомъ и хозяйка отличная. Сосѣдъ сбитъ съ толку: онъ не понимаетъ, что господамъ, въ родѣ Вязовниныхъ, необходимы сильные нравственные удары для пробужденія ихъ чувствительности и что они склоняются обыкновенно или передъ старымъ, опытнымъ кокетствомъ или передъ рѣзкой идилліей. Вязовнинъ женился не по любви собственно, а по тому странному обману самого себя, который тоже свойственъ Вязовнинымъ. Въ извѣстныя эпохи (большею частію на поворотѣ къ старости) они насильственно сводятъ на землю и прикладываютъ къ текучимъ обстоятельствамъ свои прежнія грезы, то, что видѣли иногда въ неопредѣленныхъ надеждахъ и мечтаніяхъ. Женившись, Вязовнинъ открываетъ всю бѣдность нравственнаго существа своего. Онъ не въ состояніи подчиниться новому своему положенію; онъ хотѣлъ бы соединить двѣ противоположныя вещи— опредѣленность, благоразумную правильность женатой жизни съ колебаніями и порывами человѣка, отыскивающаго себѣ еще точку опоры. Самъ не зная, чего требовать отъ настоящаго, чего ожидать отъ будущаго, онъ составляетъ несчастіе жены, которая не можетъ и понять, въ чемъ дѣло; наконецъ, просто въ одно утро убѣгаетъ изъ дома, который по наружности кажется такимъ тихимъ и счастливымъ. Онъ отправляется за границу, думая набраться моральной силы однимъ процессомъ движенія и перемѣны мѣста, и случайно, отъ неосторожности, погибаетъ на переѣздѣ, освобождая жену свою, которая выходитъ замужъ за сосѣда. Такова мысль, заключенная въ этомъ не-

большомъ разсказѣ: она развита безъ претензій скромно таится въ обстановкѣ изъ провинціальна быта, между сценами и людьми, списанными оч вѣрно и ловко съ натуры.

¹) Простота постройки (хотя и нарушенная въ кон исторіею утопленія), поэтическая непосредственнос въ отношеніяхъ къ изображаемому быту, наконецъ это важнѣе всего) отсутствіе всякаго уныло-тускла колорита въ разсказѣ—вотъ достоинства «Двухъ П ятелей», достаточно отмѣтившія повѣсть, и какъ б поставившія ее началомъ новаго ряда произведен Тургенева.

«ЗАТИШЬЕ».

²) Помимо другихъ интересныхъ лицъ «Затишь выдвигаетъ на первый планъ такіе два типа, которы не должны быть забыты, если обнять умственным взоромъ прошлое нашего общества. Впрочемъ мы н особенно настаиваемъ на словѣ *типъ*, по крайне мѣрѣ въ примѣненіи къ героинѣ—Машѣ. Такія жен щины составляютъ исключеніе и показываютъ тольк какія крѣпкія фигуры иной разъ выдвигаетъ неказ зистая родная обстановка...

³) Положительно во всей русской литературѣ м не встрѣчаемъ такой цѣльной, крупной, такой строгой нѣсколько грубой женщины. Да впрочемъ подобна женщина и не можетъ быть нѣжной, и невольно за даешь себѣ вопросы: какимъ образомъ могла явитьс Маша въ тѣ времена среди нашихъ мелкихъ, изло

¹) А. Дружининъ (Собр. соч. Друж. т. 7).
²) С. Венгеровъ («Русск. лит. въ ея совр. предст.»).
³) М. Авдѣевъ («Наше общество въ герояхъ и героин. литер.»).

нныхъ на всѣ лады или мягкихъ какъ тѣсто жен-
нъ?... Маша — первая въ русской литературѣ
полнѣ цѣльная и строгая по природѣ дѣвушка, ко-
рая смотритъ на мужчину, какъ на дѣятеля и обра-
ется къ нему съ умной требовательностью. И дѣ-
вка эта не только всецѣло принадлежитъ деревнѣ,
еще одной изъ самыхъ глухихъ захолустьевъ—
тишью.» Дочь помѣщика, она даже не барышня.
а не болтаетъ по французски, не любитъ читать—
зумѣется романовъ, потому что другого чтенія у дѣ-
цъ тогда не было,—не любитъ свѣта, а любитъ ра-
тать, дѣлать что-либо...
Никакія побужденія Маши не въ состояніи были
охнуть силу и стойкость въ изломаннаго и жидень-
го человѣка, котораго по несчастью полюбила она.
между тѣмъ эта любовь Маши была для нея все.
о не была любовь свѣтскихъ женщинъ, ищущихъ
ней только развлеченія. Дѣвушка съ такой сильной
гурой, какъ Маша, не чувствуетъ въ себѣ силы мѣ-
ть привязанность, да и кого выберетъ она въ та-
мъ захолустьѣ другого, когда самый многообѣщающій
ъ мужчинъ оказался ничтожностью? А помимо любви
е нѣтъ ничего влекущаго, живого кругомъ бѣдной
вушки. Съ отъѣздомъ Верестьева, обыденная мелкая
знь въ глуши, осенью, налегаетъ всей тяжестью
ей пустоты на полную силъ и жаждующую жизни
вушку, — и Маша не выноситъ этой удушающей
стоты; она не видитъ изъ нея выхода и предпочи-
етъ смерть,—полную смерть этой медленно-мертвя-
й жизни. И эта смерть дѣвушки съ глубокой и
льной натурой и съ самыми честными и разумными
емленіями и смерть не въ минуту какого-нибудь

порыва страсти кладетъ страшную черту, освѣщае ужасными свѣтомъ ту мертвящую и убивающую эпох въ которую суждено было жить этой дѣвушкѣ! И п нимала ли Маша, что воздухъ, отравленный ядо Анчара, описаніемъ котораго она наслаждалась стихахъ Пушкина, не былъ болѣе убійственъ, чѣ русскій воздухъ современной ей эпохи для всякой в дающейся изъ ряда честной и сильной личности?

[1]) Замѣчательная черта въ степной барышнѣ—о не любитъ «сладкихъ» стиховъ. Но зато глубок поэзія Пушкинскаго «Анчара» производитъ на н очень сильное впечатлѣніе и она съ наслажденіе нѣсколько разъ перечитываетъ прекрасное стихот реніе. Полюбивъ Веретьева за ширину его натур она не можетъ, однакоже, равнодушно видѣть его ш товства и дѣлаетъ ему по этому случаю весьма горьк упреки. Полюбила она тоже не такъ себѣ, слегк отъ скуки. Любовь ея не порывистая, южная, котор именно вслѣдствіе страстности своей, очень часто ост ваетъ, но зато теряя во внѣшности, она выигрывае во внутреннемъ содержаніи и счастливъ тотъ мужчин которому удалось нарушить покой ея дѣвственна сердца. Самоубійство Маши не доказываетъ, ка оно бываетъ въ другихъ случаяхъ, слабости ея х рактера. Маша не сдѣлала такъ называемаго «роково шага:» былъ Веретьевъ, сплылъ Веретьевъ—«общес венное мнѣніе» не дѣлало никакихъ двусмысленны сопоставленій, значитъ причина самоубійства Маш не имѣла причиною малодушіе.

---

[1]) С. Венгеровъ («Русск. лит. въ ея совр. предст.»).

¹) *Владимиръ Сергѣичъ Астаховъ* на поверхностный взглядъ имѣетъ нѣчто общее съ нашимъ старымъ знакомцемъ, Вязовнинымъ: но авторъ искусно затемнилъ это сходство во-первыхъ умными подробностями замысла, а во-вторыхъ комическимъ положеніемъ, въ которое Астаховъ помѣщенъ относительно другихъ лицъ «Затишья». Астаховъ гораздо болѣе, чѣмъ Вязовнинъ, надышался фальшиво практическимъ воздухомъ Петербурга: въ немъ уже умерли сознаніе своихъ пороковъ и порывы къ разумной сторонѣ существованія, да и сердцемъ, какъ кажется, онъ отъ природы суше Бориса Андреича...

Астаховъ—величавый дэнди Санктпетербурга—жалокъ, какъ нельзя болѣе, передъ острымъ, развязнымъ, даровитымъ Веретьевымъ. Онъ смѣшонъ даже передъ другими, нѣсколько пошлыми особами, являющимися въ повѣсти: его положительность не возбуждаетъ ни въ комъ изумленія, его уклончиво-сухая рѣчь не находитъ даже ни одного внимательнаго слушателя. «Кисляй!» говоритъ про него Веретьевъ; «кисляй!» думаютъ про него лица, близкія къ Веретьеву. И дѣйствительно, внѣ своей мелкой столичной сферы, Владиміръ Сергѣичъ ничто иное, какъ кисляй, ненужная особа, полусонный ротозѣй, сующійся туда, гдѣ его не спрашиваютъ, да въ придачу еще оскорбляющійся своимъ лишнимъ положеніемъ. Говоря высокимъ слогомъ, ему нѣтъ мѣста на пирѣ жизни, хотя бы и провинціальномъ пирѣ. Пусть жизненный пиръ случается хотя въ мелкомъ уѣздномъ городишкѣ — быть на немъ лишнимъ гостемъ—не можетъ назваться радостью.

¹) А. Дружининъ (Собр. соч. Друж. т. 7)

[1]) Изображеніе этого безцвѣтнаго характера сдѣлано авторомъ спокойно, неторопливо, безъ наговоровъ и съ большою умѣренностію. Кто знаетъ, какъ трудно изображать совершенно пустыхъ и вмѣстѣ совершенно приличныхъ людей, тотъ пойметъ, что въ передачѣ такого характера обнаруживается степень зрѣлости и силы авторскаго таланта. Астаховъ весь состоитъ изъ однихъ поползновеній къ чему-либо и называетъ себя практическимъ человѣкомъ, прикрывая титломъ этимъ неспособность къ пониманію благороднаго въ жизни и мысли. Онъ мягокъ до безсилія, но всегда сохраняетъ строгую физіономію, которая служитъ ему защитой отъ насмѣшекъ и, при случаѣ, спасаетъ даже отъ шутовскихъ промаховъ. При первомъ появленіи дикой, энергической барышни, Маши, въ домѣ Ипатова, онъ предается уже поползновенію любви, а когда показывается подруга ея, блестящая и рѣзвая Надежда Алексѣевна, онъ и къ ней начинаетъ питать нѣчто подобное. Но Астаховъ на подобіе Сатурна глотаетъ свои чувства или, лучше, свои поползновенія къ чувству, потому что люди, подобные ему, рѣдко находятъ взаимность и привѣтъ у мало-мальски порядочной женщины. Ощущенія ихъ слишкомъ чахлы, да притомъ успѣху мѣшаетъ и постоянная ихъ забота— смотрѣть за собою, беречь себя, стоять вѣчно на сторожѣ противъ чужого глаза и посягательства на ихъ достоинство. За этой тупой работой уже нѣтъ возможности предаться чему-либо другому, а еще менѣе такому чувству, которое именно подобную работу и исключаетъ.

---

[1]) Анненковъ («Современникъ» 1855 г. № 1).

[1]) *Веретьевъ*—это измельчавшій и опустившійся на болѣе практическую точку типъ тѣхъ «художниковъ», которыми такъ охотно занималась литература кукольниковскихъ временъ, художниковъ, для которыхъ въ жизни только и есть что неистовыя страсти, красоты и безцѣльное искусство. Правда въ Веретьевѣ нѣтъ этой бури чувствъ, которыми были одержимы его прототипы, взглядъ его на жизнь и на самыя чувства гораздо легче, въ немъ есть нѣкоторыя нотки, которыя намекаютъ даже на другой, еще не совсѣмъ опредѣлившійся взглядъ на женщину, напр. упоминаніе о «честной» рукѣ Маши, или эти слова: «за то я люблю васъ, Маша, что вы не свѣтская барышня, не смѣетесь безъ нужды, не носите перчатокъ на вашихъ рукахъ, которыя и цѣловать оттого такъ весело, что онѣ загорѣли и силу въ нихъ чувствуешь... Я люблю васъ за то, что вы не умничаете, что вы горды, молчаливы, книгъ не читаете, стиховъ не любите»... Не правда-ли, что эти особенности, которыя Веретьевъ полюбилъ въ Машѣ, выказываютъ въ немъ поворотъ къ иному взгляду и инымъ требованіямъ, и если насъ поражаетъ въ немъ упоминаніе о такомъ достоинствѣ Маши, какъ то, что она книгъ не читаетъ, то, вспомнивъ какимъ чтеніемъ пробавлялось большинство тогдашнихъ женщинъ, особенно живущихъ въ захолустьѣ, и какъ дѣйствовали на воображеніе женщины пошлые романы, согласишься съ Веретьевымъ, что эта нелюбовь къ чтенію была дѣйствительно въ то время достоинствомъ, которому Маша обязана независимостью и чистотою своего взгляда. Веретьевъ

[1]) М. Авдѣевъ («Наше общество въ герояхъ и героиняхъ литературы»).

унаслѣдовалъ также отъ художниковъ и ихъ «загулъ», и ихъ безхарактерность; но у него мѣткій природный умъ; его взглядъ на самую красоту не глубокъ, но не лишонъ поэтичности и прелести.

[1]) Рядомъ съ Астаховымъ, авторъ нарисовалъ широкими чертами портретъ *Веретьева*, который составляетъ, по видимому, совершенную противоположность съ первымъ. Веретьевъ исполненъ огня, удали, откровенной смѣлости. Онъ не боится выдать себя, потому что на себя надѣется, бодро смотритъ всѣмъ въ глаза, заливается цыганскими пѣснями, отдается теченію своихъ мыслей безъ оглядки и всегда сохраняетъ свою оригинальную красоту. Кажется, ничего не можетъ быть противоположнѣе съ Астаховымъ, а между тѣмъ это одно и то же лицо, одинъ и тотъ-же человѣкъ, только при разницѣ темпераментовъ. Они родня и братское сходство ихъ заключается въ томъ, что оба они не имѣютъ истиннаго, нравственнаго основанія въ характерахъ. Они лишены содержанія. Сила и блескъ Веретьева суть явленія чисто физическія, условливаемыя молодостію, свойствомъ раздражительности органовъ и обращенія крови. За ними нѣтъ ничего болѣе важнаго, никакой настоящей поэтической или моральной подкладки. Это обманъ, производимый накопленіемъ матеріальныхъ силъ и пропадающій вмѣстѣ съ растратой ихъ...

[2]) Веретьевъ представляетъ рѣзкую противоположность съ Владиміромъ Сергѣичемъ, хотя и нельзя сказать, чтобы люди въ родѣ Веретьева были чѣмъ нибудь лучше Астаховыхъ.

[1]) Анненковъ («Современникъ» 1855 г. № 1).

[2]) Дружининъ (Собр. соч. Друж. т. 7).

«ПЕРЕПИСКА».

[1]) Въ «Перепискѣ» мы опять встрѣчаемся съ любимымъ лицомъ г. Тургенева. Опять лишній человѣкъ. Этотъ называется Алексѣй Петровичъ. Но посмотрите уже, какой шагъ впередъ сдѣланъ авторомъ: посмотрите, съ какой стороны является это любимое лицо. Виной тому, что этотъ господинъ сдѣлался лишнимъ, не одна пошлость жизни, не одно общество, не одни люди—нѣтъ, и самъ этотъ милый идеалъ начинаетъ являться съ слабой стороны... Тутъ «лишній человѣкъ» винитъ не общество, а самого себя, *свое милое: я*, которое прежде такъ много потѣшалось другими. Но зато какое повтореніе «Думы» Лермонтова въ устахъ Алексѣя Петровича! Какъ трудно автору отстать отъ той картины нашего поколѣнія, которая была нарисована этимъ поэтомъ!..

[2]) Въ другѣ Марьи Александровны (Алексѣѣ Петровичѣ) мы видимъ человѣка хорошаго и достойнаго, правильно развитого по уму и сердцу,—но подобно многимъ изъ предшествовавшихъ героевъ Тургенева, страждущаго *недугомъ воли*, если можно такъ выразиться. Прекрасными умствованіями пытается онъ узаконить явленіе, не имѣющее ничего необходимаго, энергическимъ диѳирамбомъ хочетъ онъ извинить послѣдніе годы своей жизни, погибшіе вслѣдствіе отсутствія энергіи въ его собственной натурѣ... Алексѣй Петровичъ больное орудіе современнаго общества,

---

[1]) С. Дудышкинъ («Отеч. Зап.» 1857 г. № 1).
[2]) А. Дружининъ (Собр. соч. Друж. т. 7).

признаетъ безполезною самую мысль о защитѣ. У него, какъ у многочисленныхъ его сверстниковъ, въ головѣ сидитъ одна идея, корень всей слабости: «страсть сильнѣй человѣческой воли, бороться съ нею невозможно, да и не стоитъ». Вся жизнь ихъ проходитъ подъ вліяніемъ такой идеи, чувство долга для нихъ не болѣе, какъ туманная фраза: оттого при первомъ сильномъ натискѣ страсти, этихъ людей, неподготовленныхъ къ жизненной борьбѣ, ждетъ одинъ только исходъ коллизіи, то есть неизбѣжное нравственное паденіе.

По формѣ своей, повѣсть «Переписка» представляетъ большую противоположность съ «Пасынковымъ». Обѣ вещи накиданы безъ большого старанія, этого скрывать нечего; но первая имѣетъ должную стройность, тогда какъ другая представляетъ въ себѣ неотдѣланную повѣсть. Разница происходитъ отъ весьма понятной причины: письменная, или, какъ говорилось въ старину, *эпистолярная* манера повѣствованія дается г. Тургеневу легче всякой другой манеры. Она даетъ просторъ мысли или разуму, она легче допускаетъ импровизацію, наконецъ она не требуетъ той объективности въ изображеніи лицъ, къ которой мы такъ привыкли за послѣднее время.

«ЯКОВЪ ПАСЫНКОВЪ».

[1]) Постройка повѣсти «Яковъ Пасынковъ» не только слабая и неполная, но, въ добавокъ еще, какъ бы распавшаяся на двѣ груды, нестройныя по одиночкѣ,

[1]) А. Дружининъ (Собр. соч. Друж. т. 7).

не подходящія одна къ другой, если ихъ взять въ общей сложности. Ни интриги, ни характеровъ, ни анализа высокихъ духовныхъ ощущеній не находимъ мы въ разсказѣ о послѣднемъ романтикѣ, онъ весь скорѣе состоитъ изъ намековъ на интригу, характеры и анализъ. Оно тѣмъ горше для читателя, что иные изъ намековъ прекрасны... По причинѣ несовершенства формы, превосходно задуманное лицо Пасынкова не только утрачиваетъ часть своей привлекательности, но теряетъ свое типическое значеніе. Съ помощью одного побочнаго эпизода и нѣсколькихъ разсужденій, написанныхъ не безъ теплоты, еще не исчерпаешь поэзіи, которая лежитъ въ основаніи послѣдняго романтика. Милая, симпатическая личность, свѣжій плодъ цѣлаго умнаго поколѣнія, еще не обрисуется въ картинѣ идеализма на его смертномъ одрѣ. Чтобъ прослѣдить за личностью Якова Пасынкова, чтобъ разъяснить читателю всю прелесть и законность этого отраднаго явленія, мало одніхъ намековъ, какъ бы хорошо они ни были придуманы. Надъ Яковомъ Пасынковымъ, будь онъ обработанъ въ тиши сельскаго уединенія, плакали бы самые зачерствѣлые изъ читателей,—теперь онъ пробуждаетъ пріятныя чувства лишь въ цѣнителяхъ очень зоркихъ, да еще очень близкихъ къ душевному міру самого автора. Повѣсть «Пасынковъ», по небрежности отдѣлки, не далеко отходитъ отъ «Пѣтушкова», тогда какъ повѣсть «Яковъ Пасынковъ» обозначаетъ извѣстный шагъ поэтическаго воззрѣнія, протестъ противъ современной проніи, много лѣтъ царапавшей то, что стоило любви, а не проніи.

[1]) Пасынковъ это романтикъ. Но вѣдь романтики

[1]) С. Дудышкинъ («Отеч. Зап.» 1857 г. № 1).

тѣмъ и отличались, что *вѣрили* во все прекрасное: и въ любовь, и въ свои идеи, въ науку, въ женщину, въ общество, вѣрили и любили *все*, въ чемъ высказывалась эта полнота и любви, и идеи, и вѣрованій. Какое же можетъ онъ имѣть отношеніе къ тѣмъ лишнимъ, которые не вѣрятъ любви, по крайней мѣрѣ, которыхъ способность все любить не можетъ поглотить: которые и въ идею наконецъ теряютъ вѣру, которые, можетъ быть, слишкомъ спѣша къ добру, пробѣгаютъ мимо его, не замѣчая ничего хорошаго: которые рано извлекаютъ лучшій сокъ изъ всего, но силъ своихъ этимъ сокомъ не укрѣпляютъ, а, напротивъ, дѣлаются слабосильными: которые въ человѣкѣ видятъ больше зла, чѣмъ добра... Отчего авторъ вдругъ накинулся на романтика? на сколько романтикъ могъ быть полезенъ лишнимъ людямъ? Что они могли занять у него? Тѣ положительныя вѣрованія, большею частію напущенныя на себя, которымъ была предана большая часть романтиковъ? но вѣдь только не многіе изъ нихъ, и то по особой своей организаціи, могли пребывать постоянно въ одномъ и томъ же убѣжденіи. И къ чему это обращеніе къ романтизму въ русской жизни, гдѣ онъ былъ случайностію, эпизодомъ литературнымъ, и не относился къ жизни народа никогда, какъ ея здоровая часть? Рѣшать подобныя задачи нельзя такимъ внѣшнимъ образомъ. Пасынковъ исключительная натура: но Пасынковымъ всякій бываетъ въ первую пору молодости, въ пору пробужденія идеи и чувства. Это одно изъ тѣхъ вѣчныхъ видоизмѣненій нашей природы, къ которымъ мы подходимъ въ молодости, и которыя удержать не въ силахъ за собою. Къ чему же Пасынковъ? Да, Па-

сынковъ вѣрилъ въ любовь, остался ей навсегда вѣренъ... слѣдовательно Пасынковъ можетъ быть примѣромъ кому-нибудь? Но. Боже! кто любилъ Пасынкова: Варвара Николаевна и Маша. И эту награду ему приговорилъ авторъ! Такъ за чѣмъ-же выведенъ Пасынковъ?—Автору необходимо было отдохнуть на какомъ-нибудь лицѣ, у котораго были не однѣ страсти преходящія, но и вѣрованія и чувства постоянныя, ничѣмъ невозмутимыя, которое умѣетъ *жертвовать собою* для другихъ. Авторъ хотѣлъ нарисовать лицо *положительно прекрасное*, и на первый разъ остановился на Пасынковѣ, романтикѣ; въ «Рудинѣ» есть нѣчто подобное—не романтикъ и не черствый положительный человѣкъ: Лежневъ. Лежневъ несравненно выше Пасынкова, потому что дѣйствительно русскій, а не воспитанникъ Винтеркеллера (содержателя пансіона, въ которомъ воспитывался Пасынковъ), но все таки отъ этихъ лицъ далеко до положительныхъ прекрасныхъ людей.

ОБЩІЕ ОТЗЫВЫ О ПОВѢСТЯХЪ И РАЗСКАЗАХЪ ДО «РУДИНА».

[1]) Тургеневъ, писатель наиболѣе добросовѣстный изъ всѣхъ осужденныхъ добиваться отъ самихъ себя искренности, развѣнчивавшій постепенно самъ для себя и передъ глазами читателей различные искусственно сложившіеся идеалы, занявшіе въ душѣ людей современнаго ему поколѣнія незаконное мѣсто, — Тургеневъ, разоблачившій, напримѣръ, одну сторону Лермонтовскаго Печорина въ грубыхъ чертахъ своего

[1]) А. Григорьевъ (Соч. А. Григорьева.).

«Бреттера», другія стороны во множествѣ другихъ своихъ произведеній,—не дешево покупалъ свой анализъ. Слѣды борьбы болѣзненной и часто тщетной съ завѣтными идеалами—видны на всемъ, что намъ ни давалъ онъ,—и это-то въ особенности и дорого всѣмъ намъ въ Тургеневѣ. Онъ былъ и остался тѣмъ, что я не умѣю иначе назвать, какъ — *романтикомъ*, но чему я вовсе не придаю того позорнаго значенія, какое придавалось въ сороковые года нашей литературы.

[1]) Онъ постоянно разработывая одну и ту-же мысль, описывая одно и то же лицо въ разныхъ видахъ, наконецъ, уяснилъ намъ эту личность почти до осязательности. Мы и прежде были съ ней знакомы подъ другими видами; теперь она знакома намъ во множествѣ оттѣнковъ. Это все та же больная личность русскаго человѣка XIX-го столѣтія. Съ помощью своего тонкаго и наблюдательнаго ума, которому, къ сожалѣнію, часто измѣняетъ смѣлость творчества, онъ представилъ намъ въ лицахъ всю «Думу» Лермонтова. Мы скорѣе назвали бы г. Тургенева писателемъ мыслящимъ съ истинктомъ поэтической красоты, потому что его прежде всего занимаетъ мысль въ произведеніи; но у него столько поэтическаго инстинкта, что онъ не даетъ этой мысли остаться сухою, отвлеченною, что необходимо бы вышло, еслибъ у него не было этой любви къ поэтическому и инстинкта чувствовать это поэтическое вездѣ, гдѣ оно можетъ возникнуть изъ задуманныхъ имъ сочетаній идей и положеній дѣйствующихъ лицъ. Такъ, напримѣръ, глав-

[1]) С. Дудышкинъ («Отеч. Зап.» 1857 г. № 1 и 4.).

ный мотивъ его повѣстей — разрозненность двухъ началъ нашей жизни — потребность и требованія мысли съ одной стороны, съ другой — безотчетное чувство, которое всюду приносится въ жертву въ лицѣ беззащитныхъ женщинъ. Посмотрите, сколько этотъ мотивъ вызвалъ поэтическихъ страницъ въ «Колосовѣ», въ «Лишнемъ человѣкѣ» (сцена въ концѣ), въ «Перепискѣ», страницъ, полныхъ неподдѣльной поэзіи. А это умѣнье искать поэтическихъ контрастовъ всегда спокойной природы и вѣчно тревожныхъ героевъ его повѣстей, контрастовъ, въ которыхъ такъ и слышна, кажется, душа, жаждущая рѣшенія чего-то неразрѣшимаго, жаждущая покоя и наслажденій такихъ же свѣтлыхъ, какія представляетъ описываемая имъ природа — все это невозможно безъ нѣжнаго поэтическаго инстинкта. Не нужно забывать, что у г. Тургенева эти описанія природы вызываются вѣчно тревожнымъ чувствомъ дѣйствующихъ лицъ. Не будь этой поэтической стороны въ мышленіи г. Тургенева, повѣсти его обратились бы въ рѣшеніе заданныхъ напередъ задачъ. У г. Тургенева былъ новый оттѣнокъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ его повѣстей. Всѣ они утратили тотъ холодный колоритъ, которымъ щеголялъ Евгеній Онѣгинъ, тотъ страшный фатализмъ, который разрушительно вносилъ въ общество Печоринъ: всѣ дѣйствующія лица г. Тургенева въ «Перепискѣ», «Лишнемъ человѣкѣ», «Колосовѣ», «Рудинѣ», люди характера болѣе симпатичнаго, человѣческаго съ желаніями болѣе опредѣленными. Они губятъ, что встрѣтится имъ на пути, но при этомъ не отличаются тѣмъ убійственнымъ хладнокровіемъ, которымъ щеголяли Онѣгины и Печорины, которые какъ бы съ самодовольствіемъ го-

ворили: «намъ нечего больше дѣлать здѣсь». Дѣйствующія лица г. Тургенева, напротивъ, чувствуютъ, что они не совершенно чисты отъ укоризны, и потому не сваливаютъ всей бѣды на обстоятельства ихъ окружающія. Въ повѣстяхъ г. Тургенева, по отношенію къ идеалу, который преслѣдуетъ авторъ, должно всегда имѣть въ виду двѣ различныя стороны: во-первыхъ, «ту живучесть пошлости», которой такъ боятся всѣ выведенныя г. Тургеневымъ лица, ту сторону положительной, насущной жизни, одно прикосновеніе къ которой убиваетъ этихъ лицъ и сейчасъ-же прогоняетъ ихъ со сцены; во-вторыхъ, тѣ разнообразныя черты этихъ лицъ, то подходящихъ близко къ идеалу, то далеко уходящихъ отъ него. Не всѣ, правда, но большая часть изъ нихъ—назовемъ наконецъ настоящимъ ихъ именемъ—*искатели сильныхъ ощущеній*, тѣ люди, которые нѣкогда назывались или людьми «съ пожирающими силами души», или людьми «съ пожирающею дѣятельностію мысли, но съ апатіею чувства и воли».

[1]) Сборы на борьбу и страданія героя, хлопотавшаго о побѣдѣ своихъ началъ, и его паденіе предъ подавляющею силою людской пошлости—и составляли обыкновенно интересъ повѣстей г. Тургенева. Разумѣется самыя основанія борьбы, т. е. идеи и стремленія—видоизмѣнялись въ каждомъ произведеніи, или, съ теченіемъ времени и обстоятельствъ, выказывались болѣе опредѣленно и рѣзко. Каждое изъ выставляемыхъ лицъ было смѣлѣе и полнѣе предъидущихъ, но сущность, основа ихъ характера и всего ихъ суще-

[1]) Добролюбовъ («Соврем.» 1860 г. № 3-й и соч. Доброл. т. 3).

ствованія была одна и та же. Они были вносители новыхъ идей въ извѣстный кругъ, просвѣтители, пропагандисты,—хоть для одной женской души, да пропагандисты.... Рисуя ихъ образы въ разныхъ положеніяхъ и столкновеніяхъ, самъ г. Тургеневъ относился къ нимъ обыкновенно съ трогательнымъ участіемъ, съ сердечной болью объ ихъ страданіяхъ, и то же чувство возбуждалъ постоянно въ массѣ читателей.

[1]) По прочтеніи разсказовъ г. Тургенева, убѣждаешься невольно, какъ въ богатствѣ предметовъ для описанія, находящемся подъ рукою автора, такъ и во внимательной жизни его между разнородными явленіями общества, которыя, по мѣрѣ разумнаго снисхожденія, оказываемаго имъ, всегда удесятеряются, множатся передъ глазами наблюдателя.

[2]) Симпатическій умъ Тургенева, направленный весь на то, чтобъ спрятать слишкомъ—явную сшивку частей, или слишкомъ выдавшуюся главную мысль, когда освобождается отъ этой тягостной обязанности, блещетъ тончайшею наблюдательностію, одушевленною, если можно такъ выразиться, всею гуманностію современнаго взгляда, и дѣйствуетъ на читателя. Направленная на прямой путь инстинктомъ истиннаго образованія, она дробится въ мелочахъ, какъ свѣтъ въ кристалѣ, и составляетъ ту прелестную игру, которою мы любуемся.

[3]) Г. Тургеневъ принадлежитъ къ тому отдѣлу пи-

---

[1]) Анненковъ («Соврем.» 1855 г. № 1 и соч. Анненк. отд. 2).

[2]) С. Дудышкинъ («Отеч. Зап.» 1857 г. № 4.)

[3]) Анненковъ («Соврем.» 1855 г. № 1 и отдѣльн. изд. соч. Анненк. отдѣл. 2).

сателей, которые не лишены преднамѣренной цѣли. но мысль которыхъ всегда скрыта въ нѣдрахъ произведенія и развивается вмѣстѣ съ нимъ, какъ красная нитка, пущенная въ ткань. Психическій вопросъ онъ проводитъ безъ предварительнаго увѣдомленія, да и оставляетъ разсказъ безъ притязаній на разрѣшеніе его, предоставляя это вниманію читателей. Въ сдержанности его заключается не одинъ простой расчетъ на возбужденіе любопытства, а вѣрное эстетическое чувство... Въ разбираемомъ нами авторѣ есть качество, съ избыткомъ вознаграждающее отсутствіе нѣкоторыхъ условій строгаго удовлетворительнаго повѣствованія: это врожденная способность мѣткаго наблюденія. Соединеніе мастерства и въ то же время поэтическаго чувства при описаніи характерныхъ особенностей каждаго дѣйствующаго лица, дѣлаетъ изъ его разсказовъ небольшія картины, яркость и истина которыхъ подчиняютъ воображеніе читателя... Юморъ у нашего автора идетъ почти всегда объ руку съ поэзіей, и часто веселая сцена переходитъ мало по малу въ тихое, поэтическое созерцаніе и тамъ пропадаетъ, какъ облако въ небѣ. Надо замѣтить, что авторъ не принадлежитъ, судя по первымъ его произведеніямъ, къ школѣ чистыхъ юмористовъ, веселость которыхъ уживается со всѣми явленіями нравственнаго міра, каковы бы они ни были... Чувство природы въ немъ врожденное, неподдѣльное, независимое отъ чужаго примѣра или отъ литературныхъ требованій, какъ у многихъ другихъ—потому и выражающееся оригинально. Г. Тургеневъ не столько заботится о передачѣ общаго впечатлѣнія, производимаго явленіемъ, сколько объ уловленіи его характерной черты, его особенности, но этотъ анализъ

и приводитъ его къ подробностямъ, исполненнымъ увлекальной истины. Со стороны искусства гораздо труднѣе оправдать то, что краски автора иногда собраны слишкомъ густо на одномъ мѣстѣ, а не ложатся ровно на всей поверхности ландшафта. Отличительную черту автора составляетъ однакожь его врожденная наклонность къ свѣтлымъ и роскошнымъ явленіямъ; онъ нѣмъ передъ суровыми красками сѣвера и даже какъ будто боится печальнаго чувства, возбуждаемаго тишиной поблекшей природы. Онъ поэтъ солнца, лѣта и только отчасти осени, точно такъ, какъ г. Тютчевъ, съ которымъ имѣетъ много общаго во взглядѣ на природу и въ пониманіи ея... Часто въ срединѣ разсказа неожиданно мелькаетъ у автора поэтическая картина, распространяя далеко кругомъ себя удивительно нѣжный и отрадный блескъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что поэтическій элементъ повѣстей исправляетъ всѣ черезчуръ крупныя линіи ихъ и значительно ослабляетъ дѣйствіе энергическаго выраженія, сообщеннаго физіономіямъ и частностямъ...

Разбирая «Муму», «Два Пріятеля» и «Затишье», г. Анненковъ говоритъ:

[1]) «Съ измѣненіемъ взгляда на значеніе, достоинство и сущность повѣствованія, должна была измѣниться у автора, разумѣется, и манера изложенія. Если мы скажемъ, что теченіе разсказа сдѣлалось у него гораздо ровнѣе и глубже, то мы скажемъ нѣчто уже замѣченное, вѣроятно, всѣми читателями. Мы хотѣли обратить однако же вниманіе ихъ не столько

---

[1]) «Современ.» 1855 г. № 1 и соч. Анненк. отд. 2.

на качества изложенія, уже добытыя авторомъ, сколько на то, что они предвѣщаютъ впослѣдствіи, и какъ способны развиться. Это зачатокъ истинной, плодотворной дѣятельности. Еще болѣе, чѣмъ на полученную долю эстетическаго наслажденія, смотримъ мы на стремленія автора, на цѣль, поставленную имъ самому себѣ. Мы видимъ, какъ расширяется у него пониманіе искусства и какую строгую задачу имѣетъ онъ передъ глазами. Разрѣшеніе ея еще впереди, но первыя основанія для разрѣшенія ея находятся теперь на лицо. Уже ровнѣе и постепеннѣе начинаютъ ложиться подробности, не скопляясь въ одну массу и не разражаясь вдругъ передъ вами, на подобіе шумнаго и блестящаго фейерверка. Вмѣстѣ съ тѣмъ и характеры начинаютъ развиваться послѣдовательнѣе, выясняясь все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени, какъ это и бываетъ въ жизни, а не вставая съ перваго раза совсѣмъ цѣльные и обдѣланные, какъ статуя, съ которой сдернули покрывало. Сущность самыхъ характеровъ дѣлается уже не такъ очевидна: вмѣсто рѣзкихъ фигуръ, требующихъ остроумія и наблюдательности, являются сложныя, нѣсколько запутанныя физіономіи, требующія уже мысли и творчества. Юморъ старается, по возможности, избѣжать передразниванья и гримасы (гримаса можетъ быть и граціозна, но она все гримаса) и обращенъ на представленія той оборотной стороны человѣка, которая присущна ему вмѣстѣ съ лицевой стороной и нисколько не унижаетъ его въ нравственномъ значеніи. Наконецъ и поэтическій элементъ уже не собирается въ одни извѣстныя точки и не бьетъ оттуда яркимъ огнемъ, какъ съ острія электрическаго апарата, а болѣе

ровно разлитъ по всему произведенію и способенъ принимать множество оттѣнковъ.

¹) Повѣсти и разсказы автора нашего, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, имѣютъ въ себѣ нѣчто шаткое и какъ бы недозрѣвшее. Въ нихъ много поэзіи, не мало умныхъ мыслей, слогъ ихъ изященъ до крайности, но они бѣдны той поэтической силою, безъ которой нельзя жить истинному поэту.

«РУДИНЪ».

Дружининъ 1857 г., Дудышкинъ 1857 г., «Атеней» 1858 г., Григорьевъ 1859 г., Писаревъ 1861 г., «Невскій сборникъ» 1867 г., Шелгуновъ 1868 г., Миллеръ 1871 г., Авдѣевъ 1874 г., «Къ Исторіи русскаго нигилизма» (брошура) Одесса 1880 г., Невзоровъ 1883 г.

²) Рудинъ есть дитя своего времени, своего края и своей переходной эпохи. Рудины жили и живутъ между нами, дѣлая пользу и вредъ людямъ, ихъ окружающимъ. Многіе изъ насъ въ юности увлекались Рудинымъ, многіе изъ насъ, въ былое время молодости, слушали Рудинскія импровизаціи такъ, какъ въ повѣсти, насъ занимающей, простодушный студентъ Басистовъ слушалъ вдохновенныя разсужденія Дмитрія Николаевича. Не одна дѣвушка съ теплою душею любила людей въ родѣ Рудина, и горько плателась за свою привязанность. Не одинъ практическій смертный, подобный Лежневу, глядѣлъ на Рудина съ дружескимъ состраданіемъ, не одинъ презрѣнный зло-

¹) А. Дружининъ (Собр. соч. Друж. т. 7).
²) Тоже.

язычникъ, въ родѣ Пигасова, устремлялъ стрѣлы своего остроумія на бѣдную, измученную жизнію особу Рудина... Рудинъ много грѣшилъ, но ему должно быть прощено многое за огонь любви къ истинѣ, въ немъ горѣвшій, за неутомимое стремленіе къ идеалу, за его сочувствіе къ слабымъ, за его вражду къ житейской неправдѣ. Рудинъ много служилъ дѣлу добраго слова, хотя всю жизнь свою не могъ возвысится до пониманія *дѣла*, до возможной и необходимой гармоніи съ средой его окружающей. Въ разъединеніи *дѣла* и *слова* лежитъ корень всѣхъ недостатковъ Рудина, — основаніе всей его грустной, но близкой къ намъ личности. Рудинъ есть живой плодъ нашего ранняго быстро-развивающагося, порывистаго просвѣщенія. Рудина нельзя называть ни русскимъ человѣкомъ, ни космополитомъ, ни германцемъ, или какимъ-нибудь другимъ иноземцемъ. Онъ застрѣльщикъ между двумя арміями, усталый часовой между двумя лагерями. Европейское современное просвѣщеніе, непримѣненное къ жизни, дало намъ Рудина, но матеріалъ, изъ котораго создалось это лицо,—взятъ изъ нашего отечества, изъ круга людей, жившихъ между нами.

[1]) Рудинъ, сдѣлавшійся такимъ-же нарицательнымъ именемъ, какъ напр., типъ Молчалина, Хлестакова, Чичикова и друг., на первый взглядъ каждому можетъ показаться страннымъ человѣкомъ. При богатыхъ природныхъ дарованіяхъ, обширной памяти, необыкновенномъ дарѣ слова, онъ производитъ съ перваго раза сильное впечатлѣніе... На словахъ—это человѣкъ

---

[1]) Н. Невзоровъ («Руководящіе типы и воспит. элем. въ произв. русск. литературы послѣ Гоголя»).

«беззавѣтно увлекающійся благороднѣйшими и гуманнѣйшими идеями, котораго молодежь слушала съ благоговѣніемъ и считала своимъ пророкомъ», «геніемъ». Этотъ «рыцарь идей» и «слова употребляетъ все такія длинныя», говоритъ про него Пигасовъ. «Ты чихнешь, онъ тебѣ сейчасъ станетъ доказывать, почему ты именно чихнулъ, а не кашлянулъ». Пожалуй, Рудинъ въ своемъ родѣ былъ *новымъ* человѣкомъ, *новымъ* въ томъ смыслѣ, что онъ указывалъ собою, хотя еще и слабо, на признаки пробужденія въ нашемъ обществѣ отъ той спячки, въ которой оно находилось до 60-хъ годовъ. Рудинъ, этотъ «рыцарь идей», великъ на словахъ, но не таковъ онъ, къ несчастью, на дѣлѣ... Рудинъ былъ для жизни «лишній человѣкъ». Его надломленная и искалѣченная натура, способная болтать, охать и страдать, не прочь была пожить на чужой счетъ. Онъ не способенъ былъ проникнуться даже обыкновенными человѣческими чувствами. Все у него было искалѣчено. «Холоденъ, какъ ледъ, и знаетъ это, а прикидывается пламеннымъ». Рудинъ изъ самолюбія влюбляетъ въ себя Наташу. Мать ея не соглашается на бракъ съ Рудинымъ. Влюбленная рѣшается бѣжать и вотъ въ эту-то рѣшительную минуту Рудину становится ясно, что онъ никогда не любилъ ее, «настоящею любовью, *любовью сердца*, а не *воображенья*». Увлекаетъ Рудинъ своимъ краснобайствомъ не однихъ пустыхъ барышенъ, онъ увлекаетъ и помѣщиковъ, которые даютъ ему въ займы деньги, напередъ зная, что безъ отдачи. За что ни берется Рудинъ—ничему не предается всей душею, не увлекается дѣломъ. Онъ сдѣлался учителемъ словесности въ гимназіи. Но и здѣсь самолюбіе его было оскорблено на-

чальникомъ: онъ не выдержалъ и скоро бросилъ учительство... Причина появленія этихъ Рудиныхъ, кромѣ соціально-общественныхъ условій, между прочимъ, лежитъ, по нашему мнѣнію, въ домашнемъ воспитаніи. У насъ, особенно въ послѣднее время, чадолюбивые родители съ особеннымъ усердіемъ заботятся о томъ, чтобы изъ ребенка вышелъ развитой человѣкъ и чѣмъ раньше и быстрѣе онъ развивается, тѣмъ лучше, по понятіямъ подобныхъ родителей. Ребенку начинаютъ сообщать самыя разнообразныя свѣдѣнія. Понятно, онъ скоро опереживаетъ своихъ сверстниковъ, воспитывающихся въ иныхъ условіяхъ, и щеголяетъ предъ ними своими свѣдѣніями. Одновременно съ этимъ у ребенка являются искусственные интересы: его занимаютъ ужъ не конфекты, игрушки, бѣготня, нѣтъ— ему нужно, чтобы его похвалили другіе, чтобы пощекотали его дѣтское самолюбіе. Ребенокъ подростаетъ, искусственные интересы развиваются и осложняются. Онъ поступаетъ въ школу. Его и здѣсь занимаетъ не столько ученье, сколько желаніе — быть выскочкой, выдѣлиться изъ толпы товарищей. Онъ заботится, чтобы учитель поставилъ ему отмѣтку «5» и объявилъ бы предъ цѣлымъ классомъ, что онъ «молодецъ». Юношѣ минуло 17 лѣтъ. Теперь ужъ его не интересуютъ отмѣтки. Ему хочется совершить удивительнѣйшій подвигъ, чтобы имя его повторяли всѣ соотечественники. И вотъ въ погонѣ за этимъ «исполинскимъ дѣломъ» юноша, ничѣмъ не сдерживаемый, бросается изъ стороны въ сторону, хватается то за одно, то за другое дѣло, отвыкая отъ труда, усидчивости, и незамѣтно для себя, мало по малу, становится Рудинымъ, на словахъ способнымъ на жертвы, на подвиги, а на

дѣлѣ — дряблымъ, ни къ какому дѣлу неспособнымъ человѣкомъ. И пропадаютъ эти люди подобно Рудину. который погибъ въ 1848 г., сражаясь на баррикадахъ въ Парижѣ. Желаніе его исполнилось. Онъ кончаетъ жизнь совершенно особеннымъ, изъ ряда выдающимся. образомъ.. Да что же толку въ этомъ?

[1]) Въ Рудинѣ есть энтузіазмъ; у него-же есть и холодность, но она въ крови, а не въ головѣ. Слѣдовательно головою онъ энтузіастъ: онъ не актеръ и актеръ въ то же время: онъ не пройдоха (такъ описываетъ Рудина другъ его Лежневъ), и если живетъ на чужой счетъ, то дѣлаетъ это, какъ ребенокъ: онъ долженъ умереть въ нищетѣ и бѣдности: онъ не сдѣлаетъ самъ ничего, потому-что дѣлать дѣло не его призваніе, потому-что въ немъ натуры, крови нѣтъ: несчастье Рудина состоитъ въ томъ, что онъ не знаетъ Россіи.

[2]) Рудинъ, какъ и всѣ герои Тургенева, воспитывался тепличнымъ образомъ. Дѣйствительной жизни, такой, какая существуетъ для огромнаго большинства человѣчества, онъ не зналъ; но за то ему была коротко знакома искусственная жизнь обезпеченныхъ людей, жившихъ за плечами своихъ мужиковъ, какъ у Христа за пазухой. Жизнь этихъ болтуновъ была постоянною праздностью, и вся дѣятельность ихъ сосредоточивалась въ однихъ разговорахъ и въ общихъ разсужденіяхъ о предметахъ, неимѣвшихъ ровно никакого отношенія ко всему тому, что ихъ окружало. Это были люди сильно возбужденной фантазіи и об-

[1]) С. Дудышкинъ («Отеч. Зап.» 1857 г. № 1).
[2]) Н. Шелгуновъ («Русскіе идеалы, герои и типы»: «Дѣло» 1868 г. № 7).

щихъ разсужденій. Припомните камеръ-юнкера барона Муфеля. Дарья Михайловна познакомилась съ нимъ у князя Гарина, — тургеневскіе герои всегда князья, графы, камеръ-юнкеры и вообще люди знатнаго происхожденія или большихъ чиновъ, — этотъ почтенный камеръ-юнкеръ и баронъ обратилъ на себя вниманіе Дарьи Михайловны, плѣнивъ ее великосвѣтской блестящей болтовней, и написавъ политико-экономическую статью, желалъ подвергнуть ее суду Дарьи Михайловны. Въ статьѣ этой трактовалось объ отношеніяхъ промышленности къ торговлѣ въ Россіи. Неправда ли, какъ все это глупо! А въ тѣ времена великосвѣтскіе люди и не поступали никогда умнѣе. Ну съ чего этому камеръ-юнкеру писать политико-экономическую статью и почему понадобилось ему непремѣнно представить свою статью на судъ Дарьи Михайловны?!.. Занимаютъ тебя вопросы экономическіе, — изслѣдуй ихъ, пиши, печатай, представляй ихъ на судъ публики или въ видѣ проэкта министру финансовъ. Конечно, такой способъ дѣйствія обнаружилъ бы стремленіе къ дѣйствительному дѣлу, чего вовсе не было въ головѣ блистательныхъ, великосвѣтскихъ героевъ Тургенева. Вся суть ихъ жизни заключалась въ вѣчномъ желаніи рисоваться и щеголять красивыми словами. И политико-экономическая статья Муфеля была точно также не больше, какъ желаніе порисоваться въ великосвѣтскомъ дамскомъ салонѣ.

Женщина для людей того времени была какою-то особенною силою. Какъ въ Америкѣ общественная похвала и стремленіе понравиться своею полезною общественною дѣятельностію служитъ двигателемъ для каждаго политическаго дѣятеля, такъ у насъ въ тѣ

времена, когда Тургеневъ создавалъ свои благоухающіе типы, изображала подобную же силу женщина. Женщина окружалась небеснымъ сіяніемъ, обыкновенная дѣвушка превращалась въ дѣву; женское сердце считалось какой-то непостижимой загадкой, чѣмъ-то неподчиняющимся общимъ ему съ мужскимъ сердцемъ физіологическимъ законамъ. Для женскаго ума не существовало тоже ни психологическихъ и никакихъ другихъ законовъ, и ему дозволялось работать, въ какомъ ему вздумается направленіи. Загадочность и непостижимость женскаго существа, сбивавшая съ толку не только мужчинъ, но и самихъ женщинъ, служила поэтому предметомъ спеціальнаго изученія романистовъ и повѣтствователей и самымъ обильнымъ матеріаломъ для бесѣды влюбленныхъ и невлюбленныхъ юношей и старцевъ. Всѣмъ очень хотѣлось постигнуть непостижимое и никому это не удалось. На отношеніяхъ къ прекрасному полу и на любви къ непостижимымъ дѣвамъ построена вся жизнь тургеневскихъ героевъ.

Читатель пусть не думаетъ, что, называя этихъ героевъ тургеневскими, я хочу сдѣлать личный укоръ автору. Онъ тутъ не при чемъ. Онъ явился историкомъ и психологомъ воспитавшаго его общества, и рисуетъ своихъ героевъ такими, какими они есть. Обвинять г. Тургенева въ томъ, что онъ не умѣлъ подмѣтить въ русской жизни иныхъ людей и иныхъ дѣятелей, было бы несправедливо. Не могъ онъ рисовать другихъ людей, когда не вращался въ ихъ сферѣ; а за то, что онъ рисовалъ людей своего общества, его обвинять, конечно, нельзя. Съ другой стороны, литературная исторія великосвѣтскихъ людей

не менѣе полезна и необходима, какъ и характеристика людей простыхъ. Откуда мы могли бы получить понятіе о бѣдныхъ скитальцахъ большаго свѣта, уподобляющихся вѣчному жиду и заѣдаемыхъ скукою, праздностью и безцѣльною жизнію. Теперь мы ихъ знаемъ; теперь мы знаемъ, какихъ людей создавало былое барство, и сколько хорошихъ силъ оно загубило безъ пользы и для нихъ самихъ и для общества. Съ этой точки зрѣнія нужно благодарить г. Тургенева, а не укорять его. Укорить его можно только за одно, что онъ остался всю свою жизнь вѣренъ сферѣ, воспитавшей его, и не былъ въ состояніи понять новой жизни и новыхъ людей, созданныхъ поворотомъ прогрессивнаго общественнаго мнѣнія. Вина его въ сочувствіи только къ Рудинымъ и въ неумѣніи понять новыхъ людей, смѣнившихъ ихъ и такъ неудачно нарисованныхъ имъ въ лицѣ Базарова.

[1]) Не смотря на порядочный рядъ годовъ, отдѣляющихъ «Рудина» отъ «Записокъ Охотника», этотъ типъ неудавшейся «высшей натуры» находится въ тѣснѣйшей связи не только съ «Гамлетомъ Щигровскаго уѣзда», но и съ цѣлымъ и основнымъ содержаніемъ «Записокъ». Отличаясь отъ большей части выведенныхъ въ нихъ дворянскихъ типовъ своею образованностью, Рудинъ сходится съ ними со всѣми въ той чисто барской подкладкѣ, какая оказывается, какъ мы видѣли, подъ этой его образованностью.

[2]) Въ «Рудинѣ»—почти что въ апотеозу возводится опять все то, надъ чѣмъ судорожно смѣется «Гамлетъ

---

[1]) О. Миллеръ («Бесѣда» 1871 г. № 11).

[2]) А. Григорьевъ (Соч. А. Григорьева).

Щигровскаго уѣзда», и «кружки», и «солнце духа», и вліяніе философскихъ идей,—всѣ тѣ вѣянія, однимъ словомъ, изъ подъ власти которыхъ мечталъ уйдти художникъ въ простую дѣйствительность,—признается законность этихъ вѣяній, ихъ право гражданства въ душѣ. Это объясняется тѣмъ, продолжаетъ А. Григорьевъ, что Тургеневъ «остался въ какомъ-то странномъ нерѣшительномъ положеніи относительно старыхъ и новыхъ вѣяній, вѣрный только своей собственной натурѣ, которая, какъ натура всякаго истиннаго поэта, равно пугается и суровой жесткости логической мысли, т. е. теоріи, и рабскаго служенія настоящему въ его часто слѣпыхъ требованіяхъ. Въ этомъ и причина сильнаго вліянія Тургенева на его читателей, и причина повторенія у него однихъ и тѣхъ-же недостатковъ.

[1]) Поколѣніе Рудиныхъ—гегельянцы, заботившіеся только о томъ, чтобы въ ихъ идеяхъ господствовала систематичность, а въ ихъ фразахъ — замысловатая таинственность, мирили насъ съ нелѣпостями жизни, оправдывая ихъ разными высшими взглядами и всю свою жизнь толкуя о стремленіяхъ, не трогались съ мѣста и не умѣли измѣнить къ лучшему даже особенности своего домашняго быта. Развѣнчать этотъ типъ было также необходимо, какъ необходимо было Сервантесу похоронить своимъ Донъ-Кихотомъ рыцарскіе романы, какъ одно изъ послѣднихъ наслѣдій средневѣковой жизни. Типъ красиваго фразера, совершенно чистосердечно увлекающагося потокомъ своего краснорѣчія, типъ человѣка, для котораго слово замѣняетъ дѣло, и который, живя однимъ воображеніемъ, про-

---

[1]) Д. Писаревъ (Соч. Пис. ч. 1 и «Русск. Слово» 1861 г. № 11).

зябаетъ въ дѣйствительной жизни, совершенно развѣнчаны Тургеневымъ. Люди этого типа совершенно не виноваты въ томъ, что они люди безполезные: но они вредны тѣмъ, что увлекаютъ своими фразами тѣ неопытныя созданія, которыя прельщаются ихъ внѣшнею эффектностію; увлекши ихъ, они не удовлетворяютъ ихъ требованіямъ: усиливъ въ нихъ чувствительность, способность страдать, они ничѣмъ не облегчаютъ ихъ страданія; словомъ, это болотные огоньки, заводящіе ихъ въ трущобы и погасающіе тогда, когда несчастному путнику необходимъ свѣтъ, чтобы разглядѣть свое затруднительное положеніе. Тургеневъ исчерпалъ этотъ типъ въ Рудинѣ.

На словахъ эти люди, подобные Рудину, способны на подвиги, на жертвы, на героизмъ, такъ, по крайней мѣрѣ, подумаетъ каждый обыкновенный смертный, слушая ихъ разглагольствованія о человѣкѣ, о гражданинѣ и другихъ тому подобныхъ отвлеченныхъ и высокихъ предметахъ. На дѣлѣ, эти дряблыя существа, постоянно испаряющіяся въ фразы, неспособны ни на рѣшительный шагъ, ни на усидчивый трудъ. Вглядитесь въ Рудина: какъ онъ говоритъ о жизни, какъ его слова западаютъ въ душу двумъ молодымъ личностямъ, Наташѣ и Бельтову, какъ онъ самъ воодушевляется и становится почти великъ, когда его увлекаетъ потокъ его мыслей! И вдругъ, что же выходитъ на дѣлѣ? Рудинъ труситъ передъ Волынцевымъ, труситъ передъ Натальею, спотыкается о ничтожнѣйшія препятствія, падаетъ духомъ, выѣзжая изъ гостепріимнаго дома Дарьи Михайловны и наконецъ, является передъ читателями измятымъ, забитымъ, безполезнымъ, какъ выжатый лимонъ: и

тутъ онъ фразерствуетъ, только нѣсколькими тонами ниже. Но въ Рудинѣ есть выкупающія стороны: Рудинъ поэтъ, голова, сильно раскаляющаяся и быстро простывающая, для того, чтобы снова раскалиться отъ прикосновенія другихъ предметовъ. Онъ впечатлителенъ до крайности, и въ этой впечатлительности заключается и его обаятельность, и источникъ его страданій. Еслибы дѣло также скоро дѣлалось, какъ сказка сказывается, то Рудинъ могъ бы быть великимъ дѣятелемъ; въ ту минуту, когда онъ говоритъ, его личность выростаетъ выше обыкновенныхъ размѣровъ: онъ гальванизируетъ самого себя, онъ силенъ и вѣритъ въ свою силу, онъ готовъ пойти на открытый бой со всею неправдою земли; вотъ почему онъ умираетъ со знаменемъ въ рукѣ; но въ обыденной жизни нельзя устраивать свои дѣла однимъ взмахомъ руки,—ничто не приходитъ къ намъ по щучьему велѣнію; надо выработать, надо срыть препятствія и разровнять себѣ дорогу; для этого необходима выдержка, устойчивость; взрывомъ кипучей отваги, вспышкою нечеловѣческой энергіи можно только ослѣпить зрителей: оно красиво, но безплодно. Рудинъ умираетъ великолѣпно, но вся жизнь его не что иное какъ длинный рядъ самообольщеній, разочарованій, мыльныхъ пузырей и миражей. Всего печальнѣе то, что эти миражи обманывали не его одного; съ нимъ вмѣстѣ, за него, и часто, сильнѣе его самого, страдали люди, принимавшіе его слова на вѣру, воспламенявшіеся вмѣстѣ съ нимъ и не умѣвшіе остыть тогда, когда остывалъ Рудинъ. Особенно вредно Рудины дѣйствуютъ на женщинъ; женщины въ нашемъ обществѣ нерѣдко до сѣдыхъ волосъ остаются дѣть-

ми; онѣ не знаютъ жизни, потому что сами не сталкиваются съ нею; онѣ не знаютъ того, какъ лгутъ въ жизни, поступками и словами, на каждомъ шагу и при каждомъ удобномъ случаѣ, иногда даже лучшіе люди, добросовѣстнѣйшіе дѣятели; онѣ видятъ этихъ людей и дѣятелей въ домашнемъ костюмѣ, когда вицмундиры смѣняются простыми сюртуками, онѣ слышатъ, какъ эти люди разсуждаютъ о своей дѣятельности и много фальшивой монеты принимаютъ за наличную; упоминая такимъ образомъ о женщинахъ, я, конечно, не говорю о тѣхъ несчастныхъ личностяхъ, которыхъ горькая нужда слишкомъ хорошо познакомила съ грязью жизни, или которыхъ уродливое воспитаніе сдѣлало нечувствительными къ какимъ бы то ни было впечатлѣніямъ, кромѣ чисто физической боли и чисто физическаго наслажденія. Нѣкоторая независимость отъ внѣшнихъ обстоятельствъ совершенно необходима для того, чтобы человѣкъ могъ мыслить и чувствовать; если человѣкъ цѣлый день работаетъ для того, чтобы не умереть съ голода, и утоляетъ свой голодъ для того, чтобы завтра опять цѣлый день работать, то онъ прозябаетъ, а не живетъ; онъ черствѣетъ, тупѣетъ, покрывается какою-то ржавчиною; въ этомъ и заключается деморализирующее, опошляющее вліяніе пауперизма, котораго не испытываютъ животныя, и который страшнымъ бременемъ тяготѣетъ надъ человѣкомъ. Слѣдовательно, говоря о психической жизни женщинъ, я поневолѣ принужденъ ограничиваться тѣми сферами, въ которыхъ эта психическая жизнь не подавлена и не забита ежечасною, тревожною заботою о кускѣ хлѣба; такія женщины, знающія жизнь на столько, насколь-

ко пожелаютъ показать имъ эту жизнь ихъ папеньки, опекуны или супруги, любятъ смѣлыя рѣчи Рудиныхъ: онѣ въ этихъ людяхъ надѣются увидѣть тѣхъ героевъ, къ которымъ инстинктивно стремятся ихъ желанія: онѣ надѣются черезъ нихъ познакомиться съ тою, болѣе полною и широкою жизнью; онѣ привязываются къ этимъ людямъ тою пылкою любовью, которою мы любимъ наши лучшія надежды, наши свѣтлыя мечты, наши благородныя стремленія: все то, что даетъ намъ силы переносить тягости жизни, все это воплощается для женщины въ образѣ того человѣка, который горячимъ словомъ шевельнулъ ея мозговые нервы; тутъ обмануться, тутъ разочароваться значитъ упасть съ страшной высоты; вынести такое паденіе, окрѣпнуть послѣ такого грубаго удара удается очень немногимъ. Вотъ въ какомъ отношеніи Рудины принимаютъ на себя страшную отвѣтственность; кто будитъ въ человѣкѣ его лучшіе инстинкты, тотъ долженъ и удовлетворить ихъ требованіямъ; кто ведетъ слабаго ребенка на крутую гору, тотъ можетъ сдѣлаться преступникомъ, если не поддержитъ до самаго конца горы это существо, вѣрующее въ его силу и смѣло пошедшее за нимъ по его призыву; оставить такое существо на половинѣ дороги, когда впереди страшная крутизна, а сзади страшный спускъ въ сырую трущобу — это непростительно: тутъ извиненіемъ не можетъ служить ни ошибка, ни слабость; когда берешься устроивать чужую жизнь, надо взвѣсить свои силы; кто этого не умѣетъ или не хочетъ сдѣлать, тотъ опасенъ, какъ слабоумный, или какъ эксплуататоръ.

Чтобы оттѣнить своихъ героевъ, принадлежащихъ къ рудинскому типу, чтобы рельефнѣе выставить без-

поцюдность своихъ отношеній къ ихъ чахлымъ личностямъ и смѣшнымъ претензіямъ, Тургеневъ ставитъ ихъ съ простыми, очень неразвитыми смертными: и эти простые смертные оказываются выше, крѣпче и честнѣе полированныхъ и фразерствующихъ умниковъ. Рудинъ пасуетъ передъ Волынцевымъ, передъ отставнымъ армейскимъ ротмистромъ, не получившимъ никакого образованія. Рудинъ гораздо образованнѣе и даже развитѣе тѣхъ личностей, которымъ онъ противополагается, а между тѣмъ неотесанныя натуры послѣднихъ внушаютъ гораздо больше довѣрія, уваженія и сочувствія. Отчего это происходитъ? Оттого, что въ фразерахъ мы ничего не видимъ, кромѣ извѣстной дрессировки, а на дѣлѣ видимъ человѣка, каковъ онъ есть, съ самородными достоинствами и съ прилипшими случайно странностями.

[1]) Съ отношеніями къ Наташѣ Рудина не лишнее будетъ сопоставить въ «Запискахъ Охотника» отношенія къ Петру Петровичу Каратаеву страстно имъ любимой Матрены. И эта крестьянская дѣвушка «трусила», какъ и Рудинъ, но причины ихъ трусости совершенно различны. Матрена боялась, что за побѣгъ ея поплатятся ея родныя, и, чтобъ спасти ихъ, отказалась отъ Каратаева, котораго страстно любила. Напротивъ того, Рудинъ, какъ самъ онъ сознается въ письмѣ къ Наташѣ, «просто испугался отвѣтственности, которая *на него* падала»—испугался потому, что въ сущности никогда не любилъ Наташи!

[2]) Какимъ же образомъ этотъ энтузіастъ, этотъ по-

[1]) Миллеръ («Объ общественныхъ типахъ въ повѣстяхъ И. С. Тургенева».).

[2]) С. Дудышкинъ («Отеч. Зап.» 1857 г. № 4.).

борникъ всего прекраснаго, могъ быть такъ бездушенъ? Отчего жь у него страстна голова, а не сердце? Отчего у этихъ людей нѣтъ сердца?—вотъ капитальный вопросъ. Мы обращаемъ его не къ людямъ, занимающимся психологіей, а къ изучающимъ нашего общественнаго человѣка и тѣ условія, которыя образуютъ такихъ людей. Вопросъ этотъ не такъ поверхностенъ, какъ кажется съ перваго взгляда: онъ тѣсно связанъ съ убѣжденіями того поколѣнія, которое изображаетъ г. Тургеневъ. Эти *головные энтузіасты* едва ли на самомъ дѣлѣ энтузіасты. Энтузіастомъ нельзя быть только головою: тогда и въ этомъ отношеніи окажется та же несостоятельность, какую мы замѣчаемъ въ другихъ отношеніяхъ. Положимъ, Рудинъ увлекся бы столько же сердцемъ, сколько и умомъ: не уже-ли вы думаете, что онъ поступилъ бы потомъ иначе, нежели Вязовнинъ, который бросился съ парохода въ море?

Отчего всѣ женщины, выведенныя въ повѣстяхъ г. Тургенева, могутъ сказать каждому изъ героевъ его (за исключеніемъ Пасынкова) то же, что Наташа сказала Рудину: «Вы, точно, отъ-нечего-дѣлать, отъ скуки пошутили со мною». Дѣло въ томъ что у всѣхъ этихъ лицъ нѣтъ пониманія жизни, а есть одно пониманіе страсти, увлеченій, одного отрывка изъ жизни; нѣтъ этого, какъ нѣтъ равновѣсія другихъ силъ: космополитизма и народности, образованія и дѣятельности, стремленія къ идеалу и стремленія къ жизни положительной. Всѣ они живутъ и понимаютъ жизнь односторонно.

[1]) Проводя параллель между героями «Аси», «Фа-

[1]) «Атеней» 1858 г. № 18.

Морфология.

уста» и «Рудинымъ», критикъ «Атенея» говоритъ: «Рудинъ въ началѣ держитъ себя нѣсколько приличнѣе для мужчины, нежели прежніе герои: онъ такъ рѣшителенъ, что самъ говоритъ Натальѣ о своей любви (хоть говоритъ не по доброй волѣ, а потому, что вынужденъ къ этому разговору); онъ самъ проситъ у ней свиданія. Но когда Наталья на этомъ свиданіи говоритъ ему, что выйдетъ за него, съ согласія или безъ согласія матери все равно, лишь бы онъ только любилъ ее, когда произноситъ слова: «Знайте-же, я буду ваша», Рудинъ только и находитъ въ отвѣтъ восклицаніе: «О Боже»!—восклицаніе больше конфузное, чѣмъ восторженное,—а потомъ дѣйствуетъ такъ хорошо, то есть до такой степени труслив и вялъ, что Наталья принуждена сама пригласить его на свиданіе для рѣшенія, что же имъ дѣлать. Получивши записку, «онъ видѣлъ, что развязка приближается и втайнѣ смущался духомъ». Наталья говоритъ, что мать объявила ей, что скорѣе согласится видѣть дочь мертвой, чѣмъ женой Рудина, и вновь спрашиваетъ Рудина, что онъ теперь намѣренъ дѣлать? Рудинъ отвѣчаетъ по прежнему: «Боже мой, Боже мой», и прибавляетъ еще наивнѣе:—«такъ скоро! что я намѣренъ дѣлать? у меня голова кругомъ идетъ, я ничего сообразить не могу». Но потомъ соображаетъ, что слѣдуетъ «покориться». Названный трусомъ, онъ начинаетъ упрекать Наталью, потомъ читать ей лекцію о своей честности, и на замѣчаніе, что не это должна она услышать теперь отъ него, отвѣчаетъ, что онъ не ожидалъ такой рѣшительности. Дѣло кончается тѣмъ, что оскорбленная дѣвушка отворачивается отъ него, едва ли не стыдясь своей любви къ трусу.

[1]) Удивляются отважности героинь г. Тургенева. Но отважности тутъ въ сущности нѣтъ никакой, а только неразуміе и неспособность видѣть и оцѣнять послѣдствія. Вы струсили, говоритъ Тургеневская героиня Тургеневскому герою; я же готова съ вами на край свѣта, я готова хоть сейчасъ сдѣлаться вашей любовницей. И нужно сказать правду, что въ трусости героя гораздо больше ума, чѣмъ въ отважности героини. Героиня дѣйствуетъ по короткому порыву; она только желаетъ страстнѣе и требуетъ немедленнаго удовлетворенія своей страсти. Ну, а потомъ-то что? Гражданскаго брака героини г. Тургенева не знали, значитъ имъ приходилось дѣлаться простыми любовницами. И, разумѣется, герои были правы, когда отклоняли неопытныхъ дѣвушекъ отъ подобнаго намѣренія.

[2]) Наталья, въ Рудинѣ, похожа на Асю, или, вѣрнѣе, въ основу ихъ личностей положена авторомъ одна идея, разработанная различно въ обоихъ романахъ. Въ Асѣ больше граціи, въ Натальѣ больше твердости; Ася отличается подвижностью, Наталья—сдержанностію и способностью глубоко вдумываться въ предметъ и долго вынашивать въ головѣ идею или чувство. Въ Асѣ огонь вспыхиваетъ сильно и внезапно; дѣйствіе этого внутренняго огня тотчасъ отражается на ея физіономіи, въ ея поступкахъ, во всемъ ея поведеніи; въ Натальѣ этотъ огонь разгорается медленно, и дѣйствіе его долгое время скрывается отъ нея самой и отъ другихъ; а потомъ, когда она сама

---

[1]) Н. Шелгуновъ («Русскіе идеалы, герои и типы». «Дѣло» 1868 г. № 7).

[2]) Писаревъ (Соч. Писар. ч. 1 и «Русск. Слово» 1861 г. № 12).

отдаетъ себѣ отчетъ въ своемъ настроенiи, она все таки скрываетъ его отъ другихъ и одна, безъ посторонниxъ свидѣтелей, хозяйничаетъ въ своемъ внутреннемъ мiрѣ. Различiй, какъ видите, очень много а между тѣмъ, сходство самое существенное: обѣ дѣвушки сохранили свѣжесть и здоровье помимо обстановки, помимо тѣхъ людей, которые считали себя вправѣ распоряжаться ихъ мыслями и чувствами. Натальѣ это было труднѣе сдѣлать, чѣмъ Асѣ, и потому Наталья вышла изъ своей борьбы крѣпче и вынесла изъ нея большiй запасъ сознаннаго опыта.

[1]) Въ Наташѣ мы видимъ дѣвушку, которая уже не стремится только любить, но которая ищетъ въ мужчинѣ учителя и руководителя, ищетъ дѣла себѣ хотя еще и ограничиваетъ свое участiе въ немъ ролью помощницы: она уже стремится переступить за черту хозяйки, жены или любовницы. Рудинъ еще находится въ тѣхъ-же роковыхъ условiяхъ одиночества которыя мѣшали и его предшественникамъ идти объ руку съ любимой женщиной; но влiянiе Рудина все-таки оказалось, переходъ или стремленiе къ переходу—явилось.

[2]) Въ Рудинѣ вы видите, кто и какъ бываетъ счастливъ въ этомъ мiрѣ. Состоянiе, избавляющее отъ трудовой зависимой жизни, извѣстная доля вялости ограниченности умственной—необходимыя условiя этого счастiя. Воспитанiе, самая жизнь съ ранняго дѣтства убиваютъ силу воли. Умъ развивается враждебно не только всему окружающему,—враждебно самому чело-

---

[1]) М. Авдѣевъ («Наше общество въ герояхъ и героин. литер.».).
[2]) «Къ исторiи русскаго нигилизма» Одесса 1880 г.

вѣку, какъ будто только для того, чтобы освѣтить предъ нимъ грязь куска, которымъ онъ готовъ былъ утолить голодъ, и принудить бросить его съ отвращенiемъ; чтобы заставить человѣка далеко отъ родной земли искать, если не жизни, то хоть смерти достойной гражданина.

[1]) Рудинъ — необходимое звено между людьми безплодной мысли и людьми дѣла, которыхъ общество такъ ждетъ долго и которые приступаютъ такъ незамѣтно... Въ Рудинѣ впервые послѣ Чацкаго, черезъ долгiй промежутокъ времени, высказывается въ обществѣ стремленiе къ политической дѣятельности... Понятно, что для дѣятельности Рудиныхъ и Инсаровыхъ не было мѣста въ Россiи, и не зависимо отъ этого, что авторъ, по самымъ условiямъ печати, могъ описывать изъ всей Одиссеи—по выраженiю Добролюбова — только похожденiя на островѣ Калипсы, т. е. самыя незначительныя изъ похожденiй, ему и нельзя было описывать того, что было невозможно въ самой жизни. По этому совершенно несправедливо установившееся воззрѣнiе, что Рудины и всѣ люди сороковыхъ годовъ были способны только къ разговорамъ, а не къ дѣлу. Мы видѣли, напротивъ, что тамъ, гдѣ для этихъ людей была открыта возможность общественной дѣятельности, они немедленно воспользовались сю и явились способнѣйшими тружениками. Такъ крестьянское дѣло выработано и вынесено ими на своихъ плечахъ, — и если потомъ обстоятельства вновь такъ сложились, что ихъ участiе въ общественныхъ дѣлахъ опять найдено излишнимъ, то ихъ бездѣйствiе

---

[1]) М. Авдѣевъ («Наше общество въ герояхъ и героин. литер.»).

уже не можетъ быть имъ поставлено въ вину. Подобное мнѣніе о людяхъ сороковыхъ годовъ могло сформироваться въ ту эпоху, когда всѣ ожидали появленія «новыхъ людей,» «людей дѣла,» людей, которые съумѣли бы изобрѣсти себѣ общественную дѣятельность, не смотря на неблагопріятныя обстоятельства...

Рудинъ не былъ пустословомъ, но былъ положительнымъ дѣятелемъ, Тамъ, гдѣ слово выходитъ изъ обыкновенной колеи и возвышается до краснорѣчія, до силы подмывающей, двигающей, не дающей покоя,—тамъ рѣчь становится дѣломъ, говорунъ обращается въ проповѣдника,—а рѣчь Рудина, какъ мы знаемъ изъ словъ Басистова, дѣйствительно потрясала, сдвигивала, зажигала человѣка. Рудинъ не ограничивался одними словами. Когда онъ видитъ, что эти слова не приносятъ пользы, онъ хватается за всякое дѣло. Онъ пробуетъ служить, и не уживается, разумѣется, на службѣ; онъ дѣлается учителемъ гимназіи; кажется, съ его познаніями, съ его даромъ слова это не значитъ брать дѣло не по силамъ и способностямъ, но ему не даютъ и этого дѣла; онъ хочетъ дѣйствовать черезъ богатаго и благонамѣреннаго человѣка, но тотъ оказывается тупымъ самодуромъ; Рудинъ бросаетъ теплое мѣсто и идетъ на голодъ и нужду; онъ встрѣтилъ какого-то необыкновенно-практическаго человѣка, прилѣпляется къ нему, живетъ въ землянкѣ, ѣстъ черный хлѣбъ и убиваетъ послѣднюю копѣйку,—а дѣло разлетается; Рудинъ даже покушался быть секретаремъ важнаго сановника, но, разумѣется, съ своимъ направленіемъ, желаніями, цѣлями, вездѣ былъ лишній, вездѣ жизнь выбрасывала его: у чита-

теля сжимается сердце, какъ оно сжимается у его товарища Лежнева, когда посѣдѣвшій, обезсилѣнный, изгоняемый въ деревню Рудинъ разсказываетъ ему про свои похожденія: «Всего разсказать нельзя, говоритъ онъ,—да и не стоитъ... Маялся я много, скитался не однимъ тѣломъ—душою скитался. Въ чемъ и въ комъ я не разочаровывался? Боже мой! съ кѣмъ не сближался, да, съ кѣмъ? повторилъ Рудинъ, замѣтивъ, что Лежневъ съ какимъ то особеннымъ участіемъ посмотрѣлъ ему въ лицо. — Сколько разъ мои собственныя слова становились мнѣ противными—не говорю уже въ моихъ устахъ, но и въ устахъ людей, раздѣлявшихъ мои мнѣнія! Сколько разъ переходилъ я отъ нетерпѣливости къ раздражительности ребенка, къ тупой безчувственности лошади, которая уже и хвостомъ не дрыгаетъ, когда ее сѣчетъ кнутъ... Сколько разъ я радовался, надѣялся, враждовалъ и унижался напрасно! Сколько разъ вылеталъ соколомъ и возвращался ползкомъ, какъ улитка, у которой раздавили раковину! гдѣ не бывалъ я, по какимъ дорогамъ не ходилъ! а дороги бываютъ грязныя, прибавилъ Рудинъ и слегка отвернулся»... Какая страшно тяжелая и печальная картина! сколько въ ней страданій, униженія, приносимыхъ въ жертву самому честному дѣлу и оказавшихся жертвами безполезными! И такого человѣка, такъ мучительно стремящагося къ дѣлу, называютъ идеалистомъ?—Повторяемъ: люди 60-хъ годовъ могли въ то время, во время своей молодости, свысока отнестись къ этимъ хватающимъ за душу словамъ Рудина, но если они повторятъ то-же теперь, то мы скажемъ имъ, что опытъ ихъ ничему не научилъ, и ни отъ чего не отрезвилъ.

Конецъ Рудина показываетъ, что Рудинъ не принадлежалъ къ числу людей слова, онъ умираетъ убитый на парижской баррикадѣ, сражаясь за свободу чуждаго ему народа. Теперь спросимъ мы читателя: такъ ли умираютъ люди слова, люди, не имѣющіе воли и твердости, чтобы пожертвовать собою своему дѣлу? А Рудинъ, повторяемъ, былъ вполнѣ человѣкомъ сороковыхъ годовъ!

Странный человѣкъ былъ этотъ Рудинъ, и сложная была у него натура — Рудинъ былъ не случайность: онъ прямой потомокъ своихъ предковъ, поэтому мы, прослѣдивъ за развитіемъ мысли въ русскомъ обществѣ, можемъ, какъ въ геологіи, пластъ за пластомъ разобрать всѣ наслоенія, которыя разныя предыдущія и современныя вліянія оставляли на Рудинѣ; насъ удивляетъ даже строго-логичная совмѣстимость этихъ вліяній въ Рудинѣ и мы можемъ объяснить ее только той художественною правдою, съ которою и Рудинъ, и предыдущіе типы были живьемъ взяты изъ общества и изображены ихъ авторами. Рудинъ былъ человѣкъ далеко выходящій изъ дюжины: умъ онъ имѣлъ систематическій, память огромную и необыкновенный даръ слова; читалъ онъ большею частію книги философскія, и умъ его не былъ самостоятеленъ, но голова такъ устроена, что онъ тотчасъ же изъ всего читаннаго извлекалъ все общее, хватался за самый корень дѣла и уже потомъ отъ него проводилъ во всѣ стороны правильныя нити мысли, открывая духовныя перспективы, освѣщая все однимъ свѣтомъ. «Молодежи, говоритъ авторъ, выводы подавай, итоги, хоть невѣрные. Совершенно добросовѣстный человѣкъ на это не годится. Попытайтесь сказать мо-

лодежи, что вы не можете дать ей полной истины, потому что сами не владѣете ею... Молодежь васъ и слушать не станетъ. Но обмануть вы ее тоже не можете. Надобно, чтобы вы сами, хоть на половину вѣрили, что обладаете истиной». По нашему мнѣнію, подобныя особенности нужны для всякаго проповѣдника—обращается-ли онъ къ молодежи, или къ массѣ зрѣлыхъ слушателей,—чтобы двигать и имѣть успѣхъ. Рудинъ обладалъ ими, этими качествами или недостатками, къ тому же онъ былъ энтузіастъ и потому производилъ впечатлѣніе огромное. «Этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя!» говорилъ про него Басистовъ. Таковъ былъ Рудинъ, какъ дѣятель. Пусть онъ какъ честный человѣкъ имѣлъ недостатки: онъ во все вмѣшивался и любилъ посплетничать, занималъ деньги и не думалъ отдавать ихъ, не какъ пройдоха, а какъ человѣкъ фантазіи, а не дѣйствительности; пусть онъ со своимъ все систематизирующимъ умомъ былъ въ высшей степени непрактиченъ—все это такъ: но, какъ пропагандистъ, какъ общественный дѣятель, Рудинъ былъ человѣкъ, цѣлой головой выходящій изъ ряда: онъ первый между героями является намъ не какъ страдательное лицо, не какъ забитый и изломанный человѣкъ, а какъ истинный и положительный двигатель, погибающій—какъ водится—впослѣдствіи. Да! Рудинъ первый между героями литературы—общественный дѣятель. У насъ, напротивъ, установилось мнѣніе, что Рудинъ принадлежитъ всецѣло къ надломленнымъ и искалѣченнымъ натурамъ, которыя способны все только говорить,

охать и страдать, и если были намъ симпатичны, то какъ жертвы своего времени и своей среды, а отнюдь не какъ дѣйствующія лица. По нашему мнѣнію, такой взглядъ рѣшительно не выдерживаетъ критики. Установился онъ потому, что въ самой повѣсти о Рудинѣ мы видимъ только слабую, дѣйствительно надломленную сторону героя: онъ бѣжитъ отъ дѣвушки, которая ему отдается, не даетъ отпора пустому, но смѣлому сопернику (сопернику въ любви), занимаетъ и не платитъ деньги, и не смотря на всю силу своего слова и способностей, не даетъ никакого ощутительнаго послѣдствія всей своей силы и дара. Но въ повѣсти есть другая сторона, которая видна между строками: вся дѣйствительная сила Рудина, всѣ его попытки что-нибудь сдѣлать, сдвинуть—все это разсказывается другими, занимаетъ чрезвычайно мало мѣста, и не производитъ на читателя сильнаго впечатлѣнія, потому что умышленно прикрыто.

[1]) Въ этой повѣсти совершается передъ глазами читателей явленіе совершенно особенное. Художникъ, начавши критическимъ отношеніемъ къ создаваемому имъ лицу, видимо путается въ этомъ критическомъ отношеніи, самъ не знаетъ, что ему дѣлать съ своимъ анатомическимъ ножемъ, и, наконецъ, увлеченный порывомъ искренняго стараго сочувствія,—снова возводитъ въ апотеозу въ эпилогѣ то, къ чему онъ пытался отнестить критически въ разсказѣ. И нельзя даже подумать, чтобы критика была ловкимъ подходомъ къ апотезѣ,—такъ быстро и прямо совершается передъ глазами читателя поворотъ, такъ послѣ прочтенія эпи-

[1]) А Григорьевъ, (Соч. А. Григорьева).

лога становится ясно, что все, кромѣ эпилога, да той минуты, когда Рудинъ, стоящій вечеромъ у окна и заключающій свою бесѣду, свою проповѣдь легендою о скандинавскомъ царѣ, напоминаетъ манеры, пріемы и цѣлый образъ одного изъ любимѣйшихъ людей нашего поколѣнія, — что, кромѣ этого, говорю я, все остальное сдѣлано, а не рождено, сдѣлано искусственно, хоть и не совсѣмъ искусно, вымучено у души насильственно... Тутъ, однимъ словомъ, обнаруживается въ отношеніяхъ художника къ создаваемому имъ типу[1] да вмѣстѣ съ тѣмъ и для многихъ изъ насъ, кто только подобросовѣстнѣе — замѣчательная путаница... Что такое Рудинъ въ повѣсти?—Фразеръ?—но откуда же у фразера сила, дѣйствующая на глубокую натуру Натальи и на чистую, юношеско-благородную натуру Басистова?—Человѣкъ слабый и безхарактерный, «кущый», по выраженію Пигасова?—Но отъ чего-же Пигасовъ такъ радъ тому, что разъ подмѣтилъ его *кущымъ*, и отчего Лежневъ, знающій его вдоль и поперегъ, *боится* его вліянія на другихъ? Отчего благородный малый Волынцевъ такъ *скорбенъ* головою при своемъ благородствѣ, и отчего его судьба, по предсказанію положительнаго Лежнева,—быть подъ башмакомъ у Натальи?—Что за несчастье въ нашей литературѣ добрымъ и благороднымъ малымъ! Или они— тѣни, или ихъ бьютъ... Право такъ.

[1]) Трудно встрѣтить въ какомъ-либо другомъ произведеніи литературы характеръ до такой степени невыдержанный, противорѣчащій самому себѣ, какъ Рудинъ въ повѣсти г. Тургенева. Въ первой половинѣ

[1]) Алкандровъ (псевдонимъ). «Невскій Сборникъ» 1867 г.

повѣсти является передъ вами холодный, рисующійся резонеръ, человѣкъ, у котораго умъ развитъ на счетъ всей природы, такъ что г. Тургеневъ называетъ его китайскимъ болванчикомъ, котораго голова постоянно перевѣшивала. Такой господинъ очень умно умѣетъ обо всемъ разсуждать, но едва застаетъ его въ расплохъ дѣло, какъ онъ смущается, робѣетъ, весь умъ его уходитъ въ пятки и онъ оказывается никуда негоднымъ, дряблымъ трусомъ. Чтобы выставить рельефно такое качество своего героя, г. Тургеневъ выводитъ на сцену неизмѣнную свою исторію любви. Рудинъ очень глубоко понимаетъ любовь, очень тонко анализируетъ ее, но чуть дѣло касается осуществленія любви въ дѣйствительности, чуть является передъ нимъ любящая женщина съ предложеніемъ бѣжать отъ родныхъ и посвятить всю жизнь для него, онъ теряется, падаетъ духомъ, говоритъ о томъ, что слѣдуетъ покориться злой судьбѣ и роднымъ Натальи и является, такимъ образомъ, самымъ безпардоннымъ, немощнымъ трусомъ. До сихъ поръ все идетъ хорошо; если бы Тургеневъ покончилъ свою повѣсть отъѣздомъ Рудина отъ Ласунскихъ — повѣсть его была бы однимъ изъ варіантовъ исторіи неудачной любви, а Рудина читатель ставилъ бы на ряду съ Пигасовымъ, Лишнимъ человѣкомъ, Гамлетомъ Щигровскаго уѣзда, и смотрѣлъ бы на него какъ на одного изъ дряблыхъ филистеровъ, неспособныхъ даже размножать человѣчество... Критика наша, впрочемъ, до сихъ поръ такъ дѣлала: она ограничивалась первою половиною повѣсти и разбирала Рудина согласно съ этою первою частью какъ безстрастнаго, безхарактернаго резонера. Но въ повѣсти г. Тургенева есть вторая

половина—описаніе дальнѣйшей судьбы Рудина послѣ отъѣзда отъ Ласунскихъ. Въ этой второй половинѣ Рудинъ является передъ нами человѣкомъ, совершенно противоположнымъ тому, какимъ онъ былъ въ первой. Если въ первой части онъ является передъ нами Гамлетомъ, то во второй части онъ Донъ-Кихотъ въ полномъ смыслѣ этого слова (я здѣсь сообразуюсь съ характеристикою этихъ обоихъ типовъ, представленныхъ Тургеневымъ въ статьѣ «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ» въ «Совр.» 1860 г. № 1). Если въ первой части онъ способенъ только умно разсуждать и пасовать передъ дѣломъ, то во второй части онъ, напротивъ того, является способнымъ сразу броситься на рискованное безумное дѣло, а потомъ уже, при неудачѣ, обсуждать это дѣло заднимъ умомъ. Представьте вы себѣ безумца, который въ 40-е годы—самъ, одинъ со своими маленькими силенками возмечталъ учинить радикальныя преобразованія въ гимназіи, гдѣ онъ былъ учителемъ; представьте себѣ безумца, который, не имѣя ни гроша денегъ, задумалъ сдѣлать судоходною одну рѣку въ Россіи и, съ этою цѣлію, шесть мѣсяцевъ провелъ въ землянкахъ, питаясь однимъ хлѣбомъ... Наконецъ возьмите вы самую смерть его, въ далекой странѣ, въ борьбѣ за чужое дѣло, до него во все не касающееся... Гдѣ-же тутъ безстрастный, холодный резоперъ, способный только анализировать тонкимъ умомъ и теряющійся передъ дѣломъ. Напротивъ того, тутъ есть все: пламенный энтузіазмъ, отвага, безуміе, непрактичность, а холоднаго, все предварительно взвѣшивающаго ума тутъ именно и нѣтъ. Холодный резонеръ, какимъ является Рудинъ вначалѣ, остался бы и до конца жизни холоднымъ резонеромъ; если онъ стру-

силъ передъ Натальею, то онъ струсилъ бы и передъ гимназіею, и передъ рѣкою... Если-же онъ былъ способенъ на такіе безумные замыслы, какъ прорытіе рѣки и былъ способенъ не на одни слова, но и на выполненіе ихъ, если онъ отъ выполненія своихъ плановъ отказывался только тогда, когда не оставалось у него никакихъ болѣе средствъ на это и всѣ пути ему были закрыты, то неужели такой человѣкъ струсилъ бы передъ вопросомъ о женитьбѣ. Напротивъ того, можно было ожидать въ такомъ случаѣ, что какъ безъ копѣйки въ карманѣ, онъ бросился на капитальныя дѣла, подобно тому онъ и женился бы, очертя голову, не думая о томъ, какъ ему удастся устроить семейную жизнь при его средствахъ. А если бы онъ отказался отъ женитьбы, то и это онъ сдѣлалъ бы также очертя голову, скорѣе изъ горячаго протеста противъ всего окружающаго, доведеннаго до фанатизма, а ужъ никакъ не изъ трусости. Но въ такомъ случаѣ, какъ же согласить первую часть повѣсти со второю? Въ чемъ же заключается тайна этой невыдержанности характера, этого рѣзкаго противорѣчія между Рудинымъ первой части и тѣмъ-же Рудинымъ второй? Объяснить это можно очень просто: г. Тургеневъ видѣлъ въ жизни нѣсколько типовъ. охарактеризованныхъ нами въ видѣ честныхъ людей 50-хъ годовъ; видѣлъ онъ, какъ бросались они на всѣ дѣла и какъ имъ ничего не удавалось; видѣлъ, какъ горько мыкалися они по свѣту: видѣлъ онъ, какъ эти люди отказывались часто отъ семейнаго счастья и не бросались въ объятія своихъ любезныхъ, когда тѣ простирали имъ свои объятія. Какъ художнику-мыслителю г. Тургеневу слѣдовало разобрать

этотъ фактъ со всѣхъ сторонъ, вдуматься глубоко въ жизнь, чтобы разъяснить себѣ, почему Рудинымъ ничего не удавалось. Онъ, можетъ быть, увидѣлъ бы, что неудачи Рудиныхъ происходили не отъ недостатка энергіи, не отъ неумѣнія взяться за дѣло, а оттого, что всѣ пути были закрыты для нихъ, дѣла ихъ съ тупоумнымъ недоброжелательствомъ разрушались въ самомъ зародышѣ и имъ ничего больше не оставалось, какъ оплакивая старыя неудачи, приниматься за новыя предпріятія въ ожиданіи новыхъ неудачъ. Г. Тургеневу слѣдовало также понять, что при такихъ условіяхъ этимъ людямъ было не до семейныхъ радостей; имъ и жизнь-то самая была въ тягость при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они жили. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повѣсти г. Тургеневъ возвышается до подобнаго пониманія; такъ, онъ объясняетъ неудачи Рудина въ его различныхъ предпріятіяхъ не столько неумѣньемъ взяться за дѣло, сколько не доброжелательствомъ разныхъ эгоистовъ и пошляковъ, мелочные интересы которыхъ страдали отъ этихъ предпріятій Рудина: такъ, изъ гимназіи, Рудина, съ его радикальнымъ преобразованіемъ, выжили рутинеры-учители, въ дѣлѣ прорытія фарватера, оказали препятствіе владѣтели мельницъ. Если бы г. Тургеневу удалось, возвысившись до такого пониманія, остановиться на немъ и отрѣшиться разъ на всегда отъ узенькихъ, филистерскихъ взглядовъ своего времени, тогда Рудинъ предсталъ бы предъ нами во всемъ своемъ истинномъ свѣтѣ и повѣсть г. Тургенева была бы замѣчательнымъ произведеніемъ русской литературы; но г. Тургеневъ не могъ отрѣшиться отъ этихъ взглядовъ, и они взяли перевѣсъ надъ проблесками

болѣе глубокаго пониманія жизни. Г. Тургеневъ взглянулъ на Рудина съ чисто-филистерской точки зрѣнія: филистерская точка зрѣнія не знала иной цѣли въ жизни, иного дѣла, кромѣ наживанья денегъ для устройства узенькаго семейнаго счастья; Рудинъ этого не дѣлалъ, слѣдовательно, онъ былъ бездѣльникомъ. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ цѣлый рядъ выводовъ, которые прямо ведутъ къ мысли о Рудинѣ, какъ безстрастно-рисующемся резонерѣ и трусѣ: Рудинъ не захотѣлъ всего себя посвятить счастью любимой женщины, слѣдовательно, онъ не способенъ любить, умъ беретъ у него перевѣсъ надъ чувствомъ: Рудинъ, которому и одному-то жутко на свѣтѣ, не захотѣлъ взвалить себѣ на шею ношу въ видѣ жены, избалованной прежнею жизнію, слѣдовательно, онъ безхарактерный трусъ. Г. Тургеневъ никакъ не могъ представить себѣ энергическаго, храбраго, любящаго человѣка въ иномъ видѣ, какъ не героемъ, отважно похищающимъ Сабинянку, чтобы потомъ быть готову броситься для нея въ воду. Въ своей повѣсти «Первая любовь» онъ заставляетъ, между прочимъ, молодого героя броситься съ высокой стѣны для предмета своей страсти, и не шутя любуется этимъ подвигомъ, заставляя любоваться имъ и героиню. Что касается до рисованья Рудина, то такова ужь судьба всѣхъ нашихъ умныхъ людей со временъ Чацкаго, что стоитъ имъ сказать въ обществѣ два, три умныя слова, чтобы быть заподозрѣнными сейчасъ-же въ рисованьи. Г. Тургеневъ, впрочемъ, не ограничивается однимъ рисованьемъ; вѣрный филистерской точкѣ зрѣнія, онъ взваливаетъ на Рудина всѣ тѣ обвиненія, которыми осыпали филистеры умныхъ людей съис-

искони вѣку. Такъ, напримѣръ, ученое филистерство, у котораго вся мудрость заключается въ точномъ знаніи мелкихъ и часто ни къ чему ненужныхъ фактиковъ, постоянно видѣло и видитъ въ умныхъ людяхъ неуваженіе къ наукѣ, поверхностный дилледантизмъ и отсутствіе ученыхъ свѣдѣній. Кто только не подвергался у насъ подобному обвиненію, начиная съ Бѣлинскаго, котораго и теперь многія архивныя крысы считаютъ недоученымъ фразеромъ. Вѣрный и этому филистерскому взгляду, г. Тургеневъ не упускаетъ случая, чтобы кольнуть Рудина диллетантизмомъ: въ концѣ повѣсти онъ заставляетъ его самого признаваться, что у него нѣтъ терпѣнія дочитывать книгъ до конца и что учитель математики сбилъ его, учителя словесности, на какомъ-то памятникѣ XV вѣка. Наконецъ, г. Тургеневъ не посовѣстился бросить въ Рудина и такою грязью, какою отдѣлываются отъ умныхъ людей филистеры самаго послѣдняго разряда. Умный и честный человѣкъ стоитъ обыкновенно бѣльмомъ на глазу у филистеровъ, обдѣлывающихъ разныя темныя дѣлишки: онъ слишкомъ ярко оттѣняетъ ихъ подлость и безчестность; подкупить и подольстить его на такія-же подлости не возможно; но ничего не стоитъ распустить по свѣту объ немъ дурную молву, выдумать на него, оклеветать его самымъ безсовѣстнымъ образомъ, чтобы показать людямъ: вотъ, смотрите, этотъ человѣкъ рисуется передъ нами своею честностью, а въ сущности онъ дѣлаетъ такія-же подлости, какъ и мы, и ничѣмъ отъ насъ не отличается. На кого не выдумывали у насъ разныхъ небы[illegible] и не сплетничали самымъ возмутительны[illegible]ъ. Но что всего жальче, такъ это-то, ч[illegible]щ-

ности добрые и даже неглупые, но не привыкшіе размышлять, а принимающіе все на вѣру, услыша подобную клевету, вѣрятъ ей безусловно и начинаютъ спроста распространять ее и еще болѣе утверждаютъ нелѣпый слухъ, потому что имъ, какъ людямъ честнымъ и уважаемымъ, отъ души всякій вѣритъ. Такимъ-то людямъ уподобился въ своихъ произведеніяхъ и г. Тургеневъ. Я убѣжденъ, что про каждаго Рудина, жившаго въ 50-ые годы, ходила своя сплетня.

«ФАУСТЪ».

(Дружининъ 1857 г., «Атеней» 1858 г., Писаревъ 1861 г.).

[1]) Поэзія, наполнившая собой «Андрея Колосова», вся осталась при авторѣ «Фауста»: нашъ повѣствователь безвредно пронесъ ее чрезъ долгій путь, не потерявъ ни одной священной искры изъ огня, ему даннаго. Къ этой поэзіи присоединилась широта міросозерцанія, выработанная долгимъ трудомъ, многостороннимъ опытомъ жизни. Писатель, столько лѣтъ игравшій своимъ талантомъ, столько разъ глядѣвшій на міръ сквозь очки современнаго сантиментализма, наконецъ произнесъ слова, достойныя того, чтобы служить лозунгомъ всѣхъ его будущихъ трудовъ. «Одно убѣжденіе», говоритъ нашъ герой Фауста—«одно убѣжденіе, вынесъ я изъ опыта послѣднихъ годовъ—жизнь не шутка и не забава. Жизнь даже не наслажденіе...

[1]) Дружининъ (Собр. сочин. Друж., т. 7).

жизнь тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное,—вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка, не исполненіе любимыхъ цѣлей мечтаній, какъ бы они возвышенны ни были,—исполненіе долга, вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку. Не наложивъ на себя цѣпей, желѣзныхъ цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща, а въ молодости мы думаемъ: чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ дальше уйдешь. Молодости позволительно такъ думать; но стыдно тѣшиться обманомъ, когда суровое лицо истины глянуло, наконецъ, тебѣ въ глаза». Счастливъ писатель, говорящій слова такого рода, и высказывающій ихъ такъ блистательно! Счастливъ онъ и въ такомъ случаѣ, если ему какъ и г. Тургеневу, эти слова сказались не поздно, эти возвышенныя мысли пришли во время!

[1]) Сравнивая героя въ «Фаустѣ» съ героемъ «Аси», критикъ «Атенея» говоритъ: «Въ Фаустѣ герой старается ободрить себя тѣмъ, что ни онъ, ни Вѣра не имѣютъ другъ къ другу серьезнаго чувства; сидѣть съ ней, мечтать о ней,—это его дѣло, но по части рѣшительности, даже въ словахъ, онъ держитъ себя такъ, что Вѣра сама должна сказать ему, что любитъ его; рѣчь нѣсколько минутъ шла уже такъ, что ему слѣдовало сказать это, но онъ, видите ли, не догадался и не посмѣлъ сказать ей этого; а когда женщина, которая должна принимать объясненіе, вынуждена наконецъ сама сдѣлать объясненіе, онъ, видите-ли, «замеръ», но почувствовалъ, что «блаженство волною пробѣгаетъ по его сердцу», только впрочемъ

[1]) «Атеней» 1858 г. № 18.

«по временамъ», а собственно говоря, онъ «совершенно потерялъ голову»,—жаль только, что не упалъ въ обморокъ, да и то было бы, еслибъ не попалось кстати дерево, къ которому можно было прислониться. Едва успѣлъ оправиться человѣкъ, подходитъ къ нему женщина, которую онъ любитъ, которая высказала ему свою любовь, и спрашиваетъ, что онъ теперь намѣренъ дѣлать? Онъ... онъ «смутился». Не удивительно, что послѣ такого поведенія любимаго человѣка (иначе какъ «поведеніемъ» нельзя назвать образъ поступковъ этого господина), у бѣдной женщины сдѣлалась нервическая горячка; еще натуральнѣе, что потомъ онъ сталъ плакаться на свою судьбу.

Героиня повѣсти «Фаустъ» болѣе обстоятельно разобрана Писаревымъ [1]). «Не всѣмъ дѣвушкамъ, начинаетъ онъ разборъ Вѣры,—удается развиться помимо обстановки; многія и очень многія, даже большинство, пропитываются насквозь атмосферою нашей жизни, въ дѣтствѣ принимаютъ въ себя зародыши разложенія, живыми тѣнями проходятъ свое земное странствіе, и, какъ неизлечимые больные, рано начинаютъ увядать и клониться къ могилѣ.

Къ этому чрезвычайно многочисленному типу, допускающему внутри себя почти безконечное разнообразіе, принадлежатъ два замѣчательные женскіе характера: Вѣра (изъ Фауста) и Лиза (изъ Дворянскаго Гнѣзда).

Вѣра воспитывается подъ руководствомъ своей матери, женщины очень умной, очень энергичной, испытавшей много несчастій и сосредоточившей всю силу

[1]) «Русское Слово» 1861 г. № 12 и соч. Писар. ч. 1.

своей любви на единственной дочери. Сказать по правдѣ, трудно найти болѣе невыгодныя условія развитія. Любящая мать, да еще къ тому же энергичная, да еще къ тому же умная, да еще къ тому же испытавшая несчастія, навѣрное будетъ слѣдить за каждымъ движеніемъ дочери, будетъ прокрадываться въ ея мысли, будетъ рѣшать за нее всѣ представляющіеся вопросы жизни, будетъ оберегать ее отъ впечатлѣній такъ заботливо, какъ отъ сквозного вѣтра. Вмѣсто того, чтобы жить въ жизни, дочь будетъ обрѣтаться въ какой-то восковой ячейкѣ, сустроенной вокругъ нея любящей рукой матери. Любить человѣка и не мѣшать ему въ жизни, не отравлять его существованія непрошенными заботами и навязчивымъ участіемъ, это такой фокусъ, который не многимъ по силамъ. Родителямъ онъ совершенно недоступенъ. Они хотятъ во что бы то ни стало, чтобы ихъ опытность шла на пользу дѣтямъ; того они не понимаютъ и не хотятъ понять, что самый процессъ пріобрѣтенія опытности чрезвычайно пріятенъ, и что этотъ процессъ никакъ не можетъ быть замѣненъ чужимъ разсказомъ или описаніемъ; когда вы голодны, вамъ надо ѣсть, а не читать описанія лакомыхъ блюдъ и даже не смотрѣть на эти блюда; когда вы любите женщину, чтеніе самыхъ разнообразныхъ романовъ и разсказы о самыхъ замысловатыхъ любовныхъ похожденіяхъ вашего папеньки не замѣнятъ вамъ двухъ минутъ разговора, созерцанія, непосредственной близости; когда вы молоды, когда вы вступаете въ жизнь, вамъ надо жить, а никакъ не слушать разсказы о томъ, какъ жили ваши родители.

Мать Вѣры вообразила себѣ, что она пожила за

себя и за свою дочь, и рѣшилась во что бы то ни стало избавить Вѣру отъ ошибокъ и страданій, выпавшихъ на долю ея матери. Для этого нужно было обработать по своему мягкій матеріалъ, попавшійся въ руки, и г-жа Ельцова принялась за работу довольно ловко; она успѣла приготовить изъ дочери своей такую консерву, которая могла бы десятки лѣтъ плавать по морю житейскому, постоянно сохраняя подъ свинцовою крышкою свою нетронутую, дѣтскую невинность; борьба между умною, опытною женщиною съ одной стороны, и непробудившимися силами бѣднаго ребенка съ другой стороны, была слишкомъ неравна; мать побѣдила безъ труда, и живыя силы почти безъ сопротивленія отправились подъ свинцовую крышку; и свинцовая крышка эта придавила ихъ такъ рано, что онѣ замерли, не заявивъ протеста; дѣвочка даже не замѣтила существованія этой крышки и выросла, считая свое положеніе нормальнымъ, или, вѣрнѣе, не думая подвергать его анализу.

Во-первыхъ, г-жа Ельцова пріобрѣла полное довѣріе своей дочери и внушила ей страстную, доходящую до благоговѣнія, любовь къ своей особѣ. Есть личности, которымъ очень пріятна подобная любовь, исключающая критику. Мнѣ кажется, существованіе такого чувства унижаетъ человѣческое достоинство того, кто его испытываетъ, и того, къ кому оно обращено. Обожающее лицо теряетъ всякую самостоятельность; обожаемое—ставится въ обидное положеніе китайскаго идола.

Вѣруя въ опытность матери, въ ея умъ и непогрѣшимость, Вѣра Ельцова поневолѣ должна была безусловно подчиниться ея воззрѣніямъ; но убѣжденія

отжившей старухи не могутъ быть убѣжденіями молодой дѣвушки: они могутъ сдѣлаться для нея только догматами вѣры; она можетъ повторять ихъ про себя, какъ магическое заклинаніе, не понимая ихъ истиннаго смысла, потому что этотъ смыслъ дастся только тому, кто пожилъ и кого помяла жизнь; принять на вѣру убѣжденія матери, значило отказаться отъ знакомства съ жизнію; при всей любви своей къ матери, молодая дѣвушка могла-бы не рѣшиться на подобную жертву, если бы кто-нибудь представилъ ей эту жертву въ настоящемъ свѣтѣ; но такого Мефистофеля не нашлось, а старый ангелъ-хранитель, г-жа Ельцова, употребила съ своей стороны всѣ усилія, чтобы отвести дочери глаза и показать ей только тѣ уголки жизни, которые, по ея мнѣнію, не могли произвести вреднаго вліянія, т. е. не могли нарушить умственной и нервной дремоты дѣвушки. Все, что могло сильно потрясти нервы, подѣйствовать на воображеніе и сообщить сильный толчокъ критическому уму, было тщательно устранено; ни посторонній человѣкъ, ни посторонняя книга не могли пробиться сквозь ту китайскую стѣну, которою г-жа Ельцова отдѣлила свою Вѣрочку отъ всего живого міра; если бы Вѣрѣ случилось поговорить съ кѣмъ-нибудь, то этотъ разговоръ она-же сама отъ слова до слова передала бы матери; если бы Вѣрѣ попалась книга, она не стала бы ее читать, не спрося позволенія матери; когда узникъ полюбилъ свою тюрьму, тогда нѣтъ средствъ освободить его; вѣдь не насильно же тащить его на свѣтъ Божій!

Вѣрѣ до ея замужества не давали въ руки ни одного романа; зато научное ея образованіе было такъ полно, что она удивляла кандидата своими обширными свѣ-

дѣніями; свѣдѣнія эти были, конечно, чисто фактическія; Вѣра знала, въ которомъ году произошло, положимъ, Нердлингенское сраженіе, къ какому роду и виду принадлежитъ божья коровка, сколько пестиковъ и тычинокъ въ георгинѣ, но значенія реформаціи она не понимала и общаго взгляда на жизнь природы не имѣла. Навѣрное г-жа Ельцова боялась Вольтера и Фейербаха такъ же сильно и такъ же основательно, какъ Жоржъ-Занда или Бальзака. Вѣрочкѣ позволялось украшать свою память всякими антиками и диковинками, но работать мыслію или воспринимать какія-нибудь необходимыя ощущенія нервами было строго запрещено. Строгій выборъ книгъ былъ только административнымъ средствомъ въ рукахъ г-жи Ельцовой; цѣль, къ достиженію которой она стремилась, опираясь на подобныя средства, лежала очень далеко; надо было устроить по извѣстной программѣ всю жизнь молодой дѣвушки, надо было искусно обѣжать опасный періодъ любви, надо было выдать ее замужъ за хорошаго человѣка, укрѣпить ее въ понятіи долга и наконецъ поставить ее на якорь въ такой пристани, въ которую не заходятъ и не заглядываютъ житейскія бури, смѣлыя мысли, безпорядочныя, кометообразныя чувства. Чтобы дойти до такой пристани, надо было лавировать, и г-жа Ельцова лавировала не безъ успѣха.

Молодой человѣкъ, заинтересованный Вѣрою, съ похвальною скромностію проситъ у г-жи Ельцовой позволенія сдѣлать ей предложеніе; заботливая маменька, видя, что этотъ молодой человѣкъ, не смотря на всю свою скромность, не похожъ на желанную пристань, отказываетъ ему прямо, не спросивши мнѣнія дочери; она даже не считаетъ нужнымъ сказать ей

потомъ, что за нее сватался такой-то. Одного этого факта достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, на сколько г-жа Ельцова употребляла во зло довѣренность своей дочери, и какъ грубо она нарушала ея святыя человѣческія права. Наконецъ, желанная пристань находится; добродушный, простоватый господинъ, бывшій въ университетѣ, не вынесшій оттуда завиральныхъ идей и превратившійся въ помѣщика, не смотря на свои молодыя лѣта, оказывается достойнымъ субъектомъ; эврика! говоритъ г-жа Ельцова,—и выдаетъ за него свою дочь, которая, конечно, ставитъ себѣ за счастье исполнить волю божію и родительскую. Ельцова умираетъ, вполнѣ спокойная; «пристроила, думаетъ она. Теперь и безъ меня проживетъ; въ сторону-то сбиться некуда».

Мы видѣли такимъ образомъ, какъ формировалась Вѣра Ельцова: посмотримъ теперь, какъ она, не смотря на предосторожности маменьки, столкнулась съ жизнію мысли и чувства. Вотъ она уже лѣтъ девять замужемъ, ей уже двадцать восемь лѣтъ, а она смотритъ семнадцатилѣтнею дѣвушкою. «То же спокойствіе, та же ясность, голосъ тотъ же, ни одной морщинки на лбу, точно она всѣ эти годы пролежала гдѣ-нибудь въ снѣгу». И попрежнему незнакома съ волненіями мысли и чувства, попрежнему не тронута жизнью, попрежнему не прочла ни одного романа, ни одного стихотворенія. Страшно становится за эту женщину!—Если она проживетъ свой вѣкъ и умретъ не любивши, не мысливши, не испытавши ни одного эстетическаго наслажденія, то, спрашивается, для чего же было жить? А если она вдругъ проснется отъ какого-нибудь сильнаго потрясенія, — что съ нею будетъ? Вынесутъ-ли

ея нервы ту массу ощущеній, которыя нахлынутъ со всѣхъ сторонъ и поразятъ ее сильнѣе, чѣмъ кого-либо другого. Дѣти впечатлительнѣе взрослыхъ: ребенокъ плачетъ о сломанной игрушкѣ, о томъ, что мать ѣдетъ куда-нибудь дня на два, такъ же горько, какъ взрослый заплачетъ о смерти дорогого человѣка; ребенокъ утѣшается также гораздо скорѣе, и это служитъ новымъ доказательствомъ того, что онъ впечатлительнѣе взрослаго. Міръ дѣтскихъ радостей и дѣтскихъ горестей гораздо мельче и уже, чѣмъ міръ горя и радости у взрослаго; если-бы у ребенка было столько-же серьезныхъ интересовъ, сколько ихъ у взрослаго, и если бы ребенокъ на всѣ эти интересы откликался съ тою же живостью, съ какою онъ радуется подарку или горюетъ о минутной разлукѣ, то навѣрное организмъ его не вынесъ бы этого избытка сильныхъ ощущеній. Входя въ міръ мысли и чувства постепенно, незамѣтно, втягиваясь по немногу въ серьезныя занятія и въ интересы дѣйствительной жизни, ребенокъ мало помалу теряетъ свою прежнюю раздражительность и воспріимчивость. Нервы притупляются отъ часто повторяющагося раздраженія; является привычка; человѣкъ черствѣетъ и, вслѣдствіе этого, крѣпнетъ. Крайняя раздражительность несовмѣстна съ мужественною твердостью, и, чтобы вынести передряги жизни, необходимо утратить невинность, свѣжесть, дѣвственность чувства, и тому подобныя свойства, которыми особенно дорожатъ въ своихъ воспитанникахъ добродѣтельные педагоги.

Недобрую штуку сотворила Ельцова съ своею дочерью; сохранивши первобытную чуткость и отзывчивость ребенка, Вѣра смотритъ на вещи, какъ жен-

щина; она понимаетъ умомъ многое, чего не пережинала чувствомъ; силы въ ней дремлютъ, но онѣ созрѣли; стоитъ дать толчокъ и вся эта личность преобразится; въ ней мгновенно разыграется такая драма, которая удивитъ всѣхъ знающихъ ее людей порывистостью и силою борьбы. Положеніе ея страшно усложнено заботливыми распоряженіями матери: она никогда не любила, а между тѣмъ она замужемъ; она рискуетъ полюбить тою свѣжею и сильною любовію, какая доступна и понятна только очень молодымъ существамъ, а между тѣмъ у нея есть семейство, есть такъ называемыя обязанности, и въ ней сильно развито чувство долга. Что-то будетъ?

Чего можно было ожидать, то и происходитъ на самомъ дѣлѣ. Мужчина открываетъ Вѣрѣ Николаевнѣ доступъ въ тотъ міръ сильныхъ ощущеній, который оставался ей неизвѣстнымъ впродолженіи цѣлаго десятка лѣтъ; мужчина пробуждаетъ ее изъ того летаргическаго сна, въ который погрузило ее воспитаніе; мужчина превращаетъ мраморную статую въ женщину, и эта женщина привязывается къ своему просвѣтителю всѣми силами богатой, любящей женской души. Проспать слишкомъ десять лѣтъ, лучшіе годы жизни, и потомъ проснуться, найдти въ себѣ такъ много свѣжести и энергіи, сразу вступить въ свои полныя, человѣческія права—это, воля ваша, свидѣтельствуетъ о присутствіи такихъ силъ, которыя, при сколько нибудь естественномъ развитіи, могли бы доставить огромное количество наслажденія, какъ самой Вѣрѣ Николаевнѣ, такъ и близкимъ къ ней людямъ. Вѣра Николаевна полюбила такъ сильно, что забыла и мать, и мужа, и обязанности; образъ любимаго человѣка и

наполняющее ее чувство сдѣлалось для нея жизнію и она рванулась къ этой жизни, не оглядываясь на прошедшее, не жалѣя того, что остается позади, и не боясь ни мужа, ни умершей матери, ни упрековъ совѣсти; она рванулась впередъ и надорвалась въ этомъ судорожномъ движеніи; глаза, привыкшіе къ густой темнотѣ, не выдержали яркаго свѣта; прошедшее, отъ котораго она кинулась прочь, настигло и придавило ее къ землѣ. Она первая, прямо, безъ вызова со стороны мужчины, объявляетъ ему, что она его любитъ; она сама назначаетъ свиданіе и идетъ твердымъ шагомъ къ назначенному мѣсту.

«Послѣ чаю, когда я уже начиналъ думать о томъ, какъ бы незамѣтно выскользнуть изъ дому, она сама вдругъ объявила, что хочетъ идти гулять, и предложила мнѣ проводить ее. Я всталъ, взялъ шляпу и побрелъ за ней. Я не смѣлъ заговорить, я едва дышалъ, я ждалъ ея перваго слова, ждалъ объясненій; но она молчала. Молча дошли мы до китайскаго домика, молча вошли въ него, и тутъ—я до сихъ поръ не знаю, не могу понять, какъ это сдѣлалось—мы внезапно очутились въ объятіяхъ другъ друга. Какая-то невидимая сила бросила меня къ ней, ее—ко мнѣ.

При потухшемъ свѣтѣ дня, ея лицо, съ закинутыми назадъ кудрями, мгновенно озарилось улыбкою самозабвенія и нѣги, и наши губы слились въ поцѣлуй...

Этотъ поцѣлуй былъ первымъ и послѣднимъ. Вѣра вдругъ вырвалась изъ рукъ моихъ, и, съ выраженіемъ ужаса въ расширенныхъ глазахъ, отшатнулась назадъ...

— Оглянитесь, сказала она мнѣ дрожащимъ голосомъ: вы ничего не видите?

Я быстро обернулся.

— Ничего. А вы развѣ что-нибудь видите?

— Теперь не вижу, а видѣла.

Она глубоко и рѣдко дышала.

— Кого? Что?

— Мою мать, медленно проговорила она и затрепетала вся.

Я тоже вздрогнулъ, словно холодомъ меня обдало. Мнѣ вдругъ стало жутко, какъ преступнику. Да развѣ я не былъ преступникомъ въ это мгновеніе?

— Полноте, началъ я: что вы это? Скажите мнѣ лучше...

— Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ! перебила она и схватила себя за голову. Это сумасшествіе... Я съ ума схожу... Этимъ шутить нельзя — это смерть... Прощайте...

Я протянулъ къ ней руки.

— Остановитесь, ради Бога, на мгновенье, воскликнулъ я съ невольнымъ порывомъ. Я не зналъ, что говорилъ и едва держался на ногахъ. Ради Бога, вѣдь это жестоко.

Она взглянула на меня.

— Завтра, завтра вечеромъ, поспѣшно проговорила она: не сегодня, прошу васъ... уѣзжайте сегодня... завтра вечеромъ приходите къ калиткѣ сада, возлѣ озера. Я тамъ буду, я приду... я клянусь тебѣ, что приду, прибавила она съ увлеченіемъ, и глаза ея блеснули... Кто бы ни останавливалъ меня, клянусь! Я все скажу тебѣ, только пустите меня сегодня.

И прежде чѣмъ я могъ промолвить слово, она исчезла».

А потомъ умерла. Организмъ не выдержалъ потря-

сенія и обаятельная сцена любви разрѣшилась смертельною нервною горячкою.

Образы, въ которыхъ Тургеневъ выразилъ свою идею, стоятъ на границѣ фантастическаго міра. Онъ взялъ исключительную личность, поставилъ ее въ зависимость отъ другой исключительной личности, создалъ для нея исключительное положеніе, и вывелъ крайнія послѣдствія изъ этихъ исключительныхъ данныхъ. Старуха Ельцова и дочь ея такіе чистые представители двухъ типовъ, какихъ въ дѣйствительности не бываетъ. Какая мать съумѣетъ провести такъ послѣдовательно свои идеи въ воспитаніе дочери, и какая дочь захочетъ съ такою слѣпою покорностью подчиниться этимъ идеямъ? Размѣры, взятые авторомъ, превышаютъ обыкновенные размѣры, но идея, выраженная въ повѣсти, остается вѣрною, прекрасною идеею. Какъ яркая формула этой идеи, «Фаустъ» Тургенева неподражаемо хорошъ. Ни одно единичное явленіе не достигаетъ въ дѣйствительной жизни той опредѣленности контуровъ и той рѣзкости красокъ, которыя поражаютъ читателя въ фигурахъ Ельцовой и Вѣры Николаевны, но за-то эти двѣ, почти фантастическія фигуры бросаютъ яркую полосу свѣта на явленія жизни, расплывающіяся въ неопредѣленныхъ, сѣроватыхъ, туманныхъ пятнахъ.

«А С Я».

(«Атеней» 1858 г., Анненковъ 1858 г., Писаревъ 1861 г., Венгеровъ 1875 г.).

[1]) «Асей» Тургеневъ далъ защитникамъ самобытности русской женской натуры еще одно вѣское доказательство, и вотъ почему эта маленькая повѣсть составляетъ одну изъ тѣхъ симпатичныхъ связей, которая соединяетъ нашего знаменитаго писателя съ русской читающей публикой.

[2]) Повѣсть имѣетъ направленіе чисто поэтическое, идеальное, не касающееся ни одной изъ такъ называемыхъ черныхъ сторонъ жизни».

Говоря о впечатлѣніи, произведенномъ этою повѣстью на читающую публику, тотъ-же критикъ «Атенея» продолжаетъ: «Вотъ человѣкъ, сердце котораго открыто всѣмъ высокимъ чувствамъ, честность котораго непоколебима, мысль котораго приняла въ себя все, за что нашъ вѣкъ называется вѣкомъ благородныхъ стремленій. И что-же дѣлаетъ этотъ человѣкъ? Онъ дѣлаетъ сцену, какой устыдился бы послѣдній взяточникъ. Онъ чувствуетъ самую сильную и чистую симпатію къ дѣвушкѣ, которая любитъ его; онъ часа не можетъ прожить, не видя этой дѣвушки; его мысль весь день, всю ночь рисуетъ ему ея прекрасный образъ; настало для него, думаете вы, то время любви, когда сердце

---

[1]) С. Венгеровъ («Русск. лит. въ ея совр. предст.»).
[2]) «Атеней» 1858 г. № 18.

утопаетъ въ блаженствѣ. Мы видимъ Ромео, мы видимъ Джульетту, счастью которыхъ ничто не мѣшаетъ, и приближается минута, когда навѣки рѣшится ихъ судьба, — для этого Ромео долженъ только сказать: «Я люблю тебя, любишь-ли ты меня?» и Джульетта прошепчетъ: «Да»... И что-же дѣлаетъ нашъ Ромео (такъ мы будемъ называть героя повѣсти, фамилія котораго не сообщена намъ авторомъ разсказа), явившись на свиданіе съ Джульеттой? Съ трепетомъ любви ожидаетъ Джульетта своего Ромео; она должна узнать отъ него, что онъ любитъ ее, — это слово не было произнесено между ними, оно теперь будетъ произнесено имъ, навѣки соединятся они; блаженство ждетъ ихъ, такое чистое и высокое блаженство, энтузіазмъ котораго дѣлаетъ едва выносимой для земнаго организма торжественную минуту рѣшенія. Отъ меньшей радости умирали люди. Она сидитъ, какъ испуганная птичка, закрывъ лицо отъ сіянія являющагося передъ ней солнца любви; быстро дышетъ она, вся дрожитъ; она еще трепетнѣе потупляетъ глаза, когда входитъ онъ, называетъ ея имя; она хочетъ взглянуть на него, и не можетъ; онъ беретъ ея руку, — эта рука холодна, лежитъ какъ мертвая въ его рукѣ; она хочетъ улыбнуться, но блѣдныя губы ея не могутъ улыбнуться. Она хочетъ заговорить съ нимъ, и голосъ ея прерывается. Долго молчатъ они оба, — и въ немъ, какъ самъ онъ говоритъ, растаяло сердце, — и вотъ Ромео говоритъ своей Джульеттѣ... и что же онъ говоритъ ей? «Вы предо мною виноваты, говоритъ онъ ей: — вы меня запутали въ непріятности, я вами не доволенъ, вы компрометируете меня, и я долженъ прекратить мои отношенія къ вамъ; для меня очень не-

пріятно съ вами разставаться, но вы извольте отправляться отсюда подальше». Что это такое? Чѣмъ *она* виновата? Развѣ тѣмъ, что считала *его* порядочнымъ человѣкомъ? Компрометировала его репутацію тѣмъ, что пришла на свиданіе съ нимъ? Это изумительно! Каждая черта въ ея блѣдномъ лицѣ говоритъ, что она ждетъ рѣшенія своей судьбы отъ его слова, что она всю свою душу безвозвратно отдала ему и ожидаетъ теперь только того, чтобы онъ сказалъ, что принимаетъ ея душу, ея жизнь, и онъ ей дѣлаетъ выговоры за то, что она его компрометируетъ! Что это за нелѣпая жестокость? Что это за низкая грубость? И этотъ человѣкъ, поступающій такъ подло, выставлялся благороднымъ до сихъ поръ! Онъ обманулъ насъ, обманулъ автора. Да, поэтъ сдѣлалъ слишкомъ грубую ошибку, вообразивъ, что разсказываетъ намъ о человѣкѣ порядочномъ. Этотъ человѣкъ дряннѣе отъявленнаго негодяя.

Таково было впечатлѣніе, произведенное на многихъ неожиданнымъ оборотомъ отношеній нашего Ромео къ его Джульетѣ. Отъ многихъ мы слышали, что повѣсть вся испорчена этою возмутительной сценой, что характеръ главнаго лица не выдержанъ, что если этотъ человѣкъ таковъ, какимъ представляется въ первой половинѣ повѣсти, то не могъ поступить онъ съ такою пошлою грубостью, а если могъ такъ поступить, то онъ съ самаго начала долженъ былъ представиться намъ совершенно дряннымъ человѣкомъ. Очень утѣшительно было бы думать, что авторъ въ самомъ дѣлѣ ошибся; но въ томъ и состоитъ грустное достоинство его повѣсти, что характеръ героя вѣренъ нашему обществу».

¹) Этотъ любовникъ или «Ромео», какъ его называетъ критикъ («Атенея», № 18) оказался несостоятельнымъ и ничтожнымъ человѣкомъ тотчасъ, какъ только былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ истинной страстью, какъ только пришло время замѣнить размышленіе чѣмъ-нибудь похожимъ на поступокъ, словомъ,—какъ только приведенъ онъ былъ неожиданно къ *дѣлу*. Дѣло застаетъ этого бѣднаго человѣка, точно одну изъ неразумныхъ женщинъ притчи, съ погашеннымъ свѣтильникомъ ума и воли. Мы считаемъ самой блестящей стороной критики «Атенея» развитіе той мысли, что, по законамъ неопровержимой аналогіи, люди, подобные нашему Ромео, покажутъ одинаковые отсутствіе энергіи и способности дѣйствовать всюду, куда бы они ни были призваны, и убѣгутъ со всякаго честнаго поля труда, какое представитъ имъ неожиданное сочетаніе обстоятельствъ или счастливый случай. При предполагаемомъ большинствѣ людей этого рода, общій выводъ, конечно, не имѣетъ въ себѣ ничего очень утѣшительнаго... Ромео (мы уже привыкли такъ называть героя повѣсти «Ася») принадлежитъ къ семьѣ слабыхъ, нерѣшительныхъ характеровъ, но конечно, ни мало не составляетъ гордости и украшенія ея. Надо отдать справедливость автору: онъ чрезвычайно искусно и тонко разбросалъ по физіономіи любовника, съ виду еще полной жизни и блеска, черты серьезной нравственной болѣзни. Одинъ признакъ въ характерѣ Ромео особенно поражаетъ читателя. Это—сластолюбецъ весьма значительныхъ размѣровъ: онъ потѣшается людьми, бросаетъ тѣхъ, кого изучилъ,

¹) Анненковъ (Воспом. и критич. очерки, отд. 2).

привязывается къ тѣмъ, кого еще не знаетъ. и въ промежуткахъ своихъ частыхъ переходовъ отъ лица къ лицу не забываетъ наслажденій природой, которыя «освѣжаютъ» вкусъ его. Дознано опытомъ, что ѣсть и пить можно только въ опредѣленное время и опредѣленное количество ѣды и питья, но *пробовать* можно постоянно, ежечасно: мѣра и разборъ тутъ уже не существуютъ. Ромео нашъ пробуетъ рѣшительно отъ всего, что попадается ему на пути: еще по вечерамъ мечтаетъ онъ о какомъ-то женскомъ образѣ, мелькнувшемъ гдѣ-то передъ глазами его, а проснувшись простираетъ мысли къ загадочному существу, усмотрѣнному нѣсколько часовъ тому назадъ. Онъ лѣниво отдается новымъ ощущеніямъ своимъ, какъ рыбакъ, который сложилъ весла и пустилъ лодку по волнамъ. Ни малѣйшаго признака, чтобъ онъ занятъ былъ истиной, правдой отношеній своихъ къ неожиданной Жюльетѣ, попавшейся ему на дорогѣ: онъ только занятъ изученіемъ ея характера, да изученіемъ своихъ впечатлѣній. Но въ натурѣ этого человѣка есть одно важное качество: онъ способенъ понимать себя и при случаѣ сознавать бѣдность нравственнаго существа своего. Вотъ почему онъ останавливается иногда у самой цѣли, къ которой стремился безоглядно, слабѣетъ въ виду послѣдней тропинки ложнаго пути, куда зашелъ, и впадаетъ въ негодованіе передъ безобразіемъ собственнаго дѣла. Такой любовникъ есть, безъ сомнѣнія, великое несчастіе для женщины, и однакожь, еслибы намъ тоже позволено было обратиться къ Жюльетѣ, мы бы сказали ей: «Да, человѣкъ этотъ унесъ безъ всякаго права первое, свѣжее, молодое чувство ваше и обманулъ всѣ самыя глубокія, задушевныя мечты ваши, но не сожалѣйте

о томъ, что произошло между вами. Вы не могли бы быть счастливы съ такимъ человѣкомъ даже и тогда, когда бы случайно нашли его въ восторженномъ состояніи и готовымъ отвѣчать на вашъ призывъ: искренняя, глубокая страсть и сибаритическая потѣха жизнью вмѣстѣ не уживаются. Нѣтъ сомнѣнія, что вы найдете еще великодушныя привязанности, способныя на самопожертвованіе, если будетъ нужно, на искреннюю признательность, если дозволено будетъ имъ развиться; въ этихъ привязанностяхъ вы увидите отраженіе собственнаго сердца и души своей. Но вспоминая о человѣкѣ, который такъ грубо оттолкнулъ васъ въ минуту благороднѣйшаго порыва,—благословляйте судьбу, что встрѣтились съ слабымъ характеромъ, который, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, сберегаетъ одно сокровище—пониманіе нравственной своей бѣдности и того, что требуетъ правда и откровенность въ иныхъ случаяхъ. Какой огромный, ужасающій урокъ могли бы вы получить, если бы той-же судьбѣ вздумалось васъ натолкнуть на русскій «цѣльный» характеръ, не останавливающійся уже ни передъ чѣмъ; а еще менѣе тогда, когда онъ имѣетъ въ виду легкое удовлетвореніе эгоизма, тщеславія и страстей! При тѣхъ-же самыхъ условіяхъ слѣпой любви съ одной стороны и мертваго чувства съ другой—нашъ смѣлый человѣкъ пошелъ бы на встрѣчу къ вамъ при первыхъ словахъ, мало заботясь о состояніи своего сердца. Тутъ была для него побѣда, а побѣда въ чемъ бы она ни заключалась, составляетъ непреодолимую страсть грубыхъ натуръ. Можетъ статься, что въ пылу увлеченія вы почли бы за счастье даже лицемѣрную подчиненность тогдашнему вашему настроенію, даже фальшивую игру съ вашимъ

чувствомъ и поддѣльную взаимность... Но если, по природѣ своей, вы не въ состояніи помириться ни съ какимъ счастьемъ, какъ только досталось оно обманомъ, ни съ какимъ наслажденіемъ, какъ только вышло оно изъ мутнаго источника лжи, притворства и низости,—то «слабый» любовникъ спасъ васъ отъ большой бѣды. Съ разбитымъ и оскорбленнымъ чувствомъ еще можно жить (тутъ помогутъ сознаніе своего достоинства и гордость женщины), но какъ жить съ чувствомъ опозореннымъ? Вспомните притомъ, что смѣлому вору вашего сердца вы не могли бы даже сдѣлать упрека, не смѣли бы принести даже жалобы... У него всегда готовъ былъ бы вопросъ: «Кто первый началъ игру?»—И будьте увѣрены, у «цѣльныхъ» характеровъ вопросы подобнаго рода свободно вылетаютъ изъ груди, потому что какъ оскорбленія, такъ и оправданія ихъ просты, голы до цинизма. Мысль ихъ является въ наготѣ еще болѣе оскорбительной, чѣмъ самая сущность мысли. Въ переносномъ смыслѣ это Ирокезы, хотя они почти всегда прикрываются самымъ изящнымъ и расшитымъ платьемъ.

[1]) Ася—милое, свѣжее, свободное дитя природы: какъ, незаконнорожденная дочь, она въ домѣ отца своего не пользовалась тѣмъ тщательнымъ надзоромъ, который душитъ въ ребенкѣ живыя движенія и превращаетъ здоровую дѣвочку въ благовоспитанную барышню. Свободно играла и рѣзвилась она, бывши ребенкомъ; свободно стала она развиваться подъ руководствомъ своего старшаго законнорожденнаго брата, добродушнаго молодаго человѣка,—весело, свѣтло и

---

[1]) Д. Писаревъ. («Русск. Слово» 1861 г. № 12 и Соч. Пис. ч. I).

широко смотрящаго на жизнь... Ася является въ повѣсти Тургенева восемнадцатилѣтнею дѣвушкою; въ ней кипятъ молодыя силы; ея кровь играетъ и мысль бѣгаетъ; она на все смотритъ съ любопытствомъ, но ни во что не вглядывается: посмотритъ и отвернется, и опять взглянетъ на что-нибудь новое; она съ жадностью ловитъ впечатлѣнія, и дѣлаетъ это безъ всякой цѣли и совершенно безсознательно; силъ много, но силы эти бродятъ. На чемъ онѣ сосредоточатся и что изъ этого выйдетъ,—вотъ вопросъ, который начинаетъ занимать читателя тотчасъ послѣ перваго знакомства съ этою своеобразною и прелестною фигурою.

Она начинаетъ кокетничать съ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ Гагинъ случайно знакомится въ нѣмецкомъ городкѣ. Кокетство Аси также своеобразно, какъ и вся ея личность; это кокетство безцѣльно и даже безсознательно; оно выражается въ томъ, что Ася, въ присутствіи посторонняго молодаго человѣка, становится еще живѣе и шаловливѣе; по ея подвижнымъ чертамъ пробѣгаетъ одно выраженіе за другимъ; она какъ-то вся въ его присутствіи живетъ ускоренною жизнью; она при немъ побѣжитъ такъ, какъ не побѣжала бы, можетъ быть, безъ него; она станетъ въ граціозную позу, которую не приняла бы, можетъ быть, если бы его тутъ не было,—но все это не разсчитано, не пригоняется къ извѣстной цѣли; она становится рѣзвѣе и граціознѣе потому, что присутствіе молодаго мужчины, незамѣтно для нея самой, волнуетъ ея кровь и раздражаетъ нервную систему; это не любовь, это—половое влеченіе, которое неизбѣжно должно явиться у здоровой дѣвушки, точно также

какъ оно является у здороваго юноши... Ася—вся живая, вся натуральная, и потому-то Гагинъ считаетъ необходимымъ извиниться за нее передъ тою золотою серединою, которой лучшимъ и наиболѣе развитымъ представителемъ является г. Н. Н., разсказывающій всю повѣсть отъ своего имени... Изъ того, что я до сихъ поръ говорилъ объ Асѣ, прошу не выводить того заключенія, будто эта личность совершенно непосредственная. Ася настолько умна, что умѣетъ по своему обсуживать свои собственные поступки и произносить надъ собою приговоръ. Напримѣръ, ей показалось, что она черезчуръ расшалилась,—на другой день она является тихою, спокойною, смиренною до такой степени, что Гагинъ говоритъ даже о ней:

«Ага! Постъ и покаяніе на себя наложила».

Потомъ онъ замѣчаетъ, что въ ней что-то неладно, что она, кажется, привязывается къ новому знакомому; это открытіе ее пугаетъ; она понимаетъ свое положеніе,—двусмысленное, по мнѣнію нашего общества: она понимаетъ, что между нею и любимымъ человѣкомъ можетъ появиться такая преграда, черезъ которую она, изъ гордости, не захочетъ перескочить и черезъ которую онъ, изъ робости, не посмѣетъ перешагнуть. Весь этотъ рядъ мыслей пробѣгаетъ въ ея головѣ чрезвычайно быстро и отдается во всемъ ея организмѣ; кончается тѣмъ, что она, какъ испуганный ребенокъ, порывисто отвертывается отъ неизвѣстнаго будущаго, которое является ей въ образѣ новаго чувства, и съ дѣтскимъ довѣріемъ, съ громкимъ плачемъ и, въ то же время, съ не дѣтскою страстностью кидается назадъ къ своему милому про-

шедшему, воплощающемуся для нея въ личности добраго, снисходительнаго брата... Настроеніе Аси, ея обращеніе къ прошедшему — скоро исчезаютъ безъ слѣда; приходитъ Н. Н., начинаетъ разговоръ, прихотливо перепрыгивающій отъ одного впечатлѣнія къ другому, и Ася вся отдается настоящему, и отдается такъ весело и беззаботно, что не можетъ даже скрыть ощущаемаго удовольствія; она болтаетъ почти безсвязный вздоръ, обаятельный какъ выраженіе ея свѣтлаго настроенія, и наконецъ прерывается и просто говоритъ, что ей хорошо. И это настроеніе совершенно неожиданно разрѣшается въ весьма естественномъ желаніи—повальсировать съ любимымъ человѣкомъ...

Ася, очевидно, находится въ напряженномъ состояніи; она переживаетъ новую для себя фазу развитія; она въ одно время и живетъ, и думаетъ о жизни, какъ это всегда бываетъ съ людьми, одаренными свѣтлыми умственными способностями; она поддается новымъ впечатлѣніямъ, и въ то же время, боится ихъ, потому что не знаетъ, что дадутъ они ей въ будущемъ; порою пересиливаетъ страхъ, порою одолѣваетъ желаніе. Чувство растетъ съ каждымъ днемъ. Ася объявляетъ г. Н., что крылья у нея выросли, да летѣть некуда, а потомъ признается брату, что она любитъ этого господина. «Увѣряю васъ, говоритъ Гагинъ въ разговорѣ съ Н.: мы съ вами, благоразумные люди, и представить себѣ не можемъ, какъ она глубоко чувствуетъ и съ какой невѣроятной силой высказываются въ ней эти чувства: это находитъ на нее также неожиданно и также неотразимо, какъ гроза. Дѣйствительно, чувство Аси высказывается не одними словами и слезами,—оно доводитъ ее до дѣйствія: забывая всякую предо-

сторожность, отлагая въ сторону всякую ложную гордость, она назначаетъ любимому человѣку свиданіе, и тутъ-то, при этомъ случаѣ, высказывается въ полной яркости превосходство свѣжей, энергической дѣвушки надъ вялымъ продуктомъ великосвѣтской, условно-этикетной жизни. Посмотрите, чѣмъ рискуетъ Ася, и посмотрите, чего боится Н.? Идя на свиданіе, Ася, конечно, не знала, чѣмъ оно можетъ кончиться; свиданіе это было назначено безъ всякой цѣли, по неотразимой потребности сказать любимому человѣку наединѣ что-то такое, чего и сама Ася ясно не сознавала; свидѣвшись съ Н. у фрау Ризъ, она такъ безраздѣльно отдалась впечатлѣнію минуты, что потеряла и желаніе, и способность сопротивляться чему бы то ни было; она безусловно довѣрилась, не слыхавши отъ Н. ни одного слова любви; безсознательная робость молодой дѣвушки и сознательная боязнь лишиться добраго имени — все умолкло передъ настоятельными, неотразимыми требованіями чувства. Если можно благоговѣть передъ чѣмъ бы то ни было, то всего разумнѣе и изящнѣе будетъ съ благоговѣніемъ остановиться передъ этою силою чувства: это такой двигатель, для котораго не существуетъ непреодолимыхъ трудностей; при всякой борьбѣ между людьми, рано или поздно одолѣетъ та партія, на сторонѣ которой находится наибольшая сумма энергическаго чувства; человѣкъ, вносящій въ жизнь пылкое желаніе наслаждаться, горячую, энергическую любовь къ жизни, навѣрное достигнетъ желаемаго счастья, если ему не свалится на голову какой-нибудь нелѣпый камень. Только вялость и апатія вязнутъ въ трясинѣ, не умѣя осилить ни матеріальную нужду, ни людское доброжелательство. Femme le veut, Dieu le veut. Эта по-

говорка живетъ у Французовъ со временъ рыцарства и въ ней есть значительная доля правды; чего, чего не подѣлаетъ любящая женщина? Какія новыя силы не пробудятся въ ней подъ вліяніемъ ея чувства? Если бы, дѣйствительно, (какъ утверждаютъ противники такъ называемой эманципаціи женщинъ) у женщины не было ничего, кромѣ способности любить, то и тогда было бы еще неизвѣстно, чья природа оказалась бы крѣпче интеллектуальными дарами: природа мужчины или природа женщины? Въ разбираемой мною повѣсти—неразвитая, полудикая дѣвушка одною силою своего чувства становится неизмѣримо выше молодаго человѣка, у котораго есть и умъ, и образованіе, и современное развитіе. Она на все рѣшилась, не остановилась даже передъ тою мыслію, что можетъ огорчить брата,—единственнаго человѣка въ мірѣ, котораго она любитъ; она пошла на встрѣчу обсужденію и позору, страданіямъ и домашнему горю, а онъ, онъ... на чемъ онъ запнулся? Стыдно сказать, а умалчивать незачѣмъ. На томъ, читатели, что его женѣ на визитныхъ карточкахъ неудобно будетъ написать: M-me N. née une telle. На томъ, что онъ самъ, г. Н., затруднится отвѣчать на вопросъ какого-нибудь великосвѣтскаго хлыща: «какъ ваша супруга урожденная?» Потомъ онъ, послѣ двухдневной борьбы, одолѣваетъ это перпятствіе; но эта побѣда оказывается несвоевременною.

Ася такая личность, въ которой есть всѣ задатки счастливой, полной жизни; развившись помимо условій нашей жизни, она не заразилась ея нелѣпостями. Встрѣться она съ свѣжимъ мужчиною, она бы показала намъ, что значитъ быть счастливою и дала бы намъ

самый спасительный и плодотворный урокъ, котораго намъ до сихъ поръ никто не умѣлъ дать. Но гдѣ же взять такого мужчину? У насъ ихъ нѣтъ. И вотъ свѣжее, молодое, здоровое существо попало въ лазаретъ, въ которомъ стонутъ на разные лады субъекты, одержимые самыми разнообразными болѣзнями. Ну, конечно, изъ этого не могло выдти ничего путнаго; поневолѣ ей пришлось зачахнуть отъ аптечнаго воздуха или заразиться отъ дыханія окружающихъ субъектовъ. Виновата ли въ этомъ женщина?.

«ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО».

(Григорьевъ 1859 г., Писаревъ 1859 г., Анненковъ 1859 г., Де-Пуле 1859 г., Добролюбовъ 1860 г., Миллеръ 1871 г., Авдѣевъ 1874 г., Венгеровъ 1875 г., Евстафьевъ 1880 г., Невзоровъ 1883 г.).

[1]) Произведенія Тургенева, говоритъ А. Григорьевъ, представляютъ собой развитіе всей нашей эпохи; съ нею вмѣстѣ, онъ любилъ, вѣрилъ, сомнѣвался, проклиналъ, вновь надѣялся и вновь вѣрилъ—не боясь никакихъ крайнихъ граней мысли или, лучше сказать, увлекаясь самъ мыслію до крайнихъ ея граней и беззавѣтно отдаваясь всѣмъ увлеченіямъ. Отъ этого, читая его послѣднее произведеніе («Дворянское Гнѣздо»)—вы что ни шагъ—повѣряете процессъ, ко-

---

[1]) «Русское Слово» 1859 г. и Соч. А. Григорьева.

торый совершался въ цѣлой эпохѣ, что ни шагъ— сталкиваетесь съ образами, возродившимися, пожалуй, въ новыхъ и лучшихъ формахъ, но которыхъ сѣмена и даже зародыши коренятся въ далекомъ прошедшемъ. Вы подымаете слой за слоемъ—и болѣе всего поражаетесь органическою связью словъ между собою... Доказательствомъ этой органической связи служитъ въ особенности въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ» исторія отца и дѣда Лаврецкаго, мѣсто, которое одному критику, въ числѣ многихъ другихъ мѣстъ, показалось, какъ онъ выразился, ретроспективнымъ... Что сказалось «Дворянскимъ Гнѣздомъ»? Вся умственная жизнь послѣ-пушкинской эпохи отъ туманныхъ началъ ея въ кружкѣ Станкевича, до рѣзкаго постановленія вопросовъ Бѣлинскимъ, и отъ рѣзкости Бѣлинскаго до уступокъ, весьма значительныхъ—сдѣланныхъ мыслію жизни и почвѣ... Борьба славянофильства и западничества, и борьба жизни съ теоріею—славянофильской или западною все равно—завершается въ поэтическихъ задачахъ Тургеневскаго типа побѣдою жизни надъ теоріями... Типъ, котораго послѣднимъ выраженіемъ у Тургенева является Лаврецкій, создавался долгимъ процессомъ, долженъ былъ воплотить въ себѣ весь этотъ процессъ, процессъ нашей, послѣ-пушкинской эпохи. Но между тѣмъ, что должно было быть и тѣмъ, что есть, что намъ дано—значительная разница. Судить о типѣ по тому, какъ онъ явился въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ» и на этомъ только основаніи заключать о художественности или нехудожественности его выполненія и цѣлаго произведенія, въ которомъ онъ является—значитъ положительно не понять дѣла по отношенію къ Тургене-

ву, не понять задачъ, внутренняго смысла его поэтической дѣятельности. Наше время есть время всеобщихъ исповѣдей, и такую искреннюю, полную исповѣдь болѣе всего представляютъ произведенія Тургенева вообще и «Дворянское Гнѣздо» въ особенности. Для того, чтобы понять послѣдніе результаты этой искренней исповѣди въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ»—нужно было прослѣдить всю борьбу, высказывающуюся въ произведеніяхъ Тургенева. Только зная эту борьбу, можно понять все значеніе стиховъ, которые онъ влагаетъ въ уста Михалевичу и весь смыслъ того смиренія передъ народною правдою, которое проповѣдуетъ Лаврецкій въ разговорѣ съ Паншинымъ.

[1]) Черезъ рядъ болѣе или менѣе удачныхъ опытовъ, г. Тургеневъ дошелъ, наконецъ, до простой, многозначительной драмы, какая является въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ», и какихъ тысячи втихомолку разыгрываются по разнымъ угламъ нашего отечества, дошелъ до лицъ и характеровъ, нисколько не запятнанныхъ грубымъ авторскимъ произволомъ, а взятыхъ изъ неисчислимой, движущейся толпы такъ называемаго образованнаго общества, гдѣ они укрываются отъ лѣниваго наблюденія; словомъ, онъ изобразилъ такое событіе, которое оказалось связаннымъ тончайшими нитями съ нашею современностію, съ сердцами всего настоящаго, или, лучше, всего *отживающаго* поколѣнія. Таковъ былъ результатъ смѣлаго и вмѣстѣ дружелюбнаго отношенія къ жизни.

[2]) Знаніе русской жизни, и, притомъ, знаніе не

---

[1]) Анненковъ («Воспом. и критич. очерки», отд. 2 и «Русск. Вѣстн.» 1859 г. № 16).

[2]) Писаревъ («Разсвѣтъ» 1859 г. № 4).

книжное, а опытное, вынесенное изъ дѣйствительсти, очищенное и осмысленное силою таланта и размышленія, оказывается во всѣхъ произведеніяхъ Тургенева и особенно ярко выразилось въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ», самомъ стройномъ и законченномъ изъ его произведеній. Всѣ дѣйствующія лица его романа, начиная отъ русской дѣвушки Лизы и кончая русскимъ лакеемъ старыхъ временъ, Антономъ, въ высшей степени оригинальны и жизненны; всѣ они созданы изъ тѣхъ элементовъ, которые всѣ мы знаемъ и изъ которыхъ, со времени реформы Петра, мало по малу слагается наша общественная и частная жизнь. Всѣ они— представители настоящаго или непосредственнаго прошедшаго.

[1]) Если начать смотрѣть на «Дворянское Гнѣздо» математически—холодно, то постройка его представится безобразно недодѣланною. Прежде всего обнаружится огромная рама съ холстомъ для большой картины; на этомъ холстѣ отдѣланъ одинъ только уголокъ, или, пожалуй, центръ; по мѣстамъ мелькаютъ то совершенно отдѣланныя части, то обрисовки и очерки, то малеванье обстановки. Въ самомъ уголкѣ или, пожалуй, центрѣ, иное живетъ полною жизнію, другое является этюдомъ, пробой. А между тѣмъ, это и не отрывокъ, не эпизодъ изъ картины; нѣтъ это драма, въ которой одно только отношеніе разработано; живое, органическое цѣлое, вырванное почти безжалостно изъ обстановки, съ которой оно связано всѣми своими нервами; и оборванныя нити, оборванныя связи безобразно висятъ на виду зрителей... Въ

---

[1]) А. Григорьевъ («Русск. Слово» 1859 г. и соч. А. Григорьева).

числѣ эпизодическихъ сценъ Тургеневскаго произведенія, т. е., эпизодическихъ въ отношеніи къ одному отдѣланному уголку его картины, а не къ цѣлому холсту, на которомъ задумывалась картина, есть одна, особенно поразительная своею глубокою вѣрою въ развитіе, въ силы;—это сцена свиданія Лаврецкаго и Михалевича, сцена, въ которой рисуется цѣлая эпоха, цѣлое поколѣніе съ его стремленіями, глубоко-знаменательная, *историческая* сцена, дополняющая изображеніе того міра, изъ котораго вышелъ «Рудинъ».

[1]) Послѣ Пушкина рѣдко кто изъ нашихъ писателей пользовался такой любовью публики, какъ Тургеневъ. Романъ его «Дворянское Гнѣздо» вызвалъ необыкновенный общій восторгъ. Причина его необычайнаго успѣха таится въ особенности дарованія Тургенева. Онъ умѣетъ въ неиспорченной природѣ человѣка открыть то поэтическое начало, ту божественную искру, которая — по выраженію Гоголя — хоть разъ, какъ «блистающая радость» промчится въ жизни человѣка, чтобы согрѣть ее на все остальное время. Тургеневъ владѣетъ даромъ подмѣтить это поэтическое начало въ жизни человѣка и выразить его въ живомъ образѣ. Оттого-то онъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ новѣйшихъ писателей, очаровывалъ своихъ читателей, или—по выраженію того-же Гоголя—«окуривалъ упоительнымъ куревомъ людскія очи». Тургеневъ вообще мастеръ рисовать русскую природу и русскихъ людей; но ни въ одномъ изъ его произведеній не видно столько свѣтлыхъ картинъ природы и

[1]) Й. Евстафіевъ («Новая русская литература»).

ни въ одномъ съ такой любовью не раскрыта душа его *героевъ*, какъ въ романѣ «Дворянское Гнѣздо»...

По содержанію своему и по обработкѣ характеровъ романъ «Дворянское Гнѣздо» примыкаетъ къ замѣчательнѣйшимъ русскимъ романамъ съ общественнымъ значеніемъ, т. е.—къ «Евгенію Онѣгину», «Герою нашего времени», «Мертвымъ душамъ» и «Обломову». Въ этой немногочисленной семьѣ «Дворянскому Гнѣзду» принадлежитъ хорошее мѣсто. Задачи Тургеневскаго романа родственны задачамъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Гончарова въ названныхъ сочиненіяхъ. Но «Дворянское Гнѣздо» имѣетъ на своей сторонѣ нѣкоторыя преимущества. Напримѣръ: здѣсь съ особенной полнотой охарактеризована та среда, (т. е. дворянская), изъ которой наши романисты брали своихъ героевъ; лицъ больше, лица разнообразнѣе; анализъ причинъ умственной или нравственной несостоятельности дѣйствующихъ лицъ сдѣланъ полнѣе и отчетливѣе; герой романа, т. е. Лаврецкій, представляетъ характеръ гораздо болѣе разработанный и законченный, нежели Онѣгины, Печорины, Тентетниковы, Обломовы и Штольцы. Мало того, что Лаврецкій не «москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ», что онъ не кичится «необъятными силами» и вообще не довольствуется одними мечтами о дѣятельности, доискивается, въ чемъ заключается его «вывихъ»; нравственнымъ страданіемъ искупаетъ этотъ недостатокъ, въ которомъ впрочемъ не самъ виновенъ и впродолженіи многихъ лѣтъ дѣйствительно «вправляетъ» себя (какъ требовалъ Михалевичъ), дѣлаетъ добро, а подъ конецъ жизни достигаетъ драгоцѣннаго убѣжденія, что хотя ему грустить и сожалѣть есть о чемъ, но «сты-

диться нечего». Такимъ образомъ, романъ этотъ выставляетъ такого героя, который естественнѣе, понятнѣе и привлекательнѣе предъидущихъ и въ которомъ съ большею отчетливостью представленъ идеалъ правильнаго воспитанія, семейнаго счастья и общественной дѣятельности.

Въ *ходѣ* повѣствованія замѣчается та особенность, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повѣсть разступается, чтобы дать мѣсто вставкамъ. Эти вставки на столько существенны, что при помощи ихъ становится виднѣе смыслъ какъ отдѣльныхъ частей романа, такъ и всего сочиненія. Такъ, напримѣръ, большой эпизодъ, заключающій въ себѣ главы VIII—XVI, широкими рѣзкими чертами рисуетъ нравы и обычаи въ дворянскомъ родѣ Лаврецкихъ, потомъ—исторію дѣтства, воспитанія и студенческихъ годовъ Өедора Лаврецкаго, наконецъ—его-же неудачную женитьбу и всѣ тѣ душевныя и семейныя потрясенія, которыя онъ пережилъ и отъ которыхъ пріѣхалъ искать спасенія на родинѣ. Второй эпизодъ: глава XXV—неожиданный пріѣздъ къ Лаврецкому стараго его товарища, Михалевича; нескончаемый горячій споръ о предметахъ самыхъ отвлеченныхъ, а за тѣмъ—о своей молодости, разочарованіяхъ, тяжелыхъ урокахъ дѣйствительности и лучшихъ идеалахъ человѣка образованнаго и благороднаго. Въ спорѣ этомъ выясняются многія стороны какъ обоихъ друзей, такъ и того времени, подъ вліяніемъ котораго они провели свои университетскіе годы.— Въ другихъ-же мѣстахъ, живописная, согрѣтая чувствомъ, повѣсть смѣняется сценами, цѣлымъ рядомъ разговоровъ. Сцены идутъ быстро, съ необыкновеннымъ оживленіемъ и быстротой. Въ нихъ-то съ осо-

бенной выразительностію и раскрываются характеры дѣйствующихъ лицъ, черты нравовъ изображаемаго времени и общества.

Тонъ повѣствованія вездѣ проникнутъ искреннимъ чувствомъ, мѣстами юмористиченъ, напримѣръ, въ изображеніи сентиментальной Марьи Дмитровны; мѣстами переходитъ въ явную насмѣшку, напримѣръ: въ изобличеніи щепетильнаго, тщеславнаго Паншина; мѣстами полонъ глубокаго негодованія и презрѣнія, напримѣръ, въ изображеніи Варвары Павловны; но за то, мѣстами звучитъ высокимъ лиризмомъ, напримѣръ, при изображеніи душевныхъ движеній вообще и Лаврецкаго въ особенности. Всѣ эти элементы изложенія, взятые вмѣстѣ, составляютъ силу, красоту и увлекательность тургеневскаго романа.

Основная идея этого произведенія подсказывается авторомъ во многихъ мѣстахъ романа, напримѣръ: въ исторіи воспитанія Лаврецкихъ вообще, а Ѳедора Ивановича въ частности; въ томъ мѣстѣ спора съ Михалевичемъ, гдѣ послѣдній клеймитъ друга своего названіемъ эгоиста и, не слушая оправданія Лаврецкаго, что его «*съ дѣтства вывихнули*», громитъ его кличкой *злостнаго начитаннаго байбака*», который сознательно лежитъ, не принимается за дѣло, и это — въ такое время, когда въ Россіи, по словамъ Михалевича, «на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собой!» Еще въ томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ позволяетъ читать въ душѣ Лаврецкаго новыя, живительныя впечатлѣнія деревни, сельскаго труда, сельской природы. «Вотъ когда я на днѣ рѣки:» — думалъ Лаврецкій по возвращеніи въ деревню — «и

всегда, во всякое время тиха и неспѣшна здѣсь жизнь. Кто входитъ въ ея кругъ, покоряйся: здѣсь не зачѣмъ волноваться, нечего мутить: здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропинку не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ. И какая сила кругомъ, какое здоровье въ этой бездѣйственной тиши!—На женскую любовь ушли мои лучшіе годы: пусть-же вытрезвитъ меня здѣсь скука, пусть успокоитъ меня, подготовитъ къ тому, чтобы и я умѣлъ не спѣша дѣлать дѣло.»—Окончательно-же и сполна Тургеневъ высказываетъ идею романа въ эпилогѣ. Вотъ это мѣсто: «Лаврецкій самъ бы себя не узналъ. если бы могъ такъ взглянуть на себя, какъ онъ мысленно взглянулъ на Лизу. Въ теченіе этихъ восьми лѣтъ совершился наконецъ переломъ въ его жизни. тотъ переломъ, котораго многіе не испытываютъ, но безъ котораго нельзя остаться порядочнымъ человѣкомъ до конца: онъ дѣйствительно *перестаиъ думать о собственномъ счастьи*, о своекорыстныхъ цѣляхъ. Онъ утихъ и къ чему таить правду?—постарѣлъ не однимъ лицомъ и тѣломъ, постарѣлъ душою; сохранить до старости сердце молодымъ, какъ говорятъ иные, и трудно, и почти смѣшно: тотъ уже можетъ быть доволенъ, кто не утратилъ вѣры въ добро, постоянства воли, охоты къ дѣятельности. Лаврецкій имѣлъ право быть довольнымъ: онъ сдѣлался дѣйствительно хорошимъ хозяиномъ, дѣйствительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя: онъ, на сколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ бытъ своихъ крестьянъ.» И далѣе, при взглядѣ на свою прошлую жизнь: «грустно стало ему на сердцѣ, но не тяжело и не прискорбно: сожалѣть ему было не о чемъ, стыдиться—

нечего.» Наконецъ, въ привѣтѣ молодому поколѣнію: «играйте, веселитесь, растите молодыя силы! жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить: вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть,—и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать—и благословеніе нашего-брата, старика, будетъ съ вами!»—Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій не трудно читателю вывести слѣдующія основныя мысли изъ этого романа. Во-первыхъ, что жажда наслажденій, жажда личнаго счастья обманчива: она не только не даетъ счастья, но вообще не можетъ дать прочнаго содержанія для жизни. Эта мысль развита, какъ мы видѣли, и въ романѣ Гончарова, именно въ характерѣ Ольги Ильинской и въ характерѣ Обломова. Во вторыхъ, что то поверхностное, одностороннее воспитаніе и образованіе, которое давалось въ былое время въ дворянской средѣ, не могло развить въ человѣкѣ полнаго, дѣятельнаго и нравственнаго характера, а служило скорѣе душевнымъ «вывихомъ», какъ выразился Лаврецкій; и для выправки такого вывиха требовалось много силъ, а представлялось мало вѣроятности успѣха. Наконецъ, въ третьихъ, что благодаря могучимъ преобразованіямъ, сдѣланнымъ державною рукою въ русской жизни,—и въ дворянской средѣ водворился новый, животворный духъ, исчезли тѣ условія, при которыхъ прежде уже съ дѣтства воспитаніе человѣка шло вкривь и вкось; поколѣніе, слѣдующее за Лаврецкими, можетъ развиваться правильно, жить жизнію полною, общественною, счастливою.

¹) Повѣсть открывается рядомъ сценъ, на которыя выводятся слѣдующія лица: *Марья Дмитріевна Калитина*, тетка ея *Марѳа Тимоѳеевна Пестова*. *Гедеоновскій*, нѣчто въ родѣ паразита. *Паншинъ*, нѣчто въ родѣ Калиновича, *Лиза*, дочь Марьи Дмитріевны, героиня романа, *Лемнъ*, нѣмецъ—музыкантъ, и *Лаврецкій*, герой романа, дальній родственникъ Пестовыхъ. Дѣйствіе идетъ необыкновенно шибко. Читатель сильно заинтересованъ Марѳой Тимоѳеевной, Леммомъ и Лаврецкимъ. Героиня романа пока остается въ туманѣ, на заднемъ планѣ. Впрочемъ, это обыкновенный пріемъ г. Тургенева—сберегать, такъ сказать, силы главнаго лица до поры до времени, пріемъ, вѣрно расчитанный. По обыкновенію, всѣ герои Тургенева ведутъ трагическую борьбу. И хотя борьба эта бываетъ не одинаковой степени, но въ рѣшительный моментъ ея непремѣнно слѣдуетъ сберечь герою достаточный запасъ силъ—иначе не будетъ борьбы, а слѣдовательно и поэзіи. Познакомивъ нѣсколько читателей съ своими героями, авторъ прерываетъ дѣйствіе и ведетъ впродолженіе девяти главъ разсказъ о фамиліи Лаврецкихъ, съ исторіею которыхъ отчасти связывается и исторія Пестовыхъ. Вѣроятно, эта семейная хроника навела автора на мысль дать метафорическое названіе своей повѣсти, впрочемъ, вовсе неудачное. Исторія дома Лаврецкихъ не лишена интереса: авторъ мѣткими чертами изобразилъ членовъ этой фамиліи, на сколько возможно изображеніе лицъ, стоящихъ на заднемъ планѣ. Но этотъ эпизодъ совершенно лишній и вмѣстѣ съ нѣсколькими главами, въ которыхъ яв-

¹) М. Де-Пуле. «Русское Слово» 1859 г. № 11.

ляется *Варвара Павловна*, жена Лаврецкаго, только безполезно удлиняющій повѣсть и ослабляющій силу впечатлѣнія, производимаго быстро развивающеюся трагедіей. Жаль, если авторъ съ намѣреніемъ сдѣлалъ это удлиненіе, желая чтобы сочиненіе его вышло романомъ, жаль потому, что намѣреніе это не осуществилось: *Дворянское Гнѣздо*, все-таки повѣсть, а не романъ: повѣсть потому, что представляемая имъ драма, правда, кипящая жизнію и трагическимъ элементомъ, немногосложна и не продолжительна, ее никакъ не хватило-бы на обширное поэтическое произведеніе, каковы романъ и собственно драма. И г. Тургеневъ, по нашему мнѣнію, насилуетъ свой талантъ, прибѣгая къ различнымъ средствамъ, сдѣлать *Дворянское Гнѣздо* во что-бы то ни стало романомъ. Съ этой цѣлью онъ съ особеннымъ тщаніемъ занялся отдѣлкою личности Варвары Павловны. Напрасно! Конечно, личность вышла хороша; правда и то, что личность прикосновенна къ дѣлу, но она заставляетъ читателя слишкомъ долго на себѣ останавливаться, въ ущербъ цѣлостности впечатлѣнія, производимаго трагедіей. Если уже пришлось говорить о недостаткахъ новаго произведенія г. Тургенева, то кстати скажемъ о нихъ разомъ. Самый крупный, бросающійся въ глаза недостатокъ — двойственность характера *Лаврецкаго*: Лаврецкій по исторіи его фамиліи, Лаврецкій, такъ сказать, закулисный, и Лаврецкій въ дѣйствіи, передъ глазами читателей—два лица, мало имѣющія между собою общаго. Кто знакомъ съ произведеніями Тургенева, тотъ сейчасъ-же замѣтитъ, что личность Лаврецкаго не новая. Она сильно напоминаетъ другихъ героевъ нашего автора: Лаврецкій —это *лишній человѣкъ* въ

Божьемъ мірѣ, одинъ изъ тѣхъ *надломанныхъ* характеровъ, судьбу которыхъ такъ любитъ изображать авторъ *Записокъ Охотника*. Что Лаврецкій личность не новая—это капитальный недостатокъ *Дворянскаго Гнѣзда*: поэту слѣдовало-бы разомъ (или много въ два-три пріема) отдѣлаться отъ преслѣдующей его идеи, чѣмъ пѣть на одну и ту-же тему постоянно. Впрочемъ, этотъ капитальный недостатокъ повѣсти объясняется недостаточностью художественнаго элемента въ нашемъ авторѣ. Жаль, что г. Тургеневъ беретъ своихъ *лишнихъ людей*, своихъ *байбаковъ*, уже готовыми лишними людьми и байбаками, нигдѣ не развивая художественнаго процесса байбачества.

Байбачество порождается вообще тѣми условіями общественнаго быта, которыя парализуютъ истинно—благую и гуманную дѣятельность, не оставляя пораженному субъекту ничего, кромѣ *млѣнія скуки*. Есть нѣчто глубоко трагическое въ этомъ пассивномъ положеніи, въ этой горькой необходимости лежать на боку! Литературный нашъ байбакъ также не новый: его затронулъ еще Карамзинъ, обработывали Пушкинъ и Лермонтовъ, авторъ *Кто Виноватъ*, Майковъ въ *Двухъ Судьбахъ*, Гоголь въ *Тентетниковѣ*. Но одни изъ нашихъ литературныхъ байбаковъ не что иное, *какъ Москвичи въ гарольдовыхъ плащахъ*, другіе слишкомъ абстрактны, отзываются сочиненіемъ на заданную тему. *Байбачество* г. Тургенева, хотя нигдѣ не удалось ему воплотить его въ глубоко-художественный образъ, отличается необыкновенною искренностію, народностію. Искренность (т. е. прямо выхваченное изъ жизни, а не сочиненное, выдуманное) и народность мы считаемъ понятіями синонимическими. Въ искусствѣ

слѣдуетъ отличать поэтическую народность отъ бытовой; послѣдняя для писателей нашего времени камень претквовенія. Какъ истинный художникъ, Тургеневъ преднамѣренно ее обходитъ. Но за то въ изображеніи народности поэтической (т. е., въ изображеніи поэтическаго, свойственнаго народу), авторъ *Дворянскаго Гнѣзда*—единственный у насъ мастеръ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА «ДВОРЯНСКАГО ГНѢЗДА» ВЪ ОТДѢЛЬНОСТИ:

ЛАВРЕЦКІЙ.

[1]) Высокое значеніе этого лица, не смотря на всю неполноту его изображенія, на всю робость пріемовъ автора при этомъ изображеніи, на всю болѣзненную неопредѣленность отношеній къ нему автора—прежде всего въ томъ, что это лицо, не сухой логическій выводъ, не итогъ, подведенный искусственно подъ извѣстными данными, а живорожденное, выношенное въ душѣ созданіе поэта, что онъ лицо художественное... Лицо Лаврецкаго, даже такъ какъ оно является видимо недодѣланнымъ въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ,» представитель (хотя никакъ не преднамѣренный), сознанія нашей эпохи. Лаврецкій—уже не Рудинъ, отрѣшенный отъ всякой почвы, отъ всякой дѣйствительности,—но съ другой стороны уже и не Бѣлкинъ, стоящій съ дѣйствительностію въ уровень. Лаврецкій—живой человѣкъ, связанный съ жизнію, почвою, преданіями,—но прошедшій бездны сомнѣнія, внутреннихъ страданій, совершившій нѣсколько моральныхъ скач-

[1]) А Григорьевъ. (Соч. А. Григорьева и «Русск. Слово» 1859 г. № 8).

рія. нисколько не приготовила Лаврецкаго къ жизни... Лучшее, что дала ему жизнь, было сознаніе недостатковъ воспитанія. Превосходно характеризуетъ Тургеневъ умственное и нравственное состояніе своего героя въ эту эпоху развитія. «Въ послѣднія пять лѣтъ», говоритъ онъ о Лаврецкомъ, «онъ много прочелъ и кое что увидѣлъ: много мыслей перебродило въ его головѣ: любой профессоръ позавидовалъ-бы нѣкоторымъ его познаніямъ, но въ то-же время онъ не зналъ *многаго*, что каждому гимназисту давнымъ давно извѣстно. Лаврецкій сознавалъ, что онъ не свободенъ, онъ втайнѣ сознавалъ себя чудакомъ». Опять вѣрная, художественно и въ высшей степени, вѣрная-же историческая черта, характеризующая множество людей, послѣ-пушкинской эпохи. Это уже не та эпоха, когда

...учились по немногу,
Чему нибудь и какъ нибудь.

Нѣтъ—это эпоха серьезныхъ знаній съ огромными пробѣлами, знаній, пріобрѣтенныхъ большею частію саморазвитіемъ, самомышленіемъ—эпоха Бѣлинскихъ, Кольцовыхъ и многихъ, весьма многихъ изъ насъ, если не всѣхъ поголовно... Особенность Лаврецкаго въ томъ еще, что надъ нимъ тяготѣетъ совершенно уродливое воспитаніе.

[1]) Характеръ Лаврецкаго разработанъ Тургеневымъ, съ художественною тонкостью и любовью. Для того, чтобы сдѣлать читателю понятнымъ плохое воспитаніе Лаврецкаго, а также для того, чтобы объяснить, какъ умный, серьезный Лаврецкій могъ ошибиться въ выборѣ жены, авторъ разсказываетъ намъ исто-

---

[1]) П. Евстафіевъ. («Новая Русская литература»).

рію всего семейства Лаврецкихъ. Исторія начинается съ ихъ жестокаго прадѣда, а оканчивается отцомъ-англоманомъ. Этотъ англоманъ задумалъ дать своему сыну (т.-е. герою романа) такое воспитаніе, чтобы юноша вышелъ совершеннѣйшимъ спартанцемъ, былъ бы чуждъ слабостей человѣческой природы. И для этого, между прочимъ, англоманъ держалъ своего сына вдали не только отъ всякаго женскаго вліянія, но даже отъ знакомства съ женщинами. Въ мастерской, живой и вѣрной картинѣ фамиліи Лаврецкихъ видно, какъ въ зеркалѣ, ужасное состояніе образованныхъ людей въ XVIII столѣтіи и въ первой четверти нынѣшняго. Видны крупные, рѣзкіе очерки жестокихъ старинныхъ баръ—причудливыхъ, самоуправныхъ, а иногда и легко себѣ представить, какъ подъ вліяніемъ такихъ лицъ жизнь людей замирала, а не развивалась. По этой исторіи Лаврецкихъ видно, что дворянинъ того времени вступалъ въ жизнь безъ достаточной нравственной подготовки: круглымъ невѣждою въ наукахъ и безъ малѣйшаго порядочнаго воспитанія. Еслибъ Тургеневъ не вставилъ въ романъ длиннаго эпизода о фамиліи Лаврецкихъ (главы VIII—XVI), то было-бы не понятно, какимъ образомъ 23-хъ лѣтній *спартанецъ* могъ принять первую красивую женщину за олицетвореніе всего нравственнаго, прекраснаго, благороднаго въ мірѣ.

Варвара Павловна разрушила это представленіе. Но несчастіе было полезно Лаврецкому. Оно смягчило и обработало его душу. Оно сдѣлало его снисходительнымъ къ людямъ; отъ неопредѣленныхъ стремленій и безцѣльныхъ трудовъ оно привлекло его къ роднымъ степямъ, къ нуждамъ и печалямъ ближнихъ.

Лаврецкій у себя въ деревнѣ совсѣмъ не тотъ, какимъ былъ въ Москвѣ и Парижѣ. Онъ сталъ добръ, симпатиченъ: онъ радуется успѣхамъ людей, какъ своему собственному счастью; онъ какъ будто вновь родился для новой, лучшей жизни. Такимъ является онъ въ то время, когда между нимъ и Лизой установились дружескія отношенія, и не замѣтно для нихъ самихъ росли и развивались въ другія, болѣе нѣжныя чувства. «Никто не знаетъ,—говоритъ авторъ—никто не видѣлъ и не увидитъ, какъ призванное къ жизни и разцвѣтанію, наливается и зрѣетъ зерно въ лонѣ жизни». Съ особеннымъ вниманіемъ и любовью Тургеневъ раскрываетъ читателю тѣ состоянія души, которыя переживаетъ его герой: когда между нимъ и Лизой отношенія устроилися было такъ хорошо и—во второй разъ Варвара Павловна разрушила ихъ счастье. Авторъ, незамѣтно для читателя, учитъ его сочувствовать Лаврецкому, уважать его страданія. Эти страданія, дѣйствительно, дорисовываютъ его нравственный образъ. Состояніе души его особенно отчетливо видно въ двухъ совершенно несходныхъ положеніяхъ Лаврецкаго: *первое*—когда съ разбитымъ навѣки счастьемъ бѣднякъ старается взять себя въ руки и, стиснувъ зубы, велѣть душѣ своей молчать; *второе*—въ самомъ концѣ романа. Здѣсь авторъ вывелъ поразительный контрастъ: съ одной стороны молодое поколѣніе съ звонкимъ смѣхомъ и довѣрчивымъ взглядомъ на будущее, а рядомъ съ нимъ: драгоцѣнныя, хотя томительныя, воспоминанія Лаврецкаго объ исчезнувшей молодости, о мелькнувшемъ счастьи: кроткій, искренній его привѣтъ молодежи: тихое, полное тоски, обращеніе къ самому себѣ! «здравствуй, одинокая старость! догарай, безпо-

лезная жизнь». Окончательно, въ душѣ читателя Лаврецкій оставляетъ впечатлѣніе глубокое и отрадное. Читатель чувствуетъ и понимаетъ, въ какой мѣрѣ страданія и несчастія очистили и возвысили его душу до той степени, на которой человѣкъ становится снисходителенъ къ людямъ и свое собственное благополучіе полагаетъ въ содѣйствіи счастью другихъ людей.

[1]) Тургеневъ умѣлъ поставить Лаврецкаго такъ, что надъ нимъ трудно иронизировать, хотя онъ и принадлежитъ къ тому роду типовъ, на которые мы смотримъ съ усмѣшкой. Драматизмъ его положенія заключается уже не въ борьбѣ съ собственнымъ безсиліемъ, а въ столкновеніи съ такими понятіями и нравами, съ которыми борьба дѣйствительно устрашитъ самаго энергическаго и смѣлаго человѣка. Онъ женатъ и отступился отъ своей жены; но онъ полюбилъ чистое, свѣтлое существо, воспитанное въ такихъ понятіяхъ, при которыхъ любовь къ женатому человѣку есть ужасное преступленіе. А между тѣмъ она его тоже любитъ, и его притязанія могутъ безпрерывно и страшно терзать ея сердце и совѣсть. Надъ такимъ положеніемъ поневолѣ задумаешься горько и тяжко, и мы помнимъ, какъ болѣзненно сжалось наше сердце, когда Лаврецкій, прощаясь съ Лизой, сказалъ ей: «ахъ, Лиза, Лиза! какъ бы мы могли быть счастливы!» и когда она, уже смиренная монахиня въ душѣ, отвѣтила: «вы сами видите, что счастье зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога», и онъ началъ было: «да, потому что вы...» и не договорилъ... читатели и критики «Дворянскаго Гнѣзда», помнится, восхищались многимъ

---

[1]) Добролюбовъ (Сочин. Доролюб. т. 3).

другимъ въ этомъ романѣ. Но для насъ существеннѣйшій интересъ его заключается въ этомъ трагическомъ столкновеніи Лаврецкаго, пассивность котораго именно въ этомъ случаѣ мы не можемъ не извинить. Здѣсь Лаврецкій, какъ будто измѣняя одной изъ родовыхъ чертъ своего типа, почти не является даже пропагандистомъ. Начиная съ первой встрѣчи съ Лизой, когда она шла къ обѣднѣ, онъ во всемъ романѣ робко склоняется предъ незыблемостью ея понятій, и ни разу не смѣетъ приступить къ ней съ холодными разувѣреніями. Но и это, конечно, потому, что здѣсь пропаганда было бы самымъ дѣломъ, котораго Лаврецкій, какъ и вся его братія боится. При всемъ томъ, намъ кажется (по крайней мѣрѣ казалось при чтеніи романа), что самое положеніе Лаврецкаго, самая коллизія, изображенна г. Тургеневымъ и столь знакомая русской жизни,—должна служить сильною пропагандою и наводить каждаго читателя на рядъ мыслей о значеніи цѣлаго огромнаго отдѣла понятій, заправляющихъ нашею жизнію. Теперь, по разнымъ печатнымъ и словеснымъ отзывамъ, мы знаемъ, что были не совсѣмъ правы: смыслъ положенія Лаврецкаго—былъ понятъ иначе или совсѣмъ не выясненъ многими читателями. Но что въ немъ есть что то законченно-трагическое, и не призрачное, — это было понятно, и это, вмѣстѣ съ достоинствами исполненія, привлекло къ «Дворянскому Гнѣзду» единодушное, восторженное участіе всей читающей русской публики.

[1]) Лаврецкій—человѣкъ много пережившій, испы-

---

[1]) Писаревъ. («Разсвѣтъ» 1859 г. № 4).

тавшій и радость, и горе, вдумывавшійся въ себя и въ свои отношенія къ людямъ и выработавшій себѣ, наконецъ, путемъ серьезныхъ занятій, путемъ размышленія и опыта, умѣнье владѣть своимъ внутреннимъ міромъ, сдерживать порывы чувства и мириться съ жизнію, не смотря на ея мрачныя стороны, не смотря на тѣ страданія, которыя выпадаютъ въ ней на долю людей съ развитымъ умомъ и нѣжнымъ чувствомъ. Все участіе Лаврецкаго въ дѣйствіи романа представляется рядомъ не заслуженныхъ страданій, среди которыхъ крѣпнетъ и формируется его мужественная личность, крѣпнетъ не черствѣя, не теряя живой воспріимчивости ко всему изящному въ природѣ и въ человѣкѣ. Его, какъ онъ самъ выражается, съ дѣтства вывихнули уродливымъ воспитаніемъ, отъ послѣдствій котораго ему трудно оправиться до зрѣлаго возраста; въ немъ пробудили любознательность и не направили ея, ему не дали даже элементарныхъ свѣдѣній, а между тѣмъ, бросили въ его свѣжую и здоровую голову нѣсколько идей, взятыхъ изъ философіи XVIII вѣка, пересаженныхъ на русскую почву и понятыхъ особеннымъ, оригинальнымъ образомъ; суровымъ, почти спартанскимъ воспитаніемъ ему придали полноту и крѣпость физическихъ силъ—и не указали исхода этимъ силамъ. До двадцати-трехлѣтняго возраста его не познакомили ни съ жизнію, ни съ наукою, въ немъ развили только твердость воли, и эта твердость пригодилась ему на то, чтобы, не пугаясь упущеннаго времени, приняться за перевоспитаніе самого себя. Но, между тѣмъ, жизнь не ждетъ и предъявляетъ свои права, заставляетъ его идти впередъ тогда, когда нѣтъ еще ни опытности, ни умѣнья осмысливать свои

поступки, когда дѣло перевоспитанія только что началось. Лаврецкій дѣлаетъ промахъ въ жизни,—промахъ, не легшій пятномъ на его совѣсть, но окончательно испортившій его будущую участь. Послѣдствія этого промаха—неудачнаго и неосторожнаго выбора жены по первому впечатлѣнію, развиваются въ романѣ и составляютъ его главную завязку. Лаврецкій является на сцену уже человѣкомъ 35 лѣтъ, уже знакомый съ тяжелымъ страданіемъ. Первое впечатлѣніе горести уже пережито имъ; но въ душѣ остались неизгладимые слѣды. Онъ не далъ горю опутать и обезсилить себя, не сталъ ими рисоваться передъ самимъ собою, но, вглядѣвшись въ свое положеніе, сказалъ себѣ просто, что не видитъ впереди возможности счастья и наслажденія; онъ мирится съ этою безнадежностію и при этомъ примиреніи умѣетъ уберечься отъ той апатіи, въ которую часто впадаютъ люди, обманутые жизнію. Наслажденія жизни кончились, говоритъ онъ самъ себѣ, но осталась обязанность, и это сознаніе неисполненнаго долга,—сознаніе, что онъ можетъ и долженъ быть полезенъ окружающимъ и зависящимъ отъ него людямъ, даетъ ему силы жить, не ожидая и не требуя ничего отъ жизни. Лаврецкій не признаетъ себя разочарованнымъ, и онъ, дѣйствительно, не разочарованный: онъ не возводитъ собственнаго, случайнаго несчастія въ общее правило, не смотритъ съ недовѣріемъ и насмѣшкою на чужія радости, не чувствуетъ къ людямъ отвращенія, не отвергаетъ въ нихъ существованія добра, хотя, конечно, не вѣритъ ему съ прежнимъ, юношескимъ увлеченіемъ. Онъ не можетъ себѣ представить, чтобы самъ онъ могъ еще разъ помолодѣть душою и испытать счастье взаимной люб-

ви; но, когда это счастіе встрѣчается съ нимъ, онъ не отталкиваетъ его, начинаетъ ему вѣрить и предается своему новому чувству безъ боязни, безъ мрачныхъ предчувствій, съ полнымъ, святымъ наслажденіемъ, которымъ онъ дорожитъ тѣмъ болѣе, что уже знаетъ ему цѣну и что не смѣлъ болѣе надѣяться на него... Онъ не отступаетъ отъ борьбы, пока можно бороться, и умѣетъ покоряться молча, съ мужественнымъ достоинствомъ тамъ, гдѣ нѣтъ другаго исхода. Послѣднею способностью обладаютъ немногіе. Ему никогда не измѣняютъ русскій, незатѣйливый, но прочный и здоровый практическій смыслъ и русское добродушіе, иногда угловатое и неловкое, но всегда искреннее и не приготовленное. Лаврецкій простъ въ выраженіи радости и горя; у него нѣтъ возгласовъ и пластическихъ жестовъ, не потому, чтобы онъ подавлялъ ихъ, а потому что это не въ его природѣ: онъ, какъ русскій человѣкъ, страдаетъ про себя, и способенъ скорѣе къ тихому чувству, къ заунывности, къ продолжительной тоскѣ, о которой поютъ наши народныя пѣсни, нежели къ бурнымъ взрывамъ отчаянія и къ стремительнымъ движеніямъ страсти. Въ драматическія минуты его жизни въ немъ иногда шевелятся грубыя, дикія чувства; но они не омрачаютъ разсудка и, тотчасъ подавленныя размышленіемъ, замираютъ въ груди, не найдя себѣ выхода. У Лаврецкаго есть еще одно чисто русское свойство: легкій, безобидный, полу-задумчивый, полуигривый юморъ проникаетъ собою почти каждое его слово; онъ добродушно — шутитъ съ другими и часто, смотря со стороны на свое положеніе, находитъ въ немъ комическую сторону, и съ тою же добродушною шутли-

востью относится къ собственной личности и затрогиваетъ такіе предметы, которыхъ воспоминаніе заставляетъ сердце обливаться кровію. Когда случается ему укорять себя въ чемъ-нибудь, онъ рѣдко укоряетъ серьезно, съ желчію или съ негодованіемъ. Онъ никогда не впадаетъ въ трагизмъ; напротивъ, отношеніе его къ собственной личности тутъ остается юмористическимъ. Онъ добродушно съ оттѣнкомъ тихой грусти, смѣется и надъ собою и надъ своими увлеченіями и надеждами. Личность Лаврецкаго рельефно выдвигается въ романѣ Тургенева, тѣмъ болѣе, что она оттѣнена съ двухъ сторонъ: съ одной стороны ее оттѣняетъ космополитъ и мелкій эгоистъ Паншинъ, съ другой—энтузіастъ, мечтатель, претендующій на титулъ фанатика, Михалевичъ... Столкновеніе Лаврецкаго съ Паншинымъ показываетъ различіе между заносчивымъ диллетантомъ-космополитомъ, судящимъ о народности, которой онъ не знаетъ, и человѣкомъ жизни, патріотомъ безъ претензій, основательно знающимъ нужды своихъ соотечественниковъ и дѣйствительно сочувствующимъ интересамъ ихъ развитія. Столкновеніе Лаврецкаго съ Михалевичемъ обнаруживаетъ слабыя стороны ихъ обоихъ. Безцѣльный энтузіазмъ Михалевича составляетъ рѣзкую противоположность съ медленностію и нерѣшительностію Лаврецкаго. Первый кричитъ о долгѣ и дѣятельности, но не выходитъ изъ общихъ мѣстъ и самъ не можетъ опредѣлить, чего онъ требуетъ; второй знаетъ свои обязанности, но, по свойственной русскимъ людямъ обломовщинѣ, долго собирается взяться за дѣло, мѣшкаетъ и безполезно тратитъ время. Лаврецкій не энергическій человѣкъ, хотя въ немъ много жизненныхъ

силъ и здороваго ума: недостатокъ энергіи, которымъ вообще страдаетъ русская народность, происходитъ въ немъ, быть-можетъ, просто отъ физіологическихъ или климатическихъ условій. Оттѣняя собою его хорошія качества, эта черта придаетъ его личности послѣднюю опредѣленность и сообщаетъ его образу печать поэтической жизненной правды. Личность Лаврецкаго во все продолженіе романа совершенствуется и очищается путемъ тяжелыхъ испытаній: она достигаетъ полнаго своего развитія уже въ эпилогѣ. Лаврецкій является тамъ человѣкомъ пожилымъ: онъ кончилъ на всегда личные разсчеты съ жизнію, взялся за серьезное и полезное дѣло и въ этомъ дѣлѣ нашелъ себѣ ежели не счастье, то, по крайней мѣрѣ, разумное, достойное мыслящаго человѣка успокоеніе.

[1]) Лаврецкій, съ дѣтства муштруемый и выдерживаемый подъ началомъ, и впослѣдствіи постоянно попадаетъ въ положеніе зависимое—и въ дружбѣ съ Михалевичемъ разыгрываетъ вполнѣ страдательную, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, роль. Даже и влюбившійся-то не самъ, а скорѣе влюбленный своимъ энтузіастомъ товарищемъ, онъ попадаетъ затѣмъ подъ ферулу жены, для нея оставляетъ университетъ, наконецъ за нею плетется туда-же, куда каждогодно плетутся лишніе русскіе люди—на заграничныя воды. Въ одномъ только отношеніи спаслось въ немъ, столь свойственное человѣческой природѣ, чувство независимости: онъ не захотѣлъ служить, не захотѣлъ чиновнически дѣлать видъ, что дѣлаетъ дѣло, а предпо-

---

[1]) О. Миллеръ. («Объ обществ. типахъ въ повѣстяхъ И. С. Тургенева», «Бесѣда» 1871 г. № 11).

чалъ откровенно и просто ничего не дѣлать. Но «жизнь становилась подчасъ тяжела у него на плечахъ,—тяжела, потому что пуста». Вотъ въ этомъ опять онъ значительно отличался отъ Рудина, который, за множествомъ словъ, принимаемыхъ за дѣла, такъ долго не сознавалъ своей пустоты. Въ этомъ случаѣ Лаврецкому, можетъ быть, помогла та честная плебейская его кровь, на которую указывалъ ему Михалевичъ, т. е., помогло, надо полагать, участіе, которое онъ, ради матери, долженъ былъ съ дѣтства питать къ народу съ трудовой его долей, участіе, невольно растворявшееся тѣмъ уваженіемъ къ труду, которое должно было его заставлять краснѣть при мысли о собственномъ ничего недѣланіи. Съ другой уже чисто физической стороны, честная плебейская кровь сказалась у Лаврецкаго тою здоровой натурою, въ силу которой онъ ни мало не измѣнился не смотря на невзгоды, чѣмъ, какъ извѣстно, просто оскорбилась нервозная его родственница Марья Дмитріевна, привѣтствовавшая его, разъѣхавшагося съ женой, словами: «Видно тебѣ все, какъ съ гуся вода; иной бы съ горя зачахъ, а тебя еще разнесло». Но Лаврецкаго постигаютъ новыя испытанія. Полюбивъ Лизу, онъ, прочитавъ въ газетахъ о смерти жены, начинаетъ считать возможнымъ соединить свою участь съ участью этой дѣвушки, но сперва встрѣчаетъ отпоръ въ ея собственной, болѣзненно-чуткой совѣсти, а потомъ попадаетъ въ положеніе, уже совершенно безвыходное, узнавъ, что слухъ о смерти жены былъ ложенъ. Но и въ этомъ безвыходномъ положеніи нравственною опорою служитъ ему—опять-таки мысль о плебейской его родинѣ. «Предъяви-же, говоритъ онъ самому себѣ, свои права

на полное истинное счастье! Оглянись—кто вокругъ тебя блаженствуетъ, кто наслаждается? Вонъ мужикъ ѣдетъ на косьбу? Можетъ, онъ наслаждается своею судьбою?» Или вспомните о томъ, какъ отправляется Лаврецкій туда, гдѣ находитъ укрѣпленіе Лиза — въ церковь, и какъ въ той-же церкви его поражаетъ крестьянинъ, молящійся съ невыразимымъ усердіемъ; припомните и вопросъ Лаврецкаго: что съ нимъ? и данный скороговоркою отвѣтъ, пугливо и сурово отшатнувшагося мужика: «сынъ померъ», вслѣдъ-же за тѣмъ и попытку молиться самого Лаврецкаго. Во всемъ этомъ онъ, разумѣется, нисколько уже не походитъ на Рудина: Лаврецкій не только не рисуется своимъ горемъ, не только не ублажаетъ себя воображеніемъ, что я-де стоически твердъ, но напротивъ коритъ себя въ малодушіи. При этомъ онъ доходитъ даже до того, что, взглянувъ на портретъ свирѣпаго прадѣда своего Андрея, читаетъ въ его взглядѣ какъ-бы презрѣніе къ хилому своему потомку. Но все таки, въ самыхъ этихъ укоризнахъ себѣ, въ самой этой готовности оглянуться вокругъ, на народъ, на самомъ дѣлѣ не оказывается какого-либо зародыша настоящей мужской силы, такой силы, которая бы сдѣлала его наконецъ человѣкомъ не слова, а дѣла. Въ сущности онъ и тутъ попадаетъ въ рудинство въ томъ смыслѣ, что только говоритъ, и, пожалуй, думаетъ о народѣ, но чтобъ отдѣлаться отъ жены, не задумывается снабжать ее трудовыми крестьянскими деньгами для веселаго проживанія въ Парижѣ. Точно такъ-же, совершенно по рудински, избѣгая тяжелыхъ впечатлѣній и постоянныхъ, опредѣленныхъ (а не измышляемыхъ только) заботъ, онъ не рѣшается отнять у жены своей до-

чери, съ тѣмъ чтобы самому ее воспитать, а оставляетъ ее на жертву—подобной матери! Во многихъ отношеніяхъ, по видимому, вполнѣ возрожденнымъ представляется намъ Лаврецкій въ эпилогѣ». Но это возрожденіе, по мнѣнію г. Миллера, далеко не охватило собою всего существа Лаврецкаго; въ сущности, въ немъ уцѣлѣлъ еще «ветхій человѣкъ». «Посреди многолюднаго Божьяго міра продолжаетъ г. Миллеръ— онъ считаетъ себя одинокимъ; думаетъ только о *догораніи* жизни, большая часть которой осталась дѣйствительно вполнѣ безполезной, такъ что слѣдовало бы наверстывать, а онъ уже усталъ, охладѣлъ къ труду, еще такъ недавно принявшись за трудъ! Вотъ и опять тутъ сказалось барство со всѣмъ его сибаритствомъ и пустоцвѣтствомъ! Нѣтъ Лаврецкій не есть еще настоящій человѣкъ, *дѣла* и *почвы*; въ немъ нѣтъ еще настоящей *силы*».

Выходка Лаврецкаго противъ канцелярски просвѣтительныхъ затѣй Паншина, состоящая въ отстаиваніи молодости и самостоятельности Россіи, дала поводъ, по словамъ г. Миллера, нѣкоторымъ критикамъ признавать въ Лаврецкомъ славянофила, «почувствовавшаго, какъ и многіе, на собственномъ примѣрѣ всю пагубу такъ называемой *безпочвенности*. Но не надо забывать, что выходка Лаврецкаго противъ Паншина вызвана, главнымъ образомъ, желаніемъ уничтожить его въ глазахъ Лизы, инстинктивно сочувствующей всему народному. Въ сущности Лаврецкій довольно далекъ отъ того, чтобы сдѣлаться настоящимъ славянофиломъ; напротивъ, въ немъ до конца сохраняется отпечатокъ чего-то рудинскаго (хотя не надобно забывать, что есть и между такъ называемыми сла-

вянофилами своего рода Рудины: стоитъ только вспомнить въ «Запискахъ Охотника» Любознонова). Во всякомъ случаѣ, воспитаніе Лаврецкаго было, какъ онъ самъ отзывается, совершенно безпочвенно. Хотя и *плебей* по матери. онъ былъ искусственно высиженъ въ «дворянскомъ гнѣздѣ».

[1]) Энергическое управленіе своимъ внутреннимъ міромъ—вотъ единственная доблесть Лаврецкаго, не имѣющаго иной доблести. Этимъ онъ отличается отъ всѣхъ литературныхъ типовъ 20-хъ и 30-хъ годовъ нашего столѣтія, отъ Чацкихъ, Онѣгиныхъ и Печориныхъ.

ЛИЗА.

[2]) Лиза—въ высшей степени симпатическій и замѣчательный типъ современной образованной дѣвушки (провинціальной барышни). Она привлекательна, какъ и Татьяна Пушкина, но превосходитъ Татьяну своимъ цѣльнымъ нравственнымъ характеромъ. Лиза не могла получить отъ своей пустой сантиментальной матери никакого солиднаго воспитанія. Училась она усидчиво: «безъ труда ей ничего не давалось», говоритъ авторъ. Существо сосредоточенное, свѣтлое, отчасти восторженное, Лиза выросла подъ сильнымъ вліяніемъ своей няни. Разсказы няни о мученикахъ и подвижникахъ глубоко запали ей въ душу и воспитали въ ней глубокое религіозное чувство. Оно-то по-

---

[1]) Анненковъ («Воспом. и критич. очерки», отд. 2 и Русск. Вѣст.» 1859 г. № 16).

[2]) Евстафіевъ. («Новая русск. литер.»).

томъ проникло собою всѣ ея стремленія и поступки....
Въ своей замкнутой семьѣ Лиза, конечно, не могла получить ни малѣйшаго знанія людей. Ея нравственное чувство служило ей единственнымъ руководителемъ и оберегателемъ во всѣхъ сношеніяхъ съ людьми. Благодаря этому чувству, она не потерялась въ пустотѣ окружающей жизни. Среди этой пустоты она какъ будто предчувствовала, или угадывала иной, лучшій порядокъ вещей и удивительно строго и твердо прошла своимъ путемъ между людьми, чужими ей и по мыслямъ, и по развитію. Въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ жизни Лиза руководствуется все тѣмъ же нравственнымъ чувствомъ: оно подсказываетъ ей, что дѣлать. Когда Варвара Павловна разрушила ея надежду на счастье, Лиза говоритъ Лаврецкому: «теперь вы видите сами, что счастье зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога.» Тутъ, правда, не видно рѣшимости сопротивляться враждебнымъ вліяніемъ и стараться побѣдить ихъ; но недостатокъ энергіи вознаграждается глубокимъ самоотверженіемъ Лизы. Она любитъ, страдаетъ, переноситъ нравственныя потрясенія съ истиннымъ геройствомъ, не входитъ ни въ какія сдѣлки съ совѣстью. Ея счастье разбито, и вотъ какъ она говоритъ о томъ своей бабушкѣ: «все кончено; кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ не даромъ; да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло. Даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю: и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство наше нажилъ; я знаю все. Все это отмолить надо.» И затѣмъ Лиза разрываетъ связь съ жизнью дѣйствительной и запирается—какъ она го-

воритъ—навѣки. Такая рѣшимость со стороны молодой дѣвушки есть своего рода героизмъ. Нравственный образъ Лизы Тургенева далеко оставляетъ за собою личность Пушкинской Татьяны, а ихъ раздѣляютъ всего 20--30 лѣтъ. Свѣтлою является Лиза въ началѣ, свѣтлою проходитъ передъ зрителемъ, черезъ всѣ степени развивающейся драмы, и такою-же свѣтлою скрывается въ монастырскую келью.

[1]) *Лиза* замѣчательна и какъ женщина вообще, и какъ русская женщина въ особенности. Существо сосредоточенное, свѣтлое, отчасти восторженное, она выросла подъ сильнымъ вліяніемъ своей няни *Агафьи Власьевны*, женщины вполнѣ русской. *Агафья* невольно напоминаетъ *Акима*, героя *Постоялаго Двора*: и въ ней и въ немъ развито до экзальтаціи религіозное чувство. Въ характерѣ русскаго человѣка глубоко замѣчательна черта *самонаказанія*, этого добровольнаго мученичества, на которое осуждаетъ себя человѣкъ за немногія радости, испытанныя имъ въ жизни, между тѣмъ какъ онъ, по природѣ своей, имѣетъ всѣ права на счастіе. На это покаяніе осуждаютъ себя всегда люди даровитые, претерпѣвшіе всевозможный гнетъ судьбы, а чаще отдѣльныхъ лицъ; вмѣсто того, чтобы ожесточаться, разражаться воплями и проклятіями, они распинаютъ самихъ себя. Повторяемъ, глубоко знаменательна эта печальная черта въ характерѣ простаго русскаго человѣка! Къ числу такихъ людей принадлежала и *Агафья*: за свою красоту, за свою добрую, любящую натуру, за свои права на счастіе она *наказалася*: результатомъ этого самонаказанія

[1]) М. Де-Пуле. («Русское Слово» 1859 г. № 11.).

было добровольно-принятый крестъ терпѣнія безконечнаго, самоуничтоженія добровольнаго. Подобная личность, немногими чертами, но мастерски очерченная поэтомъ, не могла не произвести, и дѣйствительно произвела на Лизу громадное вліяніе: религіозная восторженность, сдержанность натуры, какая-то величавая важность сообщились Лизѣ вслѣдствіе вліянія няни. «Въ каждомъ ея движеніи», говоритъ авторъ, «высказывалась невольная, нѣсколько неловкая грація: голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности, малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокій блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности (конечно, до знакомства съ Лаврецимъ), она любила одного Бога, восторженно, робко, нѣжно».

Намъ обыкновенно нравится этотъ величавый, святой образъ женщины, типъ совершенно новый въ нашей литературѣ, художественно созданный поэтомъ. Лиза не безсердечное, сухое существо: припомните ея наивное, но горячее желаніе примирить Лаврецкаго съ женою, припомните ея борьбу самой съ собою, когда она убѣдилась въ любви къ нему и ея объясненіе съ Мареой Тимофеевной по поводу все той же любви. Лиза не резонерка, а живая, русская женщина. Передъ нею какъ-то мельчаетъ разбитый образъ Лаврецкаго. Она настоящій герой драмы: на нее, слабое созданіе, сильнѣе падаютъ удары рока, на ея плечахъ легла вся тяжесть трагедіи. Невозможно ви-

дѣть безъ сердечнаго трепета, какъ выноситъ эту тяжесть бѣдная дѣвушка!

Послѣ совершившейся катастрофы, послѣ тѣхъ нравственныхъ потрясеній, которыя переноситъ Лиза съ истиннымъ героизмомъ, съ болью и воплями, хотя подавленными, но ужасными, ей остается одно—умереть; но это мало!... Ей, какъ русской женщинѣ, какъ воспитанницѣ Агаѳьи, нужно еще наказать себя, — и она *наказуется*: «Все кончено», говоритъ она Марѳѣ Тимофеевнѣ, «кончена и моя жизнь съ вами. Такой урокъ недаромъ; да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастіе ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство наше нажилъ; я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо».

Ни одинъ женскій образъ не рисовалъ Тургеневъ съ такою любовію, какъ образъ Лизы, и не одинъ не выходилъ изъ-подъ пера его такимъ оконченнымъ.

[1]) Лиза Калитина не представляетъ собою какого нибудь опредѣленнаго момента въ развитіи русской мысли; она принадлежала и принадлежитъ всему періоду застоя и даже—чему мы видимъ примѣръ въ католическихъ странахъ — можетъ идти далѣе его. Она, какъ и Татьяна, жертва ложнаго пониманія долга и ложныхъ, мистически-религіозныхъ понятій. Собственно русская особенность этихъ воззрѣній состоитъ въ томъ, что они не привиты непосредственно клерикальнымъ воспитаніемъ, а изъ древне-духовнаго аскетическаго ученія проникли въ народъ, смѣ-

[1]) М. Авдѣевъ. («Наше общество въ гер. и героин. литературы»).

шались съ его идолопоклонствомъ и, еще искаженнымъ невѣжествомъ, уже стали съ низу заражать малопросвѣщенные классы и даже были приняты нѣкоторыми болѣе честными и добросердечными, чѣмъ проницательными людьми, за существенную, да еще и уважаемую принадлежность русской народности! Мудрено-ли послѣ этого, что полуобразованная молоденькая дѣвушка становится жертвою этихъ воззрѣній, когда такой начитанный и многовидѣвшій господинъ, какъ славянофилъ Лаврецкій, не возмутился ими и не съумѣлъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на дѣвушку, показать ей всю ложь ея взглядовъ!

[1]) Лиза считаетъ покорность высшею добродѣтелью женщины; она молча покоряется, насильно закрываетъ себѣ глаза, чтобы не видать несовершенствъ окружающей ея сферы. Помириться съ этою сферою она не можетъ: въ ней слишкомъ много неиспорченнаго чувства истины; обсуживать или даже замѣчать ея недостатки она не смѣетъ, потому что считаетъ это предосудительною и безнравственною дерзостью. Потому, стоя неизмѣримо выше окружающихъ ее людей, она старается себя увѣрить, что она такая-же, какъ и они даже, пожалуй, хуже, что отвращеніе, которое возбуждаетъ въ ней зло или неправда, есть тяжкій грѣхъ, недостатокъ смиренія. При случаѣ, гдѣ только есть какая нибудь возможность, она даже готова увѣрить себя, что чужой проступокъ или чужое горе произошли по ея винѣ, что она слезами и молитвою должна загладить свое невольное, никогда даже не совершенное, но тѣмъ неменѣе, тяготѣющее надъ нею

1) Писаревъ. («Разсвѣтъ» 1859 г. № 4.).

преступленіе; ея чуткая совѣсть находится въ постоянной тревогѣ; не выработавъ въ себѣ критической способности, боясь предоставить себя своему природному здравому смыслу, избѣгая обсуживанія, которое она смѣшиваетъ съ осужденіемъ, Лиза во всякомъ движеніи своемъ, во всякой невинной радости предчувствуетъ грѣхъ, страдаетъ за чужіе проступки, упрекаетъ себя въ томъ, что замѣтила ихъ, и часто готова принести свои законныя потребности и влеченія въ жертву чужой прихоти. Она вѣчная и добровольная мученица. Личность ея получаетъ отъ этого особенную, трогательную прелесть; но ежели взглянуть на дѣло серьезно, не поддаваясь той инстинктивной симпатіи, которую внушаетъ съ перваго взгляда привлекательный образъ молодой дѣвушки, то нельзя не замѣтить, что Лиза идетъ по ложной и опасной дорогѣ. Истиннымъ можно назвать только такое развитіе, которое ведетъ насъ къ нравственному совершенству и заставляетъ насъ находить счастіе въ самомъ процессѣ самосовершенствованія. Такое развитіе должно пробуждать въ насъ потребности и въ то же время должно давать намъ средства удовлетворять этимъ потребностямъ, должно вести эти стремленія къ опредѣленной и разумной цѣли. Но ежели мы будемъ требовать отъ себя невозможнаго, ежели, во имя неправильно понятой буквы нравственнаго закона, мы постоянно недовольны собою, ежели мы постоянно будемъ тратить свою энергію на совершеніе ненужныхъ подвиговъ смиренія и самоотверженія, тогда мы только измучимъ и истомимъ себя, отравимъ себѣ самыя благородныя и невинныя радости жизни, выпустимъ изъ рукъ собственное разумное счастье и омрачимъ спокойствіе

и счастіе близкихъ людей своими добровольными и безполезными страданіями. Ежели самодовольствіе ведетъ къ умственной неподвижности, то и постоянное, фанатическое стремленіе къ недостижимому идеалу, стоящему выше человѣчества, ведетъ къ ослабленію нравственныхъ силъ, какъ неумѣренныя гимнастическія упражненія изнуряютъ физическія силы. Истинное развитіе должно вести къ равновѣсію всѣхъ силъ человѣческой души. У Лизы равновѣсіе было нарушено. Воображеніе, настроенное съ дѣтства разсказами набожной, но неразвитой няньки, и чувство, свойственное всякой женской, впечатлительной природѣ, получили полное преобладаніе надъ критическою способностію ума. Считая грѣхомъ анализировать другихъ, Лиза не умѣетъ анализировать и собственной личности. Когда ей должно на что-нибудь рѣшиться, она рѣдко размышляетъ: въ подобномъ случаѣ она или слѣдуетъ первому движенію чувства, довѣряется врожденному чутью истины, или спрашиваетъ совѣта у другихъ и подчиняется чужой волѣ, или ссылается на авторитетъ нравственнаго закона, который всегда понимаетъ буквально и всегда слишкомъ строго, съ фанатическимъ увлеченіемъ. Словомъ, она не только не достигаетъ умственной самостоятельности, но даже стремится къ ней и забиваетъ въ себѣ всякую живую мысль, всякую попытку критики, всякое рождающееся сомнѣніе. Въ практической жизни она отступаетъ отъ всякой борьбы; она никогда не сдѣлаетъ дурнаго поступка, потому что ее охраняютъ и врожденное нравственное чувство, и глубокая религіозность: она не уступитъ въ этомъ отношеніи вліянію окружающихъ, но когда нужно отстаивать свои права, свою личность, она не

сдѣлаетъ ни шагу, не скажетъ ни слова и съ покорностію приметъ случайное несчастіе, какъ что-то должное, какъ справедливое наказаніе, поразившее ее за какую-то воображаемую вину. При такомъ взглядѣ на вещи, у Лизы нѣтъ орудія противъ несчастія. Считая его за наказаніе, она несетъ его съ покорнымъ благоговѣніемъ, не старается утѣшиться, не дѣлаетъ никакихъ попытокъ стряхнуть съ себя его гнетущее вліяніе: такія попытки показались-бы ей дерзкимъ возмущеніемъ. «Мы были наказаны», говоритъ она Лаврецкому. За что? на это она сама не отвѣчаетъ; но, между тѣмъ, убѣжденіе такъ сильно, что Лиза признаетъ себя виновною и посвящаетъ всю остальную жизнь на оплакиваніе и отмаливаніе этой невѣдомой для нея и несуществующей вины. Восторженное воображеніе ея, потрясенное несчастнымъ происшествіемъ, разыгрывается и заводитъ ее такъ далеко, показываетъ ей такой мистическій смыслъ, такую таинственную связь во всѣхъ совершившихся съ нею событіяхъ, что она, въ порывѣ какого-то самозабвенія, сама называетъ себя мученицею, жертвою, обреченною страдать и молиться за чужіе грѣхи... И такъ кончается жизнь молодаго, свѣжаго существа, въ которомъ была способность любить, наслаждаться счастьемъ, доставлять счастіе другому и приносить разумную пользу въ семейномъ кругу... и какую значительную пользу можетъ принести въ наше время женщина, какое согрѣвающее, благотворное вліяніе можетъ имѣть ея мягкая, граціозная личность, еже ли она захочетъ употребить свои силы на разумное дѣло, на безкорыстное служеніе добру. Отчего-же уклонилась отъ этого Лиза? Отчего такъ печально и без-

слѣдно кончилась ея жизнь? Что сломило ее? Обстоятельства, скажутъ нѣкоторые. Нѣтъ, не обстоятельства, ответимъ мы, а фанатическое увлеченіе неправильно понятымъ нравственнымъ долгомъ. Не утѣшенія искала она въ монастырѣ, не забвенія ждала она отъ уединенной и созерцательной жизни: нѣтъ! она думала принести собою очистительную жертву, думала совершить послѣдній, высшій подвигъ самоотверженія. На сколько она достигла своей цѣли, пусть судятъ другіе. Говоря о воспитаніи Лизы, г. Тургеневъ даетъ намъ ключъ къ объясненію какъ нравственной чистоты ея убѣжденій, не потускнѣвшихъ отъ вреднаго вліянія неразвитаго общества, такъ и излишней строгости и односторонности ея взгляда на жизнь.

[1]) Въ душѣ Лизаветы Михайловны созрѣлъ и выросъ религіозно-нравственный идеалъ существованія, который не можетъ сдружиться съ тѣмъ, что представляется дѣвушкѣ въ настоящемъ и чего можетъ она ожидать въ будущемъ. Послѣ первыхъ неудачныхъ усилій помириться на чемъ-нибудь въ текущей жизни, она быстро разрываетъ съ ней всѣ связи и заключается въ монастырь... Лизавета Михайловна принадлежитъ къ семьѣ самородныхъ нравственныхъ характеровъ.

[2]) Очевидно, эта покорность и неспособность ея вести хоть какую-нибудь борьбу съ несчастіями въ жизни объясняется прежде всего всей исторіей русской женщины, ея забитостію и приниженностію. Лиза—это та-же затворница, живущая въ терему, съ

[1]) Анненковъ («Воспом. и критич. очерки», отд. 2).

[2]) Невзоровъ. («Руководящіе типы и восп. элем. въ произвед. русск. лит. послѣ Гоголя»).

тѣми-же народными взглядами и понятіями на жизнь, которыя занесены чрезъ дѣвичью въ дѣтскую и съ увлеченіемъ переданы ей тайной воспитательницей. няней Агафьей. Лиза благочестива, Лиза религіозна, но есть-ли въ ея благочестіи хоть порывы, хоть капля той *живой, дѣятельной нравственности*, къ которой призываетъ насъ христіанство? Лиза, какъ и многія другія героини Тургенева, страдаетъ самымъ узкимъ себялюбіемъ, доходящимъ до того, что для нея любовь—источникъ всего, и внѣшняго и внутренняго благополучія. Съ нею, этою любовью, она возится какъ сумасшедшая, и отъ нея погибаетъ, забывая, что здоровая, нормальная любовь женщины есть спокойное, тихое чувство, не исключающее изъ круга обязанностей женщины заботъ о развитіи своего ума, о подготовкѣ себя къ труду: придется-ли прилагать этотъ навыкъ къ труду въ семейной жизни, или внѣ оной—это все равно. Только такое воспитаніе и направленіе женщины обезпечиваетъ ея будущность, подготовляетъ ея къ разнымъ случайностямъ въ жизни, дѣлаетъ ея побѣдительницей въ борьбѣ съ ними и доставляетъ счастіе.

[1]) Лиза, такъ мило признающаяся Лаврецкому, что у нея «словъ нѣтъ,» тѣмъ самымъ уже прямо выдѣляетъ себя изъ разряда людей, зараженныхъ рудинствомъ. И если у Лизы нѣтъ *словъ*, которыми всякаго рода Рудины замѣняютъ, по большей части, *дѣла*, то водятся-ли за Лизой эти послѣднія? Лиза благочестива; но есть-ли въ ея благочестіи настоящая, дѣ-

---

[1]) Миллеръ («Объ общественныхъ типахъ въ повѣстяхъ И. С. Тургенева». «Бесѣда» 1871 г. № 11).

ятельная христіанская нравственность? «За чѣмъ оскорблять?»... «Если мы не будемъ покоряться» — вотъ тѣ коротенькія изрѣченія, въ которыхъ высказывается, конечно, скорѣе страдательный, чѣмъ дѣйствительный складъ ея міросозерцанія. Не сходясь съ умозрительнымъ, въ своемъ родѣ, пониманіемъ христіанства Лаврецкимъ, Лиза находитъ, что «христіаниномъ надобно быть не для того, чтобы познавать небесное тамъ, земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть». Тутъ уже прямо звучитъ даже себялюбивая струнка въ ея благочестіи: христіанство оцѣнивается лишь какъ средство *спастись*, пріютить за гробомъ свою душу, *собственную свою* душу. Такимъ образомъ, если тутъ приносятся жертвы, то вовсе не ради другихъ людей, а просто земными низшими выгодами жертвуется тутъ высшимъ—небеснымъ, но все-же *своимъ личнымъ* выгодамъ. Послѣ этого совершенно особый смыслъ получаетъ и то, что Лиза любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога—восторженно, робко, нѣжно, т. е., она любила его, какъ виновника ея будущаго блаженства на небѣ. Рѣшившись идти въ монастырь, она лишь вполнѣ отдавалась предмету своей высшей страсти. Только по видимому примѣшивалась тутъ забота и о другихъ, о земной братіи, безъ любви къ которой, по ученію настоящаго, дѣятельнаго христіанства, мы не можемъ любить и Бога. «Я все знаю, говоритъ она, и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство наше нажилъ»... Но напрасно ждешь послѣ этого, что она захочетъ употребить это, такъ неправо нажитое, богатство на пользу ближнимъ и такимъ образомъ на дѣлѣ загладить грѣхи

отца... Эти послѣдніе тревожатъ ее не потому, что отъ нихъ приходилось, а отъ послѣдствій ихъ еще и теперь приходится плохо очень и очень многимъ людямъ; грѣхи отца тревожатъ ее потому, что отъ нихъ можетъ сдѣлаться плохо *его* душѣ. «Все это отмолить, отмолить надо», говоритъ Лиза; и такъ, только отмолить — ради его самого, а не залѣчить, сколько возможно, своею братолюбивою дѣятельностію тѣ глубокія раны, которыя онъ наносилъ другимъ. Такимъ образомъ и въ Лизѣ не видимъ мы силы дѣятельной, какъ не видѣли и настоящей любви, и при неимѣніи «словъ», она въ своемъ родѣ рудинствуетъ.

ПАНШИНЪ.

[1]) Паншинъ—тоже живой и въ своемъ родѣ замѣчательный новый русскій типъ. Тургеневъ яркими красками изобразилъ этого героя. Паншинъ — совершеннѣйшій представитель той полуобразованности, той внѣшней отдѣлки, которая иногда такъ пріятно бросается въ глаза. У него всевозможные таланты: онъ живописецъ, музыкантъ, чиновникъ, ораторъ, берейторъ свѣтскій человѣкъ; но все это въ такой лишь степени, сколько нужно, чтобы занимать, тѣшить людей и никогда не приносить имъ ни духовной, ни вещественной пользы. Чтобы приносить пользу, нужно дѣло, призваніе къ дѣлу. Всякое дѣло требуетъ участія души, а всѣ душевныя силы Паншина обращены исключительно къ самому себѣ. Впрочемъ, Пан-

[1]) П. Евстафіевъ («Новая русская литература»).

шинъ можетъ, пожалуй, играть даже и хорошаго человѣка; но игра эта будетъ натуральна только до тѣхъ поръ, покуда ничто не затронетъ его мелкихъ страстей. Тогда тотчасъ выступитъ наружу его пустая, безсердечная натура, отполированная только снаружи. Для людей ограниченныхъ Паншинъ кажется героемъ, представителемъ столичнаго просвѣщенія. Передъ нимъ, напримѣръ, чуть не благоговѣетъ мать Лизы и считаетъ его прекрасной *партiей* для своей дочери. Честный старикъ Леммъ думаетъ о немъ иначе: «Лизавета Михайловна—говоритъ онъ—дѣвица справедливая, серьезная, съ возвышенными чувствами; она можетъ любить одно прекрасное, а онъ не прекрасенъ: то есть душа его не прекрасна... онъ... онъ дил-леттантъ, однимъ словомъ». Это значитъ: человѣкъ, который всего нахваталъ изъ книгъ, обо всемъ толкуетъ заносчиво и рѣзко; ни къ чему души не прилагаетъ, ни въ чемъ искренно не убѣжденъ. Когда Лаврецкій спокойно и благородно разбилъ его въ спорѣ на всѣхъ пунктахъ и обличилъ свѣтскаго болтуна, старушка Марѳа Тимоѳеевна украдкой потрепала своего Ѳедю по щекѣ, лукаво прищурилась и нѣсколько разъ покачала головой, приговаривая: «отдѣлалъ умника, спасибо!» Вообще авторъ не скупится на острыя и сердитыя изобличенія напускной важности, тщеславія и самодовольства этого героя. Не безъ умысла Тургеневъ поручаетъ именно Марьѣ Дмитріевнѣ, т. е. самой пустой госпожѣ, выразить похвалу достоинствамъ Паншина: «вотъ какой умный чиловѣкъ у меня бесѣдуетъ». Въ этой-же главѣ, именно XXXIII, авторъ какъ будто подъ вліяніемъ негодованія на изображаемый типъ, самъ прерываетъ сцену разговора

дѣйствующихъ лицъ и уже отъ своего собственнаго лица дорисовываетъ характеръ Паншина. И въ этой дорисовкѣ авторъ тороплив и самъ какъ будто раздраженъ. Тутъ попадаются о Паншинѣ такія слова: «говорилъ красиво, но съ тайнымъ озлобленіемъ» — возражалъ раздражительно и рѣзко,—«занесся наконецъ до того, что, забывъ свое камеръ-юнкерское званіе и чиновничью карьеру, назвалъ Лаврецкаго» и т. д. Подъ конецъ же сцены, опять устами Марьи Дмитріевны, авторъ произноситъ «une nature poétique, конечно, не можетъ пахать... et puis, вы призваны, Владиміръ Николаевичъ, дѣлать все en grand». Этимъ сарказмомъ авторъ совершенно уничтожаетъ заносчивость говоруна.

[1]) Паншинъ не служитъ никакому дѣлу, не преданъ никакой идеѣ, не выработалъ себѣ никакого твердаго, дорогаго убѣжденія; прожить весело и спокойно, нравиться окружающимъ людямъ, рисоваться передъ ними разнообразными дарованіями и чистотою нравственныхъ правилъ, возбуждать ихъ изумленіе и благоговѣніе вычитанною и кстати приведенною мыслію и, наконецъ, путями всѣхъ этихъ разнородныхъ, пустыхъ, но въ сущности безгрѣшныхъ успѣховъ достигнуть подъ старость высокаго чина и обезпеченнаго состоянія—вотъ цѣль Паншина въ жизни, и этой цѣли онъ навѣрное достигнетъ, потому что онъ человѣкъ умный, не настолько безнравственный или смѣлый, чтобы оскорбить какою нибудь продѣлкою даже самое чуткое общественное мнѣніе, и не настолько

---

[1]) Писаревъ. («Разсвѣтъ» 1859 г. № 4).

благородный и пылкій, чтобы всею душою принять какое нибудь убѣжденіе и во имя этого убѣжденія пожертвовать карьерою и временными выгодами. Паншинъ—сухой человѣкъ, примѣняющій и общія идеи, и высшія стремленія къ мелкимъ выгодамъ своего *я*, но въ то же время тщательно скрывающій отъ всѣхъ другихъ свой узкій эгоизмъ. Онъ драпируется и постоянно играетъ роль. То онъ является государственнымъ человѣкомъ, заботящимся о нуждахъ народа и горячо принимающимъ къ сердцу все, что можетъ упрочить его благосостояніе и содѣйствовать его развитію. Въ этомъ случаѣ его пылкія и, повидимому, вдохновенныя рѣчи отличаются преобладаніемъ общихъ мѣстъ и незнаніемъ истиннаго дѣла, незнаніемъ народнаго характера и народной жизни. То онъ прикидывается художникомъ, умно говоритъ о Шекспирѣ и Бетховенѣ, съ чувствомъ поетъ, съ видомъ знатока кладетъ широкіе штрихи на единственный ландшафтъ, который рисуетъ во всѣхъ альбомахъ знакомыхъ дамъ и дѣвицъ. Здѣсь Леммъ, истинный художникъ по чувству и спеціалистъ своего дѣла по знаніямъ, прямо угадываетъ его неискренность и смѣло говоритъ, что онъ неспособенъ вѣрно понимать и глубоко чувствовать. То Паншинъ просто является добрымъ, откровеннымъ малымъ, у котораго нѣтъ ни затаенной мысли, ни разсчета, человѣкомъ, увлекающимся минутными порывами, поддающимся мимолетнымъ впечатлѣніямъ и способнымъ, по живости и безпечности характера, надѣлать глупостей и поставить себя въ затруднительное и неловкое положеніе. Тутъ притворство его обнаруживается тѣмъ, что онъ, являясь на словахъ добрымъ и простымъ малымъ, на дѣлѣ держитъ себя са-

мымъ политическимъ образомъ. Онъ шутитъ, фамильярничаетъ, позволяетъ себѣ вольности, но настолько, насколько можно; онъ никогда не забывается. Шутки его иногда оскорбляютъ личности: но онъ шутитъ только съ беззащитными людьми, съ тѣми, кто стоитъ ниже его, или съ тѣми, кто не пойметъ ироніи и приметъ ее за чистую монету. Нельзя сказать, чтобы Паншинъ постоянно сознательно лгалъ, играя свои роли: онъ самъ увѣренъ, что онъ и артистъ, и администраторъ, и славный малый. Потому онъ чрезвычайно доволенъ всею своею особою вообще и каждымъ изъ своихъ прекрасныхъ качествъ въ особенности; онъ актеръ, увлекающійся своею ролью и забывающій дѣйствительность. Дѣйствительности своей онъ собственно и не знаетъ: вѣчно рисуясь и передъ другими, и передъ собою, онъ не успѣлъ возвыситься до безпристрастнаго размышленія надъ самимъ собою и никогда не задавалъ себѣ существеннаго вопроса: чѣмъ онъ долженъ быть и что онъ на самомъ дѣлѣ? На самомъ дѣлѣ Паншинъ человѣкъ одного разбора съ Молчалинымъ («Горе отъ ума») и Чичиковымъ («Мертвыя Души»); онъ приличнѣе ихъ обоихъ и несравненно умнѣе перваго. Поэтому, чтобы достигнуть тѣхъ же цѣлей, къ которымъ идутъ и Молчалинъ, и Чичиковъ, чтобы далеко обогнать того и другаго, Паншину не нужно будетъ ни ползать, ни мошенничать: достаточно будетъ улыбнуться въ одномъ мѣстѣ, сказать ловкую фразу въ другомъ, почтительно выслушать нелѣпое разсужденіе въ третьемъ, прикинуться рыцаремъ чести въ четвертомъ — и на избранника судьбы широкою рѣкою польются земныя блага. Чичиковъ и Молчалинъ мелкіе торгаши, оттого къ нимъ

и прилипаетъ грязь ихъ ремесла: Панинъ промышленникъ большой руки, и потому онъ останется бариномъ и честнымъ человѣкомъ, не по убѣжденію, а потому, что оно и выгодно, и спокойно. По внутреннимъ свойствамъ души, онъ ничѣмъ не лучше обоихъ своихъ предшественниковъ, цѣль въ жизни у нихъ одна; все различіе заключается только во внѣшнемъ образованіи, да во внѣшней обстановкѣ. Такихъ людей формируетъ наше общество, оно воспитываетъ ихъ съ малыхъ лѣтъ въ своихъ салонахъ или канцеляріяхъ; оно потворствуетъ имъ своимъ благоволеніемъ и позволяетъ имъ достигнуть желанной цѣли, ежели они идутъ къ ней осторожно и прилично, не производя скандала и не марая себя вопіющею безнравственностію. Въ романѣ Тургенева Панинъ представленъ въ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ минутъ своей жизни: онъ любитъ достойную дѣвушку. Чувство, повидимому, очень благородное, но тутъ надо принять въ соображеніе три обстоятельства:

1) Онъ любитъ дѣвушку очень богатую, дѣвушку, которая во всѣхъ отношеніяхъ представляется ему приличною, почти блестящею партіей.

2) Онъ продолжаетъ рисоваться передъ любимою дѣвушкою во все продолженіе романа: онъ рисуется торжественною важностію, когда дѣлаетъ предложеніе, рисуется мрачнымъ спокойствіемъ, когда впослѣдствіи получаетъ отказъ. Чувство во все продолженіе дѣйствія не вызвало у него ни одного живаго, задушевнаго, нерасчитаннаго слова.

3) Онъ не понималъ и не зналъ любимой дѣвушки: разговоръ ихъ вертѣлся въ общихъ сферахъ музыки, живописи, поэзіи. Онъ говорилъ о нихъ какъ дилле-

тантъ и свѣтскій человѣкъ. Она слушала его равнодушно и отвѣчала прилично, потому что въ разговорѣ не было одушевленія, не было и откровенности. Зная одну наружность дѣвушки и довольствуясь этимъ знаніемъ, онъ не могъ любить сильно; въ тотъ самый день, когда неблагопріятно рѣшилась его судьба, онъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ пѣлъ, игралъ въ карты и велъ пустой разговоръ съ женщиною, не заслуживавшею ни уваженія, ни сочувствія развитаго человѣка. Вотъ каковъ Паншинъ!

[1]) Если Паншинъ вообще даровитъ, если въ немъ замѣтна своего рода художническая струя, то она вѣдь остается совсѣмъ не согрѣтою хотя-бы чѣмъ-нибудь похожимъ на увлеченіе. Другая, рѣшительно перевѣшивающая сторона Паншина, сторона чиновническая, способность его являться *исполнителемъ*, при надеждѣ со временемъ стать министромъ, окончательно отличаетъ его какъ отъ Михалевича, такъ и отъ Рудина. За то уже рѣшительное сходство съ послѣднимъ обнаруживается въ немъ въ то время, когда онъ услаждаетъ себя ораторствованіемъ. И при этомъ подъ нимъ точно также не оказывается почвы, онъ точно также не знаетъ Россіи, хотя, на бѣду, онъ не ограничивается однимъ составленіемъ плановъ, но, какъ чиновникъ, имѣетъ или будетъ имѣть возможность и на самомъ дѣлѣ мудрить, производить опыты надъ живымъ тѣломъ народа русскаго. Если вѣрно Лежневское объясненіе «пустоты» Рудина тѣмъ, что онъ космополитъ, а «космополитизмъ»—нуль или хуже

---

[1]) О. Миллеръ. («Бесѣда» 1871 г. № 11).

нуля, *) то тѣмъ-же самымъ космополитизмомъ одержимъ и Паншинъ; только онъ, какъ космополитъ чиновникъ, къ сожалѣнію, не нуль, а скорѣе тотъ пушкинскій живописецъ—варваръ, который чертитъ свой беззаконный рисунокъ поверхъ самородныхъ созданій народнаго творчества, и чертитъ его такъ безцеремонно, что понадобилось-бы не мало усилій, чтобы стереть всю эту мазню. «Россія отстала отъ Европы, говоритъ Паншинъ, нужно подогнать ее... Мы больны оттого, что только на половину сдѣлались европейцами; чѣмъ мы ушиблись, тѣмъ и лечиться должны»... И вотъ онъ, съ цѣлой стаей другихъ, намѣренъ приняться за такое леченіе—изъ, конечно, даже не прекраснаго «далека» своей канцеляріи. Чисто чиновничій характеръ предполагаемаго Паншинымъ лѣченія сказывается въ слѣдующихъ его словахъ: «Всѣ народы въ сущности одинаковы, вводите только хорошія учрежденія, и дѣло съ концомъ!»... «Пожалуй, дѣлаетъ онъ уступку, можно приноравливаться къ существующему народному быту,» но кто не знаетъ, какъ мало можно полагаться на эту бюрократическую готовность только *приноравливаться*?

[1]) Сказать, что Паншинъ—человѣкъ теоріи, мало. И Рудинъ—нѣкоторымъ образомъ человѣкъ теоріи, и душу самого Лаврецкаго подчинили себѣ теоріи въ извѣстныхъ, по крайней мѣрѣ, пунктахъ. Паншинъ—тотъ *дѣятельный* человѣкъ, тотъ реформаторъ съ высоты чиновническаго воззрѣнія, тотъ нивелеръ, вѣ-

*) Т.-е. космополитизмъ не въ смыслѣ братской общительности со всѣми народами, а въ смыслѣ народной безхарактерности, незнанія собственной почвы, не имѣнія, въ нравственномъ смыслѣ, ни кола, ни двора.

[1]) А. Григорьевъ. (Сочиненія А. Григорьева).

рующій въ отвлеченный законъ, въ отвлеченную справедливость, который равно противенъ нашей русской душѣ, явится-ли онъ въ исполненной претензій комедіи графа Соллогуба въ лицѣ Надимова, въ больномъ ли созданіи Гоголя въ лицѣ Констанжогло, въ посягающихъ-ли на лавреатство драматическихъ произведеніяхъ г. Львова, или въ блестящемъ произведеніи любимаго и уважаемаго таланта, каковъ Писемскій, въ лицѣ Калиновича.

Отношеніе Тургенева къ этой личности—совершенно правильное и законное, но самая личность и недодумана и недодѣлана. Паншинъ — великолѣпенъ, когда онъ покровительственно любезничаетъ съ Гедеоновскимъ, великолѣпенъ въ сценахъ съ Лизою, великолѣпенъ, когда онъ граціозно играетъ въ пикетъ съ Марьей Дмитріевной, великолѣпенъ въ разговорахъ съ Лаврецкимъ: однимъ словомъ, всѣ наружныя стороны его личности отдѣланы художественно, но внутренно онъ долженъ былъ быть захваченъ и шире и крупнѣе. Вѣдь онъ реформаторъ (пусть, вмѣстѣ съ тѣмъ и Иванъ Александровичъ Хлестаковъ въ сущности); онъ долженъ былъ совмѣстить въ себѣ цѣлый рядъ подобныхъ реформаторовъ, приглядясь къ дѣятельности которыхъ, люди жизни, люди съ широкими мечтами и планами, кончаютъ привязанностію къ почвѣ, смиреніемъ передъ народною правдою; онъ долженъ былъ войдти въ картину такъ рельефно, чтобы видно было и то, какимъ путемъ онъ развился. А то, что мы о немъ знаемъ?.. Ничего, кромѣ такихъ чертъ, которыя рисуютъ просто пустого и просто внѣшняго, безсодержательнаго человѣка, да и въ этихъ немногихъ чертахъ нѣкоторыя совершенно фальшивы...

Вы остаетесь въ нѣкоторомъ недоумѣніи, что именно хотѣлъ сказать Тургеневъ фигурою своего Паншина, и какими сторонами натуры оттѣняетъ Паншинъ лицо Лаврецкаго? Тѣмъ-ли, что онъ натура чисто внѣшняя, внѣшне-даровитая, внѣшне-блестящая и т. д., въ противоположность искренней и съ виду далеко неблестящей личности главнаго героя? Тѣмъ-ли, что онъ одна изъ общихъ истертыхъ фигуръ свѣтскихъ героевъ, въ родѣ героевъ повѣстей графа Соллогуба и вообще повѣстей сороковыхъ годовъ? Или, наконецъ, тѣмъ, что онъ — холодная теоретическая натура, въ противуположность жизненной натурѣ Лаврецкаго?... Провести въ Паншинѣ идею теоретической чистоты и отвлеченности у Тургенева не доставало послѣдовательности. А не доставало этой послѣдовательности только потому, что къ самому Лаврецкому нѣтъ у него окончательно ясныхъ отношеній.

ВАРВАРА ПАВЛОВНА ЛАВРЕЦКАЯ.

[1]) Варв. Павл. Лаврецкая — совершенная противоположность Лизы въ нравственномъ отношеніи. Это типъ другого рода. Трудно представить себѣ существо съ болѣе заманчивой внѣшностью и съ большимъ нравственнымъ безобразіемъ. Въ ней соединились: и молодость, и красота, и грація, и остроуміе, и нѣкоторый блескъ образованія; но всѣ эти качества составляютъ, къ несчастью, только одинъ щегольской покровъ духовнаго убожества. Подъ изящной внѣшностію La belle madame de Lavrezky, какъ ее величали

[1]) Н. Евстафіевъ. («Новая русская литература»).

въ модномъ парижскомъ свѣтѣ, скрываются самыя низкія страсти. Для нея всякія благородныя человѣческія стремленія: трудъ, честь, наука, поэзія, искусство, семья общество,—все это одни пустыя слова безъ значенія. Она живетъ единственно для удовлетворенія своихъ личныхъ страстей и прихотей. Наглость, лицемѣріе, самый сухой эгоизмъ,—все это она считаетъ средствами дозволенными, когда они ей нужны: въ ней не воспитано *никакихъ* добрыхъ, честныхъ правилъ жизни. Поэтому она ничѣмъ нравственно и не стѣсняется; силы ея не имѣютъ нравственнаго руководителя; она ими пользуется смѣло и рѣшительно для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей и—въ извѣстномъ кругу людей—всегда дѣйствуетъ открыто и побѣдоносно. Въ этомъ-то именно кругу, въ Парижѣ, она заслужила себѣ характеристику: cette grande dame russe si distinguée и еще другую, для окончательной и самой *высокой* похвалы: une vraie française par l'esprit. Эта нравственно-убогая особа изображена въ романѣ съ безпощадной строгостью. Нигдѣ, ни на одну минуту, ни одной привлекательной въ характерѣ черты. Даже въ отношеніи къ своей маленькой дочкѣ, Адѣ, Варвара Павловна не обнаруживаетъ истиннаго нѣжнаго материнскаго чувства: мать заботится только, чтобы ребенокъ былъ одѣтъ всегда въ кружевахъ, какъ куколка. При всей строгости, съ какою Тургеневъ изобразилъ этотъ типъ молодой барыни (львицы) si distinguée, Варвара Павловна заслуживаетъ однако же сожалѣнія. Съ одной стороны, это—жертва извѣстной обстановки и собственной невоспитанности; съ другой стороны, это—живой урокъ для тѣхъ людей, которые ошибочно полагаютъ, будто довольно имѣть отъ при-

роды достаточно душевныхъ качествъ, чтобы и безъ воспитанія быть хорошимъ человѣкомъ, или—что никакимъ воспитаніемъ не выработаешь въ человѣкѣ нравственнаго характера, если человѣкъ ужь отъ природы не хорощъ.

¹) Торжествующій образъ Варвары Павловны нарисованъ такъ ярко у автора, что почти выходитъ изъ рамы повѣствованія и противорѣчитъ общему его колориту, выдержанному въ томномъ и нѣжномъ полусвѣтѣ. Существо, болѣе безобразное въ нравственномъ отношеніи и болѣе искушающее и раздражающее въ физическомъ смыслѣ трудно и представить себѣ. Это порожденіе особеннаго рода сборной, такъ сказать, цивилизаціи, которая по частямъ наплываетъ съ разныхъ сторонъ на человѣка, нисколько не заботясь о томъ, гдѣ она ляжетъ, на чемъ ляжетъ и какъ ляжетъ. Она только равно удаляетъ человѣка отъ народныхъ убѣжденій и отъ народныхъ предразсудковъ, отъ духовныхъ стремленій времени, и отъ его заблужденій, отъ хорошихъ и дурныхъ сторонъ общаго отечества, замѣщая все это понятіемъ о служеніи самому себѣ или даже потребностямъ своего организма, какъ у нашей львицы, подъ тѣмъ покровомъ щегольства и приличія, какія только нужны не для обузданія чужихъ страстей, а для лучшаго ихъ возбужденія, прикрытія и направленія.

²) Рѣзкость или лучше сказать недодѣланность художественнаго представленія типа Варвары Павловны,

---

¹) Анненковъ («Воспоминанія и критич. очерки», ст. 2 и «Русск. Вѣстн». 1859 г. № 16).

²) А. Григорьевъ. («Русск. Слово» 1859 г. № 8 и Соч. А. Григорьева).

есть, впрочемъ, рѣзкость только по отношенію къ Тургеневу, ибо, сравните Варвару Павловну хоть, напримѣръ, съ барыней, выведенной въ повѣсти г. Крестовскаго: «Фразы» — Варвара Павловна выиграетъ на сто процентовъ относительной мягкостью изображенія. Дѣло только въ томъ, что Варвара Павловна, какъ и Паншинъ—лица не центральныя, даже несамостоятельныя, не картины, а оттѣняющія: одинъ Лаврецкаго, другая Лизу. Дѣло все въ Лаврецкомъ и въ Лизѣ—узелъ драмы въ ихъ отношеніяхъ. Смыслъ этихъ отношеній слишкомъ ясенъ, чтобы о немъ надобно было толковать долго.

МИХАЛЕВИЧЪ.

[1]) Между выведенными въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ» типами одинъ, надо замѣтить, является, по видимому, прямо противоположнымъ Рудину. Не даромъ не только въ немъ самомъ не замѣтно барство, но и друга своего Лаврецкаго, онъ заставляетъ благодарить Бога за то, что въ жилахъ его течетъ (отъ матери) честная плебейская кровь. *) Какъ мало однако-же она помогла Лаврецкому при той барской крови, которая наслѣдована имъ отъ отца, и, главное, при томъ чисто барскомъ воспитаніи, какое онъ получилъ,— это видно изъ самыхъ упрековъ ему Михалевича. Видя, что Лаврецкій совершенно раскисъ, опустился отъ своихъ семейныхъ невзгодъ, Михалевичъ напрасно ему говоритъ: «Ты себя вправь,—на то ты человѣкъ, мущина!... Развѣ позволительно чистый, такъ

---

[1]) О. Миллеръ. («Бесѣда» 1871 г. № 11).

*) На происхожденіе Михалевича нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній у сочинителя.

сказать, фактъ возводить въ общій законъ, въ непреложное правило» (т. е. вслѣдствіе того, что пришлось обмануться въ женѣ, становиться равнодушнымъ и безучастнымъ ко всему человѣческому роду). «Ты эгоистъ—вотъ что!... Въ тебѣ нѣтъ теплоты сердечной; умъ,—все одинъ только конѣечный умъ; ты просто жалкій, отсталый волтеріанецъ» (намекъ на воспитаніе Лаврецкаго). «Нѣтъ, ты байбакъ и злостный байбакъ, байбакъ съ сознаніемъ, а не наивный»... Это послѣднее обстоятельство особенно возмущаетъ Михалевича, являющагося такимъ образомъ человѣкомъ дѣла. «И гдѣ вздумали люди обайбачиться? продолжаетъ онъ;—у насъ!... теперь!... въ Россіи! Когда на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собой!...» А что это у Михалевича не просто громкое общее мѣсто,—несомнѣнно изъ того, что слѣдуетъ далѣе. Уже совершенно опредѣленная, точно выраженная задача представляется въ совѣтѣ его Лаврецкому заняться бытомъ своихъ крестьянъ. И вотъ именно тутъ то какъ-бы съ тѣмъ, чтобы хорошенько пронять своего «злостнаго байбака,» Михалевичъ напоминаетъ ему о томъ, что самая кровь, текущая въ его жилахъ, должна бы заставить его всѣмъ сердцемъ отдаться заботамъ о своихъ крестьянахъ. А между тѣмъ съ другой стороны, тотъ же самый Михалевичъ не даромъ учился вмѣстѣ съ баричами, не даромъ хлебнулъ вмѣстѣ съ ними той отвлеченной, кажущей жизнь черезъ дымку, отуманивающей образованности, какою вскормлено было у насъ на Руси столько поколѣній. Въ силу этой-то образованности и сталъ онъ такимъ стихотворцемъ-энту-

зіастомъ, что пустѣйшая и бездушнѣйшая Варвара Павловна могла ему представиться изумительнымъ, геніальнымъ и притомъ предобрымъ существомъ, такъ что именно онъ-то и влюбилъ въ нее того самаго Лаврецкаго, котораго несчастіе она составила и которому онъ однакоже, какъ видѣли мы, читаетъ безпощадныя наставленія. Замѣчательно, что при всемъ этомъ онъ не сознаетъ и тѣни какой-либо вины за самимъ собою, и что у него станетъ духу, при свиданіи съ Лаврецкимъ, прежде всего другого, на цѣлую ночь завязать съ нимъ «одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, на которые способны только русскіе люди», *) споровъ о «самыхъ отвлеченныхъ предметахъ», но ведомыхъ такъ горячо, какъ будто бы «дѣло тутъ шло о жизни и смерти». Если обратить вниманіе на это, то Михалевичъ станетъ далеко не такъ непохожъ на Рудина, какъ оно можетъ показаться съ перваго раза. Точно также походитъ онъ на него въ ту минуту, когда, уже садясь въ тарантасъ, все еще развиваетъ свои воззрѣнія на судьбы Россіи, припутывая тутъ «религію, прогрессъ, человѣчность»; а самъ между тѣмъ всѣ надежды свои возлагаетъ на откупщика (идеализируя, по всей вѣроятности, и его, какъ Варвару Павловну), который взялъ Михалевича единственно для того, чтобы имѣть у себя въ конторѣ образованнаго человѣка. Правда, кончаетъ Михалевичъ не такъ, какъ Рудинъ. Послѣ долгихъ странствованій, онъ не только попадаетъ на настоящее свое дѣло, но и умѣетъ удержать его за собой. Получивъ мѣсто старшаго надзирателя въ казенномъ заведеніи, онъ совер-

*) Т. е. люди, получившее русское отвлеченное, не непосредственно изъ самой жизни вытекающее образованіе.

шенно доволенъ своей судьбой, а воспитанники его обожаютъ, хоть и передразниваютъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ (отецъ Лаврецкаго).

[1]) Өедоръ Лаврецкій—герой «Дворянскаго гнѣзда»—и отецъ его, Иванъ Петровичъ, оба разрознились, раздѣлились съ окружавшею ихъ дѣйствительностію—но огромная бездна лежитъ между ними. Иванъ Петровичъ, усвоившій себѣ внѣшнимъ образомъ ученіе «изувѣра Дидерота« такъ и остается на цѣлую жизнь холоднымъ, отрѣшившимся отъ связи съ жизнію—да отрѣшившимся не въ слѣдствіе какого-либо убѣжденія, а по привычкѣ и по эгоистической прихоти методистомъ. Анализъ жизни этого типическаго лица поистинѣ глубокъ у Тургенева. Поразительная правдивость анализа высказывается въ особенности въ двухъ мѣстахъ. Когда послѣ ссоры съ отцемъ и послѣ брака своего съ Маланьею, Иванъ Петровичъ уѣхалъ въ Петербургъ, онъ, по словамъ автора, «отправился съ легкимъ сердцемъ. Неизвѣстная будущность его ожидала; бѣдность, быть можетъ, грозила ему, *но онъ разстался съ ненавистной ему жизнію*, а главное—не выдалъ своихъ наставниковъ, дѣйствительно пустилъ въ ходъ и оправдалъ на дѣлѣ Руссо, Дидерота «La Declaration des droits de l'homme. Чувство совершеннаго долга, торжество, чувство гордости наполняло его душу».

[2]) Отецъ Лаврецкаго, какъ позднѣйшая формація

[1]) А. Григорьевъ. (Сочинен. А. Григорьева).
[2]) С. Венгеровъ («Русская литер. въ ея совр. представителяхъ»).

типа Лучинова, доказываетъ, что одни и тѣ-же условія, даже не въ одно и то-же время всегда влекутъ схожіе между собою результаты и мы, слѣдовательно, въ свою очередь не будемъ неправы, если, убѣдившись въ сходствѣ Лучинова съ Лаврецкимъ, предположимъ возможность подобія и окончанія ихъ жизненныхъ путей.

МАРѲА ТИМОѲЕЕВНА.

[1]) Марѳа Тимоѳеевна—превосходный типъ энергической, умной барыни—старушки. Она по природѣ любитъ въ человѣкѣ молодость и достоинство. У ней нравъ независимый. Всѣмъ она говоритъ правду въ глаза, за что и слыветъ «чудачкой.» Лизина мать не любитъ ее, но побаивается ея насмѣшекъ. За то, Лиза только съ бабушкой одной въ семьѣ и сходится до нѣкоторой степени. Она сошлась-бы съ нею еще больше, еслибъ въ бабушкѣ тоже не было кое-какихъ проявленій барскаго своеволія. Рѣчь Марѳы Тимоѳеевны суха и рѣзка; но такъ искусно выдержана эта личность авторомъ, что читатель не обращаетъ вниманія на эту внѣшнюю грубость: ему по душѣ откровенное, честное, сердечное слово старушки.

ОБЩІЙ ОТЗЫВЪ АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА О ТАЛАНТѢ ТУРГЕНЕВА ПО ПОВОДУ «ДВОРЯНСКАГО ГНѢЗДА».

Тургеневъ въ каждое новое произведеніе вноситъ цѣликомъ все свое прожитое и все свое настоящее: блестящія стороны его таланта становятся все ярче и ярче—но за то и старые недостатки остаются ста-

[1]) Н. Евстафіевъ. («Новая русская литература»).

рыми, уже милыми намъ, недостатками... Талантъ Тургенева, впечатлительный и чуткій на все, отозвавшійся на натуральную школу замѣчательнымъ разсказомъ «Пѣтушковъ» и плохою драмою «Холостякъ,» — отозвавшійся даже на драматическія пословицы и поговорки изъ жизни такъ называемаго большаго свѣта, — какъ-то женственно подчинявшійся всякому вліянію — не отозвался только на современный *чистый* натурализмъ. Это уже внѣ его рода, внѣ (но не выше) его таланта... У Тургенева выдается ярко отношеніе его богатой поэтической личности къ природѣ; живое сочувствіе къ природѣ, тонкое пониманіе ея красотъ, пониманіе человѣка развитаго, не утратившее однако — что особенно рѣдко и дорого — свѣжести непосредственнаго чувства, — дѣлаютъ его однимъ изъ высокихъ описательныхъ поэтовъ вездѣ, гдѣ касается дѣло до природы внѣшней; даже въ самыхъ неудачныхъ, самыхъ фальшивыхъ по основной мысли его произведеніяхъ, попадаются въ этомъ родѣ цѣлыя страницы — живыя, благоуханныя, истинно поэтическія. Даже близорукая и отсталая критика, отвергая въ немъ все художественное достоинство, признавала однако это достоинство, признавала въ высокой степени»... «Явно, что отношенія Тургеневскія къ природѣ отличаются отъ отношеній, напримѣръ, къ ней — чтобъ взять покрупнѣе — Пушкинскихъ, или — выбирая изъ современности — положимъ, Аксаковскихъ съ одной стороны, Майковскихъ или Гончаровскихъ съ другой; я не упоминаю о Писемскомъ, ибо въ немъ, какъ и во всѣхъ нашихъ писателяхъ, родившихся на сѣверо-востокѣ, особенно нѣжнаго сочувствія къ природѣ не обнаруживалось, и картинность, выразившаяся у Пи-

семскаго въ удивительномъ изображеніи уѣзднаго города ночью,—вовсе не то, что близость къ природѣ. сочувствіе ей. Нѣкоторое сходство еще есть между манерою Тургенева и манерой Толстаго, хотя у послѣдняго краски гуще и ярче—особенно сходство есть между манерою Тургеневскою, манерою Фета и манерою нашего друга Полонскаго...

Поэзія тургеневской манеры отличается не яркостью, не тонкостью и прозрачностью красокъ, эта поэзія не ловитъ въ природѣ яркихъ оттѣнковъ, крупныхъ явленій: напротивъ, она какъ будто съ умысломъ избѣгаетъ ихъ и ловитъ оттѣнки тонкіе, слѣдитъ природу въ тонкихъ, неуловимыхъ ея явленіяхъ, съ привязанностью ребенка къ нянькѣ, съ какимъ-то суевѣрнымъ обожаніемъ. Это—поэзія такъ называемой великорусской украйны, страны чернозема, потоваго труда земледѣльца, страны, которой самая пѣсня, потерявши размашистость и заунывную или разгульную широкость великорусской пѣсни,—еще не съ такимъ коротенькимъ мотивомъ, какъ пѣсня малороссійская, но уже стремится къ сей послѣдней—къ пѣснѣ страны, гдѣ человѣкъ почти—совсѣмъ поглощенъ природою. Это—поэзія особенной полосы, мѣстности, ея живой голосъ...

Тургеневъ, этотъ талантъ, всей высотой своей обязанный романтизму съ одной стороны и искренности съ другой, въ свою очередь не миновалъ подчиненія теоріямъ, хотя этотъ моментъ, по причинѣ особенной отрицательной черты его таланта—отсутствія рѣзкости, переходящаго даже въ отсутствіе энергіи,—никогда не выражался у него цѣлымъ рядомъ, цѣлою эпохою произведеній, а разсѣянъ во множествѣ ихъ, мелькаетъ

по мѣстамъ *даже до сего дня*. Есть два-три произведенія, въ которыхъ вліяніе теорій выразилось у него рѣзко: но отъ этихъ, чисто уже заказныхъ, не по внутреннему побужденію писанныхъ вещей, отрекся самъ Тургеневъ, какъ истинный поэтъ. Я говорю о произведеніяхъ въ родѣ «Холостяка» и «Нахлѣбника» — столь же заказныхъ (въ томъ смыслѣ, что они *заказаны* теоріями), какъ драматическія попытки Занда... Талантъ Тургенева — такъ гибокъ и мягокъ, что не только выносилъ на себѣ всѣ вѣянія эпохи, не только подчинялся теоріямъ, — онъ подчинялся даже людямъ, чисто случайнымъ повѣтріямъ. (Какъ на примѣръ такихъ произведеній А. Григорьевъ указываетъ на «*Провинціалку*» и на «*Гдѣ тонко, тамъ и рвется*.»).

Представителемъ органическаго пушкинскаго процесса во всѣхъ его фазисахъ—былъ въ нашу эпоху Тургеневъ, и вотъ въ чемъ его великое историческое значеніе. Онъ не обладалъ этимъ процессомъ, не былъ заклинателемъ стихій, какъ Пушкинъ, не былъ однимъ словомъ сознательною, т. е. геніальною силою, провидящею въ даль, захватывающею будущія грани, — но онъ, какъ высоко-поэтическая натура, отзывался на всѣ вѣянія пережитыхъ имъ эпохъ процесса, передавалъ намъ искренне весь свой внутренній міръ, и непосредственно-смѣло—вопреки мягкости поэтической натуры—доводилъ художественно всякое вѣяніе до его крайнихъ послѣдствій. На Лермонтовскій романтизмъ онъ отозвался «Тремя Портретами»; на лермонтовскія по принципу и гоголевскія по формѣ изображенія дѣйствительности въ трагически-мрачномъ или трагически-грязномъ видѣ—поэмою «*Помѣщикъ*», исполненною протеста личности и вражды къ *козлинымъ*

башмакамъ; на сентиментальный романтизмъ праваго Гегелизма—«Яшей Пасынковымъ»; на сентиментальный натурализмъ—своими драмами и превосходнымъ разсказомъ «Пѣтушковъ»; на идиллическую школу народности—«Сельской Офеліей» въ «разсказахъ Охотника»... На чисто органическій протестъ за простое, непосредственное и типовое—откликался онъ многимъ, всей своею дѣятельностію, всей борьбой съ блестящимъ, извнѣ пришедшимъ типомъ, впадая въ противорѣчія, въ крайности, то какъ «Муму» льстившія славянофильству, то какъ «Постоялый дворъ» дышавшія протестомъ. Явно мучительно переживалъ онъ всѣ эти противорѣчія и, безсознательно-женственно подчиняясь вѣяніямъ, служа ихъ органомъ, выходилъ все-таки самимъ собою, благодаря опять-таки высокопоэтической, никакимъ теоріямъ не поддающейся, натурѣ.

Анализъ дѣятельности Тургенева есть поэтому анализъ цѣлой нашей эпохи со множествомъ ея процессовъ. Другого столь полнаго ея представителя у насъ—нѣтъ. Островскій и Толстой, каждый въ своемъ родѣ—сильнѣе Тургенева, но одностороннѣе.

«НАКАНУНѢ».

(Добролюбовъ 1860 г., «Русское слово» 1860 г. (Н. К-ій), Басистовъ 1860 г.), Писаревъ 1861 г., «Современникъ» 1862 года (А. О.), «Невскій Сборникъ» 1867 г., (Александровъ), Миллеръ 1871 г., Авдѣевъ 1874 г., Венгеровъ 1875 г.).

[1]) На г. Тургенева за его произведеніе («Наканунѣ») полилось столько обвиненій и упрековъ, оно вызвало столько кривыхъ толковъ, шума и брани и въ то-же время нашло въ нѣкоторыхъ читателяхъ столько благороднаго, горячаго сочувствія, что литературная судьба этого романа можетъ считаться навсегда—упроченною. Эти толки, этотъ шумъ и крики, это ожесточенное отстаиванье нѣкоторыхъ началъ, будто-бы разрушаемыхъ г. Тургеневымъ — все это ручается за то, что въ своемъ «Наканунѣ» онъ коснулся весьма-живыхъ интересовъ нашего общества и затронулъ такіе вопросы, которымъ скоро предстоитъ уже новое разрѣшеніе, какъ всякая новость, пугающая многихъ и многихъ охранителей существующаго statu quo, облѣнившихся въ спокойномъ болотѣ рутинныхъ отношеній и до-того привыкшихъ къ гладкой обрядности жизни, что они съ ужасомъ смотрятъ на всякое свободное движеніе живой души и хотятъ увѣрить насъ, что оно грозитъ разрушеніемъ всему, на чемъ держится семейство, общество. Особенно досталось г. Тургеневу за то, что онъ осмѣлился изобразить съ сочувствіемъ дѣвушку, которая не очень уважаетъ своего отца, холодна къ матери, не увлекается солидными качест-

[1]) П. Басистовъ. («Отеч. Зап.» 1860 г. № 5.).

вами прiисканнаго ей родителями жениха—чиновника Курнатовскаго, съ отличiемъ подвизающагося на службѣ Θемидѣ—отдаетъ свое сердце и руку, не спросясь родныхъ, студенту-болгарину и—о ужасъ! разночинцу! Какой ударъ нравственнымъ, общественнымъ, патрiотическимъ и, наконецъ, сословнымъ предразсудкамъ! Какой ужасный примѣръ подаетъ Елена всѣмъ благовоспитываемымъ дѣвицамъ, которымъ заботливые родители всячески стараются внушить, вопервыхъ, вѣчную признательность къ нимъ уже за то одно, что они произвели ихъ на свѣтъ, и, вовторыхъ, неуклонное повиновенiе ихъ волѣ, хотя-бы дѣло шло о сердцѣ, которымъ никто распоряжаться не воленъ! Какое опасное противодѣйствiе всѣмъ ихъ спасительнымъ наставленiямъ, всей ихъ заботливости, съ которой они внушаютъ имъ съ шестнадцатилѣтняго возраста думать о выгодной партiи, полагая все счастiе въ нарядахъ, экипажахъ, балахъ и визитахъ!... Мнѣ случилось слышать, какъ одна маменька называла Елену «мерзавкой...» Эта маменька произносила это милое слово съ особеннымъ ударенiемъ при своей дочкѣ, которая также имѣла неосторожность влюбиться не по календарю... Нашлась такая-же маменька и въ литературѣ и разбранила Елену на чемъ свѣтъ стоитъ. Конечно, въ печати не явилось ругательствъ, неприличныхъ печати, за то какихъ преступленiй, какихъ ужасовъ не было приписано бѣдной Еленѣ!... какихъ обидныхъ эпитетовъ не надавала ей эта блюстительница нравовъ, скромно-подписавшаяся не болѣе, какъ «русской женщиной» въ газетѣ г. Павлова «Наше Время».

Впрочемъ, на обвиненiя этой госпожи превосходно

отвѣчала другая русская женщина и, послѣ ея краснорѣчивой апологіи, ничего не остается прибавить въ пользу Елены; можно только посовѣтовать всѣмъ тѣмъ, кто видитъ въ Еленѣ разрушительницу семейной нравственности, прочесть статью Евгенія Туръ *) съ должнымъ вниманіемъ. Въ этой статьѣ любительницы патріархальной жизни найдутъ, между прочимъ, и одну утѣшительную для нихъ мысль, именно: что г. Тургеневъ вовсе и не думалъ ставить своей Елены за образецъ—съ чѣмъ также нельзя не согласиться.

¹) Повѣсть г. Тургенева «Наканунѣ,» въ которой авторъ, какъ будто покончивъ съ типами доселѣ имъ любимыми, пытается создать новыхъ людей, ожидаемыхъ обществомъ, встрѣчена была такими разнообразными толками и противорѣчащими сужденіями, какими не сопровождалось ни одно изъ его произведеній, хотя критика не успѣла еще разработать этотъ типъ—намекъ, представленный г. Тургеневымъ, не успѣла еще освоиться съ нимъ. Большинство осталось положительно недовольнымъ этимъ болгаромъ Инсаровымъ, увлекшимъ русскую дѣвушку, на которую авторъ потратилъ все богатство своего поэтическаго творчества, для которой не пожалѣлъ ни красокъ, ни любви. Одни негодовали на то, что этотъ пришлецъ Инсаровъ лицо очень не поэтическое, что онъ нигдѣ не выказываетъ своей дѣятельности, что дѣятельность эта, насколько она проявляется въ повѣсти, очень пуста и ничтожна и что напрасно авторъ своимъ Инсаровымъ тычетъ какъ бы въ глаза такимъ

---

*) «Московскія Вѣдомости» 1860 г. № 35.

¹) Н. К—ій («Русск. Слово» 1860 г. № 5).

развитымъ, богато-одареннымъ натурамъ, каковы художникъ Шубинъ или ученый Берсеневъ. Другіе порицали автора за то, что взявъ своего новаго героя изъ Болгаріи, онъ какъ будто этимъ хотѣлъ сознаться, что земля наша велика и обильна и много производитъ прекрасныхъ личностей, а Инсаровыхъ въ ней покуда еще нѣтъ, такъ что приходится ихъ, какъ норманновъ или литовцевъ выписывать изъ-за моря. Однимъ словомъ, впечатлѣніе, произведенное новою повѣстію г. Тургенева, было больше неблагопріятно, чѣмъ благопріятно; иные, назойливые люди, доходили до убѣжденія, что авторъ подвергнулся полному fiasco и что только чудная прелесть, дѣвственная поэзія его «Первой любви», искупаетъ недостатки «Наканунѣ.» повѣсти, написанной съ неудачною тенденціею. Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Точно-ли г. Тургеневъ заслуживаетъ упрековъ и порицанія и не виновата-ли сама жизнь въ томъ, что первый встрѣчающійся въ нашей литературѣ типъ Инсарова, человѣка цѣлаго, нераздвоеннаго и не надорваннаго, человѣка, у котораго слово и дѣло сливаются въ одно, у котораго нѣтъ готовыхъ на устахъ, но никогда не примѣняемыхъ къ дѣлу фразъ, который не задумывается надъ любовью, или ненавистью, надъ долгомъ или страстію, который весь отдался великому дѣлу, совершаемому имъ безъ парада и шума, безъ реторики и кривляній, что типъ Инсарова вышелъ не вполнѣ удаченъ и неудовлетворяетъ насъ? Былъ-ли онъ въ состояніи сдѣлать изъ этого лица такой полный и опредѣленный образъ, какой представятъ намъ «Лишніе люди». Рудины e tutti quanti, эти «грызуны, гамлетики, самоѣды», какъ называетъ ихъ Шубинъ,

люди, которыхъ огромное число выкормила и похоронила русская земля, съ которыми сжился талантъ г. Тургенева? Да, виновата среда, если лицо Инсарова въ русской повѣсти кажется намъ иностраннымъ; авторъ самъ чувствовалъ неловкость своего героя, еслибъ онъ родился въ русской кожѣ, и выписалъ его изъ Болгаріи. Намъ горько и больно это обстоятельство; но дѣлать тутъ нечего и мы покорно склонимъ голову передъ неизбѣжнымъ произволомъ автора, но за то радостно привѣтствуемъ этотъ новый, невиданный до толѣ въ русской литературѣ, а слѣдовательно и жизни, образъ, какъ заждавшіеся, старѣющіе супруги привѣтствуютъ первое дитя свое, ожидаемое съ трепетомъ и молитвою.

Содержаніе «Накапунѣ» все основано на любви, составляющей паѳосъ повѣсти, въ которомъ пробуются разные характеры и гдѣ побѣдителемъ является болгаръ Инсаровъ, подчиняющій себѣ вполнѣ одинъ изъ лучшихъ женскихъ характеровъ, когда-либо созданныхъ г. Тургеневымъ. До сихъ поръ, женщины г. Тургенева стояли гораздо выше мужчинъ; теперь онъ повидимому ставитъ своего новаго героя выше этой Елены... Разладъ, который вносится въ русскую жизнь, появленіемъ Инсарова въ повѣсти Тургенева, очень естественно долженъ былъ привести нѣкоторыхъ критиковъ къ обвиненію его въ томъ, что онъ сошелъ съ настоящей своей дороги, что онъ въ ущербъ своему таланту, сталъ «увлекаться философскими воззрѣніями на жизнь», что идея повѣсти «въ состояніи сбить съ толку весьма многихъ не утвердившихся еще во взглядѣ на личные характеры и общественныя отношенія, который служитъ основаніемъ истинной прав-

ственной философіи». Таково, по крайней мѣрѣ, содержаніе критики «Нашего Времени» (№ 9), журнала, такъ неудачно пытавшагося разрушить послѣднюю драму г. Островскаго.

¹) Увлекшись превосходнымъ, глубоко-психологическимъ анализомъ Донъ-Кихота, возбуждающимъ горячее сочувствіе къ этому міровому типу указаніемъ свѣтлыхъ его сторонъ, и встрѣтивъ—не *въ* Инсаровѣ, а *объ* Инсаровѣ—такія же черты въ «Наканунѣ», иные критики очень горячо принялись разсуждать о томъ, что для насъ прошла пора гамлетовъ: что довольно мы разсуждали; что намъ теперь нужны Донъ-Кихоты, люди дѣла, люди, способные къ самоотверженію, которые бы привели въ исполненіе то, что мы до-сихъ поръ только придумывали. До-сихъ-поръ у насъ были гамлетики, грызуны, самоѣды и проч. Теперь намъ нужны люди, герои для борьбы съ врагами внутренними, не говоруны и не рефлектеры, а практическіе дѣятели; надобно, чтобъ они всею силою души своей захотѣли уврачевать наши раны, вполнѣ отдались идеѣ общаго блага, слились съ нею своимъ существомъ, и т. п. И возможность Елены показываетъ возможность такихъ людей. Вотъ мысль новаго романа г. Тургенева! Вотъ, что хотѣлъ онъ сказать его заглавіемъ! До-сихъ-поръ мы разсуждали, сознавали извѣстныя идеи и стремленія; теперь мы *наканунѣ* людей дѣла, которые осуществятъ ихъ.

Итакъ, на г. Тургенева хотятъ взвести такую мысль, что намъ не нужно теперь ни искусство, ни наука, а нужны одни практическіе дѣятели? Уже ли онъ ска-

---

¹) П. Басистовъ. («Отеч. Зап.» 1860 г. № 5.).

залъ это? Странно, какъ эти толкователи не замѣтили, что въ той же самой повѣсти эти безсмысленные крики: «практики! практики! давайте намъ практики»! превосходно осмѣяны въ лицѣ Лупоярова, какъ снѣгъ на голову свалившагося къ Инсарову въ Венеціи.... Не безтолковой практики, безъ мысли, хочетъ г. Тургеневъ. Идея его задумана глубже. Въ лицѣ Елены онъ задаетъ вопросъ: *что* надобно дѣлать, и *какъ* дѣлать?

Литература наша не со вчерашняго дня занимается рѣшеніемъ этого вопроса и до сихъ поръ пыталась представить намъ уже нѣсколько идеальныхъ образцовъ дѣятельности. Еще г. Авдѣевъ, въ лицѣ трудолюбиваго чиновника Иванова, хотѣлъ вывести идеалъ истиннаго дѣятеля, намъ нужнаго. Тоже повторилъ г. Писемскій своимъ Калиновичемъ, но уже съ печальнымъ исходомъ, показывающимъ, что въ этомъ родѣ дѣятельности нѣсть спасенія. Г. Гончаровъ создалъ Штольца; но этотъ идеалъ вышелъ чѣмъ-то въ родѣ облагороженнаго Чичикова и не удовлетворилъ публику. Наконецъ г. Тургеневъ является съ новымъ идеаломъ—Инсаровымъ. Посмотримъ-же, много-ли онъ сказалъ этимъ лицомъ.

Если Елена выражаетъ собою протестъ противъ существующаго въ нашей жизни, то Инсаровъ, которому Елена отдаетъ преимущество передъ Шубинымъ, Берсеневымъ и Курнатовскимъ, естественно долженъ представить положительный идеалъ, взятый изъ чуждой намъ жизни, какъ несуществующій еще въ нашей дѣйствительности, но желаемый. Слѣдовательно, значеніе Инсарова должно заключаться въ контрастѣ, который укажетъ авторъ, между нимъ и представите-

лями русской дѣятельности — Шубинымъ, Берсеневымъ и Курнатовскимъ — въ главныхъ ея проявленіяхъ: наукѣ, искусствѣ, практической дѣятельности.

Мы настолько убѣждены въ сочувствіи г. Тургенева къ искусству (котораго онъ самъ служитъ однимъ изъ представителей) и къ наукѣ (которую онъ такъ прекрасно умѣлъ почтить въ лицѣ покойнаго Грановскаго), что не беремъ на себя смѣлости думать, чтобъ онъ хотѣлъ унизить ихъ въ пользу практической дѣятельности. Не думаемъ также, чтобы онъ понималъ слово «дѣятельность» такъ узко. Вѣдь и Шубинъ дѣйствуетъ: онъ надѣлалъ шуму своей Вакханкой: и Берсеневъ дѣйствуетъ: онъ обратилъ на себя вниманіе ученой публики своими дѣльными сочиненіями; и Курнатовскій дѣйствуетъ: онъ честно и добросовѣстно исполняетъ свои служебныя обязанности. Стало быть, если г. Тургеневъ и выводитъ въ Инсаровѣ контрастъ со всѣми этими лицами, то, кажется, не для того, чтобъ протестовать противъ *такой* художественной, ученой и гражданской дѣятельности, какую представляютъ собою Шубинъ, Берсеневъ и Курнатовскій.

[1]) Кромѣ фальшиваго пониманія и уродливаго построенія, въ романѣ «Наканунѣ» есть еще недоговоренность, умышленная недоконченность въ выраженіи главной идеи. Нѣтъ отвѣта на естественный вопросъ: нашла-ли Елена своего героя въ Инсаровѣ? Вопросъ этотъ очень важенъ, потому что онъ ведетъ къ рѣшенію общаго психологическаго вопроса: Что такое мечтательность и исканіе героя? Болѣзнь-ли это, порожденная пустотою и пошлостью жизни, или это

---

[1]) Писаревъ. («Русск. Слово» 1861 г. № 12.).

естественное свойство личности, выходящей изъ обыкновенныхъ размѣровъ? Есть ли это проявленіе силы или проявленіе слабости? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо было создать для Елены самыя благопріятныя обстоятельства и тогда въ картинахъ и образахъ показать намъ: счастлива-ли она или нѣтъ? А тутъ, что такое? Инсаровъ скоропостижно умираетъ: да развѣ это рѣшеніе вопроса? Къ чему эта смерть, обрывающая романъ на самомъ интересномъ мѣстѣ, замазывающая черною краскою неоконченную картину, и избавляющая художника отъ труда отвѣчать на поставленный вопросъ? Но, можетъ быть, Тургеневъ и не задавалъ себѣ этого вопроса? Можетъ быть, для него центромъ романа была не Елена, а былъ Инсаровъ? Тогда остается только пожалѣть, что въ плохомъ дидактическомъ романѣ, похожемъ на Обломова по идеѣ, встрѣчается такъ много такихъ великолѣпныхъ частностей, какъ, напримѣръ, личности Елены, Шубина и Берсенева, дневникъ Елены, сцена ожиданія, сцены любви, и наконецъ неподражаемый Уваръ Ивановичъ.

[1]) Въ «Наканунѣ» семейныя рамки раздвигаются. На первомъ планѣ рисуется передъ вами женщина, мечтающая не о такомъ только героѣ, который, растаявши въ любви, осыпалъ бы ее золотымъ дождемъ. Такихъ героевъ встрѣчаетъ Елена Николаевна на каждомъ шагу. Берсеневъ и Шубинъ готовы броситься въ Этну, чтобы осчастливить ее; но такое счастье кажется ей приторнымъ, мелкимъ и жалкимъ: она мечтаетъ о какой-то иной жизни, полной дѣятельнаго

[1]) Алкандровъ (псевдонимъ) «Невскій Сборникъ» 1867 г.

добра... Она мечтаетъ о такомъ героѣ, съ которымъ она пойдетъ рука объ руку и будутъ они дѣлать великое дѣло. Такимъ героемъ является Инсаровъ. Его живой энтузіазмъ, его увлеченіе не одною личною любовью къ героинѣ, но и любовью къ родинѣ, наконецъ увлеченіе Елены имъ въ силу его общественнаго энтузіазма—все это представляется чѣмъ-то новымъ, неслыханнымъ и невиданнымъ въ прежней дѣятельности г. Тургенева. Казалось, съ этой повѣсти начнется поворотъ въ дѣятельности г. Тургенева, вмѣстѣ съ вѣнкомъ, и г. Тургеневъ представитъ намъ новые типы, новыя положенія, новые вопросы... Но кто могъ думать, что подъ новою оболочкою таилась старая гниль. Эта новая оболочка, эти широкіе вопросы, которые поставлены въ основаніи повѣсти, взяты авторомъ напрокатъ и разработаны отвлеченно, безъ всякаго примѣненія ихъ къ русской жизни, безъ всякаго анализа русской жизни на основаніи ихъ. Для того, чтобы создать типъ живаго вольнаго, увлеченнаго благимъ дѣломъ, г. Тургеневъ взялъ совершенно чуждый русской жизни типъ болгара, жаждущаго освободить свою родину. Инсаровъ въ сущности ничѣмъ не отличается отъ Рудина. Его замыселъ освободить Болгарію такой-же рискованный и безумный, какъ и прорытіе фарватера Рудина, какъ и всякое подобное предпріятіе, выходящее изъ ряда мелкихъ дѣлишекъ Адуева, Штольца и прочихъ мудрецовъ вѣка сего. Рудинъ способенъ на рискованную женитьбу не менѣе Инсарова; а съ другой стороны и самъ Инсаровъ, если онъ и женился такъ отважно на Еленѣ, то это потому, что встрѣтилъ дѣвушку готовую вмѣстѣ съ нимъ дѣлать дѣло въ такую минуту.

когда дѣло было въ рукахъ, и счастье жизни Инсарова—свобода родины,—было такъ близко. Но Богъ знаетъ, женился-ли бы Инсаровъ, если-бы онъ былъ въ положеніи Рудина? Женился-бы онъ на Еленѣ послѣ Крымской войны, когда оказалось-бы, что дѣло его потеряно и Болгарія продолжаетъ находиться подъ властью турокъ? Если-же Инсаровы встрѣчаются и въ русской жизни, какъ-бы ни было ихъ мало, то почему же г. Тургеневу нужно было насиловать свое воображеніе и придумывать Инсарова, вмѣсто того, чтобы взять его изъ нашей среды?... А потому, вотъ видите, что въ Россіи такихъ людей совсѣмъ нѣтъ, по мнѣнію г. Тургенева: «нѣтъ еще у насъ никого, нѣтъ людей, куда ни посмотрю. Все либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоѣды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, изъ пустаго въ порожнее переливатели, да палки барабанныя!... «Будутъ», утѣшаетъ себя вслѣдъ затѣмъ Тургеневъ словами Увара Ивановича. Почему-же будутъ, если ихъ нѣтъ теперь... Откуда они явятся? Съ неба свалятся, что ли?... Въ томъ и дѣло, что такіе люди всегда были и всегда будутъ, только мы долго еще не будемъ понимать ихъ; долго еще они ~~не~~ будутъ маяться и увядать безъ дѣла; долго еще они будутъ казаться намъ или холодными резонерами, или жалкими безумцами и мы будемъ бросать въ нихъ грязью и смѣшивать ихъ съ шулерами, берущими въ долгъ безъ отдачи. Г. Тургеневу ничего не стоило создать отвлеченно типъ освободителя Болгаріи, но въ тоже время онъ привыкъ мѣрять русскую жизнь на узенькій филистерскій аршинчикъ: и тотъ-же Инсаровъ—въ русской жизни чуждъ и противенъ для него, что онъ и

показалъ, какъ въ «Рудинѣ», такъ и въ «Отцахъ и дѣтяхъ»...

Характеръ Елены, представляющій, повидимому, столько новыхъ, неслыханныхъ до того времени мотивовъ, въ свою очередь, скрываетъ подъ новою оболочкою старую гниль... Елена является передъ нами женщиною, какихъ до нашего времени совсѣмъ не было, а если и было, то очень мало. Она мечтаетъ не объ однихъ нарядахъ и не объ одной любви, но и о жизни, полной дѣятельнаго добра... но почему же она только мечтаетъ объ этой жизни, почему она не живетъ ею? Почему для осуществленія этой жизни, ей непремѣнно нужно героя, который повелъ бы ее по дорогѣ дѣятельнаго добра. А сама она не можетъ идти по этой дорогѣ?... Я нисколько не отрицаю необходимости встрѣчи Елены съ Инсаровымъ. Конечно, ужъ если выходить замужъ Еленѣ, то выходить за такого человѣка, какъ Инсаровъ... Но какое же отношеніе имѣетъ замужество и жизнь полная дѣятельнаго добра? Мнѣ представляется, что это два интереса въ жизни, совершенно различные, и если они имѣютъ взаимное отношеніе, то скорѣе вопросъ о замужествѣ долженъ зависѣть отъ вопроса о жизни, полной дѣятельнаго добра; у г. Тургенева же это выходитъ наоборотъ: вопросъ о жизни полной дѣятельнаго добра является у него совершенно подчиненнымъ вопросу о замужествѣ; для того, чтобы осуществить такую жизнь, Еленѣ непремѣнно нужно встрѣтить Инсарова... Ну. а если бы она Инсарова не встрѣтила, неужели она въ такомъ случаѣ должна была вѣчно ограничиваться одними мечтаніями?... Что за жалкое существо въ такомъ случаѣ женщина! Неужели не можетъ она

шагу ступить, если услужливый кавалеръ не протянетъ ей руку?...

Женскій вопросъ въ «Наканунѣ» представляется, такимъ образомъ, чѣмъ то въ родѣ вопроса о кадрилѣ или вальсѣ: ангажируетъ кавалеръ, — барышня протанцуетъ съ нимъ нѣсколько туровъ на поприщѣ дѣятельнаго добра, а если кавалеръ пройдетъ мимо, барышня такъ и остается сидѣть возлѣ своей маменьки. А отчего происходитъ такой курьезный взглядъ г. Тургенева на женскій вопросъ? Опять таки оттого, что на первомъ планѣ у г. Тургенева семейный вопросъ, сквозь который онъ смотритъ на всѣ прочія отношенія жизни. Г. Тургеневъ никакъ не можетъ понять, что женщина можетъ любить, одерживать побѣды, страдать отъ неудачной любви, быть, наконецъ, хорошею женою и матерью,—и въ то же самое время, совершенно безотносительно отъ всего этого вести жизнь, полную дѣятельнаго добра. Вѣрный своему принципу, г. Тургеневъ предписываетъ и здѣсь свой неизмѣнный ультиматумъ: или любовь, или смерть.

[1]) Г. Тургенева по справедливости можно назвать представителемъ и пѣвцомъ той морали и философіи, которая господствовала въ нашемъ образованномъ обществѣ въ послѣднее двадцатилѣтіе. Онъ быстро угадывалъ новыя потребности, новыя идеи, вносимыя въ общественное сознаніе, и въ своихъ произведеніяхъ непремѣнно обращалъ (сколько позволяли обстоятельства) вниманіе на вопросъ, стоявшій на очереди и уже смутно начинавшій волновать общество....

---

[1]) Добролюбовъ. (Соч. Доброл. т. 3 и «Соврем.» 1860 г. № 3.).

Общественная потребность дѣла, живого дѣла, начало презрѣнія къ мертвымъ принципамъ и пассивнымъ добродѣтелямъ выразилась во всемъ строѣ повѣсти «Наканунѣ». Мы можемъ сказать смѣло, что если уже г. Тургеневъ тронулъ какую-нибудь новую сторону общественныхъ отношеній,—это служитъ ручательствомъ за то, что вопросъ этотъ дѣйствительно подымается въ сознаніи образованнаго общества, что эта новая сторона жизни и начинаетъ выдаваться и скоро выкажется рѣзко и ярко предъ глазами всѣхъ....

Талантъ г. Тургенева не изъ тѣхъ титаническихъ талантовъ, которые, единственно силою поэтическаго представленія, поражаютъ, захватываютъ васъ и влекутъ къ сочувствію такому явленію или идеѣ, которымъ мы вовсе не расположены сочувствовать. Не бурная, порывистая сила, а напротивъ—мягкость и какая-то поэтическая умѣренность служатъ характеристическими чертами его таланта.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА ПОВѢСТИ «НАКАНУНѢ» ВЪ ОТДѢЛЬНОСТИ:

ЕЛЕНА.

[1]) Удивительная, славная дѣвушка эта Елена, выросшая подобно героинѣ «Дворянскаго Гнѣзда» Богъ знаетъ на какой почвѣ, въ какомъ семействѣ, уродившаяся ни въ мать, ни въ отца. Подобныя явленія только на Руси бываютъ, и мы не знаемъ какъ и объяснить ихъ. Отецъ—пустѣйшій и вздорный болтунъ, забывающій жену для вдовы нѣмецкаго происхожденія, домъ—для клуба. Мать, всегда склонная къ

[1]) Н. К—ій. («Русск. Слово» 1860 г. № 5.).

волненію и грусти, всегда больная и капризная, съ пансіонскими мечтами на старости лѣтъ (Шубинъ называетъ ее курицей) еще меньше отца могла имѣть вліяніе на развитіе дочери. Оставленная на свободѣ, она развернулась роскошнымъ поэтическимъ цвѣткомъ, созданіемъ вольнымъ и полнымъ и не ея вина, если она охладѣла и къ отцу и къ матери. Впечатлѣнія ложились глубоко къ ней въ душу. «Слабость возмущала ее, глупость сердила, ложь она не прощала, требованія ея ни передъ чѣмъ не отступали, самыя молитвы не разъ мѣшались съ укоромъ. Стоило человѣку потерять ея уваженіе, — а судъ произносила она скоро,—и ужъ онъ переставалъ существовать для нея». Безъ подругъ и безъ этой пошлой обстановки, которая дѣлаетъ русскую дѣвушку «барышней», нарядной куклой, а жизнь ея мелкою и ничтожною, она жаждала не нарядовъ и праздниковъ, какъ всѣ, а дѣятельнаго добра; нищіе, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили. Всѣ притѣсненныя животныя, находили въ ней покровительство и защиту. На десятомъ году она познакомилась съ нищей дѣвочкой Катей и прислушивалась къ ея разсказамъ, и потомъ хотѣлось ей надѣть сумку, убѣжать съ Катей и скитаться по дорогамъ. Безъ внѣшняго шума, безъ внѣшнихъ волненій, жизнь ея перегорала во внутренней тревогѣ, одинокою, никому не слышною борьбою. «Ея душа и разгоралась и погасала одиноко, она билась, какъ птица въ клѣткѣ, а клѣтки не было; никто не стѣснялъ ее, никто не удерживалъ, а она рвалась и томилась.... Все, что окружало ее, казалось ей не то безсмысленнымъ, не то непонятнымъ. Какъ жить безъ любви? а любить некого! думала она и страшно

становилось ей отъ этихъ думъ, отъ этихъ ощущеній»...

Елена стоитъ уже ступенью выше Лизаветы Михайловны въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»; она не нашла себѣ выхода въ томъ квіетизмѣ, въ томъ византійскомъ міросозерцаніи, которымъ удовлетворялась героиня «Дворянскаго гнѣзда»; она ждала чего-то, жаждала, мучилась и страдала, плакала недоумѣвающими, но жгучими слезами. Такою является она передъ нами, когда встрѣча съ Инсаровымъ, на дачѣ въ Кунцовѣ, рѣшаетъ ея участь и опредѣляетъ окончательно ея жизнь.

Отрывки изъ дневника Елены указываютъ намъ то состояніе ея души, когда она познакомилась съ Инсаровымъ. Состояніе это — дѣвушки, развитой духовно, которой только любовь даетъ послѣднее опредѣленіе. Все окружающее ее такъ пошло и ничтожно; привязаться ей не къ кому. Оттого у ней нѣтъ покоя, оттого ей грустно и томно, такъ что она завидуетъ пролетающимъ птицамъ. Ей некому протянуть руки; она спрашиваетъ себя, зачѣмъ у ней эта молодость, эта душа, за чѣмъ живетъ она. «Пошла бы куда-нибудь въ служанки, право: мнѣ было бы легче», пишетъ она. Какъ могла бы она полюбить, какимъ бы могучимъ счастіемъ окружила она человѣка, выбраннаго душей ея. Она никогда не мыслила, не чувствовала въ половину. И вотъ наступаетъ для нея этотъ періодъ блаженства, эта долго жданная, долго призываемая любовь, и русская литература обогатилась нѣсколькими страницами такого блестящаго описанія страсти, страницами полными роскоши молодаго и свѣжаго чувства, полными волшебнаго обаянія люб-

ви, какія рѣдко случалось перечитывать намъ доселѣ. Весеннимъ благоуханіемъ вѣетъ со страницъ этихъ и счастливо общество, въ которомъ посреди нестройныхъ звуковъ и формъ неуяснившейся, полу-дикой дѣйствительности, раздаются подобные гармоническіе звуки, возникаютъ такіе ясные, роскошные образы.

Кому же отдалась эта дѣвушка, эта чуткая душа, какъ называетъ ее Шубинъ, отдалась вполнѣ и безраздѣльно? Кто этотъ счастливецъ, вырвавшій ее изъ пошлаго міра, ее окружающаго? Чѣмъ увлекъ онъ ее, чѣмъ соблазнилъ ее? Четырехъ молодыхъ людей выставляетъ авторъ претендентами серца Елены. Каждый изъ нихъ и благороденъ и чистъ и достоинъ всякаго сердца женскаго, но одинъ изъ нихъ выше остальныхъ трехъ. Чѣмъ же онъ выше? Что это за новый идеалъ, волнующій сердце дѣвушки? Чѣмъ онъ достойнѣе остальныхъ извѣстныхъ и знакомыхъ намъ личностей, которыя не разъ г. Тургеневъ подвергалъ безпощадному анализу, гдѣ соединялась тонкая иронія съ грустнымъ сожалѣніемъ?

[1]) По словамъ г. Авдѣева, Елена уже переступила за черту хозяйки, жены или любовницы; она полюбила Инсарова за то, что онъ былъ человѣкъ дѣла. «Она, продолжаетъ г. Авдѣевъ, — отдалась вполнѣ беззавѣтно не только ему, но и его дѣлу: когда Инсаровъ умираетъ—она слѣпо идетъ по пути, по которому онъ думалъ идти съ ней. Она не думаетъ о томъ, что этотъ путь ей совершенно теменъ, почти неизвѣстенъ, что она могла идти по немъ, только опираясь на опытную руку и что есть другіе подобные пути

---

[1]) «Наше общество въ герояхъ и героиняхъ литературы».

болѣе ей сподручные, близкіе, на которыхъ она могла бы дѣйствовать самостоятельнѣе и сознательнѣе: она остается слѣпо вѣрна дѣлу своего возлюбленнаго, и вся отдается ему. Нужды нѣтъ, что мысль ею выражаемая не нова, что и сама Елена напоминаетъ намъ тѣхъ русскихъ женщинъ доонѣгинской эпохи, которыя оставили имена свои не въ литературѣ, лишенной возможности рисовать ихъ образы, женщинъ, которыя тоже вырывались изъ узкой рамы хозяйки и любовницы и шли за своими избранными далеко дальше теплыхъ стѣнъ семейной жизни. Образъ Елены является намъ отраднымъ явленіемъ уже потому, что послѣ долгаго пути упадка и медленнаго возстановленія мы видимъ русскую мысль снова на томъ уровнѣ развитія, до котораго она доходила во времена наиболѣе благопріятныя для ея развитія, что за этимъ переваломъ мы имѣли право надѣяться на дальнѣйшія и совершенно новыя въ русской жизни шаги женскаго развитія. И надежды эти оправдались: не даромъ романъ, въ которомъ явилась Елена, называется «Наканунѣ».

[1]) Если въ лицѣ Инсарова видимъ мы тутъ человѣка, уже прямо противоположнаго Рудину, то человѣкъ этотъ не русскій, а болгаринъ. Между тѣмъ Елена—русская, она какъ-бы первая изъ новаго поколѣнія русскихъ женщинъ, далеко опередившаго русскихъ мужчинъ. Какимъ путемъ, подъ какими впечатлѣніями и вліяніями, въ силу какой внутренней, самородной работы могла сложиться эта удивительная

[1]) О. Миллеръ. («Объ обществ. типахъ въ повѣстяхъ Тургенева», «Бесѣда» 1871 г. № 11).

натура, этого, къ сожалѣнію, не касается нашъ сочинитель. Онъ просто говоритъ, что Елена уже съ самаго дѣтства «жаждала дѣятельности, дѣятельнаго добра. Нищіе, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили, она видѣла ихъ во снѣ... Всѣ притѣсненныя животныя находили въ Еленѣ покровительство и защиту...» Вспомните ея нѣжную дружбу съ нищей дѣвочкой Катей. При такомъ направленіи совершенно понятно, что «одно чтеніе не удовлетворяло Елену». Между тѣмъ самые умные люди вокругъ нея—не забудьте, что это было въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ—еще вполнѣ удовлетворялись чтеніемъ, однимъ только чтеніемъ. Не отъ того-ли Еленѣ и приходило иногда въ голову, что она «желаетъ чего-то, чего никто не желаетъ, о чемъ никто не мыслитъ въ цѣлой Россіи?...»

[1]) Г. Тургеневъ принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ избранныхъ, чуткихъ натуръ, въ которыхъ находятъ себѣ живой отголосокъ всѣ лучшія стремленія развивающагося русскаго общества и въ которыхъ эти стремленія, даже едва-замѣтно пробивающіяся въ дѣйствительности, отражаются болѣе-полными, болѣе-яркими и послѣдовательными образами. Я не знаю, сдѣлаетъ-ли хоть одна изъ нашихъ дѣвицъ *именно* то, что дѣлаетъ Елена въ романѣ г. Тургенева, побѣжитъ-ли въ чужую сторону за какимъ-нибудь студентомъ, освобождать Болгарію; но мысль, что назначеніе женской любви заключается въ томъ, чтобъ сочувствовать идеямъ любимаго человѣка и служить ему утѣшительной опорой на пути, ведущемъ

[1]) Н. Баснстовъ. («Отеч. Записки» 1860 г. № 5).

къ избранной имъ цѣли, эта мысль уже не исключительная фантазія немногихъ горячихъ головъ, но почти общее убѣжденіе всего молодаго поколѣнія нашихъ женщинъ. По крайней мѣрѣ серьезныя женщины не понимаютъ уже любви безъ раздѣленія принциповъ и убѣжденій того, кого любишь. Та ступень общественнаго развитія, на которой для женщины въ будущемъ ея мужѣ стояла на первомъ планѣ наружность, мундиръ, чинъ, богатство—уже пережита нами и теперь осталась достояніемъ однихъ неразвитыхъ женщинъ; да и тѣ уже совѣстятся признаться явно, что онѣ идутъ замужъ за мундиръ, за деньги и т. п. Для того, чтобъ стать подругой человѣка на всю жизнь, сдѣлалось необходимо нравственное побужденіе, душевное сочувствіе тому, что этотъ человѣкъ дѣлаетъ, для чего онъ живетъ. Но какъ скоро женщина пришла къ этому серьезному взгляду на замужество, она непремѣнно придетъ и къ слѣдующему, болѣе общему и еще болѣе серьезному вопросу: *чему-же сочувствовать? для чего жить?* Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается для женщины въ личности того человѣка, котораго она наконецъ полюбитъ...

Въ Еленѣ Николаевнѣ Стаховой представляетъ намъ г. Тургеневъ именно такую дѣвушку, которой нравственныя требованія уже не удовлетворяются тѣмъ, что даетъ русское общество въ его современномъ состояніи (дѣло идетъ о такъ-называемомъ образованномъ русскомъ обществѣ)... Наука, искусство, жизнь по Гегелю—повергаютъ себя поочередно къ стопамъ Елены; всѣ несутъ ей дань обожанія въ лицѣ, можно сказать, благороднѣйшихъ своихъ представителей:

молодой художникъ Шубинъ, молодой ученый Берсеневъ, практикъ и юристъ Курнатовскій—одинъ за другимъ влюбляются въ Елену и каждый изъ нихъ счелъ-бы счастливымъ, еслибъ она согласилась быть его спутницей въ жизни. Но ей не нравится ни художникъ Шубинъ, ни ученый Берсеневъ, ни дѣлецъ Курнатовскій: она понимаетъ и цѣнитъ ихъ достоинства: Шубина и Берсенева даже любитъ, какъ братьевъ, но ни за одного изъ нихъ не пойдетъ: она чувствуетъ, что все это—не то, а между тѣмъ всѣ они изъ лучшихъ, изъ передовыхъ людей нашего образованнаго общества. Шубинъ—скульпторъ, съ положительнымъ талантомъ, будущая извѣстность; *) Берсеневъ—скромный, прилежный молодой человѣкъ, будущій профессоръ исторіи; наконецъ, Курнатовскій—дѣльный секретарь въ сенатѣ, усердный, честный чиновникъ. Спрашивается: что же нужно Еленѣ, если ее не удовлетворяютъ ни наше искусство, ни наша наука, ни наша жизнь гражданская, являющіяся передъ ней—замѣтьте—въ лучшихъ своихъ представителяхъ, или по-крайней-мѣрѣ, въ такихъ, которыхъ авторъ желалъ, чтобъ мы считали лучшими представителями современнаго общества? И почему все это ее не удовлетворяетъ?

Сначала Елена сама не могла понять, отчего это происходитъ. «Все, что окружало ее, казалось ей не то безсмысленнымъ, не то не понятнымъ», говоритъ за нее авторъ: «какъ жить безъ любви? а любить не-

*) Это еще вопросъ: желалъ-ли авторъ въ поверхностномъ Шубинѣ представить истиннаго художника?

Примѣч. редакц. «Отеч. Записокъ.»

кого! думала она. Иногда ей приходило въ голову, что она желаетъ чего-то, чего никто не мыслитъ въ цѣлой Россіи». Но это смутное желаніе не складывалось въ определенную мысль; ея мысли были ей самой неясны. Нужно, чтобъ явился человѣкъ, который бы удостоился ея сочувствія: тогда само-собою сдѣлалось бы яснымъ, почему она не могла сочувствовать всему тому, что не онъ.

Въ Россіи такого человѣка не оказалось. Только иностранецъ могъ показать Еленѣ, каковы должны быть настоящіе люди. Къ-счастью, такой иностранецъ нашелся. Все то, что инстинктивно и смутно до-сихъ-поръ только снилось Еленѣ, предстало передъ ней въ лицѣ Инсарова вылитымъ въ положительный образъ, и этотъ образъ приковалъ ее къ себѣ на вѣки. Что жь такое *нашла* Елена особеннаго въ Инсаровѣ—такого, о чемъ никто не мыслитъ въ цѣлой Россіи?

Ей понравилась *его прямота и непринужденность:* ей понравилась *твердость его воли и упорное преслѣдованіе своей цѣли;* понравилась *самая цѣль—освобожденіе своей угнетенной родины*, *цѣль* простая, ясная, понравилось и то, что это была цѣль, поставленная не личнымъ капризомъ фантазіи, а общая Инсарову съ послѣднимъ мужикомъ, съ послѣднимъ нищимъ въ Болгаріи. Дѣятельность съ такой прекрасной цѣлью и должна была понравиться Еленѣ, потому-что въ ней она увидѣла простое исполненіе той мечты, которая постоянно не давала ей покоя. «Съ дѣтскихъ лѣтъ (говоритъ г. Тургеневъ) она жаждала дѣятельности, дѣятельности добра». Она воспитывала заброшенныхъ собакъ и кошекъ, подавала щедро милостыню, но все это казалось ей ничтожнымъ. Въ днев-

никѣ своемъ она писала: «О, еслибъ мнѣ кто-нибудь сказалъ: вотъ что ты должна дѣлать. Быть доброю, этого мало: дѣлать добро... да: это главное въ жизни. Но какъ дѣлать добро?» Въ Инсаровѣ Елена увидѣла, что надобно дѣлать и какъ. Инсаровъ отнялъ ее у Шубина, у Берсенева, у Курнатовскаго, у всей Россіи, и увлекъ ее за собой въ Болгарію... Она—центръ, около котораго вертятся всѣ пружины романа. На нее положилъ авторъ всего болѣе труда: ея личность постарался онъ отдѣлать съ наибольшей отчетливостью. Вездѣ *она* на первомъ планѣ. Мы знаемъ ея жизнь почти съ колыбели: мы видимъ, что было вложено въ нее натурой, что развилось первыми впечатлѣніями ея дѣтства, чему помогло развиться отсутствіе воспитательной ферулы. Любовь къ правдѣ, общая всѣмъ дѣтямъ и заглушаемая только впослѣдствіи всякими неправдами, сросшимися съ нашей перепорченной жизнью, растетъ въ Еленѣ передъ нашими глазами: тѣсно съ нею связанное отвращеніе ко всякой лжи, нестѣсняемое никакими одуряющими наставленіями: жизнь наединѣ съ собой и вмѣстѣ съ нею выработывающійся серьезный взглядъ на жизнь; жажда жизни со смысломъ и инстинктивное угадыванье этого смысла—сначала только отрицательное, а потомъ, съ появленіемъ Инсарова, положительное, и наконецъ, радостное успокоеніе въ любви къ человѣку, поставившему себѣ задачей жизни простое, но великое, народное дѣло, къ человѣку, связанному съ своей землей и живущему только ея счастьемъ—вотъ въ короткихъ словахъ рамка той занимательной исторіи, которая составляетъ содержаніе романа.

Въ какомъ отношеніи Елена Стахова находится къ

нашей русской дѣятельности? Возможно-ли въ ней теперь такія женщины? Иные говорятъ, что возможность созданія Елены въ поэзіи доказываетъ возможность такихъ женщинъ и въ дѣйствительной жизни. Это что-то хитро. Развѣ мы не видали въ нашей литературѣ идеаловъ, вычитанныхъ въ чужихъ литературахъ, или выдуманныхъ разстроеннымъ воображеніемъ? Развѣ Улинька Гоголя мыслима въ дѣйствительности, а вѣдь создалась-же она у него какъ-то въ фантазіи. Впрочемъ, для Елены г. Тургенева не нужно прибѣгать ни къ игрѣ словъ, ни къ натяжкамъ. Что идеалъ нашего поколѣнія — гражданинъ своей земли, это было высказано не разъ и прежде г. Тургенева, а такъ какъ среди всякаго поколѣнія мужчинъ непремѣнно есть женщины, на столько развитыя, чтобъ сочувствовать его идеалу, то возможность становится понятна сама собою.

Несомнѣнно то, что такая женщина, какъ Елена, въ первый разъ является въ нашей литературѣ. Любовь Елены—это самое чистое, самое благородное проявленіе чувства любви, какое только мы можемъ себѣ представить. Это—полная, глубокая преданность любимому человѣку, полное раздѣленіе его надеждъ и стремленій, это бракъ въ истинномъ смыслѣ слова...

Проникнуться сознательнымъ уваженіемъ къ идеѣ, потомъ полюбить эту идею сердцемъ, встрѣтивъ ея олицетвореніе въ живомъ человѣкѣ, и, соединивъ свою судьбу съ судьбой этого человѣка, идти во слѣдъ за нимъ, куда поведетъ его эта идея, раздѣляя съ нимъ всѣ бури и невзгоды—да это такъ возвышенно, такъ нравственно, что могло быть поставлено за образецъ и основаніе всякому браку.

Къ сожалѣнію. проявленіе этой высокой любви такъ же мало развито на дѣлѣ. какъ проявленіе патріотическихъ плановъ самого Инсарова. Г. Тургеневъ какъ будто нарочно избѣгаетъ той минуты, когда его героямъ настаетъ пора дѣйствовать и приводить въ исполненіе то, о чемъ они такъ прекрасно говорятъ. Конечно, Елена дѣлаетъ рѣшительный шагъ. когда высказываетъ готовность бѣжать съ Инсаровымъ, и—еслибъ она это сдѣлала—мы, можетъ быть. имѣли-бы случай посмотрѣть, какъ-бы она «тамъ. между чужими, стала отставать отъ своихъ привычекъ, работать» и такъ далѣе. Но авторъ улаживаетъ все это проще: родители Елены узнаютъ, что она тайно обвѣнчалась съ Инсаровымъ и, послѣ обычныхъ упрековъ, дѣло оканчивается благополучно. Мать снабжаетъ Елену деньгами и Инсаровы путешествуютъ въ довольствѣ и спокойствіи, катаются въ гондолѣ, ѣздятъ въ театръ и т. п. Труды, лишенія, борьба—все это осталось на словахъ.

Жизнь—дѣло грубое, а талантъ г. Тургенева въ высшей степени деликатенъ и притомъ онъ попреимуществу лирическій. Его дѣло—внутренній міръ души, тонкій анализъ чувствованій, красоты природы. И г. Тургеневъ знаетъ, въ чемъ его сила. Уклоненіе отъ всякихъ сценъ, гдѣ должна выйти на арену борьба живыхъ силъ, это намѣренное уклоненіе, замѣчаемое не въ одномъ «Наканунѣ,» но и во всѣхъ другихъ его произведеніяхъ, есть не ошибка съ его стороны, а признакъ глубокаго художническаго такта.

[1]) Въ «Наканунѣ» главное лицо—Елена. Въ ней

---

[1]) Добролюбовъ. («Соврем.» 1860 г. № 3 и соч. Доброл. т. 3.).

сказалась та смутная тоска по чемъ-то, та почти безсознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новыхъ людей, которая охватываетъ теперь все русское общество, и даже не одно только такъ называемое образованное... Сочувствіе Елены, такой дѣвушки, какъ мы ее понимаемъ, не могло обратиться на русскаго человѣка съ тѣмъ правомъ, съ той естественностію, какъ обратилось оно на этого болгара. Все обаяніе Инсарова заключается въ величіи и святости той идеи, которою проникнуто все его существо. Елена, жаждущая дѣятельнаго добра, но не знающая, какъ его дѣлать, мгновенно и глубоко поражается, еще не видавши Инсарова, разсказомъ о его замыслахъ. «Освободить свою родину, говоритъ она:—эти слова и выговорить страшно—такъ они велики!» И она чувствуетъ, что слово ея сердца найдено, что она удовлетворена, что выше этой цѣли нельзя поставить себѣ и что на всю жизнь ея, на всю ея будущность достанетъ дѣятельнаго содержанія, если только она пойдетъ за этимъ человѣкомъ...

По тому, какъ задуманъ характеръ Елены, — она представляетъ явленіе исключительное, и если-бы на самомъ дѣлѣ она являлась вездѣ выразительницею своихъ воззрѣній и стремленій,—она-бы оказалась чуждою русскому обществу и не имѣла-бы для насъ такого смысла, какъ теперь. Она была-бы лицомъ сочиненнымъ, растеніемъ, неудачно пересаженнымъ на нашу почву откуда-нибудь изъ другой земли. Но вѣрное чутье дѣйствительности не позволило г. Тургеневу придать своей героинѣ полнаго соотвѣтствія практической дѣятельности съ теоретическими ея понятіями и внутренними порывами души... Во всей по-

вѣсти нѣтъ ни одного случая, гдѣ-бы жажда дѣятельнаго добра заставила Елену вмѣшаться въ дѣла окружающей ее среды и проявить чѣмъ-нибудь свое вліяніе. Мы не думаемъ, чтобъ это зависѣло отъ случайной ошибки автора; нѣтъ, въ нашемъ обществѣ еще очень недавно, да и не между женщинами, а изъ среды мужчинъ, возвышался и блисталъ особенный типъ людей, гордившихся своимъ устраненіемъ отъ окружающей ихъ среды... Впрочемъ, безсилію Елены придавъ въ повѣсти особенный мотивъ, вытекающій изъ ея женственнаго, гуманнаго чувства: она боится всякихъ столкновеній,—не по недостатку мужества, а изъ опасенія нанести кому-нибудь оскорбленіе и вредъ.

[1]) Елена раздражена мелкостью тѣхъ людей и интересовъ, съ которыми ей приходится имѣть дѣло каждый день. Она умнѣе своей матери, умнѣе и честнѣе отца, умнѣе и глубже всѣхъ гувернантокъ, занимавшихся ея воспоминаніемъ, она раздражена и не удовлетворена тѣмъ, что даетъ ей жизнь: она съ сознаннымъ негодованіемъ отвертывается отъ дѣйствительности, но она слишкомъ молода и женственна, чтобы стать къ этой дѣйствительности въ трезвыя отрицательныя отношенія. Ея недовольство дѣйствительностью выражается въ томъ, что она ищетъ лучшаго, и, не находя этого лучшаго, уходитъ въ міръ фантазіи, начинаетъ жить воображеніемъ. Это болѣзненное состояніе; когда воображеніе забѣгаетъ впередъ, когда начинается сооруженіе идеала и потомъ бѣганіе за нимъ, тогда живыя силы уходятъ на безплодные поиски и попытки, и жизнь проходитъ въ какомъ-то

---

[1]) Писаревъ. («Русск. Слово» 1861 г. № 12).

тревожномъ, безпредметномъ, смутномъ ожиданіи. Елена все мечтаетъ *о чемъ-то*, все хочетъ *что-то* сдѣлать, все ищетъ *какого-то* героя: мечты ея не приходятъ и не могутъ придти въ ясность, именно потому, что это мечты, а не мысли; она не критикуетъ нашей жизни, не всматривается въ ея недостатки, а просто отварачивается отъ нея и хочетъ выдумать себѣ жизнь... Я не осуждаю Елену въ томъ, что она мечтаетъ: я бы не осудилъ человѣка, схватившаго сильнѣйшій простудный кашель, я бы сказалъ только, что онъ боленъ; точно также я говорю и доказываю самой Еленѣ, что она больна, и что она ошибается, если считаетъ себя здоровою. Въ этомъ отношеніи ошибается вмѣстѣ съ нею самъ Тургеневъ; онъ глазами психически больной Елены смотритъ на дѣйствующія лица своего романа; оттого онъ вмѣстѣ съ Еленою ищетъ героевъ; оттого онъ вмѣстѣ съ нею бракуетъ Шубина и Берсенева; оттого онъ выписываетъ изъ Болгаріи невозможнаго и ни на что ненужнаго Инсарова. Елена и, вмѣстѣ съ нею, Тургеневъ не удовлетворяются обыкновенными, человѣческими размѣрами личностей; все это мелко, все это обыкновенно, все это пошло; давай имъ эффекта, колоссальности, героизма. Жить скверно, говорятъ Тургеневъ и Елена; согласенъ; жить скверно потому, что люди скверны; несогласенъ! Отношенія между людьми ненормальны, это такъ, а люди ни въ чемъ не виноваты, потому что передѣлать отношенія, затвердѣвшія отъ десяти-вѣковой исторической жизни, и передѣлать ихъ тогда, когда еще очень не многіе начали сознавать ихъ неудобства—это, воля ваша, мудрено. Если несется шестерня бѣшеныхъ лошадей, то я ни-

какъ не рѣшусь называть мелкими трусами тѣхъ людей, которые будутъ уклоняться въ с и давать имъ дорогу. Инстинктъ самосохранен трусость двѣ вещи разныя. Ставить самоотвер въ число необходимыхъ добродѣтелей, обязательн для всякаго человѣка можетъ только мечтател дѣвушка Елена Николаевна Стахова, да замечтавш ся до забвенія дѣйствительности художникъ, Иван Сергѣевичъ Тургеневъ.

¹) Повѣстью «Наканунѣ» восхищались не со стороны эстетической, а по сочувствію къ героинѣ повѣсти. Елена выразила собою, говорили женщины, ту жажду благотворной дѣятельности, которая снѣдаетъ проснувшееся общество. Русская женщина призвана стать во главѣ общественнаго движенія и вести за собою другихъ. Нѣкоторые даже замѣтили посл появленія повѣсти перемѣну въ своихъ знакомых у нихъ какъ то прибавилось гонору, они точно в росли на вершокъ.

Мы съ своей стороны совершенно согласны, Елена прекрасно выразила собою черты современ движенія женщинъ, но движенія плохо осмыслен не понятаго, движенія съ руками, полными вся хламомъ. Мы это сейчасъ докажемъ. Въ ней в щались болѣе всего готовностью покинуть се обезпеченную, спокойную жизнь и промѣнять трудную и безпокойную жизнь въ Болгаріи. этомъ еще нѣтъ ровно никакого геройства; эт инство отрицательное. Она не видѣла любви въ домашнихъ и ничто не привязывало ее

¹) А. О. («Современникъ» 1862 г. № 5).

и матери, связь между ними была давно прервана.— скажемъ болѣе, ей становилось тяжело жить съ плаксой матерью и безпокойнымъ отцомъ. А впереди ей видѣлась жизнь съ любимымъ человѣкомъ. Промѣнять общество родныхъ на общество Инсарова можно было смѣло, не затрудняясь въ выборѣ. Эта рѣшимость, конечно, очень замѣчательная. На нее рѣшатся не всѣ и пойти противъ обычая не всякая можетъ; но вѣдь и судъ неправый творятъ очень многіе, и не возводить же на пьедесталъ тѣхъ, кто не дѣлаетъ этого. Но въ этомъ шагѣ Елены есть еще другая сторона, въ немъ сказалась дѣятельная натура. Дѣйствительно, натура Елены была не изъ сонливыхъ— это доказываетъ ея рѣшимость оставить родительскій домъ,—но то-то и бѣда, что это энергія односторонняя и что она разрѣшилась тѣмъ, что Елена кончила свое дѣятельное поприще въ Болгаріи сидѣлкою, сестрой милосердія. Такой исходъ можно было предвидѣть, еслибъ хорошенько разсмотрѣть ея жизнь до встрѣчи съ Инсаровымъ. Она была добра, любила человѣка, какъ увѣряютъ нѣкоторые, въ ней кипѣла молодая кровь,—что же мѣшало ей, не ожидая долго героя Инсарова, заняться въ пользу тѣхъ, кто былъ подъ рукою. А дома было что дѣлать: тамъ Шубинъ чахъ отъ пустоты, тамъ Берсеневъ дѣлался суше, да суше. Она часто видѣлась съ ними, пользовалась вѣсомъ въ ихъ глазахъ и могла бы. еслибъ умѣла да хотѣла, своимъ словомъ заставить Шубина всмотрѣться въ себя, научить Берсенева, что отъ его науки проку не будетъ, если онъ не выйдетъ изъ кабинета на свѣтъ Божій. А Елена, при всей своей любви къ человѣчеству, при всей жаждѣ дѣятельности, сидѣла

сложа руки, скучала, спасала мухъ отъ пауковъ, кормила кошекъ и отчасти злобствовала. Въ чемъ же тутъ проявилась дѣятельная натура Елены?

Мы не отнимаемъ у нея ни твердости характера, ни стремленій, и видимъ очень хорошо, что Елена хотѣла дѣлать что нибудь, что ей нужна была работа, что она отъ пауковъ кидалась къ нищенкѣ, а отъ нищенки къ Берсеневу. Да вѣдь это работа не осмыслена, сводится на экзальтацію. Но наконецъ Елена успокоилась, опредѣлила къ чему стремилась, увидѣла, что ей нужна дѣятельность, болѣе разумная и полезная для братьевъ. Такъ; но развѣ Берсеневъ и Шубинъ не братья, и если въ Еленѣ были задатки любви къ человѣку вообще, то зачѣмъ же она оттолкнула отъ себя Шубина и постоянно глумилась надъ нимъ?

Люди, въ самомъ дѣлѣ желающіе добра своимъ братьямъ, не останавливаются за мелочностью проявленія любви. Цѣль жизни не мѣшаетъ работать по дорогѣ, гдѣ только можно и какъ только можно. Задать себѣ извѣстный урокъ и ждать, когда сложатся выгодныя для дѣла обстоятельства, не трудно, если въ это время не ворочать обстоятельствъ, не ускорять благопріятныхъ условій прихода. Елена не занималась Шубинымъ и не проявляла своей натуры до прихода Инсарова. Значитъ, любовь къ Инсарову побудила ее идти въ Болгарію. Не приди Инсаровъ, Елена такъ бы и жила въ Москвѣ, покровительствуя бѣднымъ кошечкамъ и мушкамъ, и не удовлетворила бы своихъ стремленій, потому что не нашла бы дѣятельности въ скромной обстановкѣ нашей незатѣйливой жизни; она именно хотѣла оказать услугу, но не людямъ, а народу, и услугу при томъ громадную.

Иначе зачѣмъ бы ей было ходить въ Болгарію: вѣдь и у насъ тоже есть, что дѣлать. Елена или не понимала видно этихъ явленій, или видя ихъ, не скорбѣла, и считала такую сферу дѣйствій нестоющею и искала большаго. Она съ радостью бросилась за Инсаровымъ спасать его родину, его угнетенныхъ собратій. Здѣсь цѣль видна сразу, осязательна. Но умеръ Инсаровъ—и Елена уже не спасаетъ отечества, а спускается на степень доброй и заботливой сестры, ходящей за больными, дѣятельность которой не требуетъ большой кипучести натуры. Этотъ оборотъ немного страненъ только на первый взглядъ, но онъ легко объясняется тѣмъ, что Елена любила Инсарова, а не людей, увлеклась его геройствомъ и шла за нимъ все равно куда бы то ни было, на битву или на покой. Страстность и энергичность Елены была цѣликомъ отдана Инсарову, она шла за Инсаровымъ пассивно, и искать въ ней общественную дѣятельность не стоитъ. А между тѣмъ, общество нашло въ ней что-то фатальное, какъ выразилась бы Елена, величественное. Оно сочло Елену непогрѣшимымъ существомъ и не хотѣло посмотрѣть ее поближе. Нѣкоторое превосходство Елены передъ другими закупило этихъ другихъ, подавило ихъ. Онѣ видѣли только, что она приняла участіе въ серьезномъ дѣлѣ, а какъ, по какому поводу?—этого не хотѣли видѣть.

Въ Еленѣ есть еще черта, какъ-то дурно гармонирующая съ искреннимъ и осмысленнымъ желаніемъ дѣлать дѣло. Она какъ-то щепетильна, пикантна, она не разсталась съ взглядами барышень.

Вслушайтесь, напримѣръ, въ слѣдующія фразы Елены. Елена наслушалась разсказовъ Берсенева объ

Инсаровѣ, и въ ея воображеніи нарисовался образъ человѣка, способнаго на такой великій подвигъ, какъ освобожденіе родины. На лицѣ его написано благородство и отвага, и, главное, онъ хорошъ собою. Встрѣтила она Инсарова и разочаровалась.

«Инсаровъ дѣйствительно произвелъ на Елену меньше впечатлѣнія, чѣмъ она сама ожидала, или, говоря точнѣе, онъ произвелъ на нее *не то впечатлѣніе, котораго ожидала она*. Ей понравилась его прямота и непринужденность,—и лицо его ей понравилось; но все существо Инсарова, *спокойно твердое и обыденно-простое*, какъ-то *не ладилось съ тѣмъ образомъ, который составился у нея въ головѣ* отъ разсказовъ Берсенева. Елена, сама того не подозрѣвая, ожидала чего то болѣе «фатальнаго». Но, думала она, онъ сегодня говорилъ очень мало, я сама виновата, я не распрашивала его: подождемъ до другаго раза... а глаза у него выразительные, честные глаза. Она чувствовала, что ей не преклониться передъ нимъ хотѣлось, а подать ему дружески руку, и она недоумѣвала: *не такими воображала она себѣ* людей, подобныхъ Инсарову, «*героевъ*». Разочарованіе это идетъ далѣе; оказывается, что у него вовсе нѣтъ изящныхъ манеръ.

«Долго не забуду я вчерашней поѣздки. Какія странныя, новыя, страшныя впечатлѣнія! Когда онъ вдругъ взялъ этого великана и швырнулъ его, какъ мячикъ, въ воду, я не испугалась... но онъ меня испугалъ. И потомъ—*какое лицо зловѣщее, почти жестокое!* Какъ онъ сказалъ: выплыветъ! Это меня перевернуло. *Стало быть я его не понимала.* И потомъ, когда всѣ смѣялись, когда я смѣялась, какъ мнѣ было больно за него! Онъ стыдился, я это чувствовала, *онъ меня стыдился*. Онъ

мнѣ это сказалъ потомъ, въ каретѣ, въ темнотѣ, когда я старалась его разглядѣть и боялась его. Да, съ нимъ шутить нельзя, и заступиться онъ умѣетъ. *Но къ чему же эта злоба, эти дрожащія губы, этотъ ядъ въ глазахъ*? Или, можетъ быть, иначе нельзя? Нельзя *быть* мужчиной, *бойцомъ*, и остаться *кроткимъ и мягкимъ*? Жизнь дѣло грубое, сказалъ онъ мнѣ недавно. Я повторила это слово Андрею Петровичу; онъ не согласился съ Д. Кто изъ нихъ правъ? А какъ начался этотъ день! Какъ мнѣ хорошо идти съ нимъ рядомъ, *даже молча*... Но я рада тому, что случилось. Видно, такъ слѣдовало».

Она ждала, что такая личность поступитъ отмѣнно хорошо, что онъ не забудется въ обществѣ дамъ, совладаетъ съ собою, сдѣлаетъ все какъ нибудь политично и, въ заключеніе, какъ рыцарь, предложитъ ей свою руку и заведетъ съ нею «пріятный» разговоръ. И вдругъ злоба въ лицѣ, энергія выраженія, крутая расправа—совсѣмъ не хорошія манеры!

Разговоръ Елены съ Берсеневымъ объ отлучившемся Инсаровѣ еще лучше.

«Вообразите себѣ, началъ онъ съ принужденной улыбкой:—нашъ Инсаровъ пропалъ».

— Какъ пропалъ? проговорила Елена.

— Пропалъ. Третьяго дня вечеромъ ушелъ куда-то, и съ тѣхъ поръ его нѣтъ.

— Онъ не сказалъ вамъ, куда онъ пошелъ?

— Нѣтъ.

Елена опустилась на стулъ.

— Онъ, вѣроятно, въ Москву отправился, промолвила она, стараясь казаться равнодушной и въ то же

время сама дивясь тому, что она старается казаться равнодушной.

— Не думаю, возразилъ Берсеневъ. — Онъ ушелъ не одинъ.

— Съ кѣмъ же?

— Къ нему третьяго дня, передъ обѣдомъ, явились два какихъ-то человѣка, должно быть его соотечественники.

— Болгары? почему вы это думаете?

— А потому что, сколько я могъ разслышать, они говорили съ нимъ на языкѣ, мнѣ неизвѣстномъ, на славянскомъ... Вотъ вы все находите, Елена Николаевна, что въ Инсаровѣ таинственнаго мало: ужъ на что таинственнѣе этого посѣщенія? Представьте: вошли къ нему — и ну кричать и спорить, да такъ дико, злобно.... И онъ кричалъ.

— И онъ?

— И онъ кричалъ на нихъ. Они какъ будто жаловались другъ на друга. И если бы вы взглянули на этихъ посѣтителей! Лица смуглыя, широкоскулыя, тупыя, съ ястребиными носами, лѣтъ каждому за сорокъ, одѣты плохо, въ пыли, въ поту; съ виду ремесленники—не ремесленники, и не господа.... Богъ знаетъ, что за люди.

— И онъ съ ними отправился?

— Съ ними. Накормилъ ихъ да ушелъ съ ними. Хозяйка мнѣ сказывала:—они вдвоемъ цѣлый огромный горшокъ каши съѣли. Такъ, говоритъ, въ перегонку и глотали, словно волки.

Елена слабо усмѣхнулась.

—Вы увидите, промолвила она: — *все это разрѣшится чѣмъ нибудь очень прозаическимъ.*

«—Дай Богъ! Только напрасно вы употребили это слово. Въ Инсаровѣ нѣтъ ничего прозаическаго, хотя Шубинъ и увѣряетъ...

«—Шубинъ! перебила Елена и пожала плечомъ.— *Но сознайтесь, что эти два господина, глотающіе кашу....*

«—И Ѳемистоклъ ѣлъ наканунѣ Саламинскаго сраженія, съ улыбкой замѣтилъ Берсеневъ.

«— Такъ; *но за то на другой день и было сраженіе.* А вы все-таки дайте мнѣ знать, когда онъ вернется, прибавила Елена и попыталась перемѣнить разговоръ. — но разговоръ не клеился».

И такой образъ былъ причисленъ къ идеаламъ нашего времени, передъ нимъ поклонились; —эта черта многознаменательная и лучше всякихъ разсужденій рисуетъ недостатки нашей современности. Въ самомъ дѣлѣ, литература указала женщинамъ, что онѣ имѣютъ одинаковыя съ мужчинами права жизни: онѣ встрепенулись, поднялись и остановились на Еленѣ. Этотъ неудачный выборъ показываетъ, что мы еще не совсѣмъ выяснили себѣ, зачѣмъ все это дѣлается, для чего служитъ эта дѣятельность, что обратясь къ ней, онѣ дѣйствовали болѣе сердцемъ. Дисгармонія уже даетъ себя чувствовать, она позволяетъ принять дѣятельность Елены за идеальную, считать ее личностью, достойною подражанія. Женщины наши сочли, что Елена удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ вѣка, и жестоко ошиблись.

ИНСАРОВЪ.

[1]) Авторъ, очевидно, съ глубокою обдуманностію сдѣлалъ Инсарова не русскимъ, болгаромъ, выдѣливъ его совершенно изъ руской жизни.... А между тѣмъ онъ герой русской повѣсти, онъ вторгается въ рускую жизнь, имѣвшую до его появленія мирное, хоть и пошлое теченіе. Во имя какихъ принциповъ вторгается онъ въ эту жизнь? Во имя чего ставится онъ за идеалъ для подражанія русскимъ людямъ, какимъ очевидно хотѣлъ поставить его г. Тургеневъ? До сихъ поръ г. Тургеневъ самовластно, деспотически распоряжался со всѣми русскими характерами, которые дѣйствуютъ въ его разсказахъ, до сихъ поръ онъ становился всегда выше ихъ, смотрѣлъ на нихъ, какъ побѣдитель на побѣжденнаго. Одинъ только Инсаровъ — характеръ идеальный, возвышенный, конечно, выше всего его окружающаго и авторъ не свободно стоитъ передъ нимъ. Неужели же онъ сдѣлалъ его идеальнымъ изъ уваженія къ чужому, чего нельзя передѣлать, съ чѣмъ нельзя поступить критически? Говорить и доказывать это значило бы оскорблять нашего автора. Цѣль его гораздо выше. Инсаровъ является героемъ въ русской повѣсти, какъ представитель общечеловѣческихъ началъ, того, что придаетъ смыслъ жизни въ современности, что даетъ ей высшую санкцію. Упрекать автора въ томъ, что его повѣсть имѣетъ *направленіе*, что она написана съ задуманною идеею — мы не станемъ, да и критика

---

[1]) Н. К—ій. («Русск. Слово» 1860 г. № 5.).

уже давно не имѣетъ права на подобные упреки. Въ наше время нельзя ничего писать безъ живого отношенія къ современности: это воздухъ, въ которомъ мы всѣ живемъ, и мы не вѣримъ въ чистое искусство. Какъ бы могуществен ни былъ талантъ, жизнь сильнѣе его, и очевидно, что Инсаровъ и его дѣятельность невольно просились въ повѣсть г. Тургенева. Это стонъ нашей жизни, то, чего жаждетъ она. Понятно, что г. Тургеневъ—талантъ чрезвычайно чуткій на пониманіе явленій общественныхъ и нашего развитія, томится тою-же жаждою *новыхъ людей*, какою томится наше общество. И онъ, какъ и всѣ мыслящіе русскіе люди эпохи нами переживаемой, понимаетъ, чего не достаетъ русской жизни.... Если мы и видимъ, что въ послѣдніе, переживаемые нами годы русской жизни, началось что-то такое, что не похоже на старое, что предвѣщаетъ новую жизнь, гдѣ знакомые намъ характеры будутъ уже отверженцами, то и это новое, начинающееся, назначеніе котораго есть борьба, не создало, да и не въ состояніи создать еще ни одного типа. Посмотрите, куда уходятъ лучшія силы. Въ борьбу, которой конца не видно, въ которой цѣли нѣтъ, ясной и опредѣленной. Инсаровъ знаетъ за что готовъ онъ сложить свою голову, знаетъ съ чѣмъ и съ кѣмъ онъ идетъ на борьбу, а у насъ, съ болью сердечною признаться надобно, туманъ передъ глазами. Всѣ подвиги наши могутъ покуда ограничиваться шумихою словъ,—а на это мы были большіе мастера и прежде,—или представляться дѣтскими выходками. Нападаютъ на Инсарова за то, что лицо это не удовлетворяетъ насъ, и обвиняютъ въ томъ автора. Какъ болгаръ, онъ совершенно вѣренъ своему

назначенію, своему призванію, но нашъ идеальный характеръ, нашъ дѣятель, долженъ принять иную форму. Совершенно справедливо, что Инсаровъ не удовлетворяетъ насъ русскихъ, но въ этомъ недостаткѣ виноватъ не талантъ г. Тургенева, а сама жизнь, не успѣвшая или не могшая намъ дать своего Инсарова. Еще спорный вопросъ: молода или стара эта жизнь, но успокоимся на томъ мнѣніи, что жизнь эта еще молода и станемъ ждать, когда она дастъ намъ идеальнаго дѣятеля. Его надобно ждать отъ жизни, а не отъ таланта: талантъ беретъ только у жизни...

Изъ дневника Елены мы видимъ, почему она предпочла Инсарова всѣмъ другимъ, почему ея сердце неотразимо было увлечено имъ. Это былъ первый встрѣченный ею въ жизни человѣкъ, *который не лжетъ*. Все остальное лгало кругомъ, начиная съ отца и матери, которыхъ двусмысленныя супружескія отношенія заставили лгать другъ другу, и кончая маленькой нѣмочкой Зоей. Изъ міра семейной и общественной лжи, изъ міра *сплошной лжи*, она въ первый разъ увидала истину въ человѣкѣ. Инсаровъ *не только говоритъ*, какъ говоритъ Шубинъ съ блестящей граціей, съ мѣткой ироніей, какъ говоритъ Берсеневъ съ глубокою мыслію, какъ прежде говорилъ Рудинъ, первый ораторъ тургеневскихъ разсказовъ,—*Инсаровъ дѣлалъ и будетъ дѣлать*. Этой гармоніи между словомъ и дѣломъ, между фактомъ и фразой нѣтъ ни у кого въ повѣсти, кромѣ него. Но больше всего она полюбила его за то, что у него есть цѣль жизни и цѣль близкая, осязаемая, что все существо его отдано этой цѣли.

[1]) Въ эпоху Инсарова между молодыми людьми уже являлись не отвлеченные споры о конечномъ и безконечномъ, но произносились такія соединяющія слова, какъ родина, свобода, справедливость. Мало того, являются люди, которые полагаютъ счастьемъ и цѣлью своей жизни служить идеямъ, представляемымъ этими словами, и такимъ человѣкомъ является герой романа Инсаровъ. Послѣ Рудина, пропагандиста, человѣка слова, долженъ былъ явиться человѣкъ дѣла: Инсаровъ и есть такой человѣкъ. Онъ хочетъ свободы родины и работаетъ всѣми отъ него зависящими средствами на освобожденіе родины отъ турецкаго ига: читатель знаетъ, что Инсаровъ былъ болгаръ. И такъ на сцену является уже настоящій политическій дѣятель. Онъ не русскій и не можетъ быть русскимъ, потому что такой дѣятель при нашей обстановкѣ невозможенъ; его задача—не наша задача; но появленіе его въ въ литературѣ доказываетъ, что въ развитой части общества явились стремленія повыше желанія покорять сердца сдающихся съ радостью, но только на законномъ основаніи, дѣвушекъ.

Инсаровъ бѣденъ, но разсчетливъ и точенъ, какъ нѣмецъ; онъ никѣмъ не одолжается и въ бездѣлицахъ, а когда Берсеневъ предложилъ ему жить въ нанятой имъ дачѣ, Инсаровъ сначала отказывается, но потомъ, разсчитавъ сколько Берсеневу приходится платить за каждую комнату, находитъ возможнымъ нанять одну, но отъ общаго обѣда отказался, потому что не въ состояніи обѣдать такъ, какъ Берсеневъ. Инсаровъ дѣятеленъ, но вся его дѣятельность безъ

[1]) М. Авдѣевъ. («Наше общество въ героях и героиняхъ литературы»).

исключенія направлена на одну точку, на одну цѣль— родину. Онъ не служитъ ей какой-нибудь одной исключительной стороной, напримѣръ, какъ писатель, пропагандистъ, воинъ,—онъ дѣлаетъ для нея все, что можетъ: переводитъ съ болгарскаго на русскій, и съ русскаго на болгарскій, чтобы способствовать ознакомленію родины съ народомъ ей полезнымъ, составляетъ болгарскую грамматику, разбираетъ ссоры земляковъ, ведетъ переписку съ мѣстными дѣятелями,— словомъ, онъ весь въ своей Болгаріи, и когда говоритъ о ней, то совершенно преображается. «Не то, чтобы лицо его разгоралось или голосъ возвышался,— говоритъ авторъ,—нѣтъ, но все существо его будто крѣпло и стремилось впередъ, очертанія губъ обозначались рѣзче и неуловимѣе, а въ глубинѣ глазъ зажигался какой-то глухой, неугасимый огонь».

[1]) Къ сожалѣнію, г. Тургеневъ не обрисовалъ этого героя въ такой полнотѣ, какая необходима была для того, чтобъ онъ и читателя увлекалъ такъ же, какъ увлекъ Елену. Мы видимъ въ немъ студента, намѣревающагося принять участіе въ возстаніи, которое готовилось въ Болгаріи, въ началѣ восточной войны— и только. Но какимъ образомъ онъ сталъ бы освождать Болгарію, какія у него были средства и связи— ничего этого мы не видимъ. Елена, въ своемъ дневникѣ, пишетъ, что онъ разсказалъ ей «свои планы»: но какіе были эти планы—мы не знаемъ. Когда Инсаровъ сдѣлался боленъ, къ нему пришелъ Берсеневъ. Взоры его упали на столъ, покрытый грудами бумагъ. «Исполнитъ ли онъ свои замыслы? подумалъ

---

[1]) Н. Басистовъ. («Отеч. Зап.» 1860 г. № 5).

Берсеневъ. Неужели все исчезнетъ?» Но что такое было въ этихъ бумагахъ—опять неизвѣстно. Елена нашла у него письма. «Это письма изъ Болгаріи, сказалъ ей Инсаровъ: друзья мнѣ пишутъ, они меня зовутъ»—и только. Изъ всѣхъ сношеній Инсарова съ болгарами, жившими въ Россіи, мы узнаемъ только, что одинъ разъ у него были два какіе-то человѣка, «лица смуглыя, широкоскулыя, тупыя, съ ястребиными носами, лѣтъ каждому за сорокъ; одѣты плохо, въ пыли, въ поту», и съѣли вдвоемъ цѣлый огромный горшокъ каши, и что съ ними Инсаровъ отправился въ Троицкій Посадъ, мирить какихъ-то земляковъ, которые не хотѣли платить другъ другу какія-то деньги. Если не считать гимнастическаго подвига съ пьянымъ нѣмцемъ въ Царицынѣ (мимоходомъ сказать, вовсе ненужнаго ни для освобожденія Болгаріи, ни для усиленія любви Елены, и весьма-неловко напоминающаго гораздо-лучше мотивированный и болѣе демоническій подвигъ Печорина съ краснорожимъ господиномъ, съ длинными усами, ангажировавшимъ княжну Мери pour mazure), то Инсаровъ ровно ничего не дѣлаетъ въ романѣ. Берсеневъ, заочно рекомендуя его Еленѣ, увѣрялъ ее, что «у него одна мысль—освобожденіе его родины, и Елена задумчиво промолвила: «освободить свою родину! Эти слова даже выговорить страшно—такъ они велики»... Конечно, велики; но эти слова такъ и остаются словами. Мы не видимъ ни одного шага, который бы подвинулъ насъ къ приведенію ихъ въ дѣло; мало того, г. Тургеневъ не потрудился указать намъ даже возможности приведенія ихъ въ дѣло Инсаровымъ. Намъ остается восхищаться голымъ принципомъ, прекраснымъ и возвы-

шеннымъ, безспорно, но все же отвлеченнымъ принципомъ, а не живымъ человѣкомъ. Все, что есть живаго въ Инсаровѣ—его отношенія къ русскимъ и къ своимъ землякамъ, его занятія, его любовь къ Еленѣ—все это могло бы существовать и безъ этого принципа; а того, чѣмъ бы осуществлялся этотъ принципъ, мы въ Инсаровѣ не видимъ.

Эта личность осталась бы для насъ совершенно-непонятною, еслибъ г. Тургеневъ не далъ намъ самъ ключа къ ней въ своей философской статьѣ о Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ, напечатанной въ № 1 «Современника» нынѣшняго же года, одновременно съ появленіемъ «Наканунѣ» въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Въ этой прекрасной статьѣ мы находимъ слѣдующее разсужденіе;

«Что выражаетъ собою Донъ-Кихотъ? Вѣру прежде всего; вѣру въ нѣчто вѣчное, незыблемое, въ истину, однимъ словомъ, въ истину, находящуюся *внѣ* отдѣльнаго человѣка, не легко ему дающуюся, требующую служенія и жертвъ, но доступную постоянству служенія и силѣ жертвы. Жить для себя, заботиться о себѣ Донъ-Кихотъ почелъ бы постыднымъ. Онъ весь живетъ внѣ себя, для другихъ, для своихъ братьевъ. Въ немъ нѣтъ и слѣда эгоизма; онъ не заботится о себѣ, онъ весь самопожертвованіе—оцѣните это слово!—онъ вѣритъ, вѣритъ крѣпко и безъ оглядки».

Постоянное стремленіе къ одной и той же цѣли придаетъ нѣкоторое однообразіе его мыслямъ, односторонность его уму; онъ знаетъ мало, да ему и не нужно много знать: онъ знаетъ, въ чемъ его дѣло, зачѣмъ онъ живетъ на землѣ, а это—его главное знаніе».

Далѣе:

«Простота его манеръ происходитъ отъ отсутствія того, что мы бы рѣшились назвать не самолюбіемъ, а *самомнѣніемъ*; Донъ-Кихотъ не занятъ собою и, уважая себя и другихъ, не думаетъ рисоваться».

И далѣе:

«Кто, жертвуя собою, выдумалъ бы сперва разсчитывать и взвѣшивать всѣ послѣдствія, всю вѣроятность пользы своего поступка, тотъ едва-ли способенъ на самопожертвованіе».

Тоже самое находимъ мы высказаннымъ объ Инсаровѣ въ разныхъ мѣстахъ «Наканунѣ». Когда Берсеневъ сталъ толковать съ нимъ о Фейербахѣ, то «изъ возраженій его (говоритъ г. Тургеневъ) видно было, что онъ старался дать самому себѣ отчетъ въ томъ: нужно ли ему заняться Фейербахомъ, или же можно обойтись безъ него».—«Онъ плохо говоритъ по французски и не стыдится», пишетъ о немъ Елена въ своемъ дневникѣ. «Мнѣ кажется, что у Дмитрія (говоритъ о немъ она же) оттого ясно на душѣ, что онъ весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ. Изъ чего ему волноваться? Кто отдался весь... весь... весь... тому горя мало, тотъ ужъ ни за что не отвѣчаетъ. Не *я* хочу; *то* хочетъ.» «Ты *вѣришь*—говоритъ она-же въ письмѣ къ Инсарову о представленномъ ей женихѣ, Курнатовскомъ: а тотъ нѣтъ, потому что только въ самого себя *вѣрить* нельзя».

Итакъ, другіе *говорятъ* объ Инсаровѣ то-же самое, что самъ г. Тургеневъ говоритъ о Дон-Кихотѣ: жаль только, что Инсаровъ самъ за себя ничѣмъ не говоритъ, какъ-бы слѣдовало ожидать отъ живаго лица. Что-жь такое этотъ Инсаровъ? Отвлеченная идея донкихотства, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова,

окрещенная славянской фамиліей. но, при всемъ томъ, оставшаяся отвлеченной, какъ созданіе мышленія, а не фантазіи.

Дѣло Инсарова имѣетъ двѣ стороны: одну—временную, другую—вѣчную: другими словами: въ немъ есть форма и идея. Временную сторону, или форму, составляетъ мысль объ освобожденіи угнетенной родины; сущность не въ этомъ. Еслибъ дѣло было только въ томъ, чтобъ изобразить намъ человѣка, въ минуту общей опасности подпимающагося на общее дѣло и жертвующаго этому дѣлу всего себя безраздѣльно, въ такомъ случаѣ можно-бы найти образцы и у насъ, въ Россіи: стоитъ вспомнить 1612 годъ съ тогдашнимъ нашимъ Инсаровымъ—мѣщаниномъ Мининымъ. Еслибъ г. Тургеневъ только въ этомъ смыслѣ хотѣлъ намъ показать Инсарова, то его романъ былъ-бы не болѣе, какъ исправленный «Юрій Милославскій, или русскіе въ 1612 году.»

Но вѣдь такіе случаи, которые вызываютъ на дѣло весь народъ и даютъ возможность являться героямъ, встрѣчаются не всякій день въ народной жизни. Всенародныя событія начинаются и кончаются, а между тѣмъ жизнь народа продолжаетъ идти своимъ чередомъ, слагаясь не изъ подвиговъ, а изъ мелкихъ дѣлъ каждаго. Вѣдь и Инсаровъ—положимъ, что ему удалось-бы освободить свою Болгарію—долженъ-же былъ-бы потомъ заняться какимъ-нибудь не столь громкимъ дѣломъ. Онъ—такъ-же, какъ и всѣ—училъ-бы дѣтей, или писалъ статьи въ болгарскіе журналы, или служилъ-бы въ военной, или статской службѣ, или, наконецъ, торговалъ-бы, пахалъ землю и т. п. Спрашивается: отличалась-ли-бы тогда его дѣятель-

ность отъ дѣятельности Шубиныхъ, Берсеневыхъ, Курнатовскихъ?

Еслибъ Инсаровъ былъ живое лицо, а не порожденіе отвлеченнаго мышленія, то мы сейчасъ же нашли-бы въ немъ черты постоянныя, которыя дали-бы намъ возможность отвѣчать на этотъ вопросъ съ увѣренностью. Теперь-же, такъ-какъ Инсаровъ опредѣляется только тѣмъ, что говорятъ о немъ другіе, а не тѣмъ, что онъ говоритъ и дѣлаетъ самъ передъ нами, то намъ придется искать отвѣта въ какихъ-нибудь намекахъ, которые случайно обронитъ то или другое изъ дѣйствующихъ лицъ романа, и изобличать тайную мысль автора, съ опасеніемъ ошибиться.

Когда Елена познакомилась съ Инсаровымъ, она написала въ своемъ дневникѣ: «Вотъ наконецъ правдивый человѣкъ; вотъ на кого положиться можно. Этотъ не лжетъ; *это первый человѣкъ, котораго я встрѣчаю, который не лжетъ: всѣ другіе лгутъ, все лжетъ.*» Это говоритъ Елена, уже знавшая и Шубина, и Берсенева. Между тѣмъ г. Тургеневъ представляетъ намъ ихъ благородными людьми: стало-быть, тутъ ложь надобно относить не къ нравственнымъ ихъ правиламъ, а къ самой ихъ дѣятельности. Они не лгутъ; но дѣятельность ихъ ложна, въ жизни ихъ нѣтъ правды, а, слѣдовательно, нѣтъ и истинной жизни. Все, что они дѣлаютъ—пустоцвѣтъ. А то, что дѣлаетъ Инсаровъ—не ложь; въ его дѣлѣ—истинное дѣло. И оно истинно не потому, что оно практическое: дѣло Курнатовскаго тоже практическое, но и оно ложь. Это понимаетъ не только Елена, но и Шубинъ. Когда Курнатовскій былъ у Стаховыхъ, Шубинъ послѣ обѣда подошелъ къ Еленѣ и сказалъ: «Вотъ этотъ

(то-есть Курнатовскій) и нѣкто другой (то-есть Инсаровъ)—*оба практическіе люди*, а посмотрите, какая разница: тамъ настоящій, живой, *жизнью данный идеалъ*, а здѣсь даже не чувство долга, а просто служебная честность и *дѣльность безъ содержанія*.» Тотъ-же рѣзвый художникъ Шубинъ еще въ началѣ романа высказалъ еще понятнѣе свой взглядъ на то, въ чемъ состоитъ сила Инсарова: *онъ съ своею землею связанъ*, говорилъ онъ Берсеневу: «не то, что наши пустые сосуды, которые ластятся къ народу: влейся, молъ, въ насъ, живая вода!»

Вотъ эта живая связь съ своей землей и составляетъ внутреннюю вѣчную сторону дѣятельности Инсарова, она-то и даетъ ей правдивость и силу. Понятно, что дѣятельность Шубина, Берсенева, Курнатовскаго ложна, потому что она не связана съ землей, выросла не изъ народной жизни, а явилась Богъ-знаетъ откуда и служитъ Богъ-знаетъ чьимъ потребностямъ. Шубинъ лѣпитъ какихъ-то вакханокъ: Берсеневъ пишетъ «о нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-германскаго права въ дѣлѣ судебныхъ наказаній» и пестритъ свою статью иностранными словами; Курнатовскій дѣлецъ безъ содержанія.

Итакъ, разбирая Инсарова, мы пришли къ мысли о необходимости народности въ искусствѣ, народности въ наукѣ, народности въ жизни общественной.

И стоило изъ-за этого поднимать Болгарію! Вѣдь эту новость проповѣдывалъ еще «Москвитянинъ:» эту новую мысль четыре года разносила на своей оберткѣ «Русская Бесѣда:» «Только коренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?»

[1]) Въ Писаровѣ, строго говоря, нѣтъ ничего чрезвычайнаго. Берсеневъ и Шубинъ, и сама Елена, и, наконецъ, даже авторъ повѣсти характеризуютъ его все болѣе отрицательными качествами. Онъ никогда не лжетъ, не измѣняетъ своему слову, не беретъ взаймы денегъ, не любитъ разговаривать о своихъ подвигахъ, не откладываетъ исполненія принятаго рѣшенія, его слово не расходится съ дѣломъ и т. п. Словомъ, въ немъ нѣтъ тѣхъ чертъ, за которыя долженъ горько упрекать себя всякій человѣкъ, имѣющій претензію считать себя порядочнымъ. Но кромѣ того онъ — Болгаръ, питающій въ душѣ страстное желаніе освободить свою родину, и этой мысли онъ предается весь, открыто и увѣренно, въ ней заключается конечная цѣль его жизни. Онъ не думаетъ ставить свое личное благо въ противоположность съ этой цѣлью; подобная мысль, столь естественная въ русскомъ ученомъ дворянинѣ Берсеневѣ, не можетъ даже въ голову придти простому Болгару. Напротивъ, онъ потому-то и хлопочетъ о свободѣ родины, что въ этомъ видитъ свое личное спокойствіе, счастье всей своей жизни; онъ бы оставилъ въ покоѣ порабощенную родину, еслибъ только могъ найти удовлетвореніе себѣ въ чемъ-нибудь другомъ. Но онъ никакъ не можетъ понять себя отдѣльно отъ родины. Какъ же это можно быть довольнымъ и счастливымъ, когда свои земляки страдаютъ? думаетъ онъ.—Какъ можетъ человѣкъ успокоиться, пока его родина порабощена и угнетена? И какое занятіе можетъ быть для него пріятно, если оно не ведетъ къ облегченію участи бѣдныхъ земляковъ?» Такимъ образомъ онъ дѣлаетъ свое задушев-

[1]) Добролюбовъ (Сочин. Добролюб. т. 3 в «Совр.» 1860 г. № 3).

ное дѣло совершенно спокойно, безъ натяжекъ и фанфаронадъ, такъ же просто, какъ ѣстъ и пьетъ. Покамѣсть ему приходится еще мало работать для прямаго выполненія своей идеи; но что-же дѣлать? Ему приходится теперь и ѣсть плохо и мало, и даже иной разъ голодать случается; но все-таки пища, хоть и скудная, составляетъ необходимое условіе его существованія... Онъ также живетъ *наканунѣ* великаго дня свободы, въ который существо его озарится сознаніемъ счастья, жизнь наполнится и будетъ уже настоящей жизнью. Этого дня ждетъ онъ, какъ праздника, и вотъ почему не приходитъ ему въ голову сомнѣваться въ себѣ и холодно разсчитывать и взвѣшивать, сколько именно можетъ онъ сдѣлать и съ какимъ великимъ мужемъ успѣетъ поровняться... Онъ хочетъ идти, онъ не можетъ нейти, не потому, чтобы боялся нарушить какой-нибудь долгъ, а потому, что онъ умеръ бы, еслибы ему нельзя было двинуться съ мѣста. Въ этомъ огромная разница между нимъ и Берсеневымъ. Берсеневъ тоже способенъ къ жертвамъ и подвигамъ; но онъ похожъ при этомъ на великодушную дѣвушку, которая для спасенія отца рѣшается на ненавистный бракъ... Любовь къ свободѣ родины у Инсарова не въ разсудкѣ, не въ сердцѣ, не въ воображеніи: она у него во всемъ организмѣ, и что бы ни вошло въ него, все претворяется силою этого чувства, подчиняется ему, сливается съ нимъ. Оттого, при всей обыкновенности своихъ способностей, при всемъ отсутствіи блеска въ своей натурѣ, онъ стоитъ неизмѣримо выше, дѣйствуетъ на Елену несравненно сильнѣе и обаятельнѣе, нежели блестящій Шубинъ и умный Берсеневъ, хотя оба они тоже люди благородные и любящіе.

Но почему же Инсаровъ не могъ быть русскимъ? Вѣдь онъ въ повѣсти не дѣйствуетъ, а только собирается на дѣло; это и русскій можетъ. Характеръ его тоже возможенъ и въ русской кожѣ; особенно въ такихъ проявленіяхъ. Онъ любитъ сильно и рѣшительно; но неужели невозможно и это для русскаго человѣка?... Тургеневъ, столь хорошо изучившій лучшую часть нашего общества, не нашелъ возможности сдѣлать его *нашимъ*. Мало того, что онъ вывезъ его изъ Болгаріи, онъ недостаточно приблизилъ къ намъ этого героя даже просто какъ человѣка. Въ этомъ, если хотите смотрѣть даже на литературную сторону, главный художественный недостатокъ повѣсти. Мы понимаемъ одну изъ важныхъ причинъ его, не зависящихъ отъ автора, и потому не дѣлаемъ упрека г. Тургеневу....

Инсаровъ, какъ человѣкъ сознательно и всецѣло проникнутый великой идеей освобожденія родины и гововый принять въ ней дѣятельную роль, не могъ развиться и проявить себя въ современномъ русскомъ обществѣ. Даже Елена, такъ полно умѣвшая полюбить его и такъ слиться съ его идеями, и она не можетъ остаться среди русскаго общества, хотя тамъ,— всѣ ея близкіе и родные. И такъ великимъ идеямъ, великимъ сочувствіямъ, нѣтъ еще мѣста среди насъ?... Все героическое, дѣятельное должно бѣжать отъ насъ, если не хочетъ умереть отъ бездѣйствія или погибнуть напрасно? Не такъ ли? Не таковъ ли смыслъ повѣсти, разобранной нами?—Мы думаемъ, что нѣтъ. Правда, для широкой дѣятельности нѣтъ у насъ открытаго поприща.... Дѣло въ томъ, что какъ бы ни была плоха наша жизнь, но въ ней уже оказалась

возможность такихъ явленій, какъ Елена. И мало того, что такіе характеры стали возможны въ жизни, они уже охвачены художническимъ сознаніемъ, внесены въ литературу, возведены въ типъ. Елена—лицо идеальное, но черты ея намъ знакомы, мы ее понимаемъ, сочувствуемъ ей. Что это значитъ? То, что основа ея характера—любовь къ страждущимъ и притѣсненнымъ, желаніе дѣятельнаго добра, томительное исканіе того, кто бы показалъ, какъ дѣлать добро,—все это наконецъ чувствуется въ лучшей части нашего общества. И чувство это такъ сильно и такъ близко къ осуществленію, что оно уже не обольщается какъ прежде, ни блестящимъ, но безплоднымъ умомъ и талантомъ, ни добросовѣстной, но отвлеченной ученостью, ни служебными добродѣтелями, ни даже добрымъ, великодушнымъ, но пассивно-развитымъ сердцемъ. Для удовлетворенія нашего чувства, нашей жажды нужно болѣе: нуженъ человѣкъ, какъ Инсаровъ — но русскій Инсаровъ.

[1]) Мы полагаемъ, что Добролюбовъ увлекся въ своемъ пессимизмѣ, стараясь доказать невозможность появленія Инсарова въ Россіи, идеальность его характера въ сравненіи съ русскими. Нѣтъ, скажемъ мы, Инсаровъ не болѣе, какъ очень порядочный человѣкъ! Противъ такого опредѣленія мы не протестуемъ, но что бы онъ уже такъ высоко стоялъ, что намъ бѣднымъ русскимъ лапотникамъ оставалось-бы только умилиться духомъ и сознаться въ своемъ безсиліи—съ этимъ мы никакъ согласиться не можемъ. Самобичеваніе вещь хорошая и полезная, но оно становится натянутымъ и даже

---

[1]) С. Венгеровъ. («Русск. лит. въ ея совр. представит.»).

вреднымъ, когда переходитъ границы должнаго. Въ данномъ случаѣ, пессимизмъ Добролюбова является одностороннимъ. Если вѣренъ его взглядъ, то какой же выводъ мы должны сдѣлать изъ «Наканунѣ»? Неужели-же такой грустно безнадежный, что у насъ хорошихъ людей нѣтъ?

[1]) Бракуя людей за то, что они не герои, раскидывая направа и налѣво окружающую его мелюзгу, Тургеневъ доходитъ, наконецъ до созданія идеальнаго человѣка. Человѣкъ этотъ—Болгаринъ. На какомъ основаніи? неизвѣстно. Принимать Инсарова за живое лицо я не могу; потому прослѣживать его развитіе и возсоздавать его личность критическимъ анализомъ я не берусь... Фигура Инсарова не возстаетъ передо мною: но за то съ ужасающею отчетливостью возстаетъ передо мною тотъ процессъ механическаго построенія, которому Инсаровъ обязанъ своимъ происхожденіемъ. Тургеневъ не могъ остановиться на чисто отрицательныхъ отношеніяхъ къ жизни; ему до смерти надоѣли пигмеи, а между тѣмъ отъ этого жизнь не измѣнилась, и пигмеи не выросли ни на вершокъ. Ему захотѣлось колоссальности, героизма и онъ задумался надъ тѣмъ, какія свойства надо придать герою; образъ не напрашивался въ его творческое сознаніе; надо было съ невѣроятными усиліями составить этотъ образъ изъ разныхъ кусочковъ; во первыхъ, надо было поставить героя въ необыкновенное положеніе; положеніе придумано: Инсаровъ—Болгаръ, и родители его погибли лютою смертью. Потомъ надо было устроить такъ, чтобы каждое слово и движеніе героя было проникну-

[1]) Писаревъ. («Русск. Слово» 1861 г. № 12 и соч. Пис. ч. 1).

то особенною многозначительностью. не сознаваемою самимъ героемъ: Тургеневъ достигъ этого, заставивъ Инсарова разглагольствовать о любви къ родинѣ почти такъ же, какъ разглагольствуетъ чиновникъ Соллогуба. съ тою только разницею, что послѣдній не дѣлаетъ блестящей антитезы (послѣдній мужикъ—и я). Чтобы оттѣнить то воодушевленіе, которое овладѣваетъ Инсаровымъ, когда онъ говоритъ о родинѣ, Тургеневъ заставляетъ его въ остальное время быть очень спокойнымъ: Тургеневъ напираетъ даже на то, что въ Инсаровѣ не видно ничего необыкновеннаго, что въ немъ все очень просто, начиная отъ упастаго картуза и кончая спокойною походкою. Чтобы показать благородную гордость героя, Тургеневъ упоминаетъ о томъ. что Инсаровъ ни отъ кого не взялъ бы денегъ взаймы и даже отъ Берсенева не принимаетъ даромъ комнаты, когда тотъ приглашаетъ его къ себѣ на дачу. Не знаю, какъ другимъ, а мнѣ эта гордость по поводу десяти или двадцати рублей кажется мелочностью. Не принимать одолженія отъ мало знакомаго человѣка или отъ такого, которому тяжело быть обязаннымъ, это понятно; но съ мелочною тщательностью отгораживать свои интересы отъ интерессовъ товарища студента или друга—это, воля ваша, безплодный трудъ. Мое ли перейдетъ къ нему, его ли ко мнѣ—чортъ ли въ этомъ? Я знаю, что самъ съ удовольствіемъ сдѣлаю ему одолженіе, и потому съ полною довѣрчивостью принимаю отъ него такое же одолженіе. Чтобы показать, какъ земляки Болгары вѣрятъ Инсарову, Тургеневъ разсказываетъ о поѣздкѣ послѣдняго за шестьдесятъ верстъ; чтобы дать образчикъ той колоссальной энергіи, на которую способенъ герой—Тургеневъ

изобрѣлъ бросаніе пьянаго нѣмца, и притомъ великана, въ воду. Чтобы дать понятіе о любви Инсарова къ родинѣ — Тургеневъ заставляетъ его бороться съ любовью къ Еленѣ: Инсаровъ готовъ на пользу Болгаріи пожертвовать любимою женщиною,—и это невольно переноситъ читателя въ лучшіе дни Римской республики. Но вотъ что любопытно: Инсаровъ герой, сильный человѣкъ; отчего же онъ постоянно предоставляетъ Еленѣ инниціативу? Отчего Елена тащитъ его за собою и постоянно сама дѣлаетъ первый шагъ къ сближенію? Отчего Инсаровъ постоянно принимаетъ отъ нея разныя доказательства любви не иначе, какъ послѣ нѣкотораго упрашиванія съ ея стороны? Что это за церемоніи, и умѣстны ли онѣ между не пигмеями? Инсаровъ видитъ, что дѣвушка вышла къ нему на встрѣчу и съ тоскою спрашиваетъ у него: отчего же вы не пришли сегодня утромъ? Въ этомъ вопросѣ сказывается любовь, недоумѣніе, страданіе, а Инсаровъ отвѣчаетъ на это: «я вамъ не обѣщалъ» и старается только отстоять ненарушимость своего слова. Точно будто хозяинъ торговаго дома отвѣчаетъ кредитору: «срокъ вашему векселю не сегодня!» Освободитъ ли Инсаровъ Болгарію, не знаю; но Инсаровъ какимъ онъ является въ отдѣльныхъ сценахъ романа: «Наканунѣ», не представляетъ въ себѣ ничего цѣлостно—человѣческаго и рѣшительно ничего симпатичнаго. Что его полюбила болѣзненно-восторженная дѣвушка, Елена—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; вѣдь и Титанія гладила съ любовью длинныя уши ослиной головы; но что истинный художникъ, Тургеневъ соорудилъ ходульную фигуру, стоящую ниже Штольца—это очень грустно; это показываетъ ради-

кальное измѣненіе во всемъ міросозерцаніи, это начало увяданія. Кто въ Россіи сходилъ съ дороги чистаго отрицанія, тотъ падалъ. Чтобы освѣтить ту дорогу, по которой идетъ Тургеневъ, стоитъ назвать одно великое имя, Гоголя. Гоголь тоже затосковалъ по положительнымъ дѣятелямъ, да и свернулъ на переписку съ друзьями. Что-то будетъ съ Тургеневымъ?

БЕРСЕНЕВЪ.—

[1]) Берсеневъ, человѣкъ хорошо воспитанный, кандидатъ Московскаго Университета, съ лицомъ, выражающимъ привычку мыслить и доброту. Г-жа Туръ когда-то сдѣлала подобное лицо героемъ своего большаго романа «Племянница». Это представитель тѣхъ жрецовъ науки, которыми, по словамъ Шубина, справедливо гордится классъ средняго русскаго дворянства, будущій посредникъ между наукой и россійской публикой. Онъ учится много, работаетъ усердно, но въ немъ нѣтъ этой пылкости Шубина, этой возможности отдаться на долго, страстно, съ забвеніемъ самого себя впечатлѣнію. Онъ чувствуетъ, что въ немъ зарождается любовь къ Еленѣ, онъ грустить и страдаетъ; въ немъ уже есть зародыши той рефлексіи, которая губитъ жизнь, уничтожаетъ наслажденіе, не допускаетъ беззавѣтно отдаться чувству. Всего яснѣе контрасты обѣихъ натуръ выражаются во взглядѣ на природу у Шубина и у Берсенева. Когда первый радостно вдыхаетъ въ себя это дыханіе жизни, разлитой повсюду, Берсеневъ чувствуетъ безпокойство, тревогу,

---

[1]) Н. К—ій. («Русск. Слово» 1860 г. № 5).

грусть: онъ силится размышленіемъ объяснить себѣ свое душевное состояніе. Когда подъ вліяніемъ вечера, проведеннаго съ Еленой, онъ возвращается домой, и сердце его настроено на любовь, онъ садится за фортепьяно въ своей комнаткѣ и подъ аккорды звуковъ, выражающихъ чувство, онъ плачетъ горькими слезами; да, онъ умѣетъ плакать. Но тотчасъ же, онъ умѣетъ подавить въ себѣ зарожденную тревогу, умѣетъ закрыть фортепьяно, заглушить звуки, поющіе въ сердцѣ и перейдти къ тому, что, по его понятіямъ, составляетъ его призваніе въ жизни. Онъ можетъ раскрыть Раумерову *Исторію Гогенштауфеновъ* именно на той странницѣ, на которой остановился по утру и продолжать свое изученіе дальше, перейдти отъ Раумера къ Гроту и т. д. Что-то порядочное, нѣмецкое, въ этомъ подчиненіи себя идеалу долга, призванію. Любимая мечта его, цѣль его жизни—сдѣлаться профессоромъ. «Какое же можетъ быть лучше призваніе, говоритъ онъ Еленѣ,—подумайте, пойдти по слѣдамъ Тимоѳея Николаевича?» Одна мысль о подобной дѣятельности наполняетъ его радостью и смущеніемъ. Онъ не гордъ и не самоувѣренъ, онъ сознаетъ все, чего не достаетъ ему и мечтаетъ получить позволеніе съѣздить за границу года на три, четыре и тамъ поучиться въ германскихъ университетахъ. Его идеалъ—эта дѣятельность слова въ аудиторіи, этотъ свѣтъ мысли постепенно пробивающій густую тьму, эта просвѣщенная борьба со зломъ, которой онъ хочетъ отдать всю свою жизнь, выбирая орудіемъ борьбы—науку. Онъ говоритъ прекрасно, сдержанно, съ сосредоточенною мыслію. Умъ и сердце слышутся въ словахъ его; Шубину объясняетъ онъ красоту, кото-

рую понимаетъ какъ эстетически-развитый человѣкъ, а не какъ художникъ, и Елена слушаетъ его со вниманіемъ, не отводя взора отъ его поблѣднѣвшаго лица, отъ глазъ его, дружелюбныхъ и кроткихъ. При разговорѣ съ нимъ «душа ея раскрывалась, и что-то нѣжное, справедливое, хорошее, не то вливалось въ ея сердце, не то выростало въ немъ.» Берсеневъ не эпикуреецъ. Онъ не жаждетъ счастія, подобно Шубину: онъ смотритъ на счастіе, какъ на эгоизмъ; у него есть кой-что по-выше этого личнаго счастія. Онъ говоритъ Шубину, что есть на свѣтѣ слова, соединяющія людей, заставляющія ихъ подавать другъ другу руки, что слова эти: искусство, родина, наука, свобода, справедливость—выше счастія, что любовь, которая для Шубина есть наслажденіе, по его понятію, должна быть жертвою, что все назначеніе нашей жизни—*поставить себя нумеромъ вторымъ* (въ противоположность эгоизму художника), и съ этой точки зрѣнія подчиненія себя общему благу, забвенія своей личности, онъ смотритъ на будущую свою дѣятельность. Берсеневъ существо серьезное, но абстрактное, идеалистъ; его цѣль не близка; она далеко; за его словомъ не послѣдуетъ тотчасъ же примѣненія, дѣйствія. Берсеневъ сознательно добръ. Елена въ дневникѣ сравниваетъ его разъ съ Инсаровымъ и говоритъ, что Берсеневъ можетъ быть ученѣе его, можетъ быть умнѣе, «но я не знаю, прибавляетъ она, *онъ передъ нимъ такой маленькій*». Самоотверженіе его тогда, когда узнаетъ онъ о любви Елены къ Инсарову, когда нейдетъ ему въ голову Раумеръ,—трогательно. Заботы у постели больнаго Инсарова, роль посредника между имъ и Еленой, которую любилъ

онъ, роль, вѣроятно, стоившая ему тяжелыхъ часовъ глухаго страданія, вызываютъ къ нему участіе. Лучше всего выражается его характеръ въ слѣдующихъ словахъ его: «Не даромъ мнѣ говаривалъ отецъ: мы съ тобой, братъ, не сибариты, не аристократы, не баловни судьбы и природы, мы даже не мученики,— мы труженики, труженики и труженики. Надѣвай же свой кожаный фартукъ, труженикъ, да становись же за свой рабочій станокъ, въ своей темной мастерской! А солнце пусть сіяетъ другимъ! И въ нашей глухой жизни есть своя гордость и свое счастіе!» Люди, подобные Берсеневу, носятъ въ груди своей клятву рыцарей Круглаго Стола; это такъ называемые *піонеры будущаго* и, конечно, мы не откажемъ имъ въ нашемъ глубокомъ, полномъ сочувствіи, если только призваніе свое выполняютъ они честно и искренно, если они не сворачиваютъ съ своей дороги и ни съ кѣмъ никогда не дѣлаютъ компромиссовъ. Образецъ, приводимый Берсеневымъ, по слѣдамъ котораго онъ хочетъ идти—Грановскій—есть типъ этихъ чистыхъ рыцарей, которымъ ввѣренъ Грааль науки, бережно хранимый ими въ глухомъ лѣсу, посреди дикихъ звѣрей. Но время Грановскаго, не смотря на всю близость его къ намъ, не похоже на настоящее время, и мы увѣрены, что Грановскій теперь былъ бы инымъ. Въ этомъ служеніи абстрактному идеалу науки, въ этомъ ожиданіи отдаленныхъ плодовъ ея, въ этой медленной постройкѣ таинственнаго зданія есть что-то массонское, мистическое. Молодая жизнь не терпитъ никакого мистицизма. Ея горячія слезы отираются дѣятельною любовью; ея раны залечиваются дѣйствительными хирургами, а не теоретиками съ художественно-

изящными фразами на устахъ. Ars longa, vita brevis— говоритъ опошленная употребленіемъ пословица и жизнь не ждетъ, какъ не дожидалась Елена, можетъ быть сначала чувствовавшая влеченіе къ Берсеневу, того времени, когда онъ кончитъ свое ученіе на казенный счетъ въ Парижѣ, Гейдельбергѣ, Берлинѣ и напечатаетъ статьи свои: *О нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-германскаго права въ дѣлѣ судебныхъ наказаній и о значеніи городскаго начала въ вопросѣ цивилизаціи*, написанныя языкомъ нѣсколько тяжелымъ и испещреннымъ иностранными словами. Эти названія сочиненій Берсенева звучатъ какъ иронія: такъ далеки они отъ жизни, такъ ясно показываютъ, въ какую отдаленную сферу кинулся авторъ ихъ. А Елена поѣхала туда, гдѣ бьется настоящая жизнь, гдѣ народъ подымается противъ своихъ вѣковыхъ притѣснителей--турковъ, гдѣ у каждаго на устахъ слова: родина, независимость....

[1]) Разсуждая о благородныхъ принципахъ Берсенева и о способности къ самоотверженію, Добролюбовъ говоритъ, что онъ (Берсеневъ) «выражаетъ искреннюю готовность пожертвовать своимъ счастьемъ для одного изъ тѣхъ словъ, которыя онъ называетъ соединяющій». Этимъ онъ долженъ привлечь сочувствіе такой дѣвушки, какъ Елена. Но тутъ-же видно и то, почему онъ не можетъ овладѣть всею ея душею, всей полнотой ея жизни. Это одинъ изъ героевъ пассивныхъ добродѣтелей, человѣкъ, умѣющій многое перенести, многимъ пожертвовать, вообще выказать благородное поведеніе, когда приведетъ къ тому случай; но онъ не съумѣетъ и не посмѣетъ опредѣлить себя на широкую и смѣлую дѣятельность, на вольную борьбу,

[1]) Добролюбовъ. (Соч. Добролюб. т. 3 и «Соврем.» 1860 г. № 3).

на самостоятельную роль въ какомъ-нибудь дѣлѣ... Берсеневъ весьма хорошій русскій дворянинъ, воспитанный въ началахъ долга и пустившійся потомъ въ ученость и философію. Онъ гораздо дѣльнѣе и надежнѣе Шубина, и если его повести по какому-нибудь пути, то онъ пойдетъ охотно и прямо. Но самъ вести онъ не можетъ, не только другихъ, но даже и себя самого; инициативы нѣтъ у него въ натурѣ, и онъ не успѣлъ ее пріобрѣсти ни въ воспитаніи, ни въ послѣдующей жизни. Елена сначала почувствовала симпатію къ нему за то, что онъ добрый, и все о дѣлѣ говоритъ. Она даже совѣстится передъ нимъ своего невѣжества, по тому случаю, что онъ все приноситъ ей книги, которыхъ она читать не можетъ. Но совершенно привязаться къ нему, отдать ему свою душу, свою судьбу она не можетъ: она еще прежде, чѣмъ увидѣла Инсарова, инстинктивно поняла, что Берсеневъ не то, чего ей нужно.

ШУБИНЪ.

[1]) Непосредственная, художественная, блестящая натура представляется намъ въ лицѣ художника—скульптора Шубина. Здоровье и молодость, безпечность, самонадѣянность, избалованность невольно привлекаютъ къ нему. Какъ горячо, какъ страстно говоритъ онъ о любви, которую проситъ молодость, объ этой жаждѣ счастья, которою полна душа его. «Мы молоды, не уроды, не глупы, говоритъ онъ Берсеневу, мы завоюемъ себѣ счастіе!» «Какіе безмолвные восторги пилъ-бы я въ этихъ ночныхъ струяхъ, подъ этими

[1]) Н. К—ій. («Русск. Слово» 1860 г. № 5.).

звѣздами, подъ этими алмазами, еслибъ я зналъ, что меня любятъ» говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Дальше этого счастья, эгоистическаго, но классическаго, дальше этого греческаго идеала наслажденія не идетъ Шубинъ. Онъ какъ-то художественно, порывисто влюбленъ въ Елену и въ то же время гонится за красивой горничной Аннушкой и отбиваетъ у отца Елены Августину Христіановну. Это типъ такъ называемой широкой натуры, доведенный здѣсь до изящества, до граціи, освобожденный отъ всего грубаго, дикаго, удалаго, исполненной той сдержанной, законной гармоніей, которая проникаетъ все существо Шубина. Ему хочется свѣта, простора, Италіи, обѣтованной земли художниковъ. Это облагороженный эпикуреецъ, ревниво ограждающій свое счастіе отъ всякаго облачка. Онъ не допускаетъ малѣйшей тѣни на этомъ свѣтломъ небѣ изящнаго наслажденія жизнію и когда Берсеневъ, въ ясный вечеръ, разсказываетъ Еленѣ исторію отца своего, послѣдователя шеллинговой философіи, онъ проситъ говорить о соловьяхъ, о розахъ, о молодыхъ глазахъ и улыбкахъ. Онъ ничего еще не сдѣлалъ, но въ немъ множество задатковъ; геніальная натура его сказывается въ изящныхъ статуеткахъ, гдѣ мѣтко подмѣчены имъ выраженіе лица и внутренній міръ его знакомыхъ. Онъ и кончаетъ въ повѣсти не дурно. Мы прощаемся съ нимъ въ Римѣ, гдѣ онъ весь отдался своему искусству, работаетъ много и считается однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ваятелей. Шубинъ—представитель цѣлаго поколѣнія молодыхъ русскихъ людей, къ счастію отживающаго теперь, которые, вслѣдствіе независящихъ отъ нихъ обстоятельствъ, выбрали своею дѣятельностію изящное на-

слажденіе жизнію, а идеаломъ для подражанія художественную фигуру Вильгельма Мейстера. Въ немъ много обаянія, *шарму*, какъ говоритъ онъ самъ. Такія лица нравятся женщинамъ съ эпикурейскими наклонностями, но на Елену онъ не могъ подѣйствовать. Она пишетъ въ своемъ дневникѣ, что ей не нужно его любви; она прямо говоритъ ему, что не полюбитъ художника. Онъ наряденъ, какъ бабочка, по словамъ ея, да любуется своимъ нарядомъ, чего бабочки не дѣлаютъ. Кромѣ этой изящной внѣшности, подвижности, блеска, у Шубина прекрасное сердце, прекрасная душа. Въ немъ такъ много любви ко всему окружающему; эту любовь, это человѣческое участіе онъ вноситъ въ домашнія ссоры семейства, гдѣ живетъ; онъ улыбкой прогоняетъ вздохъ, шуткой сглаживаетъ набѣжавшія морщины на лобъ близкаго ему человѣка; онъ шутитъ надъ грубыми выходками и пристыжаетъ; онъ является спасителемъ въ затруднительныя минуты. Онъ красиво уменъ, но ни во что не вѣритъ, потому что «въ самого себя вѣрить нельзя» говоритъ Елена. Въ сравненіи съ Инсаровымъ онъ вовсе не дрянь, но Елена его никогда не любила, какъ сама признается. Что для ея натуры съ вѣчною жаждою дѣятельнаго добра могла значить эта красивая, блестящая личность съ ея ироніей и эпикурейской бездѣятельностію? Намъ укажутъ на римскія работы Шубина и скажутъ, что онъ вовсе не бездѣятеленъ, но эти работы были его личнымъ дѣломъ, прихотью его художнической души, послѣобѣденнымъ кейфомъ. Играй искусство въ настоящемъ мірѣ ту роль, какую играло оно въ XIV, XV, XVI вѣкахъ, сдѣлайся оно главнымъ содержаніемъ цѣлой эпохи, такъ что

художникъ является живымъ сосудомъ цѣлаго міра общественныхъ идей и стремленій, и будь Шубинъ однимъ изъ такихъ художниковъ, воплотившихъ въ свои созданія современную мысль родины,—конечно, Елена имѣла-бы полное право полюбить его. Но теперь искусство служитъ *для украшенія жизни*; связи съ народной исторіей оно не имѣетъ никакой, и Шубина могла полюбить только лѣнивая, жаждущая наслажденія женщина, а не строгая, дѣятельная Елена.

КУРНАТОВСКІЙ.

[1]) Это новый видъ Паншина, только безъ свѣтскихъ и художественныхъ талантовъ, и болѣе дѣловой. Онъ очень честенъ и даже великодушенъ: въ доказательство его великодушія Стаховъ, прочащій его въ женихи Еленѣ, приводитъ фактъ, что онъ, какъ только достигъ возможности безбѣдно существовать своимъ жалованьемъ, тотчасъ отказался въ пользу братьевъ отъ ежегодной суммы, которую назначалъ ему отецъ. Вообще въ немъ много хорошаго: это признаетъ даже Елена, изображающая его въ письмѣ къ Инсарову.

«ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ».

(«Русское Слово» 1860 г., Венгеровъ 1875 г.).

[2]) «Первая любовь» не заключаетъ въ себѣ общественныхъ типовъ и, такъ сказать, вся состоитъ изъ

[1]) Добролюбовъ. (Соч. Доброл. т. 3 и «Соврем.» 1860 г. № 8.).
[2]) С. Венгеровъ. («Русская литер. въ ея совр. представителяхъ»).

«поэзіи». Фабула сбивается на истинное происшествіе, но вы не въ претензіи за это, вамъ многое родственно въ повѣсти, вы многое и сами испытали. Своеобразная личность княжны Зинаиды нѣсколько смахиваетъ на Асю, но въ этой больше оригинальности, она не кокетничаетъ, чего никакъ однако же нельзя отнять отъ предмета страсти многочисленныхъ кавалеровъ, увивающихся за хорошенькой княжной... Въ ряду другихъ женскихъ портретовъ Тургенева княжна Засѣкина занимаетъ не послѣднее мѣсто по своей симпатичности, но «культурныхъ» элементовъ въ ней очень мало, даже меньше, чѣмъ у Аси. Если не гнаться за типами, а удовольствоваться характерами, то княжна не лишена интереса, хотя характеръ ея далеко не исчерпанъ Тургеневымъ.

[1]) «Первая любовь», не касаясь тяжелыхъ и сразу не дающихся общественныхъ вопросовъ, проникнута вся глубокою поэзіею любви, изображать которую такой удивительный мастеръ г. Тургеневъ. Всѣ прочли ее съ глубокимъ наслажденіемъ. Начавъ читать эти страницы, нельзя оторваться отъ нихъ до конца. Поэзія чувства разлита въ нихъ щедрою рукою. Живыя лица повѣсти всѣ охвачены потокомъ любви, окружены волшебнымъ свѣтомъ, въ которомъ всякій предметъ получаетъ яркіе цвѣта. Въ этой повѣсти такъ много прочувствованнаго и прочувствованнаго не даромъ, а съ глубокимъ поэтическимъ пониманіемъ, что она невольно захватываетъ за живое всякаго читателя, у котораго въ молодости шевелилось въ сердцѣ что-либо похожее на чувство, описанное въ повѣсти.

---

[1]) Н. К—ій. («Русск. Слово» 1860 г. № 5).

Тайною прелестью дѣйствительныхъ воспоминаній первой любви, молодымъ восторгомъ и молодою скорбью вѣетъ отъ этихъ горячихъ, страстныхъ страницъ. Старые, умершіе образы, подъ вліяніемъ этой поэзіи возникаютъ въ сердцѣ, какъ подъ вліяніемъ перваго весенняго вѣтра просятся въ душу забытые сны. Какъ наслажденіе сѣверною весною невольно оставляетъ въ душѣ легкую скорбь, какое-то сожалѣніе, особенно если годы говорятъ о невозвратимыхъ потеряхъ, такъ и эти весеннія воспоминанія невольно навѣваютъ тайную грусть о прошедшемъ.

Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ,
Средь поэтическаго сна,
Иная, старая весна,
И въ трепетъ сердце намъ приводитъ
Мечтой о дальней сторонѣ,
О чудной ночи, о лунѣ...

Вся повѣсть разсказывается, какъ воспоминаніе о первой любви, отъ лица холостяка Владиміра Петровича, о которомъ мы знаемъ только, что онъ «человѣкъ лѣтъ сорока, черноволосый съ просѣдью». Дѣйствіе происходитъ весною, на дачѣ подъ Москвою, когда этому Владиміру Петровичу исполнилось только шестнадцать лѣтъ и онъ готовится къ вступительному экзамену въ университетъ, подъ вліяніемъ весны, лѣниво изучая знаменитый учебникъ Кайданова и повторяя наизусть любимые, заученные на память стихи, въ то время какъ молодая жизнь сказывается неопредѣленными, сладкими желаніями. «Кровь бродила во снѣ, и сердце ныло—такъ сладко и смѣшно; я все ждалъ, робѣлъ чего-то и всему дивился, и весь былъ

на готовѣ; фантазія играла и носилась быстро вокругъ однихъ и тѣхъ же представленій, какъ на зарѣ стрижи вокругъ колокольни; я задумывался, грустилъ и даже плакалъ; но и сквозь слезы и сквозь грусть, навѣянную то пѣвучимъ стихомъ, то красотою вечера, *проступало, какъ весенняя травка, радостное чувство молодой, закипающей жизни*». Этой молодой жизни, съ ея безпредметными восторгами и желаніями, недоставало человѣческаго чувства—любви, не замедлившей явиться. «Во всемъ, что я думалъ, во всемъ, что я ощущалъ, таилось полусознанное, стыдливое предчувствіе чего-то новаго, несказанно-сладкаго, женскаго»... Эта ожидаемая женщина является шестнадцатилѣтнему юношѣ въ лицѣ оригинальной княжны Зинаиды Засѣкиной, одной изъ тѣхъ поэтическихъ женщинъ, создавать которыя такой мастеръ г. Тургеневъ, сосѣдки по дачѣ. Ея характеръ обрисовывается съ удивительной граціей и изяществомъ въ небольшихъ сценахъ повѣсти, имѣвшихъ такое вліяніе на юношу. Она вся, какъ живой образъ, стоитъ передъ нами съ своею красивою внѣшностью, съ игривою прелестью кокетства, даваемаго молодостью и красотою, съ своей невысказываемой, но очевидною страстью,—о которой не догадывается только бѣдный юноша и съ своимъ поэтическимъ образомъ выраженія. Отъ всей фигуры ея вѣетъ чувствомъ и полнотою жизни. Не даромъ у ней было столько разнообразныхъ поклонниковъ, которыми она могла распоряжаться самовластно, какъ царица. Она была пятью годами старше студента. Избалованная общимъ обожаніемъ, она должна была смотрѣть на шестнадцатилѣтняго юношу, какъ на дитя. Но въ юношѣ между тѣмъ созрѣло настоящее

человѣческое чувство любви, и эту любовь молодая дѣвушка должна была естественно щадить. Она сама постепенно дѣлается жертвою могучей страсти къ отцу студента, отдаваясь ей безотвѣтно, забывая всѣхъ своихъ поклонниковъ, забывая то, что она являлась всегда побѣдоносною между ними. Эта борьба въ ея душѣ и въ ея жизни между чувствомъ сожалѣнія, пощады къ бѣдному юношѣ, которое не дозволяетъ ей высказаться, и своею собственною страстію, ее подавляющею, составляетъ одну изъ тайныхъ, сразу незамѣтныхъ красотъ разсказа.

Но главная прелесть его состоитъ въ передачѣ симптомовъ страсти въ молодомъ сердцѣ, въ первомъ волненіи и первомъ трепетѣ его и первомъ горѣ ревниваго чувства. Мы могли бы назвать этотъ разсказъ о любви глубокимъ психологическимъ этюдомъ, еслибъ въ немъ не заключалось такъ много дѣйствительно перечувствованнаго, прожитаго сердцемъ. Невольно въ головѣ читателя возникаетъ мысль, что эта любовь есть сердечная повѣсть молодости разскащика, созданная не авторскою фантазіею, а дѣйствительною жизнію. Свѣтлое сожалѣніе объ этой безвозвратно исчезнувшей молодости мы встрѣчаемъ на многихъ страницахъ повѣсти: «О, кроткія чувства, мягкіе звуки, доброта и утиханіе тронутой души, тающая радость первыхъ умиленій любви,—гдѣ вы, гдѣ вы?» Первое сознаніе юноши, что онъ полюбилъ, что слово найдено, котораго такъ жадно добивалась душа въ тотъ вечеръ, когда онъ усталый послѣ впечатлѣній дня возвращается въ свою студентскую комнату, передано удивительно просто и естественно: «Я присѣлъ на стулъ и долго сидѣлъ какъ очарованный. То, что я ощущалъ,

было такъ ново и такъ сладко... Я сидѣлъ, чуть-чуть озираясь и не шевелясь, медленно дышалъ и только по временамъ *то молча смѣялся, вспоминая, то внутренно холодѣлъ при мысли, что я влюбленъ, что вотъ она, вотъ эта любовь.* Лицо Зинаиды тихо плыло передо мной во мракѣ—плыло и не проплывало; губы ея все также загадочно улыбались, глаза глядѣли на меня съ боку, вопросительно, задумчиво и нѣжно... какъ въ то мгновеніе, когда я разстался съ ней. Наконецъ я всталъ, на цыпочкахъ подошелъ къ своей постели и осторожно, не раздѣваясь, положилъ голову на подушку, *какъ бы страшась рѣзкимъ движеніемъ потревожить то, чѣмъ я былъ переполненъ»*... Ночная гроза и трепетныя молніи, поминутно вспыхивавшія, какъ нарочно, соотвѣтствуютъ этимъ нѣмымъ и тайнымъ порывамъ зараждающагося чувства. Это чувство не постепенно растетъ и развивается; оно разомъ, съ перваго дня, овладѣваетъ всѣмъ существомъ молодаго человѣка; ему ничто и на умъ нейдетъ кромѣ одной постоянной, напряженной думы о ней и только въ присутствіи ея дѣлается ему легче. Зинаида окружена поклонниками; они со всѣхъ сторонъ льнутъ къ ней, ищутъ ея взгляда, ласки. Всѣ они гораздо старше бѣднаго юноши и знаютъ чего хотятъ и добиваются въ этой страсти, а юношѣ остается только сознавать свое ничтожество, изнывать цѣлые дни, ревновать. Она кокетничаетъ со всѣми, потѣшается надъ всѣми и долго остается свободною, гордою и сіяющею, пока въ ней самой не заговорило сильное чувство, сломившее ея независимую волю. Съ какою мукою, хотя и послѣ всѣхъ, молодой человѣкъ впервые узнаетъ, что Зинаида полюбила. Но кого? отвѣтъ на этотъ вопросъ, хотя онъ

ничего не прибавитъ къ ревнивой мукѣ, составляетъ новую тревогу для юноши. На какіе подвиги, на какія пожертвованія готовъ онъ рѣшиться, чтобъ только завоевать это сердце, непреклонное и гордое, пока не овладѣла имъ страсть. Эти порывы выражаются ребячествомъ, но приковываютъ участіе. Съ высокой стѣны оранжереи, съ двухсаженной высоты, онъ летитъ въ поле на шутливый вызовъ Зинаиды и больно ушибается, но возбуждаетъ скорбное чувство въ прихотливой красавицѣ. «Милый мой мальчикъ, говорила она, наклоняясь надо мною — и въ голосѣ ея звучала встревоженная нѣжность, «какъ могъ ты это сдѣлать, какъ могъ ты послушаться... вѣдь я люблю тебя... встань...» Ея грудь дышала возлѣ моей, ея руки прикасались моей головы и вдругъ—что сталось со мной тогда! ея мягкія, свѣжія губы начали покрывать все мое лицо поцѣлуями... онѣ коснулись моихъ губъ... «Боль отъ ушиба прошла быстро и замѣнилась сладостнымъ ощущеніемъ любви, надеждою раздѣленнаго чувства; ревность и муки сомнѣнія забыты (юношѣ такъ немного нужно, чтобъ вновь увѣровать и успокоиться). Чувство блаженства, которое я испыталъ тогда, уже не повторилось въ моей жизни. Оно стояло сладкой болью во всѣхъ моихъ членахъ и разрѣшилось наконецъ, восторженными прыжками и восклицаніями. Точно, я былъ еще ребенокъ». Но въ молодости одно чувство такъ быстро смѣняется другимъ, такъ круты переходы, такъ быстро стучитъ сердце. Ревнивая тоска вновь изгоняетъ ощущеніе минутнаго блаженства и подъ вліяніемъ злыхъ намековъ, подъ вліяніемъ современнаго романтизма (дѣйствіе происходитъ въ тридцатыхъ годахъ), онъ воображаетъ

себя пушкинскимъ Алеко, мстителемъ за измѣну и отправляется ночью караулить чужое счастіе въ садъ съ англійскимъ ножикомъ вмѣсто кинжала. Эти ночныя ощущенія ревниваго юноши, а кому не случалось переживать подобное, этотъ школьникъ-Отелло и потомъ быстрый переходъ къ испугу, когда юноша въ счастливомъ соперникѣ узнаетъ отца своего, разсказаны удивительно вѣрно. «Я такъ скорчился и съежился, что, кажется, сравнялся съ самою землею. Ревнивый, готовый на убійство Отелло, внезапно превратился въ школьника». На другой день онъ какъ дитя, играетъ и бѣгаетъ въ саду съ двѣнадцатилѣтнимъ кадетомъ, братомъ Зинаиды. Но, ноющая грусть грызетъ его сердце, теперь уже нѣтъ сомнѣній; тоска ревности превратилась въ безвыходное, но сознательное страданіе, которое ничѣмъ не поправишь, которое неотразимо стоитъ въ сердцѣ и напоминаетъ вѣчно о себѣ; слезы льются неудержимо. Прежде, покуда тайна была неясна, пока не была она открыта вполнѣ, дѣтское легкомысліе помогало. «*Я не хотѣлъ знать, любятъ ли меня, и не хотѣлъ сознаться самому себѣ, что меня не любятъ;* отца я избѣгалъ—но Зинаиду избѣгать я не могъ... Меня жгло какъ огнемъ въ ея присутствіи... но къ чему мнѣ было знать, что это былъ за огонь, на которомъ я горѣлъ и таялъ—благо мнѣ было сладко таять и горѣть. Я отдавался всѣмъ своимъ впечатлѣніямъ, *и самъ съ собой лукавилъ, отворачивался отъ воспоминаній и закрывалъ глаза передъ тѣмъ, что предчувствовалъ впереди*. Это томленіе вѣроятно долго бы не продолжилось; громовой ударъ разомъ все прекратилъ и перебросилъ меня въ новую колею. «Когда всѣ сомнѣнія исчезли, когда нельзя уже было съ

эпикуреизмомъ юности обманывать себя, когда печальная истина стояла съ неотразимою болью въ сердцѣ, это внезапное откровеніе раздавило меня... Все было кончено. Всѣ цвѣты мои были вырваны разомъ и лежали вокругъ меня, разбросанные и истоптанные.» Въ сладость прощальнаго поцѣлуя подмѣшано было много горечи погибнувшаго чувства.

Не въ одномъ этомъ влюбленномъ юношѣ и въ измѣненіяхъ его молодаго чувства принимаетъ живое участіе читатель: еще больше возбуждаетъ его виновница этой любви, молодая дѣвушка, которая проносится въ повѣсти какъ поэтическая греза съ самаго перваго оригинальнаго ея появленія. «Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня—на полянѣ, между кустами зеленой малины, стояла высокая, стройная дѣвушка, въ полосатомъ, розовомъ платьѣ и съ бѣлымъ платочкомъ на головѣ; вокругъ нея тѣснились четыре молодыхъ человѣка, и она поочередно хлопала ихъ по лбу тѣми небольшими сѣрыми цвѣтками, которыхъ имени я не знаю, но которые хорошо знакомы дѣтямъ: эти цвѣтки образуютъ небольшіе мѣшечки и разрываются съ трескомъ, когда хлопнешь ими по чему нибудь твердому. Молодые люди такъ охотно подставляли свои лбы—а въ движеніяхъ дѣвушки (я ее видѣлъ съ боку) было что-то такое очаровательное, повелительное, ласкающее, насмѣшливое и милое, что я чуть не вскрикнулъ отъ удивленія и удовольствія, и, кажется, тутъ же бы отдалъ все на свѣтѣ, чтобы только и меня эти прелестные пальчики хлопнули по лбу.» Съ этой дѣвушкой молодому человѣку пришлось часто встрѣчаться въ саду и познакомиться. Въ повѣсти насъ поражаетъ ея внѣшнее появленіе, всегда

оригинальное и полное своенравной граціи; о томъ-же, какъ зараждается въ ней страсть къ отцу молодаго человѣка; что происходитъ въ ея сердцѣ, когда эта страсть порабощаетъ и губитъ ее, мы можемъ догадываться только по внѣшнимъ признакамъ. Разсказъ идетъ отъ лица молодаго человѣка, а онъ былъ юношески недогадливъ и вѣрилъ въ свое чувство. Но эта самая таинственность чувства бросаетъ на нее прелесть тайны. Живая, подвижная, внѣшняя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страстная натура ея сказывается въ ней во всемъ. Свѣтлая и вмѣстѣ лукавая улыбка не сходитъ съ ея губъ, пока ее совсѣмъ не прогнала могучая страсть. Мужчины, постоянные ея поклонники, постоянно окружающіе ее, очерчены въ немногихъ словахъ какъ живые люди: польскій графъ Малевскій, хитрый, фальшивый, мастеръ писать анонимныя письма, сорокалѣтній докторъ Лушинъ, скептикъ и насмѣшникъ, романтическій поэтъ Майдановъ, написавшій дикую поэму «Убійца,» которую намѣревался издать въ черной оберткѣ, съ заглавными буквами кроваваго цвѣта, отставной капитанъ Нирмацкій, безобразный и влюбленный до того, что княжна, играя въ фанты и представляя собою статую, беретъ его за пьедесталъ, молодой гусаръ Бѣловзоровъ, съ зрачками на выкатѣ, съ нѣмою до глупости любовью, предлагающій сто рублей, чтобъ ему уступили право поцѣловать ручку княжны въ фантахъ и потомъ, когда тайна ея сдѣлалась извѣстною, пропадающій безъ вѣсти на Кавказѣ. Она своенравно и кокетливо тѣшится ихъ страстью; употребляетъ ихъ на посылки, требуетъ услугъ, и они только и хлопочутъ о томъ, какъ-бы услужить ей. Вся эта разнообразная свита

всегда окружаетъ княжну, заискиваетъ ея слова, ея взгляда, играетъ съ нею въ фанты. Въ этой безпорядочной, страстной атмосферѣ, окружающей прекрасную дѣвушку, тѣшущуюся всѣмъ, что ни попадется ей подъ руку, страсть бѣднаго юноши горитъ сильнѣе и сильнѣе. Она играла имъ какъ кошка мышью. «Въ одномъ штрафѣ (въ фантахъ) мнѣ довелось сидѣть съ ней рядомъ, накрывшись однимъ и тѣмъ-же шелковымъ платкомъ; я долженъ былъ сказать ей *свой секретъ*. Помню я, какъ наши обѣ головы вдругъ очутились въ душной, полупрозрачной, пахучей мглѣ, какъ въ этой мглѣ близко и мягко свѣтились ея глаза и горячо дышали раскрытыя губы, и зубы виднѣлись, и концы ея волосъ меня щекотали и жгли. Я молчалъ. Она улыбалась таинственно и лукаво и наконецъ шепнула мнѣ: ну, что-же? а я только краснѣлъ и смѣялся, и отворачивался, и едва переводилъ духъ.» Подъ этими чарами, когда шестнадцатилѣтнее сердце само еще не знаетъ, чего хочетъ оно, легко и роскошно развертывается мучительно-сладкое чувство первой любви. Женщина стоитъ выше молодаго человѣка; она только тѣшится его любовью, дурачитъ, балуетъ и мучитъ его, когда онъ изнываетъ, когда у него все изъ рукъ валится отъ напряженной думы о ней, когда непреодолимая сила влечетъ его къ ней, когда онъ всякій разъ съ невольной дрожью счастія переступаетъ порогъ ея комнаты. Какое ей дѣло было до ребенка, до этого шестнадцатилѣтняго мечтателя съ его робкою, неполною любовью, когда люди гораздо старше его раболѣпно лежали у ея ногъ. «Всѣ мужчины, посѣщавшіе ея домъ, были отъ нея безъ ума— и она ихъ всѣхъ держала на привязи—у своихъ ногъ.

Ее забавляло возбуждать въ нихъ то надежды, то опасенія, вертѣть ими по своей прихоти (это она называла: стукать людей другъ о друга)—и они не думали сопротивляться и охотно покорялись ей. Во всемъ ея существѣ, живучемъ и красивомъ, была какая-то особенно обаятельная смѣсь хитрости и безпечности, искусственности и простоты, тишины и рѣзвости; надо всѣмъ, что она дѣлала, говорила, надъ каждымъ ея движеніемъ носилась тонкая, легкая прелесть, во всемъ сказывалась своеобразная, играющая сила. И лицо ея безпрестанно мѣнялось, играло тоже: оно выражало почти въ одно и то же время—насмѣшливость, задумчивость и страстность. Разнообразнѣйшія чувства, легкія, быстрыя, какъ тѣни облаковъ въ солнечный вѣтренный день, перебѣгали то и дѣло по ея глазамъ и губамъ. «Это не поверхностная и холодная натура; еще не пришла ея очередь. Всѣ окружающіе ее мужчины стоятъ ниже ея. «Я такихъ любить не могу, на которыхъ мнѣ приходится глядѣть сверху внизъ. Мнѣ надобно такого, который самъ бы меня сломилъ... Да я на такого не наткнусь, Богъ милостивъ! Не попадусь никому въ лапы, ни, ни!» И она попалась въ лапы, и сломилась ея гордая натура. Такъ почти всегда оканчиваютъ подобныя женщины...

За развитіемъ ея страсти мы можемъ слѣдить только по внѣшнимъ признакамъ, по тому, что успѣетъ замѣтить молодой человѣкъ, по ея собственнымъ словамъ и по нѣкоторымъ отрывочнымъ сценамъ. Мы видимъ, какъ она блѣднѣетъ и скрываетъ страданіе, мы подмѣчаемъ глухую и упорную борьбу въ ней, естественную въ такой гордой натурѣ, какою была она. Очевидная перемѣна произошла въ ней.

Она стала гулять одна и ходила долго, запиралась въ своей комнатѣ. Когда ей замѣчаетъ Лушинъ, что вся ея натура высказывается въ двухъ словахъ: капризъ и независимость, она отвѣчаетъ съ нервическимъ смѣхомъ: «опоздали почтой, любезный докторъ. Наблюдаете плохо; отстаете.—Надѣньте очки.--Не до капризовъ мнѣ теперь; васъ дурачить, себя дурачить... куда какъ весело! а что до независимости»... Вся поэтическая натура ея высказывается въ этомъ прекрасномъ разсказѣ, который она импровизируетъ вслѣдствіе условій игры въ фанты:

«Вотъ послушайте, начала она наконецъ, что я выдумала. Представьте себѣ великолѣпный чертогъ, лѣтнюю ночь и удивительный балъ. Балъ этотъ даетъ молодая королева. Вездѣ золото, мраморъ, хрусталь, шелкъ, огни, алмазы, цвѣты, куренья, всѣ прихоти роскоши... Гостей множество, всѣ они молоды, прекрасны, храбры, всѣ безъ памяти влюблены въ королеву... она высока и стройна; у ней маленькая золотая діадема на черныхъ волосахъ... Всѣ толпятся вокругъ нея, всѣ расточаютъ передъ ней самыя льстивыя рѣчи... Королева слушаетъ эти рѣчи, слушаетъ музыку, но не глядитъ ни на кого изъ гостей. Шесть оконъ раскрыты сверху до низу, отъ потолка до полу; а за ними темное небо съ большими звѣздами, да темный садъ съ большими деревьями. Королева глядитъ въ садъ. Тамъ—около деревьевъ, фонтанъ: онъ бѣлѣетъ во мракѣ—длинный,длинный какъ привидѣніе. Королева слышитъ сквозь говоръ и музыку тихій плескъ воды. Она смотритъ и думаетъ: вы всѣ, господа, благородны, умны, богаты, вы окружили меня, вы дорожите каждымъ моимъ словомъ, вы всѣ готовы

умереть у моихъ ногъ, я владѣю вами... а тамъ, возлѣ фонтана, возлѣ этой плещущей воды, стоитъ и ждетъ меня тотъ, кого я люблю, кто мною владѣетъ. На немъ нѣтъ ни богатаго платья, ни драгоцѣнныхъ камней, никто его не знаетъ, но онъ ждетъ меня и увѣренъ, что я приду, и я приду, и нѣтъ такой власти, которая бы остановила меня, когда я захочу пойдти къ нему и остаться съ нимъ, и потеряться съ нимъ тамъ, въ темнотѣ сада, подъ шорохъ деревьевъ, подъ плескъ фонтана»...

Всѣ слушающіе дорого бы дали, чтобъ быть этимъ счастливцемъ у фонтана. Страсть ея по немногу открывается. Увлеченная ея водоворотомъ, она уже не думаетъ скрываться, бороться. Эта страсть является контрастомъ робкой любви юноши; онъ только тутъ понимаетъ, какого свойства бываетъ страсть, какъ быстро она изъ гордой и независимой дѣвушки, привыкшей играть людьми, дѣлаетъ безотвѣтную жертву, покорно склоняющуюся передъ своимъ властителемъ. «Да, думалъ я, вотъ это—любовь, это—страсть, это—преданность, и вспоминались мнѣ слова Лушина: жертвовать собою сладко для иныхъ». Она сдѣлалась покорною до забвенія самой себя; на ея печальномъ, серьезномъ лицѣ, съ котораго прежде не сходила своенравная улыбка, явился «непередаваемый отпечатокъ преданности, грусти, любви и какого-то отчаянія»... Послѣдняя небольшая сцена въ глухомъ переулкѣ Москвы, въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, у раскрытаго окна котораго стоитъ отецъ молодаго человѣка и разговариваетъ съ Зинаидою, показываетъ вполнѣ, до чего могла она покориться... Онъ ее уговариваетъ въ чемъ-то; она улыбалась покорно и упрямо. «Зи-

наида выпрямилась и протянула руку... вдругъ въ глазахъ моихъ совершилось невѣроятное дѣло: отецъ внезапно поднялъ хлыстъ, которымъ сбивалъ пыль съ полы своего сюртука—и послышался рѣзкій ударъ по этой обнаженной до локтя рукѣ. Я едва удержался, чтобы не вскрикнуть, а Зинаида вздрогнула, молча посмотрѣла на моего отца и, медленно поднеся свою руку къ губамъ, поцѣловала заалѣвшійся на ней рубецъ. Отецъ швырнулъ въ сторону хлыстъ и, торопливо взбѣжавъ на ступеньки крылечка, ворвался въ домъ... Зинаида обернулась—и протянувъ руки, закинувъ голову, тоже отошла отъ окна»... Тяжелымъ гнетомъ ложится эта сцена на душу юноши. Что передъ этою дѣйствительною страстью его мечтательная, робкая, дѣтская любовь! «Вотъ это любовь, говорилъ я себѣ снова, сидя ночью передъ своимъ письменнымъ столомъ, на которомъ уже начали появляться тетради и книги, это страсть!... Какъ, кажется, не возмутиться, какъ снести ударъ отъ какой бы то ни было... отъ самой милой руки! А видно можно, если любишь... А я-то... я-то воображалъ»...

Но эта скорбь молодаго сердца, эта подавленная, обманутая любовь, это страданіе, разрѣшается въ молодости въ свѣтлое чувство; они принимаютъ образъ отраднаго воспоминанія... что такое любовь въ молодомъ сердцѣ?

...юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ буря вешнія лугамъ.

И это сознаніе могучихъ силъ молодости, заключающей въ себѣ возможность будущаго развитія, ея

эгоизма, быстрой смѣны впечатлѣній, выражается въ прекрасномъ диѳирамбѣ ея, которымъ заключается вся исполненная свѣжей поэзіи повѣсть:

«О молодость! молодость! тебѣ нѣтъ ни до чего дѣла, ты какъ будто обладаешь всѣми сокровищами вселенной, даже грусть тебя тѣшитъ, даже печаль тебѣ къ лицу, ты самоувѣренна и дерзка, ты говоришь: я одна живу—смотрите! а у самой дни бѣгутъ и исчезаютъ безъ слѣда и безъ счета, и все въ тебѣ исчезаетъ, какъ воскъ на солнцѣ, какъ снѣгъ... И, можетъ быть, вся тайна твоей прелести состоитъ не въ возможности все сдѣлать—а въ возможности думать, что ты все сдѣлаешь—состоитъ именно въ томъ, что ты пускаешь по вѣтру силы, которыя ни на что другое употребить бы не умѣла,—въ томъ, что каждый изъ насъ не шутя считаетъ себя расточителемъ, не шутя полагаетъ, что онъ въ правѣ сказать: О, чтобъ я сдѣлалъ, еслибъ я не потерялъ времени даромъ!»

„ПРИЗРАКИ" *).

(«Библіотека для чтенія» 1864 г. (Е. Э—нъ). Антоновичъ 1864 г.).

[1]) Уже нѣсколько поколѣній нашего русскаго общества провелъ Тургеневъ передъ нами въ художественныхъ образахъ и картинахъ. Устраняясь болѣе или менѣе всякій разъ отъ личнаго суда надъ своими героями,

*) За «Первою Любовью» слѣдуетъ романъ «Отцы и Дѣти;» но такъ какъ разборъ этого романа по его обширности не могъ бы окончиться въ настоящемъ выпускѣ, то онъ будетъ помѣщенъ во второмъ выпускѣ.

[1]) Е. Э—нъ. «Библіот. для чтен.» 1864 г. № 4—5.

Тургеневъ тѣмъ не менѣе давалъ обществу вѣрныя и ясныя данныя для суда его надъ различными своими представителями. То съ грустью, то съ сочувствіемъ узнавая себя въ художественныхъ лицахъ поэта, общество наше какъ-бы переживало вновь свою жизнь и силою сознанія освобождалось окончательно отъ тѣхъ чертъ прошлаго, которыя воплощались въ ясные, художественные образы. Ненужные, лишніе люди, Гамлеты Щигровскаго уѣзда, Рудины становились мало по малу отжившими типами, и вѣчно дѣятельныя общественныя силы искали новыхъ формъ и путей для своего проявленія. Живая связь поэта съ развивающимся обществомъ не нарушалась—они дѣлали одно и тоже дѣло. Сами обличаемые мѣткими чертами поэта признавали правду и силу обличенія и, если не находили въ себѣ силъ примкнуть къ общему движенію, выработывающему новыя силы и новые характеры, отходили въ сторону, покоряясь своей печальной участи не призванныхъ на пиръ жизни. Мало того, въ своемъ тяжеломъ положеніи они находили въ себѣ довольно мужества и благодушія, чтобы съ искреннею радостью и доброжелательствомъ напутствовать свѣжія, смѣняющія ихъ силы и конечно не разъ были высказаны у насъ, такъ или иначе, въ дѣйствительности тѣ трогательныя, полныя высокаго чувства слова, которыя отживающій Лаврецкій въ концѣ романа «Дворянское гнѣздо» обращаетъ къ молодому поколѣнію.

Съ тѣмъ-же безпристрастіемъ, съ тѣмъ-же отсутствіемъ произвольнаго личнаго осужденія приступилъ Тургеневъ въ своемъ романѣ «Отцы и дѣти» къ изображенію того новаго типа, который выработывался

нѣкоторою частью русскаго общества на его глазахъ. Но прежняя, живая связь поэта съ развивающеюся общественною мыслью была уже порвана. По крайней мѣрѣ значительная часть журнальныхъ представителей молодаго поколѣнія тупо и враждебно отнеслась къ Тургеневу, не захотѣла слиться съ нимъ въ одномъ общемъ дѣлѣ и какъ бы отдѣлила свои надежды и стремленія отъ остальнаго русскаго общества. Разрывъ со всѣми преданіями русской литературы сдѣлался полный и торжественный, искусство, такъ долго и честно служившее русскому обществу въ лицѣ Тургенева, стало отрицаться, какъ благотворная сила, не только въ этомъ дѣятелѣ, но и въ самомъ принципѣ. Отрекшись окончательно отъ живой силы, всегда вносившей свѣтъ и сознаніе въ смутно кипящую дѣйствительность, литературное движеніе въ лицѣ отдѣлившихся превратилось въ какой-то хаосъ темныхъ силъ, непонятный и неинтересный для остальнаго общества.

Весь этотъ прискорбный разладъ, все это странное недоразумѣніе между обществомъ и поэтомъ, жившимъ съ нимъ постоянно одною жизнью, поэтически высказывавшимъ его лучшія думы, сказались, болѣе или менѣе, невольно въ новомъ произведеніи Тургенева — «Призраки». Какъ будто покидая совершенно то серьозное общественное служеніе, которому посвящены были всѣ его прежнія произведенія, какъ будто холодно отворачиваясь отъ того общества, страстному изображенію котораго онъ былъ дотолѣ всецѣло преданъ, въ «Призракахъ» Тургеневъ даетъ своей фантазіи — Эллисъ полную, исключительную надъ собою власть. Это уже не та здоровая, полная кипящихъ силъ фан-

тазія, которая будитъ и напрягаетъ въ душѣ поэта всѣ человѣческія струны, которая дѣлаетъ его самымъ вѣрнымъ и живымъ выразителемъ духа и стремленій своей эпохи, умственнымъ двигателемъ своего общества: это какая-то больная фантазія, способная еще дать яркія, вѣрныя, то привлекательныя, то страшныя картины, способная мгновенно переносить поэта въ различныя страны и эпохи, но въ то же время оставляющая его почти безучастнымъ въ виду проходящихъ предъ нимъ образовъ или заставляющая его смотрѣть съ холодною, безсильною грустью на неизбѣжный порядокъ вещей...

Появленіе «Призраковъ» можетъ быть объяснено только тѣми прискорбными обстоятельствами, которыя мы сами же старались разъяснить выше. Не смотря на всѣ свои частныя поэтическія достоинства, это новое произведеніе самаго симпатичнаго изъ нашихъ писателей, проникнуто такимъ безотраднымъ, тяжелымъ чувствомъ, что мы объясняемъ его только временнымъ настроеніемъ автора. И мы еще ждемъ чего либо другаго отъ Тургенева. Поэтъ, высказывавшій въ своей долгой дѣятельности столько горячаго участія къ судьбамъ родной страны, умѣвшій найти въ своей душѣ глубокую симпатію къ молодымъ, вновь входящимъ въ жизнь силамъ и къ старымъ уже отживающимъ типамъ—такой поэтъ вправѣ иной разъ затуманиться безпредѣльною скорбію и впасть въ безотрадное сомнѣніе.

[1]) Г. Тургеневъ отказался отъ проведенія тенденцій и обратился къ самостоятельнымъ цѣлямъ искусства,

---

[1]) М. Антоновичъ. («Современникъ» 1864 г. № 4).

забывъ о своихъ врагахъ: въ коротенькомъ предисловіи къ «Призракамъ» онъ говоритъ: «я рѣшаюсь просить читателя, который, быть можетъ, въ правѣ ожидать отъ меня чего-нибудь посерьезнѣе, не искать въ предлагаемой фантазіи никакой аллегоріи или скрытаго значенія, а просто видѣть въ ней рядъ картинъ, связанныхъ между собою довольно поверхностно». Дѣйствительно, всѣ ожидали, что г. Тургеневъ снова выступитъ съ романомъ въ родѣ «Отцовъ и Дѣтей», въ которомъ окончательно добьетъ своихъ противниковъ; парижскіе корреспонденты русскихъ газетъ поддерживали это ожиданіе, увѣряя, что г. Тургеневъ готовитъ свой новый романъ именно для «Русскаго Вѣстника».

У г. Тургенева до сихъ поръ поэзія и тенденція появлялись періодически, въ перемежку; за «Асей» — чистой поэзіей, слѣдовало «Наканунѣ» съ тенденціями; за тѣмъ «Первая Любовь» — поэзія, а послѣ нея «Отцы и Дѣти» съ рѣзко выраженною тенденціею, наконецъ «Призраки» — поэзія, за ними по очереди должна слѣдовать тенденція, и теперь возникаетъ вопросъ, послѣдуетъ, или не послѣдуетъ? Подождемъ, увидимъ, а теперь полюбуемся «Призраками»; чудесная штука, не злая, не разобиженная и никого не обижающая, какъ и прилично быть поэзіи, а главное не велика, всего два печатныхъ листа; читаешь разныя картины, любуешься ими, и вдругъ передъ тобой уже отрадно мелькаетъ конецъ, какъ пріютъ для усталаго путника. Сюжетъ фантазіи состоитъ въ томъ, что какой-то господинъ ѣздитъ по разнымъ мѣстамъ на призракѣ или привидѣніи въ образѣ женщины; эта женщина носитъ его въ своихъ рукахъ по воздуху всюду, куда ему захочется.

Призракъ, возившій путешественника, тоже прекрасенъ, хотя тоже фантастично прекраснаго въ немъ нѣтъ.

Замѣтимъ кстати, что призракъ—женщина не русская по лицу и имя у ней англійское, Эллисъ; самъ же путешественникъ видимо русскій, хотя объ этомъ прямо и не сказано. Они летали по Италіи, Германіи и Франціи, были даже и въ Россіи, и все, что видѣли на пути своемъ, то и описано въ «Призракахъ». Что же они видѣли? Да такъ, ничего особеннаго, и все, что попадало на глаза; изображаемыя картины подобраны случайно и безъ всякаго умысла, какъ увѣряетъ г. Тургеневъ. Дѣйствительно, картины ужъ до того безсвязны и мало проникнуты чѣмъ нибудь однимъ и до того разнохарактерны, что вся фантазія производитъ очень неясное и неопредѣленное впечатлѣніе. Конечно, и неопредѣленность впечатлѣнія хороша и пріятна для читателя, но только тогда, когда она выдержана во всемъ произведеніи; читатель никакъ не можетъ понять, что за дѣйствіе такое производитъ на него чтеніе, однако дѣйствіе это оказывается постояннымъ, во все время чтенія онъ остается подъ его вліяніемъ и даже послѣ чтенія чувствуетъ это вліяніе, хоть и не можетъ раздѣльно опредѣлить его. Въ фантазіи же г. Тургенева неопредѣленность перемѣшивается съ опредѣленностью, и впечатлѣніе оказывается не цѣльнымъ. Какъ фантазія, она очень блѣдна, не фантастична; образы ея не поражаютъ ни страстностью, ни таинственностью, ни ужасомъ, ни прелестью, вообще ни чѣмъ, что составляетъ спеціальность фантазіи и почему она нравится намъ. Вотъ, напр., такая картина въ «Призракахъ»: «ея лицо обернулось и придвину-

нулось къ моему лицу... я почувствовалъ на губахъ моихъ какое-то странное ощущеніе, какъ бы прикосновеніе тонкаго и мягкаго жала... Незлыя піявки такъ берутся»; и въ другомъ мѣстѣ: «Эллисъ подняла руку... но прежде чѣмъ туманъ охватилъ меня, я успѣлъ почувствовать на губахъ моихъ прикосновеніе того мягкаго, тупаго жала».. Трудно сказать, чѣмъ именно нехороши эти картинки, а вы чувствуете, что онѣ нехороши; вамъ хочется, чтобы впечатлѣніе было сильнѣе, чтобы этотъ поцѣлуй былъ или страшенъ, вонъ какъ описываютъ поцѣлуи мертвецовъ-череповъ, чтобы морозъ пробѣжалъ по кожѣ, или ужъ очень милъ, вообще какъ нибудь необыкновененъ, такъ какъ онъ изображается же въ фантазіи; а онъ въ картинѣ выходитъ даже не страшенъ, а такъ себѣ, даже хуже обыкновеннаго, потому что сравненіе его съ мягкимъ жаломъ не даетъ возможности нашей фантазіи представить себѣ, что же это былъ за поцѣлуй такой. — Вообще «Призраки», какъ фантазія, своею фантастичностью не могутъ увлечь и приковать къ себѣ вниманія читателя, который на досугѣ и предается разнымъ соображеніямъ о томъ, что тутъ дѣло не въ фантазіи, а въ томъ, что за ней скрывается, и она не больше, какъ аллегорія. Строки сами по себѣ не въ состояніи занимать читателя, поэтому онъ и хочетъ уловить что нибудь между строками; однако ничего не улавливаетъ, а самыя строки между тѣмъ такъ и проскользаютъ, не произведши и того впечатлѣнія, которое могли-бы произвести по мѣрѣ силъ своихъ. Прочитаетъ онъ и подпись автора и «Баденъ-Баденъ», стоящій сбоку подписи, и все-таки спрашиваетъ: что-же это значитъ? къ чему-же

это? Эти вопросы и означаютъ, что фантазія, какъ фантазія. не произвела дѣйствія. иначе они не явились-бы. А г. Тургеневъ, какъ будто нарочно для ослабленія впечатлѣнія фантазіи, провелъ въ ней нѣсколько штриховъ, намекающихъ на тенденцію. Призрачный путешественникъ былъ въ Римѣ, видѣлъ всѣ древности, ему явился образъ Цезаря, но онъ убоялся взглянуть на него, въ Парижѣ онъ видѣлъ многое, во первыхъ наполеоновское, во вторыхъ нравственное и безнравственное, въ третьихъ картины изъ русскихъ путешественниковъ. Все это не возбуждаетъ никакихъ подозрѣній и не вызываетъ въ умѣ читателя придирчивыхъ вопросовъ. Но вотъ фантастическіе туристы въ Россіи и летятъ по Волгѣ. Здѣсь они видѣли кровавые подвиги Разина; ихъ обрызгало кровью; путешественникъ струсилъ. Даже въ Петербургѣ они были ночью, видали только внѣшность Петербурга, зданія и разные другіе неодушевленные предметы, вообще вещи; изъ живой-же жизни, изъ области людей и людскихъ дѣяній они видали слѣдующее: «по улицѣ, Литейной, шла кучка молодыхъ людей съ испитыми лицами и толковала о танцъ-классахъ. «Подпоручикъ Столпаковъ седьмый,» крикнулъ вдругъ съ просонку солдатъ, стоявшій на часахъ у пирамидки ржавыхъ ядеръ, и нѣсколько подальше, у раскрытаго окна высокаго дома, я увидѣлъ дѣвицу въ измятомъ шелковомъ платьѣ, безъ рукавчиковъ, съ жемчужной сѣткой на волосахъ и съ папироской во рту. Она благоговѣйно читала книгу: это былъ томъ сочиненій одного изъ новѣйшихъ Ювеналовъ.» Здѣсь каждое слово возбуждаетъ вопросъ: отчего по Литейной, а не по Невскому? Отчего молодые люди и непремѣнно съ

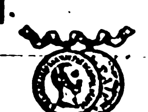
испитыми лицами и непремѣнно съ танцъ-классами на устахъ, а не старые люди съ благонамѣренными лицами и съ рѣчами объ идеяхъ и высочайшемъ благѣ человѣчества? отчего дѣвица въ измятомъ платьѣ, да непремѣнно безъ рукавовъ, да еще съ папироской, и какъ нарочно съ новѣйшимъ Ювеналомъ, а не дѣва, вся и съ руками облеченная въ покрывало дѣвственной невинности, стоящая на колѣняхъ и шепчущая отрывокъ изъ «Отцовъ и Дѣтей?» Наконецъ—и это особенно любопытно—кто этотъ Ювеналъ, кто нибудь изъ современныхъ романистовъ, принадлежащихъ къ типу г. Писемскаго и самого г. Тургенева, или это какой нибудь врагъ ихъ, данный въ руки измятой дѣвицѣ собственно для его избіенія? Вотъ вопросы, надъ которыми мучится читатель и которые мѣшаютъ ему наслаждаться разными художествами, разсыпанными въ «Призракахъ.»—«Призраки» уже извѣстны Европѣ; объ нихъ сдѣлалъ лестный отзывъ въ «Independance Belge» петербургскій корреспондентъ, замѣтившій въ нихъ «аргументацію вѣчную и твердую!»

СОБРАНІЕ
КРИТИЧЕСКИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ
ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЙ
И. С. ТУРГЕНЕВА.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

СОСТАВИЛЪ

В. ЗЕЛИНСКІЙ.



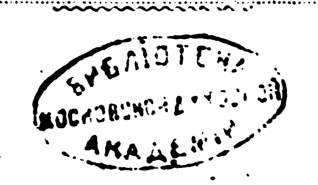
Бол. зол. мед.

Бол. зол. мед.

МОСКВА.
Типографія Т. Малинскаго, Волхонка, д. Воейковой, подъѣздъ съ Лѣнивки.
1884.

Публ. Библ.
имени
В. И.
ЛЕНИНА
СССР

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ВЫПУСКА.



ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ВЫПУСКУ.

Хотя цѣль и значеніе настоящаго сборника, по возможности, выяснены мною въ предисловіи къ первому выпуску его, но нѣкоторыя замѣчанія рецензентовъ на первый выпускъ моего труда даютъ мнѣ поводъ сказать еще нѣсколько словъ на ту же тему. Прежде всего я считаю пріятнѣйшею своею обязанностію принести мою искреннюю благодарность тѣмъ представителямъ печати, которые не прошли молча мимо моего труда, а дали о немъ отзывы на страницахъ газетъ. Всякому понятно, какъ много значитъ дѣльная и безпристрастная рецензія на вновь появившуюся въ свѣтъ книгу: тутъ обоюдная польза, какъ для автора книги, такъ и для публики. Авторъ, между прочимъ, узнаетъ промахи, недостатки своего труда и при случаѣ старается исправить и дополнить его, сообразно замѣчаніямъ и разъясненіямъ опытной критики; публика же заранѣе знаетъ, стоитъ ли книга того, чтобы на нее тратить время и деньги. Бываетъ такъ, что самая хорошая и полезная книга, безъ освѣщенія со стороны рецензіи, часто безслѣдно пропадаетъ для общества и тѣмъ самымъ влечетъ за собою незаслуженный ущербъ автору, главнымъ образомъ, въ нравственномъ отношеніи, — тогда какъ въ то же время какая-либо пустая, часто даже вредная книга, въ силу какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ, успѣшно распространяется въ обществѣ. Вотъ почему нельзя не признать великой важности за рецензіями на книги.

Сущность рецензій на первый выпускъ моей книги можно свести къ слѣдующему: во-первыхъ, всѣ онѣ, какія до сихъ поръ мнѣ ни пришлось читать, находятъ, что «идея составителя заслуживаетъ полнаго вниманія и одобренія» (привожу подлинныя выраженія самой, такъ сказать, худшей, въ смыслѣ неодобрительности

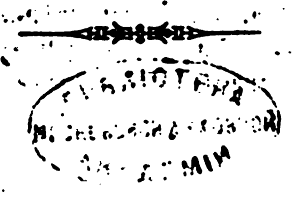
книги, рецензіи), и что въ нашей литературѣ эта книга «далеко не лишняя» («Недѣля» 1884 г. № 18); во-вторыхъ, почти всѣ рецензіи признали, судя по ихъ лестнымъ о книгѣ отзывамъ, и самое исполненіе сборника безукоризненнымъ. Остальныя же, признавая за книгой и то и другое, высказали нѣкоторыя замѣчанія. Такъ, напримѣръ, рецензентъ «Русск. Вѣдом.» говоритъ: ...«Что же касается журнальныхъ статей, то можно было бы дать также общее понятіе о размѣрахъ, планѣ и характерѣ важнѣйшихъ рецензій, сдѣлать возможно полный ихъ перечень... Кстати можно было бы также указать, гдѣ именно, когда и въ какихъ изданіяхъ появились отдѣльныя произведенія Тургенева, при какихъ условіяхъ и гдѣ были они писаны, какіе отрывки изъ нихъ вошли въ педагогическія руководства и т. п.» («Русск. Вѣд.» 1884 г. № 41). Другой рецензентъ замѣчаетъ: «...Но нельзя не упрекнуть составителя книги въ томъ, что онъ почему-то избралъ хронологическій методъ при компиляціи своего матеріала вмѣсто того, чтобы избрать методъ систематической группировки по тѣмъ школамъ, къ которымъ критики принадлежали. Такая группировка при должныхъ комментаріяхъ отъ составителя значительно облегчила бы изучающимъ Тургенева разборъ разнохарактерныхъ о немъ отзывовъ и сразу освѣтила бы достоинство воззрѣній тѣхъ или другихъ критиковъ» («Русск. Курьеръ» 1884 г. № 45). Еще нѣсколько замѣчаній въ подобномъ же родѣ и другихъ высказываетъ рецензентъ «Недѣли».

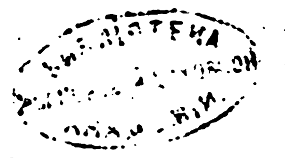
Отдавая должную дань справедливости и основательности нѣкоторыхъ замѣчаній гг. рецензентовъ, я тѣмъ не менѣе долженъ сказать, что какъ съ самаго начала, т.-е. при возникновеніи въ моей головѣ мысли составить настоящій сборникъ, такъ и впослѣдствіи, я руководствовался одной ясно опредѣленною цѣлью. Цѣль эта, по моему мнѣнію, заключается вовсе не въ томъ, чтобы изучающіе произведенія Тургенева обязательно изучали бы въ то же время и характеристическіе оттѣнки и направленія тѣхъ школъ, къ которымъ принадлежали критики тургеневскихъ произведеній. Характеристика критическихъ группъ по школамъ и направленіямъ можетъ быть предметомъ отдѣльнаго, вполнѣ самостоятельнаго изслѣдованія и изученія. При составленіи настоящаго сборника я имѣлъ въ виду не литераторовъ-спеціалистовъ, не нуждающихся

въ самомъ, по моему, главномъ, т.-е. въ усвоенiи сути произведенiй Тургенева, а имѣлъ въ виду людей дѣйствительно незнакомыхъ съ произведенiями Тургенева, преимущественно учащихся. Естественно, литераторы-спецiалисты желали бы систематизацiи и анализа надъ самыми критиками по отношенiю ихъ къ произведенiямъ Тургенева, хотя не столько, разумѣется, въ интересахъ изученiя Тургенева, сколько въ интересахъ любопытства—какъ та или другая критическая школа относилась къ тому или другому произведенiю Тургенева. Для не спецiалистовъ же безотносительное изученiе произведенiй Тургенева и въ то же самое время изученiе оттѣнковъ критическихъ школъ было бы большимъ затрудненiемъ, хотя бы даже по причинѣ раздвоенности мысли, вниманiя и напряженiя. Кромѣ того, я придаю болѣе значенiя тому методу изученiя литературныхъ произведенiй, при которомъ умъ и чувство изучающаго работаютъ самостоятельно, безъ всякаго постороние-субъективнаго, а слѣдовательно и болѣе или менѣе пристрастнаго влiянiя. Гораздо больше пользы въ томъ, когда изучающiе разбираются въ массѣ разнорѣчивыхъ опредѣленiй одного и того же литературнаго произведенiя путемъ непосредственной, самостоятельной мозговой работы и неиспорченнаго нравственнаго чутья, когда ихъ симпатiи склоняются на сторону того или другого критика не потому, что они ранѣе узнали — *какой* это критикъ и къ *какой* именно онъ принадлежитъ школѣ, а по той дозѣ разумности, правдивости и убѣдительности, которыя проглядываютъ въ его критическомъ анализѣ. Правда, такой методъ «не облегчаетъ» изученiя, за то онъ имѣетъ то громадное преимущество передъ облегчающимъ, что изучающiй, прiобрѣтая знанiе (допустимъ даже, не всегда вѣрное), вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ умъ и сердце въ болѣе лучшемъ и обширномъ смыслѣ слова. Самостоятельная умственная работа, состоящая въ сравненiи и взвѣшиванiи нѣсколькихъ разнохарактерныхъ сужденiй объ одномъ предметѣ, даже если и не приведетъ къ желательному результату, то ужь однимъ своимъ плодотворнымъ процессомъ принесетъ учащемуся гораздо больше пользы, чѣмъ простое, безотносительное заучиванiе готоваго вывода. Какая особенная польза для ума человѣка, если, напримѣръ, дать ему въ руки нѣсколько разнорѣчивыхъ критикъ объ «Отцахъ и дѣтяхъ» и сказать: изъ всѣхъ этихъ критикъ самая лучшая и справедливая кри-

тика О. Миллера. Понятно, что изучающій на всѣ остальныя критики махнулъ бы рукой, а «лучшую» прочелъ бы со вниманіемъ и, пожалуй, усвоилъ бы ее, но только больше при помощи памяти, чѣмъ разсудка. Нѣтъ, моей цѣлью было — собрать и дать читателю массу въ нѣкоторомъ смыслѣ чисто объективнаго матеріала. Вотъ почему я избѣгалъ всякаго личнаго, съ моей стороны, вмѣшательства въ дѣло. Мнѣ кажется, что если бы я внесъ въ свой сборникъ разныя поясненія, освѣщенія, подраздѣленія, перефразы и т. п., то сборникъ въ результатѣ получилъ бы характеръ субъективнаго оттѣнка, что, при моемъ взглядѣ на дѣло, не только не возвысило бы его въ качественномъ отношеніи, а напротивъ, съузило бы, свело бы на степень отчета передъ публикой въ своемъ личномъ, субъективномъ взглядѣ на собранный критическій матеріалъ. Если я, между прочимъ, и упомянулъ въ предисловіи къ первому выпуску настоящаго сборника, что онъ, «заключая въ себѣ собраніе критическихъ выдержекъ о произведеніяхъ писателя, появившагося на литературной аренѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ и съ тѣхъ поръ въ продолженіе почти сорока лѣтъ державшаго почетное знамя лучшаго ея представителя, проливаетъ свѣтъ на цѣлую литературную эпоху, знакомя въ то же время читателя и съ представителями русской критической мысли», то этимъ я вовсе не имѣлъ въ виду высказать, что я смотрю на дѣло такъ, какъ показалось рецензенту «Недѣли». Тотъ же, выясненный мною взглядъ на значеніе настоящаго сборника — разъяснять главный смыслъ произведеній Тургенева безъ всякой характеристики и систематизаціи критическихъ школъ — заставилъ меня избрать, при компиляціи своего матеріала, хронологическій методъ (хотя и не совсѣмъ точный), соотвѣтственный порядку появленія въ свѣтъ произведеній Тургенева. Что же касается полнаго библіографическаго списка критическихъ статей о произведеніяхъ Тургенева, то таковой будетъ напечатанъ независимо отъ настоящаго сборника.

В. Зелинскій.





«ОТЦЫ и ДѢТИ».

(Тургеневъ И., Скабичевскій А., Антоновичъ М., Писаревъ Д., Соловьевъ Н., Авдѣевъ М., Григорьевъ К., Миллеръ О., «Русскій Вѣстникъ» 1862 г., «Время» 1862 г., «Библіотека для чтенія» 1862 г., «Мысль» 1880 г.).

[1]) При появленіи романа «Отцы и Дѣти», къ нему вдругъ приступили съ лихорадочными и настоятельными вопросами: кого онъ хвалитъ? кого осуждаетъ? кто у него образецъ для подражанія? кто предметъ презрѣнія и негодованія? какой это романъ—прогрессивный, или ретроградный?

И вотъ на эту тему поднялись безчисленные толки. Дѣло дошло до мелочей, до самыхъ тонкихъ подробностей. Базаровъ пьетъ шампанское! Базаровъ играетъ въ карты! Базаровъ небрежно одѣвается. Что это значитъ? спрашиваютъ въ недоумѣніи. *Должно* это или *не должно*? Каждый рѣшилъ по своему, но всякій считалъ необходимымъ вывести нравоученіе и подписать его подъ загадочною баснею. Рѣшенія однако же вышли совершенно разногласныя. Одни нашли, что «Отцы и Дѣти» есть сатира на молодое поколѣніе, что всѣ симпатіи автора на сторонѣ *отцовъ*. Другіе

[1]) «Время» 1862 г. № 4.

говорять, что осмѣяны и опозорены въ романѣ *отцы,* а молодое поколѣніе, напротивъ, превознесено. Одни находятъ, что Базаровъ самъ виноватъ въ своихъ несчастныхъ отношеніяхъ къ людямъ, съ которыми онъ встрѣтился; другіе утверждаютъ, что, напротивъ, эти люди виноваты въ томъ, что Базарову такъ трудно жить на свѣтѣ.... Не смотря на то, романъ читается съ жадностью и возбуждаетъ такой интересъ, какого, смѣло можно сказать, не возбуждало еще ни одно произведеніе Тургенева....

[1]) Можно сказать съ увѣренностію, что со времени «Мертвыхъ душъ» Гоголя ни одинъ изъ русскихъ романовъ не производилъ такого впечатлѣнія, какое произвели «Отцы и дѣти» при ихъ появленіи. Глубокій умъ и не менѣе глубокая наблюдательность, несравненная способность къ смѣлому и вѣрному анализу жизненныхъ явленій, къ широкому ихъ обобщенію сказались въ основномъ замыслѣ этого положительно *историческаго* произведенія. Тургеневъ разъяснилъ живыми образами «отцовъ» и «дѣтей», сущность той жизненной борьбы между отживающимъ періодомъ крѣпостнаго барства и новымъ преобразовательнымъ періодомъ, которая велась и тогда у всѣхъ на виду, которая составила главное содержаніе нашего «возрожденія» и которой однако же до него никто не подыскалъ настоящаго яркаго опредѣленія. Тургеневъ не только далъ такое опредѣленіе, не только освѣтилъ внутренній смыслъ тогдашняго «новаго» движенія жизни, но и указалъ главный характеристическій его признакъ—отрицаніе во имя реализма, какъ про-

[1]) «Литературная дѣятельность Тургенева.» В. Буренина.

тивоположность старому идеалистическо-либеральному консерватизму. Извѣстно, что онъ нашелъ и необыкновенно удачную кличку для этого отрицанія, кличку, впослѣдствіи сдѣлавшуюся нарицательной и принятую для извѣстной группы явленій и типовъ не у однихъ русскихъ, но и во всей Европѣ. Художникъ создалъ въ образѣ Базарова чрезвычайно характернаго представителя новаго жизненнаго уклада, новаго направленія и окрестилъ это самое направленіе удивительно мѣткимъ словомъ, надѣлавшимъ столько шуму, вызвавшимъ столько споровъ, сужденій и похвалъ, сочувствій и ненависти, робкихъ тревогъ и смѣлыхъ порываній. Въ исторіи литературы немного можно указать примѣровъ такого глубокаго и живаго волненія, вызваннаго въ общественной средѣ художественнымъ созданіемъ, такого почти «политическаго» значенія типа, воспроизведеннаго литературнымъ творчествомъ.... Этотъ романъ и черезъ двадцать лѣтъ представляется все тѣмъ же глубокимъ, яркимъ и правдивымъ отраженіемъ жизни, какимъ онъ былъ въ моментъ его появленія. Теперь его глубина и правдивость кажутся даже еще болѣе ясными и возбуждаютъ еще большее удивленіе и уваженіе къ творческой мысли художника, его создавшаго... Въ наши дни, когда періодъ развитія, уловленный Тургеневымъ въ его знаменитомъ романѣ, является уже изжитымъ почти вполнѣ, мы можемъ только удивляться той проницательности, съ которою художникъ отгадалъ основной характеръ жизненнаго движенія, ознаменовавшаго этотъ періодъ. Борьба двухъ общественныхъ теченій, дореформеннаго и послѣреформеннаго, борьба двухъ поколѣній, стараго, воспитавшагося на эстети-

ческомъ идеализмѣ, для котораго представлялъ такую удобную почву обезпеченный крѣпостнымъ правомъ барскій досугъ, и новаго, увлекавшагося реализмомъ и отрицаніемъ,—вотъ что составляло сущность движенія эпохи шестидесятыхъ годовъ. Тургеневъ своимъ геніальнымъ чутьемъ прозрѣлъ это основное «вѣяніе» жизни и воспроизвелъ его въ живыхъ и яркихъ образахъ со всѣми его положительными и отрицательными, трогательными и комическими сторонами. Въ своемъ романѣ онъ вовсе не становился на сторону «отцовъ», какъ это утверждала тогдашняя несочувственная ему прогрессивная критика, онъ вовсе не имѣлъ намѣренія превознести ихъ надъ «дѣтьми» для униженія послѣднихъ. Точно также онъ вовсе не имѣлъ намѣренія выставлять въ образѣ представителя дѣтей какой-то образецъ «мыслящаго реалиста», которому молодое поколѣніе должно было поклоняться и подражать, какъ это вообразила прогрессивная критика, сочувственно отнесшаяся къ его произведенію. Подобное одностороннее воззрѣніе было чуждо художнику: онъ нарисовалъ и отцовъ, и дѣтей повозможности безпристрастно, аналитически, «спокойно зря на правыхъ и виновныхъ». Онъ не пощадилъ ни отцовъ, ни дѣтей и произнесъ холодно суровый приговоръ и тѣмъ и другимъ. Отцамъ въ лицѣ Кирсановыхъ, особенно Павла Кирсанова, онъ пропѣлъ положительно отходную, выставивъ ихъ барскій идеализмъ, ихъ сантиментальную эстетику даже почти въ комическомъ, даже, какъ справедливо онъ указывалъ самъ, въ каррикатурномъ свѣтѣ. Въ выдающемся представителѣ «дѣтей» Базаровѣ онъ призналъ извѣстную нравственную силу, энергію характера, вы-

годно отличающую этотъ твердый типъ реалиста отъ жиденькаго безхарактернаго и безвольнаго типа прежняго поколѣнія; но, признавъ положительные стороны молодаго типа, онъ не могъ не развѣнчать его, не могъ не указать его несостоятельности передъ жизнью, передъ народомъ. И онъ сдѣлалъ это, и теперь, когда время достаточно разоблачило несостоятельность типа тогдашняго поколѣнія, мы видимъ, какъ художникъ былъ правъ, какъ глубоко и далеко онъ прозрѣвалъ въ жизнь, какъ ясно онъ видѣлъ начала и концы ея развитія.... Тургеневъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ» далъ образчикъ настоящаго общественнаго романа, не смотря на то, что его внѣшняя фабула сводится на обычныя интимныя отношенія главныхъ дѣйствующихъ лицъ. И съ какимъ изумительнымъ искусствомъ совершена художникомъ эта мудреная задача—вложить въ узкія условныя рамки самое широкое и новое содержаніе! Едва ли кому изъ романистовъ нашего вѣка, начиная отъ Диккенса и кончая Жоржъ Сандомъ и Шпильгагеномъ, удавалось сдѣлать это такъ сжато и такъ выразительно, съ такимъ отсутствіемъ дидактическаго элемента, почти всегда присущаго произведеніямъ упомянутыхъ сейчасъ корифеевъ западныхъ литературъ, съ такимъ полнымъ проникновеніемъ въ самую сущность жизненнаго движенія, отраженнаго въ романѣ. Повторяю еще разъ: «Отцы и дѣти» уже и теперь высоко цѣнятся европейской критикой. Но пройдутъ годы и они будутъ цѣниться еще выше. Они будутъ поставлены на ряду съ тѣми крупными литературными произведеніями, въ которыхъ выражены основныя теченія времени, ихъ породившаго. Что касается до значенія этого романа въ родной

литературѣ, то его законное мѣсто въ ряду съ такими созданіями, какъ «Евгеній Онѣгинъ» Пушкина, «Мертвыя души» Гоголя, «Герой нашего времени» Лермонтова и «Война и миръ» Льва Толстого...

[1]) Тургеневъ, какъ уже давно извѣстно, есть писатель, усердно слѣдящій за движеніемъ русской мысли и русской жизни. Онъ заинтересованъ этимъ движеніемъ необыкновенно сильно; не только въ «Отцахъ и Дѣтяхъ», но и во всѣхъ прежнихъ своихъ произведеніяхъ онъ постоянно схватывалъ и изображалъ отношенія между отцами и дѣтьми. Послѣдняя мысль, послѣдняя волна жизни, — вотъ что всего болѣе приковывало его вниманіе. Онъ представляетъ образецъ писателя, одареннаго совершенною подвижностію и вмѣстѣ глубокою чуткостью, глубокою любовью къ современной ему жизни...

Если мы не знаемъ полныхъ Базаровыхъ въ дѣйствительности, то, однако же, всѣ мы встрѣчаемъ множество базаровскихъ чертъ; всѣмъ знакомы люди, то съ одной, то съ другой стороны напоминающіе Базарова. Если никто не проповѣдуетъ всей системы мнѣній Базарова, то, однако же, всѣ слышали тѣ же мысли по одиночкѣ, отрывочно, несвязно, нескладно. Эти бродячіе элементы, эти не развившіеся зародыши, не доконченныя формы, не сложившіяся мнѣнія Тургеневъ воплотилъ цѣльно, полно, стройно въ Базаровѣ. Система убѣжденій, кругъ мыслей, которыхъ представителемъ является Базаровъ, болѣе или менѣе ясно выражались въ нашей литературѣ. Главными ихъ выразителями были два журнала: «Современникъ»,

[1]) «Время» 1862 г. № 4.

уже несколько лѣтъ проводившій эти стремленія, и «Русское Слово», недавно заявившее ихъ съ особенною рѣзкостью. Отсюда, конечно, должно объяснить упрекъ, сдѣланный Тургеневу, что онъ изобразилъ въ Базаровѣ не одного изъ представителей молодого поколѣнія, а скорѣе главу кружка, порожденіе нашей бродящей и оторванной отъ жизни литературы. «Современникъ» весьма не доволенъ романомъ Тургенева. Онъ думаетъ, что романъ написанъ въ укоръ и поученіе молодому поколѣнію, что онъ представляетъ клевету на молодое поколѣніе и можетъ быть поставленъ наряду съ Асмодеемъ нашего времени, соч. Асковенскаго...

[1]) Этотъ романъ составляетъ вопросъ и вызовъ, обращенный къ молодому поколѣнію старшею частью общества. Одинъ изъ лучшихъ людей старшаго поколѣнія, Тургеневъ, обращается къ молодому поколѣнію и громко предлагаетъ ему вопросъ: «Что вы за люди? Я васъ не понимаю, я вамъ не могу и не умѣю сочувствовать. Вотъ что я успѣлъ подмѣтить. Объясните мнѣ это явленіе». Таковъ настоящій смыслъ романа... И съ этой именно точки зрѣнія слѣдовало приняться за него критикѣ, т. е. ей слѣдовало сосредоточиться на разборѣ базаровскихъ идей, а не разбирать романъ только съ художественной стороны, какъ это сдѣлалъ Антоновичъ въ «Современникѣ». «Дурна или хороша была тенденція тургеневскаго романа, говоритъ Писаревъ,—это все равно; для литературныхъ реалистовъ этотъ романъ былъ, во всякомъ случаѣ, драгоцѣннымъ извѣстіемъ о судьбѣ ихъ

[1]) Д. Писаревъ. Соч. Д. И. Писарева, ч. 2.

идеи и еще болѣе драгоцѣннымъ поводомъ къ обстоятельному объясненію съ читающею публикою».

Все наше поколѣніе,—продолжаетъ Писаревъ [1]), —со своими стремленіями и идеями можетъ узнать себя въ дѣйствующихъ лицахъ этого романа. «Базаровъ—представитель нашего молодаго поколѣнія; въ его личности сгруппированы тѣ свойства, которыя мелкими долями разсыпаны въ массахъ, и образъ этого человѣка ярко и отчетливо вырисовывается передъ воображеніемъ читателей». «Тургеневъ вдумался въ типъ Базарова и понялъ его такъ вѣрно, какъ не пойметъ ни одинъ изъ нашихъ молодыхъ реалистовъ». «Онъ не покривилъ душою въ своемъ послѣднемъ произведеніи». «Общія отношенія Тургенева къ тѣмъ явленіямъ жизни, которыя составляютъ канву его романа, такъ спокойны и безпристрастны, такъ свободны отъ поклоненія той или другой теоріи, что самъ Базаровъ не нашелъ бы въ этихъ отношеніяхъ ничего робкаго или фальшиваго». Тургеневъ есть «искренній художникъ, не уродующій дѣйствительность, а изображающій ее, какъ она есть». Вслѣдствіе этой «честной, чистой натуры художника», «его образы живутъ своею жизнію; онъ любитъ ихъ, увлекается ими, онъ привязывается къ нимъ во время процесса творчества и ему становится невозможнымъ помыкать ими по своей прихоти и превращать картину жизни въ аллегорію съ нравственною цѣлью и съ добродѣтельной развязкой». «Тургеневъ — пишетъ онъ (Писаревъ) — оправдалъ Базарова и оцѣнилъ его по достоинству. Базаровъ вышелъ у него изъ испытанія чистымъ и крѣпкимъ».

[1]) Цитируетъ критикъ «Времени». «Время» 1862 г. № 4.

«Смыслъ романа вышелъ такой: теперешніе молодые люди увлекаются и впадаютъ въ крайности; но въ самыхъ увлеченіяхъ оказываются свѣжая сила и неподкупный умъ; эта сила и этотъ умъ даютъ себя знать въ минуту тяжелыхъ испытаній; эта сила и этотъ умъ безъ всякихъ постороннихъ пособій и вліяній выведутъ молодыхъ людей на прямую дорогу и поддержатъ ихъ въ жизни». «Кто прочелъ въ романѣ Тургенева эту прекрасную мысль, *тотъ не можетъ не изъявить ему глубокой и горячей признательности, какъ великому художнику и честному гражданину Россіи!*»

[1]) Критики, въ числѣ ихъ и Писаревъ, недовольны Базаровымъ за то, что онъ отрицаетъ изящество жизни, эстетическое наслажденіе и науку. По поводу этого критикъ «Времени» говоритъ: «Фигура Базарова имѣетъ въ себѣ нѣчто мрачное и рѣзкое. Въ его наружности нѣтъ ничего мягкаго и красиваго; его лицо имѣло другую, невнѣшнюю красоту: «оно оживлялось спокойною улыбкою и выражало самоувѣренность и умъ». Онъ мало заботится о своей наружности и одѣвается небрежно. Точно также въ своемъ обращеніи онъ не любитъ никакихъ излишнихъ вѣжливостей, пустыхъ, не имѣющихъ значенія формъ внѣшняго лаку, который ничего не покрываетъ. Базаровъ *простъ* въ высшей степени и отъ этого, между прочимъ, зависитъ та легкость, съ которою онъ сходится съ людьми, начиная отъ дворовыхъ мальчишекъ и до Анны Сергѣевны Одинцовой. Такъ опредѣляетъ Базарова самъ юный другъ его Аркадій Кирсановъ:

— Ты съ нимъ, пожалуйста, не церемонься, гово-

[1]) «Время». 1862 г. № 4.

ритъ онъ своему отцу:—онъ чудесный малый, такой простой, ты увидишь.

Чтобы рѣзче выставить простоту Базарова, Тургеневъ противопоставилъ ей изысканность и щепетильность Павла Петровича. «Послѣ этого весьма странно, что почитатели Базарова не довольны его изображеніемъ въ этомъ отношеніи. Они находятъ, что авторъ придалъ ему *грубыя манеры*, что онъ выставилъ его *неотесаннымъ*, *дурно воспитаннымъ*, котораго *нельзя пустить въ порядочную гостиную*».

Такъ выражается г. Писаревъ и на этомъ основаніи приписываетъ г. Тургеневу *коварный* умыселъ *уронить* и *опошлить* своего героя въ глазахъ читателей. По мнѣнію г. Писарева, Тургеневъ поступилъ весьма несправедливо; «можно быть крайнимъ матеріалистомъ, полнѣйшимъ эмпирикомъ, и въ то же время заботиться о своемъ туалетѣ, обращаться утонченно-вѣжливо съ своими знакомыми, быть любезнымъ собесѣдникомъ и совершеннымъ джельтменомъ. Это я говорю—прибавляетъ критикъ—для тѣхъ читателей, которые, придавая важное значеніе утонченнымъ манерамъ, съ отвращеніемъ посмотрятъ на Базарова какъ на человѣка mal élévé и mauvais ton. Онъ дѣйствительно mal élévé и mauvais ton, но это нисколько не относится къ сущности типа»...

Изящныя манеры и хорошій туалетъ, конечно, суть вещи хорошія; но мы сомнѣваемся, чтобы они были къ лицу Базарову и шли къ его характеру. Человѣкъ глубоко преданный одному дѣлу, предназначавшій себя, какъ онъ самъ говоритъ, для «жизни горькой, терпкой, бобыльной», онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ играть роль утонченнаго джельтмена, не могъ

быть любезнымъ собесѣдникомъ. Онъ легко сходится съ людьми; онъ живо заинтересовываетъ всѣхъ, кто его знаетъ; но этотъ интересъ заключается вовсе не въ тонкости обращенія...

Тургеневъ имѣлъ притязанія и дерзость создать романъ, имѣющій *всевозможныя* направленія; поклонникъ вѣчной истины, вѣчной красоты, онъ имѣлъ гордую цѣль во временномъ указать на вѣчное, и написалъ романъ не прогрессивный и не ретроградный, а, такъ сказать, *всегдашній*. Въ этомъ случаѣ его можно сравнить съ математикомъ, старающимся найти какую-нибудь важную теорему. Положимъ, что онъ нашелъ, наконецъ, эту теорему; не правда ли, что онъ долженъ быть сильно удивленъ и озадаченъ, если бы къ нему вдругъ приступили съ вопросами: да какая твоя теорема—прогрессивная или ретроградная? Сообразна ли она съ *новымъ* духомъ, или же угождаетъ *старому?* На такія рѣчи онъ могъ бы отвѣчать только такъ: ваши вопросы не имѣютъ никакого смысла, никакого отношенія къ моему дѣлу: моя теорема есть *вѣчная истина*...

Смѣна поколѣній—вотъ наружная тема романа. Если Тургеневъ изобразилъ не всѣхъ отцовъ и дѣтей, или не *тѣхъ* отцовъ и дѣтей, какихъ хотѣлось бы другимъ, то *вообще* отцовъ и *вообще* дѣтей, и отношеніе между этими двумя поколѣніями онъ изобразилъ превосходно. Можетъ быть разница между поколѣніями никогда не была такъ велика, какъ въ настоящее время, а потому и отношеніе ихъ обнаружилось особенно рѣзко. Какъ бы то ни было, для того, чтобы измѣрять разницу между двумя предметами, нужно употреблять одну и ту же мѣрку для обоихъ: чтобы

рисовать картину, нужно взять изображаемые пред
меты съ одной точки зрѣнія, общей для всѣхъ ихъ.

Эта одинаковая мѣра, эта общая точка зрѣнія
Тургенева есть *жизнь человѣческая* въ самомъ широ
комъ и полномъ ея значеніи. Читатель его романа
чувствуетъ, что за миражемъ внѣшнихъ дѣйствій и
сценъ льется такой глубокій, такой неистощимый по
токъ жизни, что всѣ эти дѣйствія и сцены, всѣ лица
и событія ничтожны передъ этимъ потокомъ.

Если мы такъ поймемъ романъ Тургенева, то мо
жетъ быть передъ нами всего яснѣе обнаружится и
то нравоученіе, котораго мы добиваемся. Нравоученіе
есть, и даже весьма важное, потому что истина и
поэзія всегда поучительны.

Глядя на картину романа спокойнѣе и въ нѣкото
ромъ отдаленіи, мы легко замѣтимъ, что хотя Ба
заровъ головою выше всѣхъ другихъ лицъ, хотя онъ
величественно проходитъ по сценѣ, торжествующій
поклоняемый, уважаемый, любимый и оплакиваемый
есть однако же что-то, что въ цѣломъ стоитъ выше
Базарова. Что же такое? Всматриваясь внимательнѣе.
мы найдемъ, что это высшее не какіе-нибудь лица
а та *жизнь*, которая ихъ воодушевляетъ. Выше Ба
зарова—тотъ страхъ, та любовь, тѣ слезы, которыя
онъ внушаетъ. Выше Базарова та сцена, по которой
онъ проходитъ. Обаяніе природы, прелесть искусства
женская любовь, любовь семейная, любовь родитель
ская, *даже* религія, все это—живое, полное, могуще
ственное—составляетъ фонъ, на которомъ рисуется Ба
заровъ. Этотъ фонъ такъ ярокъ, такъ сверкаетъ, что
огромная фигура Базарова вырѣзывается на немъ от
четливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ мрачно.

¹) Отдавая должную справедливость многимъ умнымъ замѣчаніямъ автора критической статьи во «Времени» (№ 4), мы никакъ не можемъ согласиться съ нимъ въ основной его мысли, именно во взглядѣ его на сущность типа, изображеннаго г. Тургеневымъ подъ именемъ Базарова. Взглядъ этотъ не выдержитъ пробы, будемъ ли мы сравнивать его съ самымъ романомъ, или съ нашею общественною средою, изъ которой взяты элементы изображенія. По мнѣнію критика, въ этой фигурѣ выразился господствующій въ наше время духъ реализма, духъ дѣйствующій и въ жизни, и въ наукѣ. Критикъ раздвигаетъ горизонтъ этого типа до всемірнаго значенія и видитъ въ немъ какую-то всеобщую идею. Онъ видитъ въ немъ тотъ умственный аскетизмъ, который сурово отказывается отъ всего далекаго, отвлеченнаго, туманнаго, и направляетъ мысль и дѣятельность къ достижимымъ цѣлямъ. Но, придавая этому типу такое значеніе, критикъ далекъ отъ сочувствія ему; критикъ видитъ въ немъ силу одностороннюю, не удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ человѣческой жизни и подавляющую многія лучшія изъ нихъ.

Во всякомъ случаѣ такой взглядъ стираетъ не только всѣ индивидуальныя, но и всѣ типическія особенности этого образа; онъ превращаетъ его въ отвлеченность, которая столько же можетъ относиться къ Базарову, сколько и къ явленіямъ, совершенно противоположнымъ...... Если бы критикъ обратилъ вниманіе на бытовыя стороны типа, то въ немъ не могло бы возникнуть и тѣни мысли о какомъ-то все-

¹) «Русскій Вѣстникъ» 1862 г. № 5-й.

общемъ духѣ реализма, и онъ легко нашелъ бы ключъ къ своему впечатлѣнію. Онъ удивляется жизненности и вѣрности изображенія; дѣйствительно, тургеневскій типъ отличается въ высокой степени этими качествами. Но какъ-же критикъ не подумалъ, что при его толкованіи типъ этотъ оказался бы самою неудачною выдумкою, и во всякомъ случаѣ былъ бы чѣмъ-то совершенно исключительнымъ, чѣмъ-то безъ всякой аналогіи съ окружающей средой...

Разсуждая о научныхъ занятіяхъ и изслѣдованіяхъ Базарова, критикъ «Рус. Вѣстн.» говоритъ: «Что проглянуло въ этомъ: серьезное дѣло, или нѣтъ? Авторъ оставляетъ насъ безъ всякаго намека. Если бы съ его стороны былъ какой-нибудь умыселъ, то умыселъ этотъ непремѣнно отозвался бы такъ или иначе въ тонѣ его разсказа. Подозрительные глаза инквизиторски наблюдали за всѣми движеніями автора въ его произведеніи и готовы были видѣть во всемъ злонамѣренный умыселъ, но ни одному критику не пришло въ голову остановиться на этомъ пунктѣ. Дѣйствительно, здѣсь нѣтъ ни малѣйшей ироніи. Авторъ только взялъ тотъ духъ науки, какой представила ему наша общественная среда, и пустилъ его дѣйствовать, ни за что не принимая на себя отвѣтственности. Очень можетъ быть, что автору вовсе и на мысль не приходило спросить себя, серьезное ли это дѣло, или нѣтъ, но, безъ сомнѣнія, въ суммѣ общаго впечатлѣнія, всѣми должно было чувствоваться, что это дѣло не серіозное. Что за Дюбуа Ремонъ или Рудольфъ Вагнеръ, или, пожалуй, самый этотъ Джорджъ Генри Люисъ, о которомъ было у насъ такъ много толковъ, появился на святой Руси?..... Нѣтъ

сомнѣнія, что наука здѣсь не есть что-либо серьезное, и что ее надобно сложить со счетовъ. Если въ этомъ Базаровѣ сидитъ дѣйствительная сила, то она что-нибудь другое, а никакъ не наука. Своей наукой онъ можетъ имѣть значеніе лишь въ томъ окруженіи, куда онъ попалъ; своей наукой онъ можетъ подавлять только своего старичка-отца, юнаго Аркадія и мадамъ Кукшину.... Впрочемъ, онъ на столько уменъ, что и самъ это сознаетъ, самъ это высказываетъ, хотя не о себѣ лично, но вообще о своихъ соотечественникахъ, въ сравненіи съ настоящими изслѣдователями въ тѣхъ странахъ, гдѣ это дѣло есть серьезное......

Базаровъ вовсе не о томъ хлопочетъ, чтобы стать спеціалистомъ по той или другой части (науки): онъ занимается естественными науками болѣе въ качествѣ мудреца, въ интересѣ первыхъ причинъ и сущности вещей. Онъ потому занимается этими науками, что онѣ, по его мнѣнію, прямо ведутъ къ рѣшенію вопросовъ объ этихъ первыхъ причинахъ. Онъ уже заранѣе увѣренъ, что естественныя науки ведутъ къ отрицательному рѣшенію этихъ вопросовъ, и они ему нужны, какъ орудіе уничтоженія предразсудковъ и для вразумленія людей въ той вдохновительной истинѣ, что никакихъ первыхъ причинъ не имѣется, и что человѣкъ и лягушка въ сущности одно и то же...

Ни въ какой другой общественной средѣ Базаровы не могли бы имѣть обширнаго круга дѣйствій и казаться силачами или гигантами; во всякой другой средѣ, на каждомъ шагу, отрицатели сами безпрерывно подвергались бы отрицанію; при каждой встрѣчѣ приходилось бы имъ повторять про себя то, что сказалъ Базаровъ передъ смертью: «Да, поди, попробуй

отрицать смерть: она меня отрицаетъ, и баста». Но въ нашей цивилизаціи, не имѣющей въ себѣ никакой самостоятельной силы, въ нашемъ маленькомъ умственномъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ничего, стоящаго твердо, гдѣ нѣтъ ни одного интереса, который бы не стыдился и не конфузился самого себя и сколько нибудь вѣрилъ въ свое существованіе,—духъ нигилизма могъ развиться и пріобрѣсти значеніе. Эта умственная среда сама собою подпадаетъ подъ нигилизмъ и находитъ въ немъ свое вѣрнѣйшее выраженіе.

Въ Базаровѣ нашъ авторъ взялъ одинъ изъ лучшихъ типовъ нигилизма. Онъ принадлежитъ къ числу людей *импульсивныхъ*. Какъ и всѣ наши образованные люди, онъ прямо изъ школы вынесъ добрый задатокъ этого духа отрицанія,—вынесъ сѣмя его, которое нашло въ немъ благодарную почву. Какъ и у всѣхъ нашихъ такъ называемыхъ образованныхъ людей, въ его умѣ живущими и сильными элементами оказывается лишь то, что запечатлѣно отрицающимъ характеромъ; все прочее оказывается слабымъ, мертвымъ, хилымъ, подлежащимъ отрицанію. Онъ держитъ про себя весь этотъ хламъ только для произведенія надъ нимъ операцій разложенія....

Авторъ произвелъ своего героя отъ бѣдныхъ родителей, изъ той волнующейся среды, которая прибиваетъ къ нашему привиллегированному сословію, группируется на его окраинахъ и просачивается въ него съ разныхъ сторонъ. Отецъ его разночинецъ, дослужившійся до дворянства и ставшій мелкимъ помѣщикомъ, владѣльцемъ одной или двухъ дюжинъ душъ. Еще характеристичнѣе то обстоятельство, что Базаровъ—внукъ дьячка,—«какъ Сперанскій,» ска-

залъ онъ разъ своему новому пріятелю, скрививъ губы. Можетъ быть фигура Базарова вышла бы еще типичнѣе, если бы авторъ прямо произвелъ его отъ дьячка... Нашъ нигилизмъ не можетъ не находить себѣ поживы въ отпрыскахъ духовнаго сословія. Благодаря сложившимся обстоятельствамъ, именно между ними онъ можетъ вербовать себѣ самыхъ *импульсивныхъ* поборниковъ. Отсюда-то всего легче и вѣрнѣе могутъ выходить его вѣроучители, и достаточно способные, и достаточно сильные для своего дѣла. А потому, повторимъ, очень вѣрный инстинктъ побудилъ г. Тургенева привести своего нигилиста въ нѣкоторую связь съ этимъ сословіемъ. Эта черта была бы очень выразительна, если бы художникъ болѣе воспользовался ею.

[1]) Г. Тургеневъ осудилъ эмансипацію женщинъ, совершающуюся подъ руководствомъ Ситниковыхъ и проявляющуюся въ умѣньи складывать крученыя папиросы, въ безпощадномъ куреньи табаку, въ питьѣ шампанскаго, въ пѣніи цыганскихъ пѣсенъ въ пьяномъ видѣ и въ присутствіи едва знакомыхъ молодыхъ людей, въ небрежномъ обращеніи съ журналами, въ безсмысленномъ толкованіи о Прудонѣ и Маколеѣ, при явномъ невѣжествѣ и даже отвращеніи ко всякому дѣльному чтенію, что доказывается лежащими по столамъ не разрѣзанными журналами или постоянно разрѣзанными на однихъ только скандальныхъ фельетонахъ,—вотъ тѣ обвинительные пункты, по которымъ г. Тургеневъ осудилъ способъ развитія у насъ женскаго вопроса.

---

[1]) «Библіотека для чтенія» 1862 г. № 5.

[1]) Въ области беллетристики первымъ протестомъ противъ новыхъ идей былъ романъ г. Тургенева «Отцы и дѣти». Романъ этотъ отличается отъ другихъ того же рода произведеній тѣмъ, что онъ преимущественно философскій. Онъ мало касается какихъ-либо общественныхъ вопросовъ своего времени. Главная цѣль его поставить рядомъ другъ передъ другомъ философію отцовъ и философію дѣтей и показать, что философія дѣтей противна человѣческой природѣ и потому не можетъ быть примѣнима въ жизни. Задача романа, какъ вы видите, очень серьезная: для выполненія ея автору слѣдовало бы изучить добросовѣстно и безпристрастно обѣ системы міросозерцанія и тогда только приступить къ какимъ-либо выводамъ. Но на первыхъ же страницахъ вы видите, что авторъ лишенъ всякой умственной подготовки къ выполненію цѣли своего романа; онъ не только не имѣетъ никакого понятія о системѣ новой положительной философіи, но и о старыхъ, идеалистическихъ системахъ имѣетъ понятія самыя поверхностныя, ребяческія.... Вы могли бы смѣяться надъ одними героями романа, читая ихъ сумбурныя разсужденія о молодомъ поколѣніи, если бы весь строй романа не былъ основанъ на этихъ-же самыхъ разсужденіяхъ. Это показываетъ, что г. Тургеневъ въ рѣчахъ Павла и Николая Петровичей представляетъ не одни только ихъ взгляды, а и свои собственные. Но намъ станетъ не до смѣху уже, какъ подумаемъ, что цѣлое общество повѣрило г. Тургеневу, что относиться ко всему критически—это нѣчто совершенно новое въ Европѣ,

[1]) А. Скабичевскій. «Отечественныя Записки» 1868 г. № 9.

появившееся недавно послѣ уже гегелизма, и что это новое—очень опасное и ужасное, потому что относиться ко всему критически — значитъ отвергать всякіе принципы, обитать въ безвоздушномъ пространствѣ и быть нигилистомъ. Слово «нигилистъ» сдѣлалось вездѣсущимъ, и какъ всякое произвольное, неопредѣленное названіе, совершенно не характеризующее предмета, къ которому относится, въ устахъ невѣжественной толпы оно сдѣлалось еще произвольнѣе и неопредѣленнѣе.... Такое явленіе есть прямое слѣдствіе той скудости образованности, которую вынесло наше общество изъ своего прошлаго и въ которомъ оно до сихъ поръ коснѣетъ.

Не только различныя разсужденія и споры героевъ, весь романъ построенъ не на основаніяхъ наблюденій надъ живою дѣйствительностію, а на чисто апріорическихъ началахъ. Задавшись тою идеею, что молодежь все отрицаетъ, г. Тургеневъ вознамѣрился показать на Базаровѣ, что подобное безусловное отрицаніе противно человѣческой природѣ, и что природа дѣйствуетъ своимъ путемъ, развивая въ человѣкѣ побужденія, чувства и страсти совершенно въ противорѣчіе теоріи его, отрицающей всѣ эти явленія. Базаровъ ничего не видѣлъ въ любви, кромѣ минутнаго удовлетворенія чувственности, и смѣялся надъ проявленіями любви болѣе серьезными, называя такія проявленія отжившимъ романтизмомъ, а самъ полюбилъ не на шутку Одинцову и не могъ никакъ сладить съ собой. Базаровъ отвергалъ дуэли и смѣялся надъ ними, какъ надъ рыцарскими затѣями, а какъ дѣло дошло до встрѣчи съ ненавистнымъ человѣкомъ и отстоянія своей чести, онъ согласился драться съ Павломъ

Петровичемъ безъ всякихъ колебаній.... Г. Тургеневъ слышалъ гдѣ-то стороною, что новое міросозерцаніе ставитъ въ основаніе всѣхъ психологическихъ явленій ощущенія, и вывелъ изъ этого какимъ-то образомъ, что выводить все изъ ощущеній, это значитъ все отрицать, косить и валять себя по ногамъ. Г. Тургеневъ никакъ не могъ вообразить, что отвергая честность, какъ врожденную идею, вложенную въ человѣка до его рожденія, и признавая ее, какъ ощущеніе, положительная философія нисколько не отрицаетъ этимъ честности, равно какъ и другихъ принциповъ. Все дѣло касается здѣсь не самой честности, а ея происхожденія, и Базаровъ, какъ человѣкъ новаго міросозерцанія, не имѣлъ никакого повода, приступая къ этому философскому вопросу, воображать, что онъ этимъ валяетъ себя по ногамъ и отрицаетъ принципы. Здѣсь г. Тургеневъ субъективенъ такъ же, какъ и въ рѣчахъ Кирсановыхъ: въ уста молодаго поколѣнія онъ влагаетъ такія понятія о новомъ міросозерцаніи, которыя сложились въ его собственной художественной головѣ, лишенной всякаго философскаго развитія. Если бы г. Тургеневъ снизошелъ съ своего Парнаса и взглянулъ поближе на молодое поколѣніе, то въ жизни, въ дѣйствительности, онъ увидѣлъ бы, что молодежь не только не отрицаетъ честности, а напротивъ того шагу не можетъ ступить безъ того, чтобы разъ двадцать не повторить этого слова, при всякомъ удобномъ случаѣ.

...Вотъ что такое, по мнѣнію героевъ романа, нигилисты: это люди, которые ко всему относятся съ критической точки зрѣнія, не принимаютъ ничего на

вѣру и потому они должны существовать въ безвоздушномъ пространствѣ и производить свое названіе отъ латинскаго слова nihil, что значитъ ничего... Ну, подумайте, пожалуйста, есть ли хоть одна капля, не скажу философскаго, просто здраваго смысла въ этомъ сумбурѣ. Одно только, что видно здѣсь, это крайнее, дѣтское невѣжество, которому совершенно неизвѣстенъ ходъ развитія европейской мысли. Это невѣжество не знаетъ, что отношеніе ко всему съ критической точки зрѣнія вовсе не составляетъ какой-либо новости, которую можно было бы назвать сущностью новаго міросозерцанія. Эта новость существуетъ уже со временъ Бекона и Декарта, и съ ихъ времени никто уже и не споритъ о томъ, что каждый мало-мальски мыслящій человѣкъ долженъ относиться ко всему критически. Споры европейскихъ идеалистовъ съ реалистами заключаются вовсе не въ томъ, слѣдуетъ ли относиться ко всему критически, или нѣтъ; споръ идетъ объ основаніяхъ критическаго отношенія къ вещамъ: идеалисты говорятъ, что такое отношеніе можетъ быть основано на апріорическихъ началахъ чистаго разума, а реалисты строятъ его неиначе, какъ на началахъ индуктивныхъ изслѣдованій; но обѣ школы нисколько не сомнѣваются въ томъ, что на то и данъ человѣку разумъ, чтобы относиться ко всему критически. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія героевъ романа, нигилистами слѣдуетъ называть не однихъ только послѣдователей положительной философіи, а и гегелистовъ, и шеллингистовъ, и кантистовъ, и спинозистовъ,—однимъ словомъ, всѣхъ европейскихъ мыслителей, включая Бекона и Декарта. Курьезнѣе всего здѣсь, между прочимъ, то, что Па-

велъ Петровичъ противопоставляетъ критическое отношеніе къ вещамъ и принципы, полагая, что принципы суть непремѣнно нѣчто принятое на вѣру, безъ всякой провѣрки критики. Но почему же тотъ же самый принципъ не можетъ быть принятъ на критическихъ основаніяхъ? Да и при какихъ условіяхъ человѣкъ будетъ стоять на болѣе твердой почвѣ: тогда ли, когда онъ будетъ слѣдовать въ жизни какому либо принципу, слѣпо принятому на вѣру, или когда онъ этотъ самый принципъ провѣритъ на основаніи какихъ-либо критическихъ данныхъ... Вообще, производя нигилизмъ, отъ латинскаго слова nihil, т. е. ничего, гораздо было бы правильнѣе называть нигилистами людей, у которыхъ ничего нѣтъ въ головѣ, ни одной мысли, провѣренной собственной критикой, кромѣ принятыхъ на вѣру кирсановскихъ принциповъ...

[1]) Въ художественномъ отношеніи романъ совершенно неудовлетворителенъ, чтобъ не сказать болѣе изъ уваженія къ таланту г. Тургенева, къ его прежнимъ заслугамъ и къ его многочисленнымъ почитателямъ. Общей нити, общаго дѣйствія, которое бы связывало всѣ части романа, нѣтъ; все какія-то отдѣльныя рапсодіи. Выводятся личности совершенно лишнія, неизвѣстно для чего фигурирующія въ романѣ; такова, напримѣръ, княжна Х....ая; она являлась нѣсколько разъ къ обѣду и къ чаю въ романѣ, посидѣла на «широкомъ бархатномъ креслѣ» и потомъ умерла, «забытая въ самый день смерти». Есть нѣсколько и другихъ личностей совершенно случайныхъ, выведенныхъ только для мебели. Впрочемъ, эти личности,

---

[1]) Антоновичъ. «Современникъ» 1862 г., № 3.

какъ и другія въ романѣ, не постижимы или не нужны собственно въ художественномъ отношеніи, но онѣ нужны были г. Тургеневу для другихъ цѣлей, чуждыхъ искусству... Это романъ дидактическій, настоящій ученый трактатъ, написанный въ разговорной формѣ, и каждое выведенное лицо служитъ выраженіемъ и представителемъ извѣстнаго мнѣнія и направленія... Если смотрѣть на романъ съ точки зрѣнія его тенденцій, то онъ и съ этой стороны такъ же неудовлетворителенъ, какъ и въ художественномъ отношеніи... Съ первыхъ-же страницъ романа, къ величайшему изумленію читающаго, имъ овладѣваетъ нѣкотораго рода скука, но, разумѣется, вы этимъ не смущаетесь и продолжаете читать, надѣясь, что дальше будетъ лучше, что авторъ войдетъ въ свою роль, что талантъ возьметъ свое и невольно увлечетъ ваше вниманіе. А между тѣмъ и дальше, когда дѣйствіе романа развертывается передъ вами вполнѣ, ваше любопытство не шевелится, ваше чувство остается нетронутымъ, чтеніе производитъ на васъ какое-то неудовлетворительное впечатлѣніе, которое отражается не на чувствѣ, а, что всего удивительнѣе,—на умѣ. Васъ обдаетъ какимъ-то мертвящимъ холодомъ; вы не живете съ дѣйствующими лицами романа, не проникаетесь ихъ жизнію, а начинаете холодно разсуждать, или, точнѣе, слѣдить за ихъ разсужденіями. Вы забываете, что предъ вами лежитъ романъ талантливаго художника, и воображаете, что вы читаете морально-философскій трактатъ, но плохой и поверхностный, который, не удовлетворяя уму, тѣмъ самымъ производитъ непріятное впечатлѣніе на ваше чувство. Это показываетъ, что произведеніе г. Тургенева крайне

неудовлетворительно въ художественномъ отношеніи.... Негдѣ укрыться отъ удушливаго зноя странныхъ разсужденій и хоть на минуту освободиться отъ непріятнаго, раздражительнаго впечатлѣнія, производимаго общимъ ходомъ изображаемыхъ дѣйствій и сценъ.... Все вниманіе автора обращено на главнаго героя и другихъ дѣйствующихъ лицъ,—впрочемъ, не на ихъ личности, не на ихъ душевныя движенія, чувства и страсти, а почти исключительно на ихъ разговоры и разсужденія. Оттого въ романѣ, за исключеніемъ одной старушки, нѣтъ ни одного живаго лица и живой души, а все только отвлеченныя идеи и разныя направленія, олицетворенныя и названныя собственными именами... Романъ г. Тургенева не есть произведеніе чисто объективное; въ немъ слишкомъ ясно выступаетъ личность автора, его симпатіи, его воодушевленіе, даже его личная желчь и раздраженіе. Чрезъ это мы получаемъ возможность прочитать въ романѣ личныя мнѣнія самого автора, и въ этомъ имѣемъ уже одно основаніе—высказанныя въ романѣ мысли принимать за сужденія автора, по крайней мѣрѣ, мысли, высказанныя съ замѣтнымъ сочувствіемъ къ нимъ со стороны автора и вложенныя въ уста тѣхъ лицъ, которымъ онъ очевидно покровительствуетъ. Если бъ въ авторѣ была хоть искра сочувствія къ «дѣтямъ», къ молодому поколѣнію, хоть искра вѣрнаго и яснаго пониманія ихъ воззрѣній и стремленій, то она непремѣнно гдѣ-нибудь заблестѣла бы въ теченіе всего романа...

Отцы, въ противоположность дѣтямъ, проникнуты любовью и поэзіей, они люди нравственные, скромно и втихомолку дѣлающіе добрыя дѣла: они ни за что не хотятъ отстать отъ вѣка. Даже такой пустой фатъ,

какъ Павелъ Петровичъ, и тотъ поднятъ на ходули и выставленъ человѣкомъ прекраснымъ.... Тургеневъ не умѣлъ опредѣлить своей задачи; вмѣсто изображенія отношеній между «отцами» и «дѣтьми», онъ написалъ панегирикъ «отцамъ» и обличеніе «дѣтямъ», да и «дѣтей» онъ не понялъ: вмѣсто обличенія, у него вышла клевета. Распространителей здравыхъ понятій между молодымъ поколѣніемъ онъ хотѣлъ представить развратителями юношества, сѣятелями раздора и зла, ненавидящими добро,—однимъ словомъ, асмодеями... Изъ разныхъ мѣстъ романа г. Тургенева видно, что главный герой его человѣкъ неглупый,—напротивъ, очень способный и даровитый, любознательный, прилежно занимающійся и много знающій; а между тѣмъ въ спорахъ онъ совершенно теряется, высказываетъ безсмыслицы и проповѣдуетъ нелѣпости, непростительныя самому ограниченному уму... Вообще, романъ есть не что иное, какъ безпощадная и тоже разрушительная критика молодаго поколѣнія. Во всѣхъ современныхъ вопросахъ, умственныхъ движеніяхъ, толкахъ и идеалахъ, занимающихъ молодое поколѣніе, г. Тургеневъ не находитъ никакого смысла и даетъ понять, что они ведутъ только къ разврату, пустотѣ, прозаической пошлости и цинизму... Тургеневъ находитъ свой идеалъ совершенно въ другомъ мѣстѣ, именно въ «отцахъ», въ болѣе или менѣе старомъ поколѣніи. Стало быть, онъ проводитъ параллель и противоположность между «отцами» и «дѣтьми»; и смыслъ его романа нельзя формулировать такъ: между множествомъ хорошихъ дѣтей есть и дурные, которые и осмѣяны въ романѣ; задача его совершенно иная и приводится къ такой формулѣ: «дѣти» дурны, они и представлены въ романѣ во

всемъ своемъ безобразіи; а «отцы» хороши, что также доказано въ романѣ.

Подъ категорію «дѣтей» г. Тургеневъ подвелъ значительную часть современной литературы, такъ называемое, ея отрицательное направленіе, которое онъ олицетворилъ въ одномъ изъ своихъ героевъ и вложилъ ему въ уста слова и фразы, часто встрѣчающіяся въ печати и выражающія мысли, одобряемыя молодымъ поколѣніемъ и не возбуждающія неприязненныхъ чувствъ въ людяхъ средняго поколѣнія, а можетъ быть и стараго....

[1]) Чрезвычайно любопытнымъ и характернымъ документомъ, свидѣтельствующимъ на сколько критика стояла ниже художника въ пониманіи жизненнаго развитія, можетъ служить статья г. Антоновича, появившаяся въ самомъ тогдашнемъ прогрессивномъ журналѣ—въ «Современникѣ»... Статья была необходима для того, чтобы показать, что такое называлось тогда критикою, какимъ отсутствіемъ всякаго эстетическаго вкуса и разумѣнія жизни отличалась эта псевдопрогрессивная критика, какимъ узкимъ, личнымъ и партійнымъ ненавистничествомъ, какой бурсацкою грубостью встрѣчала она геніальнѣйшихъ представителей русскаго искусства и умнѣйшія, геніальнѣшія произведенія ихъ, теперь признанныя цѣлымъ свѣтомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое была эта критика, что такое былъ г. Антоновичъ въ качествѣ цѣнителя и судьи литературы, когда онъ въ своей «необходимой» статьѣ не обинуясь изрекаетъ, что романъ Тургенева «вообще въ художественномъ отношеніи совершенно

---

[1]) «Литературная дѣятельность Тургенева.» В. Буренина.

не удовлетворителенъ, чтобы не сказать болѣе изъ уваженія къ таланту г. Тургенева», что въ немъ нѣтъ «общей нити, общаго дѣйствія, которое связывало бы всѣ части романа»; что въ немъ «выводятся личности совершенно лишнія, неизвѣстно для чего фигурирующія»; что это «романъ дидактическій, настоящій ученый трактатъ, написанный въ разговорной формѣ»; что Тургеневъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ» «оставилъ свою службу искусству- и сталъ порабощать его разнымъ теоритическимъ соображеніямъ и практическимъ цѣлямъ»; что «философская проницательность измѣнила поэту въ Отцахъ и дѣтяхъ»; что Базаровъ «есть тотъ же Рудинъ (!) съ нѣкоторыми измѣненіями въ слогѣ (?) и выраженіяхъ»; что Тургеневъ въ своемъ романѣ коснулся только верхушекъ «новыхъ» мнѣній, а «до внутренняго ихъ смысла добраться не могъ»; что ему не слѣдовало бы «разбирать современный образъ мыслей и характеризовать направленія», ибо онъ ихъ «вовсе не понимаетъ или понимаетъ по своему, по-художнически, поверхностно и не вѣрно»; что такое художество, какое обнаружено Тургеневымъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ», заслуживаетъ «если не отрицанія, то порицанія и т. д.» Читая теперь всѣ такія и тому подобныя сужденія «необходимой» статьи г. Антоновича, не знаешь, чему болѣе дивиться: полному ли критическому невѣжеству ихъ автора, или той самоувѣренной и самодовольной ограниченности, съ которою онъ смѣло высказываетъ свои неразумныя и вздорныя поученія и замѣчанія Тургеневу и публикѣ.... Не болѣе основательно и не менѣе курьезно уразумѣла «Отцовъ и дѣтей» и та часть тогдашней прогрессивной критики, которая отнеслась очень со-

чувственно къ этому роману. Эта критика приняла базаровскій типъ за какое-то олицетвореніе божества прогресса, приняла всѣ базаровскіе взгляды и мнѣнія за экстрактъ тогдашней современности, всѣ его фразы и слова, даже ироническія и шуточныя, за кодексъ «самой послѣдней» и самой мудрой морали. Базаровъ, положимъ, говоря о красотѣ Одинцовой, выражается въ романѣ такъ: «эдакое богатое тѣло». Сочувственная базаровскому типу прогрессивная критика пускалась въ серьезныя и пространныя объясненія, что такъ именно и слѣдуетъ цѣнить женскую красоту съ настоящей реалистическо-современной, молодой, прогрессивной точки зрѣнія, что «богатство» тѣла и есть единственный признакъ красоты, что другихъ никакихъ признаковъ и искать не подобаетъ, ибо такое исканіе есть гнилой идеализмъ, противорѣчіе естественно-научному знанію и т. д. И подобными основательными и полезными обсужденіями и доказательствами непреложной раціональности каждаго слова, каждаго движенія, каждаго поступка Базарова критика пробавлялась всласть и все съ единственной цѣлью убѣдить, что онъ-то, Базаровъ, и есть самый настоящій, „мыслящій реалистъ", что отъ него-то и отъ занятій его анатомированіемъ лягушекъ и изойдетъ спасеніе не только нашего отечества, но и цѣлаго міра....

[1]) Произведеніе г. Тургенева находится въ обстоятельствахъ совершенно исключительныхъ. Взятое изъ текущей жизни, оно снова входитъ въ нее и производитъ во всѣ стороны сильное практическое дѣйствіе,

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1862 г. № 5.

какое едва ли когда производило у насъ литературное произведеніе. Рамна изчезла, актеры и зрители смѣшались. Романъ какъ будто еще продолжается; произведенное имъ дѣйствіе, явленія, которыя онъ вызвалъ— какъ будто новая глава въ немъ, какъ будто эпилогъ къ нему. Этотъ эпилогъ, розыгрывающійся въ дѣйствительности, служитъ отличнымъ комментаріемъ романа; вотъ почему сказали мы, что онъ находится въ исключительныхъ условіяхъ. Благодаря этимъ условіямъ, чрезвычайно упрощается оцѣнка, и съ совершенною точностію разрѣшается вопросъ объ истинѣ типа, о вѣрности его изображенія. Въ послѣдствіи, историкъ нашей литературы будетъ говорить объ этомъ романѣ не иначе, какъ въ связи съ явленіями, вызванными имъ въ той средѣ, изъ которой взято его содержаніе... Въ настоящемъ случаѣ вопросъ рѣшается безъ всякихъ затрудненій. Самою лучшею повѣркою изображеннаго типа служитъ произведенное имъ дѣйствіе... Г. Антоновичъ, критикъ „Современника", не обратилъ бы никакого вниманія, или отозвался бы самымъ добродушнымъ смѣхомъ на всякую неудачную попытку изобразить то, что не хотѣлось бы ему видѣть изображеннымъ; но онъ приходитъ въ совершенное неистовство при чтеніи романа г. Тургенева. Точно будто вырвали что-то изъ его сердца, точно будто онъ чувствуетъ себя пораженнымъ въ самую жизненную часть своего организма. Статья его объ ‹*Отцахъ и дѣтяхъ*›— не критика, а судорога, какая-то ужасная скороговорка, въ которой все столпилось безъ всякаго взаимнаго контроля, повинуясь только чувству сильнѣйшаго раздраженія, не знающаго за что схватиться и укусить. Онъ пересочиняетъ романъ, навязываетъ ав-

тору разныя тенденціи, упрекаетъ его за измѣну чистому искусству и въ то же время истерически хохочетъ надъ этимъ чистымъ искусствомъ, искажаетъ цитаты, переиначиваетъ дѣйствія, приписываетъ героямъ свойства и мнѣнія совершенно противоположныя тѣмъ, съ которыми они являются у автора, всячески старается опошлить главнаго героя, довести его до одного уровня съ какимъ то романомъ г. Аскоченскаго, отдавая предпочтеніе послѣднему. Въ критикѣ г. Антоновича есть все, даже сравненіе съ г. Аскоченскимъ. который служитъ въ нашей литературѣ послѣднимъ терминомъ всякаго обиднаго сравненія.... Базаровъ, какъ извѣстно, пожелалъ передъ смертью видѣть женщину, которую онъ любилъ, и былъ утѣшенъ ея прощальнымъ поцѣлуемъ. Какъ же вы думаете? Критикъ приходитъ отъ этого въ ужасъ; онъ съ омерзѣніемъ говоритъ объ этой сценѣ и обсыпаетъ автора язвительными укорами за такую «гадость»... Молодой человѣкъ, чувствуя приближеніе смерти, не смѣй и думать о томъ, что при жизни волновало его сердце, что онъ любилъ съ увлеченіемъ и страстью. Проститься передъ смертью съ предметомъ этой любви грѣшно и безнравственно. Читатель помнитъ эту сцену! кажется, въ ней нѣтъ ничего безнравственнаго и богопротивнаго? Однако жъ этотъ ригористъ находитъ ее такою. Надобно думать, что появленіе Тургеневскаго романа произвело какую-нибудь глубокую кутерьму въ почтенномъ журналѣ, гдѣ пишетъ г. Антоновичъ. Въ его критической статьѣ слышатся отзывы этой подземной катастрофы....

Кончина героя очаровываетъ г. Писарева. Онъ пишетъ о ней съ гордымъ блескомъ во взорѣ; онъ кичится этою

смертію за себя и за все новое поколѣніе: онъ видитъ въ этой смерти истинную апоѳеозу героя нашего времени: онъ не находитъ словъ для изъявленія благодарности автору за эту сцену смерти. Какая противоположность съ воззрѣніемъ г. Антоновича! Кто же правъ?... Мы сближаемъ этихъ двухъ критиковъ не съ тѣмъ, чтобъ изъ этого сближенія дѣлать какой-нибудь выводъ относительно художественныхъ достоинствъ произведенія. Пусть во мнѣніи одного оно стоитъ высоко; пусть во мнѣніи другаго оно ниже романа г. Аскоченскаго: это все равно, объ этомъ толковать нечего. Но насъ интересуютъ не мнѣнія этихъ критиковъ, а ихъ личныя отношенія къ роману, который будто бы они разбираютъ, но который накрылъ ихъ самихъ и произвелъ самое разлагающее дѣйствіе на ихъ умственную организацію.... Странное дѣло! Оба эти философа, и по молодости лѣтъ и по характеру своихъ воззрѣній, равно причисляютъ себя къ передовымъ людямъ, у обоихъ одинъ и тотъ же символъ вѣры, и однако какое радикальное разногласіе по отношенію къ типу, въ которомъ одинъ узнаетъ идеалъ современнаго поколѣнія, другой—его каррикатуру и поруганіе! Вотъ очевидное доказательство, что художникъ попалъ мѣтко. Въ его произведеніи узнало себя то, что онъ изобразилъ въ немъ, узнало себя не только не въ искаженномъ, но даже въ самомъ лестномъ видѣ, и въ то же время почувствовало себя уязвленнымъ. Въ одномъ человѣкѣ было бы невозможно совмѣщеніе этихъ двухъ результатовъ. И вотъ произошло разложеніе. Изъ одного и того же мѣста послышалось два голоса, противорѣчащіе другъ другу во всѣхъ пунктахъ, но принужденные слиться въ одинъ общій

результатъ. Выходя изъ одного начала и описавъ двѣ интересныя кривыя линіи, они пришли къ одному концу. Одинъ заявилъ, что художникъ не выдумалъ своего типа, а извлекъ его изъ дѣйствительности; другой засвидѣтельствовалъ, что художникъ дѣйствительно извлекъ его. Болѣзненные вопли критика *Современника* и восторженныя ликованія критика *Русскаго слова* сливаются въ одинъ звукъ и равномѣрно свидѣтельствуютъ о силѣ художника и объ успѣхѣ его произведенія.... Оба критика, недовольный и довольный, не только противорѣчатъ между собою, но и совершенно согласны. Противорѣчіе есть и противорѣчія нѣтъ. Во взглядахъ обоихъ философовъ, плачущаго и смѣющагося, совершенное согласіе; но въ ихъ чувствованіяхъ, въ патетическихъ движеніяхъ души совершенная противоположность. Одно и то же почувствовали они противоположнымъ образомъ. Одинъ узналъ грядущаго героя съ веселымъ ликованіемъ; другой тоже узналъ его, но со скрежетомъ зубовъ. Одинъ спокоенъ и счастливъ; другой волнуется и терзается, и сыплетъ проклятія»....

Вообще о романѣ и сферѣ его критикъ «Русскаго Вѣстника» говоритъ: «Все въ этомъ произведеніи свидѣтельствуетъ о созрѣвшей силѣ этого первокласснаго таланта: ясность идей, мастерство въ обрисовкѣ типовъ, простота въ замыслѣ и ходѣ дѣйствія, воздержность и ровность въ исполненіи, драматизмъ, возникающій естественно изъ самыхъ обыкновенныхъ положеній, ничего лишняго, ничего задерживающаго, ничего посторонняго». Но сверхъ этихъ общихъ достоинствъ, романъ г. Тургенева имѣетъ еще тотъ интересъ, что въ немъ уловленъ текущій моментъ, схваченo убѣгающее явленіе,

типически изображена и запечатлѣна навѣки мимолетная фаза нашей жизни. Вотъ задача художника, который хочетъ непосредственно дѣйствовать на свое время: вотъ въ чемъ истинный смыслъ того требованія, чтобы художникъ оставался сыномъ своего времени, гражданиномъ своей страны...

Наша умственная жизнь не отличается ни многочисленностію своихъ органовъ, ни богатствомъ, ни внутреннею послѣдовательностію въ своемъ развитіи. Она зависитъ отъ разнородныхъ вліяній, дѣйствующихъ на нее со стороны. Эта скудная струйка нашего умственнаго и общественнаго быта протекаетъ передъ лицомъ великихъ и могущественныхъ цивилизацій, отъ которыхъ она зависитъ, которыя безпрерывно на нее дѣйствуютъ и производятъ въ ней пертурбаціи. Оттого-то наше развитіе, повидимому, идетъ такъ быстро; оттого-то оно такъ часто переходитъ изъ одной фазы въ другую, такъ легко измѣняется въ своемъ направленіи и цвѣтѣ. Что ни день, то новое колѣно, новая эпоха, новые герои. Въ нашей литературѣ проходитъ послѣдовательно цѣлый рядъ типовъ, соотвѣтствующихъ этимъ фазамъ. Это герои своего времени. Самъ г. Тургеневъ изобразилъ уже нѣсколько подобныхъ типовъ. Въ прежнихъ типахъ онъ изображалъ болѣе или менѣе прожитые фазы; но въ послѣднемъ романѣ онъ поймалъ героя прямо на дѣлѣ. Вотъ почему новый романъ г. Тургенева, при своемъ общемъ художественномъ значеніи, имѣетъ еще значеніе непосредственно дѣйствующей силы. То, что дѣйствуетъ теперь вокругъ насъ, что пробѣгаетъ въ умахъ и настраиваетъ ихъ извѣстнымъ образомъ, приведено здѣсь къ сознанію, представлено на видъ,—изъ дѣя-

теля превращено въ простой предметъ, изъ центра отброшено къ периферіи. Для подобной задачи необходимо обладать высокою творческою силою, необходима также зрѣлая и чуткая мысль, точка зрѣнія, до которой не всякій можетъ возвыситься, глубокая и обширная наблюдательность, большая власть надъ собой... Сфера этого романа, конечно, очень ограничена; она соотвѣтствуетъ тому кругу, въ которомъ вращается наше малокровное образованіе. Это сфера такъ называемыхъ у насъ образованныхъ людей, кончившихъ курсъ въ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, кое-что читавшихъ и группирующихся вокругъ литературы. Всего этого очень немного, все это очень скудно, все это не имѣетъ внутренней силы. Дурныя или хорошія мнѣнія, ложныя или истинныя ученія, равно лишены глубокаго корня и въ отцахъ, и въ дѣтяхъ. Всѣ эти мнѣнія, всѣ эти толки и пренія—дѣло большею частію наносное или продуктъ тепличнаго воздуха. Это общая черта всего, что называется у насъ образованнымъ, къ какому бы оно ни принадлежало поколѣнію, молодому или старому. Хороши или дурны люди, даровиты они или бездарны по своей природѣ, вы чувствуете, что главная доля ихъ умственнаго содержанія не выработана жизнію, а случайно занесена со стороны, и является или аффектаціей и безплодной вычурой, или сухимъ быліемъ. Сила здѣсь вовсе не сила, а только относительное безсиліе окружающаго. Таковъ этотъ маленькій міръ, къ которому относится послѣднее произведеніе нашего писателя-художника.

[1]) Позволю себѣ привести слѣдующую выписку изъ

[1]) И. С. Тургеневъ. Сочин. И. С. Тургенева, т. 1. Изд. Салаев.

моего дневника: «30 іюля, воскресенье. Часа полтора тому назадъ, я кончилъ, наконецъ, свой романъ.... Не знаю, каковъ будетъ успѣхъ. — «Современникъ», вѣроятно, обольетъ меня презрѣніемъ за Базарова — и не повѣритъ, что во все время писанія я чувствовалъ къ нему невольное влеченіе...»

Мои критики называли мою повѣсть «*Памфлетомъ*», упоминали о «*раздраженномъ*», «*уязвленномъ*» самолюбіи; но съ какой стати сталъ бы я писать памфлетъ — на Добролюбова, съ которымъ я почти не видался, но котораго высоко цѣнилъ, какъ человѣка и какъ талантливаго писателя? Какого бы я ни былъ скромнаго мнѣнія о своемъ дарованіи — я все таки считалъ и считаю сочиненіе памфлета, «*пасквиля*», ниже его, недостойнымъ его. Что же касается до «*уязвленнаго*» самолюбія — то замѣчу только, что статья Добролюбова о *послѣднемъ моемъ произведеніи передъ «Отцами и Дѣтьми»* — о «Наканунѣ» (а онъ по праву считался выразителемъ общественнаго мнѣнія), что эта статья, явившаяся въ 1861 году, исполнена самыхъ горячихъ, говоря по совѣсти, самыхъ незаслуженныхъ похвалъ.... Рисуя фигуру Базарова, я исключилъ изъ круга его симпатій все художественное, я придалъ ему рѣзкость и безцеремонность тона--не изъ нелѣпаго желанія оскорбить молодое поколѣніе (!!!), а просто вслѣдствіе наблюденій надъ моимъ знакомцемъ, докторомъ Д. и подобными ему лицами....» Личныя мои наклонности тутъ ничего не значатъ; но, вѣроятно, многіе изъ моихъ читателей удивятся, если я скажу имъ, что, за исключеніемъ воззрѣній на художество, я раздѣляю почти всѣ его убѣжденія. А меня увѣряютъ, что я на сторонѣ

«отцовъ»,... Я, который въ фигурѣ Павла Кирсанова даже погрѣшилъ противъ художественной правды и пересолилъ, довелъ до каррикатуры его недостатки, сдѣлавъ его смѣшнымъ!

Помнится, одинъ критикъ въ сильныхъ и краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, прямо ко мнѣ обращенныхъ, представилъ меня вмѣстѣ съ г. Катковымъ въ видѣ двухъ заговорщиковъ, въ тишинѣ уединеннаго кабинета замышляющихъ свой гнусный ковъ, свою клевету на молодыя русскія силы.... Картина вышла эффектная! На дѣлѣ вотъ какъ происходилъ этотъ «*заговоръ*». Когда г. Катковъ получилъ отъ меня рукопись «Отцевъ и Дѣтей», о содержаніи которой онъ не имѣлъ даже приблизительнаго понятія—онъ почувствовалъ недоумѣніе. Типъ Базарова показался ему «чуть не апоѳеозой «Современника» и я бы не удивился, еслибъ онъ отказался отъ помѣщенія моей повѣсти въ своемъ журналѣ... Надѣюсь, что г. Катковъ не посѣтуетъ на меня за приведеніе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ написаннаго ко мнѣ въ то время письма его:—«Если и не въ апоѳеозу возведенъ Базаровъ», писалъ онъ, «то нельзя не сознаться, что онъ какъ-то случайно попалъ на очень высокій пьедесталъ. Онъ дѣйствительно подавляетъ все окружающее. Все передъ нимъ или ветошь, или слабо и зелено. Такого-ли впечатлѣнія нужно было желать? Въ повѣсти чувствуется, что авторъ хотѣлъ характеризировать начало мало ему сочувственное, но какъ будто колебался въ выборѣ тона и безсознательно покорился ему. Чувствуется что-то несвободное въ отношеніяхъ автора къ герою повѣсти, какая-то неловкость и принужденность. Авторъ передъ нимъ какъ будто теряется, и не любитъ, а еще пуще боится

его!» Далѣе г. Катковъ сожалѣетъ о томъ, что я не заставилъ Одинцову обращаться иронически съ Базаровымъ и т. д.— все въ томъ-же тонѣ! Явно, прибавляетъ Тургеневъ, что одинъ изъ «заговорщиковъ» не вполнѣ былъ доволенъ работою другаго.

¹) Тургенева, очевидно, очень тревожило то «общественное мнѣніе», которое по отношенію къ художественнымъ созданіямъ такъ часто бываетъ именно «судомъ глупца» и, волнуясь его отзывами, онъ нерѣдко порывался какъ бы оправдать себя, порывался поправить въ слѣдующемъ произведеніи то, за что его упрекали въ предъидущемъ. Помимо художественныхъ поправокъ и оправданій Тургеневъ дѣлалъ попытки такихъ-же оправданій и поправокъ въ своихъ объясненіяхъ съ читателями и въ письмахъ. Въ этихъ любопытныхъ документахъ очень живо отражается противорѣчіе Тургенева самому себѣ не только какъ художнику, но даже просто противорѣчіе собственнымъ-же увѣреніямъ. И всѣ эти противорѣчія исходятъ именно изъ отсутствія той гордости и того спокойствія, которыя рекомендуются Пушкинымъ поэту для того, чтобы имѣть правильный «высшій» судъ надъ собственнымъ своимъ творчествомъ. Такъ, въ объясненіи по поводу «Отцовъ и дѣтей» Тургеневъ видимо огорчается тѣмъ, что съ одной стороны разные «тучные», «снисходительные» и «раздражительные» генералы-консерваторы привѣтствовали его, какъ изобличителя зловреднаго нигилизма, а съ другой — разные мнимо-прогрессивные критики обвиняли въ непониманіи идеаловъ молодаго поколѣнія,

---

¹) В. Буренинъ. «Литературная дѣятельность Тургенева».

изображеннаго будто бы каррикатурно въ лицѣ Базарова. Огорченіе художника, прозрѣвшаго въ этихъ привѣтствіяхъ обвиненіяхъ подрывъ прежней либеральной репутаціи, приводитъ его къ тому, что онъ начинаетъ увѣрять, будто бы въ «Отцахъ и дѣтяхъ» его полное сочувствіе къ Базарову не можетъ быть отрицаемо, что, «за исключеніемъ воззрѣній на художество, онъ раздѣляетъ самъ почти всѣ базаровскія убѣжденія». Въ недавно напечатанномъ въ газетѣ «Недѣля» письмѣ, писанномъ почти тотчасъ же вслѣдъ за появленіемъ «Отцовъ и дѣтей», Тургеневъ даже увѣряетъ, что въ Базаровѣ ему «мечтался какой-то pendant къ Пугачевымъ». И все это говоритъ тотъ самый художникъ, который въ этомъ-же письмѣ удостовѣряетъ, что Николай Петровичъ Кирсановъ списанъ имъ отчасти съ самого себя, который въ романѣ отъ своего лица съ нескрываемой злостью замѣчаетъ, что «этотъ гордый и самоувѣренный Базаровъ и не подозрѣвалъ, что онъ въ глазахъ мужиковъ былъ все-таки чѣмъ-то вродѣ шута гороховаго». Какъ, подумаешь, вяжутся предъидущія оправдательныя увѣренія съ тѣмъ, что мы находимъ въ романѣ! Если самъ Тургеневъ, по его-же словамъ, принадлежитъ къ кирсановскому типу, что, конечно, въ извѣстной степени и въ извѣстномъ отношеніи справедливо, то какъ-же онъ могъ сходиться въ своихъ убѣжденіяхъ съ Базаровымъ? Если Тургеневъ мечталъ въ Базаровѣ изобразить pendant Пугачеву, то какимъ образомъ онъ выставилъ его гороховымъ шутомъ въ глазахъ народа? Разгадки этихъ противорѣчій слѣдуетъ искать въ томъ, что въ своихъ объясненіяхъ романа правдивый и прямой въ творчествѣ,

но уклончивый и слабый характеромъ художникъ старался всячески *поправить* ту рѣзкую правду, которую онъ высказалъ въ лицо обществу, въ лицо молодому поколѣнію и которою смутился самъ, когда это общество и это поколѣніе легкомысленно начали «колебать его треножникъ»...

[1]) По поводу романа «Отцы и дѣти» Н. Соловьевъ замѣчаетъ: «Заслуга Тургенева во всякомъ случаѣ большая. Сколько умныхъ вещей было высказано, сколько сомнѣній разрѣшено, сколько вопросовъ затронуто, и все это по поводу одного художественнаго произведенія».

БАЗАРОВЪ.

а) Базаровъ какъ герой, характеръ и типъ.

[2]) Публикѣ не было никакого дѣла ни до Тургенева, ни до его романа,—упрекая г. Антоновича за его чисто эстетическую критику романа, говоритъ Писаревъ.—Она хотѣла знать, что такое Базаровъ, и этотъ вопросъ имѣлъ для нея самое жизненное значеніе, потому что большая часть матерей, отцевъ и сестеръ видѣли въ своихъ дѣтяхъ и братьяхъ частицы или зародыши тѣхъ типическихъ особенностей, которыя сосредоточились и воплотились съ полною силою въ фигурѣ тургеневскаго нигилиста. «Если Базаровъ—карикатура, разсуждала публика, то объясните и представьте намъ въ настоящемъ свѣтѣ то явленіе жизни,

[1]) «Искусство и жизнь» Н. Соловьева.
[2]) Соч. Д. И. Писарева.

которое вызвало эту каррикатуру, и покажите намъ еще разъ ту идею, которая породила это явленіе. Если Базаровъ живой человѣкъ, то растолкуйте намъ его, мы не понимаемъ, онъ насъ пугаетъ, и пугаетъ именно потому, что мы видимъ что-то непонятное и базаровское въ чертахъ характера многихъ изъ тѣхъ людей, которыхъ мы любимъ, отъ которыхъ намъ больно отрываться и съ которыми не умѣемъ свыкнуться.»

[1]) Авторъ вездѣ даетъ Базарову центральное мѣсто; вездѣ является онъ главнымъ пунктомъ, а все прочее только группируется около него и выдаетъ только рѣзче и явственнѣе его фигуру. Все располагается такъ, чтобъ онъ производилъ впечатлѣніе силы. Изъ лицъ, близко подходящихъ къ нему, только одно какъ будто стираетъ его, одно, предъ которымъ онъ пасуетъ: это—Одинцова.

[2]) Базаровъ является истиннымъ героемъ, не смотря на то, что въ немъ нѣтъ, повидимому, ничего блестящаго и поражающаго. Съ перваго его шага къ нему приковывается вниманіе читателя, а всѣ другія лица начинаютъ вращаться около него, какъ около главнаго центра тяжести. Онъ всего меньше заинтересованъ другими лицами; за то другія лица тѣмъ больше имъ интересуются. Онъ никому не навязывается и не напрашивается. И однако же вездѣ, гдѣ онъ является, возбуждаетъ самое сильное вниманіе, составляетъ главный предметъ чувствъ и размышленій, любви и ненависти... Подъ конецъ разсказа, когда Базаровъ

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1862 г. № 5.
[2]) «Время» 1862 г. № 4.

гоститъ у своихъ отца и матери, онъ очевидно нѣсколько потерялся, послѣ всѣхъ вынесенныхъ потрясеній. Не настолько онъ потерялся, чтобы не могъ поправиться, не могъ черезъ короткое время воскреснуть въ полной силѣ; но все-таки тѣнь тоски, которая и въ самомъ началѣ лежала на этомъ желѣзномъ человѣкѣ, подъ конецъ становится гуще. Онъ теряетъ охоту заниматься, худѣетъ, начинаетъ трунить надъ мужиками уже не дружелюбно, а жолчно. Отъ этого и выходитъ, что на этотъ разъ онъ и мужикъ оказываются не понимающими другъ друга, тогда какъ прежде взаимное пониманіе было до извѣстной степени возможно... Умираетъ Базаровъ совершеннымъ героемъ, и его смерть производитъ потрясающее впечатлѣніе. До самаго конца, до послѣдней вспышки сознанія онъ не измѣняетъ себѣ ни единымъ словомъ, ни единымъ признакомъ малодушія. Онъ сломленъ, но не побѣжденъ. Такимъ образомъ, не смотря на короткій срокъ дѣйствія романа и не смотря на быструю смерть Базарова, онъ успѣлъ высказаться, вполнѣ показать свою силу. Жизнь не погубила его,—этого заключенія никакъ нельзя вывести изъ романа,—а пока только дала ему поводы обнаружить свою энергію. Въ глазахъ читателей Базаровъ выходитъ изъ искушенія побѣдителемъ. Всякій скажетъ, что такіе люди, какъ Базаровъ, способны много сдѣлать, что при этихъ силахъ отъ нихъ можно многаго ожидать.

[1]) Базаровъ герой; онъ существо болѣе или менѣе исключительное; онъ воплощаетъ въ себѣ тотъ духъ, который болѣе или менѣе примѣшивается къ мнѣні-

[1]) «Русскій Вѣстникъ.» 1862 г. № 5.

ямъ, чувствамъ, дѣйствіямъ людей, но не господствуетъ въ нихъ исключительно, и даже большею частію вовсе не живетъ въ нихъ, а только говоритъ ихъ устами. Каковъ бы ни былъ этотъ духъ, онъ не портитъ ихъ въ основаніи, но и не дѣйствуетъ въ нихъ, какъ живая сила, онъ занимаетъ только пустое мѣсто; онъ внѣдряется тамъ, гдѣ ничего нѣтъ.

[1]) Базаровъ еще болѣе герой послѣ романа; теперь, когда на его счетъ и по поводу его возбуждено столько толковъ, столько сплетенъ, столько философскихъ недоразумѣній, сколько, пожалуй, и не нужно для смертнаго, чтобы попасть въ герои. Наши критики недаромъ такъ много изощряли свои способности къ анализу на этомъ лицѣ, а нѣкоторые даже и ограничились однимъ этимъ лицомъ. Съ Базаровымъ приходитъ новый человѣкъ въ русскую жизнь, человѣкъ крайне безцеремонный, съ своимъ уставомъ—даже въ послѣднихъ мелочахъ, съ печатью очевидной силы и съ такою нестерпимою дерзостью, какъ будто всѣ люди другого нравственнаго настроенія должны проникнуться убѣжденіемъ, что они не болѣе, какъ простыя деревянныя пѣшки. Онъ приходитъ не воровать, не грабить, не рѣзать подобныя себѣ существа, какъ полагаетъ г. Писаревъ; однако въ немъ сильно развита наклонность распространять вокругъ себя боязнь. Онъ считаетъ себя Колумбомъ, открывшимъ новый міръ, хотя, въ знаніи стараго міра, его можно сбить на самыхъ пустякахъ. Можно сбить,—но ему кажется, что этому никогда не бывать; по его собственнымъ словамъ, онъ никогда еще не встрѣчалъ силы, передъ

[1]) «Библіотека для чтенія» 1862 г. № 5

которой бы ему пришлось спасовать,—обстоятельство, на которомъ воспитана вся его дерзость.

¹) Критикъ «Времени» говоритъ, что Тургеневъ воплотилъ въ Базаровѣ строгое настроеніе ума и твердый складъ мысли. «Онъ одѣлъ этотъ умъ плотью и кровью и исполнилъ эту задачу съ удивительнымъ мастерствомъ. Базаровъ вышелъ человѣкомъ простымъ, чуждымъ всякой изломанности, и вмѣстѣ крѣпкимъ, могучимъ душою и тѣломъ. Все въ немъ необыкновенно идетъ къ его сильной натурѣ. Весьма замѣчательно, что онъ, такъ сказать, *болѣе русскій*, чѣмъ всѣ остальныя лица романа. Его рѣчь отличается простотою, мѣткостью, насмѣшливостью и совершенно русскимъ складомъ. Точно также между лицами романа онъ всѣхъ легче сближается съ народомъ, всѣхъ лучше умѣетъ держать себя съ нимъ.... Тургеневъ, создававшій до сихъ поръ, такъ сказать, раздвоенныя лица, напримѣръ, Гамлета Щигровскаго уѣзда, Рудина, Лаврецкаго, достигъ наконецъ въ Базаровѣ до типа цѣльнаго человѣка. Базаровъ есть первое сильное лицо, первый цѣльный характеръ, явившійся въ русской литературѣ изъ среды такъ называемаго образованнаго общества... Базаровъ—теоретикъ; онъ человѣкъ странный, односторонне-рѣзкій: онъ проповѣдуетъ необыкновенныя вещи; онъ поступаетъ эксцентрически; онъ школьникъ, въ которомъ вмѣстѣ съ глубокою искренностью соединяется самое грубое *ломанье;* какъ мы сказали—онъ человѣкъ чуждый жизни, т. е. онъ самъ чуждается жизни. Но подъ всѣми этими внѣшними формами льется теплая

---

¹) «Время» 1862 г. № 4.

струя жизни; при всей рѣдкости и дѣланности своихъ проявленій—Базаровъ человѣкъ вполнѣ живой, не фантомъ, не выдумка, а настоящая плоть и кровь. Онъ отрицается отъ жизни, а между тѣмъ живетъ глубоко и сильно.

[1]) Тургеневскій Базаровъ не просто типъ, но и характеръ, лицо живое до мельчайшей подробности. Нигдѣ въ этомъ образѣ не обнажается сентенція, нигдѣ не проглядываетъ въ немъ отвлеченное понятіе; онъ съ ногъ до головы—живая фигура. Производимое имъ впечатлѣніе совершенно индивидуальнаго свойства, точно такое, какое мы испытываемъ при встрѣчѣ съ живымъ человѣкомъ,—безотчетное чувство симпатіи или антипатіи, которое то заговоритъ громко, то притихнетъ.

[2]) Базаровъ, по словамъ критика «Мысли»,—типъ матеріалиста, т. е. типъ чисто головной, построенный чисто теоретически, изъ нѣсколькихъ философскихъ посылокъ и философской критики, съ примѣсью поверхностныхъ наблюденій, исключительно внѣшнихъ, надъ людьми новаго типа въ Россіи (типа создававшагося, какъ мы видѣли, никакъ не теоріей, а измѣненіемъ самой жизни). Его Базаровъ не признаетъ ничего, кромѣ ощущеній, онъ слѣдуетъ только непосредственнымъ влеченіямъ: нравится ему женщина, онъ добивается «толку», не размышляя ни о послѣдствіяхъ, ни о страданіяхъ другихъ людей. Не доволенъ онъ заботливостью отца, не согласенъ съ чьимъ-либо взглядомъ, онъ рѣжетъ грубо и рѣзко все, что думаетъ и чувствуетъ, не со-

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1862 г. № 5.
[2]) N. N. «Мысль» 1880 г. № 1.

образжая послѣдствій, въ родѣ дуэли съ Павломъ Кирсановымъ или въ родѣ безмолвнаго горя старика-отца. Каждому извѣстно, что такъ дѣлать выводы отъ извѣстнаго міровоззрѣнія къ живому типу, проявляющему его міровоззрѣніе, нельзя въ художественномъ произведеніи. Люди живутъ не одной теоріей и дедуктивными выводами изъ нея, какъ думалъ Тургеневъ; они живутъ и чувствомъ, и практическими соображеніями и никакое міровоззрѣніе, какъ-бы оно не вліяло на общій складъ ихъ жизни, не въ силахъ убить въ нихъ наслѣдственныхъ, физіологическихъ инстинктовъ сострадания, общественности, осторожности,—не въ силахъ ихъ сдѣлать до того идіотами, чтобы они не разсчитывали послѣдствій своихъ дѣйствій для себя и другихъ, не принимали въ соображеніе своихъ и чужихъ страданій, хотя бы то были страданія Фенички или Николая Кирсанова, или г-жи Одинцовой, а тѣмъ болѣе стариковъ-родителей. Изъ этого вы видите, что тургеневскій Базаровъ не былъ живымъ типомъ, взятымъ изъ дѣйствительности (за исключеніемъ наружности и внѣшнихъ пріемовъ), а былъ философской задачей, философской полемикой, вродѣ діалоговъ Платона, съ тою только разницей, что тамъ доводились до абсурда мысли противниковъ путемъ логическаго спора, а здѣсь авторъ заставляетъ противника матеріалиста не только говорить нелѣпости, но и дѣйствовать на основаніи теоріи, которую авторъ желаетъ опровергнуть, т. е. желаетъ этими словами и дѣйствіями героя доказывать нелѣпость его теоріи. Нигдѣ такъ, какъ на Базаровѣ, не представляется нагляднымъ, какъ ошибочно такимъ образомъ рисовать извѣстныя жизненныя явленія. А между тѣмъ, такъ по-

ступалъ столь большой художникъ, какъ Тургеневъ, и самъ того не замѣчая, шелъ въ этомъ случаѣ путемъ массы романовъ того времени, въ которыхъ такимъ-же теоретическимъ путемъ создавались *новые люди* безъ нервовъ, безъ крови, а съ одними теоріями, послѣдовательно проводимыми въ жизнь, до того послѣдовательно, что даже пища, сонъ, отдыхъ, костюмъ, жесты вытекали изъ теоріи. Это съ нимъ могло случиться только подъ вліяніемъ полемическаго жара, вызваннаго нападками на искусство, идеализмъ и пр. Онъ усмотрѣлъ въ этихъ нападкахъ не духъ времени, не простой невольный рефлексъ, какъ видимъ мы, а послѣдствія философской теоріи — послѣдствія матеріализма и новой науки, тогда какъ дѣло было совсѣмъ наоборотъ. Чтобы показать еще болѣе, какъ не состоятеленъ такой художественный пріемъ и какъ имъ грѣшили одинаково художники 40-хъ и 60-хъ годовъ, мы докажемъ, что общія положенія или основанія философіи вовсе не составляютъ всего содержанія жизни и дѣятельности. Однимъ словомъ, ошибка въ томъ, что дѣйствія управляются привычками, эмоціями, инстинктами, унаслѣдованными нами, столько же, если не больше, чѣмъ теоретической мыслью. Если унаслѣдованныя свойства, воспитаніе, привычки развили въ человѣкѣ нѣжность, впечатлительность, чувствительность, онъ, не смотря на любую самую узкую философію, будетъ рыдать надъ романомъ, плакать отъ музыки, трепетать отъ одной мысли, что причиняетъ кому-либо страданіе. Мы видимъ профессоровъ-химиковъ, какъ Бородинъ, сочиняющихъ симфоніи, и мы знаемъ филолога Писарева, не выносившаго звуковъ музыки и весьма сомнительно относив-

шагося къ поэзіи. Тутъ дѣло вовсе не въ общихъ теоріяхъ и взглядахъ на міръ. Если Базаровъ не выноситъ звуковъ віолончеля и серенады Шуберта, то это не потому, что онъ прочелъ «Матерію и Силу» Бюхнера, какъ думалъ Тургеневъ, а потому что у него не было тонкаго слуха, не было впечатлительныхъ нервовъ для того, чтобы наслаждаться музыкой, или же вопросы иного рода отвлекали и поглощали вниманіе. Еще менѣе можно приписывать извѣстнымъ научнымъ или философскимъ теоріямъ причину того или иного общественнаго настроенія, какъ это, напр., дѣлаетъ Вирховъ въ нападкахъ на дарвинизмъ... Въ Базаровѣ Тургеневъ далъ нѣкоторыя болѣе или менѣе вѣрныя черты одной изъ разновидностей базаровскаго типа, притомъ черты главнымъ образомъ внѣшнія; въ душу типа, въ его жизненныя и соціальныя причины онъ не заглянулъ и, вѣроятно, не могъ заглянуть, ибо, мысля о немъ (образами или понятіями—это здѣсь безразлично), онъ не находилъ въ своей душѣ такого запаса образовъ, который позволилъ бы ему создать синтетически цѣльный типъ. Отъ этого-то разновидность, притомъ чисто внѣшнюю, онъ возвелъ въ типъ, да еще, за неимѣніемъ живыхъ образовъ, для истолкованія этой разновидности, пустился въ теоретическія умствованія, въ дедукціи отъ матеріализма Бюхнеровъ и Молешотовъ. Понятно, что получилось явленіе весьма далекое отъ дѣйствительности, хотя, повидимому, какъ будто живое. И оно, дѣйствительно, было отчасти знакомымъ и живымъ. Нѣчто подобное по внѣшности, по пріемамъ, было, да художникъ упустилъ душу, сущность этого кусочка типа, а не упустить не могъ: наблю-

деній было мало, заставить же свое вниманіе фиксировать искусственно на многихъ разновидностяхъ того же типа мѣшала та самоувѣренная вѣра въ художественное творчество изъ *самого себя*, которую дала старая теорія художественнаго творчества. Этимъ же объясняемъ безучастность нашихъ маститыхъ художниковъ и къ другимъ живымъ явленіямъ современной жизни...

[1]) Замѣчательно, что въ многочисленныхъ спорахъ по поводу Базарова всѣ усилія полемики сосредоточивались главнымъ образомъ около вопроса: хорошъ или дуренъ, полезенъ или вреденъ такой человѣкъ; вопросъ о томъ, представляетъ ли Базаровъ дѣйствительно типическій образчикъ поколѣнія, разбирался сравнительно чрезвычайно мало. «Типичность» героя «Отцовъ и Дѣтей» была признана словно какимъ-то единогласнымъ мнѣніемъ, безъ обсужденія и голосованія. Конечно, нужно не малое искусство, чтобы написать картину, способную произвести такой эффектъ. Но его нѣтъ никакихъ основаній приписывать глубинѣ анализа, развитаго художникомъ. Эффектъ, напротивъ, опредѣлялся отчасти даже самымъ недостаткомъ анализа. Дѣло въ томъ, что познать самого себя—самая затруднительная вещь на свѣтѣ. Думать, что какое бы то ни было поколѣніе понимаетъ себя особенно хорошо и точно, а стало-быть способно единодушно оцѣнить дѣйствительно художественное воспроизведеніе своего типа—думать это—значитъ очень сильно ошибаться. Совсѣмъ иное дѣло—внѣшніе признаки, характеризующіе поколѣніе; они видны всѣмъ и каж-

---

[1]) К. Григорьевъ. «Дѣло» 1884 г. № 1.

дому, по нимъ каждая масса отличаетъ себя отъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ. Вѣрное воспроизведеніе этого *внѣшняго* образа дѣйствительно можетъ быть оцѣнено массою и возбудить ея восторгъ. Такъ было и при появленіи «Отцовъ и Дѣтей». Тургеневъ развернулъ въ этомъ романѣ всю силу своего громаднаго таланта портретиста. Онъ нарисовалъ такой образъ, въ которомъ съ замѣчательной живостью и точностью воспроизведена вся физіономія человѣка 60 годовъ, но—замѣтьте—именно физіономія, а не душа. Вся внѣшность схвачена у него превосходно, такъ что у читателя не можетъ возникнуть ни малѣйшаго сомнѣнія въ подлинности изображенія. Публика невольно поддается иллюзіи: ей кажется, что она видитъ передъ собою живого человѣка, къ которому стоитъ только присмотрѣться, чтобы понять самую душу новаго поколѣнія. И вотъ, мы начинаемъ всматриваться, анализировать, не замѣчая, что находимся въ положеніи человѣка, который вздумалъ анатомировать картину, въ надеждѣ открыть подъ лакомъ и красками тѣ вены, которыя такъ ясно просвѣчиваютъ сквозь изумительно вырисованную кожу.

Отсутствіе настоящаго анализа, маскируемое поразительно живою внѣшностью, не могло, однако, не ощущаться до нѣкоторой степени публикой, хотя едва ли она сама сознавала, чего именно не достаетъ въ «типѣ». Не понималъ этого и Тургеневъ вмѣстѣ съ публикой. Неудовлетворенность читателя онъ объяснялъ себѣ тѣмъ, что въ романѣ нѣтъ «оцѣнки» Базарова, что, значитъ, читателямъ прямо не сказано, хорошъ онъ или дуренъ. Немножко насмѣшливо, Тургеневъ замѣчаетъ, по этому поводу: «а что жъ дѣлать автору,

если онъ самъ не знаетъ, любитъ ли онъ своего героя, или нѣтъ, какъ это у меня и было по отношенію къ Базарову?» *) На самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, тутъ было нѣчто другое. Публика, думается мнѣ, чувствовала потребность не въ оцѣнкѣ, сдѣланной самимъ непремѣнно авторомъ, а въ томъ, чтобы «типъ» заключалъ въ себѣ данныя, при наличности которыхъ его и его общественную роль возможно было бы оцѣнить. У Тургенева въ Базаровѣ этихъ-то данныхъ именно и не хватаетъ. Публика находила въ романѣ все, что сама видѣла и знала, даже больше: она видѣла сведеннымъ все это къ одному знаменателю, въ одинъ образъ. Она видѣла у Тургенева даже нѣкоторые выводы, какъ напримѣръ тотъ, что новый человѣкъ принадлежитъ къ породѣ очень сильной. Все это, однако, удовлетворяло только массу читателей, но въ болѣе чуткихъ, болѣе требовательныхъ оставляло нѣкоторое недоумѣніе, а иногда даже прямо неудовольствіе. То и другое, очевидно, было вполнѣ резонно. О недоумѣніи ужъ не говорю, но даже неудовольствіе вполнѣ имѣло мѣсто по отношенію къ Тургеневу. Дѣйствительно, замѣчательно яркое внѣшнее изображеніе не допускало у читателей мысли о возможности того, чтобы авторъ былъ просто *неспособенъ* изобразить внутреннее содержаніе даннаго типа. Не замѣчая у Базарова ничего на душѣ, читатель объяснилъ самъ эту пустоту не какъ пробѣлъ въ картинѣ, а какъ одинъ изъ признаковъ типа. Въ этомъ-то смыслѣ на Тургеневѣ дѣйствительно лежитъ грѣхъ,

*) Цитирую на память, но смыслъ фразы, надѣюсь, воспроизвожу вполнѣ точно.

хотя невольный. Онъ далъ человѣку 60-хъ годовъ не только кличку «нигилиста», но и наложилъ на него печать какого то отрицанія для отрицанія или, по крайней-мѣрѣ, отрицанія далеко заходящаго за предѣлы той положительной основы, которая одна дѣлаетъ отрицаніе законнымъ и полезнымъ. Когда Тургеневу говорили, указывая на пожаръ Апраксина рынка: «Посмотрите, что ваши нигилисты дѣлаютъ», художникъ могъ бы напомнить слова своего Базарова: «Я придерживаюсь отрицательнаго направленія—въ силу ощущенія. Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ—и баста»! Ну, разумѣется, если такъ, то почему публикѣ не думать, что другой Базаровъ могъ сказать: «Отрицаю Апраксинъ рынокъ—и баста»! Одна фраза стоитъ другой, и для того, чтобы понять невозможность второй въ устахъ Базарова, нужно знать то, чего не знаетъ Тургеневъ,—настоящее душевное содержаніе человѣка 60-хъ годовъ: не его мнѣніе объ устройствѣ своего мозга, а дѣйствительное устройство этого мозга.

Вотъ гдѣ видна вся недостаточность изображенія общественнаго типа тѣмъ способомъ, какимъ это дѣлаетъ Тургеневъ. Слова человѣка далеко не всегда выражаютъ его настоящее мнѣніе и даже самыя мнѣнія вовсе еще не выражаютъ характера и чувствъ, которыми, однако, главнымъ образомъ опредѣляется поведеніе человѣка. Наконецъ, даже, наблюдая поведеніе человѣка, крайне легко впасть въ самое ошибочное представленіе о его характерѣ. Руссо разсказываетъ, что онъ въ обществѣ держалъ себя, по наружности, съ презрительнымъ пренебреженіемъ къ людямъ, но именно потому, что дорожилъ ихъ мнѣ-

ніемъ, а между тѣмъ, по робости и застѣнчивости, не съумѣлъ бы держать себя свѣтскимъ человѣкомъ. Крайній пуританизмъ иногда служитъ признакомъ развращенной натуры, сознающей необходимость держать себя въ постоянной уздѣ; видимый цинизмъ сплошь и рядомъ прикрываетъ внутреннее цѣломудріе. Отрицаніе точно также, если оно доходитъ до фанатизма, навѣрное скрываетъ подъ собою самый пламенный, юношескій идеализмъ. Такъ бываетъ по большей части, и такъ было именно въ 60 годахъ,— эпоха, по моему мнѣнію, гораздо болѣе идеалистичная, чѣмъ такъ называемые 40 годы, полная иллюзій, доходившихъ до забвенія дѣйствительности.

Но все это, конечно, нужно понять, а для того, чтобы понять какой бы то ни было типъ—нужно съ нимъ прежде всего глубоко сжиться. Истолкователей «трехъ поколѣній» вообще не бываетъ поэтому на свѣтѣ. Гораздо легче понять цѣлую сотню просто человѣческихъ психологическихъ моментовъ, чѣмъ одинъ «историческій» типъ—это сложнѣйшее явленіе человѣческой психологіи. Тургеневъ могъ «истолковать» три поколѣнія только потому, что не истолковалъ на самомъ дѣлѣ ни одного, а рисовалъ лишь картину чисто внѣшняго вида этихъ поколѣній. Отъ этого, къ слову сказать, происходитъ и неопредѣленность отношенія художника къ изображаемымъ типамъ. То, что мы понимаемъ, мы не можемъ не оцѣнивать: оцѣнка слагается въ душѣ даже противъ нашего желанія, правильная или неправильная—это все равно. Тургеневъ не можетъ опредѣлить, любитъ ли онъ Базарова, именно потому, что въ Базаровѣ не видитъ самаго главнаго, на основаніи чего люди любятъ или

ненавидятъ. Точно также и мы теперь не можемъ сказать, любимъ ли Базарова, и если Писаревъ заявлялъ къ нему свои симпатіи, то въ сущности потому, что говорилъ вовсе не о томъ лицѣ, которое фигурируетъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ». Онъ рисовалъ тургеневскаго Базарова самъ, по своему вкусу, кое-что прибавилъ, кое-что выкинулъ, объявилъ, что такія то слова или поступки не должно принимать въ счетъ и т. д. Такъ, напримѣръ, отношеніе Базарова къ роднымъ онъ объяснялъ совершенно случайными причинами и твердо вѣрилъ, что будь отцомъ Базарова Николай Кирсановъ—они бы прекрасно поладили между собой; точно также отношеніе Базарова къ разнымъ «олухамъ», которые ему «нужны», потому что «не богамъ же горшки обжигать»,—Писаревъ опять объяснялъ тѣмъ, что мы видимъ Базарова, такъ сказать, въ непріятельскомъ лагерѣ, а не между его настоящими товарищами, къ которымъ, дескать, онъ относится, конечно, иначе. Такимъ образомъ, Писаревъ постоянно имѣлъ въ виду не Базарова въ «Отцахъ и дѣтяхъ», а какого то другого, находящагося въ иной обстановкѣ, иначе относящагося къ людямъ и т. д. Со своей стороны, г. Антоновичъ, напримѣръ, для того, чтобы отнестись къ Базарову отрицательно, долженъ былъ внести въ свое представленіе о немъ нѣчто такое, чего у Тургенева вовсе нѣтъ (обвиненіе, напримѣръ, Базарова въ развращенности натуры). Но если брать Базарова просто, безъ передѣлокъ, то его нельзя любить, ни порицать, по той простой причинѣ, что онъ вамъ мало знакомъ. Вы съ нимъ встрѣчаетесь все будто «въ гостяхъ» и о самыхъ существенныхъ сторонахъ его внутренняго

содержанія просто не можете составить опредѣленнаго понятія.

И что, въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ замѣтить въ Базаровѣ? Прежде всего, конечно, бросается въ глаза его «отрицаніе». Но ясно ли въ Базаровѣ даже оно? Вѣдь отрицаніе отрицанію рознь. Отрицаетъ, напримѣръ, и Мефистофель, и Неронъ, и Калигула, и даже Пигасовъ. Для того, чтобы понять отрицаніе, мы должны видѣть тѣ чувства, симпатіи, желанія, которыя лежатъ въ его основѣ. Въ этомъ отношеніи, однако, Базаровъ даетъ намъ весьма противорѣчивыя показанія. Одинъ разъ онъ заявляетъ, напримѣръ: «Мы дѣйствуемъ въ силу того, что считаемъ *полезнымъ;* въ настоящее время всего полезнѣе отрицаніе: мы отрицаемъ». И такъ, значитъ, въ основѣ отрицанія лежитъ все-таки забота объ общественной пользѣ. Но не подумайте, что вы можете успокоиться на такомъ выводѣ; другой разъ, да еще въ самомъ интимномъ, дружескомъ разговорѣ, Базаровъ заявляетъ уже совершенно иное: «Мнѣ *пріятно* отрицать, говоритъ онъ, — мой мозгъ такъ устроенъ — и баста! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки? Тоже въ силу ощущенія. Это все едино». Извольте же тутъ разбираться. Теперь ему уже «пріятно отрицать» — и баста! И если бы еще Базаровъ хоть сказалъ, что ему пріятно быть полезнымъ, — это другое дѣло. Но ему пріятно именно «отрицать». Отрицаніе, стало быть, является чѣмъ-то само для себя существующимъ, само себя удовлетворяющимъ...

Нѣтъ спора, что докторъ съ котораго Тургеневъ писалъ своего Базарова, могъ, конечно, сказать обѣ эти фразы. Но нельзя же ограничить роль «истолко-

нателя простымъ записываніемъ фразъ своего натурщика. Долженъ-же истолкователь показать читателямъ, какимъ образомъ эти видимыя противорѣчія приходятъ къ единству въ головѣ говорящаго и въ его натурѣ вообще Можемъ ли мы удовлетвориться обрывками мыслей, фразами, выхваченными изъ разговора, случайными поступками среди случайной обстановки? Базаровъ, напримѣръ, гордится тѣмъ, что онъ «самоломанный». На какомъ, спрашивается, основаніи? Человѣкъ не можетъ ломать себя безъ какой-нибудь идеи, безъ какого-нибудь побужденія, болѣе сильнаго, чѣмъ тѣ непосредственныя влеченія организма, которыя онъ въ себѣ «ломаетъ». Что же заставляетъ Базарова ломать себя? Что заставляетъ его также имѣть какое-то дѣло? Ни одного изъ этихъ и подобныхъ вопросовъ авторъ намъ не объясняетъ и не даетъ возможности рѣшить ихъ даже на основаніи тѣхъ фактовъ изъ жизни Базарова, которые сообщаетъ въ романѣ; потому-то не только образъ мыслей, но и самый характеръ его героя остается очень темнымъ. Тургеневъ, повидимому, склоненъ думать, что Базаровъ—натура по существу эгоистичная, жесткая, и многіе факты подтверждаютъ это мнѣніе. Отношеніе къ отцу и матери, отношеніе къ «друзьямъ», мелкіе случаи, въ родѣ пассажа съ Феничкой — все это говоритъ въ пользу предположенія, что Базаровъ привыкъ думать только о себѣ, о своемъ удобствѣ и удовольствіи. Любовь къ Одинцовой кажется въ этомъ случаѣ нѣкоторымъ диссонансомъ. Но Одинцова такъ хороша собой, такъ крупна, что можетъ возбудить къ себѣ сильное чувство даже въ очень сухой и эгоистической натурѣ; сверхъ того,

Одинцова сама—коллосальная эгоистка, и эта сторона ея характера скорѣе должна бы отогнать человѣка, отличающагося противоположными свойствами. Стало быть, любовь эта вообще ничего не можетъ характеризовать въ Базаровѣ, кромѣ его силы. Не характеризуетъ его также и «дѣло», которому онъ служитъ. Тургеневъ такъ старательно изобразилъ сомнѣніе Базарова и его любовь властвовать, что мечтанія о дѣлѣ могутъ быть объяснены простымъ честолюбіемъ, тѣмъ болѣе, что у Базарова иногда попадаются пресомнительныя размышленія. Однажды Аркадій замѣтилъ, что мы обязаны стараться о благосостояніи крестьянина. «А я, отвѣчаетъ ему пріятель, — я возненавидѣлъ этого самаго мужика, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть, и который мнѣ даже спасиба не скажетъ... да и на что мнѣ его спасибо? Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня будетъ лопухъ рости; ну, а дальше?» Особенно большой любви къ человѣчеству, согласитесь, эти размышленія и вопросы не показываютъ. Конечно, по обстоятельствамъ дѣла, они могли быть результатомъ случайнаго настроенія, какъ это и утверждаетъ Писаревъ. Но странно было бы со стороны автора угощать читателя «случайными» чертами, оставляя въ тѣни «постоянныя.» Это вовсе не въ манерѣ Тургенева и просто-таки — ниже его. Если же эта черта не случайная, то какъ же тогда понимать Базарова? Нельзя ли порѣшить на томъ, что это сильная эгоистическая натура, очень честолюбивая и сверхъ того озлобленная?.. Я забылъ сказать, что эту послѣднюю черту Тургеневъ вырисовываетъ также очень старательно, и она приходится совсѣмъ кстати при нашихъ предположеніяхъ. «Въ

тебѣ, говоритъ Базаровъ Аркадію, — нѣтъ ни дерзости, ни злости, а есть молодая смѣлость да молодой задоръ; для нашего дѣла это не годится... Вы не деретесь, и уже воображаете себя молодцами, а мы — драться хотимъ... Ты невольно любуешься собой, тебѣ пріятно самого себя бранить, а намъ это скучно — намъ другихъ подавай, намъ другихъ ломать надо.» Черта яркая, окончательно дополняющая образъ отрицателя и разрушителя, но остановиться на такомъ опредѣленіи Базарова тоже трудно. Въ романѣ отличены черты, не допускающія этого. Такъ, напримѣръ, авторъ показываетъ, что Базаровъ легко возбуждалъ къ себѣ симпатію большинства окружающихъ. Не успѣваетъ онъ пріѣхать къ Кирсановымъ, какъ вся прислуга къ нему привязывается; Аркадій его любитъ тоже всѣми маленькими силами души. Эта способность возбуждать привязанность вовсе не свойственна натурамъ сухимъ. Потомъ, напр., умирая, Базаровъ нѣсколько разъ вспоминаетъ отца и мать и будто хочетъ ихъ утѣшить чѣмъ-нибудь, соглашаясь позвать къ себѣ священника. Онъ въ полузабытьи говоритъ о своихъ планахъ что-нибудь сдѣлать для Россіи, которой онъ «нуженъ». Въ этомъ послѣднемъ отношеніи авторъ придаетъ своему герою еще одну черточку, очень характерную: онъ немножко фаталистъ, въ немъ живетъ какая-то увѣренность, что онъ не можетъ умереть, не исполнивъ нѣкоторой общественной миссіи. Мысль — «не умру» — съ такой ясностью подымается передъ нимъ во время дуэли, что онъ не хочетъ даже оставить на всякій случай записки къ отцу. А вѣдь Павелъ Кирсановъ хотѣлъ его непремѣнно убить и имѣлъ право на два выстрѣла.

Когда Базаровъ чувствуетъ приближеніе смерти, это сознаніе его какъ будто удивляетъ: какимъ образомъ могло случиться, что онъ умретъ? «Вотъ, говорили, нуженъ Россіи... видно не нуженъ». Онъ, изволите видѣть, былъ увѣренъ, что не умретъ, потому что нуженъ Россіи, и когда сталъ умирать, то заключилъ отсюда, что, стало быть, былъ не нуженъ. Когда мысль о своей жизни такъ тѣсно слилась въ человѣкѣ съ представленіемъ объ общественной миссіи— можно съ увѣренностію сказать, что передъ нами—не эгоистъ по натурѣ. Это черта скорѣе фанатика идеи...

Вообще, если у насъ когда-нибудь появится настоящая критика, изъ всѣхъ Тургеневскихъ типовъ — Базаровъ, будетъ, конечно, первый низведенъ съ пьедестала, на который его встащила пристрастная и тенденціозная критика настоящей эпохи. Базаровъ— это именно чудо искусства: это можно видѣть по той непобѣдимой иллюзіи, въ какую онъ способенъ приводить сотни тысячъ людей. Но вдумайтесь въ него,— и вы увидите, что онъ прежде всего не есть какое бы ни было «истолкованіе». Онъ воспроизводитъ передъ вами съ неподражаемой живостью внѣшнія, знакомыя черты человѣка 60-хъ годовъ, но не объясняетъ его и даже не даетъ никакихъ данныхъ для объясненія. Тамъ же, гдѣ художникъ будто пытается дать объясненіе, онъ лишь повторяетъ ходячую банальную мысль времени, неспособнаго понять самого себя. Тургеневъ выразилъ мысль общества, наблюдающаго новый типъ, попытался связать эту фальшивую оцѣнку съ дѣйствительными чертами людей 60-хъ годовъ, и этимъ ограничивается все «истолкованіе».

б) *Базаровъ со стороны нравственности, ума и дѣла.*

[1]) О нравственномъ характерѣ и нравственныхъ качествахъ Базарова говорить нечего; это не человѣкъ, а какое-то ужасное существо, просто дьяволъ, или, выражаясь болѣе поэтически, асмодей. Онъ систематически ненавидитъ и преслѣдуетъ все, начиная отъ своихъ добрыхъ родителей, которыхъ онъ терпѣть не можетъ, и оканчивая лягушками, которыхъ онъ рѣжетъ съ безпощадною жестокостью. Никогда ни одно чувство не закрадывалось въ его холодное сердце; не видно въ немъ и слѣда какого-нибудь увлеченія или страсти; самую ненависть онъ отпускаетъ разсчитанно, по гранамъ. И замѣтьте, этотъ герой—молодой человѣкъ, юноша! Онъ представляется какимъ-то ядовитымъ существомъ, которое отравляетъ все, къ чему ни прикоснется; у него есть другъ, но и его онъ презираетъ и къ нему онъ не имѣетъ ни малѣйшаго расположенія; есть у него послѣдователи, но и ихъ онъ также ненавидитъ. Всѣхъ вообще подчиняющихся его вліянію онъ учитъ безнравственности и безсмыслію; ихъ благородные инстинкты и возвышенныя чувства онъ убиваетъ своей презрительной насмѣшкой, и ею же онъ удерживаетъ ихъ отъ всякаго добраго дѣла. Женщина, добрая и возвышенная по натурѣ, сначала увлекается имъ; но потомъ, узнавъ его ближе, съ ужасомъ и омерзѣніемъ отъ него отворачивается, отплевывается и «обтирается» платкомъ...

---

[1]) Антоновичъ. «Современникъ» 1862 г. № 3.

[1]) Для подобныхъ людей не безнравственное—безнравственно, а только впечатлѣніе презрительнаго и жалкаго. Норма ихъ нравственности не опредѣляетъ качество поступка; она опредѣляетъ только его размѣры и относительное значеніе. Каковъ бы ни былъ источникъ поступка и каковъ бы ни былъ его предметъ, они спрашиваютъ только, какими они покажутся въ немъ, большими или малыми, будетъ ли то въ глазахъ другихъ, или въ своихъ собственныхъ. Тотъ же самый поступокъ при одинаковой комбинаціи своихъ факторовъ будетъ, по этой нормѣ, казаться и безчестнымъ и честнымъ, смотря потому, какой будетъ онъ имѣть видъ, мелкій или крупный, какое будетъ онъ производить впечатлѣніе—презрительной мелочи или уважительнаго событія,—водевильнаго фарса или эпической рапсодіи.

[2]) Базаровъ не есть существо ненавистное, отталкивающее своими недостатками; напротивъ, его мрачная фигура величава и привлекательна... Онъ овладѣваетъ вниманіемъ и сочувствіемъ читателя не потому, что каждое слово его свято и каждое дѣйствіе справедливо, но именно потому, что въ сущности всѣ эти слова и дѣйствія вытекаютъ изъ живой души. Повидимому, Базаровъ—человѣкъ гордый, страшно самолюбивый и оскорбляющій другихъ своимъ самолюбіемъ; но читатель примиряется съ этой гордостью, потому что въ то же время въ Базаровѣ нѣтъ никакого самодовольства, самоуслажденія; гордость не приноситъ ему никакого счастья. Базаровъ пренебре-

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1862 г. № 5.
[2]) «Время» 1862 г. № 4.

жительно и сухо обходится съ своими родителями; но никто ни въ какомъ случаѣ не заподозритъ его въ услажденіи чувствомъ своей власти надъ ними: еще менѣе его можно упрекнуть въ злоупотребленіи этимъ превосходствомъ и этой властью. Онъ просто отказывается отъ нѣжныхъ отношеній къ родителямъ, да и отказывается не вполнѣ. Выходитъ что-то странное: онъ не разговорчивъ съ отцомъ, подсмѣивается надъ нимъ, рѣзко уличаетъ его либо въ невѣжествѣ, либо въ нѣжничаньи; а между тѣмъ отецъ не только не оскорбляется, а радъ и доволенъ.

[1]) Базаровъ человѣкъ съ толкомъ; мысль его останавливалась на всякихъ вопросахъ, и останавливалась далеко не безплодно; ему, безъ сомнѣнія, приходилось размышлять и о естественныхъ предѣлахъ человѣческой свободы, въ томъ числѣ и своей собственной, и о способности человѣка къ сознательному и добровольному самосовершенствованію. Ни изъ чего не видно, чтобы мысли его объ этихъ предметахъ были исполнены такой злодѣйской мрачности и фальши, чтобы онъ считалъ для себя безразличнымъ всякій родъ дѣйствій, честный или уголовный, какъ угодно думать г. Писареву. Напротивъ, есть полное основаніе думать, что, при встрѣчѣ съ такимъ образомъ мыслей, Базаровъ былъ бы способенъ показать себя человѣкомъ неумолимой строгости, и что, въ борьбѣ со зломъ, при нѣкоторой долѣ вліянія и власти, онъ показалъ бы себя террористомъ... Въ Базаровѣ чувствуется человѣкъ, который въ высшей степени отличается нетерпимостью вообще къ безразличному или

---

[1]) «Библіотека для чтенія» 1862 г. № 5.

неопредѣленному образу мыслей, въ комъ бы то ни было, и который въ особенности гнушается всякаго безразличія между своимъ собственнымъ образомъ мыслей и своимъ поведеніемъ, между своимъ убѣжденіемъ и своимъ словомъ, или между своимъ словомъ и своимъ дѣломъ... Стремленія Базарова направлены къ добру и правдѣ, т. е. къ такимъ предметамъ, на сторонѣ которыхъ стояли всѣ благодѣтельные геніи, о которыхъ упоминается въ сказкахъ, и всѣ истинные поборники человѣчества, о какихъ только упоминается въ исторіи; а такъ какъ никто не отвергаетъ въ Базаровѣ присутствія силы, то мы должны еще добавить, что стремленія его къ означенной цѣли направлены самымъ рѣшительнымъ образомъ. Въ настоящемъ Базаровѣ нѣтъ и тѣни ничего искусственнаго; ему, безъ сомнѣнія, и на умъ не приходило, чтобы онъ переживалъ какую-нибудь шутовскую болѣзнь своего времени. Онъ былъ болѣнъ—это фактъ: чрезмѣрная раздражительность, крайнѣйшая нетерпимость ко всякому мнѣнію, не подходящему къ его образу мыслей, несправедливость къ чужимъ характерамъ, какое-то особое умѣніе всякій споръ свести на ссору, почти постоянная непримиримость даже съ самимъ собою—все это, конечно, болѣзни; но Базаровъ знакомъ съ ними съ такого давняго времени, что потерялъ память объ нихъ и считаетъ себя человѣкомъ цвѣтущаго здоровья. Онъ до такой степени убѣжденъ въ исправности своего здоровья и въ совершенствѣ своего здравомыслія, что всѣхъ другихъ людей считаетъ больными или полоумными. По его мнѣнію, онъ даже навѣрное знаетъ, что они больны и полоумны.

[1]) Въ нелюбви къ стихамъ и незнаніи толка въ искусствѣ Базаровъ рѣшительно сходится какъ съ Инсаровымъ, такъ и съ Еленой. Ясно, что они сходятся въ этомъ, какъ люди дѣла, люди, въ которыхъ окончательно простылъ слѣдъ долговременнаго нашего *рудинствованія*, нашей долговременной призрачной жизни въ *дѣланномъ* мірѣ, рѣшительно внѣ предѣловъ міра дѣйствительнаго. Совершенно уже далекій отъ рудинства, Базаровъ отъявленный врагъ всякой *фразы*, всякихъ лишнихъ затѣй и непрочныхъ предположеній. Вспомните его отвѣтъ на вопросъ Одинцовой: къ чему онъ себя готовитъ?—«Я уже говорилъ вамъ: я будущій уѣздный лекарь».—«Вы, съ вашимъ самолюбіемъ»?—«Что за охота говорить и думать о будущемъ, которое большею частью не отъ насъ зависитъ? Выйдетъ случай что-нибудь сдѣлать—прекрасно; а не выйдетъ—по крайней мѣрѣ тѣмъ будешь доволенъ, что заранѣе напрасно не болталъ». При такомъ направленіи, Базаровъ не можетъ придавать никакой цѣны и всѣмъ громкимъ словамъ, щедро расточаемымъ передъ нимъ расходившимся Павломъ Петровичемъ. «Аристократизмъ, либерализмъ, прогрессъ, принципы—подумаешь, сколько иностранныхъ и безполезныхъ словъ? *Русскому человѣку они даромъ не нужны*».

[2]) Тургеневъ высоко поставилъ Базарова надъ Ситниковымъ, Кукшиною, въ лицѣ которыхъ онъ изобразилъ грязные подонки стараго времени, вынесшія изъ новыхъ идей только новый способъ время пре-

---

[1]) О. Миллеръ. «Бесѣда» 1871 г. № 12.

[2]) Скабичевскій. «Отечеств. Записки» 1868 г. № 9.

провожденья. Онъ возвысилъ Базарова и надъ другомъ его, прекраснодушнымъ Аркадіемъ, этимъ тщедушнымъ недоноскомъ прогресса. Въ лицѣ Базарова г. Тургеневъ, очевидно, имѣлъ намѣреніе представить типъ лучшихъ представителей молодого поколѣнія. Онъ надѣлилъ его многими такими симпатичными чертами, вслѣдствіе которыхъ критика въ началѣ 60 годовъ имѣла основаніе видѣть въ Базаровѣ типъ лучшихъ молодыхъ людей нашего времени. Происходя изъ плебейскаго рода, Базаровъ вынесъ отъ своихъ предковъ ту жилку усидчиваго трудолюбія, тотъ физическій и нравственный закалъ, которые такъ рѣзко отличаютъ его отъ мягкосердечныхъ, дряблыхъ, лѣнивыхъ и жиденькихъ натуришекъ кирсановской атмосферы. Жизнь, полная труда и борьбы изъ-за куска хлѣба, изъ-за желанія пробиться собственною энергіею безъ всякой посторонней помощи, заставила пройти его сквозь огонь и воду, и еще болѣе закалила его. Вы видите передъ собою человѣка, который не ограничивается одними фразами о пользѣ труда, а самъ трудится безъ устали. Едва пріѣхалъ онъ къ Кирсановымъ, и на другое утро принялся за свои изслѣдованія... Это не фразеръ, а труженикъ, это не шарлатанъ, скрывающій подъ маскою грошового отрицанія отсутствіе всякихъ положительныхъ знаній, а человѣкъ, при всей своей молодости успѣвшій запастись солидными свѣдѣніями. Такіе люди не говорятъ съ чужого голоса звонкихъ фразъ, значеніе которыхъ сами плохо понимаютъ, а высказываютъ то, что сознаютъ, до чего додумались они путемъ жизненнаго и научнаго опыта. И вдругъ этотъ солидный, энергическій труженикъ, человѣкъ работа-

ющій и знающій, разражается рядомъ нелѣпыхъ фразъ, въ которыхъ замѣчается полное отсутствіе всякой логики и всякаго знанія. Очевидно, что въ словахъ лучшаго работающаго представителя молодого поколѣнія г. Тургеневъ имѣлъ намѣреніе представить новое міросозерцаніе не въ искаженномъ, а въ чистомъ видѣ его съ цѣлію показать, какъ это міросозерцаніе гибельно вліяетъ на лучшихъ представителей его...

[1]) Нашъ герой не только не врагъ фразы, не только не врагъ аффектаціи и фальши, но напротивъ — онъ самъ фраза, самъ аффектація и фальшь. Онъ не терпитъ извѣстный родъ фразы, потому что самъ преданъ другому роду. Онъ преслѣдуетъ не фразу, а только тотъ родъ или тотъ видъ ея, который ему не понутру и который противоположенъ его собственному роду. Онъ не любитъ, напримѣръ, «красивую» фразу. «О, другъ мой, Аркадій Николаевичъ, говоритъ онъ своему юношѣ-поклоннику, объ одномъ прошу, не говори такъ красиво!» Онъ побиваетъ красивую фразу, а самъ красуется своею шероховатостью и жесткостью; щеголяетъ своимъ умственнымъ аскетизмомъ, фразерствуетъ своею ненавистью къ фразѣ, рисуется въ своихъ притязаніяхъ на простоту мысли и дѣла... Однако въ немъ есть нѣчто такое, чего въ другихъ нѣтъ. Въ немъ есть нѣчто такое, что пустотѣ придаетъ нѣкоторую силу, что лжи придаетъ нѣкоторую искренность, что фразѣ сообщаетъ до нѣкоторой степени характеръ дѣйствительной жизни и истиннаго чувства. Въ Базаровѣ нигилизмъ не есть простодушная наивность; онъ не есть въ немъ и пошлая вычура. Въ немъ есть одно до-

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1862 г. № 5.

вольно искреннее чувство, которое болѣе или менѣе примѣшивается ко всему, и всему болѣе или менѣе даетъ печать чего-то серьезнаго и какъ бы дѣльнаго. Этотъ элементъ, котораго нѣтъ у учениковъ и который есть у учителя,—этотъ элементъ есть довольно искреннее и неподдѣльное чувство озлобленія, которое въ немъ проглядываетъ. Его научныя изслѣдованія — фраза; его общія воззрѣнія, его толки объ искуссвѣ, о знаніи, о людяхъ, объ общественныхъ учрежденіяхъ, о всеобщей несостоятельности, о необходимости повальной ломки, о непризнаваніи авторитетовъ, объ отрицаніи всѣхъ началъ жизни и мысли,—все это совершеннѣйшее праздномысліе и пустословіе. Такъ; но ко всему этому примѣшивается маленькая капля истиннаго яда, дѣйствительной злобы, и вотъ все это смѣшеніе принимаетъ болѣе или менѣе серьезное значеніе и внушаетъ решпектъ окружающимъ. Отъ фразы спасаетъ Базарова единственно только эта доза натуральнаго яда, которая сообщаетъ жизненный румянецъ его мысли. Въ ней источникъ его умственной энергіи, въ ней его вдохновеніе, въ ней его сила, ею отличается онъ отъ своихъ поклонниковъ, которые въ своей умственной организаніи не имѣютъ никакого серьезнаго элемента.

в) *Базаровъ, какъ нигилистъ и циникъ.*

[1]) Базаровскій нигилизмъ—вовсе «не отрицаніе ради отрицанія», или отрицаніе, какъ онъ выразился, «въ силу ощущеній», въ силу того, что это пріятно, или «что наше дѣло расчищать, а тамъ пусть строятъ дру-

---

[1]) М. Авдѣевъ. «Наше общество въ герояхъ и героиняхъ литературы».

гіе». Нѣтъ, онъ отрицаетъ только то, въ чемъ не видитъ пользы, и не думаетъ оставлять послѣ ломки пустоту, а совѣтуетъ замѣстить ее чѣмъ удобнѣе, что сподручнѣе. Именно въ этомъ и заключается, къ сожалѣнію, малозамѣченная и оцѣненная особенность базаровскаго нигилизма, что онъ не отрицаетъ во имя какой-нибудь предвзятой идеи, не думаетъ ломать, чтобы возвести на прежнемъ мѣстѣ какое-нибудь на досугѣ придуманное зданіе. Отъ этого базаровскій нигилизмъ вовсе не грѣшитъ тѣмъ, въ чемъ упрекали потомъ его послѣдователей; онъ не ломаетъ ради ломки, не работаетъ для какого-то выдуманнаго и недостижимаго идеала. Базаровскому нигилизму справедливѣе было бы дать иное, впослѣдствіи появившееся и—какъ это ни странно—совершенно противозначущее ему названіе: названіе позитивизма, ученія положительности, а не отрицанія.

[1]) Не будучи бариномъ, Базаровъ терпѣть не могъ ничего существующаго только *для вида*, не приносящаго прямой пользы, и этимъ онъ опять бралъ во мнѣніи простыхъ людей. «Важно то, что дважды два—четыре, а остальное все пустяки», говоритъ онъ. «И природа пустяки? спрашиваетъ съ удивленіемъ Аркадій.» — «И природа пустяки въ томъ значеніи, въ какомъ ты ее теперь понимаешь.» (Аркадій при этомъ залюбовался картиной вечера). «*Природа не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ*». Понятно, что отвергая подобнымъ образомъ художественное начало въ природѣ, Базаровъ тѣмъ болѣе долженъ былъ отвергать искусство, въ томъ числѣ

[1]) О. Миллеръ. «Бесѣда» 1871 г. № 12.

и поэзію. Понятно, что ему, а подъ вліяніемъ его и Аркадію, должно было казаться дикимъ, какъ это Николай Петровичъ перечитываетъ, Богъ вѣсть въ который разъ, Пушкина, и что подъ вліяніемъ своего пріятеля Аркадій взамѣнъ такого чтенія могъ подсунуть отцу — на первый разъ Бюхнера.

[1]) Глубокій аскетизмъ проникаетъ всю личность Базарова; это черта неслучайная, а существенно необходимая. Характеръ этого аскетизма совершенно особенный и въ этомъ отношеніи должно строго держаться настоящей точки зрѣнія, т. е. той самой, съ которой смотритъ Тургеневъ. Базаровъ отрекается отъ благъ этого міра, но онъ дѣлаетъ между этими благами строгое различіе. Онъ охотно ѣстъ вкусные обѣды и пьетъ шампанское; онъ не прочь даже поиграть въ карты. Г. Антоновичъ въ «Современникѣ» видитъ здѣсь тоже *коварный умыселъ* Тургенева и увѣряетъ насъ, что поэтъ выставилъ своего героя *обжорой, пьянчужкой* и *картежникомъ*. Дѣло однако же имѣетъ совсѣмъ не такой видъ, въ какомъ оно кажется цѣломудрію г. Антоновича. Базаровъ понимаетъ, что простыя или чисто тѣлесныя удовольствія гораздо законнѣе и простительнѣе наслажденій иного рода. Базаровъ понимаетъ, что есть соблазны болѣе губительные, болѣе растлѣвающіе душу, чѣмъ, напримѣръ, бутылка вина, и онъ бережется не того, что можетъ погубить тѣло, а того, что погубляетъ душу. Наслажденіе тщеславіемъ, джельтменствомъ, мысленный и сердечный развратъ всякаго рода для него гораздо противнѣе и ненавистнѣе, чѣмъ ягоды со сливками

[1]) «Время» 1862 г. № 4.

или пулька въ преферансъ. Вотъ отъ какихъ соблазновъ онъ бережетъ себя: вотъ тотъ высшій аскетизмъ, которому преданъ Базаровъ. За чувственными удовольствіями онъ не гоняется: онъ наслаждается ими только при случаѣ; онъ такъ глубоко занятъ своими мыслями, что для него никогда не можетъ быть затрудненія отказаться отъ этихъ удовольствій; однимъ словомъ, онъ потому предается этимъ простымъ удовольствіямъ, что онъ всегда выше ихъ, что они никогда не могутъ завладѣть имъ. Зато тѣмъ упорнѣе и суровѣе онъ отказывается отъ такихъ наслажденій, которыя могли бы стать выше его и завладѣть его душою. Вотъ откуда объясняется и то болѣе разительное обстоятельство, что Базаровъ отрицаетъ эстетическія наслажденія, что онъ не хочетъ любоваться природою и не признаетъ искусства. Обоихъ нашихъ критиковъ (Антоновича и Писарева) это отрицаніе искусства привело въ великое недоумѣніе...

Базаровъ смотритъ на вещи не такъ, какъ г. Писаревъ. Г. Писаревъ, повидимому, признаетъ искусство, а на самомъ дѣлѣ онъ его отвергаетъ, т. е. не признаетъ за нимъ его настоящаго значенія. Базаровъ прямо отрицаетъ искусство, но отрицаетъ его потому, что глубже понимаетъ его. Очевидно, музыка для Базарова не есть чисто-физическое занятіе и читать Пушкина не все равно, что пить водку. Въ этомъ отношеніи герой Тургенева несравненно выше своихъ послѣдователей. Въ мелодіи Шуберта и въ стихахъ Пушкина онъ ясно слышитъ враждебное начало; онъ чуетъ ихъ всеувлекающую силу и потому вооружается противъ нихъ. Въ чемъ же состоитъ эта сила искусства, враждебная Базарову? Вы-

ражаясь какъ можно проще, можно сказать, что искусство есть нѣчто слишкомъ *сладкое*, тогда какъ Базаровъ никакихъ сладостей не любитъ, а предпочитаетъ имъ горькое. Выражаясь точнѣе, но нѣсколько старымъ языкомъ, можно сказать, что искусство всегда носитъ въ себѣ элементъ *примиренія*, тогда какъ Базаровъ вовсе не желаетъ примиряться съ жизнію. Искусство есть идеализмъ, созерцаніе, отрѣшеніе отъ жизни и поклоненіе идеаламъ; Базаровъ же реалистъ, не созерцатель, а дѣятель, признающій одни дѣйствительныя явленія и отрицающій идеалы... Восторгъ — вотъ зло, противъ котораго идетъ Базаровъ и котораго онъ не имѣетъ причины опасаться отъ рюмки водки. Искусство имѣетъ притязаніе и силу становиться гораздо выше *пріятнаго раздраженія зрительныхъ и слышательныхъ нервовъ;* вотъ этого-то притязанія и этой власти не признаетъ законными Базаровъ. Базаровъ въ этомъ случаѣ представляетъ живое воплощеніе одной изъ сторонъ русскаго духа. Мы вообще мало расположены къ изящному; мы для этого слишкомъ трезвы, слишкомъ практичны. Сплошь и рядомъ можно найти между нами людей, для которыхъ стихи и музыка кажутся чѣмъ-то или приторнымъ, или ребячествомъ. Восторженность и высокопарность намъ не понутру; мы больше любимъ простоту, ѣдкій юморъ, насмѣшку. А на этотъ счетъ, какъ видно изъ романа, Базаровъ самъ великій художникъ... Что же касается отрицанія Базаровымъ науки, то по поводу этого критикъ «Времени» говоритъ: «На этотъ разъ критики раздѣлились. Г. Писаревъ вполнѣ понимаетъ и одобряетъ это отрицаніе; г. Антоновичъ принимаетъ его за клевету, взведенную Тургеневымъ на молодое поколѣніе.

«Курсъ естественныхъ и медицинскихъ наукъ, прослушанный Базаровымъ,—говоритъ г. Писаревъ,—развилъ его природный умъ и отучилъ его принимать на вѣру какія бы то ни было понятія и убѣжденія; онъ сдѣлался чистымъ эмпирикомъ; опытъ сдѣлался для него единственнымъ источникомъ познаванія, личное ощущеніе — единственнымъ и послѣднимъ убѣдительнымъ доказательствомъ. *Я придерживаюсь отрицательнаго направленія* — говоритъ онъ — *въ силу ощущеній. Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ* устроенъ — *и баста! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки? Тоже въ силу ощущенія—это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнутъ. Не всякій тебѣ это скажетъ, да и я въ другой разъ тебѣ этого не скажу*». «И такъ — заключаетъ критикъ — ни подъ собой, ни внѣ себя, ни внутри себя Базаровъ не признаетъ никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, никакого (теоретическаго) принципа». Что касается до г. Антоновича, то такое умственное настроеніе Базарова онъ считаетъ чѣмъ-то весьма нелѣпымъ и позорнымъ. Весьма жаль только, что какъ онъ ни усиливается, онъ никакъ не можетъ показать, въ чемъ же состоитъ эта нелѣпость...

Вражда противъ науки есть также современная черта, и даже болѣе глубокая и болѣе распространенная, чѣмъ вражда противъ искусства. Подъ наукою мы разумѣемъ именно то, что разумѣется подъ *наукою вообще* и что по мнѣнію нашего героя не существуетъ вовсе. Наука для насъ не существуетъ, какъ скоро мы признаемъ, что она не имѣетъ никакихъ общихъ требованій, никакихъ общихъ методовъ и общихъ законовъ, что каждое знаніе существуетъ само по себѣ.

Такое отрицаніе отвлеченности, такое стремленіе къ конкретности въ самой области отвлеченія, въ области знанія, составляетъ одно изъ вѣяній новаго духа».

По поводу базаровскаго нигилизма г. Миллеръ говоритъ: [1]) Развѣ какой-нибудь городничій или Иванъ Никифоровичъ, даже по свидѣтельству духовныхъ лицъ, не самые примѣрные христіане, строжайшимъ образомъ соблюдающіе всѣ наружныя требованія вѣры и даже неукоснительно подающіе и въ церквахъ, и на улицахъ милостыню? Развѣ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, по свидѣтельству самого губернатора, не самый *благонамѣренный* человѣкъ, съ жаромъ и краснорѣчіемъ ратующій за нравственность, правду и благо отечества (въ наше время, конечно, онъ стоялъ бы, во имя цивилизаціи, за «священныя права собственности», возставалъ бы противъ варварства, оживающаго въ видѣ «соціальнаго бреда» и т. п.). Но кто же не знаетъ, что подо всей этой благонамѣренностью, подо всѣмъ этимъ благочестіемъ скрывалось у почтеннѣйшихъ гоголевскихъ сановниковъ рѣшительное отсутствіе всякихъ, на самомъ дѣлѣ, руководящихъ высшихъ началъ, кромѣ одного грубѣйшаго, чисто животнаго начала своекорыстія,—скрывалось только голое грязное *я* и, кромѣ его—рѣшительно *ничего*. Да, если глубже вдуматься въ знаменитые гоголевскіе типы, то основнымъ ихъ началомъ окажется ничто иное, какъ нашъ издавній *практическій*, только ловко замаскированный, *нигилизмъ*.

Какъ, неужели это явленіе существовало и до собственно такъ называемыхъ теперешнихъ «нигилистовъ»? Да, хотя съ этимъ, конечно, не захотятъ согласиться

[1]) «Бесѣда» 1871 г. № 12.

тѣ, что такъ усердно нападаютъ на этихъ послѣднихъ, вовсе не чуя ни въ людяхъ своей среды, ни въ самихъ себѣ, прямыхъ наслѣдниковъ нашего издавняго *практическаго нигилизма*. А между тѣмъ вѣдь и самое слово *нигилистъ* было употреблено у насъ еще до г. Тургенева, а именно въ тридцатыхъ годахъ, въ «Телескопѣ», гдѣ подъ заглавіемъ «Сонмище нигилистовъ» покойный Надеждинъ помѣстилъ статью, въ которой обрисованы люди, не признающіе никакихъ руководящихъ началъ въ искусствѣ и въ литературѣ. Если же мы обратимся на Западъ, то тамъ *нигилизмъ* и *нигилисты* упоминались еще въ XII в. Названія эти усвоены были за ересью Петра Ломбардскаго, который утверждалъ, «que Jésus Christ en tant qu' homme n' est point quelque chose, ou, ce qui revient au même—n' est rien (nihil)» [1]. Ясно, что съ этими старыми западно-европейскими нигилистами, какъ у нашихъ издавнихъ практическихъ, такъ и у теперешнихъ теоретическихъ нигилистовъ — общаго всего одно имя, и я привелъ это свѣдѣніе собственно для того, чтобы показать, что имя это не только не явилось впервые у г. Тургенева, но даже не впервые явилось и у насъ вообще. Откуда же взялъ это слово нашъ сочинитель (а раньше его Надеждинъ), остается мнѣ неизвѣстнымъ. Вычитано ли оно гдѣ-нибудь нашими изобразителями того и другого нигилизма, или же оно употреблялось и самыми изображенными и только у нихъ подслушано— остается вопросомъ. Но, хотя, какъ видно, названіе *нигилистъ* и не новость, въ ходъ оно у насъ пошло лишь съ тѣхъ поръ, какъ было употреблено г. Тургеневымъ, вовсе однако не думавшимъ наложить этимъ

[1]) Crevier, Histoire de l' université de Paris, 1761 t. I. p. 205.

словомъ клеймо на цѣлое направленіе. Оно было сочтено за клеймо лишь другими, прежде всего, можетъ быть, редакціею того журнала, въ которомъ появились «Отцы и Дѣти»; но нашему сочинителю, конечно, тогда и не снилось, какое *милое* направленіе приметъ со временемъ эта редакція, какъ благородно она съумѣетъ воспользоваться и тургеневскимъ типомъ, и самою его кличкою. У нашего сочинителя, какъ извѣстно, Аркадій думаетъ лишь превознесть своего товарища, говоря про него: «Хотите, я вамъ скажу, что онъ такое? Онъ нигилистъ». На соображенье же Николая Петровича: «Это отъ латинскаго nihil, ничего... Стало быть, это слово означаетъ человѣка, который... который ничего не признаетъ»; и на поправку Павла Петровича: «Скажи, который ничего не уважаетъ», Аркадій отвѣчаетъ такимъ толкованіемъ: «который ко всему относится съ критической точки зрѣнія»... По собственному своему сознанію, нигилисты критически отнеслись ко всему, и къ самымъ завѣтнымъ, неприкосновеннымъ преданіямъ, а въ силу этихъ критическихъ отношеній они обличили всю лживость тѣхъ, кто подъ лицемѣрною вѣрою въ нихъ таитъ лишь заботу о самомъ себѣ, такъ-что и самая религіозность тутъ обращается въ какое-то заискиванье у Бога. Глубоко возненавидѣвъ всякую фальшь и всякое лицемѣріе, нигилисты съ отвращеніемъ отбросили всѣ эти обманчивые покровы изъ мнимыхъ вѣрованій и открыто, и честно выставили своекорыстіе, какъ главный рычагъ человѣка.

[1]) Базаровъ, какъ существо незаконченное и от-

[1]) «Библіотека для чтенія» 1862 г. № 5.

части искалѣченное, отвергаетъ семью; какъ существо, настрадавшееся въ бурѣ, отвергаетъ общину, но за то онъ отвергаетъ авторитеты и считаетъ нелѣпой всякую вѣру на слово.

Что касается базаровскаго цинизма, то Писаревъ не находитъ въ немъ рѣшительно ничего дурнаго и оскорбительнаго для человѣческаго достоинства и несовмѣстнаго съ разумнымъ уваженіемъ къ женщинѣ.

На балѣ у губернатора Базаровъ, увидѣвъ Одинцову, сказалъ Аркадію: «*Кто бы она ни была, просто ли губернская львица, или «эманципе», въ родѣ Кукшиной, только у ней такія плечи, какихъ я не видывалъ давно. Аркадія покоробило отъ цинизма Базарова*».

Разбирая такой цинизмъ Базарова, Писаревъ, между прочимъ, говоритъ: [1]) «Что молодой человѣкъ неравнодушенъ къ красотѣ молодой женщины, — въ этомъ, кажется, самый строгій моралистъ и самый восторженный поэтъ, каждый съ своей точки зрѣнія, не найдутъ ровно ничего предосудительнаго... Ужъ на томъ свѣтъ стоитъ, что молодые люди нравятся другъ другу, и что любовь начинается преимущественно съ того пріятнаго впечатлѣнія, которое производитъ привлекательная наружность. Когда человѣкъ почувствовалъ это пріятное впечатлѣніе, то почему же его и не высказать третьему лицу, которому это сообщеніе нисколько не можетъ быть оскорбительно?... Молодому человѣку позволяется говорить о красотѣ женщины, даже о ея бюстѣ, даже о ея роскошныхъ формахъ, но при этомъ онъ, вопервыхъ, долженъ выражаться отборными словами, спеціально обточенными

[1]) Сочиненія Д. И. Писарева, ч. 2.

для подобныхъ живописаній; а во вторыхъ, онъ долженъ, во время такого разговора, млѣть и благоговѣть, прищуривать глаза и изображать на своихъ губахъ блаженную улыбку небеснаго созерцанія. Тогда никому и въ голову не прійдетъ произнести слово «*цинизмъ*»... Но такъ какъ Базаровъ говоритъ спокойно и называетъ плечи—плечами, а не формами, и о безконечной идеѣ прекраснаго не заикается, то сейчасъ является на сцену «*цинизмъ*». Принимая слово «цинизмъ» въ широкомъ и разнохарактерномъ значеніи, я, пожалуй, готовъ допустить, что Базаровъ дѣйствительно циникъ; но въ базаровскомъ цинизмѣ нѣтъ рѣшительно ничего дурнаго, т.-е., ничего оскорбительнаго для человѣческаго достоинства и несовмѣстнаго съ разумнымъ уваженіемъ къ женщинѣ».

г) *Базаровъ въ отношеніи трагизма.*

[1]) «Ни одинъ изъ подобныхъ ему героевъ не находится въ такомъ трагическомъ положеніи, въ какомъ мы видимъ Базарова. Трагизмъ базаровскаго положенія заключается въ его полномъ уединеніи среди всѣхъ живыхъ людей, которые его окружаютъ. Онъ вездѣ производитъ своею особой рѣзкій диссонансъ, онъ всѣхъ заставляетъ страдать своимъ присутствіемъ и существованіемъ, онъ самъ это видитъ и понимаетъ; и понимаетъ, кромѣ того, съ мучительною ясностью роковыя причины и абсолютную неизбѣжность этихъ страданій. Люди, окружающіе Базарова, страдаютъ не отъ того, что онъ поступаетъ съ ними дурно, и не отъ того, что они сами дурные люди, напротивъ

[1]) Писаревъ. Соч. Д. И. Писарева, ч. 2.

того, онъ не дѣлаетъ въ отношеніи къ нимъ ни одного дурнаго поступка, и они, съ своей стороны, также очень добродушные и честные люди. И тѣмъ хуже, тѣмъ мучительнѣе и безвыходнѣе ихъ положеніе. Нѣтъ причинъ для разрыва и нѣтъ возможности сблизиться. Нѣтъ возможности потому, что нѣтъ ни одного общаго интереса, ни одного такого предмета, который съ одинаковой силой затронулъ бы умственныя способности Базарова и его собесѣдниковъ». Далѣе, по разсужденію Писарева, выходитъ, что если между родителями и дѣтьми появляется такой разладъ, какой существуетъ между старыми Базаровыми и ихъ сыномъ, то трудно придумать какой-нибудь выходъ. Молодой Базаровъ можетъ отшатнуться отъ своихъ родителей, потому что жизнь его наполняется умственнымъ трудомъ; но старые Базаровы? «И какой же настоящій Базаровъ, какой мыслящій человѣкъ рѣшится оттолкнуть отъ себя своихъ стариковъ, которые только имъ живутъ и дышатъ, и которые сдѣлали все, что могли, для его образованія»?...

Вотъ мѣсто въ романѣ, которое дало поводъ критикѣ укорить Базарова въ непочтительности къ родителямъ и жестокости характера:

— «Нѣтъ, говоритъ онъ на слѣдующій день Аркадію, уѣду отсюда завтра. Скучно, работать хочется, а здѣсь нельзя. Отправляюсь опять къ вамъ въ деревню; я же тамъ всѣ свои препараты оставилъ. У васъ, по крайней мѣрѣ, запереться можно. А здѣсь отецъ мнѣ все твердитъ:

«Мой кабинетъ къ твоимъ услугамъ, никто тебѣ мѣшать не будетъ». А самъ отъ меня ни на шагъ. Да и совѣстно какъ-то отъ него запираться. Ну и

мать тоже. Я слышу, какъ она вздыхаетъ за стѣной, а выйдешь къ ней и сказать ей нечего.

— Очень она огорчится, промолвилъ Аркадій, да и онъ тоже.

— Я къ нимъ еще вернусь.

— Когда?

— Да вотъ какъ въ Петербургъ поѣду.

— Мнѣ твою мать особенно жалко.

— Что такъ? Ягодами, что ли, она тебѣ угодила? Аркадій опустилъ глаза».

Характеризуя отношенія Базарова къ своимъ родителямъ, а равно и къ Аркадію, насколько они могутъ быть выяснены изъ приведеннаго разговора между Базаровымъ и Аркадіемъ, Писаревъ съ особеннымъ ожесточеніемъ упрекаетъ критику, не понявшую, по его мнѣнію, Базарова. «Базарову, говоритъ онъ, тяжело и душно; онъ видитъ, что и работать нельзя, да и для стариковъ-то удовольствія мало, потому что *выйдешь къ ней—и сказать ей нечего*. Такъ ему приходится скверно, что онъ чувствуетъ потребность высказаться хоть кому-нибудь, хоть младенчествующему кандидату Аркадію. И начинаетъ онъ высказываться отрывочными предложеніями, такъ какъ всегда высказываются люди сильные и сильно измученные. «*Совѣстно какъ-то, ну и мать тоже*», «*вздыхаетъ за стѣной*», «*сказать ей нечего*». Кажется, не хитро понять изъ этихъ словъ, что не гаерствуетъ онъ надъ своими стариками, что не весело ему смотрѣть на нихъ сверху внизъ, и что самъ онъ видитъ съ поразительною ясностью, какъ мало даетъ имъ его присутствіе, и какъ мучительна будетъ для нихъ необходимая разлука. Я думаю, умный человѣкъ, будучи

на мѣстѣ Аркадія, нашелъ бы, что Базаровъ особенно заслуживаетъ въ эту минуту сочувствія, потому что быть мучителемъ, и мучителемъ роковымъ, для каждаго разумнаго существа, гораздо тяжеле, чѣмъ быть жертвою. Умный человѣкъ хоть однимъ добрымъ словомъ далъ бы замѣтить огорченному другу, что онъ понимаетъ его положеніе, и что въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ нельзя помочь бѣдѣ, и что, стало быть, дѣйствительно слѣдуетъ залить тяжелое впечатлѣніе свѣжими волнами живительнаго труда. А Аркадій? Онъ ничего не нашелъ лучшаго, какъ ухватить Базарова за самое больное мѣсто: «*Очень она огорчится*». Точно будто Базаровъ этого не знаетъ». По мнѣнію Писарева, Базаровъ могъ предложить Аркадію сокрушительный вопросъ: «Ну, а что жъ мнѣ дѣлать, чтобъ она не огорчалась»? Но и тутъ Аркадій повторилъ бы свою минорную гамму съ легкою перестановкою нотъ. А такъ какъ Базарову было не до диспутовъ «съ этимъ писклывымъ цыпленкомъ», не созданнымъ для пониманія трагическихъ положеній, то онъ продолжалъ разговоръ безъ всякихъ изліяній. Однако «это плоское животное, Аркадій, не утерпѣлъ и произвелъ новое визжаніе, и опять еще грубѣе ухватилъ Базарова за больное мѣсто. «*Мнѣ твою мать особенно жалко*». Базарову ничего болѣе не оставалось, какъ охладить безполезные потоки аркадьевскаго сердоболья, и онъ сказалъ объ ягодахъ. Какъ только онъ сказалъ объ ягодахъ, Аркадій опустилъ глаза. Такъ тебѣ и надо поступать, Аркашенька. Больше ты, другъ мой разлюбезный, ничего и дѣлать не умѣешь, какъ только глазки опускать...

[1]) Боязнь всего *напускного*, всего извращающаго и ломающаго природу, доводила Базарова до того, что онъ вмѣстѣ съ напускнымъ подавлялъ и природное, т.-е. впадалъ неумышленно въ ту же ломку—ломку наклонностей самыхъ естественныхъ, но не признанныхъ имъ за такія. «Оставаясь наединѣ послѣ свиданія съ Одинцовой, Базаровъ съ негодованіемъ сознавалъ романтика въ самомъ себѣ.... Онъ ловилъ самого себя на всякаго рода постыдныхъ мысляхъ»... Онъ навѣрное счелъ бы постыднымъ и то, если бъ ему вдругъ захотѣлось затянуть пѣсню, хотя это столько же естественно, какъ захотѣть поѣсть или поработать; неестественными такія наклонности могли показаться только у насъ, въ образованной нашей средѣ, вслѣдствіе того, что мы слишкомъ долгое время исключительно «пѣли» и видѣли въ этомъ «дѣло», никакого другого дѣла не дѣлая. При этомъ, какъ извѣстно, мы особенно усердно тянули безконечную ноту «любви»; — отъ того-то и стали потомъ убѣгать отъ нея, какъ отъ какого-нибудь дурмана, всѣ люди дѣльные. «Любовь, говоритъ Одинцовой Базаровъ, вѣдь это чувство напускное»... Въ самомъ дѣлѣ? подтягиваетъ (изъ самолюбія) она; мнѣ очень пріятно это слышать». «Они оба думали, поясняетъ нашъ сочинитель, что говорили правду... Базаровъ при этомъ смѣялся, хотя ему вовсе не хотѣлось смѣяться». Точно также Базаровъ прикидывался, и опять таки неумышленно, совершенно свободнымъ и отъ другой постыдной слабости—нѣжничанья (выражаюсь во вкусѣ его) съ родителями. Ему, можетъ быть, и давно хотѣлось сво-

[1]) О. Миллеръ. «Бесѣда» 1871 г. № 12.

ихъ «стариковъ потѣшить», а между тѣмъ онъ не торопится къ нимъ, и живетъ себѣ да живетъ—сперва у Кирсановыхъ, потомъ у Одинцовой. Только «постыдная слабость» къ этой послѣдней (постыдная потому, что пожива тутъ не давалась—по крайней мѣрѣ, сразу) заставляетъ его, наконецъ, какъ бы въ видѣ отвода, поѣхать къ своимъ старикамъ, о которыхъ онъ уже давно говорилъ Аркадію: «Они у меня люди хорошіе. Я же у нихъ одинъ». Ему, можетъ быть, не на шутку взгрустнулось по нихъ еще въ день его именинъ; онъ, по крайней мѣрѣ, не постыдился вспомнить о подобномъ вздорѣ, говоря Аркадію: «Сегодня меня дома ждутъ»; но сейчасъ же при этомъ *понизилъ голосъ* и, какъ бы для того, чтобъ поправиться, вдругъ прибавилъ: «Ну, подождутъ, что за важность»! — А вспомните, какъ, уже гостя у нихъ съ Аркадіемъ, онъ, словно хвалясь, говоритъ ему: «Ты видишь, какіе у меня родители—народъ не строгій!»—«Ты ихъ любишь, Евгеній?»—«Люблю, Аркадій»—и это даже безъ пониженія голоса, хотя любовь—чувство напускное.... А между тѣмъ вѣдь извѣстно, что онъ не зажился у нихъ. «Работать хочется, а здѣсь нельзя», не замедлилъ заговорить Евгеній.... Ясно, что его тяготитъ не одна невозможность заняться порядочно (это бы можно еще устроить), но сознанье извѣстной *фальши* въ отношеніяхъ его къ родителямъ, фальши заключающейся въ томъ, что «иной разъ сидишь съ ними, хотя и скучно»... А все же какъ ни сильно дѣйствуетъ на людей базаровскаго закала такое сознанье, цѣлый день прошелъ, прежде чѣмъ онъ рѣшился увѣдомить Василья Ивановича о своемъ отъѣздѣ. Да и по отъѣздѣ чувство жалости, надо думать, не сразу

успокоилось въ немъ, потому что онъ «былъ не совсѣмъ собою доволенъ. Аркадій былъ не доволенъ имъ». Ясно, что мнимо лишь напускное, природное и не въ конецъ забитое довольно громко говорило въ обоихъ. Но съ рѣшительной силой заговорило оно только въ ту минуту, когда Базарову пришлось не на время, а на всегда распрощаться съ родителями. Тутъ чувство жалости дошло до того, что, для утѣшенія ихъ, онъ сталъ вдругъ способенъ указывать даже на то, отъ чего навсегда отказался. «Вы оба съ матерью, говоритъ онъ отцу, должны теперь воспользоваться тѣмъ, что въ васъ религія сильна; вотъ вамъ случай поставить ее на пробу»... Онъ доходитъ даже до того, что уже не боится впасть въ фальшь, говоря о предсмертныхъ предписаніяхъ религіи: «Я не отказываюсь, если это можетъ васъ утѣшить»... То же, рѣшительно пересилившее чувство любви заставляетъ его просить Одинцову: «Не разувѣряйте старика, что Россія ничего во мнѣ не теряетъ... И мать приласкайте... вѣдь такихъ людей, какъ она, въ вашемъ большомъ свѣтѣ днемъ съ огнемъ не сыскать»...

Базарову такимъ образомъ не удается вполнѣ отдѣлаться отъ мнимо-напускныхъ чувствъ. «Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно»—можно бы примѣнить и къ нему.

И тотъ же самый Базаровъ съ другой стороны дѣлаетъ рѣшительную уступку уже положительно напускнымъ—и даже не чувствамъ, а жизненнымъ правиламъ. «Съ теоретической точки зрѣнія, говоритъ онъ, дуэль нелѣпость; ну, а съ практической точки зрѣнія — это другое дѣло». Павлу Петровичу Кирсанову, по выраженію Базарова, захотѣлось испытать

на немъ свой рыцарскій духъ. «Я бы могъ отказать вамъ въ этомъ удовольствіи, поясняетъ Базаровъ, да ужъ куда ни шло!» Откуда же такая вдругъ снисходительность къ чужимъ удовольствіямъ и фантазіямъ, снисходительность, доводящая до того, о чемъ впослѣдствіи отзывается самъ Базаровъ: «Экую мы комедію отломали? Ученыя собаки такъ на заднихъ лапахъ танцуютъ. А отказать было невозможно: вѣдь онъ меня, чего добраго, ударилъ бы, и тогда»... Что тогда?...

[1]) Базаровъ, какъ и слѣдовало, по мнѣнію г. Тургенева, всеотрицающему нигилисту, не видящему въ любви ничего, кромѣ чувственности, похвалилъ въ Одинцовой первоначально одни плечи и выразился о ней, что она тертый калачъ; но потомъ онъ и самъ не замѣтилъ, какъ разгорѣлось въ немъ болѣе серьезное чувство, котораго онъ никакъ не ожидалъ и не желалъ... Въ этой борьбѣ Базарова съ самимъ собою, въ борьбѣ теоріи съ природою—заключается вся, такъ сказать, иронія романа, которую г. Тургеневъ проводитъ до конца, заставляя Базарова потѣшаться надъ своею любовью даже на смертномъ одрѣ: «Ну, что жъ мнѣ вамъ сказать... Что я любилъ васъ? *Это и прежде не имѣло никакого смысла*, *а теперь подавно. Любовь—форма*, *а моя собственная форма уже разлагается*. Скажу я лучше, что какая вы славная! И теперь вотъ вы стоите, такая красивая»...

Вся эта иронія была бы совершенно умѣстна, если бы г. Тургеневъ имѣлъ цѣлію изобразить аскета, борющагося со своею природою, или разочарованнаго

---

[1]) А. Скабичевскій. «Отечественныя Записки» 1868 г. № 9.

идеалиста, въ родѣ Онѣгина, который, какъ извѣстно, по полученіи письма Татьяны, подавилъ въ себѣ возникшее было увлеченіе, чтобы выдержать до конца свое скептическое отношеніе къ жизни. Средневѣковой аскетъ и разочарованный Онѣгинъ—это два вида одного и того же идеализма, и какъ мы видимъ, отрицаніе любви свойственно вполнѣ тому старому міросозерцанію, за которое ратуетъ г. Тургеневъ, и которое хотя и признавало любовь въ высокомъ идеалѣ, но приводило постоянно человѣка къ отрицанію ея въ жизни. Приписывать же новому міросозерцанію отрицаніе любви, какъ это дѣлаетъ г. Тургеневъ,—чистая нелѣпость. Правда, новое міросозерцаніе не признаетъ любви, какъ особенной субстанціи, существующей внѣ человѣка и влагающейся въ человѣка при его зачатіи или рожденіи. Новое міросозерцаніе выводитъ любовь, какъ и всѣ психическія явленія, изъ ощущеній. Но выводить любовь изъ ощущеній, вовсе не значитъ отрицать любовь или же низводить ее на степень минутныхъ чувственныхъ наслажденій. Если бы г. Тургеневъ опять таки потрудился снизойти со своего Парнасса и посмотрѣть, что дѣлается въ жизни, онъ встрѣтилъ бы въ дѣйствительности не мало людей, воспринявшихъ новое міросозерцаніе, которыя испытываютъ сильныя и глубокія привязанности и не видятъ въ этомъ ни капли противорѣчія со своими идеями. Правда, они не считаютъ любви высшею своею цѣлью жизни, неизрѣченнымъ и необъяснимымъ таинствомъ, фатумомъ, заранѣе представляющимъ влеченье двухъ сердецъ. Они смѣются надъ всѣми этими романтическими бреднями; но смѣяться надъ взглядами романтиковъ на любовь, это вовсе не значитъ смѣяться надъ самою любовью.

Если Базаровъ дѣйствительно человѣкъ новаго міросозерцанія, то въ немъ рѣшительно не мыслима борьба съ самимъ собою изъ-за любви. Если же г. Тургеневъ заставилъ Базарова бороться, то въ этомъ отношеніи авторъ поступилъ совершенно апріорично, выведя эту борьбу изъ своей ложной идеи о міросозерцаніи молодого поколѣнія. Базаровъ могъ бороться со своею страстью, но не вслѣдствіе какихъ-либо отвлеченныхъ теорій, отрицающихъ любовь, а изъ причинъ чисто реальныхъ, которыя, въ дѣйствительности, нерѣдко заставляютъ людей бороться съ своими чувствами. Очень часто случается, что какая-либо страсть, слѣпо повинуясь своимъ естественнымъ законамъ, загорается въ человѣкѣ помимо всѣхъ доводовъ разсудка. Базаровъ могъ влюбиться въ Одинцову, и въ то же время сознавать, что эта барыня, изнѣженная комфортомъ, цѣнящая выше всего спокойствіе, и ради сохраненія этого спокойствія, не рѣшающаяся пошевельнуть пальчикомъ, совершенно не годится быть ни его женою, ни любовницею; онъ могъ вслѣдствіе этого смотрѣть на свою страсть, какъ на слѣпую, глупую, лишенную всякихъ разумныхъ основаній и потому унижающую его; но борьба противъ такой страсти не была бы борьбою во имя какой-либо отвлеченной теоріи: это была бы чисто-жизненная борьба, достойная Базарова, и достойная кисти талантливаго художника; но г. Тургеневъ ни въ одномъ мѣстѣ своего романа и тѣни намека не сдѣлалъ на подобнаго рода борьбу, а по всюду на первомъ планѣ вы видите Базарова, борющагося со своею любовью только потому, что онъ считаетъ любовь белибердою и романтизмомъ... Очень можетъ быть, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Скабичевскій, что

г. Тургеневъ, въ лицѣ своихъ молодыхъ героевъ, желалъ представить вовсе не людей новаго міросозерцанія, а тѣхъ не доучившихся баричей, которые слышали только, что въ какомъ то приходѣ звонятъ, но не знаютъ гдѣ, и которые щеголяютъ фразами дешеваго отрицанія не изъ внутренней потребности, вынесенной изъ жизненнаго опыта, а изъ щегольства этимъ отрицаніемъ, изъ желанія порисоваться имъ, да изъ-за того еще, что у нихъ кровь кипитъ и силъ избытокъ? Очень можетъ быть, что г. Тургеневъ изобразилъ именно тѣхъ рыцарей, которые, какъ это было въ прежнее время, такъ и теперь, съ невѣроятною легкостью переходятъ отъ щеголеватаго отрицанія къ весьма нещеголеватому примиренію съ самою пошленькою дѣйствительностію. И развѣ среди подобнаго рода рыцарей нельзя встрѣтить такихъ, которые способны отнестись къ любви такъ же, какъ отнесся къ ней Базаровъ, т. е. бороться съ нею не въ слѣдствіе какихъ-либо разумныхъ основаній, а просто потому, что, по ихъ мнѣнію, новыя идеи отвергаютъ любовь, какъ романтизмъ и белиберду? Г. Тургеневъ могъ встрѣтить въ жизни двухъ-трехъ рыцарей подобнаго рода, и такимъ образомъ, онъ вовсе не апріорично вывелъ отношеніе своихъ юныхъ героевъ къ жизни, а списалъ съ дѣйствительности то, что видѣлъ и слышалъ. Безспорно, г. Тургеневъ могъ въ дѣйствительности встрѣтить всѣ тѣ фразы, которыя онъ вложилъ въ уста своихъ юныхъ героевъ; могъ онъ встрѣтить не мало и людей, не уступающихъ аскетамъ въ безполезной борьбѣ противъ естественныхъ потребностей во имя ложно-понимаемыхъ идей и принциповъ. Какой только уродливости нельзя подъискать въ нашей

убогой дѣйствительности! Но въ такомъ случаѣ, г. Тургеневъ былъ обязанъ отдѣлить ложное пониманіе новыхъ идей отъ истиннаго, что онъ, конечно, и сдѣлалъ бы на Базаровѣ, если бы онъ самъ понималъ, въ чемъ тутъ заключается различіе.

ВТОРОСТЕПЕННЫЯ ЛИЦА ВЪ РОМАНѢ.

[1]) О художественной обработкѣ и жизненности всѣхъ второстепенныхъ лицъ «Отцовъ и дѣтей» едва ли нужно много распространяться. Оба Кирсанова, Аркадій, Одинцова, старики Базаровы — все это фигуры необыкновенно рельефныя, изваянныя рукою мастера, достигшаго полной зрѣлости своего таланта, когда каждый ударъ рѣзца въ его рукѣ отличается точностью, силою и законченностью. Въ изображеніи отца и матери Базарова бездна сердечной теплоты, которая тѣмъ болѣе выдѣляется, что къ ней примѣшанъ безподобный юморъ...

[2]) Созданіе такихъ лицъ, какъ отецъ и мать Базарова, есть истинное торжество таланта. Повидимому, что можетъ быть ничтожнѣе и негоднѣе этихъ людей, отжившихъ свой вѣкъ и со всѣми предразсудками старины уродливо дряхлѣющихъ среди новой жизни? А между тѣмъ какое богатство *простыхъ* человѣческихъ чувствъ! Какая глубина и ширина душевныхъ явленій—среди обыденнѣйшей жизни, не подымающейся ни на волосъ выше самаго низменнаго уровня!

[3]) Аркадій Николаевичъ Кирсановъ, кандидатъ не-

---

[1]) В. Буренинъ. «Литературная дѣятельность Тургенева».
[2]) «Время» 1862 г. № 4.
[3]) Антоновичъ. «Современникъ» 1862 г. № 3.

тербургскаго университета, какого факультета, не сказано, — юноша чувствительный, добросердечный, съ невинной душой; къ сожалѣнію, онъ подчинился вліянію своего друга, Базарова, который старается всячески притупить чувствительность его сердца, убить своими насмѣшками благородныя движенія его души и внушить ему презрительную холодность ко всему; какъ только обнаружитъ онъ какой-нибудь возвышенный порывъ, другъ тотчасъ же и осадитъ его своей презрительной ироніей.

¹) Аркадій, по словамъ Писарева, похожъ во всѣхъ отношеніяхъ на кусокъ очень чистаго и мягкаго воска, изъ котораго всякій, кто только пожелаетъ, можетъ сдѣлать, что ему угодно. Но дѣло въ томъ, что сегодня изъ него можетъ сдѣлать все, что угодно, одинъ, а завтра тоже можетъ съ нимъ подѣлать другой и т. д. Аркадій будетъ подъ старость безполезнѣйшимъ, а можетъ быть, и дряннѣйшимъ туніядцемъ. А старость, т. е. житье въ брюхо, для этихъ восковыхъ господъ начинается ровно черезъ годъ послѣ выхода изъ университета. Если бы вы спросили у Базарова: «*выйдетъ ли что-нибудь путнаго изъ вашего друга?*» Базаровъ отвѣчалъ бы съ полнымъ убѣжденіемъ: «*ничего путнаго не выйдетъ; будетъ рафинированнымъ Маниловымъ и больше ничего*».

²) Не понимаемъ, почему этотъ типъ молодежи, изображенный г. Тургеневымъ въ лицѣ Аркадія, представляетъ наше молодое поколѣніе будто бы въ невыгодномъ свѣтѣ. Напротивъ, мы думаемъ, что онъ

¹) Сочиненія Д. И. Писарева, ч. 2.
²) «Русскій Вѣстникъ» 1862 г. № 5.

представляетъ собою очень хорошій, очень привлекательный типъ. Презрительные отзывы объ этомъ молодомъ человѣкѣ понятны въ самыхъ же Аркадіяхъ, въ людяхъ очень молодыхъ, которые, разумѣется, хотятъ казаться героями, какъ ребенокъ хочетъ казаться большимъ. Очень понятно, почему напримѣръ критикъ *Русскаго Слова* *) отзывается съ презрѣніемъ о молодомъ Кирсановѣ и иначе не называетъ его, какъ птенцомъ: по всѣмъ признакамъ, критикъ самъ еще весьма юный человѣкъ, самъ такой же Аркадій, которому можно пожелать только того, чтобъ онъ сохранилъ многія добрыя свойства своего прототипа... Аркадій безподобенъ въ своихъ нигилистическихъ выходкахъ; онъ также безподобенъ въ наивномъ сознаніи своего умственнаго превосходства надъ понятіями отца и дяди. Какъ добродушно сожалѣетъ онъ объ ихъ отсталости. Какъ онъ очарователенъ съ своимъ Бюхнеромъ, котораго подсовываетъ отцу вмѣсто Пушкина, надѣясь просвѣтить его и возвысить! Какъ быстро рѣшаетъ онъ всѣ вопросы, какъ легко справляется онъ со всѣмъ, какъ ни по чемъ ему сломить и уничтожить что угодно изъ чистаго нигилизма! Вы чувствуете, какъ, подъ этимъ живымъ колоритомъ мѣста и времени, Аркадій остается тѣмъ же самымъ, какимъ знавали его въ другихъ мѣстахъ и въ другое время. Аркадій натура не *хищная*: это открыла ему умная дѣвушка, съ которою, къ счастію для себя, онъ сблизился на первыхъ порахъ своей жизни. Сначала его не множко покоробило при этомъ открытіи: простодушному молодому человѣку было жаль разставаться

*) Рѣчь идетъ о Писаревѣ.

съ этимъ качествомъ, которое казалось ему признакомъ силы и героизма; но онъ скоро понялъ свою молодую глупость и, конечно, самъ послѣ смѣялся надъ нею. Онъ не *хищный* ни по натурѣ, ни по воспитанію. Мнѣнія, которыми онъ щеголяетъ, не проникаютъ у него глубоко внутрь, точно такъ же какъ и не выростаютъ извнутри; это легкая игра представленій, еще не имѣющихъ для молодого мягкаго ума никакого опредѣленнаго значенія. Но всѣ практическіе его инстинкты хороши, всѣ непосредственныя движенія его сердца не испорчены, и частью они остались нетронуты и свидѣтельствуютъ о свѣжихъ непочатыхъ силахъ, о добромъ задаткѣ на будущее. Они свидѣтельствуютъ о любви, которая окружала колыбель нашего юноши, о мягкой семейной атмосферѣ, въ которой протекло его дѣтство. Правда, въ его умственной организаціи не замѣтно твердыхъ элементовъ; но имъ не откуда было взяться.

[1]) Что можетъ быть слабѣе и незначительнѣе юнаго пріятеля Базарова, Аркадія? онъ, повидимому, подчиняется каждому встрѣчному вліянію; онъ обыкновеннѣйшій изъ смертныхъ. Между тѣмъ онъ милъ чрезвычайно. Великодушное волненіе его молодыхъ чувствъ, его благородство и чистота—подмѣчены авторомъ съ большою тонкостью и обрисованы отчетливо.

[2]) Павелъ Петровичъ—человѣкъ очень неглупый, и его фигура чрезвычайно любопытна и поучительна, какъ отживающая тѣнь печоринскаго типа. Эта тѣнь не хочетъ и не можетъ признать себя тѣнью и, встрѣ-

---

[1]) «Время» 1862 г. № 4.

[2]) Писаревъ. Сочин. Д. И. Писарева, ч. 2.

чаясь съ тѣмъ типомъ, который живетъ въ настоящемъ, она, эта представительница прошедшаго, отрицаетъ его всѣми силами своего ума и ненавидитъ его такъ, какъ скупой рыцарь ненавидитъ своихъ наслѣдниковъ. Печоринскій и базаровскій типы ненавидятъ и отталкиваютъ другъ друга. Печорины и Базаровы рѣшительно не могутъ существовать вмѣстѣ, въ одномъ обществѣ, потому что и Печорины, и Базаровы выдѣлываются изъ одного матеріала: стало-быть, чѣмъ больше Печориныхъ, тѣмъ меньше Базаровыхъ и наоборотъ. Вторая четверть XIX столѣтія особенно благопріятствовала производству Печориныхъ; новыхъ Печориныхъ жизнь уже не отчеканиваетъ, а старые, потускнѣлые и поблекшіе никакъ не желаютъ понять, что ихъ время прошло... Печорины и Базаровы—совершенно непохожи другъ на друга по характеру своей дѣятельности; но совершенно сходны между собою по типическимъ особенностямъ натуры: и тѣ, и другіе—очень умные и вполнѣ послѣдовательные эгоисты; и тѣ, и другіе выбираютъ себѣ изъ жизни все, что въ данную минуту можно выбрать самаго лучшаго, и, набравши себѣ столько наслажденій, сколько можно добыть, и сколько способенъ вмѣстить человѣческій организмъ, оба остаются неудовлетворенными, потому что жадность ихъ непомѣрна, а также потому, что современная жизнь вообще не очень богата наслажденіями.

[1]) Павелъ Петровичъ — человѣкъ съ характеромъ; онъ не пасуетъ, въ немъ чувствуются силы, — но силы погибшія, которыя завяли отъ бездѣйствія, отъ

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1862 г. № 5.

мелочнаго употребленія въ безплодно прожитой жизни. Онъ раздражителенъ и нервенъ; но настоящей силы въ немъ мало. Вы отдаете ему справедливость, вы признаете его настоящимъ джельтменомъ, вы уважаете его благородство; но вы чувствуете, что онъ герой въ мамбриновомъ шлемѣ, и авторъ безъ пощады выставляетъ на видъ его смѣшныя стороны. Это человѣкъ, проигравшій свое прошедшее, безъ настоящаго, безъ будущаго, призракъ между живыми, безплодно гальванизируемый впечатлѣніями, которыя раздражаютъ, кипятятъ его, но не могутъ воскресить погибшей жизни.

[1]) Павелъ Петровичъ изображенъ Тургеневымъ съ душой и поэзіей. Онъ жилъ не безполезно, читалъ много, *отличался безукоризненною честностію*, любилъ брата, помогалъ ему своими средствами и мудрыми совѣтами. Когда бывало братъ разсердится на мужиковъ и хочетъ ихъ наказывать, Павелъ Петровичъ вступался за нихъ и говорилъ ему: du calme, du calme. Онъ отличался любознательностію и всегда съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за опытами Базарова, не смотря на то, что имѣлъ полное право ненавидѣть его. Самымъ же лучшимъ украшеніемъ Павла Петровича была его нравственность. Павелъ Петровичъ былъ влюбленъ въ Ѳеничку, нѣсколько разъ приходилъ въ ея комнату «ни зачѣмъ» и оставался съ нею наединѣ, но онъ не былъ на столько низокъ, чтобы поцѣловать ее, какъ это сдѣлалъ Базаровъ, вслѣдствіе чего Павелъ Петровичъ по благородности своего характера вызвалъ его на дуэль. «Онъ былъ

[1]) Антоновичъ. «Современникъ» 1862 г. № 3.

на столько благороденъ, что только однажды прижалъ ея (Ѳенички) руку къ своимъ губамъ и такъ приникъ къ ней, не цѣлуя ея и только изрѣдка судорожно вздыхая», и наконецъ на столько былъ самоотверженъ, что сказалъ ей: «любите моего брата, не измѣняйте ему ни для кого на свѣтѣ, не слушайте ни чьихъ рѣчей»; и чтобъ дальше не соблазняться Ѳеничкой, онъ уѣхалъ за границу, «гдѣ его можно видѣть и теперь въ Дрезденѣ на Брюлевской террассѣ, между 2—4 часами».

[1]) Николай Петровичъ, какъ слѣдуетъ, настоящій сынъ своего вѣка. Въ немъ нѣтъ ни единой яркой черты и хорошаго только одно, что онъ человѣкъ, хотя и простѣйшій человѣкъ.

[2]) Отецъ Аркадія—существо не дозрѣвшее, не испытанное жизнію, безхарактерное, неспособное къ опредѣленной дѣятельности, конфузливое, хотя доброе, кроткое, съ неувядшею поэзіей въ душѣ. Оба они съ братомъ люди умные и хорошіе, и были бы людьми дѣльными, если бъ жили въ другой средѣ, при условіяхъ болѣе благопріятныхъ для образованія характера.... Бѣдный, добрый Николай Петровичъ совсѣмъ уничтожается не только предъ Базаровымъ, но даже предъ своимъ молоденькимъ сыномъ.

[3]) Николай Петровичъ положительно умнѣе своего сына, и съ нимъ Базаровъ могъ бы сблизиться, если бы была какая-нибудь возможность завязать это сближеніе, т. е. сдѣлать первый шагъ. Но вѣдь неловко

[1]) «Время» 1862 г. № 4.

[2]) «Русскій Вѣстникъ» 1862 г. № 5.

[3]) Писаревъ. Сочиненія Д. И. Писарева, ч. 2.

же, неудобно подойти къ постороннему человѣку пожилыхъ лѣтъ и, безъ малѣйшаго вызова съ его стороны, подарить ему нѣсколько непрошенныхъ совѣтовъ касательно направленія его умственной дѣятельности.

[1]) На Аркадія не похожъ другой молодой человѣкъ, преклоняющійся предъ *базаровщиною*. «Ситниковы» носятъ на лбу своемъ признаки пошлости и ничтожества. Но и онъ удивительно вѣренъ, и его изображеніе исполнено жизненной правды. Ситниковы вездѣ есть, и вездѣ ихъ довольно. Онъ и мадамъ Кукшина нисколько не каррикатуры и не портреты, но живые представители цѣлаго разряда явленій, которыя вошли въ свои типы, какъ своими общими, вездѣ одинаковыми чертами, такъ и со всѣми особенностями времени и мѣста, совсѣми своими couleurs locales.

[2]) Исключая Базарова, другія дѣти романа—глуповатыя и пустыя. Они слушаютъ Базарова и только безсмысленно повторяютъ его слова. Кромѣ Аркадія, таковъ, напр., Ситниковъ, котораго авторъ при всякомъ удобномъ случаѣ коритъ тѣмъ, что его «батюшка все по откупамъ». Ситниковъ считаетъ себя ученикомъ Базарова и обязаннымъ ему своимъ перерожденіемъ; «повѣрите-ли, говорилъ онъ, что когда при мнѣ Евгеній Васильевичъ сказалъ, что не должно признавать авторитетовъ, я почувствовалъ такой восторгъ... словно прозрѣлъ! Вотъ, подумалъ я, наконецъ нашелъ я человѣка».

Въ губернскомъ городѣ живетъ молодая женщина,

[1]) «Русскій Вѣстникъ.» 1862 г. № 5.
[2]) Антоновичъ. «Современникъ» 1862 г. № 3.

принимаетъ къ себѣ молодыхъ людей; но не смотря на это, она не слишкомъ заботится о своемъ костюмѣ и туалетѣ,—чѣмъ г. Тургеневъ думалъ унизить ее въ глазахъ читателей. Ходитъ она «нѣсколько растрепанная», «въ шелковомъ не совсѣмъ опрятномъ платьѣ», «бархатная шубка ея на пожелтѣломъ горностаевомъ мѣхѣ»; и въ то же время почитываетъ кое-что изъ физики и химіи, читаетъ статьи о женщинахъ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, а все-таки разсуждаетъ о физіологіи, эмбріологіи, бракѣ и проч. Все это не важно; но все же она не назоветъ эмбріологіи англійской королевой, а пожалуй скажетъ даже, что это за наука такая, и чѣмъ она занимается,—и то хорошо. Все-таки Кукшина не такъ пуста и ограничена, какъ Павелъ Петровичъ; все-таки ея мысли обращены на предметы болѣе серьезные, чѣмъ фески, галстучки, воротнички, снадобья и ванны; а этимъ она видимо пренебрегаетъ. Она выписываетъ журналы, но не читаетъ и даже не разрѣзываетъ ихъ, а все-таки это лучше, чѣмъ выписывать жилеты изъ Парижа и утренніе костюмы изъ Англіи, подобно Павлу Петровичу... Кукшина дѣйствительно смѣшна; за границей она якшается съ студентами; но все же это лучше, чѣмъ показывать себя на Брюлевской террасѣ между 2—4 часами, и гораздо простительнѣе, чѣмъ почтенному престарѣлому человѣку якшаться съ парижскими танцовщицами и пѣвицами.

[1]) Тургенева очень много упрекали за Кукшину, которую онъ самъ призналъ каррикатурой, съ чѣмъ однако же нельзя согласиться безусловно. Кукшина,

---

[1]) В. Буренинъ. «Литературная дѣятельность Тургенева».

быть можетъ, дѣйствительно нѣсколько шаржирована. Но несомнѣнно, однако же, что во время, описанное въ романѣ, на святой Руси завелось много такихъ «передовыхъ женщинъ, émancipée въ истинномъ смыслѣ слова», какъ выражается о Кукшиной тоже въ своемъ родѣ передовой мужчина—Ситниковъ. Близорукая кружковая критика очень озлобилась на Тургенева за осмѣяніе этой «передовой женщины», конечно, прозрѣвъ въ такомъ осмѣяніи противодѣйствіе пресловутому «женскому вопросу»...

[1]) Тургеневъ вовсе не воображалъ представлять Одинцову такой возвышенной и симпатической душой, къ которой бы лежало все его авторское сочувствіе, какъ это хотѣлось представить нѣкоторымъ его критикамъ. Въ Одинцовой нѣтъ ничего необыкновеннаго, кромѣ ея красоты, изящной выдержки и приготовленности для жизни. За исключеніемъ красоты, всѣми остальными качествами Одинцовой, при условіи столь же благопріятнаго рожденія и воспитанія, могла бы обладать и несчастная Кукшина, и всякая другая женщина.

[2]) Что можетъ быть грустнѣе Ѳенички? *Прелестно было,—говоритъ авторъ,—выраженіе ея глазъ, когда она глядѣла, какъ бы изъ подлобья, да посмѣивалась ласково и немного глупо.* Самъ Павелъ Петровичъ называетъ ее *пустымъ существомъ.* И однако же эта глупенькая Ѳеничка набираетъ чуть ли небольше поклонниковъ, чѣмъ умница Одинцова. Ее не только любитъ Николай Петровичъ, но въ нее отчасти влюбляется и Павелъ

---

[1]) «Библіотека для чтенія» 1862 г. № 5.

[2]) «Время» 1862 г. № 4.

Петровичъ, и самъ Базаровъ. И однакожъ эта любовь и эта влюбленность суть истинныя и дорогія человѣческія чувства.

„СОБАКА". *)

¹) Собака появилась въ фельетонѣ «Петерб. Вѣд.» (№ 85) за 1865 г., но далеко не соотвѣтствовала славѣ, которая ей предшествовала. Это одна изъ не удавшихся вещей Тургенева. Какъ сказка—она не интересна, какъ фактъ—не вѣроятна, наконецъ, какъ иронія—не достигаетъ цѣли. Г. Суворинъ, слышавшій «Собаку» въ чтеніи самого Тургенева,— увѣряетъ, впрочемъ, что она очень понравилась слушавшимъ талантливую, живую передачу разсказа самимъ авторомъ. Г. Суворинъ утверждаетъ, что авторъ самою интонаціей, жестами выражалъ комическій страхъ помѣщика, фигурирующаго въ «Собакѣ», что очень забавляло слушателей. Въ чтеніи разумѣется такіе аксессуары пропадаютъ, и «Собака возбуждаетъ только недоумѣніе, зачѣмъ Тургеневъ напечаталъ такую слабую вещь.

„ДОВОЛЬНО".

²) Что Тургеневъ былъ видимо затронутъ и затронутъ очень чувствительно непониманіемъ, обнаруженнымъ и критикою, и читателями въ оцѣнкѣ его лучшаго и крупнѣйшаго произведенія («Отцовъ и дѣтей»)—

*) Критика о фантазіи «Призраки» помѣщена въ 1 выпускѣ «Собранія критич. матер. для изученія произвед. И. С. Тургенева», стр. 308.

¹) С. Венгеровъ. «Русск. лит. въ ея современ. представителяхъ».

²) В. Буренинъ. «Литературная дѣятельность Тургенева».

это отчасти видно изъ характернаго лирическаго отрывка «Довольно». Отрывокъ этотъ полонъ сплошь унылымъ пессимизмомъ, романтическаго характера, очень напоминающимъ поэтическій пессимизмъ Леопарди, который похожъ на нашего художника тѣмъ, что съ теоретической фантазіей соединялъ трезвую разсудочность... Скорбное настроеніе, сходное по характеру и смыслу съ настроеніемъ Леопарди, звучитъ въ начальныхъ строкахъ лирическаго отрывка Тургенева, сходныя идеи встрѣчаются тутъ, да и во всемъ отрывкѣ... Вообще говоря, весь основной тонъ и смыслъ отрывка напоминаетъ намъ горькія и вмѣстѣ сладостныя муки и сомнѣнія поэзіи Леопарди. Разочарованіе въ значеніи собственнаго творчества, разочарованіе, которое было вызвано въ Тургеневѣ фактомъ непониманія его лучшаго произведенія, фактомъ охлажденія къ нему въ моментъ высшаго развитія его творчества, высказывается въ слѣдующихъ заключительныхъ сомнѣніяхъ въ призваніи художника и жалобахъ на тщету художнической дѣятельности: «Что сказать объ обыкновенныхъ, дюжинныхъ, второстепенныхъ труженикахъ—кто бы они ни были—государственные люди, ученые, художники—особенно художники? Чѣмъ заставить ихъ стряхнуть нѣмую лѣнь, свое унылое недоумѣніе, чѣмъ привлечь ихъ опять на поле битвы — если только мысль о тщетѣ всего человѣческаго, всякой дѣятельности, ставящей себѣ болѣе высокую задачу, чѣмъ добываніе насущнаго хлѣба, закралась имъ въ голову! Какими вѣнками прельстятся они—они, для которыхъ и лавры, и тернья стали равно незначительны? Изъ чего они станутъ снова подвергаться смѣху «толпы холодной» и «суду

глупца» — стараго глупца, который не можетъ простить имъ, что они отвернулись отъ прежнихъ кумировъ—молодого глупца, который требуетъ, чтобы они тотчасъ, вмѣстѣ съ нимъ, стали на колѣни, легли плашмя передъ новыми, только-что открытыми идолами?» Къ спеціальнымъ, такъ сказать, жалобамъ въ такомъ родѣ, на которыя Тургеневъ, конечно, имѣлъ поводъ и право, примѣшаны въ отрывкѣ разныя болѣе общія разочарованія въ тщетѣ всего земного, всякихъ чувствъ и идей, въ «бренности» созданій искусства. Все это сопровождается разными сантиментами въ романтическомъ вкусѣ, иногда, говоря откровенно, производящими почти комическое впечатлѣніе. Можно ли, напримѣръ, не улыбнуться, читая изображеніе такого tête-à-tête съ милой: «мы пріютились другъ къ дружкѣ, мы прислонились другъ къ дружкѣ головами и оба читаемъ хорошую книгу; я чувствую, какъ бьется тайная жилка въ твоемъ нѣжномъ вискѣ, я слышу, какъ ты живешь, ты слышишь, какъ я живу, твоя улыбка рождается у меня на лицѣ прежде чѣмъ у тебя, ты отвѣчаешь безмолвно на мой безмолвный вопросъ, твои мысли, мои мысли — какъ оба крыла одной и той же, въ лазури потонувшей птицы — послѣднія преграды пали — и такъ успокоилась, такъ углубилась наша любовь, такъ безслѣдно исчезло всякое разъединеніе, что намъ даже не хочется мѣняться словомъ, взглядомъ... Только дышать, дышать вмѣстѣ хочется намъ, жить вмѣстѣ, быть вмѣстѣ... И даже не сознавать того, что мы вмѣстѣ». Оставивъ въ сторонѣ нѣкоторую комичность подобныхъ тонко-сантиментальныхъ изліяній, невольно вспоминаешь, что художникъ, склонный къ такимъ излія-

ціямъ, къ такому романтизму, воображалъ себя и, вѣроятно искренно, по убѣжденіямъ близкимъ къ созданному имъ Базарову! Подобныя милыя заблужденія, подобныя противорѣчія, впрочемъ, нерѣдко встрѣчаются въ поэтахъ, особенно въ поэтахъ съ женственною натурою, первоначальное художественное развитіе которыхъ при томъ слагалось подъ вліяніемъ романтизма. Не излишне будетъ замѣтить здѣсь, что комическую сторону лирическихъ сантиментовъ, которыми проникнутъ отрывокъ «Довольно» и, имѣющая съ нимъ много общаго, фантазія «Призраки», очень ѣдко выставилъ Достоевскій въ злѣйшей пародіи вообще на Тургенева и на два его упомянутыя произведенія. Пародія эта включена въ извѣстный романъ «Бѣсы» и представляетъ одну изъ самыхъ ядовитыхъ страницъ этого, вообще очень ядовитаго романа. Я позволю себѣ привести здѣсь изъ пародіи Достоевскаго нѣсколько строкъ, такъ какъ въ нихъ хорошо схвачена каррикатурная сторона тургеневскаго романтизма: «Межъ тѣмъ заклубился туманъ, такъ заклубился, такъ заклубился, что болѣе похожъ былъ на милліонъ подушекъ, чѣмъ на туманъ. И вдругъ все исчезаетъ, и великій геній переправляется зимой въ оттепель черезъ Волгу. Двѣ съ половиной страницы переправы, но все-таки попадаетъ въ прорубь. Геній тонетъ — вы думаете утонулъ? И не думалъ; это все для того, что когда онъ уже совсѣмъ утопалъ и захлебывался, то передъ нимъ мелькнула льдинка, крошечная льдинка съ горошинку, но чистая и прозрачная, «какъ замороженная слеза», и въ этой льдинкѣ отразилась Германія, или лучше сказать, небо Германіи, и радужною игрой своей отраженіе напомнило ему

ту самую слезу, которая, «помнишь», скатилась изъ глазъ твоихъ, когда мы сидѣли подъ изумруднымъ деревомъ, и ты воскликнула радостно: «Нѣтъ преступленія!» «Да, сказалъ я сквозь слезы, но коли такъ, то вѣдь нѣтъ и праведниковъ». Мы зарыдали и разстались навѣки».

„ДЫМЪ".

(Страховъ Н., Анненковъ П., Соловьевъ Н., Миллеръ О., Скабичевскій А., Буренинъ В., «Отечественныя записки» 1867 г.).

[1]) Извѣстно всѣмъ, что Тургеневъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ авторовъ, которые почти всякимъ своимъ произведеніемъ затрогиваютъ какіе-нибудь жизненные вопросы или возбуждаютъ движеніе въ обществѣ. Вопросъ, затронутый какъ бы невольно въ его романѣ «Дымъ», чрезвычайно важенъ, это вопросъ о значеніи и надобности русскихъ людей, пересаженныхъ или пересѣвшихъ на чужую почву, вопросъ, имѣющій, конечно, самую неразрывную связь съ вопросомъ о растеніяхъ и животныхъ, у насъ еще недостаточно акклиматизировавшихся...

[2]) Тургеневъ не былъ сатирикомъ по натурѣ, онъ самъ заявлялъ, что предпочитаетъ художественные образы сатирическимъ; и, однако же, его романъ «Дымъ» принадлежитъ къ числу самыхъ сильныхъ

[1]) Н. Соловьевъ. «Искусство и Жизнь», ч. 2.
[2]) В. Буренинъ. «Литературная дѣятельность Тургенева».

сатиръ въ русской литературѣ. Въ этомъ романѣ больно досталось нашимъ, такъ называемымъ, партіямъ: и радикаламъ, и умѣреннымъ, и славянофиламъ, и особенно пресловутой «аристократической» партіи, которая въ моментъ общественнаго развитія, изображенный въ «Дымѣ», воображала себя представительницей реакціи, спасительной для отечества, погибающаго отъ необузданнаго прогресса...

[1]) И. С. Тургеневъ не измѣнилъ своему литературному призванію и въ новомъ произведеніи... Какъ прежде въ «Рудинѣ», «Дворянскомъ гнѣздѣ», «Отцахъ и дѣтяхъ», такъ и въ «Дымѣ» онъ выводитъ передъ нами явленія и характеры изъ современной русской жизни, важные не по одному своему психическому или поэтическому значенію, но вмѣстѣ и потому, что они помогаютъ распознать мѣсто, гдѣ въ данную минуту обрѣтается наше общество, и мысль, которою оно занято передъ намѣткой послѣдующаго своего шага... «Дымъ» такъ же, какъ и «Отцы и дѣти»—историческій документъ, свидѣтельствующій о современной намъ эпохѣ столько же, сколько и всякіе другіе, оффиціальные документы, намъ доселѣ извѣстные. Кромѣ того, повѣсть «Дымъ» имѣетъ значеніе весьма серьезнаго документа еще и по другому качеству, кромѣ живописи нравовъ и понятій, а именно, по необычайной искренности своего изложенія, по характеру душевной исповѣди и твердаго убѣжденія, который сообщенъ ей авторомъ. Такіе документы особенно цѣнны для изслѣдователей извѣстныхъ эпохъ и культуръ. Уже вскорѣ послѣ появленія романа въ печати замѣ-

---

[1]) П. Анненковъ. «Вѣстникъ Европы» 1867 г. № 6.

чено было, что часть его, посвященная анализу русскихъ направленій, изображенію нравовъ, характеристикѣ лицъ и партій, желающихъ дать свою окраску, сообщить свой духъ всему строю насущной нашей жизни, написана бойчѣе, рѣзче, энергичнѣе, чѣмъ все, что въ этомъ родѣ написано доселѣ Тургеневымъ. Онъ такъ пріучилъ читателей къ тонкимъ чертамъ, мягкимъ очеркамъ, къ лукавой и веселой шуткѣ, когда ему приходилось смѣяться надъ людьми, къ изящному выбору подробностей, когда онъ рисовалъ ихъ нравственную пустоту, что многіе не узнали любимаго своего автора въ нынѣшнемъ сатирикѣ и писателѣ, высказывающемъ всѣ свои впечатлѣнія прямо и на чистоту. Нѣкоторыя даже спрашивали: что съ нимъ сдѣлалось?—Съ нимъ ничего не сдѣлалось, кромѣ того, что на него низошла минута, часто являющаяся въ жизни замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей, когда потребность быть искреннимъ и откровеннымъ превозмогаетъ у нихъ всѣ другія соображенія. Такія минуты хорошо были знакомы Пушкину, Гоголю, Руссо, Гете и многимъ другимъ писателямъ, и приходъ ихъ обыкновенно совпадаетъ еще съ какимъ-либо, болѣе или менѣе, важнымъ событіемъ внутренней жизни тѣхъ лицъ.

Относительно Тургенева слѣдуетъ прибавить, что къ такой внутренней, субъективной правдивости мысли и рѣчи призывало уже его, кромѣ многаго другого, и самое положеніе дѣлъ и умовъ въ Россіи. Тургеневъ въ новомъ романѣ сводитъ правдивый итогъ впечатлѣній за послѣднее время своей многосторонней жизни... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ отступился, ради истины, отъ обычныхъ художническихъ пріемовъ сво-

ихъ, на успѣхъ которыхъ всегда и могъ положиться... Единственно изъ потребности выразить вполнѣ свое мнѣніе, рѣшился онъ освѣтить яркими, скажемъ, багровыми полосами свѣта, грубо и прямо кинутыми на уродливую сторону выводимыхъ лицъ,—нѣкоторыя сцены своего романа, которыя могъ бы легко окаймить полупрозрачной атмосферой, поглощающей добрую часть настоящаго выраженія физіономій.

[1]) Въ сущности «Дымъ» есть вещь прекрасная, первостепенная, могущая стать на ряду со всѣмъ лучшимъ, что написалъ Тургеневъ. При этомъ мы разумѣемъ именно сущность «Дыма», то-есть исторію Ирины и Литвинова. Эта исторія чрезвычайно похожа на ту, которая разсказана въ *Евгеніи Онѣгинѣ*; только на мѣсто мужчины поставлена женщина и наоборотъ. Онѣгинъ, любимый Татьяной, сперва отказывается отъ нея, а потомъ, когда та замужемъ, влюбляется въ нее и страдаетъ. Такъ и въ «*Дымѣ*» Ирина, любимая студентомъ Литвиновымъ, отказывается отъ него; а потомъ, когда сама она замужемъ, а у Литвинова есть невѣста, влюбляется въ него и причиняетъ большія страданія и ему, и себѣ. Въ обоихъ случаяхъ первоначально происходитъ ошибка, которую потомъ герои сознаютъ и стараются поправить, да уже нельзя. Нравоученіе изъ той и другой басни вытекаетъ одинаковое:

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!»

Онѣгинъ и Ирина не видятъ, въ чемъ ихъ насто-

---

[1]) Страховъ. «Заря» 1871 г. № 2.

ящее счастье; они ослѣплены какими-то ложными взглядами и страстями,—за что и наказываются.

Ко всему этому въ «*Дымѣ*» прибавлена еще грустная черта. Татьяна Пушкина не поддается преслѣдованіямъ Онѣгина; она остается чиста и безупречна и олицетворяетъ передъ нами *милый идеалъ* русской женщины, непонятой тѣмъ, кого она полюбила. Литвиновъ же, играющій роль бабы, не устоялъ передъ Ириною и нанесъ тѣмъ новыя муки себѣ, Иринѣ и своей невѣстѣ. Таковы печальныя картины русской жизни, которыя оба поэта выставили для обнаруженія какого-то внутренняго разлада въ духовномъ строѣ нашего общества. Какъ у Пушкина, такъ и у Тургенева женщина поставлена выше мужчины—давно замѣченная черта нашей жизни. Но Иринѣ придана не только первенствующая, но и прямо дѣятельная роль, чтобы тѣмъ яснѣе была ничтожность нашихъ мужчинъ и нѣкоторое дурное начало, присутствующее въ нашихъ женщинахъ. Тургеневъ какъ бы хотѣлъ сказать: въ высшемъ кругу у насъ господствуютъ не пушкинскія Татьяны, а Ирины, испорченныя до мозга костей.

Въ «*Дымѣ*» разсказана чисто русская исторія, характеры дѣйствующихъ лицъ и ходъ событій носятъ рѣзкій, отчетливый отпечатокъ русской жизни. И слѣдовательно *обличеніе*, заключающееся въ повѣсти Тургенева, имѣетъ полную силу. Русское безволіе въ Литвиновѣ, искаженіе богатыхъ и прекрасныхъ силъ въ Иринѣ, грубость и непреодолимость страсти, возникающей между ними, и какая-то смутная окружающая ихъ нравственная атмосфера, лишенная ясныхъ идеаловъ и прочныхъ началъ,—все это наше родное....

Тургеневъ вывелъ толпу такъ называемыхъ нами *нигилистическихъ славянофиловъ* и заставилъ Потугина изливать насмѣшки и возраженія противъ настоящихъ славянофиловъ. Все вмѣстѣ образовало *Дымъ*, нѣчто зыбкое и туманное, клочекъ хаоса, на которомъ ясно вырѣзывается только фигура Ирины, въ одно время и чарующая, и отталкивающая...

Замѣтки Тургенева противъ славянофильства не лишены мѣткости и силы, но очевидно не составляютъ ничего цѣлаго. Самымъ существеннымъ въ этомъ отношеніи нужно считать то мѣсто, которое Тургеневъ *вставилъ* въ отдѣльное изданіе «Дыма»; приведемъ это мѣсто, вѣроятно, вовсе неизвѣстное тѣмъ, кто прочиталъ «*Дымъ*» въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Говоритъ Потугинъ:

«Кто же васъ заставляетъ перенимать зря? Вѣдь вы чужое берете не потому, что оно чужое, а потому что оно вамъ пригодно: стало быть вы соображаете, выбираете. *А что до результатовъ—такъ вы не извольте безпокоиться*: *своеобразность въ нихъ будетъ* въ силу самыхъ этихъ мѣстныхъ климатическихъ и прочихъ условій, о которыхъ вы упоминаете. Вы только предлагайте пищу добрую, а *народный желудокъ ее переварить по своему*; и со временемъ, когда организмъ окрѣпнетъ, онъ дастъ *свой* сокъ. Возьмите примѣръ хоть съ нашего языка. Петръ Великій наводнилъ его тысячами чужеземныхъ словъ, голландскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ: слова эти выражали понятія, съ которыми нужно было познакомить русскій народъ; не мудрствуя и не церемонясь, Петръ вливалъ эти слова цѣликомъ, ушатами, бочками въ нашу утробу. Сперва—точно вышло нѣчто чудовищное, а потомъ

началось именно то переваривание, о которомъ я вамъ докладывалъ. Понятія привились и усвоились; чужія формы постепенно испарились, языкъ въ собственныхъ нѣдрахъ нашелъ чѣмъ ихъ замѣнить, и теперь вашъ покорнѣйшій слуга, стилистъ весьма посредственный, берется перевести любую страницу изъ Гегеля... да-съ, да-съ изъ Гегеля, не употребивъ ни одного неславянскаго слова. Что произошло съ языкомъ, то, должно надѣяться, произойдетъ и въ другихъ сферахъ. *Весь вопросъ въ томъ—крѣпка ли натура? а наша натура—ничего, выдержитъ: не въ такихъ была передрягахъ. Бояться за свое здоровье, за свою самостоятельность могутъ одни нервные больные, да слабые народы; точно такъ же какъ восторгаться до пѣны у рта тому, что мы молъ русскіе—способны одни праздные люди*. Я очень забочусь о своемъ здоровьи, но въ восторгъ отъ него не прихожу: совѣстно-съ».

— «Все такъ, заговорилъ въ свою очередь Литвиновъ; но зачѣмъ же непремѣнно подвергать насъ подобнымъ испытаніямъ? Сами жъ вы говорите, что сначала вышло нѣчто чудовищное! ну—а коли это чудовищное такъ бы и осталось? *Да оно и осталось, вы сами знаете*».

— «Только не въ языкѣ—а ужъ это много значитъ! А нашъ народъ не я дѣлалъ, не я виноватъ, что ему суждено проходить черезъ такую школу. «Нѣмцы правильно развивались», кричатъ славянофилы,—«подавайте и намъ правильное развитіе»! Да гдѣ жъ его взять, когда самый первый историческій поступокъ нашего племени—призваніе себѣ князей изъ-за моря—*есть уже неправильность, анормальность*, которая повторяется на каждомъ изъ насъ до сихъ поръ; ка-

ждый изъ насъ хоть разъ въ жизни непремѣнно чему-нибудь чужому, не русскому сказалъ: *иди владыти и княжити надо мною!*—Я пожалуй готовъ согласиться, что *вкладывая иностранную суть въ собственное тѣло, мы никакъ не можемъ навѣрное знать напередъ, что такое мы вкладываемъ: кусокъ хлѣба или кусокъ яда?*—да вѣдь извѣстное дѣло: отъ худого къ хорошему никогда не идешь черезъ лучшее, а всегда черезъ худшее,—*и ядъ въ медицинѣ бываетъ полезенъ*. Однимъ только тупицамъ или пройдохамъ прилично указывать съ торжествомъ на бѣдность крестьянъ послѣ освобожденія, на усиленное ихъ пьянство послѣ уничтоженія откуповъ... черезъ худшее къ хорошему»?

Вотъ какое внутреннее противорѣчіе нашелъ въ славянофильствѣ Тургеневъ. Славянофильство, хочетъ онъ сказать, есть напрасная забота, ненужная идея; ибо именно тотъ, кто вѣритъ въ своеобразіе русскаго народа, въ его здоровый желудокъ, тотъ не долженъ бояться заимствованій. Человѣкъ, вѣрующій въ народъ, не можетъ думать, что отъ него зависитъ то, каковъ этотъ народъ и что изъ него будетъ; слѣдовательно не станетъ напрасно безпокоиться. Самая подражательность есть народная черта, и слѣдовательно славянофилы, возставая противъ нея, возстаютъ противъ самихъ себя, противъ своеобразія русскаго народа. Словомъ, славянофильство приходитъ къ какому-то невѣрію въ народныя силы, тогда какъ западничество будто бы твердо въ нихъ вѣритъ»...

[1]) По поводу критики Страхова, г. Буренинъ замѣчаетъ: «Почтенный критикъ дѣлаетъ, кажется, ошиб-

---

[1]) В. Буренинъ. «Литературная дѣятельность Тургенева».

ку въ одномъ: онъ считаетъ «печальную исторію» героевъ тургеневскаго романа сущностью «Дыма», тогда какъ правильнѣе было бы считать ее только поводомъ для разоблаченія тѣхъ жизненныхъ теченій, среди которыхъ она разыгрывается и къ которымъ она привязана, по правдѣ сказать, довольно внѣшнимъ образомъ. Одно изъ этихъ теченій—заимствую у почтеннаго критика его мѣткое и остроумное выраженіе—есть «воздушная революція», другое—не менѣе воздушная реакція. На изображеніе этихъ двухъ теченій въ романѣ Тургеневымъ потрачено немного страницъ—гораздо менѣе, чѣмъ на изображеніе интимной драмы героя и героини—но несомнѣнно, что именно эти страницы составляютъ существеннѣйшее содержаніе романа, его основной мотивъ, даже, если такъ можно выразиться, самыя высокія ноты этого мотива, въ свое время «ударившія по сердцамъ съ невѣдомою силой», да и до сихъ поръ еще звучащія волнующимъ отголоскомъ. Въ изобличеніи пустоты, пошлости и грубости, въ изобличеніи несостоятельности двухъ мнимыхъ общественныхъ «партій», существованіе которыхъ на родной почвѣ обусловливалось въ то время, да быть можетъ и теперь еще обусловливается, не столько нашимъ естественнымъ внутреннимъ ростомъ, сколько нравственною расшатанностью и отрѣшенностью отъ народныхъ идеаловъ, отъ простого и здраваго дѣла на пользу народа и родной земли—въ изобличеніи этихъ партій заключается настоящій замыселъ романа. Это изобличеніе сдѣлано Тургеневымъ съ большою силою сатирическаго негодованія, съ художественною сжатостью и сосредоточенностью и главное съ тѣмъ «ума холоднымъ наблюденьемъ», которое соста-

вляетъ одинъ изъ выдающихся оригинальныхъ признаковъ дарованія нашего художника. Одинаковая степень презрѣнія къ той и другой «партіи», къ обоимъ теченіямъ, въ періодъ появленія «Дыма» наполнявшимъ русскую жизнь призрачной борьбой, одинаковая степень проницанія въ ихъ поверхностную тревожность и внутреннюю пустоту, даетъ Тургеневу самыя подходящія сатирическія краски, самые яркіе штрихи для оттѣнка отрицательныхъ явленій, воспроизводимыхъ имъ съ неумолимою суровостью и правдивостью художника.

Либеральная критика въ то время, когда появился «Дымъ», считала преступленіемъ со стороны Тургенева, что онъ осмѣлился выставить россійскаго политическаго дѣятеля въ образѣ Губарева. Это неправда, озлобленная клевета, кричала тогда критика. Увы, эти крики были неправдою, и художникъ, къ несчастью, не клеветалъ, а воспроизводилъ факты, реальность которыхъ теперь нельзя отрицать: развѣ мы не видѣли во очію превращенія милыхъ прогрессивныхъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ въ настоящихъ Держимордъ?... А остальные «дѣятели» губаревскаго заграничнаго кружка—развѣ они не существовали не только въ дни нашей «воздушной революціи», но и позднѣе; мало того, развѣ они и теперь еще не существуютъ? Этотъ господинъ Бамбаевъ, вѣчный жалкій прихвостень всякой компаніи, прихвостничество котораго въ послѣдней степени нисходитъ даже до роли простого шута—развѣ онъ не всегда былъ, есть и будетъ на Руси? Юный либеральный мыслитель Ворошиловъ, начитавшійся безъ толку всякихъ книжекъ, который «однимъ духомъ» выбрасы-

ваетъ имена Дрепера, Фирхова, г-на Шелгунова, Бина, Гельмгольца, Стара, Стура, Реймонта, Іоганна Миллера физіолога, Іоганна Миллера историка, очевидно, смѣшивая ихъ, Тэна, Ренана, г. Щапова, а потомъ Томаса Ниша, Пиля, Грина, «предшественниковъ Шекспира, относящихся къ нему, какъ отроги Альпъ къ Монблану»—развѣ это не типическій представитель большинства мнимонаучнаго направленія шестидесятыхъ годовъ? А Титъ Биндасовъ, «съ виду шумный буршъ, въ сущности кулакъ и выжига, по рѣчамъ террористъ, по призванію квартальный, другъ россійскихъ купчиковъ и парижскихъ лорстокъ, лысый, беззубый, пьяный», занимающій у всѣхъ направо и налѣво и никогда не заботящійся объ отдачѣ—развѣ это не «нашъ общій другъ» во всякой либеральной кликѣ? А великолѣпная, неподражаемая Матрена Суханчикова, преемница Евдокіи Кукшиной, образцовая представительница либерально-кружковаго сплетничества, съумѣвшая образовать на Руси собственную партію «матреновцевъ» въ количествѣ двухъ человѣкъ, съ которыми она и уѣхала въ Португалію—развѣ до сихъ поръ у насъ мало такихъ Матренъ?

[1]) Всѣ читали и, конечно, всѣ замѣтили безотрадный, безнадежный взглядъ на русскую жизнь, высказанный въ повѣсти. Въ рѣчахъ Потугина, которымъ нѣтъ никакого противовѣса, и которыя вполнѣ согласуются и съ названіемъ повѣсти, и съ ея общимъ заключеніемъ, *все русское—дымъ*, Россія представлена страною, безплодно существовавшею на свѣтѣ и не представляющею никакихъ силъ, никакихъ зачатковъ для будущаго. Такою она является предъ лицомъ за-

[1]) «Отечественныя Записки» 1867 г. № 5.

падной *цивилизаціи*... Мысль, на которую столько намековъ разбросано въ повѣсти Тургенева, не только не составляетъ ничего новаго, но была нѣкогда выражена съ несравненно большею глубиною и полнотою, и наше умственное движеніе давно уже переросло ее... «Отрицаніе смысла русской жизни въ сравненіи съ жизнію Европы»—таково именно было содержаніе «философическаго письма» Чаадаева, появившагося въ 1836 году въ «Телескопѣ», издававшемся подъ редакціей Надеждина. Письмо это есть классическое произведеніе нашей литературы, одинъ изъ ея вѣковѣчныхъ памятниковъ, потому что никогда и нигдѣ въ нашей литературѣ мысль, о которой мы говоримъ, не была выражена съ такою полнотою, глубиною и отчетливостью...

Въ тургеневской повѣсти есть еще другая мысль, повидимому, болѣе современная и болѣе правильная. Это мысль о шаткости нашего умственнаго развитія, о непрочности всѣхъ нашихъ идей и направленій, о ихъ быстрой, ничего недостигающей смѣнѣ. «*Вѣтеръ перемѣнился въ другую сторону*»... Но и эта замѣтка во многихъ отношеніяхъ не ускользнула отъ того-же Чаадаева... Хотя у насъ и много дыму, много людей и понятій, ни къ чему не прикрѣпленныхъ и носящихся по волѣ вѣтра, но не все русское—дымъ. У насъ есть литература, есть послѣдовательное, правильное умственное движеніе, которое не можетъ повернуть назадъ, а можетъ только шире и шире развивать все тѣже задатки.

[1]) Въ «Дымѣ» всѣ вопросы поставлены на самую нетвердую позицію, хотя окружены обаяніемъ и цвѣтами поэзіи. Но увы, цвѣты тутъ не пригодились, по-

[1]) Соловьевъ. «Искусство и Жизнь», ч. 2.

эзія не пошла въ прокъ и вмѣсто дыма явилась копоть. Да, прокоптѣлъ, сильно прокоптѣлъ романъ г. Тургенева отчужденіемъ ко всему чисто русскому. Что значитъ напримѣръ эти фразы Потугина!—

«Въ наличности ничего нѣтъ у насъ. Русь цѣлые десять вѣковъ ничего своего не выработала, ни въ управленіи, ни въ судѣ, ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ, ни даже въ ремеслѣ (другой изъ неопытныхъ, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что это такъ,—съ такой увѣренностію сказаны эти слова)... Да-съ, я западникъ, преданъ Европѣ, т.-е., говоря точнѣе, я преданъ образованности, надъ которою у насъ такъ мило потѣшаются, цивилизаціи.... Это слово лучше... и понятно, и чисто, и свято, а другія всѣ, народность тамъ, слава кровью пахнутъ».—«Безъ цивилизаціи нѣтъ и поэзіи... Разверните наши былины, наши легенды».

За этимъ слѣдуетъ презрительный отзывъ о произведеніяхъ нашей народной поэзіи, котораго мы уже приводить не будемъ. Догадываетесь ли вы, читатель, какъ горячо, неосторожно рвалось здѣсь перо автора? Безъ цивилизаціи нѣтъ и поэзіи; но вѣдь цивилизація есть атмосфера, образующаяся отъ болѣе или менѣе полнаго развитія науки, поэзіи и практическаго труда; значитъ, какъ же можно сравнить частное съ цѣлымъ? Понятіе цивилизація не заключаетъ, наконецъ, въ себѣ ничего абсолютнаго: есть цивилизаціи китайская, японская и т. д. И къ чему можетъ служить это предпочтеніе одного слова другому? Мнѣ лучше нравится слово цивилизація, чѣмъ слово народность. Да мало ли кому у насъ что нравилось. Было время, когда въ нашихъ журналахъ на каждой страницѣ по пяти разъ попадалось слово польза, у другихъ точно прилипло къ языку

слово реализмъ, а третьи чуть было не оглушили народъ, крича во все горло Бокль, Бокль! И докричались, наконецъ, до того, что всѣмъ стало тошно. Мы никогда не забудемъ того забавнаго случая, совершившагося при насъ, когда разъ одна молодая особа произнесла слово Бокль въ присутствіи своей простой, необразованной и ворчливой матушки. Старуха, сидѣвшая до того времени смирно и молча, вдругъ оживилась.—Знаю я этого мошенника, мерзавца, подлеца! заговорила она, воображая, что рѣчь идетъ объ одномъ изъ петербургскихъ знакомыхъ ея дочери: до того часто произносили при ней это имя. Ужели многоуважаемый И. С. Тургеневъ желалъ бы, чтобы слово цивилизація пошло также въ ходъ. И почему онъ думаетъ, что слово народность пахнетъ кровью, почему дѣлаетъ устами своего героя такой странный отзывъ о произведеніяхъ нашей народной поэзіи? На это у насъ ужъ и возраженій не хватаетъ. Родное дѣтище возстало противъ почвы, которая его вскормила, противъ звуковъ родины, заронившихъ съ дѣтства въ его душу идею гармоніи! И это сказано авторомъ «Бѣжина луга» и другихъ почти безсмертныхъ по своей простотѣ вещей. Вотъ оно, что значитъ цивилизація! И не понимаемъ мы, какъ достаетъ духу смѣяться надъ произведеніями, сохранившимися не въ печати, не въ роскошныхъ изданіяхъ заграничнаго формата, а въ устахъ народа. Вѣдь это тоже, что смѣяться надъ самой природой. Наша природа, наши русскіе виды, наши неоглядныя поля, дремучіе лѣса и многоводныя рѣки диктовали простолюдину эти пѣсни... Хотя у насъ и возможны вообще личности, которыя такъ думаютъ и такъ говорятъ, какъ Потугинъ, но словъ

этихъ господъ нельзя оставить такъ, не давши имъ приличнаго ярлыка или вразумленія, особенно еще въ нашемъ шатающемся обществѣ. Что же послѣ этого станутъ у насъ говорить тѣ, для которыхъ и народность, и народныя пѣсни, и русское искусство, и талантливость всегда были хуже горькой рѣдьки. Вѣдь г. Тургеневъ долженъ же знать, что слова и фразы его реалиста Базарова чуть было не положили въ основу цѣлаго журнала.

[1]) Изъ всѣхъ сужденій, возникшихъ по поводу «Дыма», наибольшаго вниманія заслуживаетъ то, которое называетъ романъ не вполнѣ справедливымъ. Въ основаніе этого мнѣнія положены слѣдующія соображенія. Авторъ, взявшійся за изображеніе нравственнаго быта нашего, представляетъ одну только сторону его, менѣе важную, и забылъ о другой, существенной сторонѣ его, которая одна только надлежащимъ образомъ его и выражаетъ. Пускай не отговаривается онъ тѣмъ, что имѣлъ въ виду положеніе дѣлъ и умовъ въ 1862 году, когда много задачъ, теперь поднятыхъ русскою жизнію, много великихъ начинаній, теперь приводимыхъ въ исполненіе ею, еще не стояли на очереди. Пониманіе этой серьезной стороны общественнаго быта нашего должно было, все-таки, сказаться въ духѣ и настроеніи романа, но оно тамъ не сказалось. Романъ не справедливъ и потому, что въ своей характеристикѣ лицъ и партій умалчиваетъ о важныхъ заслугахъ обществу, сдѣланныхъ нѣкоторыми изъ нихъ, и поддается искушенію представлять ихъ на основаніи уже обветшалыхъ воззрѣній на ихъ дѣло.

---

[1]) П. Анненковъ. «Вѣстникъ Европы» 1867 г. № 6.

Затѣмъ въ романѣ есть черты, позволяющія думать, что авторъ заподозрѣваетъ даже духовную сущность русскаго народа, его силы и способности, умѣвшія создать, однакожъ, наше громадное государство. Вообще на послѣднемъ произведеніи Тургенева лежитъ отпечатокъ того отрицанія, которое можно назвать *заграничнымъ* отрицаніемъ русской жизни и которое разнится съ домашнимъ, туземнымъ ея отрицаніемъ тѣмъ, что боится малѣйшей живой и свѣжей черты, такъ какъ всякая подобная черта уже не укладывается въ отвлеченное, мертвое, закостенѣлое представленіе русскихъ порядковъ и должна быть устраняема имъ, для собственнаго его спасенія, всѣми силами и средствами.

[1]) Если мы возьмемъ массу обыденныхъ тружениковъ: учителей, медиковъ, адвокатовъ, ученыхъ, технологовъ и проч., самый ограниченный изъ всѣхъ ихъ навѣрно окажется гораздо положительнѣе, устойчивѣе, а главное дѣло честнѣе Литвинова въ своихъ отношеніяхъ и къ труду, и къ любимой женщинѣ. А между тѣмъ г. Тургеневъ положительно сочувствуетъ Литвинову, какъ хорошему человѣку, сочувствуетъ съ первой страницы и до послѣдней... Въ одномъ мѣстѣ своей повѣсти онъ имѣетъ даже поползновеніе оправдать дрянность своего героя общею ссылкою на природу, на которую обыкновенно ссылаются, когда хотятъ что-нибудь оправдать: «людямъ положительнымъ, говоритъ онъ, въ родѣ Литвинова, не слѣдовало бы увлекаться страстью... Но природа не справляется съ логикой, съ нашей человѣческой логикой; у ней есть

---

[1]) А. Скабичевскій. «Отечественныя Записки» 1868 г. № 1.

своя, которую мы не понимаемъ и не признаемъ до тѣхъ поръ, пока она насъ, какъ колесомъ, не «переѣдетъ». Что же за причина, что г. Тургеневъ такъ сочувственно относится къ Литвинову, тогда какъ этотъ Литвиновъ не выдерживаетъ самой снисходительной критики, по сравненію его съ дѣйствительно хорошими и здоровыми элементами нашей жизни? Причина очень простая... до 40-хъ годовъ вся русская образованность ограничивалась одною средою; на эту среду глядѣли, какъ на средоточіе, какъ альфу и омегу всего русскаго. Все, что говорилось и писалось—писалось объ этой средѣ и для нея. Все, что не принадлежало къ этой средѣ, третировалось съ презрительною насмѣшкою и въ рѣдкихъ случаяхъ съ тѣмъ высокомѣрнымъ снисхожденіемъ, которое почему-то называлось гуманностью къ низшимъ. Проведя первые годы своей юности, своего развитія подъ вліяніемъ такого порядка, г. Тургеневъ такъ свыкся съ нимъ, что не могъ отъ него отрѣшиться, не смотря даже на то, что подъ вліяніемъ 40-хъ годовъ усвоилъ отрицательный взглядъ на эту среду. У г. Тургенева слились вмѣстѣ два взгляда: взглядъ на извѣстную среду, какъ на средоточіе всего русскаго, и въ то же время взглядъ на эту среду, какъ на нѣчто дряблое, растлѣнное, изжившееся. Изъ подобнаго слитія двухъ взглядовъ слѣдуетъ прямой результатъ: если по жизни и нравамъ одной среды мы будемъ заключать о жизни и нравахъ всего общества, и если эта жизнь представится намъ выдохшеюся, а нравы дрянными, въ такомъ случаѣ мы невольно придемъ къ выводу, что и все общество никуда не годится. Вотъ чѣмъ только и можно объяснить постоянное сѣтованіе г. Тургенева, проходящее

по всѣмъ его произведеніямъ, о томъ, что у насъ нѣтъ хорошихъ людей, что не только русское племя, но и всѣ вообще славяне страдаютъ отсутствіемъ силы воли и т. п... Чтобы судить справедливо о цѣломъ обществѣ, нужно прежде всего тщательно и всесторонне изучить это общество во всѣхъ его слояхъ и положеніяхъ, нужно до такой степени умственно отрѣшиться отъ своей среды, чтобы быть въ состояніи сравнивать безпристрастно жизнь и нравы разныхъ слоевъ. Г. Тургеневъ, сжившись съ своею узенькою средою, изучивъ нравы одного только слоя общества, по этому слою берется заключать обо всемъ обществѣ. И посмотрите, въ какой просакъ попадаетъ онъ на каждой страницѣ своей повѣсти. Между прочимъ, онъ взялся въ своемъ произведеніи покарать либераловъ. Ну, чтожь, прекрасно. Очень можетъ быть, что либерализмъ этотъ— такая язва на русской почвѣ, что необходимо распутать всѣ его хитро-сплетенныя нити и вырвать это зло съ корнемъ. Это подвигъ вполнѣ достойный русскаго писателя и весьма обыкновенный на Руси, когда писателю перешло за 50 лѣтъ и когда онъ пересталъ уже сожигать то, чему поклонялся, и начинаетъ вновь поклоняться тому, что сожигалъ. Что же дѣлаетъ г. Тургеневъ для наказанія либераловъ? Онъ изображаетъ нѣсколько личностей, судя по его описанію, дѣйствительно пошлыхъ и дрянныхъ. Всѣ они прикидываются людьми что-то дѣлающими, но въ сущности они ничего не дѣлаютъ и фланируютъ за границей точно такъ же, какъ Литвиновъ и окружавшіе Ирину генералы. Г. Тургеневъ выставляетъ особенно на видъ, что Губареву его либерализмъ не мѣшалъ владѣть имѣньемъ посредствомъ братца-дантиста, а

Ворошиловъ кончаетъ со своимъ либерализмомъ тѣмъ, что поступаетъ вновь на военную службу. Все это нисколько не удивительно; очень можетъ быть, что г. Тургеневъ взялъ всѣ эти личности изъ дѣйствительности, нисколько не исказивъ и не окаррикатуривъ ихъ. Но чтожь въ этомъ? Вы видите наглядно, что всѣ эти личности относятся все къ тому же разряду, къ какому принадлежитъ и Литвиновъ, и Потугинъ, и всѣ прочія. Но подобно тому, какъ нельзя судить о всеобщей жизни общества по одной средѣ, такъ нельзя судить и о либерализмѣ по тому, какъ этотъ либерализмъ проявляется въ этой средѣ. Для того, чтобы составить вѣрное понятіе о либерализмѣ на Руси, нужно опять-таки изучить, какъ проявляется онъ во всѣхъ слояхъ общества, и въ особенности въ такихъ слояхъ, гдѣ онъ является не какъ забава и игра въ кошки-мышки отъ нечего дѣлать, а естественно возникаетъ изъ самой жизни, гдѣ онъ явился бы самъ собою, и безъ вліянія запада, какъ неизбѣжное добро или зло, смотря по убѣжденіямъ писателя. И только послѣ такого изученія писатель имѣетъ право карать либерализмъ или преклоняться предъ нимъ. А если писатель не захочетъ приложить къ своему труду добросовѣстнаго изученія, если онъ мечтаетъ, что достаточно одного непосредственнаго творчества, чтобы быть судьею и карателемъ надъ всѣмъ обществомъ, въ такомъ случаѣ пусть ужъ онъ лучше всего ограничивается анализомъ любви, предметомъ, судя по всѣмъ произведеніямъ Тургенева, болѣе всего извѣстнымъ ему; пусть онъ знаетъ напередъ, что его караніе либерализма не принесетъ никакого вреда либерализму и никакой пользы тѣмъ людямъ, во имя кото-

рыхъ онъ караетъ либерализмъ, а окажется холостымъ выстрѣломъ въ воздухъ, ради потѣхи праздной толпы.

[1]) Мы находимъ, что Литвиновъ слабо отвѣчалъ Потугину, когда, въ видахъ охлажденія его восторга къ иноземнымъ чудесамъ развитія и къ матеріаламъ для нашего подраженія, существующимъ въ Европѣ—указалъ ему только на игорные дома и на толпу *кокодесокъ*, французскихъ остроумцевъ и нашихъ князей, и дворянъ, ихъ окружающую. Благодаря слабости возраженій, можно подумать, будто Литвиновъ считаетъ игорные дома единственнымъ пятномъ Европы: отсюда такой выводъ, что если Пруссія и Бельгія согласятся, напримѣръ, закрыть ихъ на своихъ территоріяхъ, то никакого пятна на Европѣ уже не останется болѣе... Но, можетъ остаться — и это всего вѣрнѣе, что Литвиновъ, предлагая слабое свое возраженіе, невольно чувствовалъ, что собесѣдникъ его (Потугинъ) говоритъ не о той Европѣ, которой мы подражаемъ, а о той, *которую мало видимъ и почти не знаемъ*. Боже мой! Какая же это *малоизвѣстная намъ Европа*, намъ, исколесившимъ ее во всѣхъ направленіяхъ и изучившимъ ее болѣе своей родины? Да вотъ та самая, *на которую авторъ романа только и указываетъ своимъ читателямъ чрезъ посредство Потугина*. Отличіе отъ видимой Европы состоитъ въ томъ, что посреди множества отрицательныхъ часто, возмутительныхъ явленій своего быта, иногда подъ гнетомъ давленія матеріальной силы, еще далеко не устраненной ею, иногда въ пылу національныхъ увлеченій, подвигающихъ ее на вопіющія несправедливости — *она занята устройствомъ*

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1867 г. № 6.

человѣческой личности, ближайшей среды, ее окружающей и возвышеніемъ духовной природы человѣка вообще. Нашимъ туристамъ къ Европѣ (да и однимъ ли туристамъ) кажется, что знаменитые ея университеты, богатѣйшая литература и музеи, сохраняющіе геніальныя произведенія искусствъ, направлены къ тому, чтобы украшать жизнь, и безъ того достаточно красивую, избранныхъ классовъ или производить какъ можно больше ораторовъ, депутатовъ, профессоровъ, ученыхъ и писателей, между тѣмъ какъ они служатъ орудіемъ у той *малоизвѣстной намъ* Европы, о которой говоримъ,—*поднять мысль* самаго послѣдняго человѣка въ государствѣ. Генрихъ IV по свидѣтельству, впрочемъ крайне подозрительному, своихъ современниковъ, опредѣлилъ назначеніе внутренней и внѣшней политики Франціи единственною цѣлію—доставить каждому изъ его подданныхъ возможность имѣть по праздникамъ «курицу» на своемъ столѣ. Съ тѣхъ поръ, кромѣ этой «курицы», вошедшей въ программы всѣхъ европейскихъ правительствъ, *мало извѣстная намъ Европа* нашла и *другое назначеніе для политики государствъ.* Главной ея задачей она поставляетъ *точное, общедоступное опредѣленіе идей нравственности, добра и красоты,* и такое распространеніе ихъ, которое могло бы самому скромному и темному существованію выйти изъ сферы животныхъ инстинктовъ, воспитать въ себѣ чувства справедливости, благорасположенія и состраданія къ другимъ, понять важность разумныхъ отношеній между людьми и наконецъ получить способность *къ прозрѣнію «идеаловъ» единичнаго, семейнаго и общественнаго существованія.* Послѣдняя часть задачи, не во гнѣвъ будь сказано нашимъ реалистамъ,

считается при этомъ и самой важной, существенной ея частью. На сколько успѣла эта, въ половину скрытая отъ насъ, Европа осуществить *свою неписанную, нигдѣ незаявленную*, но тѣмъ не менѣе страстно исполняемую *программу*—составляетъ другой вопросъ, хотя признаки *таинственной работы*, ею производимой, обнаруживаются уже и для глазъ, малоразличающихъ предметы, которые имъ сначала не указаны. Появленіе у насъ такихъ энтузіастовъ иноземщины, какъ Потугинъ, объясняется именно тѣмъ, что они успѣли *прозрѣть эту*, а не другую *какую-либо Европу*; да подъ ея же вліяніемъ написанъ и разбираемый нами романъ».

По поводу этого г. Страховъ говоритъ: [1] «Очевидно толки, о будущности Европы, въ которые пустился П. В. Анненковъ, о таинственной работѣ, незаявленной программѣ и проч., имѣетъ тотъ же смыслъ, какъ и толки о будущности Россіи, надъ которыми такъ потѣшаются Тургеневъ и его Потугинъ. Эти толки значатъ, что въ *наличности ничего нѣтъ* у Европы... Напирая такъ сильно на неписанныя программы и таинственныя задачи, критикъ только даетъ разумѣть, что явныя и имѣющія въ дѣйствительности силу начала европейской жизни никуда не годятся. Онъ прибѣгъ къ будущему потому, что принужденъ отречься отъ настоящаго. Онъ вынужденъ сдѣлать поправку къ словамъ Тургенева, растолковать читателямъ, что поколѣніе должно относиться не къ нынѣшней, видимой и извѣстной Европѣ (таковъ однако же прямой и несомнѣнный смыслъ *Дыма*), а къ

[1]) «Заря» 1871 г. № 2.

будущей, возможной, вѣроятной, таинственно-работающей, невидимой, неизвѣстной... Въ образахъ—Тургеневъ нигдѣ и никогда не рѣшался противопоставить западную жизнь русской жизни. Онъ ни разу не выводилъ на сцену европейцевъ съ тою цѣлію, чтобы противопоставить ихъ, какъ примѣръ и поученіе, русскимъ людямъ. (Въ такомъ смыслѣ выведенъ у графа Алексѣя Толстаго въ «Царѣ-Борисѣ» королевичъ женихъ Ксеніи, у Лажечникова «Басурманъ»). Напротивъ вездѣ, гдѣ у Тургенева являются западные люди, нѣмцы, французы, поляки и даже другіе наши братья славяне, онъ вездѣ съ величайшею тонкостью схватываетъ тѣ неуловимыя отвлеченными понятіями черты, по которымъ душевный складъ этихъ чужихъ людей намъ непремѣнно является ниже русскаго душевнаго склада. Чѣмъ, кажется, дуренъ болгаринъ Инсаровъ въ «Наканунѣ»? А между тѣмъ и онъ развѣнчанъ, какъ всѣ другіе герои Тургенева и даже болѣе другихъ. Въ немъ отсутствуетъ та русская мягкость сердца и широта ума, которыми отличаются Берсеневъ и Шубинъ. Вспомните нѣмокъ и нѣмцевъ, выводимыхъ на сцену Тургеневымъ; они всѣ комичны, всѣ жалки и грубы, сообразно нашему народному представленію, всегда находящему въ нѣмцѣ что то смѣшное. Вспомните поляка графа Малевскаго въ «Первой любви»; да, наконецъ, вспомните весь Парижъ въ «Призракахъ» и весь Баденъ-Баденъ въ самомъ «Дымѣ»: Потугинъ не даромъ называетъ его *противнымъ*; противенъ онъ, очевидно, и Тургеневу; противнымъ онъ и нарисованъ. Гдѣ же тутъ поученіе для русскихъ людей? Гдѣ та западная жизнь, которой намъ слѣдуетъ подражать, которая должна быть намъ примѣромъ?

А съ какою любовью, съ какою нѣжною симпатіею нарисованы у Тургенева многія лица, въ которыхъ нѣтъ ничего ни западнаго, ни западническаго! Лиза «Дворянскаго Гнѣзда», Маша «Затишья», «Ася», «Хорь и Калиничъ», «Касьянъ съ Красивой Мечи» и проч., и проч.—гдѣ же тутъ западныя начала, при чемъ тутъ жизнь Европы и выработанные ею результаты? Тайное сочувствіе къ русскому складу ума и сердца, къ нравственнымъ началамъ, которыми сложилась и держится русская жизнь, безпрестанно сквозитъ у Тургенева.

И вообще, если взять въ цѣломъ произведенія Тургенева, то ихъ придется истолковать въ смыслѣ отнюдь неблагопріятномъ западничеству. Рисуя наше общество, давая образы представителей нашего прогресса, Тургеневъ, въ силу правдивости, всегда присущей поэзіи, изобразилъ намъ общество больное и представителей несостоятельныхъ. Онъ не прославилъ людей, оторвавшихся отъ своей почвы, а скорѣе обличилъ ихъ; его «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда» и «Лишніе люди» вошли въ пословицу...

ЛИТВИНОВЪ.

[1]) Литвиновъ является наблюдателемъ нравовъ баденъ-баденскаго нигилизма du grand monde—наблюдателемъ, въ свою очередь, приходящимъ въ ужасъ. Но что же такое онъ самъ—не *новый* ли человѣкъ? Литвиновъ, несомнѣнно, со стремленіями къ дѣльности, къ производительному труду въ духѣ новыхъ потреб-

[1]) О. Миллеръ. «Бесѣда» 1871 г. № 12.

ностей, и даже къ народности—не въ любозвоновскомъ или ситниковскомъ, не въ пустозвонномъ, а въ дѣльномъ смыслѣ. Но все же онъ—слабая личность, человѣкъ, чуть не поставившій жизни на карту женской любви, слишкомъ долго служившій игрушкою какой нибудь великосвѣтской Иринѣ...

[1]) Литвиновъ, не смотря на множество добрыхъ качествъ, которыми наградилъ его авторъ, лицо довольно блѣдное. Онъ много говоритъ умныхъ вещей, сильно чувствуетъ, но въ немъ мало жизни, ему не достаетъ красокъ. Хотя по назначенію своему онъ и дѣловой человѣкъ, технологъ, но въ сущности принадлежитъ къ разряду лишнихъ людей. По его жизни также проѣхала колесомъ непрошенная страсть, и если онъ уцѣлѣлъ, то это не въ силу своей натуры, а благодаря добротѣ автора, женившаго его подъ конецъ на скромной дѣвушкѣ. Литвиновъ когда-то въ годы студенчества любимъ былъ Ириной; но она, разъ попавъ на великосвѣтскій балъ, до того была ослѣплена успѣхомъ, который произвела ея красота, что сейчасъ же согласилась на предложеніе своего знатнаго родственника князя—переѣхать въ Петербургъ. Вихрь свѣтской жизни увлекъ такимъ образомъ отъ него Ирину: послѣ она вышла замужъ за молодого генерала, въ этомъ-то положеніи десять лѣтъ спустя и встрѣтилъ ее Литвиновъ въ Баденъ-Баденѣ. Старая привязанность вспыхнула и вышелъ романъ.

[2]) По всей вѣроятности г. Тургеневъ въ поступкѣ Литвинова хотѣлъ изобразить героизмъ, что вотъ, молъ,

---

[1]) Н. Соловьевъ. «Искусство и Жизнь», ч. 2.

[2]) Скабичевскій. «Отечественныя Записки» 1868 г. № 1.

человѣкъ съ какими силами: ужъ если полюбилъ, то полюбилъ такъ сильно, что долженъ былъ оставить и университетъ, и Москву, чтобы вылечиться отъ своей страсти. А вышелъ-то вовсе не сильный человѣкъ, а какое-то дрянцо, которое не могло раздѣлаться съ любовьишкою, когда окончательно разочаровалось въ этой страстишкѣ. Было наивное время, когда считали героями тѣхъ праздныхъ и дрянныхъ фатовъ, которые, въ отчаяніи отъ неудачной любви, уѣзжали на тотъ гибельный Кавказъ или пускались во всѣ тяжкія. Было время, когда сильная страсть къ женщинѣ, доводящая человѣка до сумасшествія или до самоубійства, почиталась признакомъ избранной натуры. Но это время давно миновало и такія вулканическія страсти возбуждаютъ нынѣ одинъ смѣхъ. Онѣ служатъ признакомъ, что человѣкъ живетъ исключительно жизнію самца и что у него нѣтъ другихъ страстей, которыя уравновѣшивали бы половыя наклонности и не давали бы человѣку забываться до чертиковъ. Такой человѣкъ похожъ на корабль безъ балласта и безъ руля. Онъ носится взадъ и впередъ по волнамъ, куда подуетъ вѣтеръ, и малѣйшій шквалъ можетъ перевернуть его кверху дномъ». Продолжая далѣе разсуждать о неустойчивости Литвинова при встрѣчѣ съ Ириною въ Баденъ-Баденѣ, г. Скабичевскій говоритъ: «Увы, прощай и технологія, и агрономія, и мечта быть полезнымъ всему краю, и Татьяна! Стоило Иринѣ немного пококетничать съ нимъ для того, чтобъ онъ написалъ къ ней такое письмо:

«Моя невѣста уѣхала вчера; мы съ нею никогда больше не увидимся... Я даже не знаю навѣрное, гдѣ она жить будетъ. Она унесла съ собою все, что мнѣ

до сихъ поръ казалось желаннымъ и дорогимъ; всѣ мои предположенія, планы, намѣренія изчезли вмѣстѣ съ нею; самые труды мои пропали, продолжительная работа обратилась въ ничто, всѣ мои занятія не имѣютъ никакого смысла и примѣненія: все это умерло, мое я, мое прежнее я умерло и похоронено со вчерашняго дня. Я это ясно чувствую, вижу, знаю... и нисколько объ этомъ не жалѣю. Не для того, чтобъ жаловаться, заговорилъ я объ этомъ съ тобою. Мнѣ ли жаловаться, когда ты меня любишь, Ирина! Я только хотѣлъ сказать тебѣ, что изъ всего этого мертваго прошедшаго, изъ всѣхъ этихъ, въ дымъ и прахъ обратившихся начинаній и надеждъ, осталось одно живое, несокрушимое: моя любовь къ тебѣ. Кромѣ этой любви, у меня ничего нѣтъ и не осталось; назвать ее моимъ единственнымъ сокровищемъ было бы недостаточно; я весь въ этой любви, эта любовь— весь я; въ ней мое будущее, мое призваніе, моя святыня, моя родина!»... Въ этомъ письмѣ Литвиновъ прекрасно высказался весь, до самаго нутра. Тутъ уже не приходится дѣлать никакихъ предположеній, потому что на лицо факты. Литвиновъ самъ говоритъ, что единственно живое въ его душѣ—любовь къ Иринѣ, а остальное все, т. е., его труды, начинанія, планы, его любовь къ Татьянѣ—все это разсѣялось, какъ нѣчто мертвое. И онъ имѣетъ полное право называть все это мертвымъ: да, дѣйствительно, только любовь къ Иринѣ была живою страстью въ его душѣ; остальное все было мертвое; потому что было надуманное, плодъ холоднаго принципа и усилій воли, посредствомъ которыхъ Литвиновъ принуждалъ себя къ своимъ трудамъ. Если бы это было не такъ, то Литви-

нову не легко было бы разделаться со всѣмъ этимъ: какъ бы ни была сильна страсть его къ Иринѣ, другія страсти заявили бы свое; въ немъ была бы борьба по крайней мѣрѣ... Кой-какую борьбу вы еще замѣчаете въ немъ относительно разрыва съ Татьяной; но что касается до его трудовъ и плановъ, то онъ бросаетъ ихъ, очертя голову, нисколько не раскаяваясь въ этомъ. Мало того, онъ, пристрастившійся къ хозяйству, онъ, только что получившій письмо отъ отца, что имѣнье его въ крайнемъ разстройствѣ, мечтаетъ еще болѣе разстроить его продажею лѣса и разныхъ угодій для того, чтобы ѣхать съ Ириною куда-то въ Бельгію или Швейцарію.

[1]) Характеръ Литвинова важенъ и любопытенъ, въ смыслѣ изъясненія нѣкоторыхъ сторонъ современной нашей исторіи. Къ нему одному Ирина подошла простой, любящей, отчасти даже молящей женщиной, и этого было довольно, чтобы раскрыть прежнія раны его сердца. Да это еще бы ничего. Приближенія ея достаточно было, чтобы уничтожить всѣ здоровыя жизненныя начала и правила, выработанныя имъ съ такимъ трудомъ дома и за границей. Онъ мгновенно сдѣлался тѣмъ, чѣмъ мы его видимъ. Очевидно, честный, строгій къ себѣ и размышляющій Литвиновъ принадлежитъ къ числу русскихъ людей, которыхъ всегда можно застать *въ расплохъ*. Воспоминаніе о первой любви еще плохо объясняетъ въ немъ ту невыразимую степень увлеченія, какой онъ поддался: все-таки по ней прошелъ уже долгій промежутокъ времени, занятый серьезнымъ трудомъ, что должно было

[1]) Анненковъ. «Вѣстникъ Европы» 1867 г. № 6.

умѣрить ея ходъ... Авторъ романа, очевидно, имѣлъ въ виду представить знакомое намъ лицо, русскаго человѣка, приготовляющагося къ какой-то задачѣ, повидимому, весьма твердо намѣченной имъ для себя, который пріобрѣлъ даже всѣ внѣшнія очертанія серьезнаго и порядочнаго человѣка, достигнувъ уже и пониманія условій дѣльнаго существованія на землѣ. Съ обычнымъ своимъ тактомъ, авторъ не говоритъ только, что выйдетъ изъ всего этого добра. Онъ ограничивается указаніемъ въ Литвиновѣ человѣка, такъ сказать, разнородныхъ *возможностей*, и совсѣмъ умалчиваетъ о его вѣрованіяхъ, политическихъ убѣжденіяхъ и проч., потому что все это должно развиться у него съ началомъ жизненнаго труда, когда только и развиваются всѣ вѣрованія и убѣжденія, достойныя вниманія. А затѣмъ авторъ разсказываетъ намъ печальную исторію погибели или, по крайней мѣрѣ, остановки дальнѣйшаго развитія своего героя. Въ самую послѣднюю минуту—въ двѣнадцатый часъ—долгаго европейскаго искуса, пройденаго Литвиновымъ, онъ забываетъ все, къ чему готовился, поворачиваетъ совсѣмъ въ другую сторону и уносится за тридевять земель отъ всѣхъ своихъ цѣлей и намѣреній.

ИРИНА.

[1]) Ирина у Тургенева есть отдѣльный самый живой характеръ, если только можно назвать характеромъ лицо, главною чертою котораго — измѣнчивость, безхарактерность, правда, самая изящная, граціозная,

[1]) Н. Соловьевъ. «Искусство и Жизнь», ч. 2.

чисто женская. Ирина отчасти похожа на Елену. Она тоже нервическая барышня, въ ея тонкихъ, чуть улыбающихся губахъ было что-то своевольное, страстное, опасное для себя и для другихъ. Ирина, какъ и Елена, пользовалась самой неограниченной свободой въ своемъ домѣ, родители чувствовали къ ней даже страхъ. «Ирина бывало бровью пошевельнетъ, сидитъ неподвижно съ злою улыбкой на сумрачномъ лицѣ, а родителямъ ея одна эта улыбка горше всякихъ упрековъ. И чувствуютъ они себя безъ вины виноватыми». Развѣ было когда-нибудь, чтобы она не сдѣлала того, что она захотѣла, думалъ о ней отецъ. Когда она полюбила Литвинова по выходѣ изъ института, то она первая заговорила о любви, а потомъ, разлюбивши первая же и отказалась отъ него. Она граціозно топала ножкой, жала по-мужски руку, нервически дергала свои длинные, мягкіе локоны, у нея нерѣдко выступали слезы отъ досады...

Что же, спрашивается, раздражало такъ ея нервы? Что вообще раздражаетъ нервы нашимъ барышнямъ, нашимъ женщинамъ, такъ легко обращающимся въ нигилистокъ, какъ и въ свѣтскихъ франтихъ? Затворническое воспитаніе. Оно разстроило нервы француженкамъ, оно же повліяло и на нашихъ женщинъ. Ирина была институтка, какъ необыкновенно тонко замѣчено авторомъ; безъ этого важнаго обстоятельства было бы непонятно, почему она такъ быстро оставила свой домъ и такъ внезапно разсталась съ Литвиновымъ, прельстившись свѣтской карьерой. Въ свѣтѣ, разумѣется, нервы ея не успокоились, хотя Ирина и не сдѣлалась окончательно свѣтскою женщиной. Инстинктъ добра все еще былъ въ ней силенъ,

она способна была къ хорошимъ влеченіямъ; но однихъ добрыхъ, хорошихъ инстинктовъ и влеченій недостаточно для жизни: для этого необходимо хоть слѣдъ убѣжденія въ чемъ-нибудь. Ирина же при всемъ богатствѣ ея натуры не руководилась ни чѣмъ, кромѣ прихотей. Посмотрите, какая мѣна благороднѣйшихъ влеченій и самыхъ пошлыхъ, грязныхъ движеній души проявляется въ ея поступкахъ. «Мнѣ ужъ слишкомъ невыносимо, нестерпимо въ этомъ свѣтѣ, говоритъ она Литвинову въ одну изъ сердечныхъ минутъ. Когда я васъ увидѣла, все мое хорошее, молодое во мнѣ пробудилось, то время, когда я еще не выбрала своего жребія... Вы не знаете еще, что это за люди, которые меня окружаютъ. Вѣдь они ничего не понимаютъ, ничему не сочувствуютъ, у нихъ ума даже нѣтъ, а только одно лукавство да сноровка... Не свѣтская женщина передъ вами теперь... я протягиваю къ вамъ руку, какъ нищая». И эта же самая Ирина послѣ, при другомъ настроеніи, когда Литвиновъ, окончательно увлекшійся ею, отказался отъ своей невѣсты, чтобы любить ее всецѣло, съ усмѣшкой вдругъ замѣчаетъ:—«Признаюсь, я хорошенько не понимаю, зачѣмъ это вамъ вздумалось объясниться съ невѣстою», а за этимъ довольно ясно намекаетъ на возможность постоянныхъ свиданій помимо мужа. Но вотъ въ ней опять беретъ перевѣсъ инстинктъ добра. — «Ты видишь, какъ я испорчена, говоритъ она, чуть ли не плача. Спаси меня, вырви изъ этой бездны, пока еще не совсѣмъ погибла. Убѣжимъ отъ этихъ людей... Я сдѣлаю все, что ты прикажешь, пойду всюду, куда ты меня поведешь». Литвиновъ, какъ человѣкъ, не привыкшій прибѣгать къ маленькимъ хитростямъ и

предосторожностямъ въ дѣлахъ любви, требуетъ отъ нея разрыва съ мужемъ. «Могу ли кому позволить располагать тобою, пишетъ онъ къ ней послѣ перваго тайнаго свиданія. Ты будешь принадлежать ему, все существо мое, кровь моего сердца будетъ принадлежать ему, а я самъ... въ сторонѣ зрителемъ. Нѣтъ, это невозможно. Участвовать украдкой въ томъ, безъ чего невозможно дышать... Это ложь и смерть».—«Приходи ко мнѣ сегодня, отвѣчала Ирина на это. Мужъ отлучился на цѣлый день. Твое письмо меня чрезвычайно взволновало». Послѣ этого коротенькаго billet doux между ними опять происходитъ встрѣча: но какія то соображенія и обстоятельства уже удерживаютъ ее отъ прежняго увлеченія, она задаетъ ему сомнительные вопросы,—счастливъ ли онъ будетъ съ нею одною, не будетъ ли жалѣть? При этихъ словахъ, говоритъ авторъ, она нагнулась къ картону съ кружевами и начала перебирать ихъ.—«Не сердись на меня, мой милый, что я въ подобную минуту занимаюсь этимъ вздоромъ... Я принуждена ѣхать на балъ къ одной дамѣ. Мнѣ прислали эти тряпки и я должна выбрать сегодня. Ахъ, мнѣ ужасно тяжело! воскликнула она вдругъ и прижалась лицомъ къ краю картона. Слезы снова закапали изъ ея глазъ». Институтка, настоящая институтка! Послѣ этой сцены Ирина написала къ нему, какъ и можно было ожидать, отказъ и даже уговаривала Литвинова пріѣхать въ Петербургъ за ними, жить тамъ, обѣщала найдти ему занятіе, лишь бы только онъ любилъ ее и жилъ подлѣ. Но даже написавши это возмутительное письмо, Ирина все еще колебалась, оставаться ли ей въ своей средѣ и чуть

было не ушла къ нему опять и даже едва-едва не прыгнула въ вагонъ, когда онъ уѣзжалъ совсѣмъ.

Что же значитъ вся эта быстрая мѣна сильной привязанности и легкомыслія, негодованія противъ свѣта и рабства этому свѣту, колѣнопреклоненія передъ идеями добра и самаго циническаго нарушенія нравственности и чести. Какъ назвать эту безалаберную игру благородныхъ инстинктовъ и низкихъ побужденій, жертвою которой такъ часто дѣлаются женщины? Имя этому прихоти, капризы. И почему нибудь даже о мужчинѣ, неконтролирующемъ своихъ желаній, говорятъ — онъ капризенъ, какъ женщина; значитъ, въ женщинѣ дѣйствительно есть что-то такое, что дѣлаетъ ее ненадежной, не смотря на всю страстную воспріимчивость къ добру и непреодолимое стремленіе къ семейственности. Вѣрованій, убѣжденій нѣтъ въ женщинѣ. Вѣрованія пріобрѣтаются религіей, убѣжденія—серьезнымъ образованіемъ; если же первыя, что не рѣдко случается, вынуты, то что же у нея остается? Образованіе солидное женщины рѣдко получаютъ: имъ большею частью предлагаютъ только обрывки, объѣдки изъ того, что употребляетъ умственно воспитывающійся мужчина. Ну и выходитъ, такимъ образомъ, что женщина остается безъ всякихъ принциповъ. На Ирину по этому слѣдуетъ смотрѣть не какъ на свѣтскую только даму, но и какъ на одинъ изъ типическихъ отпечатковъ той женской слабости, которая составляетъ мученіе многихъ мужчинъ, и въ защиту которой въ послѣднее время выдумали было одно средство—не жениться, не входить ни въ какія постоянныя связи, послѣ которыхъ оставался бы какой слѣдъ, не связывать себя никакими узами, кото-

рыя къ чему бы нибудь обязывали. При этомъ конечно играло роль и преувеличенное понятіе о семейномъ счастіи: отъ семьи ожидали какого-то неизсякаемаго блаженства и черезъ это часто разочаровывали другихъ, тогда какъ положеніе семейное дѣлаетъ только человѣка болѣе осѣдлымъ, сближаетъ его со всѣмъ, что носило на себѣ печать женскаго и дѣтскаго. Морализирующее вліяніе дѣтей на общество несомнѣнно. Дѣти, это сама натура въ ея непосредственномъ, близкомъ въ нашей душѣ проявленіи. Кто не любитъ дѣтей, тотъ не видѣлъ природы человѣческой въ ея первобытной простотѣ. Ласка и игра съ дѣтьми есть въ своемъ родѣ великая школа, которая можетъ возвратить къ естественности самаго неискренняго, испорченнаго человѣка, самую грубую, невоздѣланную натуру. Значитъ, вырываясь изъ домашняго ада, человѣкъ ничего передъ собою не имѣетъ, кромѣ холостого одиночества или безпутства.

[1]) «Что это за женщина? говоритъ Анненковъ:—Трудно себѣ представить болѣе скудный запасъ предметовъ для мышленія въ образованной женщинѣ, при болѣе благородной натурѣ и при болѣе ослѣпительныхъ качествахъ тѣла. За то Ирина и опирается единственно на свой смѣлый, честный и откровенный характеръ, который, однакожъ, не можетъ дать ей, не смотря на всѣ благороднѣйшія порывы ея души,—ничего, кромѣ сознанія своего превосходства передъ другими, да пустыхъ наслажденій гордости и мести. Большая часть прежнихъ героинь Тургенева были, по своему, мыслящія головы (вспомнимъ Асю, Лизу «Дворянскаго гнѣзда»), даже глубоко-мыслящія головы, и читатели, конечно, не за-

[1]) П. Анненковъ. «Вѣстникъ Европы» 1867 г. № 6.

были того обаянія, которое онѣ производили, вообще, на публику, благодаря столько же ихъ женственной граціи, сколько и выраженію своеобычной идеи, игравшей на ихъ физіономіяхъ. Послѣдней черты мы именно и не можемъ уловить въ образѣ Ирины. Она осталась такой, какой вышла изъ рукъ благодатной природы, показавшей въ ней истинно материнскую щедрость: ни семья, ни общество, ни жизнь, ничего ей не дали сверхъ того, и сама она ничего не пріобрѣла. Рѣдко случалось намъ въ литературѣ нашей встрѣчать такое поразительное изображеніе томленій одного страстнаго сердца по какой-то лучшей жизни, къ которой, однакожъ, оно совершенно неспособно. Не пожалѣлъ же авторъ и труда для того, чтобъ достойнымъ образомъ обрисовать этотъ типъ съ двойнымъ его характеромъ, способнымъ дать высокое понятіе о природныхъ, естественныхъ силахъ почвы, его породившей и, въ то же время, обнаружить всю безпомощность ея образованія и недостатокъ воздуха для самаго существованія подобныхъ типовъ... Неожиданная встрѣча въ Баденѣ съ Литвиновымъ, прежнимъ своимъ женихомъ, давно покинутымъ ею, сразу возбуждаетъ въ ней предчувствіе, что въ этомъ случайномъ обстоятельствѣ заключается для нея единственный послѣдній исходъ изъ того состоянія духовнаго сиротства, въ которомъ она находится. Съ невыразимой нѣжностью прильнула она къ воображаемому своему спасителю, Литвинову, и въ награду за первое слово сочувствія, за одинъ призракъ настоящей, полной жизни, за одно обладаніе человѣческимъ обликомъ, отъ котораго она уже отвыкла, Ирина отдается ему вся, со своей честью, со своимъ именемъ и со своей

будущностью. Но сдѣлавъ это, она останавливается. Литвиновъ, пожертвовавшій ей невѣстою и цѣлымъ, уже опредѣленнымъ строемъ жизни, продолжаетъ опрометчивую свою игру и требуетъ отъ нея разрыва съ міромъ, бѣгства и вѣчныхъ связей съ собою. Разница между ними обнаруживается тотчасъ: покуда онъ бродитъ во тьмѣ, она уже умѣетъ трезво распознать, сквозь весь чадъ, и облако неподдѣльной страсти, голую истину: ей невозможно покинуть мѣсто, къ которому она прикована всѣми своими привычками, она способна пожертвовать жизнію, оказать примѣры героической рѣшимости, бороться съ судьбой до послѣдняго издыханія, но только на своемъ, на одномъ—презираемомъ мѣстѣ—и нигдѣ болѣе! На чтò же сводятся послѣ того сношенія Ирины съ Литвиновымъ? Она прямо высказала свой взглядъ на нихъ, ужаснувшій Литвинова, когда предложила ему остаться другомъ ея сердца безъ дальнѣйшихъ условій...

Самый простой, скромный, незатѣйливый жизненный идеалъ помогъ бы ей освободиться, по крайней мѣрѣ, отъ слѣпой привязанности къ внѣшнимъ изысканнымъ формамъ существованія, чего она теперь не въ состояніи сдѣлать при всемъ своемъ умѣ и характерѣ. Нельзя забыть одной сцены романа, когда передъ первымъ своимъ выѣздомъ на балъ въ Москвѣ, рѣшившимъ ея судьбу, Ирина берется за конецъ вѣтки, украшавшей ея молодую голову, и ждетъ только слова Литвинова, чтобъ сорвать ее и отказаться отъ вечера. Въ эту минуту она лучше своего пламеннаго обожателя, тогда еще студента, прозрѣвала будущность и чувствовала, что дѣлаетъ выборъ между простой жизнью, озаряемой любовью и мыслью, и жизнью

въ шумѣ и блескѣ пустыхъ призраковъ; но Литвиновъ не сказалъ ожидаемаго слова, и она ринулась въ потокъ, который принесъ ее въ объятія Ратмирова. Этой превосходной сценѣ можно противопоставить только другую въ концѣ романа, когда, спустя нѣсколько лѣтъ и передъ тѣмъ же Литвиновымъ, успѣвшимъ поумнѣть съ тѣхъ поръ, но все еще много уступающимъ ей въ пониманіи вещей и положенія, Ирина плачетъ искренними слезами любви, раздирая и топча ногами великолѣпныя кружева, съ которыми, однакожъ, разстаться не можетъ. Имѣй эта женщина возможность обрѣсти, съ какой-либо стороны, свѣтлое представленіе жизни, руководящій и обязательный нравственный идеалъ, она, можетъ быть, не сдѣлалась бы непремѣнно Литвиновой, но не была бы и Ратмировой, а главное, не прошла бы всего того, что ей пришлось пройти!

Послѣ всего сказаннаго рождается, самъ собою, вопросъ—откуда же беретъ Ирина эту власть надъ людьми, то неодолимое обаяніе, которое захватило Литвинова тотчасъ, какъ онъ подпалъ снова подъ дѣйствіе этой чарующей силы, которое разбило въ прахъ всѣ его мудрыя предначертанія, и не только разбило ихъ, но заставило его измѣнить еще самымъ священнымъ обязанностямъ, превратило его почти въ лжеца и обманщика. Вмѣстѣ съ Литвиновымъ, конечно, только безъ горестныхъ послѣдствій, имъ испытанныхъ — обаянію этому невольно подчиняется и самъ читатель романа. Одна красота, какъ бы превосходно ни была она изображена писателемъ, не имѣетъ средствъ согласить всѣ мнѣнія и сообщить всѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, значительному большинству читателей одно

и то же ощущеніе, потому что пониманіе и представленіе физической красоты разнообразны до безконечности. Въ Иринѣ подчиняющее начало — есть духъ независимый, который отвѣчаетъ протестомъ и горькимъ обличеніемъ на то, чему она сама уже покорилась; это неумолкаемый гнѣвъ благороднаго сердца противъ пошлости ничтожества, часто обращенный на себя, не заговариваемый ни лестью, ни подкупомъ, ни коварными оправданіями самолюбія. Приближаясь къ Иринѣ, люди испытываютъ такое же чувство, какъ при встрѣчѣ съ опасностью. Отъ этого чувства не былъ свободенъ и Литвиновъ, завязывая съ ней вторичное знакомство, какъ никогда не былъ свободенъ отъ него и мужъ ея.

[1]) Разбирая характеръ Ирины, встрѣтившей Литвинова въ Баденъ-Баденѣ, г. Скабичевскій говоритъ: «Это не та уже Ирина, какую мы видѣли въ началѣ повѣсти. Это уже ненаивная институточка, плачущая надъ своимъ старенькимъ платьецемъ и готовая влюбиться въ перваго студента. Нѣсколько лѣтъ жизни въ большомъ свѣтѣ, жизни, полной разныхъ треволненій и опытовъ, не могли не наложить на нее своей печати. Съ одной стороны, она была слишкомъ умна, чтобы удовлетворяться пошлыми людьми, окружавшими ее, и пошлою жизнію, которою жила. Но съ другой стороны, эта пошлая жизнь успѣла всосать ее: какъ бы ни были велики силы человѣка, данныя ему отъ природы, онѣ могутъ поддерживаться и развиваться только постояннымъ упражненіемъ; такое упражненіе представляютъ силамъ человѣка трудъ и

---

[1]) А. Скабичевскій «Отечественныя Записки» 1868 г. № 1.

борьба во имя какихъ-нибудь идей. Ирина была избавлена и отъ того, и отъ другого. Пустая, праздная жизнь не могла не растлить ея силъ; она привыкла къ этой жизни, привыкла къ отупляющему farniente, къ пошлымъ развлеченіямъ, убивающимъ послѣднія силы, но болѣе всего къ тому растлѣвающему комфорту, при которомъ человѣку не приходится пальцемъ пошевельнуть, чуть что сама пища не летаетъ ему прямо въ ротъ, да еще разжеванная. Нѣтъ ничего мудренаго, что при такихъ условіяхъ изъ нея выработался одинъ изъ тѣхъ типовъ, которые были въ большомъ ходу въ тридцатые года, но которые и теперь еще встрѣчаются при извѣстныхъ условіяхъ: это типъ разочарованной и скучающей барыни, проклинающей среду, и въ то же время неспособной пошевелить пальцемъ, чтобъ выбиться изъ нея. Встрѣча съ Литвиновымъ, въ которомъ продолжала она видѣть человѣка иной среды, послужила для нея новымъ и свѣжимъ впечатлѣніемъ среди монотонной скуки ея жизни. Она увлеклась Литвиновымъ не для того, чтобы промѣнять старую жизнь на новую, а для того, чтобы хоть чѣмъ-нибудь наполнить эту старую жизнь, увлеклась отъ скуки, потому что свѣтскіе ловеласы и пошлые франты пріѣлись ей и ей захотѣлось испытать неизвѣданныхъ впечатлѣній.

ПОТУГИНЪ.

[1]) Самая сильная личность въ «Дымѣ»—это, конечно, Потугинъ; но онъ рѣшительно далекъ отъ того, чтобы быть человѣкомъ новымъ. Это скорѣе одинъ

[1]) О. Миллеръ. «Бесѣда» 1871 г. № 12.

изъ послѣднихъ могиканъ того безшабашнаго западничества, которое въ сущности вытекаетъ изъ прелохвальнаго свойства нашей натуры, но свойства, способнаго вырждаться въ чортъ знаетъ что,—того свойства, которое очень мѣтко опредѣляетъ Базаровъ, говоря, съ обычной своей угловатостью: «Русскій человѣкъ только тѣмъ и хорошъ, что самъ о себѣ прескверпаго мнѣнія». Потугинъ—человѣкъ «священниническаго поколѣнія», которое, при всей чистотѣ своей русской крови, издавна искусилось въ водвореніи у насъ чужого—византійскаго образа, только сильною волей Петра Великаго окончательно замѣненнаго другимъ—западно-европейскимъ.

[1]) Потугинъ собственно не характеръ, а скорѣе тѣнь или болѣе или менѣе вѣрное отраженіе личныхъ мнѣній и чувствованій автора. Хотя беллетристу и нетрудно скрыть свои собственныя идеи подъ видомъ идей и убѣжденій своихъ героевъ; тѣмъ не менѣе для читателя всегда есть полная возможность узнать, насколько личнаго, субъективнаго отражается во фразахъ и рѣчахъ разсуждающихъ въ романѣ лицъ. Потугинъ у Тургенева весь какъ бы сшитъ изъ разсужденій и ихъ вообще такъ много въ романѣ, что, не смотря на всю картинность, живость языка, свойственную перу этого писателя, разсужденія эти, говорю, нарушаютъ ходъ цѣлаго происшествія. Ко всему, что совершается, чѣмъ держится романъ,—длинныя и ловко поставленныя рѣчи Потугина приклеены въ видѣ какой-то критической статьи. Въ статьяхъ критическихъ нельзя, какъ извѣстно, высказываться на

[1]) Н. Соловьевъ. «Искусство и Жизнь», ч. 2.

половину, не рискуя быть принятымъ за лицемѣра: но въ повѣстяхъ можно очень ограничиться, какъ бы ни былъ серьезенъ вопросъ, ими затрогиваемый. И въ этомъ-то ошибка многихъ художниковъ и беллетристовъ, что они, изображая людей, берутся иногда за рѣшеніе задачъ, не допускающихъ никакого вымысла, никакой поэтической ширмы. Если бы, напримѣръ, Тургеневъ попробовалъ разъяснить путемъ серьезной отъ себя рѣчи, а не объективнымъ изображеніемъ, то, что онъ хотѣлъ высказать характеромъ Потугина, то онъ пришелъ бы, быть можетъ, къ другому результату, чѣмъ онъ у него вышелъ.

[1]) По словамъ Анненкова, Потугинъ—«робкій, сосредоточенный въ себѣ полусеминаристъ, полуразночинецъ, который, большею частью, скромно молчитъ, а вступая въ разговоръ съ другими, страшно конфузится при началѣ. Намъ знакома отчасти и его жизнь. Онъ дозволилъ себѣ однажды поползновеніе—правда, также робко, застѣнчиво, какъ все, что онъ дѣлаетъ—возвести изъ низменной сферы, гдѣ онъ влачитъ свое существованіе, молящіе глаза къ верху и помѣстить самое глубокое чувство своего сердца на голову высоко стоявшей надъ нимъ женщины. Что же вышло? Онъ платится за одно это поползновеніе годами покорныхъ и неоцѣненныхъ услугъ, цѣлымъ рядомъ безропотныхъ, молчаливыхъ и нескончаемыхъ жертвъ»... «Потугинъ—отчаянный «*западникъ*», продолжающій лучшія преданія нашей литературы 40 годовъ. Онъ дѣлаетъ это въ эпоху реакціи противъ нихъ, въ то время, когда люди озлобились противъ вѣковѣчнаго,

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1867 г. № 6.

нескончаемаго ученія, на которое присуждались этой литературой, и противъ послушничества, неизбѣжно съ нимъ сопряженнаго. Носить одно прозваніе ученика европейской жизни и цивилизаціи всю жизнь, на безсрочное и неопредѣленное время, сдѣлалось уже не въ моготу русскому образованному міру. Неодолимая жажда повышенія, выхода, въ иное, въ болѣе выгодное и почетное званіе, на какихъ-бы то ни было основаніяхъ и резонахъ, почувствовалась всѣмъ обществомъ сразу. Движеніе имѣло, какъ всякое соціальное движеніе, свою законную причину и свою долю необходимости. Оно было вызвано отчасти надменностію, нестерпимымъ самохвальствомъ ближайшихъ нашихъ учителей изъ нѣмецкой братіи, которая и не скрывала своего презрѣнія къ обществу, опекаемому имъ на всѣхъ пунктахъ. Сюда присоединилось еще и вліяніе кровной ненависти Европы къ государству, которое никогда не жило съ ней общею жизнію, вошло, какъ проходимецъ, въ ея составъ, помимо ея воли и гаданій, и располагаетъ остаться на своемъ мѣстѣ, не слушая ругательствъ и проклятій...

Губаревъ.

[1]) Особенно хорошо у Тургенева изображенъ главный вожака Губаревъ. Немного о нёмъ сказано, но все сказанное такъ и бьется на полотно. Это умѣнье исполнить роль большого прогрессиста и напустить пыли въ глаза малымъ, это неподражаемое вращеніе глазами, краснорѣчивое мм! и это, наконецъ, повер-

[1]) Н. Соловьевъ. «Искусство и Жизнь», ч. 2.

тываніе на каблукахъ и умѣнье уйдти отъ возраженія противника и ни съ того ни съ сего вдругъ перейти къ матеріямъ важнымъ и даже бурѣть отъ благороднаго негодованія—все это черты типичныя, проявляющіяся не только въ жизни, но даже и въ литературѣ. Не вращаютъ ли только глазами всѣ теперешніе вожаки и идолы фельетонистовъ, не бурѣютъ ли они отъ ярости, когда нужно говорить дѣло и не отдѣлываются ли краснорѣчивымъ мм! когда бываютъ разоблачены въ своемъ невѣжествѣ? Очень любопытно также у Тургенева объясненіе тому необыкновенному факту, что необразованная толпа у насъ нерѣдко покоряется самой слабоумной личности въ родѣ Губарева.

ВОРОШИЛОВЪ.

Соловьевъ, между прочимъ, въ своей статьѣ упоминаетъ о Ворошиловѣ: «Какъ крупно-породистый Базаровъ былъ въ свое время снимкомъ съ разныхъ литературныхъ вожатаевъ, такъ и мелкая фигурка Ворошилова есть дагеротипическій снимокъ, хотя, быть можетъ, и безъ умысла, одною только силою свѣта и правды отразившійся на полотнѣ тургеневскаго романа. Въ обыденной жизни такіе субъекты, пожалуй, встрѣчаются рѣдко, но въ сходкахъ. называемыхъ литерутурными кружками, они попадаются зачастую и даже играютъ иногда очень видную роль.

ТАТЬЯНА.

[1]) Татьяна — это типъ доброй, кроткой, недалекой женщины, у которой единственное содержаніе въ жиз-

[1]) А. Скабичевскій. «Отечественныя Записки» 1868 г. № 1.

ни—нѣжная, всепрощающая любовь. Разъ предавшись любимому человѣку, такія женщины любятъ тихою, какъ свѣчка теплящеюся, любовью до гроба и готовы бываютъ простить милому человѣку что угодно. Эта всепрощаемость достойна сожалѣнія; она возбуждаетъ тѣмъ болѣе грустное чувство, что ею обыкновенно пользуются и злоупотребляютъ на каждомъ шагу такіе люди, какъ Литвиновъ...

БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ТУРГЕНЕВА ВЪ ПЕРІОДЪ МЕЖДУ „ДЫМОМЪ" И „НОВЬЮ".

(Страховъ Н., Григорьевъ К., Буренинъ В., Постный (псевдонимъ), (М.) «Русскій Вѣстникъ» 1874 г., Михайловскій Н., Миллеръ О.).

[1]) Десятилѣтній срокъ отдѣляетъ романъ «Дымъ» отъ романа «Новь» — послѣдняго изъ крупныхъ произведеній Тургенева. Въ эти десять лѣтъ Тургеневъ постоянно жилъ вдали отъ родины, на короткое время пріѣзжая иногда въ Россію. Его творчество въ этотъ періодъ очевидно питалось только тѣми матеріалами, которые накопились въ давнихъ воспоминаніяхъ, и не касалось современности, ея тревогъ и колебаній. Почти каждый годъ первая книга журнала «Вѣстникъ Европы» являлась «украшенной» какимъ-нибудь небольшимъ произведеніемъ Тургенева; но эти «украшающія» произведенія не возбуждали уже никакихъ волненій ни въ публикѣ, ни въ литературѣ, не отвѣчали ни на какіе вопросы времени. Даже наиболѣе

[1]) В. Буренинъ. «Литературная дѣятельность Тургенева».

выдающіяся изъ этихъ произведеній, двѣ довольно значительныхъ по объему повѣсти: «Степной король Лиръ» и «Вешнія воды», въ художественномъ отношеніи представляющія истинные шедевры — даже и эти повѣсти не произвели особеннаго впечатлѣнія. А между тѣмъ въ первой изъ нихъ талантъ Тургенева блеснулъ со всею былою силою и выразительностью въ изображеніи оригинальныхъ бытовыхъ картинъ и характеровъ, мастерски задуманныхъ и обработанныхъ. Точно также и отъ «Вешнихъ водъ» вѣетъ всею поэзіею и изяществомъ тургеневскаго творчества самой счастливой, самой лучшей и зрѣлой поры. Мотивъ этой повѣсти уже не разъ былъ затрогиваемъ художникомъ въ прежнихъ произведеніяхъ: въ «Перепискѣ», отчасти въ «Асѣ»; характеръ ея главнаго героя также старый, не разъ воспроизведенный Тургеневымъ характеръ безвольнаго идеалиста сороковыхъ годовъ; но, тѣмъ не менѣе, упомянутый мотивъ въ «Вешнихъ водахъ» варьированъ превосходно. Въ новыхъ варіаціяхъ на знакомую тему художникъ выказалъ бездну свѣжаго чувства, изящества, тонкой психологіи, чудесной живописи, краски которой такъ же ярки и блестящи, какъ въ его молодыхъ работахъ.

Въ продолженіе десятилѣтія, раздѣляющаго «Новь» отъ «Дыма», критика, вообще говоря, холодно относилась къ произведеніямъ Тургенева, точно также какъ и публика. Иногда его маленькіе и болѣе обширные по объему беллетристическіе этюды побранивали, прозрѣвая въ нихъ упадокъ таланта, иногда похваливали, но однако же безъ особеннаго восторга, а больше по привычкѣ, больше за старыя заслуги любимаго писателя. Въ критикѣ тогдашней можно

немного насчитать попытокъ пристальнаго и вдумчиваго истолкованія общаго внутренняго смысла тѣхъ беллетристическихъ этюдовъ, которые художникъ давалъ почти каждый годъ. Какъ на одну изъ такихъ счастливыхъ попытокъ критики можно указать на прекрасную и глубокую статью г. Страхова въ журналѣ «Заря». Почтенный критикъ очень оригинально и остроумно опредѣляетъ затаенный смыслъ большинства тургеневскихъ этюдовъ, появившихся послѣ «Дыма». Въ этихъ этюдахъ, говоритъ г. Страховъ, «вездѣ слышится чуткое, раздражительное недовольство нашимъ народнымъ характеромъ, невѣріе въ изящество его проявленій. Съ тѣхъ поръ, какъ Тургеневу измѣнило молодое поколѣніе и онъ пересталъ выводить намъ представителей нашего прогресса, этихъ героевъ нашего общества, онъ очевидно обобщилъ свою задачу и сталъ вообще изображать, какъ въ русской жизни проявляются сильныя страсти, какія въ ней встрѣчаются исторіи, болѣе или менѣе романическія, болѣе или менѣе странныя. Передъ поэтомъ какъ бы постоянно носятся образы западнаго искусства, Лиръ, Вертеръ и пр., и онъ ищетъ имъ подобій въ нашей скучной и блѣдной жизни. Пошлость русскаго быта, общая низменность нравовъ и характеровъ составляетъ необыкновенно яркій контрастъ съ порывами сильныхъ страстей, съ исключительными событіями и лицами, въ которыхъ какъ бы открывается иная природа, міръ явленій болѣе высокаго порядка. Вотъ дѣвушка, исполненная самоотверженія и пламенной религіозности. Куда же ушли эти силы? Онѣ стали спутницею грязнаго и дикаго юродиваго (г. Страховъ разумѣетъ разсказъ «Странная исторія»). Вотъ фан-

тастическое явленіе «Собаки», достойное воплотить въ себѣ глубокій смыслъ, быть страшнымъ откровеніемъ человѣческихъ тайнъ. Съ кѣмъ же оно случилось? Съ пошлякомъ-помѣщикомъ, къ которому оно такъ же идетъ, какъ къ коровѣ сѣдло. Да мало того — въ этомъ чудѣ нѣтъ никакого смысла ни для него, ни для насъ. Вотъ примѣръ неизмѣнной, неугасающей любви — «Бригадиръ». Боже мой! Что за фигура, что за обстановка, какая неизмѣримая, безвыходная пошлость! Самыя формы этой любви, просительныя письма бригадира, его толки о подаркахъ, даже его фамилія—Гуськовъ—все представляетъ картину, оскорбляющую чувство красоты, все даетъ чувствовать нестерпимый диссонансъ между безобразіемъ дѣйствительности и тою искрою идеальной жизни, которая попала въ эту грязь. А вотъ и самъ король Лиръ, вотъ величіе въ образѣ Мартына Харлова. Его двѣ дочери—такія же красавицы и такія же злодѣйки, какъ Гонерилья и Регана. Есть и Эдмундъ—Слеткинъ, плѣнившій обѣихъ сестеръ. Шутъ — это Сувениръ. Кентъ — казачекъ Максимка и т. д. Тургеневъ самымъ серьезнымъ образомъ переложилъ Шекспира на русскіе нравы, пародировалъ одну изъ чудеснѣйшихъ драмъ. Искусство, съ которымъ это сдѣлано — выше всѣхъ похвалъ. Вообще, во всемъ, что создаетъ Тургеневъ—онъ до величайшей степени вѣренъ русской жизни; онъ не вноситъ въ нее чужихъ элементовъ; напротивъ, тщательно объективируетъ ее, тщательно отличаетъ ее отъ всякой другой жизни, съ тѣмъ, чтобы вѣрнѣе и явственнѣе выступила противоположность ея съ идеалами страстей, съ мощными и изящными проявленіями души человѣческой.

«ЛЕЙТЕНАНТЪ ЕРГУНОВЪ».

[1]) Въ этой повѣсти есть любовь, убійство, восточная красавица, пѣсни, пляски, волшебныя грезы... Но подставку для этихъ событій и картинъ, нить, на которую они нанизаны, составляетъ пустѣйшій и прозаичнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, морякъ Ергуновъ (одна фамилія чего стоитъ!). Въ этой противоположности заключается вся соль, вся пикантность этого разсказа.

«НЕСЧАСТНАЯ».

Въ *Несчастной* мы видимъ передъ собою еврейку, отецъ которой, живописецъ, былъ вывезенъ изъ-за границы, и дочь этой еврейки Сусанну,—женщинъ иного племени, иного душевнаго склада, окруженныхъ русскою жизнію и чистыми русскими, и русскими съ нѣмецкою кровью, и обрусѣвшими чехами. Какія мастерскія фигуры — Колтовской, Фустовъ, Рачъ, Викторъ!

«Помнится», говоритъ Тургеневъ, «гдѣ-то у Шекспира говорится о *бѣломъ голубѣ въ стаѣ черныхъ вороновъ*; подобное впечатлѣніе произвела на меня вошедшая дѣвушка: *между окружающимъ ее міромъ и ею было слишкомъ мало общаго*; казалось, она сама втайнѣ неудоумѣвала и дивилась, какъ она попала сюда».

Вотъ смыслъ всего разсказа. Попавши въ чужой міръ, мать и дочь невыразимо страдаютъ и наконецъ

---

[1]) Страховъ. «Заря» 1871 г. № 2.

гибнутъ. Мать любила когда-то Колтовскаго, чему не мало удивляется Сусанна; Колтовской, не умѣвшій любить и, по знаменитому выраженію, *только пребывавшій благосклоннымъ* къ своей любовницѣ, измучилъ и ее и дочь. Дочь, полюбившая Фустова, находитъ въ немъ холодность и недовѣрчивость, отъ которой и гибнетъ. Это двѣ души, глубоко оскорбленныя дѣйствительностію, два бѣлыхъ голубя среди вороновъ.

[1]) Чувство красоты и гармоніи наполняло всю душу нашего художника и невольно увлекало его къ нѣкоторому подбору своихъ картинъ. Тургеневъ знаетъ, что въ жизни есть отвратительное и ужасное; онъ мимоходомъ можетъ натолкнуться на нихъ, но торопится пройти мимо, не томя ни себя, ни читателей зрѣлищемъ грязи и ужаса. Картинъ такого рода вы почти не встрѣтите у Тургенева. Возьмите, напримѣръ, его «Несчастную» — повѣсть исключительную по тяжелой обстановкѣ, въ которую Тургеневъ поставилъ свою героиню... Судьба ея ужасна, и дѣвушка дѣйствительно кончаетъ самоубійствомъ. Тяжелую картину пишетъ Тургеневъ, но за то съ какимъ стараніемъ приготовляетъ онъ въ этой погибшей жизни свѣтлый, хотя мимолетный оазисъ любви: ему будто самому хочется отдохнуть отъ страданія. Самое же типичное—онъ вамъ рисуетъ все-таки замѣчательно прекрасный образъ страдалицы, умѣвшей выработать и до конца сохранить въ себѣ высокія черты человѣческой личности. Вы видите несчастную жизнь, но не видите самаго ужаса несчастной жизни, видите самоубійство, но не видите паденія. А иной скеп-

---

[1]) К. Григорьевъ. «Дѣло» 1884 г. № 1.

тикъ могъ бы задать себѣ вопросъ: какъ это могла сохраниться такая чистая душевная красота? какъ не обезобразилась она, какъ не сдѣлалась дѣвушка хоть любовницею старика-помѣщика, какъ онъ даже не изнасиловалъ ее, хотя при данныхъ условіяхъ очень могъ это сдѣлать. Для Тургенева это слишкомъ ужасно. У него есть одна такая сцена, т. е., лучше сказать случай («Сонъ»), но художникъ говоритъ о немъ въ двухъ словахъ, торопливо, какъ будто проговариваясь бредомъ больной женщины, и не останавливается ни на какомъ описаніи. Возвратимся, впрочемъ, къ «Несчастной». Тургеневъ, повторяю, бережетъ ее отъ всего, что въ дѣйствительной жизни наиболѣе ужасно. Онъ даже даритъ несчастной любовь, не долгую, но такую, о которой помнятъ весь вѣкъ. Дѣвушка влюбляется въ сына того самаго помѣщика, отдается ему, и молодой наслѣдникъ, воспитанный на петербургской жизни тогдашнихъ дворянчиковъ, оказывается не негодяемъ, даже не шалопаемъ, не играетъ съ дѣвушкой, а отдается ей вполнѣ, выдерживаетъ изъ за нея разрывъ съ отцомъ и не успѣваетъ создать рай для несчастной только потому, что умираетъ. Когда, въ концѣ концовъ, несчастная погибаетъ и вы закрываете послѣднюю страницу—не легко у васъ на душѣ, но въ воображеніи вашемъ остается все-таки изящный, полный красоты образъ утопленницы, и не ужасъ, а тихая грусть наполняетъ вашу душу.

«СТУКЪ, СТУКЪ, СТУКЪ!»

[1]) «Въ *Стукъ, стукъ, стукъ!* выставленъ пошлый,

---

[1]) Страховъ. «Заря» 1871 г. № 2.

тупой, неуклюжій и бездушный офицеръ, который вздумалъ разыграть изъ себя героя. Ни въ немъ самомъ, ни вокругъ него нѣтъ ничего героическаго, необыкновеннаго, способнаго возбудить и питать фантазію. Но онъ выдумываетъ, сочиняетъ себѣ несчастія, дѣйствія судьбы, чудесныя явленія. Эти безмѣрно-упрямыя попытки подняться въ *идеальный міръ* оканчиваются тѣмъ, что герой убиваетъ себя безъ всякой на то причины, единственно изъ желанія выдержать роль рокового человѣка.

Тутъ изображенъ контрастъ между низменною и тупою натурою и идеальными стремленіями. Вотъ какъ русскіе люди иногда пытаются быть героями! Они не имѣютъ на это ни правъ, ни способностей».

Иллюстрируя живую обрисовку индивидуальныхъ особенностей характера, отсутствіе типичности, отсутствіе творческой фантазіи и крайней скудости вымысла у Тургенева, критикъ «Дѣла» говоритъ: [1]) «Если бы за разработку этой темы взялся настоящій художникъ, онъ бы изобразилъ намъ въ характерѣ Тяглева (фамилія офицера) типическія черты меланхолика; при томъ широкомъ распространеніи, которое получила въ наше время эта болѣзнь, такой характеръ, будь онъ типиченъ, возбуждалъ бы въ насъ живой интересъ, и самое развитіе темы разсказа (меланхолія, приводящая къ самоубійству) не потребовала бы никакихъ постороннихъ эффектовъ, никакихъ чисто-театральныхъ «совпаденій», искусственно подогнанныхъ случайностей. Но тургеневскій Тяглевъ не имѣетъ въ себѣ ничего типическаго, и это харак-

---

[1]) Постный (псевдонимъ). «Дѣло» 1872 г. № 12.

теръ совершенно индивидуальный, въ которомъ меланхолія до такой степени перемѣшана съ его чисто личными свойствами, также не отличающимися никакою типичностью, что трудно даже сказать, меланхоликъ ли это, или только невѣжественный, суевѣрный и болѣзненно-самолюбивый человѣкъ. Повидимому, самъ авторъ смотритъ на него, какъ на человѣка здороваго. Оттого и самое самоубійство получаетъ характеръ не роковой неизбѣжности, а простой случайности. Оно не вытекаетъ, какъ естественное послѣдствіе основныхъ факторовъ его внутренней жизни, а вызывается чисто внѣшними посторонними условіями. Тургеневъ предварительно заставляетъ Тяглева разорвать связь съ любимою имъ дѣвушкою, потомъ напугиваетъ его своимъ «стукъ-стукъ-стукъ», потомъ убиваетъ эту дѣвушку холерою, приводитъ его къ мысли, что она отравилась изъ-за него, что онъ ее убилъ. Теперь, кажется, идея самоубійства (къ которой онъ, какъ меланхоликъ, и прежде чувствовалъ склонность) должна-бы окончательно овладѣть его умомъ; безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, безъ всякихъ «новыхъ случайностей» она сдѣлаетъ свое дѣло... Если бы мы имѣли передъ собою типическій характеръ, мы ни на минуту не могли бы въ этомъ усумниться. Но за Тяглева поручиться нельзя; г. Тургеневъ того-же мнѣнія. И вотъ онъ призываетъ на помощь свою фантазію, устраиваетъ новое coup de théâtre. Онъ выдумываетъ какого-то гребенщика, котораго, какъ и Тяглева, зовутъ Ильею; гребенщикъ назначаетъ своей любовницѣ свиданіе около тяглевскаго дома, а г. Тургеневъ заставляетъ эту любовницу громко звать своего возлюбленнаго по имени. Тяглевъ,

услышавъ среди ночи свое имя, воображаетъ, что это зоветъ его отвергнутая имъ дѣвушка. Узнавъ на другой день, что она умерла, онъ окончательно убѣждается въ этой идеѣ и тогда только застрѣливается».

«ВЕШНІЯ ВОДЫ».

Чтобъ иллюстрировать примѣромъ тургеневскую идеализацію полового чувства, я обращу вниманіе читателя на одну изъ его повѣстей, напечатанную въ январьской книжкѣ «Вѣстникъ Европы» за 1872 годъ. Называется она «Вешнія воды», и описывается въ ней «первая любовь» нѣкоего шалопая изъ «дворянскихъ дѣтокъ» и нѣкоей «прелестной» итальянки, торговавшей вмѣстѣ съ матерью въ «Итальянской кондитерской Джіованни Розели», во Франкфуртѣ. Юношѣ было 22 года, а Джеммѣ (такъ звали «прелестную» итальянку) не болѣе, вѣроятно, 18-ти. Самая, что называется, пора для пламенной любви. И, разумѣется, за любовью дѣло не стало. Послѣ самаго непродолжительнаго времени (хотя и обильнаго разными приключеніями, въ томъ числѣ и дуэлью), оба они запылали и, представьте себѣ, *первою любовью!* «Первая любовь, восклицаетъ по этому поводу самъ авторъ,—первая любовь—та же революція: однообразно-правильный строй сложившейся жизни разбитъ и разрушенъ въ одно мгновеніе, молодость стоитъ на баррикадѣ, высоко вьется ея яркое знамя, и чтобы тамъ впереди ее ни ждало, смерть или новая жизнь—всему она шлетъ свой восторженный привѣтъ». Это очень поэтично. Только сантиментальныя барышни и незрѣлые юноши не должны вѣрить г. Тургеневу на слово. Никакой тутъ «революціи», «раз-

рушенія правильнаго строя жизни» и тому подобнаго на лицо не оказалось. «Прелестная» итальянка, просто на просто, немножко взбудоражила нашего соотечественника и больше ничего. Стоило только этому соотечественнику на *три дня*, на *три* всего дня, отлучиться отъ предмета своей страсти, и первая любовь, со всею ея поэзіей и проч. забыта. Въ три дня онъ снова влюбляется, и на этотъ разъ уже не въ иностранку, а въ свою же соотечественницу, жену своего пріятеля. Вотъ какую «первую любовь» прославляетъ и поэтизируетъ романистъ! Но это еще не все. Судя по характеру Санина (такъ звали нашего соотечественника) и по его быстрой забывчивости и влюбчивости, можно было бы думать, что вторая любовь будетъ столь же продолжительна, какъ и первая, и что вообще всѣ эти его «любови», имѣющія характеръ мимолетной прихоти, могутъ, конечно, преждевременно разстроить его физическій организмъ, но никакихъ особыхъ переворотовъ въ его нравственномъ и интеллектуальномъ мірѣ не произведутъ. Но мы уже сказали, что у большинства нашихъ романистовъ вообще и у Тургенева въ частности, *характеръ* и *любовь* рѣдко гармонируютъ между собою. Такъ случилось и съ Санинымъ. Можете себѣ представить: этотъ легкомысленный шалопай сдѣлался жертвою любви. Вторая любовь, въ противность всему, что мы знаемъ объ этомъ изъ практики и изъ теоріи, оказалась не только продолжительнѣе, но и гораздо сильнѣе первой. Санинъ до такой степени воспылалъ страстью къ нашей «плѣнительной» соотечественницѣ, что превратился вскорѣ изъ ея любовника въ покорнаго и безгласнаго раба, «которому не позволялось ни ревновать, ни жаловаться»;

онъ всюду ѣздилъ за гордою «владычецею своего сердца» и съ упорнымъ постоянствомъ разыгрывалъ роль ея вѣрнаго и самоотверженнаго рыцаря. Наконецъ, онъ до того надоѣлъ, что его бросили. И вотъ, увѣряетъ насъ г. Тургеневъ, «жизнь, его была *отравлена* и *опустошена*» (ib), онъ сдѣлался совсѣмъ несчастнымъ человѣкомъ, и сталъ впадать даже въ меланхолію. Въ одну изъ такихъ меланхолическихъ минутъ онъ вдругъ вспомнилъ о своей «первой любви». Повидимому, о такихъ пустякахъ и не стоило бы вспоминать, тѣмъ болѣе черезъ 30 лѣтъ! А между тѣмъ, дѣло то это опять оказалось не пустяками; вообразите: старикъ-Санинъ все еще ощущалъ нѣкоторое нѣжное чувство къ «прелестной итальянкѣ», той итальянкѣ, съ которою Санинъ-юноша *около недѣли* упражнялся въ любовныхъ разговорахъ! О, святая любовь! какія ты творишь чудеса! Воспоминаніе о первой любовной шалости опять произвело «революцію», опять «однообразно-правильный строй сложившейся жизни былъ разбитъ и разрушенъ въ одно мгновеніе». И на этотъ разъ онъ былъ дѣйствительно разбитъ и разрушенъ. Санинъ бросаетъ свои дѣла и знакомыхъ, отправляется во Франкфуртъ, узнаетъ тамъ, что «прелестная итальянка» давнымъ-давно вышла замужъ и живетъ въ Америкѣ,—разыскиваетъ ея адресъ, пишетъ ей нѣжное и трогательное письмо, умоляя ее простить его «вину» (это черезъ тридцать то лѣтъ!) и тѣмъ дать ему хоть возможность спокойно умереть. Получивъ отъ «итальянки» полное прощеніе, онъ, недолго думая, сталъ распродавать всѣ свои имѣнія и собираться въ Америку.

Но, Боже мой! неужели это поэзія, неужели это

художественность? Въ такомъ случаѣ, гдѣ же грань, отдѣляющая поэзію отъ нелѣпости, художественность отъ «не любо—не слушай и врать не мѣшай»?

«НАШИ ПОСЛАЛИ».

[1]) *Наши послали* повѣствуетъ о томъ, какъ г. Тургеневъ, отправившійся въ іюньскіе дни въ Парижъ поглазѣть на баррикады, скрылся затѣмъ въ одномъ домѣ съ извѣстнымъ нѣмецкимъ поэтомъ и революціонеромъ Г. (Гервегомъ), и какъ къ этому Г. сквозь баррикады и улицы, пылающія огнемъ сраженія, рискуя сто разъ своею жизнію, приходитъ старый блузникъ, котораго «наши (т.-е. инсургенты) послали» сказать ему, что малолѣтній сынъ Г., пріѣзда котораго отецъ ждетъ съ замираніемъ сердца, такъ какъ Сѣверная Дорога, по которой долженъ прибыть мальчикъ, занята правительственными войсками и вокругъ ея станціи происходитъ жаркая схватка, — прибылъ въ Парижъ благополучно, цѣлъ и невредимъ... Краткій разсказъ этотъ отличается большимъ техническимъ мастерствомъ изложенія, въ особенности та часть его, гдѣ рисуется картина перваго столкновенія инсургентовъ съ наступавшею на нихъ колонною національной гвардіи (на баррикадѣ близъ воротъ Сенъ-Дени). Усмотрѣвъ этотъ ужасный видъ, г. Тургеневъ весьма интересно передаетъ намъ, какъ онъ «устремился» вспять съ «другими фланерами, какъ онъ самъ», — подражая въ этомъ отношеніи другому платоническому любовнику сильныхъ ощущеній, Герцену, завѣщав-

[1]) (М). «Русскій Вѣстникъ» 1874 г. № 5.

шему потомству подобный же откровенный разсказъ о томъ, какъ самъ стоялъ на баррикадахъ, и «устремился» оттуда подъ болѣе безопасную сѣнь.

«ПУНИНЪ И БАБУРИНЪ».

[1]) Въ этомъ разсказѣ нашъ маститый беллетристъ прибѣгъ къ обычному техническому эффекту, который столько разъ уже помогалъ ему блеснуть своимъ мастерствомъ въ индивидуализаціи типовъ. Г. Тургеневъ беретъ большею частью двухъ или нѣсколькихъ человѣкъ, связываетъ ихъ, говоря простонароднымъ языкомъ, какъ чортъ веревочкой, либо общностью положенія, либо тѣсной дружбой, и затѣмъ надѣляетъ ихъ самыми разнообразными физіономіями. Пріемъ, требующій большаго искусства, большой тонкости работы, и только истинный художникъ владѣетъ этимъ даромъ «вязать и рѣшить» вмѣстѣ. Г. Тургеневъ имъ несомнѣнно владѣетъ и любитъ щеголять. Такое щегольство обнаружилъ онъ, напримѣръ, въ «Накапунѣ», окруживъ Елену Инсаровымъ, Шубинымъ, Берсеневымъ и Курнатовскимъ, въ «Первой любви», гдѣ героиня тоже окружена цѣлой группой образовъ, стоящихъ по отношенію къ ней въ одинаковомъ положеніи, въ «Дымѣ» (двѣ героини около Литвинова), въ «Вешнихъ водахъ» (двѣ героини около Санина), въ «Запискахъ охотника» («Хорь и Калинычъ», «Чертопхановъ и Недопюскинъ», «Пѣвцы»). Пріемъ этотъ, не смотря на свою техническую трудность, съ другой стороны, для мастера въ высшей степени благода-

[1]) Н. Михайловскій. «Отечественныя Записки» 1874 г. № 4.

ренъ. При немъ состязаніе, какъ въ «Наканунѣ», «Первой любви», «Дымѣ», «Вешнихъ водахъ», «Пѣвцахъ», или тѣсная дружба, какъ въ «Хорѣ и Калинычѣ», «Чертопхановѣ и Недопюскинѣ», «Пунинѣ и Бабуринѣ», образуютъ нѣкоторый общій фонъ, на которомъ отдѣльныя фигуры вырѣзываются съ особенною отчетливостью, и воображеніе художника можетъ смѣло комбинировать ихъ на разные лады. Къ сожалѣнію, за послѣднее время г. Тургеневъ точно истощилъ свои комбинаціи и безпрестанно повторяетъ самого себя. Такъ состязающіяся героини «Вешнихъ водъ» очень уже напоминаютъ героинь «Дыма», а отношенія пріятелей Пунина и Бабурина не только въ общемъ, но и во множествѣ мелкихъ подробностей прямо списаны съ отношеній Чертопханова и Недопюскина. Къ еще большему сожалѣнію, копіи эти гораздо слабѣе оригиналовъ. Покровительственно дружественныя отношенія Чертопханова къ Недопюскину и почтительно-дружественныя отношенія послѣдняго къ первому совершенно ясны и понятны, потому что передъ читателемъ проходитъ и зарожденіе, и развитіе ихъ. Комбинація Пунинъ-Бабуринъ напротивъ очень туманна, потому что въ разсказѣ вся она держится на одномъ словѣ Бабурина: «по справедливости». Поневолѣ заподозрѣваешь самое это слово, т.-е. заподозрѣваешь, могло ли оно быть сказано, т.-е., заподозрѣваешь возможность самого Бабурина. Это одинъ изъ самыхъ неудачныхъ образовъ г. Тургенева. Авторъ на первой же странице заставляетъ «дрогнуть» его брови при обращеніи къ нему мѣстоименія «ты» и затѣмъ строго на строго блюдетъ, чтобы онъ ежеминутно заявлялъ себя «республиканцемъ». Не смотря,

однако, на этотъ строгій надзоръ или, вѣрнѣе, именно благодаря строгости этого надзора, Бабуринъ блѣденъ, какъ тѣ листы бумаги, на которыхъ г. Тургеневъ писалъ свою повѣсть.

Вообще говоря, разсказъ г. Тургенева понравился. Критика, за послѣднее время не совсѣмъ благосклонная къ нашему знаменитому романисту, на «Пунинѣ и Бабуринѣ» съ нимъ помирилась. Критикъ «Голоса» доказываетъ, что разсказъ превосходенъ и что Бабурины — типъ, несомнѣнно существующій и впервые эксплуатируемый. Критикъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» находитъ, что разсказъ прекрасенъ, что онъ кажется не вымысломъ, а былью,—столько въ немъ правды и такова сила таланта. На это возразить труднѣе, потому что тутъ дѣло не въ фактахъ, а въ томъ, что кому кажется. Мнѣ кажется, что Бабуринъ весь— одна голая неправда, и для меня даже совершенно ясна причина этой неправды,—ее объясняютъ подпись подъ разсказомъ: «Парижъ 1874», и другой разсказъ г. Тургенева «Наши послали», напечатанный въ «Недѣлѣ». . . . .

Въ прошлой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» я пытался доказать, что пришествіе разночинца было событіемъ, заставившимъ людей сороковыхъ годовъ— и г. Тургенева ужь, конечно, не меньше, чѣмъ другихъ—отшатнуться отъ послѣдняго нашего общественнаго движенія. Но вотъ является г. Тургеневъ съ повѣстью, въ которой фигурируютъ разночинцы (они такъ и называются въ разсказѣ «разночинцами» и я глубоко польщенъ этимъ совпаденіемъ) и въ которой авторъ выказываетъ весьма ясную симпатію къ нимъ. Да, mea culpa, mea maxima. Но вѣдь и то сказать:

какого разночинца-то подхватилъ г. Тургеневъ! Пунинъ, конечно, въ счетъ не идетъ, но Бабуринъ-то каковъ! Онъ, правда, нѣсколько грубъ, какъ и подобаетъ «сыну толпы», но совершенно по европейски; онъ формально декларируетъ, именно декларируетъ права человѣка и гражданина; въ 1830 году, въ какой-то Тмутаракани, онъ требуетъ, чтобы къ нему входили по европейски, постучавъ предварительно въ дверь. Мимоходомъ сказать, г. Тургеневъ очевидно придаетъ большое значеніе способу вхожденія къ знакомымъ, потому что и въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ объ немъ: «Ни у кого ни спросясь, по студенческой безцеремонной привычкѣ, я прямо пробрался» къ Тархову. Какой укоръ этимъ безцеремоннымъ студентамъ представляетъ утонченный европеецъ Бабуринъ! Странно только, что мѣщанина, плохо выносящаго мѣстоимѣніе «ты» и совершенно не выносящаго вхожденія къ нему въ комнату безъ предварительнаго постукиванія, странно, что въ 30—40 годахъ его не прибилъ и не выпоролъ ни одинъ городничій, ни одинъ исправникъ, ни одинъ становой... Такъ вотъ каковъ этотъ разночинецъ... Блага цивилизаціи онъ способенъ оцѣнить вполнѣ, а не то, что Маркъ Волоховъ—черезъ окошко или черезъ заборъ все наровитъ, или какъ Михаилъ Ивановичъ—напьется и горланитъ про «прижимку». То азіаты...

[1]) Изъ смысла разсказа выходитъ, что Бабуринъ, какъ бы не имѣетъ никакихъ лично причинъ къ недовольству, что самъ онъ какъ бы не испытывалъ притѣсненій, страданій, униженій; онъ ненавидитъ

[1]) (М.) «Русскій Вѣстникъ.» 1874 г. № 5.

несправедливость *безкорыстно*, единственно потому... «потому что онъ—*республиканецъ*» (sic), спѣшитъ авторъ наклеить ему ярлыкъ устами все того же Пунина, на первыхъ же порахъ знакомства сего послѣдняго съ Петромъ Петровичемъ Б., которому въ то время было всего 12 лѣтъ отъ роду. Какимъ образомъ въ богоспасаемомъ государствѣ Россійскомъ, въ годъ отъ Р. Хр. 1830-й, могъ народиться «республиканецъ» въ лицѣ *мѣщанина Бабурина*, остается тайною между имъ и его сочинителемъ: его прошлое воспитаніе, обстоятельства, вліянія, которыя могли бы навести его умъ на этотъ именно *республиканскій*, а не на какой-либо иной складъ политическихъ понятій,—обо всемъ этомъ ни слова, даже намека не находитъ читатель въ разсказѣ... Просто взялъ себѣ, да родился въ одинъ прекрасный Божій день 1830 года, во всеоружіи, русскій «республиканецъ», какъ родилась премудрая Аѳина богиня изъ черепа отца боговъ. Зевсъ и господинъ Тургеневъ—каждый свое по силамъ... Съ этимъ ярлыкомъ на безостановочный пропускъ въ извѣстный лагерь, «республиканецъ» тридцатаго года продѣлываетъ весь формулярный списокъ подвиговъ, предписанныхъ героямъ этого лагеря: онъ и терпитъ за меньшую братію, и внушительныя рѣчи говоритъ, и *дворянъ* ненавидитъ, и въ Бога не вѣруетъ, и принимаетъ участіе въ политическомъ заговорѣ, и вѣнчается за сіе ореоломъ мученичества — въ Сибирь попадаетъ: «оправданный судомъ», но, какъ водится, «административнымъ порядкомъ сосланный туда на жительство»...

Либеральная лубочная картина по замыслу, Бабуринъ въ исполненіи оказался деревянной вѣшалкой

подъ выношеннымъ до нитки *либеральнымъ плащемъ*, который авторомъ занятъ у другихъ, — и такою вѣшалкой пребываетъ республиканецъ Бабуринъ отъ начала и до конца своей «республиканской» эпопеи...»

Разбирая типъ Музы, жены Бабурина, критикъ «Русск. Вѣстн.» говоритъ: «Муза между тѣмъ убѣдившись, какъ видно, что Петръ Петровичъ, «скромный человѣкъ», а не «болтунъ», повѣряетъ ему, что Бабуринъ намѣренъ на ней жениться, но что для нея «женой его быть — лучше смерть, лучше прямо въ гробъ!.. И на что мнѣ эти старики!..» справедливо разсуждаетъ *новый типъ*;—«еще холодною меня величаютъ. Съ нимъ да горячей быть? Станутъ принуждать—уйду! Самъ же Парамонъ Семенычъ все говоритъ: свобода! свобода! Ну вотъ и я захотѣла свободы! А то—что же это такое? Всѣмъ воля, а меня въ тюрьмѣ держать!...» Эти слова Музы разсѣиваютъ всякую возможность иллюзіи на счетъ дѣйствительнаго значенія выводимыхъ въ разсказѣ лицъ, и самымъ *реальнымъ* образомъ низводятъ ихъ съ того присочиненнаго къ нимъ пьедестала, на который нудится вознести ихъ *гражданская* похоть г. Тургенева. Его «республиканецъ» — горячій защитникъ меньшей братіи, искатель и поборникъ «свободы» и «справедливости», оказывается на дѣлѣ мелкимъ и близорукимъ себялюбцемъ, которому съ высоты его *республиканскаго* величія и въ голову не приходитъ, что онъ, говоря языкомъ нашихъ *прогрессистовъ*, «заѣдаетъ чужую жизнь», жизнь призрѣнной и воспитанной имъ молоденькой дѣвочки, съ которою онъ хочетъ соединить навсегда свое старческое, почти нищенское и кислое существованіе; онъ не спрашиваетъ себя, можетъ ли

быть счастливо съ нимъ это молодое и зависящее отъ его существо, не смущается мыслію о несоотвѣтственности его лѣтъ съ юнымъ возрастомъ Музы, о томъ, что она можетъ и что естественно ей — полюбить другого. Красивая, «свѣжая» Муза нравится ему, какъ женщина, и онъ предлагаетъ ей свою руку, зная, что ей отказать ему нельзя, такъ какъ иначе ей дѣться некуда. Полюбивъ Тархова, Муза тщательно скрываетъ эту любовь отъ своего воспитателя: онъ очевидно не умѣлъ внушить своей воспитанницѣ никакого довѣрія къ себѣ, никакого убѣжденія въ его «справедливость», въ безкорыстіе и чистоту чувства его къ ней. Далеко напротивъ, ничего, кромѣ отвращенія, не сумѣлъ возбудить въ ней къ себѣ этотъ «старикъ», *благодѣтель* ея: «лучше въ гробъ, чѣмъ быть его женою», говоритъ она... *Республиканская* проповѣдь Бабурина, его поученіе о «свободѣ» возрастили въ его воспитанницѣ самый соотвѣтствующій имъ нравственный плодъ: она при первомъ представившемся ей случаѣ «сбѣгаетъ» отъ стараго бѣдняка, который, по выраженію Пунина, «взялъ ее, одѣлъ, согрѣлъ и вывелъ птенчика», и идетъ на содержаніе къ богатому молодому любовнику, подъ тѣмъ предлогомъ, что и она также «захотѣла свободы»... Можно было бы только поздравить г. Тургенева съ открытіемъ такого удивительно *новаго* типа; но, къ сожалѣнію для него, онъ даже не открылъ и этой Америки, а проѣхался по ней по слѣдамъ, давно проложеннымъ всякими Рѣшетниковыми, Успенскими, Омулевскими, всѣми нынѣшними учителями и пророками автора «Записокъ охотника» и «Дворянскаго гнѣзда». При этомъ, однако, случилось слѣдующее:

воспроизводя съ китайскою раболѣпною точностію заказныя черты *свободно мыслящей* и *свободно распологающей собою* «новой женщины», г. Тургеневъ, очевидно, не былъ въ состояніи достаточно проникнуться ученіемъ своихъ пророковъ, не могъ *повѣрить* въ то, что онъ взялся изображать въ угоду «направленію». Сквозь ребячески наивную окраску въ «новый типъ», выступаетъ предъ нами во всей неприглядной, *реальной* наготѣ своей эта «мѣщанка-швея», грубое и безсердечное существо, лишенное всякаго руководящаго нравственнаго начала, въ душѣ которой, слѣдовательно, не можетъ происходить ничего похожаго на борьбу, какой-либо психическій процессъ, способный возбудить сочувствіе или, по крайней мѣрѣ, интересъ въ читателѣ. И читатель, одаренный художественнымъ чутьемъ, относится къ претензіямъ автора касательно этого «новаго типа» съ тѣмъ же самымъ чувствомъ, съ какимъ относится сама Муза къ претензіи благодѣтельнаго «республиканца» на ея руку...»

По мнѣнію критика «Русск. Вѣстн.», постоянный разладъ между поступками Бабурина и тѣмъ, что о немъ говорится, происходитъ отъ того, что Бабуринъ «не живой человѣкъ, а *либеральный ярлыкъ*, на деревянномъ манекенѣ». Во всемъ же разсказѣ единственное живое лицо, хотя и незавидное—это Петръ Петровичъ.

Сказать по правдѣ, все это жалостное повѣствованіе производитъ то же впечатлѣніе, какъ если бы на улицѣ почтенный съ виду джельтменъ принялся выдѣлывать колѣнца; и надтреснутымъ, фальшивымъ голосомъ сталъ пѣть *Барыню* на потѣху собравшейся толпы мальчишекъ. Быть можетъ, эта толпа и одоб-

рила бы старца за усердіе, но взрослые люди съ невеселою улыбкой прошли бы мимо. Тяжело видѣть это комическое заискиваніе, это танцмейстерское расшаркиванье когда-то уважаемаго писателя предъ чѣмъ-то несуществующимъ, предъ смутнымъ призракомъ чего-то имъ самимъ сочиненнаго и до сихъ поръ почитаемаго за какую-то силу... Вы чувствуете, что авторъ никогда не видалъ ни своего «республиканца», ни своего «новаго типа», что они во всякомъ случаѣ не *восприняты*, не *почувствованы* имъ, какъ напр., Рудинъ и Базаровъ, что все это *дѣлано*, все это спѣто съ чужихъ голосовъ, съ голосовъ до сыта прослушанныхъ и успѣвшихъ надоѣсть даже самимъ себѣ. Усердіе сочинителя *Пунина* и *Бабурина* опоздало на десятокъ лѣтъ, и такой анахронизмъ сказывается тѣмъ явственнѣе, что при этомъ привычные г. Тургеневу пріемы, его осторожные *подходы* къ своему предмету, разсчетъ на читателя, умѣющаго искать смысла *между строкъ*, остались все тѣ же, какъ и въ ту пору, когда безъ этого не могъ обойтись писатель, касавшійся жгучихъ тогда общественныхъ вопросовъ. Но вся эта стародавняя манера разсчитанныхъ недомолвокъ, тонкихъ намековъ и забористыхъ подразумѣваній, примѣненная къ предмету молотому и перемолотому чуть не на площадяхъ, пережеванному до тошноты школьниками, но эти дѣтски-робкія оглядки куда-то,—все это теперь, надо признаться, выходитъ очень каррикатурно.

Тѣмъ не менѣе, за усердіе свое авторъ *Пунина* и *Бабурина* получилъ отъ петербургскаго фельетона подобающую апробацію, съ чѣмъ его усерднѣйше и поздравляемъ... Въ какой мѣрѣ въ этомъ случаѣ, и съ

этой стороны, такое поощрительное поглаживанье стрекулистами его сѣдой головы можетъ прибавить къ славѣ г. Тургенева и быть почитаемо для него лестнымъ—другой вопросъ. Г. Тургеневъ въ свое время сослужилъ службу. Его *Записки Охотника*, прочитанныя всѣми читающими въ нашемъ отечествѣ, отъ студентскаго чердака до царскихъ чертоговъ, остались, быть можетъ, не безъ вліянія на рѣшеніе великаго дѣла нынѣшняго царствованія. Въ этомъ отношеніи г. Тургеневъ могъ бы давно опочить на заслуженныхъ имъ лаврахъ: но самъ онъ добровольно ощипываетъ теперь эти лавры, листъ за листомъ, въ безсильной погонѣ за новыми вѣнками того же, обольщаетъ онъ себя, свойства. Увы, жертвуя для нихъ своимъ достоинствомъ, человѣка и художника, онъ съ каждымъ новымъ усиліемъ въ эту сторону лишь все безжалостнѣе губитъ самъ обаяніе своего имени. Лучше бы г. Тургеневъ окончательно смолкъ, если уже ничего, кромѣ какъ о Бабуриныхъ, ему не остается повѣдать русскому читателю, если дѣйствительно,—употребляя образное выраженіе французскихъ художниковъ,—ничего уже нѣтъ у него въ мѣшкѣ, s'il n'a plus rien dans le sac!...

«ЖИВЫЯ МОЩИ».

[1]) *Живыя мощи* по художественной правдѣ и тонкости рисунка принадлежатъ вполнѣ къ той счастливой эпохѣ г. Тургенева, когда былъ написанъ этотъ разсказъ. Если, при желаніи быть очень придирчивымъ, и можно было бы замѣтить въ общемъ его тонѣ нѣкото-

[1]) (М) «Русскій Вѣстникъ» 1874 г. № 5.

рую манерность, если въ постановкѣ сюжета сказывается какое-то вліяніе Жоржъ-Сандовскихъ идиллій того времени, то все это исчезаетъ безъ слѣда подъ силою главнаго впечатлѣнія, которое выноситъ читатель изъ этого маленькаго разсказа. Кѣмъ бы ни былъ данъ камертонъ г. Тургеневу, взятый имъ мотивъ— чисто русскій мотивъ; образъ *Лукерьи*, этой когда-то цвѣтущей, счастливой дѣвушки, которую онъ находитъ безропотно угасающую въ *амшанникѣ* забытаго хутора—чисто русскій образъ. Поэзія этой безконечной кротости, этого свѣтлаго, почти счастливаго отношенія *Лукерьи* къ своимъ страданіямъ, бьетъ живымъ ключемъ изъ родника нашей народной жизни, когда-то непосредственно знакомой и любезной г. Тургеневу.

[1]) Есть у Тургенева не портретъ, а типъ, опережающій всѣ его остальные женскіе типы. Это—простая крестьянка, которой предшественницы намъ уже не найти у Пушкина. Если въ умѣніи вообще почувствовать въ народѣ *живую душу* и выставить всѣмъ на видъ ея уцѣлѣвшую, не смотря ни на что, природную красоту, Тургеневъ—прямой ученикъ Пушкина,—то создавъ Лукерью въ «Живыхъ Мощахъ», онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ впередъ противъ Пушкина, а если правда, что Жоржъ Зандъ восхищалась этимъ образомъ, то вотъ и свидѣтельство въ пользу его міровой красоты.

Еще недавно живая, веселая хороводница, невѣста— Лукерья по несчастному случаю, навсегда привязана

[1]) «Женскіе образы у Тургенева». О Миллеръ («Русск. Богатство» 1883 г. № 12).

къ одру болѣзни. Бывшимъ подружкамъ не до нея, женихъ, разумѣется, сталъ чужимъ женихомъ, чужимъ мужемъ,—а она лежитъ себѣ, да лежитъ безъ движенія; но народъ не даромъ признаяъ ее не живымъ трупомъ, а «живыми мощами». Дѣло не въ ея немыслимой у живого существа худобѣ-сухотѣ, но и въ той особаго рода святости, какою запечатлѣлась она въ своемъ невольномъ отшельничествѣ. Дѣло въ томъ, что въ этомъ отшельничествѣ она не уединена, а тутъ-то у нея и завязались тѣмъ болѣе крѣпкія связи со всѣмъ міромъ Божіимъ. Если она только созерцаетъ его душой, а не дѣйствуетъ въ немъ, то виною тутъ не она, а ея неподвижное тѣло. Запаса дѣятельной любви въ ней такъ много, такъ неизмѣримо много! Она грамотна, но не въ силахъ держать книжку, а читать ей вслухъ—некому. Порою она читаетъ наизусть молитвы. «Только немного я знаю ихъ, этихъ самыхъ молитвъ, говоритъ она. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чемъ я его просить могу? Онъ знаетъ лучше меня, что мнѣ надобно». Къ положенію своему она уже «привыкла, обтерпѣлась»; она съ нимъ помирилась на томъ, что «инымъ еще хуже бываетъ». Она вознаграждена своимъ внутреннимъ міромъ, онъ же въ ней не отъ книгъ, а отъ того, что, неподвижная на своей постели, она можетъ за то на досугѣ вчитываться въ великую книгу Божью—ту книгу жизни, въ которой сама она—буква, что-нибудь значащая лишь въ связи со всѣмъ остальнымъ. «Кротъ подъ землею роется, я и то слышу. Пчелы на пасѣкѣ жужжатъ да гудятъ; голубь на крышу сядетъ и заворкуетъ... Въ позапрошломъ году такъ даже ласточки вонъ тамъ въ углу гнѣзда

себѣ свили и дѣтей вывели. Ужъ какъ же оно было занятно! Одна влетитъ къ гнѣздышку — припадетъ, дѣтокъ покормитъ—и вонъ... Иногда не влетитъ, только мимо раскрытой двери пронесется, а дѣтки тотчасъ—ну, пищать, да клевы раскрывать... Я ихъ на слѣдующій годъ поджидала, да ихъ, говорятъ, одинъ здѣшній охотникъ изъ ружья застрѣлилъ. И на что покорыстился? Вся-то она, ласточка, не больше жука».

Общенье этой крестьянки съ природой въ своемъ родѣ не уступитъ тому, о которомъ говорилъ Баратынскій, поминая германскаго міроваго поэта:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ
И чувствовалъ травъ прозябанье.

Но міроваго генія не даромъ попрекали тѣмъ, что онъ подчасъ относился къ сознательной человѣческой жизни — какъ къ той же *природѣ*, слишкомъ мало участвовалъ своимъ олимпійски-спокойнымъ сердцемъ въ человѣческой злобѣ дня. Не то, совершенно не то въ міросозерцаньи нашей крестьянки.—Самый недостатокъ умственнаго развитія сдѣлалъ ее неспособной философски уйдти въ безмятежную даль олимпійскихъ высотъ. Въ самой природѣ особенно ее привлекаетъ то, что въ самомъ дѣлѣ одушевлено. Она сердцемъ участвуетъ въ семейномъ житьѣ-бытьѣ птички, часто по человѣчески чуя въ ней то, чего не удалось ей испытать на себѣ самой. Но, при всемъ своемъ одиночествѣ, по преимуществу связанною оказывается она съ человѣческимъ міромъ—съ его разсѣянною по лицу всей земли нуждой и бѣдой, но за то и съ его

духовными радостями. «Странница забредетъ, говоритъ она, станетъ про Іерусалимъ разсказывать, про Кіевъ, про святые города». А мы знаемъ отъ недавно также покинувшаго насъ поэта—«печальника народнаго горя», какъ его называли, что значитъ въ народной жизни *странничество*. Имъ поддерживается связь между народной душой и безпредѣльнымъ человѣческимъ міромъ. Разсказывать о Іерусалимѣ — значитъ разсказывать о христіанахъ на востокѣ, о томъ, что терпѣли и терпятъ они отъ агарянъ. Говорить о Іерусалимѣ—значитъ говорить и о Цареградѣ, обо всемъ томъ, отъ чего еще такъ недавно всколебался у насъ народъ при слухѣ, что «нашихъ бьютъ». Тургеневъ не былъ свидѣтелемъ, какъ отозвался у насъ этотъ слухъ, и потому, надо думать, въ первомъ изъ своихъ стихотвореній въ прозѣ, рисуя «довольство, покой, избытокъ русской вольной деревни, ея тишь и благодать», спросилъ: «къ чему намъ тутъ и крестъ на куполѣ святой Софіи въ Царь-градѣ, и все, чего такъ добиваемся мы, городскіе люди»? (въ этомъ, впрочемъ, онъ сошелся съ гр. Л. Н. Толстымъ) [1]). Нѣтъ, отвѣтимъ мы Тургеневу—публицисту отъ лица Тургенева художника, во имя широкой души его же крестьянскихъ типовъ, нѣтъ, тутъ дѣло не въ городскихъ людяхъ. Дѣло между прочимъ тутъ въ томъ, что «довольство, покой, избытокъ» и теперь еще далеко не такъ идутъ къ нашей русской деревнѣ, какъ тѣ два

---

[1]) Къ чему? А стихотвореніе самого Тургенева «Крокетъ», гдѣ къ ногамъ королевы англійской катятся окровавленныя головки болгарскихъ малютокъ? Тутъ опять, какъ и очень часто у Тургенева, *художникъ* энергически возражалъ *публицисту*.

стиха Тютчева, которые выбралъ Тургеневъ эпиграфомъ къ «Живымъ мощамъ»:

Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

Во имя своего собственнаго долготерпѣнья, народъ по своему разумѣетъ и принимаетъ къ сердцу и долготерпѣливый восточный вопросъ. По своему и тургеневская Лукерья должна бы была откликнуться на него. Не даромъ она подставила агарянъ въ переданный ей какимъ то начетчикомъ разсказъ о стародавнемъ событіи изъ жизни чужого, вполнѣ ей невѣдомаго народа—въ эту пору, по крайней мѣрѣ, не имѣвшаго столкновеній съ агарянами. «Была нѣкая страна, пересказываетъ она, и ту страну агаряне завоевали, и всѣхъ жителевъ они мучили и убивали. И проявись тутъ между тѣми жителями святая дѣвственница; взяла она мечъ великій, латы на себя возложила двухпудовыя, пошла на агарянъ и всѣхъ ихъ прогнала за море. А только прогнавши ихъ, говоритъ имъ: теперь вы меня сожгите, потому что такое было мое обѣщаніе, чтобы мнѣ огненною смертью за свой народъ померетъ. И агаряне ее взяли и сожгли, а народъ съ той поры навсегда освободился». Вотъ въ какомъ преображенномъ видѣ отразился въ ея сознаніи подвигъ Орлеанской дѣвы—отразился такъ, что и самая смерть Жанны д'Аркъ представляется добровольною жертвою. Отдаленное и чужое, какъ человѣческое, становится тутъ своимъ—и еще доводится до особой, скажу чисто *деревенской идеализаціи* [1]). Это увлеченье русской

[1]) Тургеневъ, такимъ образомъ, опять какъ *художникъ*,—точно будто заранѣе взялся изобразить въ лицахъ то наше «всечеловѣчество», которое впослѣдствіи провозглашено было Достоевскимъ въ его Пушкинской рѣчи и на которое особенно напали въ ней именно наши космополиты.

крестьянки Жанною д'Аркъ представлялось бы фальшью, чѣмъ то дѣланнымъ, *городскимъ*—если бы оставалось отвлеченнымъ, если бы изъ за увлеченія прошлымъ и отдаленнымъ позабывалось то, что совершается на глазахъ. Тогда бы тутъ выходило своего рода Рудинство, неизгладившееся, пожалуй, въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ *городскихъ* людей, которые, не умѣя жить дома, уходили умирать въ Сербію — потому что она тогда подвернулась (какъ Рудину подвернулись парижскія баррикады). Не то, совершенно не то въ Тургеневской крестьянкѣ. Увлеченіе чужимъ и отдаленнымъ подвигомъ только усиливаетъ въ ней способность совсѣмъ позабыть себя—зорче видя все то, что вокругъ: «Ничего мнѣ не нужно, говоритъ она; всѣмъ довольна, слава Богу.:. А вотъ вамъ бы, баринъ, матушку вашу уговорить—крестьяне здѣшніе бѣдные—хоть бы малость оброку съ нихъ она сбавила! Земли у нихъ недостаточно, угодій нѣтъ... Они бы за васъ Богу помолились», прибавляетъ она—не рѣшаясь, повидимому, разсчитывать въ своемъ обращеніи къ господамъ на то полнѣйшее безкорыстіе христіанскаго чувства, до какого дошло оно въ ней самой... Этого безкорыстія въ религіозности, какъ видѣли мы, нѣтъ даже въ самоотверженной Тургеневской Лизѣ, нѣтъ, не смотря на многопрославленную *народность* Лизы. Насъ и до сихъ поръ еще увѣряютъ, будто бы личная, очень и очень заинтересованная любовь къ Богу есть существенная черта народнаго религіознаго чувства. Самъ Тургеневъ своими «Живыми мощами» вовсе не утверждаетъ этого: его Лукерья не думаетъ о наградѣ на небѣ и даже не намѣрена наскучать Господу своими молитвами. И она у Тургенева не одна—ей по само-

отверженности совершенно чета и его Калинычъ, и его Касьянъ. Но ей же чета и Платонъ Каратаевъ у Л. Н. Толстаго и, наконецъ, самъ любимый герой нашего народнаго эпоса, и церкви то строющій на поминъ—не своей души.

«НОВЬ».

(Миллеръ О., Григорьевъ К., Никитинъ П., «Отечественныя Записки» 1877 г. («Записки профана»), Буренинъ В.).

[1]) По объему и числу дѣйствующихъ лицъ романа, «Новь» является самымъ большимъ произведеніемъ Тургенева. Всѣ остальные его романы заключаются въ одной части, къ которой иногда присоединенъ небольшой эпилогъ; въ «Нови» художникъ отступаетъ отъ этой экономіи въ изложеніи романа, которая такъ цѣнилась въ нашемъ писателѣ нѣкоторыми иностранными критиками и беллетристами, и въ первый разъ даетъ романъ въ двухъ частяхъ. Какъ бы въ соотвѣтствіе этому, романъ имѣетъ двухъ центральныхъ героевъ, Нежданова и Соломина, очевидно, поставленныхъ въ нѣкоторую противоположность другъ другу для оттѣнка двухъ различныхъ вѣяній времени: одного, если можно такъ выразиться, артистически-политическаго и другого практически-соціальнаго. Къ этимъ двумъ героямъ присоединены нѣсколько другихъ дѣятелей, разныхъ оттѣнковъ, являющихся какъ бы до-

[1]) В. Буренинъ. «Литературная дѣятельность Тургенева».

полнительными лицами для поясненія той жизненной картины, въ которой движутся и борятся главные персонажи романа. Сложность этой картины заставила художника по возможности широко раздвинуть ея раму и дать роману объемъ значительно большій объема прежнихъ произведеній... Образы имъ нарисованные если и не столь точны, выразительны и живы, какъ образы «Отцовъ и дѣтей» или «Дворянскаго гнѣзда», то, во всякомъ случаѣ, скомпанованы съ замѣчательно искуснымъ подборомъ наиболѣе характерныхъ признаковъ и съ еще болѣе искуснымъ расположеніемъ свѣта и тѣни. Не смотря на преклонный возрастъ, въ который написанъ этотъ по преимуществу «молодой» романъ, Тургеневу не измѣнили ни его талантъ, ни его удивительная беллетристическая техника: они проявляются, быть можетъ, съ меньшей силой и свѣжестью, чѣмъ въ произведеніяхъ, бывшихъ апогеемъ его творчества, но все таки проявляются довольно полно. И если всѣ усилія тургеневскаго таланта и вся выработка тургеневской техники не въ состояніи были сообщить образамъ «Нови» настоящую плоть и кровь, не въ состояніи были довести эти образы до полной жизненной реальности и законченности, не въ состояніи были освѣтить совершенно яснымъ свѣтомъ жизненный моментъ, выражаемый образами, то въ этомъ отчасти слѣдуетъ винить нѣкоторую неопредѣленность, переходность самаго момента, нѣкоторую колеблющуюся туманность основнаго строя дѣйствительности, воспроизведенной въ романѣ. «Молодое поколѣнье», какъ извѣстно, не признало себя въ герояхъ «Нови».

Въ двухъ главныхъ герояхъ «Нови» Неждановѣ и

Соломинѣ олицетворено то противоположеніе «таланта» и «характера», о которомъ было поднято столько толковъ у нѣмцевъ во время появленія «юной Германіи» и которое было такъ ядовито осмѣяно Гейне въ «Атта-Тролѣ», гдѣ почтенный медвѣдь аттестованъ въ качествѣ «характера», въ качествѣ «медвѣдя съ направленіемъ», въ качествѣ героя, обладающаго «запахомъ». У насъ, въ періодъ стремленія «передовой молодежи» въ народъ, выступило, какъ и въ Германіи, превознесеніе характера надъ талантомъ. Для политическихъ подвиговъ, для служенія прогрессу талантъ считается излишнимъ и вреднымъ, ибо онъ приводилъ къ эстетикѣ, а эстетика, какъ извѣстно, въ дѣлѣ политическаго служенія народу представляетъ не только нѣчто праздное, но даже и нѣчто вредное. Вслѣдствіе подобнаго убѣжденія многіе юноши, чувствовавшіе въ себѣ эстетическія стремленія, носившіе зачатки талантливости, старались подавлять ихъ, старались отдѣлаться отъ безполезной, по господствовавшему убѣжденію, эстетики и, ударившись въ «политику», усердно драпировались въ тогу «характеровъ», которыми они не были, да и не могли быть, хотя бы, напримѣръ, по одной своей нервной развинченности.

Дѣйствіе «Нови» происходитъ въ 1868 году и захватываетъ, такъ сказать, первые шаги того революціоннаго броженія на Руси, котораго тревожные, судорожные порывы въ ихъ крайнемъ развитіи обнаружились гораздо позднѣе. Эти первые шаги выразились въ формѣ пресловутаго стремленія «въ народъ» нѣкоторой части такъ называемой «передовой молодежи», въ формѣ стремленія низойдти фактически, на дѣлѣ, до служенія народной массѣ, стремленія «опро-

ститься», какъ охарактеризовалъ однимъ словомъ Тургеневъ это сложное, болѣзненное, конечно, но въ то же самое время несомнѣнно дѣйствительное явленіе. Люди, увлекашіеся упомянутымъ стремленіемъ, не всѣ, разумѣется, но въ большинствѣ—увлекались имъ вполнѣ искренно, придавали ему серьезное «прогрессивное» значеніе и въ гордомъ увлеченіи молодой неопытностью, пожалуй, даже молодымъ невѣжествомъ, полагали, что для народа необходима пропаганда тѣхъ свободныхъ теорій, экономическихъ и политическихъ, какія они извлекали изъ запрещенныхъ и незапрещенныхъ брошюрокъ западныхъ мыслителей революціоннаго толка. Они думали свои книжные идеалы связать съ народными идеалами посредствомъ «распропагандированія» темныхъ массъ. Они думали «научить» народъ тому, чему довольно поверхностно научились сами...

Отрицательная сторона того жизненнаго движенія, которое захвачено художникомъ въ «Нови», обрисована довольно эскизно, какъ бы вскользь. Тѣмъ не менѣе и тутъ встрѣчаются блестящія и остроумныя характеристики комическихъ дѣятелей и комическихъ чертъ россійскаго агитаторства. Таковы, напримѣръ, характеристики великолѣпнаго господина Кислякова и купца-кулака Голушкина, въ пьяномъ видѣ жертвующаго «тыщу рублевъ» на революцію. Голушкинскій обѣдъ съ агитаторами очень выразительная иллюстрація нашихъ пьянственныхъ сборищъ во имя «святаго дѣла», сборищъ, на которыхъ льются безсмысленныя рѣчи съ наборомъ словъ: «прогрессъ, правительство, литература, податной вопросъ, церковный вопросъ, женскій вопросъ, судебный вопросъ,

классицизмъ, реализмъ, нигилизмъ, коммунизмъ, интернаціоналъ, клерикалъ, либералъ, капиталъ, администрація, организація, ассоціація и даже кристаллизація». И какъ хорошъ амфитріонъ этого пьянственнаго сборища. Капитонъ Голушкинъ, который внимая всей этой безсмысленной трескотнѣ либеральныхъ словъ, приходитъ въ восторгъ и преисполняется такимъ торжествующимъ видомъ, какъ будто хочетъ сказать: «Знай, молъ, нашихъ? Разступись—убью!... Капитонъ Голушкинъ идетъ!» Какъ хорошъ его приказчикъ Вася, который въ заключеніе всей пьяной трескотни, какъ бѣшеный, выкрикиваетъ изумительный вопросъ: «Что за дьяволъ такой—прогимназія?!?» Не правда ли, въ этой маленькой иллюстраціи, набросанной художникомъ, такъ много всѣмъ намъ знакомаго, роднаго, россійскаго безобразія, безобразія наивнаго, пошлаго, невѣжественно-самодурнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнаго, не смотря на то, что онъ претендуетъ на агитаторскую закваску... А господинъ Кисляковъ, этотъ милый отпрыскъ революціонной хлестаковщины, этотъ россійскій «Лео» въ глазахъ праздно-болтающихъ петербургскихъ и провинціальныхъ радѣтельницъ о возрощеніи европейскаго прогресса на бѣдной и скудной почвѣ отечества—какъ сжато и удивительно живо, на одной страничкѣ, съумѣлъ художникъ нарисовать эту характерную фигурку. Что это за прелестный «дѣятель» фразъ и бездѣлья! Онъ неизвѣстно зачѣмъ скачетъ по русской землѣ, по деревнямъ и городамъ, ночуетъ въ коровьихъ хлѣвахъ, причемъ на этихъ ночлегахъ его «блоха не беретъ»; онъ пишетъ «четырнадцать большихъ писемъ, двадцать восемь малыхъ и восемнадцать записокъ» (изъ

которыхъ четыре карандашемъ, одну кровью, одну сажей, разведенной на водѣ); онъ кропаетъ «соціалистическіе» стишонки, въ которыхъ убѣждаетъ дѣвушекъ «любить не его, а идею»; онъ въ двадцать два года является рѣшившимъ «всѣ вопросы жизни и науки» и несомнѣвающимся, что онъ перевернетъ всю Россію, «встряхнетъ» ее. Давно ли еще подобные дѣятели фигурировали у насъ въ качествѣ настоящихъ героевъ, выдающихся сыновъ молодого поколѣнія, давно ли, приглашая особъ прекраснаго пола «любить идею», катались, какъ сыръ въ маслѣ, «на счетъ клубнички»; давно ли они врали, фразерствовали, нахальничали съ легкостью и беззаботностью истинныхъ Хлестаковыхъ революціи и встрѣчали въ разныхъ либеральныхъ «кружкахъ» не только сочувствіе, но даже обожаніе. Но вотъ Тургеневъ написалъ одну страничку объ этомъ своего рода типикѣ россійскаго «Лео», и страничка эта разоблачила господъ Кисляковыхъ до нитки, уяснила ихъ суть и теперь они уже не только никого не прельщаютъ, не только не фигурируютъ въ качествѣ выдающихся сыновъ «передовой молодежи», но считаются пошлѣйшими пошляками и хлыщами, т. е. именно тѣмъ, чѣмъ они всегда были, есть и будутъ...

[1]) Первая часть романа, судя по газетнымъ рецензіямъ и «уличнымъ» толкамъ, произвела, повидимому, впечатлѣніе не особенно лестное для автора. Литера-

[1]) П. Никитинъ. «Дѣло» 1877 г. № 2. (Въ этой критикѣ, между прочимъ, упоминается, какъ отнеслись къ «Нови», въ моментъ ея появленія, нѣкоторые болѣе или менѣе выдающіеся органы нашей печатной прессы.)

турные коломѣйцовы «Голоса», до сихъ поръ подобострастно расшаркивавшіеся передъ «великимъ художникомъ», изобразили на своемъ хамелеоновскомъ лицѣ гримассу пренебрежительнаго сожалѣнія. «Вотъ оно что, воскликнули они;—это совсѣмъ даже недостойно Тургенева! Это — не болѣе, какъ «зады» передового когда-то учителя, повторяемые съ примѣсью какой-то старческой, порою нѣсколько утомляющей брюзгливости». «Тургеневъ, такъ постоянно отличавшійся своею чуткостью въ распознаваніи злобы дня и нарождающихся измѣненій въ общественномъ темпераментѣ, не попалъ въ жилку на этотъ разъ». Подпольные герои «Нови» не возбуждаютъ къ себѣ никакого художественнаго сочувствія, если исключить типъ купца нигилиста Голушкина... (браво! вотъ что, значитъ, «рыбакъ рыбака видитъ издалека»). «Бѣсы» Достоевскаго и «Некуда» г. Лѣскова куда выше въ этомъ отношеніи «Нови». Но особенно вознегодовалъ «Голосъ» на Тургенева за его отношеніе къ Коломѣйцову. «Это совсѣмъ даже не характеръ, даже не живой образъ, а весьма сомнительнаго свойства шаржъ, который странно встрѣтить на страницахъ серьезнаго произведенія» (а отчего же Голушкинъ, которымъ вы такъ восхищаетесь — не шаржъ, и отчего этотъ шаржъ вамъ нисколько не странно, а, напротивъ, очень даже пріятно «встрѣтить на страницахъ серьезнаго произведенія?» О, Коломѣйцовы, Коломѣйцовы, какъ вы всегда не ловко сами себя выдаете!) Г. Тургеневъ, витійствуютъ дальше наши Коломѣйцовы, «очевидно, за что-то злится на насъ и эта злоба увлекаетъ его за предѣлы всякой художественной и даже общественной правды». «И съ чѣмъ это сообразно, чтобы Ко-

ломѣйцовъ могъ быть употребленъ на ловленіе раскольничьихъ архіереевъ за клобукъ, когда всѣмъ извѣстно, что преслѣдованіе раскольниковъ прекратилось съ началомъ нынѣшняго царствованія?» (?!)

Сипягинымъ тоже остались недовольны и тоже нашли, что это совсѣмъ не «живое лицо», и что подобныхъ шаблонныхъ сановниковъ «способенъ всякій нарисовать, начиная съ Авсѣенко и кончая княземъ Мещерскимъ».

Однако князь Мещерскій тоже не одобрилъ Сипягина и тоже нашелъ, что Коломѣйцовъ — шаржъ. Вообще, «новый романъ Тургенева, по мнѣнію его сіятельства, не удовлетворилъ ничьихъ ожиданій, изъ рукъ вонъ плохъ; даже удивительно, какъ это Тургеневъ, написавшій «Отцовъ и дѣтей», могъ написать такую плохую вещь?» Впрочемъ, князь удивляется только для виду, въ сущности же онъ очень хорошо знаетъ, что иначе и быть не могло. Во-первыхъ, тему авторъ взялъ преглупую: «нигилисты»; но кто же теперь думаетъ о нигилистахъ (князь, очевидно, забываетъ то, о чемъ онъ самъ постоянно думаетъ)? «Они надоѣли всѣмъ и въ литературѣ, и въ дѣйствительности». Во-вторыхъ, къ этой глупой темѣ авторъ отнесся самымъ глупѣйшимъ образомъ: на старости лѣтъ онъ вздумалъ кокетничать и расшаркиваться съ людьми, долженствующими возбуждать въ душѣ всякаго истиннаго «гражданина» лишь чувство негодованія и презрѣнія.

Въ такомъ же или почти въ такомъ же духѣ высказались и прочіе органы Мещерско-Краевскаго толка. Тургеневъ, по ихъ отзывамъ, хотя и не щадитъ, но все-таки какъ будто симпатизируетъ новымъ и

подростающимъ представителямъ общества, и крайне пристрастно, съ совсѣмъ «нехудожественнымъ озлобленіемъ» относится къ элементамъ старымъ и отживающимъ, къ такимъ, во всякомъ случаѣ, почтеннымъ господамъ, какъ Сипягины и Коломѣйцовы.

На органы съ оттѣнкомъ «свободомыслія» (хотя бы на нижнихъ своихъ столбцахъ), вродѣ «Биржевыхъ Новостей», «Новаго Времени» и «Недѣли», «Новь» произвела нѣсколько иное, хотя и не менѣе смутное впечатлѣніе. Газета г. Полетики скромно заявила, что пока она еще ничего въ романѣ не понимаетъ и мнѣнія о немъ никакого не имѣетъ. «Сипягинъ стереотипенъ и баналенъ, Коломѣйцовъ — шаржированъ, Неждановъ и Соломинъ — личности столь неопредѣленно обрисованныя, что о нихъ ничего положительнаго сказать нельзя. Голушкинъ же—это чистая каррикатура, до крайности смахивающая не то на «Взбаламученное море» Писемскаго, не то на «Некуда» Стебницкаго».

Напротивъ, «Новое Время» нашло, что «личности, выступающія въ романѣ, обрисованы мастерски немногими крупными штрихами и, не смотря на отсутствіе столь любимаго многими психологическаго анализа, выступаютъ живыми людьми; можно сочувствовать имъ, жалѣть ихъ, или ужь отнестись къ нимъ иначе (какъ это тонко и политично выражено: истинные Талейраны!), но правда, живая правда, безъ всякихъ риторическихъ прикрасъ, охватываетъ васъ и завлекаетъ въ этотъ жизненный потокъ!»

Рецензентъ «Недѣли», тотъ самый рецензентъ, который сожалѣлъ, что въ нашей журналистикѣ не найдется, по всей вѣроятности, критика, способнаго

оцѣнить новое произведеніе Тургенева по достоинству,—этотъ рецензентъ, какъ и слѣдовало ожидать, выражаетъ свое полное одобреніе и сочувствіе тургеневскому роману. «Честь и слава, восклицаетъ онъ,— свѣтлому таланту Тургенева и дай Богъ добраго успѣха его новому роману, насквозь проникнутому теплой, отеческой любовью къ молодому поколѣнью!» Не видно, впрочемъ, на чемъ основываетъ авторъ свое заключеніе «о теплой, отеческой любви». Во всемъ романѣ онъ видитъ «единственно сколько-нибудь отрадный образъ — это образъ героини романа Маріанны». Въ описаніи остальныхъ героевъ романа «Нови» онъ замѣчаетъ у автора «тѣ же пріемы, съ которыми пріобыкли подходить къ изображенію ихъ всѣ изобразители «нигилистокъ», начиная съ Стебницкаго и кончая княземъ Мещерскимъ». «Второстепенныя личности романа, изъ новыхъ типовъ молодежи, очерчены пока внѣшнимъ образомъ». «Въ романѣ... все еще чего-то недостаетъ... не вытанцовывается... картина слишкомъ блѣдна». «Есть основаніе опасаться, что сторона наиболѣе жгучихъ вопросовъ и до конца останется у художника въ тѣни... потому что онъ незнакомъ и не можетъ быть близко знакомъ съ этою таинственною (?) стороною дѣла».

Вообще, по мнѣнію рецензента, новый романъ Тургенева долженъ будетъ произвести на «новь» «впечатлѣніе тяжелое, грустное, томительное», что, однакожь, не помѣшаетъ ему (т.-е. впечатлѣнію) быть «благотворнымъ, отрезвляющимъ, но не убивающимъ ничего хорошаго».

Не желая уклоняться въ сторону, мы прежде всего отдѣлимъ вводныя, эпизодическія, аксессуарныя лич-

ности, фигурирующія въ романѣ, отъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, отъ его героевъ. Только послѣдніе для насъ и интересны, потому на нихъ то мы и сосредоточимъ все наше вниманіе. Къ числу аксессуаровъ мы относимъ, съ одной стороны, Остродумова, Машурину, Маркелова, Голушкина и «резонера» романа Паклина; съ другой—Коломѣйцова и супруговъ Сипягиныхъ. Аксессуары первой категоріи пришиты къ роману живыми нитками и, судя по ихъ «художественной отдѣлкѣ», можно думать, что самъ авторъ не придавалъ имъ никакого значенія. Какъ бы ни смотрѣли на художественный талантъ Тургенева, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что среди нашихъ современныхъ беллетристовъ (за вычетомъ Писемскаго и Достоевскаго) это одинъ изъ самыхъ крупныхъ талантовъ. Возможно ли допустить, чтобы «крупный художественный талантъ», желая обрисовать выдающіеся типы извѣстной общественной среды, унизился бы до плагіата, и, вмѣсто того, чтобы самому изучать и наблюдать эту среду, обобщать единичныя явленія и претворять ихъ въ самобытные, живые, конкретные образы,—рѣшился бы воспользоваться чужимъ трудомъ, и притомъ трудомъ весьма сомнительнаго достоинства, рѣшился бы заимствовать готовые образы... и откуда же?—Изъ «Бѣсовъ» и «Взбаламученнаго моря»! Нѣтъ, это рѣшительно невозможно. Совсѣмъ другое дѣло, если художникъ, нисколько не имѣя въ виду «обрисовать выдающіеся типы данной среды», захотѣлъ просто взять «нѣкоторыхъ» изъ этой среды, первыхъ попавшихся, съ невинною цѣлью, черезъ сопоставленіе ихъ съ главными героями романа, рельефнѣе, ярче оттѣнить характеръ послѣд-

нихъ. Очень можетъ быть, что для лучшаго достиженія своей невинной цѣли, въ интересахъ художника было выбрать даже изъ этихъ «первыхъ попавшихся» личности наиболѣе неуклюжія, нескладныя, даже неправдоподобныя... Никто не можетъ стѣснять его въ выборѣ тѣхъ средствъ, которыя онъ считаетъ наиболѣе удобными и цѣлесообразными для обрисовки характеровъ своихъ героевъ. Не спорю, съ чисто-художественной точки зрѣнія противъ избраннаго имъ пріема можно было бы сказать очень многое. Но я здѣсь не хочу заниматься художественною оцѣнкою «Нови»...

Уважая свободу художника, мы не обвиняемъ его за его не совсѣмъ художественный пріемъ, и, вполнѣ признавая, что въ обрисовкѣ аксессуарныхъ личностей первой категоріи нѣтъ ни крупицы художественной правды, мы прибавляемъ, однакожь, что въ виду той спеціальной цѣли, съ которой онѣ введены въ романъ, автору и не для чего было гоняться за этою правдою. Напротивъ, она, чего добраго, только разстроила бы общій тонъ задуманнаго имъ произведенія.

Что касается аксессуаровъ второй категоріи, къ которымъ мы причисляемъ Коломѣйцова и супруговъ Сипягиныхъ (о Фомушкѣ съ Фимушкой не стоитъ и упоминать), то замѣтимъ, прежде всего, что и эти аксессуары, какъ и аксессуары первой категоріи, пришиты къ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ романа крайне искусственнымъ и совершенно неправдоподобнымъ образомъ. Если для сближенія Нежданова, Соломина и Маріанны съ Остродумовымъ, Машуриной, Голушкинымъ и т. п. понадобился какой-то таинственный и ни для кого невидимый Василій Николаевичъ, то для сближенія Нежданова съ Сипяги-

нымъ и Коломѣйцовымъ потребовался уже цѣлый рядъ самыхъ невѣроятныхъ событій. Потребовалось прежде всего, чтобы Неждановъ, желая взять билетъ въ партеръ Александринскаго театра, встрѣтился въ кассѣ съ какимъ то офицеромъ, тоже имѣвшимъ намѣреніе взять билетъ, но только въ кресла; хотя офицеръ пришелъ позже Нежданова, но такъ какъ онъ куда то торопился, то и попросилъ кассира выдать ему билетъ раньше, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что ему (т.-е. Нежданову), вѣроятно, придется получать сдачу, «а мнѣ не надо». Мотивированіе это показалось Нежданову до такой степени оскорбительнымъ, что онъ рѣшился не брать сдачи, а взять вмѣсто того также билетъ въ кресла, и, въ благородномъ (хотя и совершенно непонятномъ) негодованіи, «онъ бросилъ въ окошко трехъ-рублевую бумажку, весь свой наличный капиталъ». Посадивъ такимъ образомъ своего героя, противъ его воли, въ кресла Александринскаго театра, авторъ сажаетъ рядомъ съ нимъ нѣкоего важнаго сановника, тайнаго совѣтника Сипягина. Затѣмъ онъ заставляетъ важнаго сановника начать литературный разговоръ (объ Островскомъ) съ Неждановымъ, совершенно до тѣхъ поръ ему незнакомымъ и одѣтымъ настолько бѣдно и даже неприлично, что всѣ вообще особы, сидѣвшія въ креслахъ (это въ Александринкѣ-то!) посматривали на него не особенно дружелюбно. Хотя въ разговорѣ съ сановникомъ Неждановъ заявилъ себя нигилистомъ и человѣкомъ «крайнихъ мнѣній» и хотя эти мнѣнія онъ «высказывалъ весьма громко, во всеуслышаніе», однако, авторъ заставляетъ Сипягина (такъ звали важнаго сановника) воспылать къ «неприличному сту-

денту» большимъ сочувствіемъ. При выходѣ изъ театра Сипягина встрѣчаетъ нѣкій флигель-адъютантъ и князь Г., который оказывается братомъ (конечно, побочнымъ) «неприличнаго студента». Онъ разсказываетъ объ этомъ «важному сановнику», сообщаетъ, что заинтересовавшаго его студента зовутъ Неждановымъ и что онъ, дѣйствительно, человѣкъ крайнихъ мнѣній. На другой день авторъ подсовываетъ Сипягину тотъ № «Полицейскихъ Вѣдомостей», въ которомъ напечатано въ отдѣлѣ объявленій, что «студентъ Неждановъ, живущій тамъ-то, ищетъ мѣсто учителя въ отъѣздъ». Сипягинъ усматриваетъ въ этомъ удивительномъ совпаденіи обстоятельствъ «перстъ судьбы», ѣдетъ сейчасъ къ Нежданову и приглашаетъ его къ себѣ въ деревню учить его девятилѣтняго сына Колю. Неждановъ, конечно, соглашается, и аксессуаръ притянутъ къ герою.

Рецензенты раньше насъ еще указали на крайнюю неправдоподобность всѣхъ этихъ «случайностей», которыя если и могутъ быть въ дѣйствительной жизни, какъ изъ ряду вонъ выходящія явленія, то художникъ, претендующій на воспроизведеніе реальной жизни, не въ правѣ пользоваться ими, какъ матеріаломъ для своихъ обобщеній. Одинъ изъ рецензентовъ заявилъ даже, что хотя «это все пустяки, но пустяки эти рушатъ за собою весь романъ, подобно тому, какъ стоитъ вынуть одну карту изъ карточнаго домика — и весь онъ, безъ удержу, развалится въ одно мгновеніе». «Въ самомъ дѣлѣ, подумайте только, философствуетъ тотъ же рецензентъ, — что Неждановъ не могъ попасть во 2-й рядъ кресселъ путемъ такого скандала, какимъ онъ попалъ, не могъ поэтому встрѣтиться и съ Сипяги-

нымъ, самое присутствіе котораго въ Александринкѣ весьма подозрительно. Ну, затѣмъ и весь романъ долженъ оказаться несбывшимся». Конечно, подобный выводъ можетъ придти въ голову лишь такому «заурядному читателю», заурядность котораго ниже средняго уровня. Обыкновенный же читатель, т. е. читатель средней заурядности, даже и неотличающійся проницательностію газетнаго рецензента, уже и по первой части романа могъ сообразить, что Сипягины и ихъ пріятель Коломѣйцовъ не играютъ въ романѣ никакой существенной роли, что они привязаны къ нему бѣлыми нитками, и что поэтому, если бы даже эти нитки и порвались, то романъ все-таки «не разрушился бы» и не оказался бы «несбывшимся».

[1]) Романъ «Новь» написанъ на тему революціоннаго «хожденія въ народѣ». Намъ, въ Россіи живущимъ, трудно судить о степени вѣрности лицъ «Нови» и ихъ дѣлъ. Знаемъ мы эти дѣла только по слухамъ, да изъ нѣкоторыхъ политическихъ процессовъ. Но такъ какъ мы живемъ въ Россіи, то незнаніе наше все таки, по крайней мѣрѣ, не превышаетъ незнанія г. Тургенева, а потому кое-какія соображенія для оцѣнки «Нови» у насъ есть. У насъ есть, во-первыхъ, данныя для оцѣнки нѣкоторыхъ подробностей, частностей, не играющихъ существенной роли въ романѣ, но не безъинтересныхъ. Напримѣръ, въ романѣ фигурируетъ нѣкая дѣвица Машурина, очень некрасивая, между прочимъ. Вотъ какъ говоритъ объ ней авторъ: «Года полтора тому назадъ, она бросила свою родную, дворянскую, небогатую семью въ южной Рос-

[1]) «Записки профана». «Отечественныя Записки» 1877 г. № 2.

сіи, прибыла въ Петербургъ съ шестью цѣлковыми въ карманѣ; поступила въ родовспомогательное заведеніе и безустаннымъ трудомъ добилась желаннаго аттестата. Она была дѣвица... и очень цѣломудренная дѣвица. Дѣло не удивительное! скажетъ иной скептикъ, вспомнивъ то, что сказано объ ея наружности. Дѣло удивительное и рѣдкое! позволимъ себѣ сказать мы.» Этими словами г. Тургеневъ «позволилъ себѣ сказать» просто неправду, основываясь, конечно, на невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ ему кѣмъ-нибудь изъ Россіи. За неимѣніемъ статистики цѣломудрія (вотъ бы хорошо завести, всякій бы зналъ, по крайней мѣрѣ!), нельзя этого доказать; но всѣ мы, живущіе въ Россіи, тѣмъ не менѣе, знаемъ, что Машурина съ этой стороны вовсе не составляетъ чего нибудь «рѣдкаго и удивительнаго». Бываетъ это часто. Такихъ мелочей, гдѣ мы, по необходимости ближе стоящіе къ дѣлу, можемъ съ удобствомъ провѣрить показанія г. Тургенева, можно найти не мало. Но Богъ съ ними, съ мелочами. Ошибка въ фальшь не ставится. Одно только можно сказать: какое намъ дѣло до цѣломудрія госпожи Машуриной и какіе ужь мы съ г. Тургеневымъ контролёры чужаго цѣломудрія? Ошибка въ фальшь не ставится. Но фальшь ужь непремѣнно въ счетъ идетъ. А и для этого у насъ, русскихъ читателей, есть не то, что опредѣленныя, объективныя данныя, хотя есть и они, а, такъ сказать, данныя субъективныя, внутри насъ лежащія.

Политическіе процессы слѣдуютъ одинъ за другимъ. Правительство естественно озабочивается пріисканіемъ мѣръ противъ этого рода преступленій. Интересуются ими газеты, интересуется общество. Всѣ хо-

тятъ знать, въ чемъ же дѣло? Гдѣ причины этихъ революціонныхъ попытокъ? Почему онѣ направлены именно такъ, а не иначе? Всѣ стараются разрѣшить эти вопросы, кто — про себя, кто — публично. Вотъ, напр., г. Достоевскій, въ декабрьскомъ номерѣ своего «Дневника», объясняетъ дѣло утратою вѣры въ безсмертіе души. Другіе указываютъ, какъ на причину, на разложеніе семьи, утратившей возможность или желаніе направлять своихъ младшихъ членовъ къ строго легальнымъ цѣлямъ. Третьи укажутъ на условія школьнаго воспитанія и образованія. Четвертые— на экономическія условія и т. д. При всемъ разнообразіи этихъ объясненій, въ нихъ есть одна общая черта: они ищутъ корня дѣла, его общественныхъ причинъ. Это понятно. Каждому русскому естественно искать общихъ причинъ этихъ явленій. Братъ Ивана Сидорова, мужъ Марьи Ивановой, тетка Сидора Иванова интересуются личною судьбою своихъ родственниковъ и подъискиваютъ въ ихъ жизни причины ихъ революціоннаго увлеченія. Но вообще-то говоря, эти личныя исторіи Ивана Сидорова и пр. въ такомъ только случаѣ интересны, если въ нихъ содержится хоть намекъ на исторію общую. Естественно было бы ждать чего-нибудь подобнаго и отъ романа г. Тургенева. Къ сожалѣнію, это не вошло въ его задачу. На то была, конечно, его добрая воля; но дѣло въ томъ, что, вслѣдствіе этого, его романъ въ значительной степени утрачиваетъ свой raison d'être. Всѣ дѣйствующія лица «Нови» являются въ извѣстномъ смыслѣ вполнѣ готовыми, что, мимоходомъ сказать, придаетъ имъ какую-то деревянность. Процессъ образованія идей и чувствъ, толкнувшихъ ихъ на опасную

дорогу, или совсѣмъ скрытъ (Машурина, Остродумовъ, Соломинъ), или коротенько разсказанъ «словами», да и то очень неполно.

Романъ, въ которомъ изображаются только «поступки», рядъ дѣйствій, безъ внутренняго, психическаго развитія персонажей, былъ бы очень плохъ, даже въ чисто-художественномъ смыслѣ. Въ прежнихъ романахъ г. Тургенева, какъ и въ большинствѣ романовъ, это внутреннее, психическое развитіе сосредоточивалось на процессахъ и перипетіяхъ любви. Постепенное разгораніе или потуханіе страсти, разныя столкновенія на этой почвѣ приковывали къ себѣ вниманіе читателя и заставляли его съ интересомъ слѣдить даже за пустячными внѣшними дѣйствіями, «поступками». «Новь»—романъ политическій, и потому въ немъ психическое движеніе должно хоть отчасти основываться на политическихъ мотивахъ. Но, какъ сказано, всѣ дѣйствующія лица «Нови» оказываются въ этомъ отношеніи точно замороженными. На счетъ движенія любовнаго мы получаемъ матеріалу очень достаточно: какъ въ госпожѣ Сипягиной поднимается и быстро падаетъ неопредѣленное влеченіе къ Нежданову, какъ зарождается и ростетъ въ Неждановѣ любовь къ Маріаннѣ, какіе разнообразные оттѣнки принимаетъ послѣдовательно склонность Маріанны сначала къ Нежданову, а потомъ къ Соломину. Но какъ зарождаются, ростутъ, падаютъ чувства и идеи политическія, это остается въ туманѣ. Только Маріанна составляетъ маленькое исключеніе, очень маленькое, хотя авторъ приложилъ даже особенное стараніе къ выясненію ея образа съ этой стороны...

«Общественное явленіе сведено у г. Тургенева къ

разнообразнымъ, мелкимъ, личнымъ причинамъ. Онъ, разумѣется, самъ понимаетъ, что это невѣрно, что и «червонныхъ валетовъ», напримѣръ, можно тоже представить въ видѣ кучки «неудачниковъ», ни на волосъ не объяснивъ дѣла. Онъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать этого. Наконецъ, заключительныя слова Паклина (которому авторъ вкладываетъ много своихъ собственныхъ, тургеневскихъ шпилекъ и остротъ, а отчасти и серьезныхъ мыслей, предоставляя, впрочемъ, свое серьезное задушевное болѣе Нежданову), заключительныя слова Паклина о Соломинѣ ясно говорятъ, что какая-то общая причина, общій фонъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ личныхъ исторій существуетъ. Какая причина? какой фонъ? — этого г. Тургеневъ не знаетъ и не хочетъ знать. Съ него требуютъ «новыхъ людей». Онъ исполняетъ требованіе, специализируетъ свою задачу до уровня неразумнаго заказа и, слѣдуя голосу заказчиковъ, представляетъ всю совокупность условій, породившихъ «новыхъ людей» другимъ, а себѣ оставляетъ только ихъ висящія на воздухѣ личности и ихъ «поступки». Такова основная фальшь романа. Но, разъ принявъ непосильный заказъ, г. Тургеневъ естественно долженъ былъ пойти и далѣе по этой скользкой дорогѣ фальши. Человѣкъ, который берется, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, говорить о предметѣ, для него невидимомъ, какъ о видимомъ, долженъ все время разговора лавировать, многое обходить, многое совсѣмъ постороннее приплетать и т. п. Это случилось и съ г. Тургеневымъ. Замѣчательно, что всѣ *вѣрующіе* «новые люди» у него очень честны, но чрезвычайно тупы, тупы не случайно, а по велѣнію автора; это уже изъ того

видно, что *не* вѣрующимъ (Нежданову, Соломину, Паклину) онъ въ умѣ не отказываетъ и даже цѣнитъ ихъ въ этомъ отношеніи свыше мѣры. Объ Остродумовѣ Паклинъ (очень часто alter ego самого г. Тургенева) выражается такъ: «не все же полагаться на однихъ Остродумовыхъ! Честные они, хорошіе люди, за то глупы! глупы!!! Ты посмотри на нашего пріятеля. Самыя подошвы его сапоговъ, и тѣ не такія, какія бываютъ у умныхъ людей». Машурина, Кисляковъ до такой степени глупы, что составляютъ даже мишень для остроумія автора. О Маркеловѣ прямо говорится, какъ о человѣкѣ съ «ограниченнымъ умомъ», какъ о «существѣ тупомъ». О Маріаннѣ ничего подобнаго не говорится, но ведетъ она себя положительно глупо. Все это не случайно, а непремѣнно такъ и должно было выдти у г. Тургенева. Если вамъ закажутъ романъ изъ китайской жизни и вы будете имѣть подъ руками только кое-какіе скудные печатные матеріалы, васъ невольно потянетъ къ изображенію людей тупыхъ, ограниченныхъ, потому что ихъ несвѣдущему человѣку изобразить легче: натуры у нихъ несложныя, кругозоръ узенькій, поступки аляповатые. Повернуть дурака можно куда угодно, безъ всякой отвѣтственности, въ душу залѣзть къ нему немудрено. Эта сплошная глупость вѣрующихъ еще особенно оттѣняется невидимымъ присутствіемъ ихъ вожака, объ которомъ только и извѣстно, что зовутъ его Василіемъ Николаевичемъ, и что всѣ ему повинуются. Г. Тургеневъ, очевидно, самъ чувствовалъ, что ему не справиться съ этимъ типомъ, и потому ни разу не показалъ его читателю. Но тогда зачѣмъ же было огородъ городить?

Глупые люди были до такой степени нужны г. Тургеневу, что онъ оказался вынужденнымъ привлечь къ участію въ ихъ глупостяхъ даже своихъ умницъ. Помните, напримѣръ, какъ Маркеловъ, Неждановъ, Паклинъ и Соломинъ посѣщаютъ Голушкина и супруговъ Субочевыхъ, эту, мимоходомъ сказать, очень плохую и неизвѣстно для чего выставленную пародію старосвѣтскихъ помѣщиковъ Гоголя. Оба эти посѣщенія составляютъ сплошную глупость, не безъ грязнаго оттѣнка вдобавокъ. Даже непонятно, какъ такіе серьезные и умные люди, какими авторъ желаетъ представить Соломина и отчасти Нежданова, могутъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, проводить время съ «блаженными» Ѳомушкой и Ѳимушкой, пьянствовать съ глупцомъ и негодяемъ Голушкинымъ, болтать при этомъ совсѣмъ неподходящія вещи въ присутствіи совершенно незнакомаго голушкинскаго приказчика, который потомъ и оказывается предателемъ. Неужто даже у умницъ не хватаетъ смысла понять, что рекомендація Голушкина очень мало надежна? Но такова ужь сила глупости всѣхъ изображаемыхъ г. Тургеневымъ поступковъ, что, какъ только начнутъ люди «поступать», такъ и распространяютъ кругомъ себя заразу глупости. И все это только потому, что глупыхъ легко рисовать...

[1]) Художникъ, чуть ли не 15 лѣтъ почти безвыѣздно проживавшій за границей, смѣло берется за «истолкованіе» такого явленія, передъ которымъ въ недоумѣніи останавливаются самые близкіе наблюдатели. Онъ смѣло берется за описаніе пропаганды, заговора,

---

[1]) К. Григорьевъ. «Дѣло» 1884 г. № 1.

типовъ, хотя ни того, ни другого, ни третьяго совершенно не могъ наблюдать изъ своего прекраснаго далека. Ничто его не устрашаетъ. Я знаю, находятся люди, которые даже по поводу этой исторіи рѣшаются говорить о «геніальности», но право это ужь слишкомъ! Допустите какую угодно геніальность, но согласитесь все-таки, что законы природы обязательны для генія, какъ для простого смертнаго... И что же нужно сказать, если геній совершенно забываетъ объ этихъ законахъ природы, если онъ, напримѣръ, о нравахъ какого-нибудь животнаго начинаетъ судить по чучелѣ зоологическаго музея, о настроеніи воина во время битвы—по трупу убитаго солдата и т. д.? Я полагаю, что каждый художникъ, если онъ даже не понимаетъ этого сознательно, то ужь однимъ своимъ художественнымъ чутьемъ, однимъ ощущеніемъ правдивости, жизненности явленія, долженъ приходить къ пониманію, что составныя части каждаго процесса, взятыя въ изолированномъ видѣ, имѣютъ совсѣмъ не тотъ характеръ, какой пріобрѣтаютъ при своемъ взаимодѣйствіи. Что сказать, если художникъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто онъ перестаетъ это понимать? Я думаю, очевидно, что побудительною причиною у него, стало быть, служитъ что угодно, но только не художественное чутье. Оно у него, положимъ, есть, но въ данномъ случаѣ не оно имъ руководитъ. А затѣмъ—какая громадная увѣренность нужна для того, чтобы браться за истолкованіе при такихъ условіяхъ, и потомъ еще думать, что послѣдующее потвердило ваше мнѣніе? При такомъ убѣжденіи Тургеневъ остался до конца дней, завѣщая его намъ даже въ своихъ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ»!...

НЕЖДАНОВЪ.

[1]) Нѣкоторые проницательные рецензенты усмотрѣли въ Неждановѣ тоже одного изъ представителей «Нови», героя романа. Утвердившись на этой точкѣ зрѣнія, имъ нетрудно было показать, что въ этомъ героѣ нѣтъ рѣшительно ничего героическаго ни съ положительной, ни съ отрицательной стороны, что это не болѣе, какъ одинъ изъ тѣхъ Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда, которые, подъ тою или другою фирмою, неизмѣнно воспроизводились Тургеневымъ въ большей части его прежнихъ произведеній, и что поэтому видѣть въ немъ представителя современнаго молодого поколѣнія можетъ только человѣкъ, живущій старческими воспоминаніями и созерцающій любезное отечество изъ «прекраснаго далека».

Все это было бы совершенно справедливо, если бы только дѣйствительно можно было доказать, что точка зрѣнія рецензентовъ на Нежданова есть въ то же время и точка зрѣнія Тургенева. Но изъ романа этого никакъ нельзя вывести. Напротивъ, устами «резонера» Паклина, авторъ самымъ категорическимъ образомъ заявляетъ, что единственнымъ представителемъ «нови», настоящей нови, онъ считаетъ Соломина. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, понадобился ему Неждановъ?

Достаточно самаго бѣглаго просмотра романа, чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ. Неждановъ, какъ воплощеніе «души неуравновѣшенной», былъ ему необходимъ для вящаго уясненія и болѣе рельефнаго оттѣненія всѣхъ достоинствъ и добродѣтелей «уравновѣшенной души» Соломина. И дѣйствительно, безъ сопоставленія этихъ двухъ личностей невозможно сдѣ-

[1]) П. Никитинъ. «Дѣло» 1877 г. № 2.

лать вѣрной оцѣнки героя романа. Авторъ, повидимому, глубоко убѣжденъ, что изъ этого сопоставленія всякій читатель выведетъ именно то заключеніе, которое вывелъ Паклинъ, и отдастъ безусловное предпочтеніе «сѣрому, простому, хитрому Соломину» передъ бѣлымъ, совсѣмъ не хитрымъ и не простымъ Неждановымъ...

Тургеневъ сдѣлалъ Нежданова незаконнымъ сыномъ, рожденнымъ отъ преступной связи нѣкоего князя Г., «богача, генералъ-адъютанта», и гувернантки княжескихъ дочерей, «хорошенькой институтки», умершей въ самый день родовъ. Этою-то «незаконностью» рожденія своего героя авторъ и старается объяснить всѣ странности и противорѣчія его характера. «Фальшивое положеніе, въ которое онъ (т.-е. Неждановъ) былъ поставленъ съ самаго дѣтства, говоритъ авторъ,— развило въ немъ обидчивость и раздражительность, но прирожденное великодушіе не давало ему сдѣлаться подозрительнымъ и недовѣрчивымъ. Тѣмъ же самымъ фальшивымъ положеніемъ Нежданова объяснялись и противорѣчія, которыя сталкивались въ его существѣ. Опрятный до щепетильности, брезгливый до гадливости, онъ силился быть циничнымъ и грубымъ на словахъ; идеалистъ по натурѣ, страстный и цѣломудренный, смѣлый и робкій въ одно и то же время, онъ, какъ позорнаго порока, стыдился и этой робости своей, и своего цѣломудрія, и считалъ долгомъ смѣяться надъ идеалами. (Надъ какими идеалами? Ужь, конечно, не надъ тѣми, которые онъ самъ исповѣдывалъ и во имя которыхъ дѣйствовалъ. Да и возможно ли представить себѣ мыслящаго человѣка, какимъ авторъ представляетъ Нежданова, который бы смѣялся надъ

идеалами вообще! Вѣдь это было бы чистымъ абсурдомъ! И Тургеневъ, очевидно, упомянулъ здѣсь объ идеалахъ просто ради красиваго словца, въ интересахъ риторическаго округленія фразы). Сердце онъ имѣлъ нѣжное и чуждался людей; легко озлоблялся и никогда не помнилъ зла. Онъ негодовалъ на своего отца за то, что тотъ пустилъ его «по эстетикѣ» (т.-е. по историко-философскому факультету; гораздо правильнѣе было бы сказать: «по классической части»); онъ явно, на виду у всѣхъ, занимался одними политическими и соціальными вопросами, и втайнѣ наслаждался художествомъ, поэзіей, красотою во всѣхъ ея проявленіяхъ, даже самъ писалъ стихи. Онъ тщательно пряталъ тетрадку, въ которую онъ заносилъ ихъ, и изъ петербургскихъ друзей только Паклинъ, и то по свойственному ему чутью, подозрѣвалъ ея существованіе. Ничто такъ не обижало, не оскорбляло Нежданова, какъ малѣйшій намекъ на его стихотворство, на эту его, какъ онъ полагалъ, непростительную слабость. По милости воспитателя—швейцарца, онъ зналъ довольно много фактовъ и не боялся труда; онъ даже охотно работалъ — нѣсколько, правда, лихорадочно и непослѣдовательно. Товарищи его любили, ихъ привлекала его внутренняя правдивость, доброта и чистота; не легко ему жилось. Онъ самъ глубоко это чувствовалъ и сознавалъ себя одинокимъ, не смотря на привязанность друзей».

И все это происходило будто бы оттого, что онъ былъ незаконнымъ сыномъ! И нашлись же вѣдь наивные рецензенты, которые повѣрили автору на слово и тоже объясняютъ характеръ Нежданова незаконнорожденностью! Да если бы это дѣйствительно

было такъ, какой же бы тогда интересъ могъ представлять для насъ господинъ Неждановъ и какой бы смыслъ могло имѣть его сопоставленіе съ Соломинымъ? Ну, что же, Соломинъ—душа уравновѣшенная, Неждановъ — неуравновѣшенная, потому что первый родился въ бракѣ, второй—внѣ брака!

Не смѣшное ли это объясненіе? а между тѣмъ, согласитесь, съ точки зрѣнія этихъ рецензентовъ, оно было бы вполнѣ логично. Разумѣется, въ этомъ виноватъ прежде всего самъ Тургеневъ. Вѣрно понявъ и мастерски очертивъ характеръ Нежданова, онъ не съумѣлъ объяснить,—впрочемъ, пожалуй, это было и не его дѣло,—его происхожденія. Причину совершенно случайную и совсѣмъ неважную онъ принялъ за главную, за самую существенную. Очевидно, онъ повторилъ здѣсь ту же ошибку, въ которую раньше его впалъ Достоевскій въ послѣднемъ своемъ романѣ «Подростокъ». Достоевскій точно такимъ же образомъ объясняетъ странности и противорѣчія своего «подростка» помѣсью благородной дворянской крови съ неблагородной кровью плебеевъ! Какъ будто ужь и въ самомъ дѣлѣ между дворянской и плебейской кровью существуетъ такое рѣзкое различіе! И какъ будто гувернантка въ княжескомъ домѣ, «хорошенькая институтка», такъ сильно отличалась по своимъ внутреннимъ качествамъ отъ своего сіятельнаго патрона, что отъ ея союза съ нимъ непремѣнно долженъ былъ произойти горькій плодъ, преисполненный всяческихъ противорѣчій. Нѣтъ, незаконность неждановскаго рожденія—это чистая случайность,—случайность, рѣшительно ничего необъясняющая.

[1]) Неждановъ, въ котораго увѣровала Маріанна и еще раньше, а, можетъ быть, и крѣпче еще увѣровала болѣе простая, пожалуй даже ограниченная, но за то никогда не барствовавшая Машурина,—этотъ Неждановъ—одинъ изъ тѣхъ, по словамъ Паклина, «*внезапныхъ исцѣлителей общественныхъ ранъ*», одинъ изъ тѣхъ «*родящихся чай готовыми*», какъ выражается о Маркеловѣ Соломинъ, «*освободителей*» русскаго народа, которые на дѣлѣ оказываются все тѣми же Щигровскими гамлетами, т. е. продуктами тепличной среды, вообразившими чисто по книжному, будто «дѣло вѣковъ поправляется такъ легко». Онъ уже не относится къ народу высокомѣрно-холодно, какъ когда-то Базаровъ, говорившій Аркадію: «Я возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть и который мнѣ даже спасибо не скажетъ». Тотъ, по словамъ Базарова, «романтизмъ», который уцѣлѣлъ въ молодомъ Кирсановѣ, составляетъ, должно быть, одну изъ существенныхъ сторонъ природы, гонимой въ окно и входящей въ дверь. Романтизмъ этотъ ожилъ въ томъ поколѣніи, которое явилось со своими Неждановыми. Но отношенія народа и къ этимъ, простирающимъ ему объятія, новымъ романтикамъ—все тѣ же старыя, недовѣрчиво сторонящіяся и отнѣкивающіяся. «Ты, восклицаетъ Неждановъ, невѣдомый намъ, но любимый нами всѣмъ нашимъ существомъ, всею кровью нашего сердца, русскій народъ, прими насъ не слишкомъ безучастно и научи насъ, чего мы должны ждать отъ тебя»! Тщетная, безотзывная мольба! То-то и есть, что

---

[1]) О. Миллеръ. «Русское Богатство» 1883 г. № 12.

онъ нашъ *невѣдомый*, и мы въ нашей новой роли ему невѣдомы, и поздно, слишкомъ поздно вдругъ догадались, что надобно отъ него самого научиться...

[1]) Основная черта, указанная Тургеневымъ въ Нежданов̂ѣ—насильственное, формальное втягиваніе себя въ политическую дѣятельность, тогда какъ всѣ настоящія внутреннія душевныя его сочувствія направляются къ «художеству, поэзіи и красотѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ»—эта черта подмѣчена глубоко, вѣрно и вполнѣ опредѣляетъ сущность дѣятелей неждановскаго типа, сущность ихъ порывовъ и порой комическія, порой трагическія перипетіи ихъ существованія. Такого сорта люди бросаются въ революціонную, агитаторскую «работу» не потому собственно, что страстно, неумолимо ненавидятъ «существующій порядокъ», страстно желаютъ для массы практическихъ результовъ свободы и благосостоянія, а больше потому, что агитаторская дѣятельность кажется имъ интересной, «занимательной», какъ бываетъ занимателенъ романъ, то есть, въ концѣ концовъ, красивой, удовлетворяющей ихъ артистическимъ наклонностямъ.

[2]) Замѣчательную, если можно такъ выразиться, увертку Тургенева составляетъ личность Нежданова. Это—старый тургеневскій типъ; надломленная, «вывихнутая», раздвоенная натура, изъ «самоѣдовъ, грызуновъ, гамлетиковъ», какъ говоритъ объ этихъ людяхъ Шубинъ въ «Наканунѣ» (не даромъ Паклинъ называетъ Нежданова «россійскимъ Гамлетомъ»). Онъ не можетъ сдѣлать ни одного шага безъ оглядки

[1]) В. Буренинъ. «Литературная дѣятельность Тургенева».
[2]) «Записки профана». «Отечественныя Записки» 1877 г. № 2.

внутрь себя. Онъ всегда идетъ не туда, куда его тянетъ, и тянетъ его не туда, куда онъ идетъ. Онъ не можетъ ничему отдаться вполнѣ — ни любви, ни дѣятельности, ни искусству. Несчастный человѣкъ, для котораго мучительная, микроскопически-тщательная копотня въ самомъ себѣ, въ собственной душѣ есть нормальное состояніе. А для того, чтобы перестать прислушиваться къ шуму въ собственныхъ ушахъ и отдаться, хотя бы на самое короткое время, какой нибудь одной мысли, нераздвоенному чувству, онъ долженъ «взвинтить» себя, искусственно придти въ состояніе нравственнаго опьянѣнія! Все—старыя, знакомыя черты, анализомъ которыхъ г. Тургеневъ стяжалъ свои наиболѣе заслуженные лавры. Вдобавокъ, подобно многимъ старымъ героямъ г. Тургенева, Неждановъ пасуетъ передъ любимой женщиной, оказывается много ниже и слабѣе ея. Мотивы эти изучены г. Тургеневымъ до тонкости, и надо удивляться той виртуозности, съ которою онъ ихъ розыгрываетъ. Въ изображеніи этихъ людей за г. Тургеневымъ всегда признавалась, кромѣ мастерства, еще одна особенная заслуга: въ нихъ онъ «поймалъ моментъ» ни дальше, ни ближе, какъ приснопамятныхъ сороковыхъ годовъ. Съ нихъ именно начинаются права и обязанности г. Тургенева, какъ ловителя моментовъ, и, каковы бы ни были его послѣдующіе уловы, но этотъ первый былъ очень удаченъ... Само собою разумѣется, что типичнѣйшіе представители интеллигенціи сороковыхъ годовъ не могутъ быть такими же типичнѣйшими представителями семидесятыхъ: слишкомъ многое измѣнилось на Руси за эти три, четыре десятка лѣтъ. Слова нѣтъ, Неждановы возможны и теперь и даже

навѣрное существуютъ. Но не все существующее можетъ занять центральное положеніе въ политическомъ романѣ. Скептикъ, да еще прирожденный скептикъ, невѣрующій, здѣсь особенно неумѣстенъ, потому что онъ—исключеніе. Можно, пожалуй, и исключеніемъ удовольствоваться, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы въ немъ какъ-нибудь отразилось общее правило. Например, можно себѣ представить картину всемірнаго потопа, въ которой самаго потопа нѣтъ, а есть только обитатели спасеннаго ковчега. Но въ фигурахъ этихъ спасенныхъ должны отразиться, кромѣ радости спасенія, и ужасъ пережитой опасности, и ужасъ воспоминаній о погибшихъ, и сочувствіе жертвамъ, павшимъ на глазахъ спасенныхъ, и много еще другихъ чувствъ. Возможна ли подобная картина въ дѣйствительности, доступна ли она человѣческимъ силамъ?— пусть судятъ спеціалисты. Но во всякомъ случаѣ, у г. Тургенева нѣтъ ничего подобнаго. Его Неждановъ— совсѣмъ исключительное исключеніе. Мы видимъ, что люди гибнутъ. Мы хотимъ знать, откуда у нихъ берется вѣра, гдѣ источникъ силы этой вѣры? Является г. Тургеневъ и съ граціозно-благосклоннымъ жестомъ говоритъ: я вамъ это съ удовольствіемъ покажу. И затѣмъ все наше вниманіе сосредоточиваетъ на душевныхъ мукахъ человѣка невѣрующаго, случайно попавшаго въ водоворотъ! Но мы сами виноваты, что хоть на минуту подумали, что онъ можетъ дать что нибудь иное. Однако, виноватъ тоже, и больше даже нашего виноватъ, самъ г. Тургеневъ. Какъ психологическій типъ, гамлетики ему фактически знакомы и нравственно близки: онъ съ ними росъ. Онъ перепробовалъ, для изображенія различныхъ ихъ оттѣн-

ковъ, много разныхъ обстановокъ. Что мудренаго, если онъ захотѣлъ окружить этотъ излюбленный имъ типъ обстановкой «Нови»? Но надо было сдѣлать это откровенно. Надо было оставить Остродумовыхъ, Машуриныхъ, Маркеловыхъ и особенно Соломина, по возможности, совсѣмъ въ сторонѣ. Маріанну, конечно, удалить нельзя, потому что тургеневскій Неждановъ не мыслимъ безъ женщины, передъ которой онъ пасуетъ. Тогда дѣло было бы ясно: авторъ взялся разрѣшить частную задачу, элементы которой ему знакомы. Можно навѣрное сказать, что г. Тургеневъ написалъ бы на эту тему прекрасную, хоть и подновленную вещь. И въ «Нови» около Нежданова можно найти нѣсколько превосходныхъ страницъ. Но г. Тургеневъ поступилъ какъ разъ наоборотъ. Онъ взялся разрѣшить общую задачу, а такъ какъ она ему не по силамъ, то онъ долженъ былъ прибѣгать къ разнаго рода уловкамъ: набрасывать вуаль на многое важное и рѣзко выпячивать впередъ многое неважное. Къ числу такихъ уловокъ относится и Неждановъ. Вмѣсто того, чтобы просто и скромно пополнить свою коллекцію гамлетиковъ — гамлетикомъ - революціонеромъ, онъ посадилъ его въ передній уголъ цѣлаго политическаго романа съ многозначительнымъ эпиграфомъ. Иначе онъ и не могъ поступить. Если человѣкъ взялся нарисовать лѣсъ, когда у него въ распоряженіи нѣтъ зеленой краски, такъ, конечно, въ картинѣ будутъ и красныя березы, и синія ели. Но онъ могъ не браться...

СОЛОМИНЪ.

[1]) Въ противоположность Нежданову, неудавшемуся

[1]) В. Буренинъ. «Литературная дѣятельность Тургенева».

претенденту на «вожака» и направителя «внутренняго хороваго сложенія и разложенія народной жизни», Тургеневъ въ Соломинѣ очевидно хотѣлъ намѣтить типическій образъ «помощника» движенія этой жизни, «только полезнаго» и потому наиболѣе соотвѣтвующаго этому движенію человѣка. Соломинъ во всѣхъ отношеніяхъ антитеза Нежданова. Тамъ талантъ—тутъ характеръ; тамъ болѣзненная нервность, броженіе неустановившихся силъ, артистичность, романтическая закваска, невыдержанность; тутъ здоровая положительность, уравновѣшенность, дѣловитость, закваска вполнѣ реалистическая, твердая выдержка; тамъ ложное положеніе, оторванность отъ блестящей барской среды, съ которой сродство сказывается въ невольныхъ инстинктахъ изящнаго, въ брезгливости ко всему грубому, къ грязи, къ сѣрой безцвѣтности плебейства; тутъ положеніе самое устойчивое, близость къ народной средѣ уже по одному происхожденію (Соломинъ—сынъ дьячка), кровное, инстинктивное сочувствіе хотя жесткимъ и темнымъ, но тѣмъ не менѣе трудовымъ качествамъ «черпаго» народа. Ту же проницательность, какую обнаружилъ Тургеневъ въ основной мотивировкѣ противорѣчій натуры Нежданова его косвеннымъ барскимъ происхожденіемъ, онъ обнаруживаетъ и въ указаніи происхожденія Соломина изъ низшихъ слоевъ духовенства. Среда нашего сельскаго духовенства, особенно низшаго, очень близка къ народной средѣ, кровно соприкасается съ ея бытовымъ строемъ и, какъ извѣстно, изъ этой среды выдвинулось не мало дѣятелей, отличившихся именно положительностію, дѣловитостью, разсудочностью, практичностью, очень часто практичностью въ самомъ узкомъ,

даже въ жестокомъ смыслѣ—въ смыслѣ кулачества, деспотической эксплоатаціи слабости ближняго. При всей честности и разсудительности своихъ стремленій, Соломинъ не лишенъ практичности въ этомъ родѣ, не лишенъ эксплоататорской сноровки и не церемонясь пускаетъ ее въ ходъ, гдѣ нужно и когда это удобно. Вспомните, какъ онъ обработалъ Нежданова, въ сущности помогая ему, услуживая, какъ ловко онъ вырвалъ у него, что называется изъ-подъ носа, любовь красивой и умной Маріанны. Вспомните, какъ ловко онъ вывернулся изъ сѣтей агитаціи, съ которой былъ въ близкихъ, но осторожныхъ сношеніяхъ, какъ ловко отдѣлался отъ безполезныхъ и опасныхъ ея предпріятій, какъ ловко перенесъ свою полезную дѣятельность на положительную и вполнѣ самостоятельную почву, переманивъ лучшихъ рабочихъ съ фабрики, гдѣ онъ служилъ механикомъ на собственную фабрику, устроенную гдѣ-то въ Перми на «артельныхъ началахъ». Вспомните, какъ ловко, спокойно и хладнокровно онъ, почти еще у теплаго трупа своего сотоварища, приглашаетъ невѣсту этого сотоварища «исполнить его волю», то есть обвѣнчаться съ нимъ, Соломинымъ, и чрезъ два дня дѣйствительно обвѣнчивается съ нею. Вспомните, наконецъ, еще одну маленькую детальную черточку, но черточку чрезвычайно характеризующую положительную и хитрую практичность Соломина, предусмотрительность въ жизненныхъ мелочахъ, свойственую такъ называемымъ «тертымъ» людямъ, предусмотрительность, посредствомъ которой такіе люди выигрываютъ всякаго рода житейскія ставки, начиная отъ денежныхъ и кончая любовными. Любопытная черточка, о которой я говорю, указана Тургеневымъ въ XXIX главѣ «Нови»,

гдѣ онъ описываетъ, какъ Соломинъ устроилъ у себя на фабрикѣ въ двухъ комнатахъ влюбленную парочку—Нежданова и Маріанну. Размѣстивъ молодыхъ людей, Соломинъ подходитъ къ двери, раздѣляющей комнату Нежданова отъ комнаты Маріанны, и осматриваетъ замокъ.—Что вы тамъ смотрите? спрашиваетъ Маріанна.—А запираетъ ли ключъ? отвѣчалъ онъ и при этомъ бросаетъ на нее взглядъ, который заставляетъ ее потупиться. Затѣмъ Соломинъ проникается веселостью, потому что изъ отвѣта Маріанны онъ догадывается, что ея отношенія къ Нежданову платоническія и къ тому же убѣждается, что исправность замка очень хорошая предохранительная штука на будущее время. Не правда ли, эта почти циническая предусмотрительность въ самыхъ повидимому мелкихъ мелочахъ, въ сущности же очень важныхъ, оттѣняетъ необыкновенно рельефно одно изъ коренныхъ свойствъ соломинской натуры: не плошать тамъ, гдѣ есть надежда самому ухватить что-либо. Да, Соломинъ типъ положительнаго «молодца», какъ выражается о немъ съ восторгомъ Паклинъ, прибавляющій, что «клювъ у него тонкій, да крѣпкій за то: онъ продолбитъ».

Дѣйствительно—это типъ съ тонкимъ и крѣпкимъ клювомъ, то есть типъ отчасти хищный и онъ со временемъ все продолбитъ въ нашей жизни, заберется во всѣ ея сферы, а главное, въ близкую ему сферу народную и, крѣпко опираясь на нее, начнетъ ту положительную дѣятельность, которая, быть можетъ, если не въ окончательномъ результатѣ, то въ ближайшихъ своихъ практическихъ стремленіяхъ будетъ разрушительнѣе пресловутаго отрицанія, пресловутаго нигилизма, такъ ужаснувшихъ почтеннѣйшую россійскую

публику въ базаровскомъ типѣ... Въ Соломинѣ невозможно отыскать ни одного малѣйшаго признака идеализма и эстетическаго начала. Соломинъ смотритъ и на жизнь, и на природу, и на любовь, и на народъ, и даже на политическую агитацію во имя свободы и пользы народа, какъ практикъ-дѣлецъ, смотритъ холодно, разсудочно, безъ всякихъ сомнѣній и отвлеченныхъ тревогъ объ общемъ значеніи всего этого. У него нѣтъ и не можетъ быть такихъ сомнѣній и тревогъ просто потому, что онъ и не заботится ни малѣйшимъ образомъ вникать въ общее значеніе вещей, а исключительно устремляется на ихъ ближайшее практическое отношеніе къ своей ближайшей дѣятельности. Его пріуроченность къ агитаціонному движенію очень мало выяснена въ романѣ, да и самая его роль какая-то наблюдательная, сторонняя, хотя онъ и «рекомендованъ» таинственнымъ главнымъ воротилою всей агитаціи, «самимъ» Василіемъ Николаевичемъ. «Соломинъ—говоритъ авторъ объ этой роли своего героя—не вѣрилъ въ близость революціи въ Россіи; но, не желая навязывать свое мнѣніе другимъ, не мѣшалъ имъ попытаться, и посматривалъ на нихъ издали, сбоку. Онъ хорошо зналъ петербургскихъ революціонеровъ—и до нѣкоторой степени сочувствовалъ имъ—ибо самъ изъ народа; но онъ понималъ невольное отсутствіе этого самаго народа, безъ котораго «ничего не подѣлаешь»... Увернувшись отъ опасныхъ послѣдствій сношеній съ агитаторами, Соломинъ основываетъ свою фабрику на «артельныхъ началахъ», стало быть, онъ не чуждъ нѣкоторыхъ «идейныхъ», стремленій. Да, разумѣется, не чуждъ, но только стремленій чисто экономическаго характера, то есть все-таки

же практическихъ, такихъ, которыя онъ называетъ «правильными предпріятіями». «Артельное начало вовсе не какая-нибудь отвлеченная теорія: этимъ практическимъ началомъ могутъ пользоваться въ равной степени и самый узкій односторонній кулакъ, имѣющій въ виду только свою выгоду и непомышляющій о благѣ народа, и самый идеалистическій фантазеръ о будущемъ соціальномъ устройствѣ массъ. О наукѣ, о самоотверженномъ служеніи ей, о базаровской вѣрѣ въ нее Соломинъ не проговаривается не однимъ словомъ. Для него, кажется, не существуетъ науки, а только техника, у которой наука должна находиться въ услуженіи. Увлеченіе любовью въ Соломинѣ отсутствуетъ. Онъ, какъ положительный человѣкъ, подыскиваетъ себѣ умную и въ мѣру красивую подругу жизни и, усмотрѣвъ такую подходящую подругу въ Маріаннѣ, очень спокойно и хладнокровно, съ замѣчательной выдержкою и даже ловкостью отманиваетъ ее отъ Нежданова къ себѣ и достигаетъ своей, основательно задуманной, цѣли...

[1]) Соломинъ—совершенная противоположность Нежданова, хотя, какъ и онъ, не вѣритъ въ планы своихъ товарищей. Онъ—натура цѣльная, здоровая, спокойная, «уравновѣшенная». Онъ любитъ народъ, болитъ его болями, скорбитъ его скорбями, но, будучи увѣренъ, что увлечь народъ планами насильственнаго переворота невозможно, довольствуется «школами и прочимъ» на фабрикѣ, гдѣ служитъ, а, въ концѣ концовъ, «свой заводъ имѣетъ небольшой, гдѣ-то тамъ въ Перми, на какихъ-то артельныхъ началахъ». Въ

[1]) «Записки профана». «Отечественныя Записки» 1877 г. № 2.

общей картинѣ, этотъ человѣкъ, какъ частность, могъ бы занять подобающее ему мѣсто. Такіе люди бываютъ. Ихъ душевная жизнь представляетъ значительный интересъ. Посмотрите же, что сдѣлалъ изъ Соломина г. Тургеневъ. Желая придать его дѣятельности, очень простой и очень скромной (какъ долженъ сознавать самъ Соломинъ, если онъ, дѣйствительно, «уменъ, какъ день»), многозначительный и даже нѣсколько таинственный характеръ, онъ дѣлаетъ изъ него туманную фигуру, какой-то ходячій, олицетворенный совѣтъ. Соломинъ берется всѣмъ совѣтовать, и всѣ его совѣтовъ слушаются. Самъ авторъ устами Паклина совѣтуетъ слушаться совѣтовъ Соломина. Но вѣдь, чтобы совѣтовать, надо знать дѣло, а г. Тургеневъ его не знаетъ, слѣдовательно, и подсказать Соломину можетъ только очень немногое. Оттого и туманна фигура Соломина и даже совершенно неправдоподобна. Онъ, по рекомендаціи автора, человѣкъ честный, прямой, не виляющій, а между тѣмъ постоянно виляетъ, то есть его заставляетъ вилять самъ же авторъ—стоящій въ фальшивомъ положеніи.

МАРІАННА.

[1]) Героиня «Нови» Маріанна «сдѣлана» Тургеневымъ и притомъ сдѣлана въ прикрашенномъ видѣ, кажется, не соотвѣтствующемъ той дѣйствительности и той средѣ, типическою представительницею которыхъ она, по замыслу автора, должна служить. Какъ и въ компановкѣ образа Елены, нашъ художникъ для созданія

[1]) В. Буренинъ. «Литературная дѣятельность Тургенева».

или, скорѣе, сочиненія образа Маріанны, прихватилъ много красокъ у иностранныхъ беллетристовъ. Точно такъ же, какъ и героиня романа «Наканунѣ», Маріанна, если разсмотрѣть повнимательнѣе ея сущность, представляетъ собою очень сомнительную гражданку, тѣмъ болѣе революціонерку. Всѣ ея цивическіе замыслы сводятся на то, что она порываетъ связь съ барской средой, въ которой находилась въ зависимомъ и тяжеломъ положеніи, и уходитъ за агитаторомъ, къ которому почувствовала влеченіе. Всѣ ея стремленія къ «опрощенію» и всѣ ея агитаторскіе подвиги исчерпываются тѣмъ, что она переодѣвается въ простонародный костюмъ да въ качествѣ мнимой «чумички» «моетъ горшки и щиплетъ куръ», какъ посовѣтовалъ ей это дѣлать Соломинъ въ видѣ подготовки къ «спасенію отечества». Все это, конечно, скорѣй забавно, чѣмъ героично.

[1]) Отецъ Маріанны былъ сосланъ за позаимствованіе изъ казеннаго сундука въ Сибирь. Дядя Сипягинъ пріютилъ Маріанну у себя, но она всегда тяготилась этимъ покровительствомъ, съ болью помнила, что она—«дочь обезчещеннаго отца», что она живетъ изъ милости, и что госпожа Сипягина есть ея «покровительница», хотя и «невольная». И вотъ эта гордая, оскорбленная, озлобленная дѣвушка, представляющая нѣчто въ родѣ кучи горючаго матеріала, которая ждетъ только искры со стороны, чтобы вспыхнуть—сталкивается съ Неждановымъ, тоже гордымъ, оскорбленнымъ и озлобленнымъ. Въ одну изъ своихъ свѣтлыхъ минутъ, Неждановъ, подмываемый любовью къ

[1]) «Записки профана». «Отечеств. Записки» 1877 г. № 2.

Маріаннѣ и вообще «взвинченный», какъ выражается объ немъ г. Тургеневъ, краснорѣчиво, съ жаромъ раскрываетъ свои революціонныя тайны и планы... Съ этой минуты Маріанна становится ревностнымъ адептомъ ученій кружка Нежданова, доходя при этомъ даже до совершенной глупости, потому что впослѣдствіи постоянно пристаетъ къ Соломину: когда же вы насъ пошлете? да скоро ли вы намъ прикажете идти? А тому и посылать некуда, и приказывать нечего! Какъ бы то ни было, но вотъ единственное мѣсто во всемъ романѣ, гдѣ г. Тургеневъ пытается выяснить интересный моментъ пробужденія извѣстныхъ стремленій. Не много. Но и это немногое сводится, въ концѣ концовъ, къ случайнымъ обстоятельствамъ личной жизни Маріанны, къ ея несчастной семейной обстановкѣ.

[1]) Въ «Нови» мы опять встрѣчаемъ излюбленный типъ Тургенева,—типъ русской женщины, рвущейся въ широкій и дальній кругъ дѣятельности, видимъ новую Елену, какъ будто бы отыскавшую себѣ русскаго Инсарова... Маріанна вмѣстѣ съ Неждановымъ надѣваетъ народное платье, чтобы въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ *опроститься*, а этотъ неблагодарный народъ видитъ въ нихъ только ряженыхъ! Остается только ожесточиться противъ этого низкаго народа вмѣстѣ съ «великимъ» Губаревымъ, вмѣстѣ съ нимъ завопить: «мужичье поганое!.. бить ихъ надо!»—Да, надо бить, тузить—за то, что они осмѣливаются не идти за нами. Но на это, разумѣется, неспособна Маріанна, неспо-

---

[1]) О. Миллеръ. «Женскіе образы у Тургенева» («Русское Богатство» 1883 г. № 12).

собенъ и ея бѣдный радикальный Гамлетъ. Напрасно онъ увѣряетъ ее, что «ложь была въ немъ (въ его, какъ выражается онъ, *эстетикъ)*, а не въ томъ, чему она вѣритъ». Нѣтъ, ложь и въ томъ, во что вѣритъ она, во что вѣрилъ, но пересталъ уже вѣрить и онъ— во всей постановкѣ ихъ отношеній къ народу. А вѣрить онъ пересталъ потому, что это ихъ *то*—не инсаровское. Оно не придаетъ крѣпости, почерпнутой Инсаровымъ лишь въ увѣренности, что «послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи и онъ—желаютъ одного и того же».

Со смертью Нежданова Маріаннѣ остается Соломинъ—указавшій ей на «шелудиваго мальчика». Самъ же онъ — артельный дѣятель на фабрикѣ, т. е. своего рода, только съ русской фамиліей, Гончаровскій Штольцъ, въ то же время однако заигрывающій съ «пропагандою». Но если онъ все же Штольцъ—т. е. въ немъ слишкомъ уже выдается практическая жилка, то не должна ли Маріанна оказаться новою, цѣлою головою его переросшею, Ольгою? Не даромъ же самъ Соломинъ говоритъ Маріаннѣ: «Всѣ вы, русскія женщины, дѣльнѣе и выше насъ мужчинъ».

Въ этомъ случаѣ устами его говоритъ, конечно, самъ Тургеневъ. Но—странное дѣло—онъ постоянно заставляетъ русскую женщину искать себѣ опоры въ какомъ нибудь Онѣгинѣ! Правда, Одинцова въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» слишкомъ горда, чтобы искать себѣ въ комъ-нибудь опоры, но за то, вѣдь, у нея, по ея словамъ, и «цѣли нѣтъ»; ей за то «и не хочется идти», въ ней «нѣтъ желанія, охоты жить», до того она «себя заморозила», по словамъ Базарова.

СИПЯГИНЪ.

[1]) Какъ живой встаетъ передъ вами этотъ «важный сановникъ» съ виду такой благовоспитанный, приличный, такой гуманный и краснорѣчиво-либеральный, а въ сущности сухой и безсердечный эгоистъ, влюбленный въ себя Нарциссъ, вѣчно позирующій, — позирующій даже за семейными обѣдами и съ глазу на глазъ съ своей Мадонной, свободный отъ всякихъ идей и убѣжденій, безъ всякаго внутренняго содержанія, заискивающій передъ «власть имѣющими», лицемѣрно-льстивый съ нужными людьми и нахально-грубый съ низшими или съ тѣми, кто перестаэъ быть ему нужнымъ. Онъ воображаетъ себя образцовымъ хозяиномъ и въ то же время не имѣетъ о хозяйствѣ ни малѣйшаго понятія и думаетъ только о томъ, какъ бы загрести жаръ чужими руками. Онъ считаетъ себя хорошимъ отцомъ, но въ сущности всѣ его отеческія отношенія сводятся къ пустозвоннымъ фразамъ о «пользѣ науки» и о необходимости служенія, «во первыхъ, семьѣ, во вторыхъ, сословію, въ третьихъ, народу, въ четвертыхъ, правительству». Онъ твердо убѣжденъ въ своей политической и административной мудрости, но вся эта мудрость состоитъ въ умѣньи городить чепуху, не запинаясь и съ апломбомъ. Изолгавшійся лицемѣръ, онъ, смотря по обстоятельствамъ, то разыгрываетъ изъ себя роль будирующаго либерала, то полицейскаго сыщика. Въ одно и то же время онъ кокетничаетъ съ Неждановымъ и пріятельски жметъ руку своему вѣрному другу Коломѣйцеву.

[1]) Никитинъ. «Дѣло» 1877 г. № 2.

[1]) Г. Сипягинъ просто великолѣпенъ въ своемъ благонамѣренномъ либерализмѣ. Это олицетвореніе петербургскаго прогрессиста, у котораго барскія, аристократическія стремленія соединяются съ канцелярскимъ «просвѣщеніемъ». Онъ воображаетъ, что обладаетъ необыкновенной проницательностью и сочувствіемъ прогрессивнымъ идеямъ времени и между тѣмъ ничего не видитъ дальше своего носа, дальше канцелярскаго прогресса и сочувствуетъ только звону умѣренно-либеральныхъ фразъ. Какъ хорошъ господинъ Сипягинъ, какъ онъ весь выливается въ своей рѣчи за обѣдомъ, когда желаетъ порисоваться передъ Соломинымъ, въ лучахъ своей прогрессивности, своего просвѣщеннаго либерализма и въ то же время желаетъ «положить предѣлъ» крайностямъ радикаловъ. «Съ одной стороны, онъ похвалилъ консерваторовъ,—а съ другой, одобрилъ либераловъ, отдавая симъ послѣднимъ преферансъ и причисляя себя къ ихъ разряду; превознесъ народъ, но указалъ на нѣкоторыя его слабыя стороны; выразилъ полное довѣріе къ правительству—но спросилъ себя: исполняютъ ли всѣ подчиненные его благія предначертанія? Призналъ пользу и важность литературы, но объявилъ, что безъ крайней осторожности она немыслима! Взглянулъ на Западъ: сперва порадовался—потомъ усомнился; взглянулъ на Востокъ: сперва отдохнулъ — потомъ воспрянулъ! И наконецъ предложилъ выпить тостъ за процвѣтаніе тройственнаго союза: религіи, земледѣлія и промышленности». И когда болѣе его укоренившійся въ формальной благонамѣренности г. Коломѣйцевъ считаетъ

[1]) В. Буренинъ. «Литературная дѣятельность Тургенева».

нужнымъ строго прибавить, что религія, земледѣліе и промышленность должны процвѣтать не иначе, какъ «подъ эгидой власти», прогрессивный г. Сипягинъ поправляетъ его такъ: «подъ эгидой мудрой и снисходительной власти», однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ представителей которой, конечно, онъ считаетъ самого себя. Въ этомъ затрапезномъ спичѣ передъ вами является если не превосходный типъ, то превосходный образчикъ тѣхъ «почти государственныхъ» фразеровъ, которыхъ развелось въ новѣйшія времена у насъ такъ много и которые, благодаря своему фразерству и главнымъ образомъ «чистотѣ своей совѣсти», вылощенной и покрытой, по выраженію одного изъ радикаловъ «Нови», петербургскимъ лакомъ, столь увѣренно созидаютъ свои карьеры и столь безмятежно наслаждаются своимъ благонамѣреннымъ благополучіемъ... пока не попадутъ въ просакъ или не запутаются въ какомъ нибудь хищеніи. «Чистая совѣсть» господъ Сипягиныхъ не препятствуетъ имъ эксплуатировать въ свою пользу и казну, и народъ, въ познаніи котораго они такъ сильны, что петербургскія высокопоставленныя, вліятельныя дамы восклицаютъ про господъ сипягинскаго жанра: «Comme il connait bien les moeurs de notre peuple», а петербургскіе высокопоставленные, вліятельные чиновники прибавляютъ: «les moeurs et les besoins». Чистая совѣсть этихъ господъ не мѣшаетъ имъ, будучи слугами «власти», заигрывать «на всякій случай» съ радикалами, въ родѣ того, какъ у насъ разные доморощенные атеисты «на всякій случай» вѣрятъ въ будущую жизнь. Заигрываніе это, впрочемъ, остается «въ предѣлахъ» и, когда радикализмъ слишкомъ уже компрометируетъ себя, Сипягины первые спѣшатъ

распорядиться доставленіемъ «куда слѣдуетъ» скомпрометированныхъ радикаловъ, спѣшатъ это сдѣлать, конечно, столько же изъ чувства долга, сколько ради того, чтобы ихъ «благородные поступки были доведены до свѣдѣнія министра», какъ говоритъ губернаторъ, которому Сипягинъ самолично доставляетъ одну изъ «вѣтвей» заговора, раскрытаго имъ, злосчастную и невинную «вѣтвь» въ лицѣ резонера романа Паклина.

КОЛОМѢЙЦЕВЪ.

Господинъ Коломѣйцевъ тоже въ своемъ родѣ не менѣе Сипягина интересный представитель новыхъ вѣяній въ сферѣ россійской благонамѣренности. Это по-просту одинъ изъ прилизанныхъ и приглаженныхъ, трусливыхъ въ душѣ, но не лишенныхъ наглости хлыщей, которые, по его собственному игривому выраженію, признаютъ единственные два принципа «кнутъ и редереръ» и имѣютъ одно несомнѣнное стремленіе «пугнуть и поприжать». Какъ живая выходитъ у Тургенева эта гладенькая фигурка «великосвѣтскаго чиновника» и «высокообразованнаго дворянина» новѣйшаго покроя, считающаго Наполеона III «молодцомъ», гордящагося подлымъ «патріотизмомъ» бонапартистскаго закала и громко изъявляющаго желаніе «раздробить, превратить въ прахъ всѣхъ тѣхъ, которые сопротивляются чему бы и кому бы то ни было», а главное сопротивляются негодяйству, хищенію, жадной эксплоатаціи, подлости и пошлости господъ Коломѣйцевыхъ. Подобнаго рода «призванные», безцеремонные ретрограды изъ юныхъ администраторовъ, гордящіеся ретроградствомъ, ставящіе его себѣ въ честь, народились у насъ лѣтъ пятнадцать назадъ.

Въ періодъ конца шестидесятыхъ годовъ, когда происходитъ дѣйствіе тургеневскаго романа, они еще были въ зачаточномъ состояніи, мелькали довольно рѣдко и не проявляли себя съ надлежащею искренностью и безшабашностью. Но уже и въ то время опытный и проницательный глазъ художника прозрѣлъ эту новую тлю русской жизни, намѣтилъ всѣ основные признаки ея вида и присоединилъ ее къ своей превосходной и разнообразной коллекціи для изученія будущимъ поколѣніямъ. Теперь господа Коломѣйцевы разродились во множествѣ и, право, въ нашей интеллигентной средѣ едва ли отыщется типъ противнѣе этихъ молодыхъ лакеевъ ретроградства, плотоядныхъ, наглыхъ, проникнутыхъ ненавистью и злостью ко всему, что носитъ въ себѣ стремленія честнаго демократизма, въ чемъ сказывается возрождающая сила жизни. Теперь они, по извѣстной поговоркѣ, до того разваливаются ногами на столъ, что завели даже себѣ въ журналистикѣ весьма характерный органъ самаго прямолинейнаго ретроградства, органъ немножко юродивый, однако, не лишенный усердія, если не въ политическомъ, то въ полицейскомъ смыслѣ...

[1]) Въ качествѣ чистокровнаго аристократа, а больше, впрочемъ, по другимъ причинамъ, Коломѣйцевъ считалъ себя призваннымъ безсмѣнно стоять якобы на стражѣ всѣхъ великихъ принциповъ, охранять и защищать ихъ даже въ томъ случаѣ, когда никто не просилъ его объ этомъ, одним словомъ, ежеминутно устремляться на спасеніе отечества отъ какихъ-то «внутреннихъ враговъ». Разумѣется, онъ пользовался

[1]) Никитинъ. «Дѣло» 1877 г. № 2.

репутаціею «надежнаго и преданнаго», хотя, какъ выражалось о немъ одно изъ свѣтилъ петербургскаго чиновничьяго міра, «un peu trop... féodal dans ses opinions»... Къ земству онъ относился весьма неодобрительно. «Это земство, восклицалъ онъ,—къ чему оно? Только ослабляетъ администрацію и возбуждаетъ... лишнія мысли и несбыточныя надежды»... Когда же ему замѣчали, что, высказывая подобныя идеи, онъ становится въ опозицію съ начальствомъ, онъ говорилъ: «Я? Въ опозицію? Никогда! Ни за что! Mais j'ai mon franc parler. Я иногда критикую, но покоряюсь всегда»! Для разрѣшенія женскаго вопроса предлагалъ назначить при министерствѣ особую коммиссію, но говорить о немъ, и въ особенности говорить печатно, по его мнѣнію, слѣдовало бы «воспретить, безусловно воспретить». Вполнѣ сочувствовалъ онъ тосту, произнесенному однимъ его пріятелемъ за имяпиннимъ банкетомъ: «Пью за единственные принципы, которые признаю: за кнутъ и за редереръ»! И дѣйствительно, на практикѣ онъ никакихъ другихъ принциповъ и не признавалъ.

МАРКЕЛОВЪ.

[1]) Маркеловъ (фигура едва ли не самая яркая и законченная) воспитывался въ артиллерійскомъ училищѣ, откуда вышелъ офицеромъ; но уже въ чинѣ поручика онъ подалъ въ отставку, по непріятности съ командиромъ-нѣмцемъ. *Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ нѣмцевъ, особенно русскихъ нѣмцевъ.* Отставка разстроила его съ отцемъ, съ которымъ онъ такъ и

[1]) «Записки профана». «Отечественныя Записки» 1877 г. № 2.

не видѣлся до самой его смерти, а, унаслѣдовавъ отъ него деревню, поселился въ ней. *Въ Петербургѣ онъ часто сходился съ разными умными, передовыми людьми, передъ которыми благоговѣлъ;. они окончательно опредѣлили его образъ мыслей.* Читалъ Маркеловъ немного и больше все книги, идущія къ дѣлу: Герцена въ особенности. Онъ сохранилъ военную выправку, жилъ спартанцемъ и монахомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ страстно влюбился въ одну дѣвушку; но та измѣнила ему самымъ безцеремоннымъ манеромъ и вышла за адъютанта—тоже изъ нѣмцевъ. Маркеловъ *возненавидѣлъ также и адъютантовъ.* Онъ пробовалъ писать спеціальныя статьи о недостаткахъ нашей артиллеріи, но у него *не было никакого таланта изложенія: ни одной статьи онъ не могъ даже довести до конца... Ему вообще не везло — никогда и ни въ чемъ. въ корпусѣ онъ носилъ названіе «неудачника».* Ясно, что Маркелова толкнули на дорогу революціи личныя неудачи. Не поссорься онъ съ командиромъ-нѣмцемъ, онъ продолжалъ бы себѣ служить, какъ слѣдуетъ; не отбей у него невѣсту адъютантъ--онъ былъ бы, можетъ быть, прекраснымъ семьяниномъ и заботился бы о созданіи себѣ уютнаго гнѣздышка; имѣй онъ литературный талантъ, онъ писалъ бы спеціальныя статьи для военныхъ изданій и, можетъ быть, оказалъ бы существенныя услуги отечественной артиллеріи. Но такъ какъ онъ былъ «неудачникъ», то изъ него вышелъ революціонеръ. На отвратительномъ пиршествѣ у отвратительнаго Голушкина, Маркеловъ «забарабанилъ глухимъ, злобнымъ голосомъ, настойчиво, однообразно («ни дать, ни взять — капусту рубитъ», замѣтилъ Паклинъ). О чемъ собственно онъ

говорилъ, не совсѣмъ было понятно; слово «артиллерія» послышалось изъ его устъ въ моментъ затишья... онъ, вѣроятно, вспомнилъ тѣ недостатки, которые открылъ въ ея устройствѣ. Досталось также нѣмцамъ и адъютантамъ».

[1]) Фигура Маркелова обрисована Тургеневымъ съ большимъ стараніемъ и принадлежитъ къ числу наиболѣе выработанныхъ фигуръ романа. Такихъ раздражительныхъ неудачниковъ, бросившихся въ агитаціонную дѣятельность вслѣдствіе жизненныхъ обидъ, ударовъ ихъ болѣзненному самолюбію, а также вслѣдствіе ограниченнаго и упрямаго фанатизма, на Руси всегда встрѣчалось и встрѣчается до сихъ поръ много. Ихъ судьба трагична только на половину: они возбуждаютъ одно состраданіе. Впечатлѣнія силы, впечатлѣнія героизма имъ не дано возбуждать, потому что по своему нравственному складу даже наиболѣе честные и высокіе ихъ подвиги, наиболѣе фанатическія убѣжденія исходятъ изъ безхарактерности и личнаго раздраженія. Маркеловы, не смотря на свой фанатизмъ, вовсе не представители идеи; они идутъ не за ней и гибнутъ не для нея: «они идутъ, куда ихъ поведетъ случайность», какъ говоритъ поэтъ.

ПАКЛИНЪ.

Какъ въ нѣкоторыхъ прежнихъ романахъ Тургенева, въ «Нови» есть также лицо, представляющее нѣчто въ родѣ резонера комедій добраго стараго времени. Такого резонера представляетъ Паклинъ. Но резонеръ «Нови» имѣетъ, однако же, нѣкоторое отличіе

[1]) В. Буренинъ. «Литературная дѣятельность Тургенева».

отъ резонеровъ прочихъ тургеневскихъ романовъ: онъ исполняетъ какъ бы стороннюю роль, приклеенъ къ фабулѣ романа искусственно, такъ сказать, съ боку. Роль Паклина даже жалка, и въ своихъ резонерныхъ репликахъ онъ является далеко не такимъ идейнымъ гоголемъ, какимъ, напримѣръ, выступаетъ въ «Дымѣ» пресловутый Потугинъ; самая его личность далеко не такъ симпатична, какъ, напримѣръ, личность Лежнева, резонирующаго въ «Рудинѣ». Наконецъ, въ резонерствѣ Паклина очень часто не достаетъ тѣхъ мѣткихъ, рѣзко опредѣляющихъ, отмѣчающихъ какъ бы клеймомъ, словечекъ и приговоровъ, какими блестятъ прежніе тургеневскіе резонеры. Словомъ, фигура этого коментатора главныхъ героевъ, объяснителя смысла тѣхъ сложныхъ жизненныхъ явленій, которыя проходятъ въ романѣ передъ читателями, недостаточно жизненна, недостаточно типична и недостаточно выполняетъ свое назначеніе.

Сипягина.

[1]) Валентина Михайловна Сипягина, супруга почтеннаго сановника, вполнѣ его стоила. Она съ успѣхомъ могла бы состязаться съ нимъ по части безсердечія, эгоизма и самаго возмутительнаго лицемѣрія. Лицомъ она напоминала Мадонну сикстинскую; вся ея наружность, ея манеры, походка, обращеніе отличались какою-то неуловимою граціею, мягкостью, прелестью. Но подъ этою очаровательною внѣшностью скрывалось самое мизерное содержаніе. «Она вся ложь, говоритъ о ней Маріанна,—она комедіантка, она позерка, она хочетъ, чтобы всѣ ее обожали, какъ кра-

[1]) Никитинъ. «Дѣло» 1877 г. № 2.

савицу, и благоговѣли передъ нею, какъ передъ святой! Она придумаетъ задушевное слово, скажетъ его одному, а потомъ повторяетъ это слово и другому, и третьему, и все съ такимъ видомъ, какъ будто она сейчасъ это слово придумала, и тутъ же кстати играетъ своими чудесными позами. Она никого не любитъ. Притворяется, что все возится съ Колею (своимъ сыномъ), а только всего и дѣлаетъ, что говоритъ о немъ съ умными людьми. Сама она никому зла не желаетъ. Она вся благоволеніе! Но пускай вамъ въ ея присутствіи всѣ кости переломаютъ—ей ничего! Она пальцемъ не пошевельнетъ, чтобы васъ избавить». Подобно своему мужу, она одарена способностью, совершая самые неблаговидные поступки (подслушивая, напр., у дверей, шпіонничая), сохранять въ то же время видъ величаваго достоинства и неприступной добродѣтели. Вообще характеръ этой сикстинской Мадонны, въ рангѣ тайной совѣтницы, очерченъ Тургеневымъ съ неподражаемымъ мастерствомъ тонкаго знатока женской натуры. По нашему мнѣнію, это одна изъ самыхъ живыхъ, самыхъ реальныхъ личностей въ цѣломъ романѣ. Ея внутренній міръ или, лучше сказать, внутренняя пустота, ея отношенія къ мужу, брату и въ особенности къ якобы «облагодѣтельствованной» ею мужниной племянницѣ, проанализированы авторомъ такъ всесторонне и съ такою художественною объективностью, что, конечно, никому и на умъ не придетъ упрекнуть его въ пристрастіи или утрировкѣ. Но именно благодаря этой-то объективности, образъ госпожи Сипягиной производитъ на васъ тяжелое впечатлѣніе, какъ по своему нравственному убожеству, такъ и по своей типичной конкретности.

МАШУРИНА.

[1]) Машурина доброе, ограниченное и честное существо, грубое и невзрачное по наружности, таящее въ душѣ нераздѣленное чувство любви къ Нежданову и размыкивающее свое сердечное горе преданностью тому призраку революціонной дѣятельности, за которымъ она слѣдуетъ, покорно и скромно исполняя всякую, не только «черную», но и опасную работу, возлагаемую на нее вожаками. Машурина одна изъ самыхъ обыкновенныхъ и самыхъ живыхъ и правдивыхъ лицъ русской недавней дѣйствительности, одна изъ невзрачныхъ, но не лишенныхъ внутренняго трагизма жертвъ нашей кружковщины.

„ПѢСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ“.

«Пѣснь торжествующей любви» по необыкновенно художественной обработкѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе: подобнаго рода изящныхъ новеллъ немного отыщется даже и въ европейской литературѣ, не только въ русской. Вещь эта, помимо ея высокаго художественнаго изящества, имѣетъ еще и особенный, частный интересъ въ томъ отношеніи, что, за исключеніемъ драматической пьесы «Неосторожность», она представляется единственнымъ произведеніемъ Тургенева, которое взято не изъ русской жизни. Въ «Пѣсни торжествующей любви» художникъ переноситъ насъ въ Италію временъ Возрожденія и создаетъ странную, фантастическую исторію въ роман-

[1]) В. Буренинъ. «Литературная дѣятельность Тургенева».

тическо-мистическомъ жанрѣ, полную поэтической прелести и обнаруживающую такія глубины психическихъ тайнъ, погрузившись въ которыя, иной нѣмецкій критикъ могъ бы написать цѣлый томъ толкованій. Не имѣя ни желанія, ни мѣста для подобнаго рода толкованій, я ограничусь только замѣчаніемъ, что по способности сообщить произведенію изъ чужой для насъ жизни яркій мѣстный колоритъ, по способности всецѣло перенестись воображніемъ въ данную страну и данную эпоху и воспроизвести ихъ съ удивительной живостью, наконецъ, по точности и законченности отдѣлки нашъ художникъ превосходитъ въ своемъ маленькомъ шедеврѣ такихъ мастеровъ, какъ Бейль и Мериме, новеллы которыхъ прославлены на цѣлый свѣтъ».

По поводу этого безтенденціознаго произведенія, произведенія, такъ сказать, чистаго искусства, много говорилось въ публикѣ и въ печати о «законныхъ предѣлахъ искусства», о «служеніи чистой красотѣ», причемъ не одинъ разъ упоминалось пресловутая фраза: «такъ по вашему сапоги выше Шекспира?!» Такъ между прочимъ въ «Отеч. Зап.» г. Михайловскій говоритъ: [1]) «Чистое искусство есть созданіе фантазіи, въ дѣйствительности не существующее. Это, пожалуй — идолъ, передъ которымъ вѣрующіе, а иногда и невѣрующіе молятся, у котораго есть жрецы, но который, какъ всякій идолъ, есть ложь. Въ дѣйствительности, никто чистому искусству не служитъ, а оно, наоборотъ, всегда и непремѣнно кому-нибудь или чему-нибудь служитъ. Пустая фраза (все равно прекрасная

---

[1]) Н. Михайловскій («Отеч. Зап.» 1881 г. № 12).

или безобразная), форма безъ содержанія немыслима. Содержаніе можетъ быть мелко или крупно, вложено въ художественную форму сознательно или попасть туда помимо воли и сознанія художника, но оно, во всякомъ случаѣ, непремѣнно есть. Есть оно и въ «Пѣсни торжествующей любви», разумѣется. Меня поразило одно словесное возраженіе, полученное въ разговорѣ о законности произведеній типа «Пѣсни торжествующей любви». Мнѣ было сказано: «такъ вы хотите оставить человѣчество при однихъ низменныхъ, животныхъ инстинктахъ?» Но развѣ только и свѣту, что въ окошкѣ? Пожалуйте на улицу, пожалуйте въ поле— тамъ солнце сіяетъ съ небесъ. Если бы я отрицалъ даже всю область поэзіи, во всѣхъ ея видахъ и формахъ (чего я, разумѣется, не дѣлаю), такъ и то осталось бы на свѣтѣ добро, правда-истина и правда-справедливость, вовсе не мирящіяся съ низменными, животными инстинктами. Что касается этихъ инстинктовъ, то художественныя произведенія въ родѣ «Пѣсни торжествующей любви» не только не отодвигаютъ ихъ въ задній уголъ, а напротивъ ставятъ на пьедесталъ. Wage du zu träumen, такъ, помнится, гласитъ эпиграфъ къ фантастическому разсказу И. С. Тургенева. О, да! wage. Отнять мечту у человѣка было бы слишкомъ безжалостно. Но замѣтьте, что весь Traum, вся мечта уходитъ въ разсказѣ на фантастическую обстановку, представляющую смѣсь «Тысячи и одной ночи» съ гипнотическими сеансами Ганзена. Въ этомъ направленіи Traum заходитъ дѣйствительно далеко. Но относительно внутренняго содержанія, неужели надо быть очень смѣлымъ мечтателемъ, чтобы представить себѣ, какъ молодой человѣкъ и молодая женщина, вле-

комые чисто физическою страстью (въ духовномъ отношеніи чувства Валеріи къ Муцію даже непріязненны), сходятся, производятъ ребенка и затѣмъ расходятся, чтобы никогда больше не увидаться? Право же, это—очень скудная исторія изъ области именно низменныхъ инстинктовъ, поль-де-коковскій анекдотъ, который рѣшительно не стоило вставлять въ такую блистающую роскошью фантазіи рамку. Не стоило и, смѣю сказать, не слѣдовало. Я слышалъ мнѣніе, что «Пѣснь торжествующей любви» есть художественная иллюстрація къ метафизикѣ любви Шопенгауера. По этой метафизикѣ, міровая воля обманываетъ людей всею чарующею прелестью любви единственно въ интересахъ вида homo sapiens, единственно для того, чтобы любящія сердца произвели на свѣтъ новаго человѣка. А такъ какъ, дескать, супружество Фабія и Валеріи было безплодно, то и явился на сцену Муцій. Не знаю, имѣлъ ли что-нибудь подобное въ виду И. С. Тургеневъ, но знаю, что это—невѣрное или, по крайней мѣрѣ, неполное толкованіе теоріи Шопенгауера, которая требуетъ отъ любви пополненія контрастовъ между любящими и всей тонкой игры чувствъ, возникающей при такомъ пополненіи, а не мистически грубаго и голаго взаимнаго влеченія какого-нибудь Муція и какой-нибудь Валеріи. Разскажите этотъ самый анекдотъ во всей его нагой правдѣ, безъ всѣхъ этихъ скрипокъ, нѣмыхъ малайцевъ, змѣй и яшмовыхъ чашечекъ, и если ваши слушатели не скажутъ, что это—мерзость, такъ только потому, что это—слишкомъ ужъ вульгарная, пріѣвшаяся исторія. А въ фантастической рамкѣ, совершаясь подъ звуки какой-то необыкновенной музыки, и вообще въ обстановкѣ мечты, идеала,

Traum'a, анекдотъ получаетъ, повидимому, совсѣмъ другой характеръ. Но это только повидимому, а на дѣлѣ ничего, кромѣ низменныхъ инстинктовъ, анекдотъ не затрогиваетъ.

Вы можете придать какому-нибудь сосуду форму красивую или безобразную, можете влить въ него ядъ или лекарство, ширазское вино, которымъ Муцій опоилъ Валерію, или очищенную водку. Но вы очень ошибетесь, если подумаете, что, не наливъ въ него ничего, вы такъ его пустымъ и оставили: въ крайнемъ случаѣ, въ немъ окажется воздухъ и, по всей вѣроятности, болѣе или менѣе испорченный. Такъ и въ поэзіи. Художникъ можетъ вдвинуть въ художественную форму очень разнообразное содержаніе и, слѣдовательно, заставить свое искусство служить очень разнообразнымъ цѣлямъ. Но если онъ захочетъ служить именно чистой красотѣ, именно формѣ, то, помимо его воли и сознанія, въ эту форму вкрадется, по всей вѣроятности, очень низменное содержаніе, а слѣдовательно, и искусство будетъ служить очень низменнымъ цѣлямъ.

Дѣло въ томъ, что чистая красота есть лишь отвлеченная категорія, созданіе анализа, необходимое при извѣстныхъ логическихъ операціяхъ, но въ дѣйствительности, какъ нѣчто живое, совсѣмъ не существующее. Ничего просто прекраснаго въ жизни нѣтъ, и въ понятіе о прекрасномъ непремѣнно входятъ сознаваемые или несознаваемые вами, положительные или отрицательные, возвышенные или низменные элементы добра и правды. А потому искусство для искусства руководящимъ принципомъ быть не можетъ. Столь гордое своею отрѣшенностью отъ всѣхъ земныхъ скорбей и радостей, витающее въ надзвѣздныхъ сферахъ

отвлеченной красоты, чистое искусство на дѣлѣ оказывается всегда и непремѣнно чьимъ-нибудь покорнѣйшимъ слугой. Чьимъ?—это опредѣлится условіями жизни художника. Если онъ своими личными условіями опредѣлитъ для себя отношенія прекраснаго къ истинному, доброму, справедливому, онъ сдѣлаетъ искусство орудіемъ для достиженія тѣхъ или другихъ сознательно выбранныхъ цѣлей. Если же онъ захочетъ отдаться исключительно на волю своего влеченія къ прекрасному, то нравственный элементъ все-таки безсознательно войдетъ въ его работу, но войдетъ въ томъ грубомъ, сыромъ видѣ, въ какомъ онъ носится въ окружающей художника средѣ, въ томъ общественномъ слоѣ, къ которому художникъ принадлежитъ. Въ концѣ концовъ, такимъ образомъ, гордое, чистое искусство окажется на службѣ интересовъ даннаго общественнаго слоя.

«СТИХОТВОРЕНІЯ ВЪ ПРОЗѢ».

[1]) «Стихотворенія въ прозѣ» представляютъ маленькіе этюды иногда въ нѣсколько строкъ, иногда въ цѣлую страницу. Тургеневъ набрасывалъ въ нихъ мелькавшіе образы, чувства, идеи. Конечно, эти наброски имѣютъ извѣстное художественное достоинство; они сдѣланы рукой опытной, сдѣланы эффектно, съ привычнымъ умѣньемъ въ двухъ-трехъ словахъ отчеканить мысль, чувство, образъ.

Вопросъ, значитъ, въ томъ, каковы эти мысли и чувства.

---

[1]) Созерцатель. «Русское Богатство» 1883 г. № 1.

Прежде всего, чуть не въ каждомъ отрывкѣ, авторъ вспоминаетъ о своей грядущей близкой смерти. Эта мысль наполняетъ всецѣло всю его душу и заставляетъ ежеминутно трепетать: смерть то гонится за нимъ въ видѣ страшной старухи, то надвигается въ видѣ разверстой могилы; онъ видитъ ее и во снѣ, и на яву. Въ концѣ концовъ это производитъ особое, не совсѣмъ лестное для автора, впечатлѣніе на душу читателя, сколько-нибудь мыслящаго. Конечно, подъ старость, да еще человѣку больному, мысль о смерти должна приходить часто, но... сдѣлать мысль о смерти своей idée fixe, такъ конвульсивно, такъ судорожно трепетать отъ ужаса при ея приближеніи, это—явленіе вовсе не нормальное, это характеризуетъ особый типъ душевнаго склада, особую нравственную консистенцію, не возбуждающую черезчуръ глубокаго эстетическаго впечатлѣнія въ читателяхъ. Особенно это непріятно въ старцѣ, долго жившемъ, который не могъ же, наконецъ, въ свою долгую жизнь не чувствовать и не мыслить много, много, — не могъ же, наконецъ, не придти къ нѣкоторому философскому примиренію съ этой естественной, нормальной обязанностію каждаго— умереть. Посмотрите, какъ умираетъ старикъ крестьянинъ; посмотрите, какъ умираетъ мудрецъ. Для многихъ смерть — тихое пристанище отъ разочарованій и тяжелой жизненной борьбы, когда такъ охотно уступается мѣсто молодымъ и свѣжимъ силамъ и, уходя изъ міра, всю свою душу, всѣ свои завѣтныя чаянія завѣщаютъ грядущимъ поколѣніямъ, живутъ въ нихъ, любятъ ихъ и съ любовью ихъ благословляютъ. Ничто подобное не сквозитъ въ предсмертныхъ корчахъ нашего талантливаго художника. Онъ му-

чится, точно преступникъ передъ казнью, да, вѣдь, и преступники не всѣ такъ судорожно мучатся, а тѣ, которые мучатся, вызываютъ далеко не нравственное и не эстетическое впечатлѣніе. И невольно приходитъ вопросъ: да отчего же такъ безъ достоинства думаетъ о смерти нашъ великій художникъ? Неужели такой ужасъ смерти есть удѣлъ художника вообще, какъ существа, наиболѣе страстно обожающаго жизнь? Нѣтъ, намъ невольно припоминается, какъ контрастъ, образъ другого нашего великаго художника, графа Толстаго, который еще на дняхъ повѣдалъ міру свою душевную исповѣдь. Какая безконечная разница! Какая противоположность! Этотъ человѣкъ былъ пораженъ мыслью о смерти въ самый разцвѣтъ молодыхъ силъ и таланта, и страхъ смерти сказался въ немъ вопросомъ: «зачѣмъ я жилъ? Зачѣмъ живу? Для чего и зачѣмъ жизнь вообще? Стоитъ ли жить?» Такіе вопросы, какъ извѣстно, приходили и Джону Стюарту Миллю. И тамъ, и тутъ они привели, путемъ мучительной рефлексіи, убійственной логической и нравственной ломки, къ убѣжденію, что жить не стоитъ, что нужно скорѣе кончить эту шутку. И графъ Толстой долженъ былъ прятать отъ себя ружье, чтобы не привести это рѣшеніе въ исполненіе. Но и у него, какъ и у Милля, скоро нашлось примиреніе: англійскій мыслитель нашелъ его въ своемъ знаменитомъ утилитаріанизмѣ, русскій геніальный художникъ отыскалъ его тамъ, гдѣ ожидалъ менѣе всего: пройдя черезъ горнило положительной науки и философскихъ системъ величайшихъ европейскихъ мыслителей, его душа не нашла въ нихъ ничего, чтобы давало цѣну жизни. Тогда-то его поразилъ вопросъ: если я, обставленный

такъ хорошо во внѣшнемъ отношеніи, — я, человѣкъ богатый, ученый, знаменитый, окруженный семьей и заботами прекрасной любящей жены,—если я не нахожу въ себѣ силъ дольше жить, потому что не вижу цѣли въ жизни, считаю все это мучительнымъ миражемъ и самообманомъ, то какая же сила удерживаетъ въ жизни простой народъ, крестьянина, вѣчно голоднаго и холоднаго, вѣчно борящагося съ нуждой и не видящаго никакой радости? И онъ сталъ искать въ народѣ отвѣта на свою загадку о цѣляхъ жизни. И онъ нашелъ ее въ народномъ чувствѣ вѣры и христіанской братской любви. Да, вотъ гдѣ разгадка жизни. Любовь, любовь, завѣщанная Христомъ, вотъ что даетъ безсмертіе и снимаетъ страхъ смерти. Умирая, я люблю остающихся, я живу въ нихъ и ихъ жизнію; но это возможно только любя. У кого есть семья, тотъ умирая живетъ въ дѣтяхъ, въ ихъ будущемъ видитъ продолженіе своей жизни, своей борьбы; у кого нѣтъ семьи, но есть любовь къ человѣчеству, тому все человѣчество замѣняетъ семью, и онъ покойно уходитъ изъ міра, любуясь и любя новыя волны жизни, которыя сомкнутся надъ его могилой. Но для этого нужно любить не одинъ внѣшній міръ, а его внутреннюю сущность; любить человѣка и его душу, вѣрить въ нее.

Изъ остальныхъ «Стихотвореній въ прозѣ» мы видимъ, что Тургеневъ не вѣритъ въ будущее родной страны и роднаго народа. Здѣсь, у насъ на Руси, все возбуждаетъ въ немъ только желчь и отрицаніе: и народъ и критики, обидѣвшіе его, и всякіе дураки, которые, по его словамъ, прославились тѣмъ, что кричали о новизнѣ, и молодежь, которая не оцѣнила его.

Невольно удивляешься этому нравственному противорѣчію: человѣкъ не вѣритъ въ жизнь и все жъ съ ужасомъ цѣпляется за нее холодѣющими руками. Но на самомъ дѣлѣ, тутъ нѣтъ противорѣчія, а, напротивъ, тутъ-то и разгадка. Нельзя оторваться отъ народной жизни, отъ народной души и сохранить свою душу и сердце! Нельзя всю жизнь питаться только обожаніемъ чуждой, чисто внѣшней цивилизаціи. Все *внѣшнее* измѣнитъ, когда придетъ послѣдній разсчетъ, измѣнитъ и самая внѣшняя оболочка, это тѣло—не измѣнитъ только внутреннее, не измѣнитъ любовь. И вотъ, передъ нами два типа, два полюса: одинъ не вѣритъ въ жизнь, и другой не вѣрилъ въ нее, но первый страстно цѣпляется за жизнь, какъ сибаритъ, для котораго все во внѣшнемъ, въ тѣлѣ, — другой самъ добровольно ищетъ смерти, разъ онъ не нашелъ въ ней внутренняго смысла, разъ онъ призналъ, что въ ней нѣтъ нравственной цѣли. Внѣшнее счастье, обставляющее его, для него ничто: ни семья, ни богатство, ни слава, ни любящая красавица-жена не могутъ его заставить жить, если въ жизни нѣтъ нравственнаго смысла! И человѣкъ ищетъ смерти самъ, добровольно, пока не находитъ нравственнаго смысла въ жизни, тогда какъ первый трепещетъ этой самой смерти и конвульсивно отбивается отъ нея.

Вотъ два полюса! Вотъ два противоположныхъ нравственныхъ типа! И какъ понятно становится, что у перваго нѣтъ никакой общей, высшей, синтетической идеи въ жизни, въ міросозерцаніи, идеи, которая бы на склонѣ жизни примиряла для него все законное и нормальное... Да и быть такой идеи у этого типа не можетъ, ибо нельзя ее имѣть, не имѣя въ

душѣ главнаго, что носитъ каждый человѣкъ, какъ основной душевный фонъ, какъ почву душевныхъ явленій. Эта почва у каждаго, у француза, у англичанина, у нѣмца—родной народъ, вѣра въ него, любовь къ нему, не барская, не съ высоты «европейски-образованнаго» барина, а любовь всецѣло охватывающая народное сердце и душу, сливающаяся съ ними, питающаяся надеждами, вѣрованіями, чаяніями, этой святой, труженической, всепрощающей души.

Тургеневъ тоже любитъ народъ, жалѣетъ его бѣдность, но посмотрите, какая это жалкая, высокомѣрная любовь, съ высоты своего европейскаго величія, когда человѣкъ, даже умирая, не въ силахъ понять всего ничтожества этого эфемернаго, внѣшняго величія. Вотъ баба и мужикъ. Онъ желаетъ принять въ домъ пріемышемъ сироту. Она говоритъ, что теперь хоть соль у нихъ въ щахъ есть, а тогда и соли не будетъ. Онъ отвѣчаетъ: и безъ соли похлебаемъ.

Вотъ у бабы умеръ единственный сынъ. Барыня бѣжитъ въ ея избу съ утѣшеніями и видитъ, что баба, стоя передъ столомъ, быстро хлебаетъ щи, а слезы катятся у нея изъ глазъ. «Какъ! восклицаетъ барыня: ты можешь ѣсть!»—«Да, вѣдь, щи-то посоленыя», отвѣчаетъ баба.

Такъ и кажется, что вы эти анекдоты, «сочувственные мужичку» слышали ужь гдѣ-то въ богатомъ барскомъ домѣ, послѣ роскошнаго обѣда, за дорогимъ кофе и душистой сигарой, изъ устъ гуманнаго, европейски-образованнаго, либеральнаго помѣщика! И тяжело, и противно!

«КЛАРА МИЛИЧЪ».

В. Буренинъ, (М. П.) «Дѣло» 1883 г., (П. М.) «Недѣля» 1883 г., (Созерцатель) «Русское Богатство» 1883 годъ).

[1]) «Клара Миличъ» также полуфантастическаго характера и преисполнена романтическаго мистицизма. Струя романтизма, такъ замѣтная въ первыхъ работахъ нашего художника, какъ будто вновь, послѣ долгаго изсякновенія, просочилась съ замѣчательною настойчивостью и силою въ послѣдніе годы его творчества. Три произведенія: «Сонъ», «Пѣснь торжествующей любви» и «Клара Миличъ» свидѣтельствуютъ объ этомъ, какъ бы потверждая старую истину, что въ преклонномъ возрастѣ обыкновенно возрождаются тѣ душевныя впечатлѣнія, подъ господствующимъ вліяніемъ которыхъ складывалась ранняя юность человѣка. «Клара Миличъ — къ слову сказать — была навѣяна Тургеневу трагической исторіей извѣстной пѣвицы и впослѣдствіи драматической артистки Кадминой, отравившейся и умершей за кулисами, во время представленія пьесы, въ которой она участвовала. Объ этомъ обстоятельствѣ упоминали въ печати, когда появилась повѣсть. Но слѣдуетъ, однако, замѣтить, что, судя по тѣмъ разсказамъ, какіе извѣстны о покойной Кадминой, въ характерѣ этой артистки не было ничего сходнаго съ характеромъ героини повѣсти Тургенева. Художникъ заимствовалъ изъ дѣйствительной исторіи только два внѣшнихъ факта: фактъ отравленія и фактъ

[1]) В. Буренинъ. «Литературная дѣятельность Тургенева».

принадлежности отравившейся театральному міру. Мотивы, по которымъ такъ трагически окончила свою жизнь Кадмина, не имѣютъ, кажется, ничего общаго съ мотивами, обусловливающими печальную развязку любви героини повѣсти Тургенева. Дѣлаю это указаніе здѣсь въ тѣхъ видахъ, чтобы еще разъ подтвердить, что нашъ художникъ никогда не былъ «протоколистомъ», списывавшимъ голую дѣйствительность. какъ это старались распространить о немъ нѣкоторые усердные не по разуму поклонники протоколизма въ искусствѣ: онъ всегда возводилъ голую дѣйствительность, говоря извѣстнымъ затертымъ выраженіемъ Гоголя, «въ перлъ созданія» и въ этомъ отношеніи былъ живымъ укоромъ бѣдному и жалкому сочинительству «протоколистовъ» и европейскихъ и нашихъ доморощенныхъ.

[1]) Повѣсть г. Тургенева («Клара Миличъ») показываетъ, что жизнь вовсе не такъ ужь пріѣлась автору, какъ онъ это намъ когда-то красиво расписывалъ. Напротивъ, ему хотѣлось бы жить, жить, вѣчно жить, и не только жить, но и любить; а дѣло извѣстное, чего страстно хочется въ то невольно и вѣрится, на этомъ весь такъ называемый спиритизмъ построенъ. Подъ именемъ Клары Миличъ г. Тургеневъ изобразилъ, какъ выяснили рецензенты, умершую пѣвицу Кадмину, но для насъ это обстоятельство не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. До Кадминой намъ дѣла нѣтъ, но большое дѣло до г. Тургенева, который на трехъ печатныхъ листахъ дурманитъ читателя чисто-спиритскимъ угаромъ. Высказывая это совершенно открыто,

---

[1]) М. П. «Дѣло» 1883 г. № 2.

мы не чувствуемъ себя погрѣшившими ни передъ какой pietas. Дружба дружбой, а служба службой... Мы ни сколько не возстаемъ противъ фантастическаго элемента въ искусствѣ. Онъ имѣетъ свою, хотя и незначительную роль, и очень удобенъ, напримѣръ, для аллегоріи. Но развѣ аллегорію разсказываетъ намъ г. Тургеневъ? Онъ совершенно серьезно разсказываетъ намъ спиритскія нелѣпости, съ чувствомъ, съ толкомъ и съ разстановкой описываетъ намъ любовное свиданіе съ тѣнью умершей женщины. Вѣритъ или не вѣритъ г. Тургеневъ въ возможность подобныхъ явленій—это какъ ему угодно. Но мы не можемъ оставаться равнодушными при видѣ его стараній склонить и читателей къ своей вѣрѣ, нездоровой вѣрѣ, представляющей собою продуктъ ума усталаго и омраченнаго. Мы отказываемся понимать поведеніе «Вѣстника Европы» въ этомъ случаѣ. Этотъ почтенный журналъ со стойкостью, дѣлающей ему честь, постоянно возставалъ противъ вредоносной пропаганды гг. Бутлеровыхъ и Вагнеровъ, отказывался, сколько помнимъ, печатать ихъ статьи, но г. Тургеневу отказать не могъ. Да развѣ повѣсть г. Тургенева не вреднѣе самыхъ умопомрачительныхъ статей нашихъ спиритовъ-профессоровъ? Безъ всякаго сравненія вреднѣе, потому что безъ всякаго сравненія популярнѣе. Повѣсть г. Тургенева прочтутъ всѣ, туманныя разглагольствованія г. Бутлерова о какомъ-нибудь четвертомъ измѣреніи прочтутъ два съ половиной человѣка. Но таковы наши журнальные нравы и обычаи. Мы уважаемъ идеи менѣе нежели громкія и популярныя имена. Мы возстаемъ въ теоріи противъ всякаго рода мистицизма, но если мистицизмомъ заразится *свой*, и при

томъ крупный человѣкъ — мы возьмемъ его подъ защиту. Г. Тургеневъ, печатая свои «Призраки», извинялся передъ читателемъ и просилъ не судить его строго. Нынѣ онъ не только не извиняется, но имѣетъ даже нѣкоторый побѣдоносный видъ, какъ человѣкъ, овладѣвшій высшей истиной.

[1]) «Клара Миличъ» И. С. Тургенева имѣла несчастіе навлечь на себя сильный гнѣвъ критиковъ «Русскаго Богатства» и «Дѣла». Первый, передавъ содержаніе разсказа въ стилѣ сценъ г. Лейкина, изображаетъ ужасъ «купеческихъ дѣвицъ» при чтеніи написанныхъ Тургеневымъ «ужастей» и не колеблясь причисляетъ «Клару» къ «петрушкиной» литературѣ, на томъ основаніи, что она, будто бы, возбуждаетъ въ читателѣ только нелѣпое, дѣтски-сказочное волненіе и не даетъ никакой «идеи». Другой критикъ обрушивается на бѣдную «Клару» съ еще большимъ ожесточеніемъ. Тургеневъ, говорится въ «Дѣлѣ», «дурманитъ читателя чисто-спиритскимъ угаромъ, старается склонить къ своей вѣрѣ, нездоровой вѣрѣ, представляющей собою продуктъ ума усталаго и помраченнаго»; его разсказъ «вреднѣе самыхъ умопомрачительныхъ статей Бутлерова и Вагнера» и т. д. (Далѣе слѣдуютъ уже совсѣмъ не умные личные намеки на Тургенева, которыхъ мы здѣсь, конечно, повторять не станемъ).

Признаемся, читая «Клару Миличъ», мы никакъ не могли представить себѣ, что она вызоветъ столь яростную отповѣдь,—можетъ быть потому, что не могли вообразить себя въ положеніи «купеческой дѣвицы», какъ это вздумалось одному изъ критиковъ. Мы ви-

---

[1]) П. М. «Недѣля» 1883 г. № 10.

дѣли въ новомъ разсказѣ Тургенева дальнѣйшее развитіе темы, взятой имъ изъ «Пѣсни торжествующей любви», и думали, что любовь Аратова къ Кларѣ, вполнѣ сознанная имъ только послѣ утраты этой женщины, до тѣхъ поръ любимой безсознательно,—то же торжествующее чувство, всецѣло захватывающее человѣка, съ какимъ мы встрѣтились въ первой новеллѣ. Въ поэмѣ гр. Голенищева-Кутузова, о которой мы говорили въ прошлый разъ, смерть своею силою устраняетъ любовь; у Тургенева, наоборотъ, любовь является сильнѣе смерти и до такой степени овладѣваетъ всѣмъ существомъ человѣка, что тотъ уже не въ силахъ сознавать, что любимаго существа нѣтъ болѣе въ живыхъ, а напротивъ, такъ сказать, внѣдряетъ въ себя сознаніе противоположнаго. Въ разсказѣ Тургенева, если судить его строго съ точки зрѣнія художественной, есть, конечно, недостатки, и, пожалуй, даже крупные, но не тамъ, гдѣ ихъ указываютъ критики. «Чтобы быть художественнымъ, говорится въ «Р. Богатствѣ», произведеніе искусства должно волновать наши чувства явленіями живой дѣйствительности». Какой-то ученый, когда-то, говаривалъ: «Господа, я ничего такъ не боюсь, какъ простыхъ и немногосложныхъ опредѣленій». Этотъ афоризмъ, требующій, можетъ быть, цѣлыхъ страницъ для своего поясненія, годится и въ нашемъ дѣлѣ. Мы хотимъ все упрощать, все популяризировать и, сверхъ того, озадачивать публику такими простыми истинами, подъ простотой которыхъ кроется цѣлое море безтолковости. Кажется, какъ просто и хорошо! Какой рѣшительный разрывъ съ эстетическими тонкостями! Будьте вѣрны дѣйствительности,—и вы художникъ;

чуть отклонитесь въ сторону—и вы «дурманистъ»... Но позвольте, однако: какую же дѣйствительность вамъ нужно и какъ вы понимаете слово дѣйствительность? Развѣ вселенная, говоритъ великій мыслитель, не вмѣщается въ головѣ человѣка? Развѣ милліоны ея дѣйствительностей, внѣшнихъ и внутреннихъ, душевныхъ, одна другую отрицающихъ, недоступны нашему разуму? Что же значитъ ваша формула: «будьте вѣрны дѣйствительности»? Не то-ли-же самое, что «пишите хорошо» или «не сочиняйте нелѣпыхъ сочиненій»? Гдѣ критерій, гдѣ путеводная нить? Въ нашихъ личныхъ воззрѣніяхъ? Но какое же мы имѣемъ право дѣлать наши личныя воззрѣнія общеобязательными? Вѣдь «купеческая дѣвица», во имя которой вы изрекаете свой приговоръ надъ Тургеневымъ, разахается еще больше, ежели увидитъ, напримѣръ, на сценѣ тѣнь Гамлетова отца или прочтетъ у Гете разсказъ о томъ, какъ коринѳская невѣста, *мертвая* (!!), приходитъ къ своему жениху и говоритъ: «...Меня изъ тѣсноты могильной нѣкій рокъ къ живущимъ шлетъ назадъ... Молодую страсть никакая власть, ни земля, ни гробъ не охладятъ. Знай, что смерти роковая сила не могла сковать мою любовь»... А суровый критикъ-позитивистъ отвернется и отъ Шекспира, и отъ Гете, и отъ сотни другихъ, и презрительно скажетъ: это—не художники, они не вѣрны дѣйствительности, они дурманятъ читателя спиритскимъ угаромъ, развращаютъ юношество... Вонъ ихъ!

Тургеневъ—не Шекспиръ и не Гете, да мы и не думаемъ ихъ сравнивать; мы хотѣли только показать, во-первыхъ, что личныя воззрѣнія могутъ быть очень разнообразны (намъ самимъ не разъ случалось, на-

примѣръ, слышать вопросы вродѣ того, почему Гете, человѣкъ несомнѣнно просвѣщенный, построилъ «Фауста» на чертовщинѣ), а во-вторыхъ, поставить общій, принципіальный вопросъ: свободенъ ли художникъ въ выборѣ формы для выраженія своихъ идей, или онъ долженъ непремѣнно рабски подчиняться тому, что читателю (хотя бы изъ лейкинскихъ героевъ) угодно будетъ признавать за дѣйствительность! Вы съ особеннымъ удовольствіемъ напираете на злополучный «клокъ волосъ», будто бы (по вашему толкованію) вырванный Аратовымъ изъ головы «духа» Клары; но если вы, кромѣ этого «клока» ничего не можете разсмотрѣть, такъ, пожалуй, не далеко ушли вы отъ тѣхъ, кто въ «Фаустѣ» ничего не видитъ, кромѣ чертовщины.

[1]) Мы получили упрекъ за нашъ разборъ «Клары Миличъ» Тургенева отъ литературнаго обозрѣвателя «Недѣли». Считаемъ нужнымъ отвѣтить ему, потому что придаетъ нашему мнѣнію о Кларѣ Миличъ серьезное значеніе и глубоко сожалѣемъ, что шутливая форма изложенія могла породить недоразумѣніе. А, между тѣмъ, все дѣло, кажется, произошло отъ этой шутливой формы. Между тѣмъ, намъ казалось, что трудно найти лучшій способъ указать на неестественность характеровъ, чувствъ и образовъ въ «Кларѣ Миличъ», какъ передавая ихъ въ юмористическомъ видѣ. Мы надѣялись, что дальнѣйшія, совершенно серьезныя страницы нашего разбора уяснятъ сущность нашей мысли, составляющей наше глубокое, а именно мысли объ орудіяхъ искусства, объ эффектѣ и о на-

---

[1]) Созерцатель. «Русское Богатство» 1883 г. № 3.

значенія искусства. Мы ошиблись. Шутливое изложеніе все испортило, и мы торопимся исправить ошибку и еще разъ серьезно мотивировать наше отрицательное отношеніе къ новому произведенію знаменитаго писателя.

Г. П. М. сопоставилъ нашъ разборъ съ разборомъ, напечатаннымъ въ журналѣ «Дѣло», гдѣ на Тургенева напали за то, что онъ будто бы проповѣдуетъ въ своей повѣсти спиритизмъ. Нашъ критикъ вообразилъ, что мы точно также напали на Тургенева за то, что онъ вывелъ на сцену фантастическій элементъ. Критикъ или не прочелъ нашего разбора до конца, гдѣ мы хвалимъ «Фауста» — старый разсказъ Тургенева съ той же темой, или онъ забылъ этотъ разсказъ, гдѣ выводится также фантастическій элементъ и даже гораздо болѣе фантастическій, а именно авторъ разсказа, въ своей деревнѣ, за нѣсколько верстъ отъ любимой женщины слышитъ ея предсмертный вопль. Если бы критикъ помнилъ содержаніе «Фауста», ему бы не пришлось возражать намъ, защищая присутствіе фантастическаго элемента въ искусствѣ,—не пришлось бы ссылаться на гетевскаго Мефистофеля и на тѣнь отца Гамлета и Шекспира. Мы вовсе не объ этомъ говорили, а только о ложномъ эффектѣ, производимомъ ложными, не художественными средствами. Развѣ Гете вывелъ Мефистофеля ради эффекта? Развѣ у Шекспира сущность Гамлета и эффекты драмы построены на появленіи тѣни? А у Тургенева весь эффектъ разсказа построенъ именно на чувствѣ ужаса отъ появленія мертвеца. Это мы и сравнили съ пріемами Дюма—pére'а, Габоріо и др. того же рода писателей, которые достигаютъ своихъ цѣлей, напр., не

психическимъ анализомъ, гдѣ, если и получается эффектъ, то совсѣмъ иного типа,—а эффектами внѣшними, играющими или на чувствѣ страха, или, еще хуже, на сексуальномъ волненіи. Вотъ почему мы и заставили восторгаться разсказомъ именно купчиху, а никого другаго, ибо въ каждомъ человѣкѣ (какъ казалось намъ) съ неугасшимъ эстетическимъ чутьемъ и мало-мальски образованной мыслію такіе эффекты производятъ, наоборотъ, или смѣхъ, или брезгливость, благодаря нечистоплотности деталей въ самыхъ подробностяхъ галлюцинацій несчастнаго героя. Эта нечистоплотность, эти намеки на «полное» обладаніе героемъ умершей показались намъ до-нельзя противны. Критикъ «Недѣли», наоборотъ, говоритъ, будто идея Тургенева состояла въ томъ, чтобы показать, что любовь (?!) переживаетъ тѣло и что мы этой идеи не замѣтили. И нельзя ее замѣтить, ибо во всемъ разсказѣ любви-то и нѣтъ. А если это—любовь, то любовь обезьяны, заключенной въ одиночную клѣтку и умирающей отъ болѣзни, порождаемой этимъ одиночествомъ. Немногіе, по примѣру критика, назовутъ такую болѣзнь любовію! Нужно дойти до значительнаго ослабленія эстетическаго и вообще свѣжаго человѣческаго чувства любви, чтобы смѣшать одно съ другимъ, а нашъ нѣкогда великій романистъ это смѣшалъ, да еще такъ эффектно подкрасилъ свою смѣсь, что вводитъ въ заблужденіе даже вполнѣ почтенныхъ критиковъ. Смѣшно намъ здѣсь разсуждать о любви, но приходится напомнить, что человѣческая любовь (что бы ни лежало въ ея основѣ, въ ея субстанціи) отличается отъ простой физіологической и животной функціи высшей степенью идеализаціи и индивиду-

ализаціи чувства. По поводу «Пѣсни торжествующей любви» мы также слышали мнѣніе, что Тургеневъ популяризировалъ шопенгауэровскую идею о любви, а нашъ критикъ видитъ въ Кларѣ Миличъ продолженіе того же мотива. Но что же говорилъ Шопенгауэръ? Онъ говорилъ то же, что скажетъ и всякій любой физіологъ, а именно, что въ любви мы имѣемъ «видовое» (species) стремленіе, а не индивидуальное; но никто лучше Шопенгауэра не показалъ, что это видовое стремленіе прикрывается индивидуализаціей. Это-то забылъ Тургеневъ: его любовь чисто половая любовь, безъ иллюзій, безъ идеализаціи, а въ «Пѣснѣ торжествующей любви» даже безъ *индивидуализаціи* (героинѣ тамъ все равно, съ кѣмъ бы не сойтись: она любитъ мужа, а сходится съ его другомъ), а потому герои этихъ его повѣстей не люди, а обезьяны, которымъ мѣсто въ зоологическомъ саду или клиникѣ нервныхъ болѣзней извѣстнаго типа. Такихъ людей нѣтъ, а если они есть, и притомъ здоровые, то они должны бичеваться сатирой, а не идеализироваться поэтической оболочкой. Намъ могутъ сказать, отчего же не рисовать и обезьянъ? Отчего не изображать и патологическихъ явленій вырожденія, атавизма? У Достоевскаго всѣ герои больные, у Гоголя Поприщинъ совсѣмъ сумасшедшій... Намъ опять, пожалуй, сдѣлаютъ упрекъ въ томъ, что мы цѣлый классъ явленій выбрасываемъ изъ искусства, какъ насъ упрекнулъ критикъ за то, что мы будто бы лишаемъ художника свободы выбрать ту или иную форму для своей идеи.

Отвѣтимъ и на это новое обвиненіе: не одинъ Достоевскій бралъ типы душевнаго разстройства для

того, чтобы анализировать ихъ—и путемъ ихъ анализа указывать многое болѣзненное и въ насъ самихъ, считающихся здоровыми. Выводитъ больныхъ и Шекспиръ. Напримѣръ, Реньяръ, въ своей извѣстной лекціи о сомнамбулизмѣ, анализируетъ поведеніе леди Макбетъ и указываетъ поразительное совпаденіе всѣхъ ея дѣйствій и представленій съ чисто научными признаками извѣстнаго психическаго разстройства. Такія изображенія и такой анализъ иногда предваряютъ науку, разсказываютъ намъ невѣдомыя глубины человѣческой психики, но вы въ нихъ и видите ясно стремленіе нарисовать, анализировать *типичный*, т. е. стоющій вниманія, патолигическій случай или моментъ. У Тургенева, наоборотъ, нѣтъ ничего подобнаго, ибо, во 1-хъ, случай взятъ не бывающій, не возможный или такъ рѣдко встрѣчающійся, что быть предметомъ типическаго анализа онъ не можетъ: гдѣ же вы видѣли такихъ больныхъ, которые, ни разу не говоривши съ предметомъ любви, влюбились до помѣшательства и даже до смерти? Это — фантазія, и довольно старая фантазія старыхъ романистовъ. Но не въ этомъ одномъ дѣло: Тургеневу не важенъ былъ анализъ душевнаго состоянія героя, а важенъ былъ только эффектъ, производимый на читателя галлюцинаціями или видѣніями больнаго. Мы готовы даже признать, что и на это имѣетъ право художникъ: онъ долженъ быть свободенъ. Но художникъ вводитъ еще клокъ волосъ для усиленія эффекта. Допустимъ на минуту, что онъ или вѣритъ въ спиритизмъ, или просто хотѣлъ поиграть на нашихъ душахъ. Мы готовы и тутъ признать его право: вѣрьте, молъ, во что вамъ нравится, играйте нашими чувствами, какъ хотите, —

прекрасно! Но въ концѣ концовъ мы не можемъ же отдѣлаться отъ вопроса: чѣмъ же мы волновались? Что пережили? Какого рода чувствами увлекались и какой осадокъ остался? Какія идеи или стремленія, или потребности возникли изъ этихъ чувствъ? Эти-то вопросы мы и поставили. Нашъ критикъ говоритъ, что эти вопросы касаются будто бы только формы, въ которую Тургеневъ облекъ свою идею. Но въ такого рода разсказахъ — форма и идея тѣсно слиты. Формой, въ данномъ случаѣ, вызываются волненія довольно низменныя и ничтожныя, и если за этой формой критикъ усмотрѣлъ идею о прочности любви, переживающей даже смерть, то, конечно, это дѣлаетъ только честь его проницательности и умѣнью видѣть то, чего никто не видитъ; мы же думаемъ, что эта идея такъ сама по себѣ мизерна и такъ извѣстна даже ребенку, который знаетъ, что, даже если кукла разобьется, то любовь и жалость могутъ къ ней остаться, что Тургеневу напрасно было ради нея городить такой удивительный художественный огородъ, а критику упрекать насъ въ непроницательности.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ И. С. ТУРГЕНЕВА.

[1]) Первый трудъ, которымъ Иванъ Сергѣевичъ открылъ свою дѣятельность, появился въ видѣ критической статьи о книгѣ: «Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ», изданной А. Н. Муравьевымъ. Эта статья, помѣщенная въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1836 г., т. XI, кн. 8, отд. IV, стр. 391—410), ровно черезъ сорокъ лѣтъ вызвала изъ-подъ пера своего автора неблагосклонный отзывъ (см. «Вѣстникъ Европы» 1876 г., кн. I, стр. 430): онъ считалъ ее «незначительной работой», «грѣхомъ своей юности». Между тѣмъ эта «проба пера» отличалась почти тѣми же привлекательными чертами, какія мы привыкли встрѣчать въ каждомъ произведеніи Тургенева: она заключала въ себѣ *художественный разсказъ* о появленіи русскихъ монастырей, *мастерское изображеніе характера* ихъ первыхъ основателей (напримѣръ, патріарха Никона) и, наконецъ, *живой, увлекательный стиль*. Напримѣръ, эта рецензія заключалась такими прекрасными строками: «Пустыня, уединеніе, гдѣ, казалось бы, должно вянуть

---

[1]) «Литературная дѣятельность Тургенева.» (Библіографическій очеркъ) Д. Языкова. «Историч. Вѣстн.» 1883 г. № 11.

воображеніе, возбуждаютъ его въ высокой степени, и мы съ живымъ удовольствіемъ внимаемъ автору, когда онъ плыветъ черезъ Ладожское озеро, ночью, при духовномъ пѣніи кормчаго-инока, или когда слушаетъ трогательный разсказъ игумена о св. царевичѣ Іосафѣ, оставившемъ царство земное для небеснаго, и, умиляясь мысленнымъ зрѣлищемъ смиреннаго пріюта отшельниковъ, невольно повторяемъ съ авторомъ стихи, которые желаетъ онъ вложить въ ихъ уста:

Моря житейскаго шумныя волны
 Мы протекли.
Пристань надежную утлые челны
 Здѣсь обрѣли.
Здѣсь невечернею радостью полны,
 Слышимъ вдали—
Моря житейскаго шумныя волны...»

Такія заключительныя строки рецензіи заставляли ожидать отъ Тургенева самостоятельныхъ поэтическихъ трудовъ. И дѣйствительно, черезъ два года, въ одной изъ книжекъ «Современника» уже виднѣется стихотвореніе недавняго критика, подъ заглавіемъ «Старый дубъ» (1838 г., т. X). Это былъ «первый лепетъ младенческой музы», за которымъ, въ теченіе сороковыхъ годовъ, потянулась длинная вереница стиховъ, то напечатанныхъ въ журналахъ или сборникахъ, то изданныхъ отдѣльными брошюрами. Такъ, прежде всего, на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» появились слѣдующія стихотворенія: «Старый помѣщикъ» (1841 г., кн. 9), «Баллада» (кн. 11), «Похищеніе» (1842 г., кн. 3), «Цвѣтокъ» (1843 г., кн. 8), «Нева» (кн. 9), «Весенній вечеръ» (кн. 10), «Когда

съ тобой разстался я» и «Человѣкъ какихъ много» (кн. 11), «Толпа», «Когда давно забытое названье» и «Конецъ жизни» (1844 г., кн. 1), «Ѳедя», «Я васъ знавалъ тому давно» и «Въ ночь лѣтнюю, когда тревожной грустью полный» (кн. 3), «Послѣдняя сцена первой части Фауста: «Тюрьма» (кн. 6), «Къ....» (кн. 11) «Признаніе» (кн. 12), «Откуда вѣетъ тишиной» (1845 г., кн. 2) и поэма въ двухъ частяхъ «Андрей» (1846 г., кн. 1). Затѣмъ, въ тотъ же періодъ времени, и «Современникъ» продолжалъ помѣщать такія произведенія тургеневской музы: «В. П. Б.» (должно быть Боткину), «Замѣтила ли ты», «Осень» и «Гроза промчалась» (1844 г., т. 31), «Люблю я вечеромъ къ деревнѣ подъѣзжать», «На охотѣ лѣтомъ», «Безлунная ночь», «Дѣдъ», «Гроза», «Другая ночь», «Кроткіе льются лучи», «Передъ охотой», «Первый снѣгъ» (1847 г., кн. 1) и «Одинъ, опять одинъ я»..... (1850 г., кн. 1). Наконецъ, безъ стиховъ Тургенева не обошлись и два литературные сборника сороковыхъ годовъ: первый изъ нихъ, подъ названіемъ: «Вчера и Сегодня» (Спб. 1845—1846 гг.), заключалъ шесть стихотвореній, а именно: «Когда такъ радостно, такъ нѣжно», «Ахъ, давно ли гулялъ я съ тобой», «Въ дорогѣ», «Утро туманное, утро сѣдое», «Къ чему твержу я стихъ унылый» и «Брожу подъ озеромъ»; во второмъ же «Петербургскомъ Сборникѣ» (Спб. 1846 г.) находятся стихи: «Помѣщикъ», «Тьма» изъ Байрона и «Римская элегія» изъ Гете. Если къ названнымъ трудамъ прибавить двѣ отдѣльно напечатанныя поэмы: «Параша» (Спб. 1843 г., 46 стр.) и «Разговоръ» (Спб. 1845 г., 39 стр.), то можно съ большею вѣроятностію сказать: вотъ все, что намъ писатель напечаталъ въ стихотворной формѣ.

Въ одно время со стихами, изъ подъ пера Тургенева стали выходить драматическія сочиненія, повѣсти, разсказы и критическія статьи. Всѣ эти произведенія, сначала помѣщенныя въ журналахъ, а потомъ лишь частію перепечатанныя въ «Собраніи сочиненій», появились передъ публикой въ такомъ хронологическомъ порядкѣ:

1843 г. **Неосторожность**, драматическій очеркъ въ одномъ дѣйствіи («Отеч. Зап.», кн. 10).

1844 г. **Андрей Колосовъ**, повѣсть («Отеч. Зап.,» кн. 11).

1845 г. **Фаустъ, сочиненіе Гете, переводъ М. Вронченко**, критическая статья («Отеч. Зап.», кн. 2).

1846 г. **Три портрета**, разсказъ («Петербургск. Сбор.», изд. Н. Некрасовымъ).

Смерть Ляпунова, драма Гедеонова, критическая статья («Отеч. Зап.», кн. 8).

Безденежье, сцены изъ петербургской жизни молодого дворянина («Отеч. Зап.», кн. 10).

1847 г. **Бреттеръ**, повѣсть («Отеч. Зап.», кн. 1).

Генералъ-поручикъ Паткуль, трагедія Кукольника, критическая статья («Современ.» кн. 1).

Записки охотника: Хорь и Калинычъ («Современ.», кн. 1).

Петръ Петровичъ Каратаевъ, разсказъ («Современ.», кн. 2).

Письмо изъ Берлина, (Современ., кн. 3).

Записки охотника: Ермолай и мельничиха, Мой сосѣдъ Радиловъ, Однодворецъ Овсянниковъ, Львовъ («Современ.», кн. 5).

Записки охотника: Бурмистръ, Контора («Современ.», кн. 10).

Жидъ, разсказъ («Современ.», кн. 11).

1848 г. **Записки охотника:** Малиновая вода, Уѣздный лѣкарь, Бирюкъ, Лебедянь, Татьяна Борисовна и ея племянникъ («Современ.», кн. 2).

Пѣтушковъ, повѣсть («Современ.», кн. 9).

Гдѣ тонко, тамъ и рвется, комедія въ одномъ дѣйствіи («Современ.», кн. 11).

1849 г. **Записки охотника:** Смерть, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Чертопхановъ и Недопюскинъ, Лѣсъ и Степь, («Современ.,» кн. 2).

Холостякъ, комедія въ трехъ дѣйств. («Отеч. Зап.», кн. 9). Эта комедія вышла и въ отдѣльномъ изданіи. Спб. 1860 г.

1850 г. **Дневникъ лишняго человѣка** («Отеч. Зап.», кн. 4). Потомъ это произведеніе перепечатано въ сборникѣ «Для легкаго чтенія», Спб. 1850 г., ч. 1).

Записки охотника: Пѣвцы, Свиданіе («Соврем.», кн. 11).

1851 г. **Разговоръ на большой дорогѣ** («Комета», учено-литературный альманахъ, изд. К. Щепкинымъ въ Москвѣ).

Провинціалка, комедія въ одномъ дѣйствіи («От. Зап.», кн. 1).

Есть и отдѣльное изданіе этой комедіи. Спб. 1860 г.

Записки охотника: Бѣжинъ Лугъ («Современ.», кн. 2) и Касьянъ съ Красивой Мечи (кн. 4).

1852 г. **Племянница, романъ Евгеніи Туръ**, критическая статья («Современ.», кн. 1).

Три встрѣчи, разсказъ («Современ.», кн. 1).

Письмо изъ Петербурга, по поводу смерти Гоголя («Московск. Вѣдом»., № 32).

Нѣсколько словъ о новой комедіи Островскаго: «Бѣдная невѣста» («Современ.», кн. 3).

Въ этомъ же году были изданы отдѣльно и «Записки охотника» (М., двѣ части).

1853 г. **Письмо къ одному изъ издателей «Современника»**, о книгѣ Аксакова: «Записки ружейнаго охотника» («Современ.», кн. 1).

1854 г. **Два пріятеля**, повѣсть («Современ.», кн. 1).

Муму, разсказъ («Современ.», кн. 3).

О стихотвореніяхъ г. Тютчева, критическая статья («Современ.», кн 4).

Затишье, повѣсть («Современ.», кн. 9).

1855 г. **Мѣсяцъ въ деревнѣ**, комедія въ пяти дѣйствіяхъ («Современ.», кн. 1).

Эта комедія напечатана въ журналѣ съ большими измѣненіями по требованію цензуры; но въ своемъ первоначальномъ видѣ она появилась только на страницахъ «Собранія сочиненій» (М., 1869 г.).

Яковъ Пасынковъ, изъ воспоминаній человѣка въ отставкѣ («Отеч. Зап.», кн. 4).

Постоялый дворъ, повѣсть («Современ., кн. 11). Названная повѣсть отдѣльно издана Санктпетербургскимъ Комитетомъ грамотности (Спб. 1881 г.).

Два слова о Грановскомъ («Соврем.», кн. 11).

О соловьяхъ (приложеніе къ книгѣ Аксакова: «Разсказъ и воспоминанія охотника»).

1856 г. **Переписка**, повѣсть (Отеч. Зап.», кн. 1).

Рудинъ, повѣсть («Современ.», кн. 1 и 2).

Завтракъ у предводителя, комедія въ одномъ дѣйствіи («Современ.», кн. 8).

Фаустъ, разсказъ въ девяти письмахъ («Современ.», кн. 10). Въ этомъ же году были

изданы Анненковымъ «Повѣсти и разсказы И. С. Тургенева» (Спб. 1856 г., три тома).

1857 г. **Чужой хлѣбъ**, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ («Современ.», кн. 3). Эта комедія шла на сценѣ и напечатана въ «Собраніи сочиненій И. С. Тургенева» подъ другимъ названіемъ— «Нахлѣбникъ».

Поѣздка въ Полѣсье («Библ. для чтенія», кн. 10).

1858 г. **Ася**, повѣсть («Современ.», кн. 1).

Изъ-за границы, письмо («Атеней», кн. 6).

1859 г. **Собственная господская контора**, отрывокъ изъ неизданнаго романа («Московскій Вѣстн.», №1).

Дворянское гнѣздо, романъ («Современ.», кн. 1). Въ этомъ же году романъ изданъ отдѣльно Н. Основскимъ (Москва, 1859 г.).

Обѣдъ въ обществѣ англійскаго литературнаго фонда, письмо къ автору статьи: «О литературномъ фондѣ» («Библіот. для чтенія», кн. 1). Въ концѣ этого года появилось *второе изданіе* «Записокъ Охотника» (Спб.).

1860 г. **Наканунѣ**, повѣсть, («Русск. Вѣстникъ», кн. 1).

Гамлетъ и Донъ-Кихотъ, рѣчь, произнесенная 10 января 1860 года на публичномъ чтеніи въ пользу общества для вспомоществованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ («Современ.», кн. 1).

Встрѣча моя съ Бѣлинскимъ («Московскій Вѣстникъ», кн. 3).

Первая любовь, повѣсть («Библіот. для чтенія», кн. 3).

Въ этомъ году, съ именемъ Тургенева, появился переводъ «Украинскихъ народныхъ

разсказовъ» Марка Вовчка (Спб.) и «*Сочиненія* И. С. Тургенева», изд. Н. Я. Основскимъ (М., четыре тома).

1861 г. **Поѣздка въ Альбано и Фраскати**, воспоминанія объ А. А. Ивановѣ («Вѣкъ», № 15).

1862 г. **Отцы и дѣти**, повѣсть («Русскій Вѣстникъ», кн. 2). Отдѣльно эта повѣсть была издана К. Т. Солдатенковымъ въ томъ же году (М.).

Предисловіе къ сочиненію Буткевичъ: «Дневникъ дѣвочки» (Спб.).

Эта книга, съ тѣмъ же предисловіемъ, издана вторично (М. 1881 г.).

1864 г. **Призраки**, фантазія («Эпоха», кн. 1—2).

Рѣчь о Шекспирѣ («Санктпетерб. Вѣдомости», № 89).

1865 г. **Собака**, разсказъ («Санктпетерб. Вѣд.», № 85). Въ этомъ же году вышло *третье изданіе* «Сочиненій И. С. Тургенева», напечатанное Ѳ. И. Салаевымъ въ Карлсруэ (пять томовъ): на страницахъ этого изданія въ первый разъ появился «Отрывокъ изъ записокъ умершаго художника» подъ названіемъ: «**Довольно**».

1866 г. **Переводъ съ французскаго** «Волшебныхъ сказокъ», изд. Перро (Спб.).

1867 г. **Дымъ**, повѣсть («Русск. Вѣстн.», кн. 3). Эта повѣсть выдержала два отдѣльныя изданія: М. 1868 и Лейпцигъ, 1876 г.

1868 г. **Бригадиръ**, разсказъ («Вѣстн. Европы», кн. 1).

Исторія лейтенанта Ергунова («Русск. Вѣстн.», кн. 1).

По поводу смерти Артура Бенни («Санктпетерб. Вѣдомости», № 52).

Письмо по поводу «Записокъ кн. П. Долгорукаго» («Санктпетерб. Вѣдомости», № 186).

Литературный вечеръ у П. А. Плетнева («Русск. Архивъ», кн. 10).

1869 г. **Несчастная**, разсказъ («Русск. Вѣстн.», кн. 1).

Воспоминанія о Бѣлинскомъ («Вѣстн. Европ.», кн. 4). Въ этомъ году вышло *четвертое* изданіе «Сочиненій И. С. Тургенева», напечатанное Ѳ. И. Салаевымъ въ Москвѣ (семь томовъ).

1870 г. **Странная исторія**, разсказъ («Вѣстн. Европ.», кн. 1). Въ той же книжкѣ журнала (стр. 509—510) Тургеневъ помѣстилъ письмо, въ которомъ упрекаетъ газету «Голосъ» за неудачный переводъ «**Странной исторіи**» изъ нѣмецкаго журнала «Salon», гдѣ впервые появился этотъ разсказъ.

Образчикъ стариннаго крючкотворства («Русскій Арх.», кн. 1).

Письмо по поводу критики на «Сочиненія Полонскаго» («Санктпет. Вѣдом»., № 8).

Степной король Лиръ («Вѣстн. Европ.», кн. 10).

Предисловіе къ роману Ауэрбаха: «Дача на Рейнѣ» (Спб).

1871 г. **Стукъ!... Стукъ!... Стукъ!...** студія («Вѣстникъ Европы», кн. 1).

Saltykoff's history of a tovn—о сочиненіи Щедрина: «Исторія одного города» (The Academy, № 19).

Рецензія на изданіе Фонъ-Больца: «Lehrgag der Russischen Sprache für den Schul—Privat und Selbst Untericht» («Санктпетерб. Вѣдом.», № 276).

Николай Ивановичъ Тургеневъ, некрологъ («Вѣстникъ Европы», кн. 12).

Въ этомъ году вышелъ *восьмой* (дополнительный) томъ *четвертаго* изданія «Сочиненій И. С. Тургенева» (М.).

1872 г. **Вешнія Воды**, повѣсть («Вѣстн. Евр.», кн. 1).

Записки охотника: Конецъ Чертопханова («Вѣстникъ Европы», кн. 11).

1874 г. **Наши послали**, эпизодъ изъ исторіи іюньскихъ дней 1848 года въ Парижѣ («Недѣля», № 1).

Пунинъ и Бабуринъ, разсказъ («Вѣстн. Евр.», кн. 4).

Живыя мощи, разсказъ («Складчина», ученолитературн. сборникъ). Этотъ разсказъ отдѣльно изданъ обществомъ распространенія полезныхъ книгъ. М. 1876 г.

Пегасъ, изд. П. Васильевымъ, Казань.

Въ этомъ году вышло *пятое* изданіе «сочиненій И. С. Тургенева» (М., восемь томовъ) и три разсказа, отдѣльно напечатанные Московскимъ Комитетомъ грамотности: **Бирюкъ** (изд. 2-е, М. 1876 г.), **Однодворецъ Овсянниковъ** (изд. 2-е, М. 1877 г.) и **Пѣвцы** (изд. 2-е, М. 1877 г.; изд. 3-е, М. 1880 г.).

1875 г. **Стучитъ!..** Изъ «Записокъ Охотника», перев. съ французскаго изъ газеты «Temps», изд. А. Михайлова (М.).

Письмо о переводѣ «Демона» на англійскій языкъ («С.-Петерб. Вѣдом»., № 208).

Письмо по поводу смерти гр. А. К. Толстаго («Вѣстн. Евр.», кн. 11).

1876 г. **Часы**, разсказъ старика («Вѣстн. Евр»., кн. 1).

Письмо о журналѣ «Охота» («Биржевыя Вѣдом.», № 207).

Въ этомъ же году М. Стасюлевичемъ изданъ шестой томъ «Русской Библіотеки» съ портретомъ и библіографіей Тургенева, причемъ были перепечатаны въ отрывкахъ: «Записки Охотника», «Рудинъ», «Ася», «Дворянское Гнѣздо», «Дымъ», «Отцы и Дѣти».

1877 г. **Новь**, романъ («Вѣстн. Европы», кн. 1 и 2).

Въ слѣдующемъ году этотъ романъ изданъ отдѣльно Ѳ. Салаевымъ (М., двѣ части).

Сонъ, разсказъ («Новое Время», № 1 и 2).

Католическая легенда объ Юліанѣ Милостивомъ, перев. съ французскаго («Вѣстн. Евр.,» кн. 4).

Разсказъ отца Алексѣя («Вѣстн. Евр.,» кн. 5).

По поводу этого разсказа, сначала помѣщеннаго на французскомъ языкѣ въ изданіи: «La République des Lettres» подъ заглавіемъ «Le fils du pope», авторъ написалъ въ «Санктпетербургскія Вѣдомости» (№ 109) письмо, въ которомъ упрекалъ газету «Новое Время» за напечатаніе перевода, подъ названіемъ «Сынъ попа».

Иродіада, вторая легенда, перев. съ французскаго («Вѣстн. Евр.,» кн. 5).

Письмо по поводу смерти С. К. Брюловой («Вѣстн. Евр.», кн. 11).

1878 г. **Письмо въ редакцію газеты «Правда»** («Голосъ» № 55). Въ этомъ году вышло *первое* стереотипное изданіе «Записокъ охотника», напечатанное въ Лейпцигѣ.

1880 г. **Письмо къ редактору о клеветѣ иногороднаго**

обывателя — Болеслава Маркевича («Вѣстн. Европ.», кн. 2).

Пергамскія раскопки. письмо («Вѣстн. Евр.,» кн. 4).

Рѣчь при открытіи памятника Пушкину («Вѣстн. Евр.,» кн. 7). Въ этомъ году вышло *второе* стереотипное изданіе «Записокъ охотника» (Спб.) и *шестое* изданіе «Сочиненій И. С. Тургенева» (М., десять частей).

1881 г. **Отрывки изъ воспоминаній своихъ и чужихъ** («Порядокъ», № 1). Въ томъ же году эти «Отрывки изъ воспоминаній» вышли отдѣльно (Спб., вып. 1, 34 стр.).

Крокетъ въ Виндзорѣ, стихотвореніе («Слово», кн. 3).

Пѣснь торжествующей любви («Вѣстн. Евр.,» кн. 11). Въ этомъ году вышло *третье* стереотипное изданіе «Записокъ охотника» (Спб.).

1882 г. **Отчаянный**, изъ воспоминаній своихъ и чужихъ («Вѣстн. Евр.,» кн. 1).

Стихотворенія въ прозѣ («Вѣстн. Евр.,» кн. 12). Въ этомъ же году вышло *четвертое* стереотипное изданіе «Записокъ охотника» (Спб.).

1883 г. **Клара Миличъ**, повѣсть («Вѣстн. Евр.», кн. 1). Въ этомъ же году появились «*Разсказы для дѣтей* И. С. Тургенева», изданные вмѣстѣ съ разсказами гр. Л. Н. Толстаго (М.) и *пятое* стереотипное изданіе «Записокъ охотника» (Спб.) *).

---

*) Въ этомъ же году вышло посмертное изданіе сочиненій И. С. Тургенева (Изд. Глазунова, Спб.).

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

[1]) Телеграфъ принесъ извѣстіе, что въ понедѣльникъ, 22 августа (1883 г.) русская литература понесла невознаградимую потерю. Въ Буживалѣ, возлѣ Парижа, на 65 г. отъ роду, послѣ продолжительной тяжкой болѣзни, скончался извѣстнѣйшій русскій писатель Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Иванъ Сергѣевичъ родился 28 октября 1818 г. въ Орлѣ. Родъ Тургеневыхъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи, вышедшей изъ золотой орды. Многіе изъ членовъ фамиліи Тургенева служили воеводами въ XVII вѣкѣ. Изъ числа историческихъ лицъ его фамиліи особенно замѣчательны двое: Петръ Тургеневъ, обличавшій лже-Дмитрія и за это обличеніе казненный въ тотъ же день на лобномъ мѣстѣ въ Москвѣ, и Яковъ Тургеневъ, извѣстный шутъ Петра Великаго, которому въ новый 1700 годъ пришлось обрѣзывать ножницами бороды бояръ.

Отецъ Ивана Сергѣевича, Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, служилъ въ Елисаветградскомъ кирасирскомъ полку, квартировавшемъ тогда въ Орлѣ. Въ этомъ же городѣ онъ женился на Варварѣ Петровнѣ Лутовиновой. Сергѣй Николаевичъ вышелъ въ отстав-

---

[1]) Н. Г. «Русскій Курьеръ».

ку полковникомъ и скончался въ 1835 г., когда Ивану Сергѣевичу пошелъ 17 годъ. Мать Ивана Сергѣевича дожила до глубокой старости и скончалась на 70 году отъ роду въ 1850 году.

Иванъ Сергѣевичъ—средній изъ 3-хъ сыновей Сергѣя Николаевича. Въ раннемъ дѣтствѣ и въ юности, жизнь его подвергалась неоднократно большимъ опасностямъ. Когда въ 1820 г. все семейство Тургеневыхъ отправилось за границу и посѣтило между прочимъ Швейцарію, 4-хъ лѣтній Иванъ Сергѣевичъ, при осмотрѣ извѣстной Бернской медвѣжьей ямы, чуть было не упалъ туда,—отецъ едва успѣлъ вытащить его оттуда, во-время ухвативъ за ногу. Въ другой разъ, отправляясь за границу уже 20 лѣтнимъ юношей, Иванъ Сергѣевичъ чуть не погибъ во время пожара парохода «Николай I» близъ Травемунде.

Дѣтство свое И. С. Тургеневъ провелъ въ орловскомъ имѣніи своей матери, селѣ Спасскомъ, гдѣ росъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ. Первыми наставниками Тургенева были гувернеры французы и нѣмцы, что дало ему возможность выучиться въ дѣтствѣ иностраннымъ языкамъ. Что касается русскаго языка и литературы, то знакомство съ ними началось съ «Россіады», поэмы Хераскова, которую камердинеръ его матери читалъ ему украдкою, повторяя, по выраженію самого Ивана Сергѣевича, «каждый стихъ сперва начерно потомъ набѣло». По достиженіи 12-ти лѣтняго возраста Тургеневъ былъ отвезенъ въ Москву и помѣщенъ тамъ въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, откуда былъ вскорѣ взятъ и порученъ попеченію директора Лазаревскаго института Краузе, благодаря настойчивости котораго, Тургеневъ на 15 году выучился ан-

глійскому языку, а на 16-мъ вступилъ въ число студентовъ московскаго университета по словесному факультету. Смерть отца, послѣдовавшая 30-го октября того же года, принудила его оставить Москву и перейти въ петербургскій университетъ, въ которомъ онъ пробылъ еще два года; послѣ чего, въ 1837 году, былъ выпущенъ дѣйствительнымъ студентомъ, а черезъ годъ по выдержаніи надлежащаго экзамена удостоенъ степени кандидата. Затѣмъ въ томъ же 1838 г. Тургеневъ отправился въ Берлинъ для довершенія своего образованія въ тамошнемъ университетѣ. Здѣсь онъ прожилъ около двухъ лѣтъ и въ теченіе трехъ семестровъ прослушалъ лекціи профессоровъ: Вердера, Ранке, Ганса, Цумпта и Бока, именами которыхъ справедливо гордился тогдашній берлинскій университетъ.

«Около Пасхи 1843 года», писалъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «въ Петербургѣ произошло событіе, само по себѣ крайне незначительное и давнымъ-давно поглощенное общимъ забвеніемъ, а именно: появилась небольшая поэма нѣкоего Т. Л. подъ названіемъ «Параша». Этотъ Т. Л. былъ я; этой поэмой я вступилъ на литературное поприще». Поэма эта вызвала восторженный отзывъ Бѣлинскаго. Но послѣ перваго привѣтствія Тургеневу, Бѣлинскій охладѣлъ къ автору «Параша»; «не могъ же онъ поощрять меня», писалъ Тургеневъ, «въ сочиненіи тѣхъ стихотвореній и поэмъ, которымъ я тогда предавался. Впрочемъ, я скоро догадался самъ, что не предстояло никакой надобности продолжать подобныя упражненія,— и возымѣлъ твердое намѣреніе вовсе оставить литературу; только вслѣдствіе просьбы И. И. Панаева, не

имѣвшаго чѣмъ наполнить отдѣлъ смѣси въ 1-мъ нумерѣ «Современника», я оставилъ ему (уѣзжая въ концѣ 1846 г. изъ Петербурга) очеркъ, озаглавленный «Хорь и Калинычъ». (Слова «изъ записокъ охотника» были придуманы и прибавлены тѣмъ же И. И. Панаевымъ съ цѣлью расположить читателя къ снисхожденію). Успѣхъ этого очерка побудилъ меня написать другіе, и я возвратился къ литературѣ».

Имя Тургенева, впрочемъ, сдѣлалось извѣстнымъ публикѣ нѣсколько ранѣе появленія въ печати перваго очерка «Изъ записокъ охотника». Изъ первыхъ прозаическихъ произведеній Тургенева «Неосторожность» (драматическій очеркъ въ 1 дѣйствіи, напечатанный въ 10 книжкѣ «Отеч. Записокъ» за 1843 г.), «Андрей Колосовъ» (11-я книжка того же года), «Три портрета» (въ петербургскомъ сборникѣ 1846 г.) и «Бреттеръ» (въ 1 кн. «Отеч. Зап» за 1847 г.),—послѣднія двѣ повѣсти возбудили всеобщее любопытство и были прочитаны всѣми съ жадностью. Все заговорило о новыхъ произведеніяхъ неизвѣстнаго автора. Каждый захотѣлъ узнать имя писателя, скрывавшагося подъ двумя таинственными буквами Т. Л., означавшими: Тургеневъ-Лутовиновъ. Таинственный псевдонимъ не могъ долго оставаться неизвѣстнымъ: онъ былъ вскорѣ разоблаченъ и имя Тургенева стало дорогимъ для каждаго русскаго. Съ этого времени начинается тотъ громадный успѣхъ произведеній Тургенева, который сразу поставилъ его на первое мѣсто среди цѣлой плеяды нашихъ превосходныхъ беллетристовъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, которыми Россія можетъ заслуженно гордиться передъ цѣлой Европой. Съ появленія же разсказа «Хорь и

Калиныч», проникнутаго глубокой симпатіей къ крестьянскому быту, талантъ Тургенева принимаетъ, такъ сказать, новое направленіе: предметомъ своего повѣствованія онъ избралъ правдивое изображеніе крестьянскаго житья-бытья съ его нуждою, горемъ и рѣдкими радостями. За этимъ первымъ разсказомъ изъ «Записокъ охотника», пріятно поразившимъ читающую публику, послѣдовалъ цѣлый рядъ еще болѣе прелестныхъ разсказовъ, напечатанныхъ въ томъ же «Современникѣ» за 1847—1851 годы и встрѣченныхъ единодушными и восторженными похвалами критики и публики. Собранные въ одну книгу и изданные въ 1852 году, разсказы эти окончательно упрочили литературную извѣстность Тургенева и утвердили за нимъ мѣсто перваго русскаго беллетриста.

Въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ, слѣдовательно около того времени, когда талантъ Тургенева успѣлъ уже вполнѣ развиться и окрѣпнуть, а литературная извѣстность его упрочиться, ему пришлось, какъ и Пушкину, провести два года въ деревенскомъ уединеніи, которое, по его собственному сознанію, принесло ему свою долю пользы. Поводомъ къ удаленію въ деревню было «письмо о Гоголѣ», напечатанное въ 32 № «Московскихъ Вѣдомостей» за 1852 годъ. Эта коротенькая замѣтка, не заключавшая въ себѣ ничего противуцензурнаго, тѣмъ не менѣе была признана таковою и обрушила на голову Ивана Сергѣевича цѣлую кучу непріятностей. Онъ былъ арестованъ и подвергнутъ заключенію при полиціи, послѣ чего былъ высланъ на житье въ орловскую деревню, гдѣ и прожилъ безвыѣздно до конца 1854 года. «Но все къ лучшему», писалъ Иванъ Сергѣевичъ въ сво-

ихъ воспоминаніяхъ, «пребываніе подъ арестомъ и въ деревнѣ принесло мнѣ несомнѣнную пользу: оно сблизило меня съ такими сторонами русскаго быта, которыя при обыкновенномъ ходѣ вещей вѣроятно ускользнули бы отъ моего вниманія».

Дѣйствительно, двухлѣтнее пребываніе Тургенева въ деревнѣ придало еще болѣе зрѣлости и силы таланту Тургенева и было далеко не безплодно для русской литературы. Здѣсь была написана повѣсть «Два пріятеля», прелестный разсказъ «Муму», критическія статьи на книгу С. Т. Аксакова «Записки ружейнаго охотника» и «О стихотвореніяхъ Тютчева», повѣсть «Затишье» и начало комедіи «Мѣсяцъ въ деревнѣ». Тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ появляется въ 4-мъ № «Отечественныхъ Записокъ» за 1855 годъ повѣсть Тургенева «Яковъ Пасынковъ». Слѣдующія затѣмъ крупныя произведенія Тургенева: «Рудинъ» (1856), «Ася» (1858), «Дворянское гнѣздо» (1859), «Наканунѣ» (1860), «Первая любовь» (1860), и многія другія доставили ему въ короткій промежутокъ времени такое положеніе въ средѣ нашихъ писателей, какого не многимъ до него удавалось достичь. Но какъ ни громаденъ былъ успѣхъ, встрѣчавшій каждую изъ послѣднихъ повѣстей и романовъ Тургенева, успѣхъ, выпавшій на долю его новаго романа «Отцы и дѣти», появившагося въ февральской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1862 годъ, превзошелъ далеко все доселѣ совершившееся въ русскомъ литературномъ мірѣ. Какъ публика, такъ и критика раздѣлилась на два враждебные лагеря, слово *нигилистъ* было произнесено и получило право гражданства, каждый журналъ, каждая газета поспѣшила

заявить свое мнѣніе о новомъ произведеніи, сказать свое *новое слово*. Какъ ни были разнообразны эти отзывы о новомъ романѣ Тургенева, несомнѣннымъ являлось то, что Тургеневъ съ поразительной вѣрностью угадалъ «вѣянья новой эпохи», представилъ «новаго человѣка въ самый моментъ его появленія». Типъ этотъ не былъ понятъ и поднялъ страшную бурю противъ автора во всѣхъ самыхъ противоположныхъ литературныхъ лагеряхъ. «Я испытывалъ тогда впечатлѣнія, писалъ Тургеневъ, хотя разнородныя, но одинаково тягостныя. Я замѣчалъ холодность, доходившую до негодованія, во многихъ мнѣ близкихъ и симпатичныхъ людяхъ; я получалъ поздравленія, чуть не лобызанія, отъ людей противнаго мнѣ лагеря, отъ враговъ. Меня это конфузило, огорчало, но совѣсть не упрекала меня, я хорошо зналъ, что я честно отнесся къ выведенному мною типу». Хотя въ своемъ отвѣтѣ на критики по поводу «Отцовъ и дѣтей» Тургеневъ и замѣчалъ, что «точное и сильное воспроизведеніе истины, реальности жизни есть высочайшее счастіе для литератора, даже если эта истина не совпадетъ съ его собственными симпатіями»; однакоже, по замѣчанію г. П. Полеваго, впечатлѣніе, произведенное на общество «Отцами и дѣтьми», различныя болѣе или менѣе кривыя истолкованія этой повѣсти и все то, что такъ громко и многословно писалось и высказывалось въ обществѣ по поводу новаго типа (Базарова), созданнаго Тургеневымъ, подѣйствовало на него очень неблагопріятно и, какъ кажется, въ значительной степени способствовало поселенію Ивана Сергѣевича за границей.

Въ 1863 году Тургеневъ купилъ себѣ участокъ

земли въ Баденъ-Баденѣ, построилъ на немъ домъ и прожилъ тамъ до 1870 г. По окончаніи прусско-французской войны Тургеневъ покинулъ Баденъ-Баденъ. продалъ свое тамошнее владѣніе и временно основался въ Парижѣ. Всѣ послѣдующія за «Отцами и дѣтьми» произведенія Тургенева писаны были за границей. Долговременное пребываніе Тургенева за границей и его обширныя литературныя связи въ Германіи и Франціи много способствовали тому, чтобы имя его, какъ писателя, пріобрѣло въ большей части Европы такую же громкую и почетную извѣстность, какою оно пользуется въ Россіи. Сочиненія его почти всѣ переведены на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Можно съ увѣренностью сказать, что не одна Россія горько пожалѣетъ о кончинѣ знаменитаго писателя... Угасли великія силы...

При открытіи памятника Пушкину Тургеневъ былъ избранъ почетнымъ членомъ московскаго университета.

Во время своей заграничной жизни Тургеневъ, страстно любившій родину, ежегодно пріѣзжалъ въ Россію и восторженно встрѣчался всегда молодежью.

Передъ своей кончиной Иванъ Сергѣевичъ выражалъ желаніе быть похороненнымъ въ Петербургѣ, на Волковомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилою Бѣлинскаго, съ которымъ покойный Тургеневъ былъ связанъ узами дружбы въ послѣдніе годы жизни знаменитаго критика.

ОТЗЫВЫ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ О ТУРГЕНЕВѢ ПО ПОВОДУ ЕГО СМЕРТИ [1].

[2]) «Daily News», первая изъ иностранныхъ газетъ, которая откликнулась по поводу утраты, понесенной русскимъ обществомъ въ лицѣ Тургенева. «Смерть Тургенева, говоритъ она, потеря не для одной только Россіи, но и для всей Европы вообще. Онъ единственный русскій писатель, сочиненія котораго нашли себѣ массу читателей и за предѣлами его родины и, пожалуй, единственный русскій, обладавшій въ теченіе долгихъ годовъ обширнымъ кругомъ личныхъ друзей во Франціи, Англіи и Германіи, но преимущественно

---

[1]) Смерть Тургенева породила обширную скорбную литературу о немъ. Не говоря уже о русской печати, мѣсяца два со дня смерти Тургенева буквально не умолкавшей о немъ, иностранная печать также не могла остаться пассивною къ утратѣ образованнымъ міромъ этого великаго популярнѣйшаго художника. Къ сожалѣнію, размѣръ настоящей книги не позволяетъ намъ помѣстить здѣсь, хотя бы въ болѣе или менѣе законченныхъ выдержкахъ, иностранные критическіе этюды о произведеніяхъ Тургенева (напр., Юліана Шмидта, Георга Брандеса, Мельхіора де-Вогюэ и друг.). Ограничиваясь здѣсь небольшими отзывами иностранной печати о Тургеневѣ, мы можемъ указать на книгу: «Иностранная критика о Тургеневѣ», въ которой интересующіеся найдутъ подробный разборъ произведеній Тургенева лучшими представителями европейской мысли. Также рекомендуемъ вниманію читателей критическій очеркъ Поля Бурже («Русскій Курьеръ» 1884 г. съ № 182).

[2]) «Русскія Вѣдомости».

въ Парижѣ и Лондонѣ. Его пребываніе за границей до нѣкоторой степени повліяло на уничтоженіе многихъ изъ крайне невыгодныхъ для Россіи предубѣжденій, которыя питались противъ нея Европой. Ибо не могла же быть объятой безнадежнымъ мракомъ страна, которая произвела Тургенева. Помимо своего чисто литературнаго значенія, это былъ человѣкъ высокихъ достоинствъ. Крайне обходительный и вѣжливый, какъ и всѣ русскіе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ искренній, душевный и въ высшей степени простосердечный человѣкъ,—качества, которыми русскіе вообще не отличаются. Горячій цѣнитель чужихъ заслугъ, онъ былъ болѣе чѣмъ скроменъ относительно своихъ. Всѣмъ извѣстенъ фактъ, что когда лѣтъ 25 тому назадъ, впервые познакомившись съ Текереемъ, онъ долго пробесѣдовалъ съ нимъ, послѣдній, по уходѣ гостя, и не зналъ, что говорилъ съ однимъ изъ величайшихъ писателей». Въ заключеніе своего отзыва, газета указываетъ на тотъ фактъ, что Тургеневу вообще посчастливилось въ переводчикахъ. Во Франціи у него ихъ было не мало и въ томъ числѣ такіе выдающіеся писатели, какъ Проспeръ Меримэ и Луи Віардо. Первымъ его сочиненіемъ, появившимся во французскомъ переводѣ были, какъ извѣстно, «Записки охотника», изданныя въ 1858 г. подъ заглавіемъ: «Récits d'un chasseur». Положимъ, «Записки охотника» были еще раньше переведены на французскій языкъ, а именно въ 1852 г. Только переведены онѣ были подъ совершенно неподходящимъ заглавіемъ: «Memoires d'un seigneur russe», да и самый переводъ оказался крайне неудачнымъ. Англійскую публику впервые познакомилъ съ русскимъ писателемъ Рольстонъ,

извѣстный своими переводами басенъ Крылова и сочиненіемъ «Пѣсни русскаго народа»; затѣмъ Тургеневъ нашелъ среди англійскихъ литераторовъ втораго себѣ переводчика, въ лицѣ Антона Дилька, а теперь готовится къ изданію уже третій переводъ — Эвелина Джерролъда.

[1]) «Neues Wiener Tageblatt» слѣдующимъ образомъ высказывается о покойномъ поэтѣ: «Тургеневъ показываетъ намъ Россію въ ея умственномъ и нравственномъ заблужденіи, въ ея неспособности избрать себѣ твердый и ясный путь, его романы заканчиваются робкимъ вопросомъ, обращеннымъ къ будущему. Политическая атмосфера Россіи не прояснилась съ тѣхъ поръ; Тургеневъ также узналъ, что истина не всегда можетъ пробить себѣ путь. Но для русскаго народа составляетъ все-таки утѣшеніе, что онъ имѣлъ Тургенева, и что истина возвѣщалась на русскомъ языкѣ. Тургеневъ возбуждалъ удивленіе и поклоненіе. Въ другихъ странахъ заходятъ даже дальше, чѣмъ въ Россіи, въ искусствѣ скрывать истину; въ другихъ странахъ, вообще, не допускаютъ изображать вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ, и всякая свободная мысль, всякое свободное толкованіе событій клеймятся, какъ преступленіе. Люди совершенно отвыкаютъ отъ трезваго мышленія и находятъ удовольствіе только въ звучныхъ фразахъ, лишенныхъ всякой мысли. Если кто-нибудь дерзнетъ сказать правду, то тотчасъ же поднимаютъ шумъ, чтобъ пробудить общественное негодованіе противъ такой безпримѣрной дерзости. Созывались даже народныя собранія только для того,

---

[1]) «Новости».

чтобъ произнести приговоръ противъ истины и здраваго человѣческаго разсудка. Ивана Тургенева постигла, все-таки, лучшая участь; въ концѣ-концовъ ему простили, что его произведенія дышали правдой. Слѣдуетъ отмѣтить еще одно обстоятельство: Россія имѣла поэта и писателя, всегда прозрѣвавшаго правду. Въ германской литературѣ мы тщетно ищемъ романовъ, отличающихся независимостью мысли и свободою сужденія. Въ нѣмецкихъ романахъ писатель, вообще, является рабомъ публики или извѣстныхъ общественныхъ кружковъ. Въ нихъ предразсудкамъ поблажаютъ, истина прикрывается, происшествія изображаются въ искаженномъ свѣтѣ, заблужденія идеализируются. Поэтому не удивительно, если писатели, въ лучшемъ случаѣ, достигаютъ только литературнаго значенія, такъ какъ истинная жизнь недоступна ихъ вліянію. Сами писатели боятся соприкосновенія съ дѣйствительностью, и хотя ихъ вездѣ можно встрѣтить, однако, на пути къ истинѣ ихъ искать не приходится. Это только затрудняетъ политическую борьбу. Современный романъ на нѣмецкомъ языкѣ не оказываетъ никакой услуги истинѣ. Извиненіемъ, конечно, можетъ служить то, что газеты отвлекаютъ много силъ и что люди, посвящающіе себя беллетристикѣ, не расположены заниматься серьезно явленіями дѣйствительной жизни. Но, все-таки, произведеніе, высказывающее правду, остается необходимостью, если слово истины должно оказывать свое дѣйствіе. Иванъ Тургеневъ явилъ великій примѣръ, подражать которому было бы весьма полезно, въ интересахъ литературы, равно какъ и въ интересахъ соціальнаго и политическаго прогресса.

Въ пражской «Politik» Іосифъ Пенижекъ пишетъ о Тургеневѣ: «Чего мы давно боялись,—то случилось. Съ лаконической краткостью телеграфъ сообщаетъ изъ столицы на Сенѣ печальное извѣстіе, что скончался Несторъ русскихъ романистовъ, великій повѣствователь настоящаго; скончался онъ на чужой, но гостепріимной почвѣ, вдали отъ своего великаго отечества, которое онъ горячо любилъ; послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ страданій, онъ испустилъ послѣдній вздохъ вблизи Парижа, въ прелестной мѣстности Буживаль, которая ему была мила.

Не одна только Россія, литература которой причисляетъ сочиненія Тургенева къ своимъ самымъ драгоцѣннымъ сокровищамъ, и не одни только славяне, но вся Европа, весь цивилизованный міръ опечаленъ его смертью. Тургеневъ былъ не только патріотъ и великій писатель, онъ былъ высшимъ жрецомъ въ храмѣ человѣколюбія, ревностнымъ поборникомъ правды и свободы. На Шпрее его также любятъ, какъ и на Сенѣ, гдѣ онъ нашелъ свое второе отечество, и гдѣ его высоко цѣнятъ лучшіе писатели; на Темзѣ его любятъ такъ же, какъ и на Невѣ, гдѣ въ аристократическихъ кругахъ не рѣдко бывали имъ недовольны, но читали его сочиненія усерднѣе, нежели кого либо другаго. Если теперь Европа внимательнѣе относится къ русской литературѣ, нежели двадцать или тридцать лѣтъ назадъ, если теперь убѣдились, что новѣйшая литература «варварскаго» царства заслуживаетъ стать на ряду съ французской, этимъ обязаны, главнымъ образомъ, Тургеневу, который, такъ сказать, заставилъ Европу заняться Россіею и читать ея литературныя произведенія ранѣе, нежели критика

выскажетъ о нихъ сужденіе. Если теперь за границей читаютъ Пушкина, Лермонтова, Достоевскаго и Писемскаго, то это вслѣдствіе того, что сочиненія Тургенева проложили путь за границу его предшественникамъ и преемникамъ.

Тургеневъ пролагалъ путь не только за границей, но и въ области русской литературы. «Записки охотника» составляютъ въ русской литературѣ новую эпоху, которую Гоголь подготовилъ, а Тургеневъ открылъ. Стремленія современной общественной жизни ясно изобразить въ беллетристической формѣ, необходимость уравненія правъ, прогресса, свободы и просвѣщенія—задача нелёгкая, и только геній Тургенева могъ ее разрѣшить. Онъ былъ учителемъ, благодѣтелемъ и любимцемъ своей націи; онъ доводилъ до свѣдѣнія общества страданія крѣпостныхъ и возбуждалъ къ нимъ сочувствіе и сожалѣніе. Его воззванія къ человѣколюбію и справедливости не остались безъ отголоска; они достигли до царскаго трона и содѣйствовали упраздненію крѣпостнаго права.

Нынѣшнимъ годомъ должна исполниться сорокалѣтняя годовщина сорокалѣтней дѣятельности Тургенева, но онъ до нея не дожилъ.

[1]) Извѣстіе о смерти Тургенева произвело глубокое впечатлѣніе и въ Италіи. Даже небольшія газеты, издающіяся во второстепенныхъ итальянскихъ городахъ, посвятили Тургеневу нѣсколько теплыхъ словъ. Что же касается главныхъ органовъ итальянской печати, то, кромѣ подробнаго некролога, они помѣстили на своихъ столбцахъ прочувствованныя статьи о горестной

[1]) «Новое Время».

утратѣ, которую весь литературный міръ понесъ въ лицѣ великаго русскаго поэта. Особенно горячо отозвалась о Тургеневѣ римская газета «Fanfulla». «Тургеневъ, говоритъ, между прочимъ, «Fanfulla», былъ глубокимъ знатокомъ человѣческаго сердца и первостатейнымъ художникомъ (un artista di primo ordine). Онъ любилъ истину вѣчною, безпредѣльною любовью, его описанія природы всегда отличаются живостью, изяществомъ, проникаютъ до глубины сердца. Когда онъ описываетъ русскую деревню, то проливаетъ на нее какой-то меланхолическій, но въ то же время ласкающій свѣтъ». Весьма распространенная миланская газета «Secolo», издаваемая извѣстною книгопродавческою фирмою *Сонцоньо*, помѣстила на первомъ мѣстѣ портретъ Тургенева и воспоминанія о немъ одного изъ главныхъ ея сотрудниковъ. «Это было въ 1878 году въ Парижѣ, говоритъ сотрудникъ «Secolo». Въ залѣ улицы Cadet происходило засѣданіе международнаго литературнаго конгресса. Викторъ Гюго оставилъ залу, и мѣсто его занялъ старецъ высокаго роста, съ сѣдыми и лоснящимися, какъ серебро, волосами и длинною бородою. Черты лица его выражали какую-то особенную доброту. Это былъ Тургеневъ!» Перечисливъ, затѣмъ, заслуги Тургенева не только передъ Россіей, но и передъ всей Европой, авторъ восклицаетъ: «Русскіе правы, отдавая предпочтеніе этому писателю, ибо всѣ его сочиненія проникнуты лучезарнымъ свѣтомъ честной мысли!» Туринская «Gazetta Piemontese» выставляетъ на видъ вліяніе Тургенева на русское общество и говоритъ, что онъ не мало содѣйствовалъ развитію среди послѣдняго чувства самосознанія».

¹) Въ рущукской газетѣ «*Славянинъ*» напечатаны воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ болгарской переводчицы «Отцовъ и Дѣтей», г-жи Живковой, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляющія интересъ не для однихъ болгаръ, особенно же съ точки зрѣнія даннаго момента нашихъ отношеній къ Болгаріи.

Авторъ этой статьи съ чисто женской восторженностью набрасываетъ портретъ и характеристику незабвеннаго свѣточа мысли и слова, упоминаетъ о литературномъ вечерѣ 1878 года, на которомъ столь ярко и трогательно заявила интеллигентная русская женщина о своемъ отношеніи къ великому писателю родной земли, проводитъ довольно удачную параллель между Д. С. Миллемъ и И. С. Тургеневымъ, съ точки зрѣнія «женскаго вопроса», отдавая явное предпочтеніе послѣднему, говорившему образами и языкомъ, ясными и понятными множеству, массѣ, а не небольшой кучкѣ ученыхъ и публицистовъ и переходитъ затѣмъ къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ.

«И. С. Тургеневъ—продолжаетъ г. Живкова,—принималъ живѣйшее участіе въ судьбѣ болгаръ», какъ онъ самъ выражается въ письмѣ изъ Буживаля. Что онъ дѣйствительно интересовался ходомъ нашего возрожденія, въ этомъ я могла убѣдиться лишній разъ зимой 1879 года, когда мнѣ представился случай видѣться и бесѣдовать съ И. С. Онъ съ особеннымъ любопытствомъ распрашивалъ меня о нашихъ литературѣ и языкѣ, о нашемъ маститомъ поэтѣ Славейковѣ, о многихъ другихъ, извѣстныхъ ему молодыхъ интеллигентныхъ болгарахъ; между прочимъ, И. С. сообщилъ

¹) «Русскій Курьеръ».

мнѣ изложенное имъ впослѣдствіи въ новомъ изданіи, что Инсаровъ—не вымышленная личность: герой «Наканунѣ» никто иной, какъ одинъ изъ проживающихъ въ Москвѣ знакомыхъ И. С. болгаръ, вдобавокъ, вовсе неидеализированный. И. С. освѣдомился, много ли у насъ такихъ патріотовъ и, затѣмъ (указывая на конкретные случаи), замѣтилъ, что, къ сожалѣнію, многія недостойныя личности занимаютъ въ Болгаріи очень выгодныя мѣста, но что все это неизбѣжное зло въ молодыхъ, начинающихъ жить странахъ. Въ письмѣ ко мнѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: «я надѣюсь, что трудъ вашъ будетъ оцѣненъ вашими соотечественниками и послужитъ однимъ изъ звеньевъ той связи, которая должна установиться между Болгаріей и нами». *Нравственная* связь была дорога И. С. и онъ зналъ, что начатое оружіемъ должно быть завершено элементами культуры и общностью идеаловъ и стремленій».

Оцѣнкѣ значенія Тургенева посвящаетъ большую статью «Times». Первенствующій органъ англійской печати проводитъ параллель между Тургеневымъ и Фильдингомъ и много говоритъ о положеніи писателя, желающаго быть въ Россіи вполнѣ искреннимъ и независимымъ...

Морисъ Гильомэ, авторъ статьи о Тургеневѣ въ «Figaro», говоритъ по поводу его смерти:

«Иванъ Тургеневъ, романистъ только-что скончавшійся, былъ русскимъ по происхожденію, парижаниномъ de facto. Онъ долго жилъ среди насъ, въ Буживалѣ, на виллѣ г-жи Віардо, и былъ лицомъ, извѣстнымъ всему Парижу...

«Великъ, добръ и прекрасенъ»,—вотъ въ трехъ словахъ характеристика Тургенева.

Описавъ, затѣмъ, домъ И. С. и особенно рабочій кабинетъ его, Морисъ Гильомэ продолжаетъ:

«Обожая свою страну, онъ былъ всегда удивительнымъ энтузіастомъ и могучимъ истолкователемъ ея холодной природы, являвшейся украшеніемъ его произведеній; романистъ въ его лицѣ соединялся съ поэтомъ, и такъ удачно, что онъ понималъ вѣчную гармонію въ природѣ; для него не заключали въ себѣ ничего таинственнаго: шумъ вѣтра въ вѣткахъ, журчаніе ручейковъ, бѣгущихъ по камнямъ, пѣнье птицъ, крики животныхъ; онъ въ этомъ отношеніи подобенъ своему другу, Виктору Гюго...

«Живя во Франціи, онъ познакомился со всѣми ея литературными знаменитостями: Альфонсомъ Додэ, Гонкуромъ, Золя и т. д.».

Нельзя не привести при этомъ интересную статью Гюи-де-Мопассана. Молодой писатель заставляетъ насъ проникнуть въ одно изъ воскресеній въ квартиру автора «Саламбо». Раздается звонокъ, и Густавъ Флоберъ встаетъ изъ-за стола, и идетъ встрѣчать гостя. «Онъ испускаетъ крикъ радости, какъ только открылась дверь, подымаетъ руки, какъ большая птица распустила бы крылья, и падаетъ въ объятія друга старца, смѣющагося въ свою бѣлую бороду. У этого послѣдняго голова еще лучше и бѣлѣе, чѣмъ у тѣхъ святыхъ отцовъ, которыми украшаютъ церкви. Онъ еще выше ростомъ, и его голосъ мягкаго тэмбра, ласковый, почти робкій, какъ бы затрудняется надъ отысканіемъ слова. Это русскій и, притомъ, знаменитый русскій; это всѣми чтимый и могучій романистъ, это одинъ изъ величайшихъ писателей - наставниковъ всего свѣта—Иванъ Тургеневъ».

«3-го сентября,—говорить «Post»—скончался человѣкъ, признававшійся величайшимъ геніемъ поэзіи во всей европейской литературѣ, со времени смерти Гете. Мы займемся имъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ (руководящая статья), потому что его появленіе и его дѣйствія имѣютъ политическое значеніе, и оцѣнимъ его въ качествѣ художника лишь постольку, поскольку это послѣднее связано съ первымъ.

«Въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, были поэты, оставившіе Тургенева далеко позади себя въ области широкихъ художественныхъ формъ, въ сенсаціонности своихъ произведеній, въ возбужденіи соціальной и національной лихорадки и т. п. Тургеневъ обладалъ только даромъ разсказа и, притомъ, въ его самой маленькой формѣ, онъ остался новеллистомъ и бытописателемъ; но ни одинъ поэтъ своего времени не обладаетъ, подобно ему, нѣкоторыми изъ тѣхъ качествъ, которыя присущи лишь царственнымъ умамъ.

«Эти умы—не творцы эффектовъ, а лишь простые повѣствователи, и такъ какъ они слѣдуютъ всегда за истиной, то они и пользуются самыми скромными средствами. Всѣми этими качествами обладаетъ Тургеневъ и, благодаря имъ, онъ занимаетъ мѣсто среди идеалистовъ. Идеальны его средства представленія, идеаленъ его внутренній масштабъ, идеаленъ не міръ, который онъ описываетъ, но этотъ міръ управляется законами идеала, двигающими фигуры...

«Слѣдуетъ считать положительно психологическимъ чудомъ, что во время крайней незрѣлости и неустройства умственной и нравственной жизни, русскій народъ могъ обладать такимъ писателемъ, которому удалось замѣчательно вѣрно обрисовать тѣ патологическія

явленія, которыя жили въ немъ и вокругъ него; нѣтъ, Тургеневъ обладалъ силой и смѣлостью нарисовать объективно тотъ ужасный міръ, въ который онъ проникъ до мельчайшихъ его фибръ. Пусть даже руский народъ рано или поздно выйдетъ изъ этихъ условій здоровымъ и великимъ; для человѣчества эти творенія, независимо отъ своего художественнаго значенія, останутся драгоцѣннымъ намятникомъ того переходнаго періода, періода брожения, которое имѣло свои аналогіи, но еще никогда не вставало передъ человѣческимъ взоромъ въ такой обстановкѣ. Въ произведеніяхъ Тургенева этотъ періодъ отмѣченъ съ замѣчательной точностью и правдой—великаго ума...

«Историкъ литературы удивляется тому, что Шекспиръ имѣлъ такое разнообразное представленіе о глупости и о всякихъ человѣческихъ порокахъ. Такое же удивленіе возбуждаетъ и Тургеневъ...

Образованное человѣчество останется благодарнымъ писателю, который открылъ ему чуждый міръ и показалъ, что природа человѣка всегда и вездѣ одна и та же, хотя бы болѣзненныя явленія мѣнялись до неузнаваемости.

Въ «Temps» весьма симпатичную статью объ И. С. Тургеневѣ помѣстилъ Кларси: «Ужасный вихрь, какъ говоритъ магометанское пророчество, унесъ уже не одну высокую душу. Ив. Тургеневъ умеръ на 66-мъ году жизни. Я до сихъ поръ еще вижу этого человѣка, столь удивительно прекраснаго и сильнаго, съ его бородой, бѣлаго или, точнѣе, сѣроватаго цвѣта, хотя ему не было 48-ми лѣтъ, когда я видѣлся съ нимъ въ первый разъ. Это было въ Баденѣ, и нашъ другъ Депре, юмористъ въ «C'est la Vie», писавшій

о Тургеневѣ точно также, какъ писалъ о Лонгфелло и Диккенсѣ. Мы глубоко удивлялись автору «Отцы и Дѣти», который былъ извѣстенъ тогда во Франціи лишь очень немногимъ». Затѣмъ Кларси рисуетъ рядъ сценъ, дѣйствующимъ лицомъ которыхъ былъ Тургеневъ, и дѣлаетъ краткія выдержки изъ нѣкоторыхъ его романовъ и новеллъ.

«Трудно себѣ представить, насколько мучительны были тѣ страданія, говоритъ «Berliner Börsen Courier», которыя переносилъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль и отъ которыхъ скончался И. С. Тургеневъ. Его болѣзнь была совершенно особенной болѣзнью и искусство, и наука знаменитыхъ врачей спасовали передъ ней. Они не могли съ точностью опредѣлить ни мѣста страданій, ни ихъ характера. Они знали отдѣльныя болѣзненныя явленія, но они не знали ихъ причины или, можетъ быть, они скрывали ихъ и отъ паціента, и отъ всего міра. Конечно, если бы даже они и узнали ихъ, они не могли бы ихъ устранить, противъ той ужасной болѣзни, жертвой которой палъ геніальный русскій, — медицина пока безсильна. Вскрытіе тѣла Тургенева показало, что покойный страдалъ ракомъ спиннаго мозга. Но что должна означать эта болѣзнь? Мысль объ ужасныхъ страданіяхъ усопшаго еще болѣе увеличиваетъ скорбь объ утратѣ этого благороднаго человѣка, скорбь, которую она вызвала какъ на его родинѣ, такъ и у насъ въ Германіи, на этой и на той сторонѣ Атлантическаго океана... Сильно было впечатлѣніе, которое производили на читателей его произведенія, не менѣе сильное впечатлѣніе оставляла и его личность. «Великаномъ,—говоритъ Гюи де-Мопассанъ въ «Gaulois», — великаномъ съ серебряной

бородой, точно явленіемъ изъ какой-нибудь фантастической сказки — представлялся онъ людямъ, незнающимъ его... Длинные волнистые бѣлые волосы, густыя бѣлыя рѣсницы, густая бѣлая борода придавали его доброму спокойному лицу, съ нѣсколько рѣзкими чертами, своеобразный блескъ. Эта голова покоилась на высокомъ, широкомъ и полномъ туловищѣ, но особенно удивительно — этотъ колоссъ дѣлалъ жесты также робко и нерѣшительно, какъ ребенокъ. Онъ говорилъ тихимъ. мягкимъ голосомъ; по временамъ онъ затруднялся, точно отыскивая подходящее французское выраженіе для своей мысли, но онъ скоро находилъ его, и это затрудненіе придавало его рѣчи особую прелесть. Онъ превосходно умѣлъ разсказывать и придавать самымъ мелкимъ вещамъ особое значеніе и содержательность, но еще болѣе его блестящаго ума любили въ немъ его сердечную простоту. Этотъ человѣкъ, видѣвшій собственными глазами полміра, встрѣчавшійся въ теченіе своей жизни съ величайшими умами, выказывалъ нескрываемое удивленіе относительно такихъ вещей, которыя зналъ каждый парижскій школьникъ. Въ своемъ образѣ мыслей и дѣйствій Тургеневъ былъ простымъ, хорошимъ, прямымъ человѣкомъ, относился къ каждому откровенно и участливо и былъ вѣренъ своимъ друзьямъ. Не смотря на свои преклонныя лѣта, въ своихъ произведеніяхъ онъ держался передовыхъ взглядовъ».

Приведемъ полную статью Гюи де-Мопассана:

[1]) Великій романистъ русскій былъ однимъ изъ замѣчательныхъ писателей настоящаго столѣтія и въ

---

[1]) «Иностранная критика о Тургеневѣ».

то же время человѣкомъ честнѣйшимъ, прямымъ, искреннѣйшимъ во всемъ и экспансивнымъ. Простирая свою скромность даже до самоуничтоженія, онъ не желалъ, чтобъ печать говорила о немъ, и не разъ статьи, наполненныя похвалами, уязвляли его, какъ оскорбленія, ибо онъ не допускалъ, чтобъ писали что-нибудь иное, кромѣ произведеній литературныхъ. Даже критика литературныхъ произведеній казалась ему чистой болтовней и если какой-нибудь журналистъ, говоря по поводу какого-нибудь изъ его произведеній, сообщалъ подробности о немъ и его жизни, онъ испытывалъ чувство гнѣва, смѣшанное съ какой-то неловкостью, переходившею у него въ стыдливость. Теперь, когда отошелъ въ вѣчность этотъ великій человѣкъ, скажемъ вкратцѣ, кѣмъ онъ былъ. Въ первый разъ я встрѣтился съ Тургеневымъ у Густава Флобера. Отворилась дверь — явился гигантъ. Гигантъ съ серебряной головой, какъ гласилось бы въ сказкѣ фей. У него были длинные сѣдые волосы, густыя сѣдыя брови и большая сѣдая борода, настоящей бѣлизны серебра, отливающей блескомъ, сіяніемъ и окруженное этой бѣлизной доброе, спокойное лицо; съ чертами нѣсколько крупными онъ былъ. И у этого колосса были жесты дѣтскіе, боязливые и сдержанные. Онъ говорилъ очень тихо, голосъ былъ нѣсколько мягокъ. Иногда онъ испытывалъ нерѣшительность, подъискивая точное французское слово для выраженія своей мысли, но онъ всегда находилъ его съ удивительнымъ чутьемъ, и эта легкая нерѣшительность придавала его рѣчи особенную прелесть. Онъ умѣлъ разсказывать восхитительно, придавая малѣйшимъ фактамъ художественное значеніе и забавный колоритъ;

но онъ нравился ни столько силой своего ума, сколько своей простотой добродушной и всегда съ выраженіемъ какого-то удивленія. Да, онъ былъ невѣроятно наивенъ, этотъ геніальный романистъ, побывавшій во всей Европѣ; знавшій всѣхъ великихъ людей своего времени, перечитавшій все, что въ состояніи перечесть человѣческое существо, и говорившій на всѣхъ европейскихъ языкахъ, какъ на своемъ. И онъ удивлялся, поражался вещами, которыя казались простыми ученикамъ парижскихъ коллегій. Можно сказать, что обнаженная дѣйствительность его поражала, ибо умъ его не дивился ничему въ написанномъ, тогда какъ онъ возмущался малѣйшими житейскими явленіями. Быть можетъ, его инстинктивное крайнее прямодушіе и его широкое благодушіе задѣвались соприкосновеніемъ съ жестокостью, порочностью и двоедушіемъ человѣческой природы, тогда какъ, напротивъ, въ минуты его творчества, въ тиши кабинета, за письменнымъ столомъ, умъ его понималъ и проникалъ въ самыя темныя тайны жизни, точно онъ смотрѣлъ въ окно на улицу на происшествіе, въ которомъ самъ не принималъ участія. Его литературныя мнѣнія имѣли тѣмъ большее значеніе и цѣну, что онъ судилъ не съ исключительной и узкой точки зрѣнія, какъ всѣ мы, но отыскивалъ сравненія въ литературахъ всѣхъ народовъ, которыя зналъ основательно, расширяя такимъ образомъ область своихъ наблюденій, дѣлая сопоставленія между книгами, появившимися на двухъ концахъ свѣта, на различныхъ языкахъ. Не смотря на свой возрастъ и свою почти завершившуюся карьеру, онъ имѣлъ самые прогрессивные взгляды на литературу, отвергая устарѣлыхъ формъ романы съ комбинаці-

ями драматическими и учеными, требуя, чтобъ они воспроизводили «жизнь», ничего, кромѣ жизни, безъ интригъ и запутанныхъ приключеній. «Романъ», говоритъ Тургеневъ, «есть самая новѣйшая форма художественной литературы. Въ настоящее время, когда вкусъ очищается, надо отбросить всѣ низшія средства, упростить и возвысить это искусство жизни, которое должно быть исторіей жизни». Если ему говорили о бойкой продажѣ разныхъ книгъ плѣнительнаго жанра, Тургеневъ замѣчалъ: «людей зауряднаго ума гораздо больше, чѣмъ одаренныхъ тонкимъ умомъ. Все зависитъ отъ сорта интеллигенціи, къ какому вы обращаетесь. Книга, которая нравится массѣ, намъ весьма часто не нравится вовсе. И если она нравится и намъ, и массѣ, будьте увѣрены, что въ обоихъ случаяхъ мотивы совершенно различные». Во Франціи Тургеневъ былъ другомъ Густава Флобера, Эдмонда де-Гонкура, Виктора Гюго, Эмиля Зола и Альфонса Додэ. Онъ любилъ музыку и живопись, жилъ въ атмосферѣ искусства. Ни у кого не было такой открытой души, болѣе чуткой и доступной дружбѣ, ни у кого талантъ не былъ такъ увлекателенъ, никто не имѣлъ сердца болѣе безупречнаго и добраго».

Можно сказать безъ преувеличенія, что ни одинъ русскій писатель не пользовался такою извѣстностью въ польскомъ обществѣ, не пользовался такою симпатіею польской интеллигенціи, какъ покойный Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Эту извѣстность и симпатію покойный пріобрѣлъ себѣ независимо отъ своихъ произведеній сочувственнымъ, безпристрастнымъ отношеніемъ къ полякамъ, ихъ литературѣ и языку, которое онъ высказалъ между прочимъ въ своемъ письмѣ

къ Крашевскому во время юбилея послѣдняго. Не удивительно поэтому, что кончина Ивана Сергѣевича Тургенева вызвала неподдѣльную скорбь среди здѣшней польской интеллигенціи, что здѣшняя польская печать почтила память усопшаго рядомъ прочувствованныхъ некрологовъ, какіе едва ли приходились въ удѣлъ русскимъ писателямъ на страницахъ варшавскихъ газетъ. Примѣру здѣшнихъ ежедневныхъ газетъ, помѣстившихъ болѣе или менѣе подробныя біографіи, послѣдовали здѣшнія еженедѣльныя иллюстрированныя изданія, удѣляющія вообще очень мало мѣста явленіямъ русской жизни и помѣщающія весьма рѣдко портреты замѣчательныхъ русскихъ людей. Два лучшія здѣшнія иллюстрированныя еженедѣльныя изданія «Tygodnik Illustrowany» («Иллюстрированный Еженедѣльникъ» и «Klosy» («Колосья») помѣстили на видныхъ мѣстахъ портреты Ивана Сергѣевича съ подробными біографическими свѣдѣніями и критическою оцѣнкою его писательской дѣятельности. Въ первомъ изъ этихъ изданій, кромѣ некролога, помѣщено письмо Крашевскаго, въ которомъ онъ сообщаетъ подробности своего знакомства съ Тургеневымъ и посвящаетъ его памяти нѣсколько теплыхъ, прочувствованныхъ словъ...

Вотъ это письмо:

[1]) Нѣтъ уже среди насъ — пишетъ Крашевскій — этого великаго артиста, золотаго сердца, благороднаго и симпатичнаго человѣка. Тургеневъ скончался. Всѣ, знавшіе его лично или знавшіе его только по произведеніямъ, исполненнымъ оригинальности и величайшаго обаянія, почувствуютъ эту невознаградимую утрату!

[1]) «Иностранная критика о Тургеневѣ».

Только однажды въ жизни мы имѣли удовольствіе встрѣтиться съ нимъ въ Парижѣ. Это было.... въ году (увы, съ нѣкотораго времени память къ числамъ, относящимся къ моей жизни, рѣшительно мнѣ измѣняетъ), кажется въ 1860 году. Въ Парижѣ находился въ то время общій нашъ пріятель Антонъ Сова (Желиговскій) и его посредничеству обязанъ я знакомствомъ съ Тургеневымъ. Обрадовавшись такой счастливой случайности и желая продлить бесѣду, я уговорилъ Сову склонить Тургенева отобѣдать со мною въ «Taverne Anglaise», находившейся въ улицѣ Rivoli. Желиговскій обѣщалъ и увѣрилъ меня, что прибудетъ вмѣстѣ. Я уже предвкушалъ удовольствіе, какъ вдругъ наслѣдующій день утромъ ко мнѣ врывается Сова, не то испуганный, не то смущенный. «Я забылъ тебѣ сказать»—заговорилъ онъ, переступая порогъ, «что Тургеневъ un grand seigneur, обѣдъ долженъ быть весьма изысканъ и согласно всѣмъ требованіямъ и обычаямъ большаго свѣта».

Я улыбнулся этому опасенію Желиговскаго, чтобы польскій дворянинъ не скомпрометировалъ себя излишнею простотою и бережливостью передъ большимъ бариномъ, и успокоилъ его, что обѣдъ будетъ по всѣмъ правиламъ. Въ назначенный часъ прибыли оба. Я ихъ ожидалъ. Мы сѣли къ столу въ сумерки и проболтали до поздней ночи. Тургеневъ, не смотря на казавшуюся холодность и на то, что не отличался большою разговорчивостью, былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ собесѣдниковъ. Въ обхожденіи его, дѣйствительно, не проглядывалъ большой баринъ, но манеры его изобличали принадлежность къ самому лучшему обществу.

Уже тогда въ немъ былъ видѣнъ человѣкъ, который много пережилъ, нѣсколько поостылъ и изъ жизни вынесъ какое-то тоскливое разочарованіе.

На другой день послѣ проведеннаго въ «Taverne Anglaise» вечера, во время котораго мы много говорили о литературѣ и тогдашнихъ ея теченіяхъ, Тургеневъ принесъ мнѣ на память свою фотографію, сохраняемую мною, какъ дорогое воспоминаніе.

Много лѣтъ спустя, получилъ я отъ него, по поводу моего юбилея 1879 года, любезное письмо, глубоко меня тронувшее.

Превозносить произведенія Тургенева и ихъ значеніе въ литературѣ—трудъ излишній. Рѣдко кто изъ писателей можетъ похвалиться такимъ всеобщимъ признаніемъ. Впрочемъ, весьма немногіе, подобно ему, заслужили такую всеобщую дань дивною артистическою художественностью, своеобразіемъ и прелестью картинъ, въ которыхъ дѣйствительность и истина сочетаются съ фантазіею и идеализмомъ. Онъ былъ поэтомъ и артистомъ до мозга костей. Все, что онъ писалъ, имѣло свой собственный, рельефный, индивидуальный и не поддававшійся подражанію отпечатокъ. Самая маленькая вещица, вышедшая изъ-подъ пера его, не пускалась имъ въ свѣтъ безъ обработки, съ небрежностью. Все имъ написанное было вынянчено, строго обдуманно и облечено въ ту изящную форму, которая сообщала прелесть каждому его произведенію. Поразительный артистическій инстинктъ указывалъ ему прежде всего границы художественнаго творчества. Никто лучше его не постигалъ тайны покрытія тѣнью нѣкоторыхъ частей творенія, съ тѣмъ, чтобы остальныя предстали тѣмъ въ большемъ блескѣ. По-

чти всегда Тургеневъ представляется намъ черезчуръ сжатымъ, никогда растянутымъ. Это поэтъ и мастеръ формы, хотя въ немъ нѣтъ и малѣйшаго усилія или напряженія, а все, что онъ пишетъ, выливается, кажется, изъ-подъ его пера съ легкостью необычайною. Какъ точные снимки съ общества и вѣка, произведенія его единственныя въ своемъ родѣ. Истина проявляется въ нихъ всегда именнó тамъ, гдѣ она очерчивается наиболѣе рельефно! Будучи до нѣкоторой степени реалистомъ, Тургеневъ оставался вѣренъ природѣ, но свѣтъ, который онъ бросаетъ на своихъ героевъ, дѣлаетъ ихъ идеальными. Не теряя самообладанія, Тургеневъ никогда не переступалъ границъ, за которыми реализмъ становится отталкивающимъ. Въ его герояхъ всегда есть нѣчто, что ихъ возвышаетъ, облагораживаетъ, къ нимъ манитъ и дѣлаетъ ихъ интересными. Каждое изъ тургеневскихъ дѣйствующихъ лицъ имѣетъ свою собственную мысль, языкъ и свой родной оттѣнокъ. У него нѣтъ двухъ одинаковыхъ лицъ или ординарныхъ, или же просто вставленныхъ, чтобы занять пустое мѣсто.

Независимо отъ нѣкоторыхъ общихъ признаковъ, напоминающихъ въ немъ порою Эдгара Поэ, Бретгарта и даже фантазіи Гофмана—онъ остается всегда самимъ собою и вполнѣ оригинальнымъ. То, что въ немъ можно отыскать общаго съ другими, является просто знаменемъ вѣка.

Литература не только русская, но и европейская утрачиваетъ въ немъ несравненнаго новеллиста, или вѣрнѣе долженъ былъ бы я сказать—поэта и художника.

Во Франціи дружескія отношенія связывали его

прежде съ Флоберомъ, а впослѣдствіи съ корифеями реалистической школы. Въ германіи онъ былъ хорошо знакомъ съ Линдау и видѣлся съ нимъ каждый разъ, когда бывалъ въ Берлинѣ. Когда Тургеневъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ, Ожье читалъ ему свое новѣйшее произведеніе. Все прекрасное онъ умѣлъ оцѣнить, какова бы ни была школа и люди, ее представляющіе. Сужденія его были трезвы и здравы, и скорѣе снисходительны, нежели строги. Ему приписали созданіе слова—«нигилизмъ». Быть можетъ, онъ былъ первымъ крестнымъ отцомъ этого термина, но фактъ онъ засталъ уже совершившимся, и указалъ лишь на характерную черту, обнаруживающую его сущность. Какъ всѣ вообще дѣти переживаемаго вѣка, Тургеневъ страдалъ неизлѣчимою тоскою. Онъ чувствовалъ увлекающія теченія, не зная куда они приведутъ насъ. Скорбь о мірѣ, распадающемся въ развалинахъ, боролась въ немъ съ опасеніемъ, что должно было возникнуть на этихъ развалинахъ. Послѣдній день жизни не разрѣшилъ для него этой загадки.

Какъ человѣкъ, Тургеневъ, въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ его, оставляетъ неизгладимую печаль и память. Кроткій, добрый, крайне простой и естественный въ общеніи съ людьми, онъ самъ не придавалъ себѣ значенія и добровольно умалялъ свои заслуги—но будущность сдѣлаетъ его исполиномъ.

[1]) Вотъ что сказалъ, между прочимъ, Эдмонъ Абу передъ гробомъ Тургенева на Сѣверномъ вокзалѣ въ Парижѣ: «Иванъ Сергѣевичъ перестал страдать, но онъ не умеръ весь: его горячая, великодушная кровь

[1]) «Новости».

и теперь продолжаетъ циркулировать въ его чудныхъ твореніяхъ, — въ этихъ «книгахъ добра». Онѣ, эти книги, запечатлѣлись въ благодарной памяти цѣлаго народа прочнѣе и неизгладимѣе, чѣмъ надпись на какомъ-нибудь твердомъ металлѣ. И такъ, проводимъ этотъ прахъ безъ слезъ: оплакивать можно лишь то, что смертно, что исчезаетъ безъ слѣда. Тургеневъ— безсмертенъ и потому мы проводимъ его, какъ дорогаго друга, отправляющагося въ далекій послѣдній путь. Его незабвенный образъ останется въ нашемъ сердцѣ такимъ, какимъ мы видѣли его въ послѣдній разъ. Мы не забудемъ никогда эту старческую голову, окруженную ореоломъ генія, покоющуюся на могучихъ плечахъ, эти волосы и бороду, покрытые преждевременной сѣдиной, тихую прелесть его меланхолической улыбки, тонкую старческую красоту его выразительнаго лица. Мы не забудемъ, что ты, геніальный человѣкъ, провелъ среди насъ около 20-ти лѣтъ, почти цѣлую треть своей жизни. Ты сжился съ нами; наша жизнь, наша литература, наше искусство пришлись тебѣ по душѣ. Ты полюбилъ Францію, полюбилъ ее, также какъ и она любила тебя, полюбилъ ее такъ, какъ она хочетъ быть любима. Но эта любовь не заставила тебя измѣнить отчизнѣ, и ты всю жизнь былъ вѣренъ всей душей своей Россіи и благо тебѣ за то, потому что тотъ, кто не любитъ своего отечества, не любитъ его слѣпо и беззавѣтно, тотъ только на «половину человѣкъ!...» Рѣчь Абу продолжалась около часу. Онъ заключилъ ее словами: «Какой же памятникъ воздвигнетъ тебѣ благодарность твоихъ соотчичей? Великіе государственные люди страны, сосѣдней съ нами, знаютъ, какой монументъ ихъ

ожидаетъ по смерти. Надъ ихъ могилой воздвигнутъ величественныя статуи. которыя будутъ опираться на плечи скованныхъ плѣнниковъ, насильно влекомыхъ въ неволю. Для твоего памятника достаточно будетъ обрывка цѣпи, брошеннаго на мраморную плиту. Твое скромное и честное самолюбіе было бы удовлетворено такимъ мавзолеемъ. а этотъ символъ говорилъ бы громко о твоей славѣ. Иванъ Сергѣевичъ, ты насъ хорошо зналъ, понималъ и любилъ. Доведи же до конца твое благое дѣло. Повѣдай оплакивающимъ тебя согражданамъ, какъ мы любили тебя; скажи имъ, что мы очистились теперь въ горнилѣ тяжкихъ испытаній и стали лучше, что новая мудрость осѣнила насъ, что мы умѣемъ любить тѣхъ, кто насъ любитъ, что мы никогда не были неблагодарными и всегда готовы до послѣдней капли крови служить тѣмъ, кто оказалъ намъ какую-нибудь услугу».

Въ то же самое время, т.-е. 2-го октября (20-го сентября) 1883 года, когда съ Сѣверной станціи желѣзной дороги отправляли тѣло покойнаго И. С. Тургенева въ Петербургъ, Ренанъ сказалъ:

Мы не отпустимъ безъ прощальнаго слова этотъ гробъ, возвращающій отчизнѣ геніальнаго гостя, котораго мы знали и любили въ теченіе долгихъ лѣтъ. Тотъ, кто умѣетъ цѣнить произведенія ума, откроетъ вамъ тайну его чудныхъ твореній, очаровавшихъ наше поколѣніе. Тургеневъ былъ не только знаменитымъ писателемъ: онъ былъ и великимъ человѣкомъ. Я буду говорить лишь о его чудной душѣ, которая открылась мнѣ въ тихомъ уединеніи, гдѣ онъ жилъ между нами.

Тургеневу данъ былъ таинственнымъ предопредѣленіемъ, управляющимъ человѣческими призваніями,

высокій, благородный даръ: онъ былъ рожденъ, такъ сказать, отрѣшеннымъ отъ личныхъ вкусовъ. Душа его не была душой отдѣльной личности, болѣе или менѣе богато одаренной природой, то была, нѣкоторымъ образомъ, совѣсть цѣлаго народа. Прежде, чѣмъ родиться на свѣтъ, онъ уже жилъ въ продолженіе тысячелѣтій: безконечный рядъ поэтическихъ образовъ сосредоточивался въ глубинѣ его сердца. Ни одинъ человѣкъ не воплощалъ въ себѣ такъ полно цѣлой народности. Въ немъ жилъ цѣлый міръ и говорилъ его устами; цѣлыя поколѣнія предковъ, безмолвныя, затерянныя въ забвеніи вѣковъ, черезъ его посредство обрѣли жизнь и слово.

Молчаливый геній коллективныхъ массъ -- источникъ всего великаго. Но у массы нѣтъ голоса. Она умѣетъ лишь чувствовать и лепетать. Ей нуженъ выразитель, пророкъ, который говорилъ бы за нее. Кто будетъ этимъ пророкомъ? Кто выразитъ ея страданія, отрицаемыя тѣми, которымъ выгодно не видѣть этихъ тайныхъ стремленій, нарушающихъ блаженный оптимизмъ довольныхъ? Ихъ выразитъ великій человѣкъ, если онъ въ то же время человѣкъ геніальный и человѣкъ съ сердцемъ. Вотъ почему великій человѣкъ наименѣе свободный изъ людей. Онъ дѣлаетъ и говоритъ не то, что хочетъ. Его устами глаголетъ Богъ: десять вѣковъ страданій и надеждъ тяготѣютъ надъ нимъ и руководятъ имъ. Иной разъ съ нимъ случается то же, что съ библейскимъ пророкомъ: призванный проклинать, онъ благословляетъ, его языкъ повинуется духу свыше.

Честь и слава великой славянской расѣ, появленіе которой на авансценѣ исторіи — есть самый порази-

тельный феноменъ нашего вѣка; честь и слава ей, что она такъ рано нашла выразителя въ такомъ несравненномъ художникѣ. Никогда тайны народнаго сознанія, еще темнаго и полнаго противорѣчій, не были раскрыты съ такой удивительной проницательностью. Тургеневъ чувствовалъ и творилъ непосредственно и въ то же время сознавалъ себя; онъ былъ вмѣстѣ и народомъ, и избранникомъ народа. Онъ чувствителенъ, какъ женщина, и невозмутимъ, какъ анатомъ; чуждъ предразсудковъ, какъ философъ, и нѣженъ, какъ ребенокъ. Счастлива та народность, которая на первыхъ порахъ своей сознательной жизни могла быть представлена въ такихъ образахъ, въ одно и то же время наивныхъ и глубокомысленныхъ, реальныхъ и мистическихъ. Когда будущее покажетъ намъ мѣрку для оцѣнки того, что дастъ намъ этотъ удивительный славянскій геній, съ его пылкой вѣрой, съ его глубокимъ чутьемъ, съ его особыми воззрѣніями на жизнь и смерть, съ его потребностью мученичества, съ его жаждой идеала—тогда картины Тургенева будутъ безцѣнными документами, чѣмъ-то въ родѣ портрета геніальнаго человѣка въ его дѣтствѣ. Тургеневъ сознавалъ трудность этой роли—выразителя одной изъ великихъ семей человѣчества. Онъ чувствовалъ, что на немъ лежитъ отвѣтственность за много душъ, и, какъ честный человѣкъ, онъ взвѣшивалъ каждое свое слово, онъ дрожалъ за все, что говорилъ и чего не говорилъ.

Его миссія была вполнѣ умиротворяющей. Онъ былъ, какъ Богъ въ книгѣ Іова, «творящій миръ на высяхъ». То, что у другихъ производило разладъ, у него становилось основой гармоніи. Въ его широкой груди

примирялись противорѣчія: проклятія и ненависть обезоруживались волшебнымъ обаяніемъ его искусства.

Вотъ почему онъ — общая слава и гордость всѣхъ партій, между которыми господствуетъ рознь. Эта великая раса, разъединенная именно потому, что она такъ велика, находитъ въ немъ снова свое единство. Братья, враги, раздѣляемые столь различнымъ пониманіемъ идеала, придите всѣ къ его могилѣ! Вы всѣ имѣете право любить его, ибо онъ принадлежалъ всѣмъ, всѣхъ васъ онъ вмѣщалъ въ своемъ сердцѣ! Чудное преимущество генія! Отталкивающія стороны вещей не существуютъ для него. Въ немъ все примиряется: партіи самыя враждебныя сходятся, чтобы сообща восхвалять его и восхищаться имъ. Въ той области, куда онъ переноситъ насъ, слова, раздражительныя для обыденнаго міра, теряютъ свой ядъ. Геній совершаетъ въ одинъ день то, надъ чѣмъ работаютъ цѣлые вѣка. Онъ создаетъ атмосферу высшаго міра, гдѣ и тѣ, кто были противниками, къ концѣ концовъ находятъ, что они были лишь сотрудниками; онъ открываетъ эру великаго всепрощенія, гдѣ враждовавшіе между собою на аренѣ прогресса успокоиваются рядомъ, подавъ другъ другу руки.

И дѣйствительно, выше племени стоитъ человѣчество, или, если хотите, разумъ. Тургеневъ принадлежалъ одному племени по чувству и по творчеству: но онъ принадлежитъ всему человѣчеству силою высшей философіи, смотрящей яснымъ взоромъ на человѣческую жизнь и старающейся безъ предвзятой мысли познать дѣйствительность. Эта философія соединялась въ немъ съ кротостью, съ любовью къ жизни, съ состраданіемъ къ живымъ существамъ, въ особен-

ности къ жертвамъ несчастія. Онъ горячо любилъ это бѣдное человѣчество, часто слѣпое, конечно, но и такъ часто обманываемое своими вождями. Онъ сочувствовалъ его стремленію къ добру и къ истинѣ. Онъ не преслѣдовалъ его иллюзій, онъ не сѣтовалъ на его жалобы. Желѣзная политика, издѣвающаяся надъ страждущими, не была его политикой. Никакое разочарованіе не останавливало его. Подобно вселенной, онъ готовъ былъ тысячу разъ начинать снова неудавшееся дѣло: онъ зналъ, что справедливость можетъ ждать: въ концѣ концовъ всегда обратятся къ ней. Онъ по истинѣ обладалъ словомъ вѣчной жизни. словомъ мира, справедливости, любви и свободы.

Прости же, великій и дорогой другъ! Удалится отъ насъ лишь одинъ прахъ твой. Но то, что было въ тебѣ безсмертнаго, твой духовный образъ останется съ нами. Да будетъ гробъ твой для тѣхъ, кто придетъ цѣловать его, — залогомъ единенія въ одной и той же вѣрѣ въ свободный прогрессъ! И когда ты будешь покоиться въ твоемъ отечествѣ, пусть всѣ, кто придетъ поклониться твоей могилѣ, вспомнятъ съ симпатіей о той далекой землѣ, гдѣ ты находилъ столько сердецъ, умѣвшихъ понимать и любить тебя!

ПОХОРОНЫ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Прибытіе тѣла Ивана Сергѣевича въ Россію.

[1]) Тѣло И. С. Тургенева прибыло въ Вержболово 23-го сентября, въ пятницу, рано утромъ, и оставалось въ церкви до утра воскресенья. Въ воскресенье надобно было собираться въ путь, чтобы выѣхать утромъ въ понедѣльникъ и прибыть во вторникъ въ Петербургъ, а потому проводы тѣла изъ церкви въ траурный вагонъ, ставшій по близости на рельсахъ, назначены были предъ обѣднею. Населеніе Вержболова, безъ сомнѣнія, долго не забудетъ этого дня. Дождливая и холодная погода предъидущей ночи внезапно смѣнилась теплымъ и яркимъ солнечнымъ утромъ. Въ 8 час. 15 мин., по утру, отошелъ изъ Вержболова обычный пассажирскій поѣздъ въ Петербургъ; всѣ служащіе сдѣлались на время свободными, а потому въ 8½ часовъ назначены были послѣдняя панихида и прощаніе съ дорогимъ гостемъ нашего небольшаго пограничнаго посада. Затѣмъ явилась таможенная артель, одѣтая попраздничному, въ темнозеленыхъ кафтанахъ съ свѣтло-зеленымъ поясомъ; одни понесли вѣнки, которымъ былъ окруженъ ката-

---

[1]) «Новости».

факъ: за ними выступалъ псаломщикъ съ большимъ старшиннымъ крестомъ; настоятель церкви, съ кадиломъ въ рукахъ, шелъ впереди гроба, несомаго тою же артелью, и, наконецъ, за гробомъ попарно тянулись мѣстная публика и нѣкоторые изъ служащихъ въ таможнѣ и на станціи. Похоронный звонъ колоколовъ и голоса пѣвчихъ дополняли эту трогательную картину послѣднихъ проводовъ тѣла Тургенева въ сельской ей обстановкѣ.

Послѣ панихиды настоятель церкви обратился къ присутствовавшимъ съ теплымъ, задушевнымъ словомъ, которое было, въ дѣйствительности, первымъ русскимъ привѣтомъ усопшему на его родной землѣ. Постараемся передать, какъ можно ближе, содержаніе этого слова:

«О славныхъ мужахъ древности,—такъ началъ почтенный настоятель,—сказалъ Премудрый: «Тѣлеса ихъ въ мирѣ погребены быша, а имена ихъ живутъ въ родѣ: премудрость ихъ повѣдятъ людіе и похвалу ихъ исповѣсть Церковь». Предъ нами бренные останки великаго нашего соотечественника, прославившаго и себя и свою родину своими дивными твореніями; они стяжали ему вѣнецъ неувядаемой славы и поставили его, а вмѣстѣ съ нимъ и наше родное слово, на ряду съ величайшими современными писаніями и писателями не только у насъ въ Россіи, но и далеко за ея предѣлами. Кто изъ васъ, читая его дивныя творенія, не восхищался свѣжестью, легкостью, изяществомъ и, такъ сказать, благоуханіемъ его слова, а вмѣстѣ и его свѣтлою, незлобивою душею, его добрымъ, кроткимъ сердцемъ и вообще, его высокою, симпатичною личностью, которая вся отражалась въ его твореніяхъ?

Кому изъ васъ неизвѣстно также, съ какимъ лестнымъ для нашей національности сочувствіемъ отнеслись къ покойному всѣ лучшіе и просвѣщеннѣйшіе люди Запада, поставившіе Тургенева на ряду съ величайшими современными поэтами! Итакъ, слава Тургенева есть слава нашей родины, и потому она не можетъ быть чужда никому изъ насъ. Такіе люди не умираютъ въ памяти потомства: «имена ихъ живутъ въ родѣ, премудрость ихъ повѣдятъ людіе и похвалу ихъ исповѣсть церковь».

«Слава и честь всякому дѣлающему благое»—учитъ насъ св. вѣра;—слава и честь нашему незабвенному соотечественнику, за всю ту славу, за все то добро, какое онъ совершилъ для родной земли. А для васъ да будетъ величайшимъ утѣшеніемъ то, что вы на рубежѣ отечества сподобились встрѣтить и въ своемъ скромномъ, сельскомъ храмѣ молиться надъ прахомъ дорогого вамъ лица. Да воздастъ ему Господь Вседержитель вѣнецъ правды за всѣ добрыя его дѣла и да не помянетъ ему грѣховъ и слабостей, столь свойственныхъ каждому человѣческому естеству.

«Вѣчная память да будетъ тебѣ отъ всѣхъ насъ, твоихъ, скорбящихъ о тебѣ, соотчичей, доблестнѣйшій мужъ земли русской!».

Все воскресенье ушло на изготовленіе траурнаго вагона въ дорогу, а въ понедѣльникъ утромъ, какъ то было назначено, пассажирскій поѣздъ отошелъ, ожидаемый нетерпѣливо всѣми городами, лежащими на пути, какъ о томъ можно было судить по многочисленнымъ телеграммамъ, полученнымъ на станціи отвсюду, съ вопросомъ о времени проѣзда тѣла.

ПОРЯДОКЪ ШЕСТВІЯ НА ПОХОРОНАХЪ И. С. ТУРГЕНЕВА.

1. Крестьяне И. С. Тургенева.
2. С.-Петербургское ремесленное общество.
3. С.-Петербургское мѣщанское общество.
4. Общество распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи.
5. С.-Петербургская еврейская община.
6. Общество покровительства животныхъ.
7. Мастерская учебныхъ пособій.
8. С.-Петербургскіе типографы.
9. Вспомогательная касса наборщиковъ.
10. Книгопродавцы и издатели.
11. Книгопродавческая складчина.
12. С.-Петербургская врачебная община.
13. Общество охраненія народнаго здравія.
14. Женщины-врачи.
15. Общество русскихъ врачей.
16. Комитетъ грамотности.
17. Коммиссія народныхъ чтеній.
18. Коммиссія по техническому образованію.
19. Бакинское отдѣленіе техническаго общества.
20. Отъ русскихъ женщинъ-почитательницъ поэта.

21. Отъ Императорскаго общества поощренія художествъ.
22. Товарищество передвижныхъ художественныхъ выставокъ.
23. Академисты академіи художествъ.
24. Императорская академія художествъ.
25. Лѣсное общество.
26. Общество архитекторовъ.
27. Императорское вольное экономическое общество.
28. С.-Петербургское юридическое общество.
29. Земская учительская школа.
30. Отъ новгородской александровской земской учительской школы.
31. Учителя и учительницы начальныхъ городскихъ училищъ.
32. Учителя и ученики воздвиженскаго городскаго училища.
33. Преподаватели гатчинскаго института.
34. Бывшіе ученики с.-петербургскаго реформатскаго училища.
35. Реформатское церковное училище.
36. Училище церкви св. Анны.
37. Нѣмецкій историко-филологическій институтъ.
38. Драматическая школа с.-петербургскаго общества любителей сценическаго искусства.
39. Рисовальная школа барона Штиглица.
40. Рисовальная школа Императорскаго общества поощренія художествъ.
41. Петербургскій учительскій институтъ.
42. Отъ гимназіи Императорскаго человѣколюбиваго общества.
43. Новгородское реальное училище.

44. Студенты харьковскаго ветеринарнаго института.
45. 1-е с.-петербургское реальное училище.
46. 2-е с.-петербургское реальное училище.
47. Мужская гимназія Гуревича.
48. Рижская александровская гимназія.
49. Введенская гимназія.
50. Гимназія филологическаго института (Васильевскій островъ).
51. Счетоводные курсы.
52. Первая гимназія.
53. Вторая гимназія.
54. Третья гимназія.
55. Ларинская гимназія.
56. Пятая гимназія.
57. Шестая гимназія.
58. Седьмая гимназія.
59. Десятая гимназія.
60. Реальный лицей Стокальскаго.
61. Императорскій Александровскій лицей.
62. Императорское училище правовѣдѣнія.
63 Лѣсной институтъ.
64. Московская Петровская академія.
65. Отъ технологическаго института.
66. Студенты горнаго института.
67. Студенты института гражданскихъ инженеровъ.
68. Студенты института путей сообщенія императора Александра I.
69. Императорская военно-медицинская академія.
70. Совѣтъ дерптскаго университета.
71. Кіевскій университетъ св. Владиміра.
72. Совѣтъ кіевскаго университета св. Владиміра.

73. Студенты Императорскаго филологическаго института.
74. Студенты казанскаго университета.
75. Студенты новороссійскаго университета.
76. Студенты с.-петербургскаго университета.
77. Кіевская женская гимназія Ващенко-Захарченко.
78. Одесская женская гимназія.
79. Орловская женская гимназія.
80. Женская гимназія княгини Оболенской.
81. Женская гимназія г-жи Гедда.
82. Женская гимназія г-жи Стоюниной.
83. Маріинская женская гимназія.
84. Васильевская женская гимназія.
85. Литейная женская гимназія.
86. Александровская женская гимназія.
87. Петровская женская гимназія.
88. Екатерининская женская гимназія.
89. Рождественская женская гимназія.
90. Коломенская женская гимназія.
91. Высшіе женскіе курсы.
92. Слушательницы кіевскихъ женскихъ курсовъ.
93. Бестужевскіе курсы.
94. Педагогическіе женскіе курсы.
95. Женскіе врачебные курсы.
96. Женскіе врачебные курсы николаевскаго госпиталя.
97. Отъ жителей Стрѣльны.
98. Николаевское городское управленіе.
99. Отъ поляковъ.
100. Новгородское земство.
101. Петербургское уѣздное земство.
102. Новгородская земская губернская управа.

103. Славянское общество.
104. Отъ курсовъ музыки Рангофа.
105. Самарское музыкально-драматическое общество.
106. С.-петербургское общество камерной музыки.
107. Императорское русское музыкальное общество (московское отдѣленіе).
108. Московская консерваторія.
109. Императорское русское музыкальное общество (с.-петербургское отдѣленіе).
110. С.-петербургская консерваторія.
111. Харьковская оперная труппа.
112. Артисты Императорской нѣмецкой труппы.
113. Артисты Императорскаго французскаго театра.
114. Артисты русской оперы.
115. Артисты петербургскихъ Императорскихъ театровъ.
116. Артисты московскихъ Императорскихъ театровъ.
117. Эстонское литературное общество.
118. Пушкинскій кружокъ.
119. Общество любителей русской словестности.
120. Корреспонденты иностранныхъ нѣмецкихъ газетъ.
121. «Petersbourger Zeitung».
122. «Herold».
123. Journal de «St.-Petersbourg».
124. Сибирскія газеты.
125. «Край».
126. «Арцаганкъ».
127. «Мшакъ».
128. Кавказская печать: «Бакинскія Извѣстія», «Каспій», «Терекъ», «Кавказъ».
129. Одесскія газеты.

130. «Московскій Листокъ».
131. «Газета Гатцука».
132. «Другъ женщинъ».
133. «Юридическій Вѣстникъ».
134. «Русская Мысль».
135. «Народная Школа».
136. «Игрушечка».
137. «Здоровье».
138. «Осколки».
139. «Стрекоза».
140. «Петербургская Газета».
141. «Петербургскій Листокъ».
142. «Искусство».
143. «Портретная галлерея».
144. «Художественный Журналъ».
145. «Всемірная Иллюстрація».
146. «Иллюстрированный Міръ».
147. «Нива».
148. «Россія».
149. «Русскій Курьеръ».
150. «Русскія Вѣдомости».
151. «Восточное Обозрѣніе».
152. «Минута».
153. «Эхо».
154. «Сынъ Отечества».
155. «С.-Петербургскія Вѣдомости».
156. «Новости».
157. «Наблюдатель».
158. «Дѣло».
159. «Недѣля».
160. «Отечественныя Записки».
161. «Историческій Вѣстникъ».

162. «Новое Время».
163. Отъ города Баку.
164. Отъ восточныхъ сибиряковъ.
165. Отъ болгаръ.
166. Отъ Ташкента.
167. Отъ одесской городской думы.
168. Новгородская городская управа.
169. Отъ самарскаго городскаго общества.
170. Отъ г. Тифлиса.
171. Общество русскихъ драматическихъ писателей.
172. Общество пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.
173. Императорская академія наукъ.
174. Предводитель дворянства С.-Петербургской губерніи.
175. Московская городская дума.
176. С.-Петербургское городское управленіе *).

Участвовавшій въ процессіи похоронъ корреспондентъ «Русскаго Курьера» (К. С.) говоритъ: «Сегодня (27 сентября 1883 г.) состоялись похороны И. С. Тургенева. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что проводить знаменитаго русскаго писателя явилось до 400,000 человѣкъ, т.-е. несравненно болѣе, чѣмъ на проводы праха Ѳ. М. Достоевскаго. Согласно росписанію, я къ 9-ти часамъ явился на варшавскій вокзалъ, получилъ билетъ (№ 129-й) и затѣмъ сталъ дожидаться прибытія тѣла И. С. Тургенева. Ровно въ 25 минутъ одиннадцатаго раздался свистокъ и

*) Въ процессіи замѣтно было нѣсколько депутацій, не вошедшихъ въ этотъ списокъ.

поѣздъ подошелъ къ станціи, на которую, неизвѣстно въ силу какихъ соображеній, были допущены только распорядители и власти (къ слову сказать, на проводы праха нашего геніальнаго писателя явился и одинъ изъ иностранныхъ пословъ — посланникъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ). Въ одиннадцать часовъ кончилась литія, въ спеціально убранной по этому случаю залѣ вокзала, и процессія выстроилась въ должномъ порядкѣ. Въ это же время, незадолго до окончанія литіи, изъ вокзала были вынесены вѣнки, прибывшіе изъ-за границы или положенные по пути, часть ихъ присоединилась укрытымъ образомъ къ намъ, часть же была расположена на самомъ гробѣ: въ числѣ первыхъ не можемъ не упомянуть о вѣнкѣ, возложенномъ на гробъ Тургенева тотчасъ по его прибытіи на русскую границу отъ перваго встрѣтившагося по пути русскаго училища, именно Кибарскаго (по имени станціи) изъ живыхъ цвѣтовъ и затѣмъ о вѣнкѣ отъ «Русскихъ Вѣдомостей», возложенномъ въ Парижѣ: изъ вторыхъ хороши были вѣнки отъ русскихъ, проживающихъ въ Парижѣ, отъ русскихъ . . . . . (слова вытерты) проживающихъ въ Парижѣ и отъ Владиславлева. Затѣмъ процессія тронулась впередъ и растянулась на огромное пространство крайне красивой лентой. Путь, который намъ пришлось пройти, былъ страшно длиненъ и тѣмъ не менѣе въ какую улицу мы не вступали, мы встрѣчали массы народа по тротуарамъ и на мостовой съ обѣихъ сторонъ, массы народа на балконахъ, массы народа во всѣхъ окнахъ: часть этихъ зрителей, по проходѣ процессіи, расходилась по домамъ, часть присоединялась къ процессіи и от-

сюда получилось то неимовѣрное количество проможатыхъ. Не можемъ не отмѣтить весьма похвальнаго примѣра: директоръ 2-го реальнаго училища нашелъ возможнымъ освободить учениковъ отъ занятій на этотъ день и выстроить ихъ шеренгой по пути слѣдованія процессіи на Загородномъ проспектѣ, его примѣру послѣдовалъ петербургскій университетъ и нѣкоторыя другія высшія учебныя заведенія—лекцій въ нихъ не было. Процессія шла превосходно, торжественно, красиво вплоть до Разстанной улицы, гдѣ въ шествіе и его порядокъ вздумалось вмѣшаться г. Грессеру и произвести тѣмъ самымъ безпорядки. Дѣло въ томъ, что въ виду узкости улицы и тѣсноты помѣщенія на кладбищѣ, здѣсь предполагалось каждую депутацію ограничить лишь 6-ю лицами, но тутъ къ процессіи и къ депутаціямъ примѣшалось много постороннихъ лицъ и вслѣдствіе этого простые любопытные проходили въ видѣ депутатовъ, а истинные депутаты отстранялись; понятно, что отсюда возникли пререканія, кончившіяся, конечно, не въ пользу распорядителей... Но вотъ, наконецъ, мы и на Волковомъ кладбищѣ; снова мы выстроились шпалерами по обоимъ бокамъ кладбища и мимо насъ прослѣдовалъ катафалкъ въ шесть лошадей съ гробомъ И. С. Тургенева; съ одной стороны (лѣвой) шли гг. Краевскій и Стасюлевичъ, съ другой — г. Бекетовъ, Таганцевъ и Шамеро, придерживая кисти; наверху балдахина находился прелестный лавровый вѣнокъ присяжныхъ повѣренныхъ петербургскихъ (опять замѣтимъ въ скобкахъ, что неизвѣстно почему и московскимъ и петербургскимъ присяжнымъ повѣреннымъ было запрещено нести вѣнокъ); затѣмъ отъ казанской ду-

ховной академіи, студентовъ кіевскаго университета и вышеупомянутые заграничные вѣнки. Началась заупокойная служба въ церкви: она продолжалась недолго, потому что назначенная по росписанію рѣчь священника Соколова не состоялась; но вотъ гробъ вынесли изъ церкви почитатели таланта И. С. и поставили его на помостѣ надъ могилой, находящейся очень близко отъ церкви, даже рядомъ съ нею. Когда гробъ И. С. уже былъ опущенъ въ могилу, начались рѣчи. Лучшею рѣчью была рѣчь С. А. Муромцева, который въ крайне прочувствованныхъ выраженіяхъ очертилъ личность нашего почившаго генія. Приводимъ ее цѣликомъ:

«Въ ряду представителей русской мысли московскій университетъ отдаетъ послѣднюю дань праху великаго писателя родины. Съ гордостью вспоминаетъ онъ, что считалъ Ивана Сергѣевича въ числѣ своихъ учениковъ, что первыя стремленія Тургенева, остановленныя не по его волѣ, были направлены къ научной дѣятельности въ стѣнахъ роднаго университета. Еще съ большею гордостью вспоминаемъ мы, что въ этихъ самыхъ стѣнахъ великій писатель нашелъ нравственную поддержку тогда, когда онъ наиболѣе нуждался въ ней, и съ тѣхъ поръ московскій университетъ признавалъ для себя за особую честь считать Тургенева въ ряду своихъ почетныхъ членовъ. Великій представитель высочайшаго творчества въ области мысли — творчества художественнаго, Тургеневъ былъ дорогъ русской наукѣ. Но намъ, москвичамъ, онъ былъ дорогъ еще и потому, что въ творческой дѣятельности его сказывалась та самая живительная струя, которая, въ свое время, дала новую

силу наукѣ. Идеи гуманности и справедливости, которыя одушевляли людей каѳедры, Тургеневъ выражалъ съ несравненною силою и съ несравненнымъ вліяніемъ въ своихъ художественно-поэтическихъ произведеніяхъ. И эту сторону своей дѣятельности сознавалъ самъ Иванъ Сергѣевичъ, когда, отвѣчая на московскій привѣтъ, онъ, какъ всегда, скромный въ оцѣнкѣ своихъ заслугъ, приписывалъ сочувствіе къ нему, главнымъ образомъ, тому обстоятельству, что до послѣднихъ лѣтъ своей жизни онъ съумѣлъ остаться вѣренъ убѣжденіямъ своей молодости. Въ этомъ— источникъ благотворнаго вліянія Тургенева до послѣднихъ дней его, въ этомъ—залогъ того, что его вліянію послѣ смерти суждено рости и рости. Спасибо, глубокое, сердечное спасибо шлетъ великому ученику своему его alma mater,—спасибо и вѣчная память!»

Затѣмъ слѣдовало стихотвореніе А. Н. Плещеева. Въ заключеніе не можемъ не упомянуть, что въ теченіе хода процессіи мы замѣтили много новыхъ вѣнковъ, такъ, напримѣръ, былъ очень недурненькій вѣнокъ отъ ново-торжскаго земства, затѣмъ отъ дворянъ города Выборга и т. д. Только въ 5 часовъ разошлись мы всѣ страшно усталые съ кладбища.

[1]) Рѣчь, произнесенная ректоромъ Петербургскаго университета г. Бекетовымъ, на могилѣ Тургенева.

«Я приблизился къ этой дорогой могилѣ, говоритъ Бекетовъ, для того, чтобы сказать послѣднее «прости» отъ лица своихъ товарищей и всего нашего университетскаго юношества. Но, прощаясь съ успокоившимся поэтомъ, не могу говорить о немъ, какъ о по-

[1]) «Новости».

чившемъ на вѣки, ибо никогда еще не былъ онъ такъ могучъ, какъ теперь. Силы, какія онъ въ себѣ хранилъ, передавая ихъ по временамъ въ своихъ произведеніяхъ, не только не погибли, но развились еще съ большею энергіею, потрясая сильнѣе, чѣмъ когда-либо сердца всѣхъ способныхъ чувствовать и мыслить. У гроба Тургенева въ умѣ, постоянно занятомъ изученіемъ природы, невольно и съ особою яркостью возникаютъ великія представленія о вѣчности силъ и о преемственности жизни.

«Въ небесныхъ вышинахъ есть столь отдаленныя отъ насъ свѣтила, что свѣтъ, ими изливаемый, не смотря на едва вообразимую быстроту своего движенія, доходитъ до насъ только черезъ сотни тысячъ лѣтъ. Свѣтъ этихъ міровъ поражаетъ нашъ взоръ въ то время, когда они сами давно исчезли въ недосягаемыхъ наблюденію пространствахъ, а можетъ и вовсе перестали существовать. Тѣмъ не менѣе, мы не хотимъ считать тѣ свѣтила погибшими, ибо волны эѳира, поражающія наше зрѣніе, всколеблены ими. Матерія распалась, но силы, ее оживляющія, продолжаютъ дѣйствовать, потрясая эѳиръ въ безпредѣльныхъ и безвременныхъ пространствахъ.

«Воспринятый свѣтъ, въ свою очередь, не пропадаетъ, онъ только превращается въ новыя силы, переходящія опять въ другія,—такъ безъ конца.

«Такое физическое представленіе о безсмертіи. Не то ли являютъ намъ силы духовныя, которыя колеблютъ милліоны сердецъ долго и долго послѣ распаденія сдерживавшей ихъ матеріальной оболочки?

«Если бы даже имя нашего поэта перестало когда либо повторяться, то поэтическіе аккорды, внесенные

имъ въ психическую жизнь человѣчества, никогда не минуть: развиваясь, входя въ составъ болѣе сложныхъ симфоній, пропасть они не могутъ никогда. Таковы послѣдствія великаго закона силъ и въ немъ, наряду съ утѣшеніями, предлагаемыми намъ религіей, мыслящій человѣкъ можетъ искать утѣшенія, провожая въ послѣднее земное жилище останки великаго таланта.

«Отвлекаясь еще и еще отъ заботъ суетнаго свѣта, мы усматриваемъ приложеніе закона сохраненія силъ и въ величавомъ явленіи преемственной жизни, дающемъ намъ опять возможность схватываться за край ризы удаляющагося отъ насъ поэта.

Свѣтовая солнечная энергія, передаваясь матеріи, даетъ толчекъ органической жизни, на полѣ которой возникло и само человѣчество. Всѣ живыя творенія, Божіей волею, давшей первый импульсъ всемірному движенію, связаны между собою непрерывною цѣпью. Отъ зеленѣющаго растительнаго покрова, черезъ длинный рядъ движущихся и чувствующихъ организмовъ, солнечный огонь, все болѣе и болѣе концентрируясь и усложняясь, передается человѣчеству. Оно составляетъ послѣднее звено жизни, собравшее въ себѣ сумму энергіи всего прошедшаго бытія.

«Та же преемственность, то же постепенное пополненіе и совершенствованіе усматриваются и въ развитіи духа человѣчества. Священное пламя науки и искусства все ярче и ярче пылаетъ на землѣ, а собирателями и настоящими хранителями драгоцѣннаго наслѣдія являются избранники Божества, одаренные геніальнымъ умомъ и талантомъ. Однимъ изъ такихъ избранниковъ былъ и тотъ, котораго мы теперь и

оплакиваемъ. Ввѣренная ему частица божественнаго огня теперь освободилась отъ своихъ оковъ и вольными струями будетъ разливаться между людьми. Не мнѣ, естествоиспытателю, браться за характеристику дѣятельности Тургенева. Въ надгробныхъ рѣчахъ и заявленіяхъ печати всѣхъ просвѣщенныхъ странъ нашъ поэтъ оцѣненъ по достоинству.

«Прибавлю только одно. Если бы всѣ такъ чувствовали и мыслили, какъ чувствовалъ И. С. Тургеневъ то мирное теченіе нашихъ судебъ по пути къ прогрессу не было бы прерываемо ни на одинъ мигъ, ибо его произведенія отличаются спокойствіемъ, рѣдкою объективностью и здравомысліемъ въ оцѣнкѣ всякаго рода соціальныхъ явленій. Покойся въ мирѣ и пусть твоя кончина побудитъ насъ обратиться съ новою силой къ наукѣ, передъ которой ты такъ благоговѣлъ, къ искусству, которому ты служилъ съ такимъ самоотверженіемъ. Въ этомъ находимъ мы настоящее утѣшеніе въ скорби, причиненной твоею утратою».